Г. Н. ГЕХТМАН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

საქართველოს სსრ გეოგრაფიული საზოგადოება

პროფ. გ. გეხტმანი

გამოჩენილი გეოგრაფები და მოგზაურები

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა

თბილისი—1962

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ГРУЗИНСКОЙ ССР

Профессор Г. Н. Гехтман

ВЫДАЮЩИЕСЯ ГЕОГРАФЫ и ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

211804

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Тбилиси—1962

91 (092)
91(09)
Г453

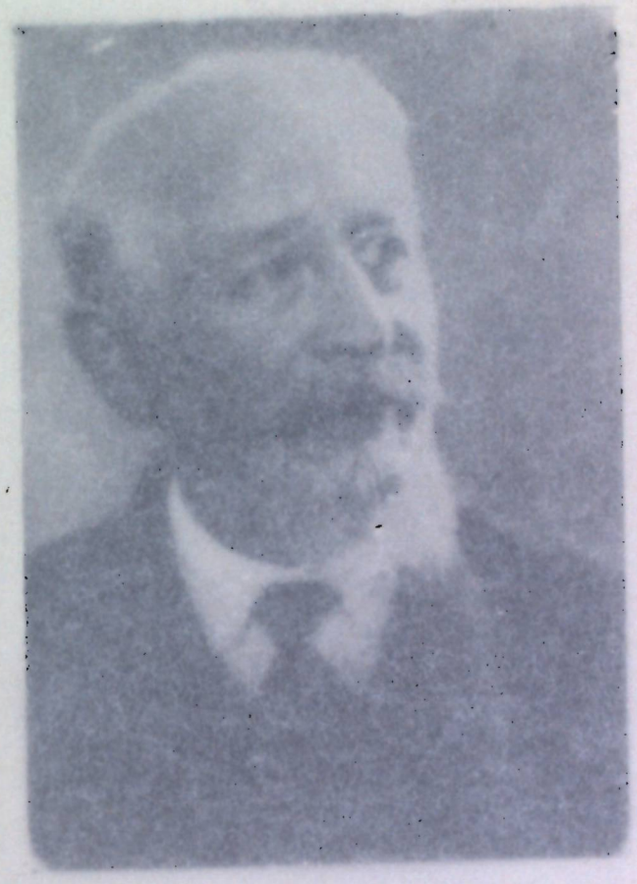
Работа проф. Г. Н. Гехтмана знакомит читателя с жизнью и деятельностью многих выдающихся отечественных и зарубежных географов и путешественников, внесших неоценимый вклад в историю развития географической науки.

Издание рассчитано на преподавателей и студентов исторических и географических факультетов высшей школы, а также на более широкий круг читателей.

Главный редактор: заслуженный деятель науки, академик АН Грузинской ССР, проф. *А. Н. Джавахишвили.*

Редакторы: Проф. *Т. Н. Атабегов*, доц. *Г. И. Зардалишвили* и доц. *Ш. Я. Кипиани.*

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР
21000



Г. Н. Гехтман.

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

[illegible]

Главный редактор: заслуженный деятель науки, академик АН Грузинской ССР, проф. А. Н. Джавахишвили.

Редакторы: Проф. Т. Н. Атабегов, [illegible] Г. Н. Зардалишвили и доц. Ш. Я. Кипиани.

Центральная научная
Центральная научная
Академии наук Киргизской ССР
11000

Г. Н. Гектманъ.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая монография «Выдающиеся географы и путешественники» является результатом многолетней и упорной работы одного из основателей Грузинского географического общества (ныне покойного) профессора Г. Н. Гехтмана.

Данный труд, который Г. Н. Гехтман закончил в основном в последние годы своей жизни (1955 — 1956 гг.), знакомит читателя с жизнью и деятельностью многих выдающихся географов и путешественников, внесших неоценимый вклад в историю развития географической науки. Одновременно следует отметить, что в труде отсутствуют имена некоторых выдающихся ученых географов и путешественников, что, по-видимому, объясняется скоропостижной кончиной автора.

Как видно из монографии, автор значительное место уделил как русским географам и путешественникам, так и другим географам и путешественникам народов Советского Союза. Относительно полно представлены географы и путешественники Грузии, Азербайджана и Армении, что по нашему мнению вполне естественно, т. к. проф. Г. Н. Гехтман проявлял вообще большой интерес к развитию географической мысли всех народов Закавказья.

Надо полагать, что этот труд проф. Гехтмана может быть использован студентами высших учебных заведений в качестве учебного пособия при прохождении курса истории географии, а равно может послужить настольной книгой для учителей по истории и географии.

Редакция обращает внимание читателей на то, что в труде проф. Г. Н. Гехтмана не освещена жизнь и деятельность самого автора. Это и понятно, т. к. Г. Н. Гехтмана характеризовала исключительная скромность, и писать о себе он считал неудобным.

В связи с этим редакция сочла целесообразным дать в виде приложения к данной монографии краткий очерк доц. Г. И. Зардалишвили о жизни и деятельности проф. Г. Н. Гехтмана.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель настоящего труда дать читателю сведения о некоторых выдающихся представителей географической науки и о замечательных героях путешественниках, совершавших географические открытия. Напоминания о таких людях, знакомство, хотя бы даже и самое краткое, с их работой, с их научными идеями и взглядами имеют большое значение для молодежи; такие напоминания создают, порой, те побудительные причины, которые привлекают ее к занятию наукой.

Выдающийся французский ученый Поль Ланжевен в 1926 г. в своем докладе «Образовательная роль истории наук», прочитанном в Педагогическом музее и опубликованном в «Rulletin de la Société Française de Pédagogie» (1926, № 22), отметил, что «ничто так не способствует общему развитию и формированию детского сознания, как знакомство с историей человеческих усилий в области науки, отраженной в жизнеописаниях великих ученых прошлого и в постепенной эволюции идей». Это справедливое указание акад. Ланжевена в еще большей степени применимо к молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, и в том числе к студентам — географам. Б самом деле, как известно, ничто так не расширяет географического кругозора, ничто так не развивает уменья мыслить географически, как изучение истории географии (географических открытий и истории познания Земли).

Для любознательного человека, следящего за развитием и достижениями географической науки, большой интерес представляют не только сама по себе история географических открытий и отыскиваний новых стран, не только обнаружение новых фактов и новых данных, но и определение и установление их значимости для итогов географической науки.

Необходимо и очень полезно чаще цитировать отрывки из трудов выдающихся географов и путешественников, тем более, что содержание сочинений многих из этих географов и путешественников отличается богатством материала, точностью наблюдений; изложение — логической стройностью и научностью, стиль — изяществом, язык — образностью (П. П. Семенов-Тян-Шанский, П. А. Кропоткин, М. Н. Пржевальский, Г. Н. Потанин, В. А. Обручев, Л. С. Берг, Ф. Нансен, Р. Амундсен и многие другие).

Рассматривая свою книгу, как один из опытов «Справочника», составитель хорошо сознает его недостатки (неполнота исторического и географического материалов, неравномерность и неравновеликость характеристик, некоторая фрагментарность изложения и т. д.), но ду-

мает, что, при всех своих недостатках и недочетах, эта книга будет не бесполезна для читателя.

Она ни в какой мере не претендует на исчерпывающую полноту — ни в смысле списка вошедших в него географов и путешественников, ни в смысле сообщаемых о них сведений.

Составитель настоящего труда особое внимание уделил ряду выдающихся русских путешественников и географов, обогативших русскую и мировую науку.

По справедливому замечанию акад. С. И. Вавилова, «... прошлое дает нам немало замечательных образцов вдохновенного научного исследования, смелого творческого дерзания».

В досоветский период в трудах по истории науки о русских географах и исследователях, а равно и о путешественниках и географах народов России, писали не часто, а если и писали, то, в большинстве случаев, либо в узкоспециальных журналах, либо в ведомственных изданиях, малодоступных для широкого круга читателей. В царской России больше писали и говорили о западноевропейских людях науки и искусства.

Этим, до некоторой степени, и объясняется тот факт, что о роли выдающихся русских ученых и ученых народов России в деле развития мировой и русской научной мысли знали, как за рубежом, так, равно, и в самой России. Советская наука отдает должное всем выдающимся прогрессивным деятелям прошлого и настоящего, которые, не щадя своих сил, делали и делают замечательные открытия и изобретения, и которые внесли ценный вклад в ту или иную область науки.

По справедливому замечанию выдающегося русского географа Д. Н. Анучина, необходимо «... по временам оглядываться на прошлое, отмечать последовательные успехи в фактическом знании, воспроизводить в памяти ход развития научной мысли. Это воспроизведение прошлого науки немыслимо без воспоминания об ее деятелях, о личностях, которым наука обязана существенным обогащением, которые прокладывали в ней новые пути, содействовали ее успехам, боролись за ее достоинство. Такое воспоминание о выдающихся деятелях прошлого в области знания не только полезно и поучительно, но оно для нас нравственно обязательно»[1].

Впервые наш труд был напечатан на грузинском языке в 1942 г. (в издании Географического общества Грузинской ССР). Настоящее русское издание отличается от грузинского как большей полнотой, так, равно, и большей обстоятельностью изложения и содержания.

Проф. Г. Н. ГЕХТМАН
1956 г.

[1] Из речи Д. И. Анучина на чествовании по поводу 150-летия открытия М. В. Ломоносовым первой химической лаборатории в России, напечатанной в „Ломоносовском сборнике".—Материалы для истории развития химии в России. Изд. химич. отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М., 1901.

А

Авалишвили (он же Авалисшвили) **Георгий Иванович** (1769 — 1850 гг.), грузинский деятель, писатель и путешественник; знал хорошо, кроме родного языка, также русский, армянский и азербайджанский языки. В 1784 г. грузинский царь Ираклий II назначил его в Петербург (Ленинград) на должность секретаря грузинского посольства. В первое свое путешествие в 1791 г. Авалишвили посетил иранский Азербайджан, а затем в 1819 — 1820 гг. он отправился во второе свое путешествие по следующему маршруту: Тбилиси — Западная Грузия — Крым — Константинополь — Александрия — Каир — Иерусалим — остров Кипр — Тарс — Кайсария — Эрзерум — Карс — Шулаверы — Тбилиси. В своем описании этого путешествия автор приводит интересные исторические справки и сведения об основании и происхождении некоторых посещенных им городов. Для петербургского музея Авалишвили привез из Египта мумию. Сочинение Авалишвили сохранилось в рукописи; оно еще не опубликовано; рукописный текст иллюстрирован рисунками и географической картой.

О Г. И. Авалишвили см.: 1) труд акад. К. Кекелидзе, «История грузинской литературы» (на грузин. яз.), т. II, Тб., 1941, стр. 634; 2) соч. доцента Т. Рухадзе, «Грузинский эпос в переходный период литературы» (на грузин. яз.), Тб., 1939, стр. 164 — 173; 3) труд проф. А. Цагарели «Сведения», II, стр. XXI — XXVIII; 4) труд проф. Л. М. Меликсет-Бека «Публикации письменных источников по истории Грузии. Каталог», 1 (на грузин. языке), Изд. Архивного управления МВД Грузинской ССР, Тб., 1949, стр. 182.

О путешествии Г. И. Авалишвили в страны Ближнего Востока и в частности в Египет (Мисир) говорится также в энциклопедического характера труде грузинского царевича Иоанна «Калмасоба или хождение по сбору» (см. рус. перевод этого сочинения с грузин., принадлежащий проф. В. Д. Дондуа, изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1945, стр. 193 — 195).

Ал-Балхия, географ (X в. н. э.; уроженец Балха, автор сочинения «Китаб-ал-месалик-ва-л-мемалик» («Книга путей и провинций»); он же составитель географического атласа под заглавием «Изображение поясов земли» («Сувар-ил-акалим»). Ал-Балхия вместе с Ал-Истахри (географом из Фарса) описал подробно Малую Азию, Армению, Арран, Азербайджан, Грузию (Тбилиси), Иран, Месопотамию (Джазир), Кабк (Кавказ), Дагестан (город Баб-ул-Абваб — теперь Дербент), Нахчеван (Нахжаван), Хазарию, Волгу и т. д.

Отрывки из сочинения Ал-Балхия и Ал-Истахри «Книга путей и провинций (царств)» с переводом их на русский язык помещены в изд.

быв. Кавк. Учебного Округа: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», (Тифлис), вып. 29, стр. 1—73; перевод и комментарии принадлежат Н. А. Караулову, см. также «Материалы по истории Туркмен» «Туркмении», т. I, М.-Л., 1939, изд. АН СССР, стр. 167—181.

Ал-Бируни (Беруни). (973—1048 гг.), выдающийся узбекский ученый, географ, естествоиспытатель, астроном, математик и историк, уроженец Хивы (Хорезма), большую часть жизни проведший в Индии; свои труды он писал на арабском языке. Новейший историк мировой науки Сартон считает его, «одним из величайших ученых ислама».

«Великий новатор Бируни, говорит проф. С. П. Толстов, по ряду решающих проблем науки шел на полтысячелетия — а то и много больше — впереди своего времени... Его поразительные по своей тонкости соображения о роли естественного отбора среди растений и животных до известной степени предвосхищали открытие Дарвина. Его учение об образовании Североиндийской и Туранской низменностей в общей форме предвосхитило теорию, разработанную Леонардо да Винчи на материале Ломбардской низменности, а в своей конкретности в применении к истории Турана перекликается с выводами нашей отечественной науки от Мушкетова до современных советских палеогеографов. Представления, сходные с его описаниями морей и континентов Старого света, в истории европейской картографии слагаются в XV—XVI вв. .... Мы не говорим о громадном объекте конкретных знаний и частных решений, внесенных Бируни в науку, о его данных относительно местоположения отдельных пунктов Земли, о его характеристике отдельных народов и стран, о его замечательной энциклопедии по истории календаря.., о его описаниях геологических месторождений, минералов и растений, о его вкладе в разработку методики астрономических наблюдений и об очень многом другом. В лице Бируни мы имеем одного из величайших ученых раннего средневековья» (Проф. С. П. Толстов, «Бируни и его время», статья в сборнике «Бируни», изд. АН СССР, М.-Л., 1950 г., стр. 27—28).

Акад. И. Ю. Крачковский в своей превосходной статье «Бируни и его роль в истории географии» отмечает, что великий узбекский ученый «был не столько географ, или, вернее, не только географ, а широкий энциклопедист, охвативший весь круг современных ему наук, в первую очередь математико-физических и почти в такой же мере естественно-исторических» (Сборник «Бируни», стр. 58).

Географическим вопросам посвящены некоторые разделы его астрономических сочинений; среди них особенной известностью пользовались: «Свод ал-Масуди» («Ал-Канун ал-Мас'уди) и «Определение крайних положений местностей для проверки расстояний поселений» («Тахдид нихаят ал-амакин ва тастих-масафат ал-массакин»). В последнем труде даются методы определения географических координат; кроме того, в этом же сочинении Ал-Бируни приводит интересные соображения по вопросу о геологических изменениях лика земли; так, напр., он сообщает, что «.... временами море перемещается (на место) суши, а суша (на место моря). Если это время было до появления людей в мире, то оно неизвестно, а если после этого, то не осталось в памяти, потому что известия исчезают, когда ... проходит долгое время ...».

Как указывает доц. А. М. Беленицкий в своей очень ценной статье «Картина мира по Бируни» (см. «Ученые записки Ленинградского университета им. А. А. Жданова», серия востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949, стр. 207) Ал-Бируни приводит ряд интересных для своего времени примеров и соображений относительно изменений, которые имеют место на земной поверхности; так, напр., он описывает горный обрыв, «в котором виден слой, состоящий из окатанных мелких камней, заключенный в «отвердевшем тесте» (цементе) из глины и песка». «Кто поразмыслит над этим, пишет Ал-Бируни, тот относительно его (образования) придет к такому выводу: гальки и гравий — это те камни, которые (когда-то) в результате распада и ударов откололись от гор; затем длительное время они подвергались воздействию водных потоков и ветров (причем) в результате трения исчезли острые грани и углы, и (каменные обломки) стали округлыми; наиболее мелкие частицы превратились в песок или пыль. Если же эти гальки собирались в руслах рек и заполняли их, то в (слой их) проникал песок или ил, и все это превращалось в единую массу («тесто»), погребенную под руслом протока».

У того же хорезмийского ученого есть ценные сведения о северных странах (в пределах европейской части СССР); так, об этих странах он сообщает: «... жители областей за его седьмого климата пределами малочисленны, и они как бы дикие. Наиболее отдаленной областью, где живет еще многочисленное население, является область Юра. Туда доходят из Ису в двенадцать дней, а до Ису от Булгар расстояние в двадцать дней. [Люди ходят туда], имея при себе волокушки [сани], на которых они тащат продовольствие по снежным равнинам. Тащат их сами [идущие], или собаки их. Другое [приспособление для движения] делается из кости. Они это привязывают к ногам, проходят длинные пространства в короткое время. Способ торговли народа Юры заключается в том, что они оставляют свои товары на границе [своей страны] и удаляются от них — по причине их дикости и страха [перед другими людьми]»...

У Бируни есть известия и о норманнах, варягах (вараджи); о них он сообщает след.: «... мы находим людей у моря, отходящего [загибающегося] от океана [«окружающее море» — Атлантический океан] на север к Сакалябам, и известного под названием море вараджей [варягов] по имени народа, живущего на его побережье. [Страна эта] прилегает к областям, покрытым снегом и скованным льдами. Здесь (в стране варягов) среди них [жителей] есть такие, которые отправляются летом в это море на охоту. Они проникают далеко в направлении к северному полюсу, к местам, где солнце до летнего солнцестояния [не заходя] вращается над землей и все время видно. И хвастают они между собой тем, что достигли мест, где нет ночи» (А. М. Беленицкий, назв. соч., стр. 209—210).

У Ал-Бируни есть интересные экскурсы и в область исторической геологии и исторической географии. «Опираясь на рассказы Аристотеля и Гомера о древнейших городах Египта (Фивах, Мемфисе), говорит доц. Беленицкий, Бируни делает вывод, что Египет когда-то был весь покрыт водой. Сперва стали освобождаться от воды районы, прилегающие к верхнему течению Нила, и соответственно эти районы и стали первыми заселяться. Здесь же приводятся сообщения об имевших место в разное время попытках прокопать канал от Красного моря к устью Нила. По его словам, работы велись при царях Сизистрате и Дарии, но они не были доведены до конца вследствие опасения, как бы в результате этого Нил не повернул в сторону Красного моря».... (А. М. Беленицкий,, назв. соч., стр. 208).

Ал-Бируни оставил замечательный труд об Индии — «Тахрир мали-л-Хинд мин макала макбула фи-л-акл -ау марзула» («Развитие принадлежащих индусам учений, приемлемых рассудком или отвергаемых»); по утверждению академика В. В. Бартольда, автор этого труда основательно знал санскритский язык и литературу.

Интересные сведения об Ал-Бируни см. в работе проф. И. Н. Райкова «Великие ученые Узбекистана (IX — XI вв.)», изд. Узбекского филиала Академии наук СССР, Ташкент, 1943; см. также ценный сборник «Бируни», Изд. АН СССР, М.-Л., 1950, в котором помещены статьи проф. С. П. Толстова, проф. В. Ю. Захидова, акад. И. Ю. Крачковского, Х. У. Садыкова, А. М. Беленицкого, проф. Г. Г. Лемлейна, равно труд англ. ученого D. H. T. Kimble «Geography in the middle ages»; London, 1938 (изд. Methuen); pp. 54, 56, 60, 61, 65, 67, 197, а также статьи А. А. Семенова «Бируни — выдающийся ученый средневековья»; Г. Джалалова «Бируни и астрономическая науках и Я. Гулямова «Бируни об исторической гидрографии низовьев Аму-Дарьи» в сборнике «Бируни — великий узбекский ученый средневековья», изд. Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1950. Краткие сведения о Бируни в труде Б. Г. Гафурова, «История таджикского народа в кратком изложении», т. 1; под ред. И. Брагинского, Госполитиздат, М., 1949, стр. 243 — 245.

Ал-Мас'уди Абу-л-Хасан, известный арабский путешественник и историк (X в. н. э.); родом из северной Аравии; посетил большую часть мусульманских стран; он побывал в Иране, Армении, Сев. Африке, Индии, Цейлоне, Китае, Палестине, Сирии, Греции, в странах, лежащих по берегам Каспия и в Египте, где и скончался в 956 г. Перу Ал-Мас'уди принадлежат три больших сочинения: 1) «Зеркало времени» («Мир'ат-уз-Земан»); 2) «Золотые луга и россыпи самоцветов» («Муруджу-ад-дахаб ва-Ма адин-ал-Джаугер») и 3) «Книга сообщений и знаний» («Китаб-ат-Танбих ва-л-Ишраф»); от первого сочинения сохранилось лишь несколько частей; второе дошло целиком, а третье сочинение сохранилось в двух плохих рукописях. Для географов и историков большой интерес представляет обширное сочинение «Золотые луга и россыпи самоцветов», в котором автор дает географическое и историческое описание посещенных им стран. Так, например, Ал-Мас'уди приводит ценные сведения о такой далекой стране, как Корея. «За Китаем, пишет он, со стороны моря нет известных царств или стран, которые были бы кем-либо описаны, за исключением страны ас-Сила и ее островов. Пришельцы из Ирака или других каких-либо стран, отправившиеся туда, редко возвращаются, ибо ее воздух целебен, вода мягка, почва плодородна и она изобилует естественными богатствами. Тамошний народ живет в дружбе с китайцами и их царями, которым посылает дары...». Мас'уди считал землю шарообразным телом, имел понятие об испарении вод, образовании дождя и вообще о циркуляции влаги (воды) в атмосфере; у него же есть указания на опыты над морской водой. Мас'уди отнесся критически к некоторым, географическим взглядом Птолемея и указал, что предположение последнего о соединении Африки с Азией не соответствует действительности. «Золотые луга и россыпи самоцветов» издано в Париже в 1861 — 1874 гг. в «Collection d'ouvrages orientaux, pnbliée par la Société asiatique»; 'Alî Jbn-al Husain al Mas'udi «Kitab, murûg ad—dahab wa-ma adin al gauhar»; текст с французским переводом B. de Meynard et P. de Courteille. v. I—XI. P.—Его же, «Kitab at-tanbih wa'l

-išraf» («Le livre de l'avertissment et de la revision). Trad. par B. Carra de Vaux. 1896.

Ал-Мукаддаси (скончался в 985 г.), один из виднейших арабских географов и путешественников, родился в Иерусалиме, посетил почти все страны ислама; его сочинение «Наилучшее распределение для познания стран» («Ахсан ат-такасим фи масрифат ал-акалим») состоит из двух частей; после введения методологического, терминологического и общегеографического характера, автор дает сначала общий обзор стран ислама, а затем уже переходит к описанию отдельных стран в следующем порядке: Аравия, Ирак, Акур (Месопотамия и арабская Малая Азия), Сирия, Египет, ал-Махраб (Запад); первая часть заканчивается описанием Аравийской пустыни; во второй части — ал-Мукаддаси описывает области Ирана, начиная с востока (ал-Машрик), в состав которого входили — Хорасан, Седжестан и Мавераннахр (бассейны Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи); затем, он приводит интересные сведения о Дейлеме (Гилане), ар-Рихабе (Азербайджан, Армения и Закавказье), Дибале (Мидия), Хузистане, Фарсе, Кермане и Синде. На всем протяжении его сочинения выдержана одна система изложения; сначала автор дает общий географический очерк той или иной страны или области (климат, почва и т. д.), затем он переходит к административному их делению, отмечает особенности и достопримечательности городов, говорит о занятиях населения, характеризует финансы страны и т. д. Все сведения, приводимые Мукаддаси, дают очень важный материал для исторической географии, экономики и культуры стран халифата.

При составлении своего труда он использовал все те основные приемы исследовательской работы, которыми и в настоящее время, обычно, пользуются географы, а именно 1) путешествия и личные наблюдения и изучение стран и народов, 2) опросы людей, от которых можно было получить сведения по интересующему путешественника вопросу, и, наконец, 3) камеральная работа (чтение сочинений других авторов, работа в книгохранилищах и т. д.). Мукаддаси, говорит К. А. Иностранцев, «не только основательно ознакомился с предшествовавшей географической литературой и всеми доступными ему письменными источниками, но восполнил свои познания путешествиями и личным посещением тех стран, которые он описывал» (К. А. Иностранцев, «Сасанидские этюды», СПБ, 1909, стр. 113). Мукаддаси в своем сочинении много внимания уделил характеристике нравов и обычаев населения посещенных им стран; так, напр., у него дано очень красочное описание обычаев жителей Дейлема (современного Гиляна, прикаспийской провинции Ирана), города Мерва (вблизи современного Байрам-Али) и др.

Сочинение Мукаддаси издано в III-м томе «Библиотеки арабских географов» под заглавием, Descriptio imperii moslemici auctore.... al-Mokadassi. (ed. M. I. de Goeje. 1877).

Ал-Я'куби (Ал-Йакуби), Ахмед (IX в. н. э.), известный арабский географ; молодость свою провел в Армении, затем жил в Хорасане и состоял на службе у Тахиридов. Ал-Я'куби совершил путешествие в Индию, затем поселился в Египте, откуда ездил в Западные страны; в Египте же он и умер в 897 г. Его географическое сочинение «Книга стран» («Китаб ал-булдан») сохранилась неполностью; до нас дошли описания Ирака, Ирана, Средней Азии и Афганистана. Части

же, посвященные Аравии, Индии, Китаю и Византии, утеряны. При описании областей халифата Ал-Я'куби дает путевые маршруты, указывая расстояния между городами, приводит суммы налоговых поступлений с областей, характеризует вкратце торговлю и промышленность каждой провинции.

Альбов Николай Михайлович (1866 — 1897 гг.), известный русский ботаник, фитогеограф и путешественник; по окончании гимназии в 1884 г., поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, а затем, после длительной болезни, поступил в Новороссийский (Одесский) университет, который окончил в 1890 г. со степенью кандидата естественных наук. В течение семи лет он совершал экскурсии по Кавказу и Закавказью, где изучал флору Абхазии, Мегрелии, Гурии, Имеретии и Аджарии; побывал он и в Лазистане (в Турции). В 1893 г. Альбов был командирован Новороссийским университетом в Женеву в Herbier Boissier для занятий по флоре Востока. Из Женевы он предпринимал экскурсии в различные части Швейцарии; посетил Альбов также Францию и Англию. Не сумев устроиться на постоянную работу в своем отечестве, природу которого он любил, Альбов уехал «искать счастья» в Новый Свет, в Аргентину. Уезжая он с грустью писал: «Мне не жаль покинуть Европу. Я не оставил здесь ничего дорогого. Мое дорогое в России. Прощай прошлое навсегда. С этого момента начинается для меня новая жизнь. Вернусь-ли я когда-нибудь в горы счастливой Абхазии, где чистые и прозрачные, как хрусталь, горные потоки шумно катят в море свои воды по диким ущельям, где азалея и каприфоль так благоухают весной?... Услышу ли я снова мелодический звон чонгури тихими и теплыми летними вечерами и веселое щебетанье чернооких дочерей Абхазии? А встречи в чаще первобытного леса с угрюмыми и важными фигурами в черкесках, с широкими кинжалами за поясом, с папахой, надвинутой на самые брови? Можно-ли забыть прошлое? — Нет». (Из заграничных писем Н. М. Альбова: «Из Западной Европы и Южной Америки», журн. «Землеведение», 1899, кн. I—II, стр. 50).

В Аргентине Альбов вскоре занял должность заведывающего ботаническим отделением музея города Ла-Платы, исследовал Огненную Землю, ездил в северные провинции Аргентины—Корриентос и Миссионес, а также в Парагвай. По возвращении из экспедиции, он принялся за обработку собранных материалов и написал капитальный труд о флоре Огненной Земли. Вскоре после этого Альбов скончался от переутомления и болезни и погребен на чужбине — на кладбище города Ла-Платы. Н. М. Альбов владел иностранными языками — французским, немецким, испанским и итальянским. В Аргентине он успел напечатать ряд своих трудов. Кроме вышеназванного большого сочинения о флоре Огненной Земли, Альбову принадлежит ряд монографий на русском и французском языках, из которых назовем лишь следующие: 1) «В заброшенных углах Кавказа»; 2) «Ботанико-географические исследования в зап. Закавказье в 1893 г.» (в «Записках Кавказского отдела Русского географического Общества», кн. XVI, 1894); 3) «Путешествие в Черноморских горах в 1894 г.» (в «Зап. Кавк. Отд. Русского геогр. общества», кн. XVIII, 1896); 4) «Природа Огненной Земли»; 5) «Заметки о флоре Огненной Земли»; 6) «Из заграничных писем Н. М. Альбова» (из Западной Европы и Южной Америки) и др. — Все труды Н. М. Альбова написаны живым и увлекательным языком.

О Альбове см. некролог Д. Д. Пагирева, «Н. М. Альбов» в «Известиях Кавк. Отд. Русского Географ. Общества», XIV, стр. 246 — 250, а также ст. Д. Н. Анучина, «Данные к биографии Н. М. Альбова», «Землеведение», 1898, кн. 3—4, стр. 170—174.

Америго Веспуччи (1451 — 1512 гг.), итальянский мореплаватель из Флоренции. В 1490 г. переехал в Испанию и поступил на службу к испанскому королю. Совершил четыре путешествия в Новый Свет (1497 — 1504 гг.), открытый в 1492 г. Христофором Колумбом. Наибольшее значение имеет третье путешествие (1501 — 1502 гг.) вдоль берегов Бразилии до 25° ю. ш., а оттуда к острову Южная Георгия (52° ю. ш.). Америго Веспуччи назвал описанные им страны «Новым Светом»; немецкий же географ Мартин Вальдземюллер (Waldzemüller), без ведома Веспуччи, в предисловии к латинскому изданию его книги о четырех плаваниях, вышедшей под заглавием: « Cosmographiae introductio cum quibusdam Geometriae ac Astronomiae principiis ad eam necesarriis. Insuper guatuor Americi Vespucii navigationes», 1507, — предложил назвать «Новый Свет» — Америго. По справедливому замечанию испанского историка Альтамира-и-Кревеа, «предложению этому посчастливилось, и со временем оно было принято окончательно, причем попраны были права, которые, бесспорно в большей степени, чем кому то ни было, принадлежали Колумбу».

Рафаэль Альтамира-и-Кревеа, «История Испании», т. 1, сокращен. перевод Е. А. Вадковской и О. М. Гармсен; под ред. С. Д. Сказкина и Я. М. Света, 1951 г.; изд. «Иностранной литературы», М., стр. 430. В 1510 г. в городе Кельне издана была карта под названием „Terra America", и вскоре после этого наименование Америка попадается на многих картах и глобусах для обозначения Южной Америки. На северные и южные части Нового Света название Америки было распространено впервые на карте Меркатора в 1541 г. Есть и другое мало, впрочем, обоснованное мнение, принадлежащее Жюлю Маркону, утверждавшему, что название Америки произошло будто бы от наименования горной цепи Сиера Америкуе, находящейся в республике Никарагуа к востоку от одноименного озера, где встречаются месторождения золота и где обитает индейское племя Америкуе. Сам Америго Веспуччи описанные им земли считал частью Азии.

О А. Веспуччи см. И. П. Магидович, «Очерки по истории географических открытий», т. 1, «Учпедгиз», М., 1949, стр. 175 — 182; БСЭ, 2-ое изд., т. II, стр. 223.

Амундсен Руаль (1872 — 1928 гг.), выдающийся норвежский полярный исследователь. Первое свое путешествие он совершил в 1903 — 1906 гг. вдоль северных берегов Сев. Америки, пройдя впервые на судне «Иоа»(„Ujoa") так называемым северо-западным проходом из Атлантического океана в Великий (проливом Беринга до Сан-Франциско). В 1911 — 1912 гг. Амундсен исследовал Антарктиду; в декабре 1911 г. он впервые достиг южного полюса пятью неделями ранее Роберта Скотта. Следует отметить, что в экспедиции Р. Амундсена к южному полюсу принимал участие русский моряк, океанограф А. С.

Кучин[1], который несколько позднее погиб вместе с В. А. Русановым на судне «Геркулес» во время плавания от архипелага Шпицбергена к Таймырскому полуострову. Свой первый поход в Антарктику Амундсен совершил в качестве простого матроса с бельгийской экспедицией под руководством Жерлаша на корабле «Бельжика» в 1897 г. В 1918 — 1919 гг. он предпринял путешествие вдоль северных берегов Европы и Азии, пройдя северо-восточным проходом на судне «Мод». В мае 1923 г. Амундсен с семью спутниками на аэроплане совершил полет со Шпицбергена к Северному полюсу. Пройдя в течение 8 часов расстояние 1000 км, экспедиция была вынуждена снизиться под 87°44' с. ш. и 10°20' з. д. В 1926 г. Амундсен принял участие в перелете через Северный полюс на дирижабле. В 1928 г. он погиб, вылетев на аэроплане «Латам» на поиски полярной экспедиции Нобиле.

У Амундсена в дневнике есть замечательное, как бы вещее для его судьбы, обращение к Арктике ..... Вот оно! «Сколько несчастий годами и годами несло ты человечеству, сколько лишений и страданий дарило ты ему, о, бесконечное белое пространство. Но зато ты узнало и тех, кто сумел поставить ногу на твою непокорную шею, кто сумел силой бросить тебя на колени. Но что сделало ты со многими гордыми судами, которые держали путь прямо в твое сердце и не вернулись больше домой? Что сделало ты с отважными смельчаками, которые попали в твои ледяные объятия и больше не вырывались из них? Куда ты их девало? Никаких следов, никаких знаков, никакой памяти — только одна бескрайняя белая пустыня!».

И действительно! Арктика и до сегодня ревниво хранит тайну гибели великого покорителя северных и южных полярных пространств...

Прекрасно охарактеризовал героические деяния Р. Амундсена проф. В. Ю. Визе. Вот что он пишет: «Велики дела, совершенные Амундсеном. Он первый прошел Северо-западным проходом. Он является пока единственным кругосветным полярным мореплавателем, обогнувшим все берега Северного Ледовитого океана. Он совершил кругосветное плавание и в антарктических водах. Он первый вступил на Южный полюс. Он первый применил самолет и дирижабль для проникновения в центральную Арктику. Он первый пролетел на дирижабле над Северным полюсом и пересек Ледовитый океан от берегов Европы до Аляски. Поистине чудесная жизнь» (см. предисловие проф. В. Ю. Визе к переводу сочин. Роальда Амундсена «Южный полюс», изд. «Молодая Гвардия», 1937, стр. 14).

Из сочинений Р. Амундсена назовем след.: 1) «К северному магнитному полюсу и через северо-западный проход» (есть рус. перевод 1908 г.); 2) «Завоевание южного полюса. Норвежская экспедиция на «Фраме» 1910 — 1912 гг.» (есть рус. перевод 1924 г.); 3) «По воздуху до 88° северной широты» (есть рус. авториз. перев. 1926 г.); 4) «На корабле «Мод». Экспедиция вдоль северного побережья Азии» (есть сокращ. рус. перевод 1929 г.); 5) «Моя жизнь» (есть рус. перев. 1930 г.). На рус. языке имеется также ряд сочинений Р. Амундсена в изд. «Главсевморпуть».

О жизни и деятельности Р. Амундсена см. ст. Ю. М. Шокальского «Роальд Амундсен» (1872 — 1928 гг.) в «Известиях Госуд. русского географического общества», т. 61, ч. ч. I — II, 1929, стр. 335 — 403; а также труд Александра Яковлева «Руал Амундсен», изд. «Молодая Гвардия», 1948, соч. А. Ф. Лактионова, «Северный полюс — очерк истории путешествий к центру Арктики», изд. Главсевморпути, М.-Л., 1949, стр. 186 — 209; труд Дж. Бейкера, «История географических открытий и исследований», перев. с англ. под ред. и с предисловием И. П. Магидовича, 1950 г. Изд. Иностр. литературы, М., стр. 551 — 553; БСЭ, 2-ое изд., т. II, стр. 306 — 307; Е. И. Вязов, Руал Амундсен, Географгиз, М., 1955.

Анаксимандр (610—546 гг. до н. э.), уроженец города Милета, натурфилософ, географ и картограф античной Греции; первый начертил карту земли и изготовил модель небесной сферы, ввел в Греции солнечные часы. Особенностью карты Анаксимандра является представление о морском бассейне, окруженном сушею, которая, в свою очередь, опоясана внешним водным кольцом. В его космогонии (учении об образовании вселенной) имеются элементы диалектики (вечное движение материи). Землю Анаксимандр представлял в форме цилиндра окруженного небесной сферой. Сообщение Диогена Лаэрция (II, 1) будто Анаксимандр считал землю шарообразной не заслуживает доверия. С. Я. Лурье, «Очерки по истории античной науки», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1947, стр. 39 — 42; БСЭ, 2-ое изд., т. II, стр. 324 — 325; Маковельский, А. Досократики, ч. 1, Казань, 1914, стр. 25 — 27.

Анания Ширакский (Ширакаци или Ширакаванци) — выдающийся армянский ученый математик, космограф и географ VII ст. н. э.; ему принадлежит двенадцать трактатов космографо-космологического содержания: о небе, о суше, о море, о движении неба и суши, о млечном пути, о северной полярной звезде, о луне, о солнце, о видах животных, об облаках и т. д. Анания Ширакский является автором «Географии», которую некоторые армянские ученые прежде приписывали Моисею Хоренскому. В этом труде Анания Ширакский, кроме общих географических сведений о семи климатах или семи областях, на которые можно разделить земной шар, дает в 3-й части описание европейских стран, в 4-й — автор характеризует Африку (Мавританию, Киренайку, Ливию и др.); в 5-й части, посвященной Азии, дается описание стран Ближнего Востока, Армении, Цейлона (Тапробании), Индии, Китая и др. В этой части заслуживает особенного внимания описание Кавказа и в частности — Колхиды (Зап. Грузии), Иверии (Восточн. Грузии), Албании (современного Советского Азербайджана) и Армении. Об Албании, напр., автор сообщает следующее: «Албания, т. е. Ауганк, к востоку от Иверии, смежна с Сарматией у Кавказа и простирается от Каспийского моря до пределов армянских на р. Куре. Она заключает в себе плодоносные поля, города, крепости, села, множество рек и сильные тростники». Сравнительно подробно Анания Ширакский описывает пятнадцать провинций тогдашней Армении, указывает их границы, называет районы (гавары), характеризует флору, фауну, полезные ископаемые.

См. проф. Л. М. Меликсет-бек, «История древне-армянской литературы» (на грузинском языке); Тб., 1941, стр. 69, изд. Тбилис-

[1] Александр Степанович Кучин — сын помора, штурмана торгового судна, в 1909 г. окончил Архангельское торгово-мореходное училище; побывал в норвежском городе Бергене, где работал на биологической станции под руководством Фритьофа Нансена. В 1910—1911 гг. участвовал в антарктической экспедиции на „Фраме" под начальством Р. Амундсена. После Беллинсгаузена и Лазарева Кучин был первый русский, плававший в водах Антарктики. По возвращении из Антарктики А. С. Кучин участвовал в русской полярной экспедиции В. А. Русанова, которая погибла во льдах Арктики.

211000
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

ского государственного университета; см. также Манук Абегян, «История древнеармянской литературы», т. 1, изд. Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1948, стр. 314 — 326; проф. Л. М. Меликсет-бек, «Публикации письменных источников по истории Грузии», изд. Архив. Управл. МВД Грузинской ССР, Тб., 1949, стр. 232 — 234 (на груз. яз.); Академик Я. А. Манандян в своей статье «Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому» (см. «Византийский временник», изд. Институтом истории АН СССР, т. 1 (XXVI), М., 1947, стр. 127 — 143), доказывает, что «составителем этого компилятивного произведения («Армянской географии» — Г. Н. Г.), был по-видимому, не математик и космограф VII в. Анания Ширакаци, а сам «отец армянской истории» Моисей Хоренский» (стр. 143). По мнению Я. А. Манандяна, «Армянская география» могла появиться в Армении в IX в. (стр. 134). См. также труд Н. Пигулевской, «Византия на путях в Индию», Изд. АН СССР, М.-Л., 1951, стр. 157 — 161.

Андрэ Соломон (1854 — 1897 гг.), шведский инженер-электрик и полярный путешественник; родился в городе Гренне в Швеции; увлекался воздухоплаванием и решил на воздушном шаре достичь северного полюса. Андрэ впервые побывал в Арктике в качестве участника шведской экспедиции 1882 г. Принимал он деятельное участие в работах Первого Международного Полярного Года и зимовал на Шпицбергене. В течение многих лет Андрэ разрабатывал подробный проект полета на полюс. Он считал, что лучшей базой для организации полета будет Шпицберген, откуда полюс отстоит на 1.100 км. В июле 1897 г., после долгой и довольно тщательной подготовки к полету, Андрэ и двое его спутников — физик Нильс Стриндберг и инженер-воздухоплаватель Кнут Френкель — на воздушном шаре «Орел» совершили полет к Северу. Долгое время об Андрэ и его товарищах не было почти никаких известий, если не считать того факта, что через несколько лет, после полета, в разных местах Северного Ледовитого океана, а именно на берегах Исландии, Норвегии и Шпицбергена, были найдены пять буйков с записками Андрэ о ходе полета; пятый буек был найден 27 августа 1900 г. С этого же времени о судьбе отважных путешественников никаких сведений не поступало до августа 1930 г., когда норвежское моторно-парусное судно «Братвог», промышлявшее морского зверя, остановилось недалеко от острова Белого, на котором матросы нашли валявшуюся на земле алюминиевую крышку от кастрюльки, брезентовую лодку и багор с надписью: «Полярная экспедиция Андрэ 1896 года». Матросы сообщили о находке капитану «Братвога»; с судна спустились ученые, принимавшие участие в плавании, и приступили к раскопкам. Вскоре под льдом и снегом найдены были ружья, ящики с патронами, банки с консервами, компас и поблизости от них два человеческих скелета; по меткам на полуистлевшем белье было установлено, что это скелеты Андрэ и Стриндберга. После этого судно «Братвог» отправилось в свое дальнейшее плавание. Когда весть о находках на острове Белом дошла до Норвегии и Швеции, то к этому острову была отправлена экспедиция на судне «Белый медведь»; членам экспедиции удалось найти еще много вещей и скелет второго спутника Андрэ, Кнута Френкеля; из найденных вещей особенно важными были след. документы: 1) большой дневник Андрэ в 118 страниц, 2) его же второй более краткий дневник, плохо сохранившийся, 3) стенограммы — письма Стриндберга к невесте, 4) его же записки в карманном календаре, 5) журнал метеорологических наблюдений Френкеля, 6) карты, составленные Стриндбергом и др. На основании этих материалов, ученые сумели восстановить достаточно подробную картину полета Андрэ и его «ледового похода» до Белого острова, где и были найдены через 33 года останки трех отважных путешественников.

О Соломоне Андре см. назв. труд. А. Ф. Лактионова, стр. 127 — 136.

Анучин Дмитрий Николаевич (1843 — 1923 гг.), выдающийся русский географ, антрополог, зоолог, этнограф и историк, основоположник Университетской географической школы, занимал кафедру географии и антропологии в Московском университете.

В 1881 г. Д. Н. Анучин принимал участие на V археологическом съезде в Тифлисе (Тбилиси). В следующем (1882) году он руководил экспедицией, организованной Русским географическим обществом, в Дагестане; причем он побывал в ауле Кубачи, славившемся производством художественной медной посуды в восточном стиле. Физико-математический факультет университета 23 сентября 1889 г. присудил ему ученую степень доктора географических наук honoris causa. Это был первый доктор географической науки в России.

Летом 1890 г. Анучин изучает район истоков рек — Волги, Днепра и Зап. Двины; причем устанавливает, что высшей точкой Валдайской возвышенности следует считать гору Каменник (высотой в 321 м). В том же году он путешествует по Военно-Осетинской дороге; посещает Садонский рудник и изучает Девдоракский ледник.

Д. Н. Анучин основатель (в 1894 г.), серьезного географического журнала «Землеведение», в котором помещались ценные монографии, как оригинальные, так равно и переводные. Его перу принадлежат свыше 500 опубликованных сочинений, критических статей и заметок. Университетские слушатели Д. Н. Анучина были всегда в курсе «не только новейших достижений науки, но и той трезвой критической их оценки, которою Анучин всегда сопровождал свои лекции» (Вл. Вл. Богданов). Анучин вел большую научно-исследовательскую работу в области русской потамологии и лимнологии. Кроме того, следует отметить, что с Анучина начинается в России всестороннее критическое исследование и понимание самого предмета географии. Вряд ли можно, впрочем, согласиться с категорическим утверждением акад. А. А. Григорьева, высказанным им в статье «Значение идей и научные творчества Д. Н. Анучина для развития отечественной географии» (См. изд. Географгиза, Д. Н. Анучин, Географические работы, М., 1954, стр. 9), что проф. Д. Н. Анучин близко подошел к современным взглядам большинства советских географов на экономическую географию. На русском языке впервые курс истории географической науки читал в высшей школе (в Московском университете) проф. Д. Н. Анучин. Для этого курса он составил в 1884 г. программу. Главной задачей истории географии (землеведения), по мнению Анучина, является, с одной стороны, выяснение последовательной смены географических понятий в историческом аспекте, а с другой, — ... «выяснение последовательного развития методов, борьбы мнений в науке, приведших к правильному научному пониманию земной поверхности и совершающихся на ней географических явлениях» (В. А. Есаков, Д. Н. Анучин и создание русской университетской географической школы, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 39). Кроме того, по взгляду Д. Н. Анучина, для понимания истории географической науки необходимо также изучать и историю путешествий и географических открытий; без этого

история географии (землеведения), немыслима (См. Д. Н. Анучин, Лекции по истории землеведения, М., 1885, литографированный курс).

История географии (землеведения) «...должна более интересоваться общим развитием землеведения, главнейшими моментами в истории географических воззрений, чтобы дать наглядное понятие о том, как вообще слагалась наука о земле, как прояснилось в этом отношении самосознание человечества, с какими трудностями и заблуждениями оно должно было бороться, какими часто весьма окольными путями оно шло к истине и свету» (Д. Н. Анучин, назв. сочинение).

Д. Н. Анучин активно работал в «Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии» и был его президентом. Удивительна его эрудиция, его работоспособность и широта научных интересов. Из географических монографий Анучина отметим лишь некоторые: 1) «Суша. Краткие сведения по орографии», прилож. к журн. «Землеведение» за 1895 г.; стр. 1—88; 2) «Воды суши» (Ibid, 1896 г.; стр. 1—24); 3) «Япония» (Ibid, 1904 г.; кн. I—II, стр. 205 — 246); 4) «Японцы» (Ibid, кн. III; стр. 65 — 103) и др.

Более подробные сведения о проф. Д. Н. Анучине см. в статье проф. А. А. Крубера, «Памяти Дмитрия Николаевича Анучина», журн. «Землеведение», 1924, т. XXVI, вып. I—II; ГИЗ М., 1924, стр. 7—46, затем в книжке Вл. Вл. Богданова, «Дмитрий Николаевич Анучин — антрополог-географ» (1893—1923), М., 1941, см. также ценную статью акад. Л. С. Берга, «Дмитрий Николаевич Анучин» в «Очерках по истории русских географических открытий», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1946, стр. 282 — 318; в 1948 г. опубликована очень содержательная статья о жизни и деятельности Анучина, принадлежащая А. И. Соловьеву, см. книгу Д. Н. Анучин, А. А. Борзов, «Рельеф Европейской части СССР», ОГИЗ, стр. 9—34. См. также статьи акад. А. А. Григорьева, «Д. Н. Анучин» (в очень ценной книге «Люди русской науки», ОГИЗ, Госуд. изд. технико-теоретической литературы. М.-Л., 1948 ,т. 1, стр. 599 — 604) и «Значение Д. Н. Анучина как географа и его взгляды на географию» (в журн., «Проблемы физической географии», 1949, XIV, стр. 3—9, изд. АН СССР); А. А. Борзов, «Проф. Д. Н. Анучин», ст. в журн. «Естествознание и география», 1913, № 8, октябрь, стр. 40 — 53; Г. С. Тихомиров, «Д. Н. Анучин — крупнейший русский географ, создатель русской географической школы», М., 1950, изд. «Правда»; Г. В. Карпов, Д. Н. Анучин, под ред. А. И. Соловьева, Географгиз, М., 1954; А. С. Барков, Выдающийся ученый и патриот (к 30-летию со дня смерти Д. Н. Анучина), «Природа», 1953, № 8, стр. 67 — 72). В. А. Есаков, Д. Н. Анучин и создание русской университетской географической школы, изд. АН СССР, М., 1955.

Аристарх Самосский (ок. 320 — 250 гг. до н. э.) знаменитый греческий астроном и географ, производивший свои наблюдения и исследования в Александрии. «Он сделал попытку геометрическим путем измерить расстояние от земли до солнца и луны, а также установить размеры этих тел, и пришел к заключению, что радиус луны в три раза меньше земного, а радиус солнца в 6,5 раза больше земного, и что луна отдалена от земли на 74 земных радиуса, а солнце — на 1400 земных радиуса. Полученные им результаты привели его к мысли о несостоятельности геоцентрической системы Аристотеля... Аристрах пришел к выводу, что все трудности, связанные с движением планет,

устраняются, если допустить, что земля и другие планеты вращаются около солнца как своего центра. Так установлена была Аристархом гелиоцентрическая система, которая не нашла, однако, признания в древности...» («История философии»; под ред. Александрова, Быховского, Митина, Юдина, т. 1, 1941, стр. 267 — 268).

Австрийский профессор Теодор Гомперц называет Аристарха Коперником древнего мира.

Аристотель (384 — 322 гг. до н. э.), выдающийся греческий мыслитель и ученый энциклопедист древности; ему принадлежит ряд естественно-научных сочинений, в которых он дает интересные для своего времени сведения по математической и физической географии; к числу их относятся: 1) «Физика»; 2) «О небе» (в восьми книгах); это сочинение содержит учение о мироздании, его вечности и ограниченности, о звездах и их движении, о земле и др.; 3) «О возникновении и гибели» (в двух книгах); в этом труде говорится о возникновении четырех элементов из противоположностей: теплого и холодного, влажного и сухого и пр.; 4) «Метеорология» (в четырех книгах), где рассматриваются вопросы о планетах, кометах и метеорах, металлах и камнях (термин метеорология употреблен здесь в древнегреческом смысле этого слова, т. е. в смысле «учения о небесных явлениях»).

Центром космоса Аристотель считал землю, вращение, которой вокруг своей оси он отрицал. Земля имеет форму шара. Небо и земля делятся на пять поясов. Аристотель считает, что только некоторые пояса земли являются местом обитания человека. «Древнейшие математики разделили небо на пять поясов: первый называли арктическим, потому что там находится звезда «арктос», т. е. медведица... Второй пояс они называли летним тропическим, третий — равноденственным, четвертый — зимним тропическим и пятый — антарктическим; ибо там опять находится медведица. По трем средним поясам проходит солнце, и говорят, что они необитаемы вследствие того, что по ним проходит солнце. Равным образом опять необитаемы, говорят, и два другие пояса, арктический и антарктический .., ибо они близки к полюсам... Мы, говорят, заселяем среднее пространство между арктическим поясом.. и летним тропическим...».

Аристотель считал Атлантический и Индийский океаны единым. По его мнению, распределение суши и воды на земле таково, что умеренный пояс охватывает земной шар непрерывным кольцом, причем получается, что между Испанией и Индией находится сплошное море (эта мысль, как известно, послужила впоследствии одним из оснований для плавания Христофора Колумба). Аристотель высказал в общем верную мысль о том, что Азовское море мельче Черного, а последнее мельче Эгейского, что, конечно, не совсем точно. Философу были известны течения в проливах — между Азовским и Черным морями, Черным и Мраморным, Мраморным и Эгейским. В своем труде «Политика» Аристотель говорит о характере влияния географической среды на развитие человеческого общества; причем он подчеркивает, главным образом, решающее значение климата на характер человека и народов. «Народности, говорит Аристотель, обитающие в странах с холодным климатом и на севере Европы, преисполнены мужественного характера, но интеллектуальная жизнь и художественные интересы у них менее развиты. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но

не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Наоборот, народности, населяющие Азию, очень интеллектуально и обладают художественным вкусом, зато им не хватает мужества; поэтому они живут в подчиненном и рабском состоянии. Эллинская народность, занимающая в географическом отношении как бы среднее место между жителями севера Европы и Азии, объединяет в себе природные свойства тех и других; она обладает и мужественным характером и развитым интеллектом; поэтому она сохраняет свою свободу, пользуется наилучшей государственной организацией и была бы способна властвовать над всеми, если бы только была объединена одним государственным строем» (Аристотель, Политика, перевод С. А. Жебелева, СПБ, 1912, стр. 314)[1].

О Аристотеле см. «Историю философии», под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина, т. I, М., 1941, стр. 178 — 181, 225 — 229, 230 — 240; БСЭ, т. III, второе изд., стр. 11; большая библиография.

Арсеньев (Уссурийский) Владимир Клавдиевич (1872 — 1930 гг.), бывший военный топограф, а затем профессор Дальневосточного государственного университета по кафедре географии, этнографии и краеведения, знаменитый неутомимый путешественник, исследователь Уссурийского края и Приморья, давший превосходное описание состояния этого края в первое десятилетие текущего столетия в своих высокохудожественных научных сочинениях: 1) «По Уссурийскому краю», 2) «Дерсу Узала», 3) «В дебрях Приморья» и 4) «В горах Сихотэ-Алиния». Впоследствии Арсеньеву еще раз пришлось побывать в тех же краях, а именно в 1927 — 1928 гг., когда он, «по заданию дальневосточных советских краевых властей, совершил большое путешествие между Советской Гаванью на берегу Тихого океана (Татарский пролив) до города Хабаровска на Амуре. Арсеньеву было дано задание осветить геологическое, топографическое и экономическое состояния бассейна рек Хади, Аноя, Хора, Копи и горных хребтов Сихотэ-Алиния». Это путешествие он описал в книге «Сквозь тайгу» (Л., 1930 г.). Гениальный русский писатель М. Горький, характеризуя сочинение Арсеньева «По Уссурийскому краю», пишет: «не говоря о ее научной ценности, конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой». Знаменитый норвежский путешественник и ученый — Фритьоф Нансен в предисловии к немецкому переводу книги В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» говорит следующее: «Уже прошло много времени с тех пор, как я встретил в Хабаровске на Амуре выдающегося исследователя Восточной Сибири — В. К. Арсеньева. Он рассказал мне о своих высокоинтересных путешествиях через девственную тайгу Уссурийского края, об ее малоизвестном туземном населении, а также о животном и растительном мире этой страны ... Исследователь открывает мир, о котором мы до сих пор имели очень мало сведений. Вследствие умелого описания В. К. Арсеньева получается живое представление как о природных условиях, так и об обитателях этой отдаленной лесной страны. Достойно удивления, что мы, жители Старого Света, обыкновенно, больше знаем о жизни туземцев Северной Америки, чем о туземцах Сибири, и особенно Восточной Сибири, хотя последние имеют для нас гораздо больший интерес. Я надеюсь, что интересный и ценный труд В. К. Арсеньева найдет многих читателей».

[1] Мнение Г. Н. Гехтмана о роли географической среды в развитии общества см. в разделах о И. Канте, Л. И. Мечникове, К. Риттере и др.—Ред.

После установления Советской власти очень многое, конечно, изменилось в Зауссурийском крае. «Сейчас мы неизмеримо лучше знаем этот край, чем при Арсеньеве. Нашими советскими разведками приоткрыты тайники запасов природы, обнаружившие несметные богатства угля, железа, цинка, свинца, серебра и других ископаемых. Измерены огромные лесные богатства Уссурийского бассейна, открыты ценнейшие массивы медоносных трав, обнаружены целебные источники» (Из предисловия редакции к третьему изданию соч. Арсеньева, «По Уссурийскому краю», «Молодая Гвардия», 1936, стр. 371).

В. К. Арсеньеву принадлежит также большой труд этнографического характера, написанный им совместно с Е. И. Титовым, под заглавием «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (Хабаровск — Владивосток). В 1911 г. Арсеньев опубликовал очень интересный «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» (т. I, текст; т. II, картографические приложения); сочинение это имело большой успех среди военных и невоенных читателей. Оно, к сожалению, было объявлено «не подлежащим оглашению» и поэтому не сделалось достоянием широкой читающей публики. Кроме того, в 1914 г. вышел его же труд: «Китайцы в Уссурийском крае», Очерк историко-географический, «Записки Приамурского отдела русского географического общества», т. X, вып. I, Хабаровск.

Сравнительно подробные сведения о жизни и деятельности В. К. Арсеньева — Уссурийского можно найти в статье проф. Ф. Ф. Аристова, «Владимир Клавдиевич Арсеньев — Уссурийский», помещенной в журнале «Землеведение», 1930, т. XXXII, вып. III — IV, ГИЗ, стр. 208 — 243; (там же приведен список печатных трудов Арсеньева) и в труде Н. Е. Кабанова, «В. К. Арсеньев — путешественник и натуралист», 1872 — 1930, Издательство Московского общества испытателей природы. М., 1947. Автор на десяти страницах (80 — 90) приводит аннотированный список работ Арсеньева (количество работ — 53). В приложении дана «Литература о В. К. Арсеньеве» (стр. 91 — 94). Из новейших работ заслуживает внимания книга Г. В. Карпова, В. К. Арсеньев, Географгиз, М., 1955.

Арсеньев Константин Иванович (1789 — 1865 гг.), выдающийся русский ученый, статистик, географ и экономист, член Российской Академии Наук с 1836 г., профессор Петербургского (Ленинградского) университета и военно-инженерного училища, один из основателей Русского географического общества (1845 г.), родился в Петрозаводске в семье священника. После окончания курса в Костромской духовной семинарии, учился в Петербургском педагогическом институте, который Арсеньев окончил с отличием в 1810 г. За время своего пребывания в этом высшем учебном заведении, К. И. Арсеньев много работал по истории, географии, статистике и политической экономии. Своим серьезным отношением к изучаемым наукам и своими способностями он обратил на себя внимание профессоров и преподавателей института. После окончания последнего, К. И. Арсеньев был оставлен при институте для подготовки к научной деятельности и вместе с этим ему поручено было преподавание в этом же учебном заведении географии и латинского языка. В 1811 г. он был назначен

в помощь профессору географии Е. Ф. Зябловскому. В 1812 г. Арсеньев составил интересный для своего времени труд «Статистический очерк Олонецкой губернии и описание олонецких заводов». В 1813 г. он защитил диссертацию на предмет получения ученого звания адъюнкта, и лишь через четыре года (в 1817 г.) Арсеньев был утвержден в этом звании и стал преподавать географию и статистику. В следующем (1818) году он опубликовал учебное пособие под заглавием «Краткая всеобщая география» и первую часть труда — «Начертание статистики Российского государства»; в 1819 г. вышла вторая часть этого труда.

Кроме вышеуказанных сочинений, К. И. Арсеньеву принадлежат еще следующие научные работы: 1) «Гидро-географическо-статистическое описание городов Российской империи, с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных, в течение двух веков, от начала XVII ст. и до ныне» (1832 г.) и 2) «Отрывки из путевых записок» (1833 г.). Затем, в 1839 г. в «Материалах для статистики Российской империи» он поместил две статьи «Об устройстве управления в России с XV до исхода XVIII столетия» и «Мысль об усовершенствовании полотенного производства в России». В 1848 г. Арсеньев выпустил в свет очень ценный для своего времени труд под заглавием «Статистические очерки России».

К. И. Арсеньев еще в первой части своего труда «Начертание статистики Российского государства» (СПБ 1818 г.) делит всю территорию России на десять пространств, причем в основу этого географического деления он прежде всего кладет природные различия (климат и почву). Это первый в русской научной литературе, правда далеко несовершенный, опыт пространственного районного обзора России.

Первое пространство России, по Арсеньеву, обнимает весь север ее европейской части, между Ботническим заливом и северными Уральскими горами. Это пространство богато лесом, отличается «великой стужей и бесплодием почвы». Второе пространство, расположенное южнее, также богато лесом и его «можно почесть центром важнейшего естественного и искусственного водного сообщения»; почва здесь «серая, сырая, требующая прилежного удобрения и не щедро награждающая труды земледельца» (стр. 22). Третье пространство — Балтийское; оно заключает «земли от южных берегов Финского залива до Литвы и Польши»; почва здесь песчаная, что, по Арсеньеву, затрудняет «ход сельской промышленности». Близость же моря и наличие хороших гаваней и судоходных рек способствуют благосостоянию жителей. Четвертое пространство, составляющее Белоруссию и Литву, неизменно; здешние земли удобны для хлебопашества; сельское хозяйство, вследствие благоприятных водных сообщений, находится здесь в лучшем состоянии, нежели в трех первых пространствах. Пятое пространство, представляющее «Отлогости Карпатского хребта», имеет черноземные земли, прерывающиеся «во многих местах солеными и песчаными степями»; здесь превосходные пастбища, орошаемые реками, разнообразие естественных произведений, удобные сухопутные и морские сообщения. Шестое пространство — степи, идущие от Азовского моря по подошве Кавказа до Каспийского моря; в этих степях много «пустых, необитаемых и неспособных к населению мест», как и на севере, много соленых озер, почва, орошаемая реками, плодородна; здесь с успехом можно разводить шелковицу и виноград; мало лугов и лесов. Седьмое пространство — расположено в бас-

сейне реки Оки; это культурный центр всей Европейской России, где получили развитие городская промышленность и торговля. «Почвы» посредственно плодородны». «Накопленные капиталы чрез содействие столицы, великая населенность и деятельность жителей, побуждаемых к труду верными прибытками, сделали сие пространство наилучшим в России...». Восьмое пространство — Волжское, тянущееся от Саратова к северу до Ярославля; это район с обширными лугами и пастбищами; почвы здесь плодородные; богатства природы многообразны; промышленность сельская и городская давно утвержденная, изобилие в корабельном лесе и сплавка оного, удобство мены, доставляют сему пространству великие преимущества пред другими» (стр. 25). — Девятое пространство — Уральское; здесь недра гор доставляют для народной промышленности значительное сырье, что привлекает сюда рабочих. «Долины между горами и пространства по течению рек изобильны сенокосными лугами, питающими многочисленные стада. Соленые ключи занимают великое число народа». Десятое пространство — Сибирь, — расположено между Уральскими горами и Восточным океаном. Здесь север «суров, дик, не населен, бесплоден; юг обилен всем нужным, плодороден, обитаем ... Север Сибири богат мелкими пушными зверями, юг изобилует рудами (стр. 26).

Более подробное и основательное географическое описание лишь восьми пространств европейской части тогдашней России и входящих в них административных единиц дано в более позднем труде Арсеньева — «Статистические очерки России» (1848 г., стр. 225 — 488). Некоторые из этих районных характеристик и сейчас читаются с большим интересом.

«Труды Арсеньева ценны богатством фактического материала; они сыграли крупную роль в формировании экономической географии в России. Арсеньев стремился перейти от метода голого описания фактов, господствовавшего тогда в науке (описательная статистика), к выявлению причинных связей между ними. Ему принадлежит первая попытка научно обоснованного районирования России» (БСЭ, 2-ое изд., т. 3, стр. 118).

К. И. Арсеньев был горячим патриотом своей родины. В своем сочинении «Статистические очерки России» он писал: «Цель труда моего есть польза общая; я желал, по мере сил моих, содействовать распространению сведений о Великом Отечестве нашем — любить Россию есть священная обязанность каждого русского, а любить с сознанием, с убеждением можно тогда только, когда мы знаем ее, когда изучили минувшие и настоящие судьбы ее, когда достойно оценили мощь и силу народа и его недуги».

О К. И. Арсеньеве см. 1) «Русский биографический словарь»; т. II, «Алексинский — Бестужев — Рюмин»; СПБ; 1900, стр. 317 — 321; 2) П. П. Пекарский, «О жизни и ученых трудах академика К. И. Арсеньева» в «Сборнике отд. русского языка и словесности», т. IX, 3) Его же, «Исторические бумаги К. И. Арсеньева», СПБ, 1872; См. также статью Б. А. Вальской, «Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. по 1861 г.», в 17 сборнике «Вопросы географии», «Географгиз», М., 1950, стр. 150 — 154; 160 — 161; 174 — 178 и ст. проф. Н. Н. Баранского, «К. И. Арсеньев», в «Известиях АН СССР; серия географическая»; М., 1954, № 2, стр. 69 — 72.

Атласов (Отласов) Владимир Васильевич (Тимофеевич?), (Конец XVII в., нач. XVIII в.)[1], выдающийся «землепроходец», по образному выражению С. П. Крашенинникова, «первый обретатель Камчатки», был устюжским крестьянином; его семья переселилась в Сибирь. «Свои молодые годы он прокочевал по Восточной Сибири, перебывал во многих ленских городах, потом записался в Якутские казаки и начал справлять государеву службу». В 1695 г. Владимир Атласов был послан из Якутска в Анадырский острог приказчиком. По справедливому мнению Л. С. Берга и М. С. Боднарского, «Атласов представляет собой личность совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, поэтому показания его заключают массу ценнейших этнографических, биогеографических и физико-географических данных». «Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков, не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов», как Атласов. Один отчет (скаска) был записан с его слов подьячим в Якутске (1700 г.), а другой в Москве, подьячим Сибирского приказа (1701 г.). Первый отчет заключает преимущественно сведения «подорожного» характера, а второй сообщает также интересные географические факты и этнографического характера наблюдения. «Скаски» В. Атласова, по словам Д. М. Лебедева, «представляют собой первое в мировой истории географической науки описание неизвестного дотоле европейцам полуострова Камчатки и ... содержат массу ценейшего этнографического и географического материала», Д. М. Лебедев, «География в России петровского времени», изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 42. Много ценных для своего времени сведений сообщил Атласов о быте, нравах и культуре камчадалов, коряков, юкагиров, чукчей и др. Камчадалы, говорил Атласов, «возрастом», т. е. ростом ... не велики, с бородами средними, лицом походят на зырян; носят они одежду соболью, лисью и оленью и пушат платье собаками. Юрты у них зимние земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три, «намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам». Главной пищей камчадалов, по сведениям Атласова, являются рыба и продукты охоты. Рыбу едят сырую; на зиму запасают ее, складывая в ямы и засыпая землею; «и та рыба изноет, и тое рыбу, вынимая, кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья, кладут в те колоды и воду нагревают». И ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от той рыбы исходит смрадный дух».

О природных условиях Камчатки Атласов сообщает следующее: «А зима в Камчатской земле тепла против Московской, снеги бывают небольшие, а в курильских иноземцах снег бывает меньше»... Затем, он же дает описание Камчатских вулканов (сопок); «а от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду[2], велика гораздо и высока, а другая близь её — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее дном идет дым, а ночью искры и зарево[3]... А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы, которые люди всходили, назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось, не ведают. А из под тех гор вышла вода ключевая, в ней вода зелена, а в той воде, как бросят копейку, видеть в глубину сажени на три».

Относительно возможностей для развития сельского хозяйства на Камчатке Атласов говорит следующее: «А в Камчадальской и Курильской земле хлеб пахать можно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем...».

Очень хорошо описаны Атласовым и рыбные богатства Камчатки. «А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породою особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больше семги, а иноземцы ее называют овечиною[1]. И иных рыб много, 7 родов розных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры». По сведениям Атласова, в море (у берегов Камчатки) много также морских животных. «А в море бывают киты великие, нерпа, каланы (морской бобр, правильнее — морская выдра — Enydra lutris), и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет, а каланы остаются на земле и их копьями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые, а береги дресвяные, крепкие». Атласов дает, также хорошее описание растительности Камчатки и Курильских островов. «А в Камчатской и Курильской земле, сообщает он, ягоды брусница, черемуха, жимолость... А деревья растут кедры малые, величиною против можжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственичнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березняк да осинник».

Ценные сведения об Атласове см.: у академика Л. С. Берга, «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1946, стр. 59 — 77; 157 — 159; у Т. Райнова, «Наука в России XI — XVII веков», I—III, изд. Акад. наук СССР, М.-Л., 1940, стр. 394 — 395; у М. С. Боднарского, «Очерки по истории русского землеведения» 1, изд. Академии наук СССР, 1947, стр. 60—63; «Скаски» Атласова опубликованы Н. Н. Оглоблиным в «Чтениях в Общ-ве Истории и Древностей Российских», кн. 3 (157), 1891, Акад. Л. С. Берг, «Открытие Камчатки Владимиром Атласовым» (к 250-летию со времени похода Атласова), ст. в «Вестнике Академии наук СССР, М., 1949, кн. 8, август, стр. 20 — 27; Л. Г. Каманин, «Первые исследователи Дальнего Востока», «Госуд. издательство культурно-просветительной литературы», М., 1951, стр. 9—26; Д. М. Лебедев, География в России петровского времени, изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 38 — 39; В. Н. Скалон, В. В. Отласов — первый исследователь Камчатки, статья в «Вопросах географии Сибири», 1953, № 3, Томск, стр. 259 — 274.

Б

Багратиони Вахушти Вахтангович (см. Вахушти Багратиони).

Багратиони Теймураз Георгиевич (см. Теймураз Георгиевич).

Бакиханов Абас-Кули-ага (1794 — 1848[2] гг.), азербайджанский ученый, родился в селе Амираджаны (близ Баку); человек разносто-

---

[1] Г. рожд. неизв., ум. 1711 (БСЭ, т. 3, стр. 376).—Ред.

[2] Ключевская-сопка 4080 м высоты.

[3] Щивелуч-сопка, 3300 м высоты.

[1] Под именем „овечины" Атласов разумеет „чавычу". (Oncorhynchus tschawitscha)—рыба из рода восточных лососей.

[2] 1847 г. БСЭ, т. 4, стр. 67.—Ред.

ронних интересов; путешествовал по Азербайджану, Грузии, Армении, Дагестану, по Кавказской линии, Донской земле (Область Войска Донского), Украине, России, Латвии, Литве и Польше. Бакиханову принадлежат следующие труды: «Всеобщая география», «Чудесное открытие» («Кешф-Уль-Гараиб») и др. В «Чудесном открытии» автор излагает историю открытия Америки и дает краткое описание этой страны.

Бальбоа Васко Нуньесде (1475—1517 гг.), испанский конкистадор и мореплаватель. Первый из европейцев, преодолевая огромные трудности (девственные тропические леса и пустынные горные хребты), пересек Панамский перешеек. Он исследовал острова Тихого океана, прилегающие к Южной Америке.

См. труд И. П. Магидовича, «Очерки по истории географических открытий», т. 1, «Учпедгиз» М., 1949, стр. 188; 189 — 191.

Баранский Николай Николаевич, лауреат государственной премии, выдающийся советский географ, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Московского университета имени М. В. Ломоносова, коренной сибиряк, родился в Томске, 14 июля 1881 г. в очень культурной семье учителя гимназии. С ученических лет он принимал деятельное участие в революционных кружках и вел пропаганду среди рабочих и учащихся. В 1899 г. Баранский окончил гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Томского университета, где он работал особенно усердно у проф. М. Н. Соболева по политической экономии и экономической истории России. Со II курса за участие в студенческой забастовке Баранский был уволен из университета без права обратного поступления. С этого времени он стал профессионалом-революционером. С 1904 г. Н. Н. Баранский работал в Самаре и на Урале, а во время революции 1905 г. принимал горячее участие в революционном движении в Чите, Иркутске и Красноярске. В конце 1905 г. он принял участие в Таммерфорсской конференции в качестве представителя сибирских большевиков. В 1906 — 1908 гг. Баранский вел революционную работу на Украине и в Сибири и неоднократно подвергался административным взысканиям (отбыл тюремное заключение в Киеве, в Уфе и Чите).

В 1910 — 1914 гг. Н. Н. Баранский учился в Московском Коммерческом институте, после окончания которого служил в Главном Комитете земского и городского союзов и одновременно вел пропагандистскую работу среди рабочих и студентов университета имени Шанявского.

С 1918 г. Баранский стал работать в центральных советских государственных учреждениях; эту работу он сочетал с преподавательской и научной работой в коммунистических ВУЗ-ах в области экономической географии, которую он начал преподавать еще с осени 1918 г. В 1925 г. Н. Н. Баранский опубликовал свой ценный труд «Экономическая география СССР (обзор по районам Госплана)». С этого времени он широко развернул научно-педагогическую и научно-исследовательскую работу. «В 1929 г. Н. Н. Баранский организовал кафедру экономической географии в Московском государственном университете...». За многие годы своей научно-педагогической и исследовательской работы он «создал ряд оригинальных курсов, а именно: курс районной экономической географии СССР, курс экономической географии США, курс методологии экономической географии, курс методики экономической географии, курс экономической картографии и курс общей экономической географии (или введения в экономическую географию»). Особенного внимания заслуживают ценнейшие труды Н. Н. Баранского методологического характера, в которых он вспросы методологии «трактует с точки зрения общих принципов марксизма-ленинизма». Кроме того, Баранскому принадлежит известный учебник эконом. географии СССР, выдержавший много изданий. «Основной идеей, проходящей через все научные работы Н. Н. и его педагогическую деятельность, является утверждение экономической географии как самостоятельной научной дисциплины и отграничение ее от смежных дисциплин и, прежде всего, от экономической статистики и конкретной экономики, к которым, по существу, сводилась экономическая география в работах отраслево-статистического направления» («Николай Николаевич Баранский», статья в «Извест. Всесоюзного географического общества», т. 78, вып. 2-й, 1946, стр. 141). Н. Н. Баранский боролся и борется «за тесную связь между географией экономической и физической»; он требовал и «требует от эконом-географа хорошей подготовки в области как экономических, так и естественных наук» (И. А. Витвер и И. М. Маергойз, «Н. Н. Баранский в Московском университете», ст. в вышеуказ. «Известиях Всесоюзного географического общества», стр. 150).

Н. Н. Баранский в течение многих лет состоял редактором географического отдела БСЭ и очень ценного для советских педагогов журнала «География в школе».

Из научных трудов Баранского мы отметим лишь следующие: 1) «Экономическая география СССР» (обзор по районам Госплана); Госизд. М.-Л., 1925; 2) «Экономическая картография», в. 1 и 3 (на правах рукописи); 3) Обширное предисловие к «Географическому атласу», 1929; 4) «Эконом. географическое положение», ст. в журн. «География в школе», 1939, № 4-й, стр. 24 — 34; 5) «Основные положения методологии и методики экономической географии», ст. в методич. сборнике «География в школе», вып. II, Учпедгиз, 1944, стр. 3—16; 6) «Страноведение и география физическая и экономическая», ст. в «Известиях Всесоюзного географического общества», т. 78, вып. 1-й, 1946, стр. 9 — 24; 7) «Очерки по школьной методике экономической географии», Учпедгиз, М., 1946, 2-ое изд. 1953, 3-е изд. 1955; 8) Очень ценный обширный «Исторический обзор учебников географии (1876—1934)», Географгиз, М., 1954, Ответств. редактор П. Г. Терехов.

Под редакцией Баранского переведены на русский язык с английского и с французского ценные сочинения по географии.

Сведения о жизни и деятельности Н. Н. Баранского см. в «Известиях Всесоюзного географического общества», т. 78, вып. 2, 1946 г., где помещены: 1) редакционная статья: «Николай Николаевич Баранский» (стр. 139 — 142); 2) ст. А. И. Преображенского, «О работе Н. Н. Баранского в области экономической картографии» (стр. 143 — 148); 3) ст. И. А. Витвера и И. М. Маергойза, «Н. Н. Баранский в Московском университете» (стр. 149 — 152); 4) ст. В. А. Рауш, С. И. Никольской и Л. Б. Голохвастовой, Н. Н. Баранский и география в средней школе (стр. 153 — 156). См. также редакционную ст. в журн. «География в школе», 1951, № 35, «Семидесятилетие Н. Н. Баранского, стр. 9—10». «Вопросы географии», сборник 27 изд. Географгиза, М., 1951; в этом сборнике помещены след. ст., посвященные Н. Н. Баранскому в честь его 70-летия: редакционная; стр. 5 — 16; В. Н. Сементовского, «О Николае Николаевиче Баранском», стр. 17—30; А. А. Дометти и В. А. Рауш, «Роль Н. Н. Баранского в развитии школьной географии за четверть века»; стр. 31 — 43; Ф. В. Степухина, «Слово старого учителя географии», стр. 43—45.

Баренц Виллем (1550 — 1597 гг.), известный голландский мореплаватель, исследователь северных полярных районов; пять раз побывал в Арктике. Главная цель его плаваний — отыскание северо-восточного пути в страны юго-восточной и южной Азии (Китай, Индонезия, Индия и др.). Баренц побывал на Шпицбергене (Сваальбарде), гораздо раньше известном русским поморам под именем «Грумант» и на острове Медвежьем. Во время последнего путешествия в 1597 г. он скончался и погребен на Новой Земле в Ледяной Гавани. Его именем названо Баренцово море. Ледяная Гавань не посещалась никем до 1871 г., когда сюда зашел норвежский рыбопромышленник Э. Карлсен и нашел здесь дом Баренца почти в полной сохранности. В 1875 г. место зимовки Баренца обследовал английский путешественник Гардинер; он нашел здесь книги (напр., «Историю Китая»), карты, кусок голландского флага, компас, циркули, печать, оружие, домашнюю утварь, и, что самое главное, рукопись, оставленную Баренцом в дымовом отверстии дома. Все вышеуказанные предметы экспедиции Баренца хранятся в морском музее в Гааге. Эту же гавань в 1933 г. посетил геологический отряд Арктического института под начальством Милорадовича, которому посчастливилось найти несколько предметов, оставленных экспедицией Баренца (глиняный кувшин, железный ключ, башмак и др.).

О В. Баренце см.:... В. Ю. Визе, «История исследования Советской Арктики. Баренцово и Карское моря», 2-ое дополненное издание «Севкрайгиз», Архангельск, 1934, стр. 28. Интересные сведения о плаваниях Баренца даны его спутником Де-Фером (De-Veer) в книге „Diarium Nauticum" (есть рус. перевод с латинского) проф. А. И. Малеина, под ред. проф. В. Ю. Визе, Изд. «Главсевморпуть», Л., 1936; Дж. Бейкер. Назв. соч., стр. 150 — 152; Н. К. Лебедев, Завоевание земли, т. II, М., 1947, стр. 21 — 29.

Барроу Джон (1764 — 1848 гг.), английский географ; путешествовал по Китаю и по Южной Африке. По его инициативе были организованы экспедиции для отыскания северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий. Его именем назван мыс и пролив на севере Аляски.

Барт (Barth) **Генрих** (1821 — 1865 гг.), известный немецкий географ и путешественник; объехал и исследовал средиземноморские страны, Сев. Африку, Судан, Аравию, Сирию, Палестину, Малую Азию и др. С 1863 г. Барт состоял профессором Берлинского университета и президентом Берлинского Географического Общества. Из его трудов заслуживают внимания: 1) Wenderung durch die Küstenländer des Mittelsmeers», B. 1849 («Путешествия по Средиземноморским странам», 1849 г.) и 2) «Reisen und Entdeckungen in Nord—und Centralafrika») Gotha 1855 — 1858 («Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке», 1855 — 1858 гг.).

Выдающийся путешественник по Африке, Дж. Томсон, высоко ценил результаты экспедиций Барта. «Никто, до него, говорит Томсон, не собрал на ниве исследования Африки такой богатой жатвы географических, исторических, этнографических и лингвистических фактов».

О Г. Барте, см. Дж. Бейкер, Назв. соч.; стр. 372 — 375.

Баффин Уильям (1584 — 1622 гг.), известный английский исследователь Арктики. В 1612 г. побывал вместе с Дж. Галлем на западном берегу Гренландии, в 1613 — 1614 гг. совершил экспедицию к берегам Шпицбергена, а в 1615 — 1616 гг. плавал для отыскания северо-западного прохода в Гудсонов заливе, а оттуда в залив, названный

его именем, до пролива Смита. Последнее плавание привело Баффина к убеждению в неосуществимости до северного морского пути вокруг Сев. Америки в Индию; поэтому, после Баффина, долгое время области, посещенные им, не исследовались другими путешественниками. В 1617 — 1619 гг. и в 1620—1622 гг. он совершил путешествие в Красное море и в Персидский залив.

Бекетов Андрей Николаевич (1825 — 1902 гг.), ботаник, фитогеограф; видный русский ученый и деятель по распространению образования в России; по окончании гимназии поступил сначала на факультет восточных языков Петербургского (Ленинградского) университета, но со II курса определился на военную службу, которую, впрочем, скоро оставил и уехал в Казань, где записался волнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета университета. После окончания университета, А. Н. Бекетов в 1849 г. поселился в Тбилиси (Тифлис), где работал учителем классической гимназии до 1856 г. За время пребывания в Грузии он путешествовал по Кахетии и Гурии. В 1853 г. он представил и защитил диссертацию на тему «Очерк тифлисской флоры с описанием лютиковых, ей принадлежащих»; за эту диссертацию ему была присуждена ученая степень магистра ботаники. Через пять лет, а именно в 1858 г., в Москве Бекетов получил ученую степень доктора ботаники после защиты диссертации на тему «О морфологических отношениях листовых частей между собою и со стеблем». В 1859 г. он занял кафедру ботаники в Харьковском университете, а в 1861 г. был избран профессором Петербургского(Ленинградского) университета, при котором, по его инициативе, был устроен ботанический сад. Бекетов создал школу петербургских морфологов и фитогеографов. Он же вместе с Е. Ф. Кесслером был одним из основателей съездов русских естествоиспытателей и врачей (первый съезд состоялся в 1867 г.) и одним из основателей Общества естествоиспытателей при Петербургском университете. А. Н. Бекетов является крупным деятелем и по организации Петербургских высших женских курсов. Кроме того, он принимал деятельное участие в работах Вольно-экономического общества и Русского географического общества.

Покойный академик В. И. Вернадский, ученик проф. А. Н. Бекетова, высоко ценил последнего за то, что он «был всю жизнь всецело предан науке. Его лекции, которые пришлось слушать нам в самом начале 1880-ых годов, в 1881 — 1882 гг., давали нам много ... Бекетов был ботаником, сложившимся еще до выступления Дарвина; при этом его мысль независимо работала в областях, смежных с теми, которые стали господствующими после 1859 года, и к охватившему науку эволюционному учению он отнесся, как самостоятельно мысливший в том же направлении последователь. Он подходил к эволюционному учению до Дарвина и независимо от него ...» (Акад. В. Н. Вернадский, «Очерки и речи», II, Петроград, 1922, стр. 107).

С необыкновенной душевной теплотой говорил всегда об А. Н. Бекетове замечательный русский ученый К. А. Тимирязев. «С глубокой благодарностью вспоминается дорогой для целого поколения петербургских студентов Андрей Николаевич Бекетов. В наши студенческие годы он собирал у себя студентов — натуралистов для чтения рефератов, научных споров и т. д.».

К. А. Тимирязев, Сочинения, т. III, М., Сельхозгиз, 1937, стр. 87. Кроме В. И. Вернадского и К. А. Тимирязева, учениками Бекетова

были В. В. Докучаев, Г. И. Танфильев, В. Л. Комаров, А. Н. Краснов, Н. И. Кузнецов и др.

Кроме диссертаций, Бекетову, принадлежит ряд ценных трудов, как то: 1) «Архангельская флора», 2) «Екатеринославская флора», 3) прекрасный для своего времени «Курс ботаники для университетских слушателей» (2-ое изд. 1889 г.), 4) «Учебник ботаники» (1882 — 1885 гг.), 5) «География растений»; он же написал ряд выдающихся научно-популярных работ: 1) «Из жизни природы и людей», 2) «Главнейшие съедобные и вредные грибы» (1889 г.), А. Н. Бекетову же принадлежат переводы и редакция многих классических сочинений по ботанике: Де-Бари, Гризебаха, Росмеслера, Гекели и др.

О А. Н. Бекетове см., Н. И. Кузнецов, «Памяти А. Н. Бекетова», ст. в «Трудах Ботанического сада Юрьевского университета», т. III, 1902; К. А. Тимирязев, Соч., т. VIII, стр. 146; П. А. Бараков, «Выдающийся ботаник и пламенный патриот» (к 50-летию со дня смерти А. Н. Бекетова), ст. в журн. «Природа»; Изд. АН СССР, 1952, № 9, сентябрь, стр. 73 — 77; А. А. Корчагин, А. Н. Бекетов как ботаник-географ; ст. в «Изв. Всесоюзн. Географ. Общ.», т. 87, в. 1, стр. 54 — 63 (с библиографией).

Беккер (Бейкер) Самуэль Уайт (1821 — 1844 гг.), известный английский путешественник; некоторое время странствовал по Цейлону, а затем отправился во внутренние районы Африки. В 1862 г. из города Хартума он поднялся вверх по Нилу и в следующем году дошел до Гондокоро, где встретился с двумя английскими путешественниками, Спиком и Грантом; первому из них удалось открыть истоки Белого Нила. Спик и Грант сообщили Беккеру, что, по словам туземцев, кроме открытых Спиком истоков Нила (озеро Укереве-Виктория), есть еще западные истоки, берущие начало из какого-то большого озера. Беккер отправился на поиски этого озера, и, после трудного путешествия, в марте 1864 г. открыл его и назвал в честь английского наследного принца Альберта Эдуарда (впоследствии английский король Эдуард VII) — озером Альберта.

См. Беккер, «Путешествие к верховьям Нила и исследование его источников», М., 1875; Беккер, «Альберт Нианза. Открытие Нила», в 2-х томах (изд. Бальера); см. также Дж. Бейкер. Назв. соч., стр. 388 — 389.

Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1779 — 1825 гг.), выдающийся русский исследователь южнополярных стран; участник первого русского кругосветного плавания в 1803 — 1806 гг. под начальством Крузенштерна. Беллинсгаузен в 1819 — 1821 гг. был руководителем южно-полярной экспедиции. «Перед отправлением в плавание (он) получил подробные обстоятельные инструкции от морского министра, от Государственной Адмиралтейской коллегии и от Государственного адмиралтейского департамента. В них предусматривались все главные вопросы, касавшиеся задач экспедиции, плана работ, снабжения судов в пути и культурно-бытовых условий. Специальными инструкциями определялись научные исследования. В инструкциях от морского министра и Государственной Адмиралтейской коллегии заключались предписания в отношении задач и плана проведения географических исследований. Главная цель экспедиции по этой инструкции состояла в достижении предельно высоких широт Южного полушария и обозрения тех его пространств, какие не были пройдены Куком. Экспедиция должна была достоверно узнать: подлинно ли существует южный материк? Для достижения этой цели предписывалось приложить всемерное старание итти к югу до тех пор, пока сплошные льды не сделают невозможным дальнейшее продвижение судов; и если на одном меридиане не удастся достичь крайних южных пределов, повторять это движение по другим меридианам и «не оставить сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях». План экспедиционных исследований по этой инструкции предусматривал плавание по Атлантическому океану от Кронштадта до берегов Бразилии и далее на юго-восток к открытому Куком острову Южной Георгии, который им не был обследован с южной стороны. От Южной Георгии инструкция предлагала пройти к открытой Куком Южной Сандвичевой земле, положение которой Кук только наметил. По окончании полного обследования этого пространства рекомендовалось все летние месяцы использовать для дальнейшего плавания в пределах Атлантического и Индийского океанов, направляясь с запада на восток и совершая попытки продвижения к югу. На зимние месяцы суда должны были пойти в какой-либо порт Южной Америки или Австралии и там произвести ремонт судов и дать длительный отдых экипажу. Оставшиеся месяцы инструкция предлагала использовать, по усмотрению начальника экспедиции, для плавания в тропической полосе Тихого океана с целью открытий новых земель...».

Н. Введенский, «В поисках южного материка. Русская антарктическая экспедиция 1819 — 1821 гг.». Изд. «Главсевморпуть», Л.-М., 1940, стр. 17—18. Кроме того, в первой инструкции Государственного адмиралтейского департамента предписывались мероприятия для сохранения здоровья команды, для борьбы с цынгой и т. д. Вторая же инструкция того же департамента указывала и план научных занятий экспедиции Беллинсгаузена; в план входили: «астрономические наблюдения, изучение метеорологических условий, гидрологические работы, производство картографических описаний, описания природы, описания растительной и животной жизни моря и описание стран и народов, с которыми во время плавания пришлось бы войти в сношения...» (Н. Введенский, стр. 19). Во время своего путешествия Беллинсгаузен объехал весь земной шар в южных широтах и на своих судах («Восток» и «Мирный») несколько раз пересек южный полярный круг, дошел до 69° ю. ш. и открыл Антарктиду (землю Александра I), докончил съемку берегов Южной Георгии, доказал, что Сандвичева земля, открытая за 45 лет до него Дж. Куком, представляет архипелаг небольших вулканических островов, обследовал много островков (Петра I, о-в Анненкова, о-в Бородино и др.). Вот что сообщает Ф. Ф. Беллинсгаузен об открытии Антарктиды (Земли Александра 1-го): «В 11 часов утра (17 января 1821 г.) мы увидели берег; мыс оного, простирающийся к Северу, оканчивался высокою горою, которая отделена перешейком от других гор, имеющих направление к SW; я известил о сем г. Лазарева. День был прекрасный, какого только можно было ожидать в большой южной широте. Ветер был тихий от 0. В половине 4-го часа дошли вплоть до сплошных плавающих мелких льдов и должны были от оных поворотить, не имея возможности приближаться к берегу. В сие время с салинга видели повсюду мелкий сплошившийся лед, не допускавший до берега на расстояние 40 миль. Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к Югу исчезала за предел зрения нашего. Сей берег покрыт снегом, но осыпи на горах и крутые скалы не имели снега. Внезапная перемена цвета на поверхности моря подает мысль, что берег обширен, или по край-

ней мере состоит не из той только части, которая находилась перед глазами нашими. Вид, снятый г. Михайловым помещен в атласе» (Беллинсгаузен, кап. «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света, в продолжение 1819, 20 и 21 годов ...», ч. II. СПБ, 1831, стр. 254)[1]. Координаты земли Александра I-го были определены — 68° 29' ю. ш. и 75° 40' з. д.; это и была Антарктида, которую до 17-го января 1821 г. не видел ни один мореплаватель. Таким образом, честь открытия Южного полярного материка принадлежит русским морякам, Беллинсгаузену и Лазареву (1788 — 1851 гг.)[2]. Покойный академик Ю. М. Шокальский писал: «Из общего громадного числа дней плавания в южном полушарии в 1003 дня Кук провел южнее 60° параллели всего 75 дней, а во льдах плавал всего 80 дней... Если плавание Беллинсгаузена в южном полушарии продолжалось почти ровно половину времени сравнительно с Куком, а именно 535 дней, то из них он провел 122 дня южнее 60° широты и плавал среди льдов 100 дней ... Кук прошел к югу от 60° на расстоянии 125° долготы и 24° к югу от полярного круга, иначе говоря, три четверти окружности 60-й параллели, т. е. совершил вполне беспримерное плавание, с тех пор и доныне никем не повторенное ... На этом пути Беллинсгаузен четыре раза достигал пределов 70° ю. ш., три раза поднимался до 67° и один раз до 65° той же широты» (Ю. Шокальский, «Столетие со времени отправления Русской антарктической экспедиции под командою Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева 4 июля 1819 года из Кронштадта», ст. в «Известиях Госуд. рус. географич. Общества», т. X, ГИЗ, 1928).

См. академик Л. С. Берг, «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней», Географгиз, 1949, а также сборник «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах», Географгиз, М., 1949, под ред. проф. А. И. Андреева; Дм. Голубева, «Русские в Антарктике», «Госкультпросветиздат», М., 1949. К. Осипов, «Как русские люди открыли Антарктиду», Географгиз, М., 1950; Русские открытия в Антарктике в 1819 — 1820 — 1821 годах: Геграфгиз, М., 1951; А. В. Соколов, Е. Г. Кушнарев, «Три кругосветных плавания М. П. Лазарева», Географгиз, М., 1961, стр. 75 — 172; С. Иванов. К. Голованов, «Ф. Ф. Беллинсгаузен», под ред. А. И. Соловьева, Географгиз, М., 1952; С. Узин, Б. Юсов, «М. П. Лазарев», под ред. А. Н. Соловьева, Географгиз, М., 1952; Н. Я. Болотников, Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев; ст. в сбори. «Русские мореплаватели», изд. Министерства обороны СССР, М., 1953, стр. 185 — 209; В. Х. Буйницкий, «Антарктика», Географгиз, М., 1953; М. П. Котухов, «Великий подвиг». Открытие Антарктиды, Географгиз, М., 1955.

Берг Лев Семенович (1876—1950 гг.), академик (с 1946 г.), лауреат государственной премии, бывший президент Всесоюзного географического общества (с 1940 г.), крупнейший русский географ, лимнолог,

[1] Есть новое издание этого сочинения „Географгиз"—а (1949 г.), под редакцией и с ценной вступительной статьей и комментариями доктора военно-морских наук проф. Е. Е. Щведе. Список литературы об экспедиции Беллинсгаузена—Лазарева составленный библиографом Н. С. Богаткиной, дан на стр. 354—357.

[2] Следует отметить, что Ф. Ф. Беллинсгаузен на 11 лет раньше гениального английского ученого, Чарлза Дарвина (1842 г.), создал теорию образования коралловых островов—атоллов (См. А. В. Ступышин, „Ф. Ф. Беллинсгаузен и учение о коралловых островах", статья в „Известиях Всесоюзного Географич. Общества", т. 82, вып. 3 (май—июнь), 1950, стр. 318—320.

зоолог (ихтиолог), виднейший историк русской географической науки; человек с разнообразными научными интересами; один из талантливейших учеников профессора и академика Д. Н. Анучина.

Л. С. Берг широко известен, как в СССР, так и в зарубежных странах, своими ценными исследованиями Аральского моря, озера Балхаш, озера Иссык-Куль, книгой «Природа СССР» и др. Ему принадлежат замечательные исследования о происхождении лёсса и о колебаниях климата в послеледниковое время (См. «Климат и жизнь», 2-ое изд., Географгиза, М., 1947), Берг, давая обзор взглядов на происхождение лёсса и критикуя взгляды Рихтхофена и Тутковского (эоловая гипотеза происхождения лёсса); А. Павлова (делювиальная или струевая теория происхождения лёсса[1] и Кропоткина (водно-ледниковая гипотеза), утверждает, что «лёсс и лёссовидные породы, могут образовываться на месте (in situ) из самых разнообразных мелкоземлистых, богатых карбонатами пород в результате процессов выветривания и почвообразования в условиях сухого климата» («Климат и жизнь», стр. 172). В отличие от эоловой, делювиальной и ледниковой гипотез происхождения лёсса, свою гипотезу Берг называет почвенной (элювиальной); этот взгляд разделяется многими геологами, географами и почвоведами, как то: К. Д. Глинкой, С. С. Неуструевым, Л. П. Прасоловым и др.

Что же касается вопроса об усыхании Евразии, то, по данным Л. С. Берга, «Непрерывного усыхания со времени окончания ледникового периода не было...». Не наблюдается прогрессивного усыхания и в течение исторического периода.

Из значительных географических трудов Берга назовем следующие: 1) «Аральское море» (1908 г.); 2) «Бессарабия», изд. «Огни», 1918; 3) «Климат и жизнь» (1922 г.), сборник статей; есть 2-ое переработанное и дополненное издание Географгиза, М., 1947; 4) «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», М.-Л., 1924 г.; второе издание этого превосходного труда вышло в 1935 г., «Главсевморпути», а 3-ье в 1946 г., в изд. АН СССР; 5) «Очерк истории русской географической науки» (вплоть до 1923 г.), Л., изд. АН СССР, 1929; 6) «Основы климатологии», два издания, 2-ое — 1938 г. М., «Учпедгиз»; 7) «Природа СССР» (два издания; 2-ое — 1938 г., М., «Учпедгиз»; этот труд переведен на немецкий и французский языки). Один американский рецензент сочинения Берга «Природа СССР» в журн. „Geographical Review" — (1938, April) справедливо указал, что «эта работа об естественных областях СССР, самая исчерпывающая и ценная, которая когда-либо появлялась, по существу ее надо считать классической. Работа проф. Берга обнаруживает качества, которые редко сочетаются, — научность и эрудицию, точность деталей и силу синтеза». Л. С. Бергу принадлежит также оригинальная классификация климатов, построенная на географическом принципе; по Бергу, на земном шаре можно различать следующие зоны: 1) вечного мороза, 2) тундры, 3) тайги, 4) лиственных лесов умеренной зоны, 5) муссоный климат умеренных широт, 6) степей, 7) средиземноморский, 8) субтропических лесов, 9) внетропических пустынь, 10) субтропических пустынь, 11) саванн, 12) влажного тропического леса.

Как видим, в основе этой классификации лежат ландшафтные зоны. Л. С. Берг убедительно доказывает, что между климатом, рельe-

[1] Этой теории придерживаются Димо, Захаров, Лаппаран и некоторые другие.

фом, почвенным покровом и растительностью наблюдается самая тесная связь и взаимодействие. Совокупность указанных физико-географических условий создает в различных областях Земли характерные ландшафты, в образовании которых климат играет важную роль[1]. Классификация климатов Л. С. Берга, по мнению некоторых компетентных климатологов, очень проста, удобна и вполне научна.

8) Капитальный труд «Географические зоны Советского Союза; т. I, изд. «Сельхозгиз», М.-Л., 1931; есть 2-ое и 3-ье изд. и т. II, «Географгиз», М., 1952; 9) «Очерки по истории русских географических открытий», изд. АН СССР, М.-Л., 1946, есть 2-ое изд. этого труда 1949 г., 10) «Всесоюзное географическое общество за 100 лет», 1946 г. и др.

Заслуживают также внимания выдающиеся труды Л. С. Берга по зоогеографии и ихтиологии («Рыбы бассейна Амура», 1909 г., «Происхождение фауны Байкала», «Рыбы пресных вод России», 1910 г., 2 изд. 1923 г.) и др.

Кроме того, нельзя не отметить, и того факта, что акад. Л. С. Берг, как было отмечено выше, изучил в историческом аспекте ряд географических районов и ряд географических проблем; к такого рода палеогеографического характера трудам относятся: 1) «О колебаниях озер Средней Азии и Зап. Сибири» (совместно с Игнатовым), 1900; 2) «Высыхает ли Средняя Азия?» (1904 г.); 3) «Фауна Байкала и ее происхождение» (впервые в 1910 г.); 4) «Об изменении климата в историческую эпоху» (1911 г.); 5) «Изменения рельефа со времени засушливой послеледниковой эпохи» (1913 г.); 6) «Уровень Каспийского моря за историческое время» (1934 г.); 7) «Климаты геологического прошлого» (1947 г.); 8) «О предполагаемом раздвижении материков», серьезная и почти исчерпывающая критика теории Вегенера (1948 г.); 9) После кончины Л. С. Берга была напечатана его статья «О проблематичном усыхании степей и пустынь» в журн. «Известия АН СССР», серия географическая, 1953, № 5, стр. 5—13.

Затем, Л. С. Бергу принадлежат еще работы методологического и методического характера, в которых он высказал свои взгляды на предмет, задачи и состав географической науки. К такого рода сочинениям относятся, напр.: 1) «Предмет и задачи географии», в «Изв. Русского Географ. общества», М., т. 51, 1915; 2) «География и ее положение в ряду других наук», сборник «Вопросы страноведения», М.-Л., 1925; 3) «Наука, ее смысл, содержание и классификация», Пб, 1922, в «Изв. Географич. Института», ч. II, и отдельно в изд. «Время», и др.

Обратимся к рассмотрению взгляда Берга на предмет и задачи географической науки.

Л. С. Берг географию определяет следующим образом «География есть наука хорологическая (от греческого место); она не занимается сущностью или формой подлежащих ее ведению предметов или явлений, ее интересует их распределение в пространстве и во взаимной связи. Предметом географии является изучение ландшафтов, как природных, так и культурных. Природный ландшафт есть область, в которой характер рельефа, климата, растительного и почвенного покрова сливается в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении известной зоны Земли. Культурный ландшафт — это такой, в создании которого важную роль играл человек; таковы напр., чело-

[1] Л. С. Берг, „Основы климатологии", изд. 2, переработ. и дополн., „Учпедгиз", Ленинградское отд., Л., 1938, стр. 344—346.

веческие поселения. То, что разумеют под именем физической географии, составляет комплекс совершенно особых наук: геоморфологии, гидрологии и метеорологии, знакомство с которыми, однако, безусловно необходимо для географа. Научное страноведение невозможно без карт, ибо изучение стран или ландшафтов требует прежде всего означения границ. Поэтому картография неразрывно связана со страноведением, или, что то-же — с географией. Термины географии, землеведение и страноведение... являются синонимами» (Л. С. Берг, «Очерк истории русской географической науки», стр. 6).

Непосредственным объектом изучения географической науки, по взгляду Л. С. Берга, является географический ландшафт, т. е. «такая совокупность, или группировка, предметов и явлений, в которой особенности рельефа, климата, вод, почвенного и растительного покрова и животного мира, а также, до известной степени, деятельности человека сливаются в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении данной зоны Земли»[1].

Каждый ландшафт характеризуется полным приспособлением всех его элементов друг к другу вследствие того, что «ландшафт есть как бы сообщество высшего порядка соединяющее и объединяющее в себе, с одной стороны, сообщества организмов (биоценозы), т. е. растений (фитоценозы), животных (зооценозы), и, до известной степени, человека, а с другой — комплексы неорганических явлений: форм рельефа, скоплений вод, климатических факторов; к элементам ландшафта относятся и такие тела, как почвы, которые есть производное одновременно и органического мира и неорганических частей земной коры» (Акад. Л. С. Берг, «Географические зоны Советского Союза», изд. 3-ье, ОГИЗ, М., 1947, стр. 6). В каждом ландшафте «части обусловливают целое, а целое влияет на все части». Если изменить «одну какую-нибудь часть ландшафта, то изменится и весь ландшафт». Примерами географических ландшафтов, по Бергу, могут служить: Валдайская возвышенность, овражный ландшафт, лесостепья, Среднесибирское плоскогорье, лёссовые области пустынной зоны, заросли ламинарий (подводный ландшафт). и др.

«Ландшафты суши, говорит Берг, можно сгруппировать в ландшафтные зоны, которые имеют в общем приблизительно широтное простирание, что стоит в связи с таким же простиранием климатических и почвенных поясов ... Географический ландшафт распадается в свою очередь на группировки более мелкого характера, которые можно считать географическими индивидами» (Ibid).

В основу своей классификации ландшафтных зон, по собственному признанию Л. С. Берга, он положил учение великого русского почвоведа, В. В. Докучаева, который еще в 1898 г. писал, что до сих пор «изучались, главным образом, отдельные тела, — минералы, горные породы, растения и животные, — явления, отдельные стихии — огонь (вулканизм), вода, земля, воздух — в чем наука и достигла, можно сказать, удивительных результатов, но не их соотношения, не та генетическая вековечная и всегда закономерная связь, какая существует между силами, телами и явлениями между мертвой и живой природой, между растительным, животным и минеральным царствами — с одной сто-

[1] В 1945—1946 гг. Л. С. Берг определял географию, как и науку о географических аспектах (см., напр., его труд „Всесоюзное географическое общество за 100 лет", М.-Л., 1946, стр. 196).

роны, человеком, его бытом и даже духовным миром — с другой». (В. В. Докучаев. «К учению о зонах природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны», СПБ, 1899, стр. 29, перепечатка из газеты «Кавказ», 1898).

Л. С. Берг в северном полушарии (на низинах) различает след. ландшафтные зоны: 1) зона тундры (к северу от которой можно выделить ледяную зону, где средняя температура самого теплого месяца около 0°; сюда относятся северный остров Новой Земли, Земля Франца Иосифа, Северная Земля и др., 2) зона лесов умеренного климата, 3) зона лесостепья, 4) зона степей, 5) зона средиземноморская, 6) зона полупустынь, 7) зона пустынь умеренного климата, 8) зона субтропических лесов, 9) зона тропических пустынь, 10) зона тропических степей, 11) зона тропического лесостепья (саванны), 12) зона тропических влажных лесов.

«Кроме ландшафтов низин, указывает Л. С. Берг, можно на суше отличить еще ландшафты гор. Наконец, под водою имеются подводные ландшафты. При описании географического ландшафта ... необходимо описать внешние признаки и структуру ландшафта (т. е. его элементы, его границы, воздействие внешней среды на ландшафт и ландшафта на среду, отношение к другим ландшафтам этой же зоны, историю развития и смену ландшафтов...)».

Исходя из вышеизложенного, нельзя не согласиться с справедливым замечанием Ф. Н. Милькова о том, что описательное ландшафтоведение своими успехами в значительной мере обязано трудам Л. С. Берга (см. Ф. Н. Мильков, «Лесостепь русской равнины», Опыт ландшафтной характеристики, Изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 5). И в самом деле, еще в 1913 г. Берг в своей статье «Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфологические области» (см. «Сборник в честь 70-ти летия Д. Н. Анучина») впервые попытался дать определение географического термина — ландшафт. После этого он в течение ряда лет уточняет этот термин; так, в 1915 г. Л. С. Берг в своей работе «Предмет и задачи географии» (см. «Изв. РГО», т. 51, 1915). Несколько больше уточняет свое определение понятия — ландшафт 1913 года и, как было указано выше, он устанавливает различие между природным ландшафтом и культурным ландшафтом. Свое определение ландшафта Л. С. Берг повторяет в след. своих работах: 1) «География и ее положение в ряду других наук» (в сборнике «Вопросы страноведения», М.-Л., 1925), 2) «Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.), 3) «Физико-географические ландшафтные зоны СССР», 4) «Географические зоны СССР».

В 1939 г. Л. С. Берг в своей статье «Докучаев как географ» (журн. «Почвоведение», № 2), предложил заменить термин ландшафт-термином «урочище», в 1945 же году в статье «Фации, географические аспекты и географические зоны» (в «Изв. Всесоюзного географ. общ.», т. 77, вып. 3) термин ландшафт он заменяет термином «географический аспект», а ландшафтные зоны он предложил называть «географическими зонами». В 1946 г. Л. С. Берг в своей книге «Всесоюзное географич. общ. за 100 лет» географический аспект он повторно определяет след. образом: «под именем географического аспекта — мы понимаем такие совокупности или группировки предметов и явлений, в которых особенность рельефа, климата, вод, растительного и почвенного покрова и животного мира, а также человеческого населения и его

деятельности сливаются в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении известной зоны Земли» (стр. 197).

Таким образом, акад. Л. С. Берг в течение 34 лет настойчиво разрабатывал учение о ландшафте. Он, по мнению Ф. Н. Милькова, довел учение о ландшафтной зональности «до такой степени совершенства, что ландшафтные зоны стали основой всякой географической работы» (Ф. Н. Мильков, назв. соч., стр. 14).

Заслуживают также самого серьезного внимания ценные труды Л. С. Берга по истории русской географической науки. По его справедливому замечанию, подробная история русской географической науки пока что еще не написана. Однако, ряд сочинений акад. Берга как то: 1) «Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.)», изд. АН СССР в 1929 г., 2) «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» (3-е изд. АН СССР, Л., 1946), 3) «Всесоюзное географическое общество за 100 лет. 1845 — 1945» (Изд. АН СССР, М., 1946), 4) «Очерки по истории русских географических открытий» (1-ое изд. АН СССР 1946 г.; второе — 1949 г.), 5) «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» (Географгиз, 1949 и др.), дает богатый материал по истории русской географической науки.

Л. С. Берг, разрабатывая в течение многих лет проблемы истории русской географической науки, пришел еще 22 года тому назад (в 1929 г.) к заключению, что «Вряд ли в какой-либо другой отрасли вклад русских исследователей столь же велик, как в географии. Стоит указать на то, что русскими в пределах только одного СССР положена на карту и изучена площадь, равная одной шестой поверхности суши, что громадные пространства исследованы в пограничных с Россией областях Азии, что все берега Европы и Азии — от Варангерфиорда до Кореи, а равно берега значительной части Аляски, положены на карту русскими моряками. Прибавим еще, что множество островов открыто и описано нашими мореплавателями на Тихом океане»[1].

В каждом из вышеназванных трудов акад. Берга показаны огромные заслуги русских ученых в различных областях географической науки. Так, во 2-м издании «Очерков по истории русских географических открытий» он сообщает о Ломоносове и о первом русском плавании для отыскания северо-восточного прохода, о первых русских путешествиях за границу, о первых русских в Англии, о первых русских сведениях об Америке, о древнейших сведениях о крайнем севере Сибири (до XVII в.), об открытии Семеном Дежневым Берингова пролива, о путешествиях С. П. Крашенинникова по Камчатке, о первых русских кругосветных мореплавателях, об открытии русских в Тихом океане, о русских открытиях в Антарктике, о А. И. Бутакове — исследователе Аральского моря, об исследованиях Миклухо-Маклая на Новой Гвинее, об А. И. Воейкове, о путешествиях В. Л. Комарова по Камчатке, о первых русских картах Каспийского моря в связи с вопросом о колебаниях уровня этого моря, о всероссийском атласе Ивана Кирилова, о П. А. Словцове и законе Бэра, об Атлантиде и Эгеиде, о Петре Петровиче Семенове-Тян-Шанском, как географе, о Н. М. Пржевальском, как путешественнике, о В. В. Докучаеве и его учении о географических зонах, о значении трудов акад. В. И. Вернадского

[1] Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 3.

для географии, о Дмитрии Николаевиче Анучине, о географических исследованиях в Академии наук СССР, о географических открытиях в Советское время.

Правда, это лишь очень талантливо и с полным знанием дела написанные отдельные «Очерки по истории русских географических открытий; однако, принимая во внимание богатую эрудицию и энциклопедические знания Л. С. Берга, можно было ожидать, что он обогатит науку систематическим трудом по истории русских географических открытий и по истории русской географической мысли, но этому не суждено было сбыться... Смерть вырвала талантливого советского географа из рядов выдающихся русских ученых.

Труды акад. Л. С. Берга несомненно свидетельствует о широте его многообразных научных знаний и ученых интересов и почти об исчерпывающей полноте проработки тех вопросов, которые он изучал. Большинство его сочинений поражают своей архитектоникой, ясностью построения и изложения. Л. С. Берг хорошо знал историю древней, средневековой и новой философии, а также историю естествознания.

«История науки, говорит доц. П. С. Кузнецов, знает немало имен ученых — энциклопедистов, но они характерны для XVI, XVII, XVIII вв. и меньше для XIX и XX вв. В связи с огромным ростом научных знаний быть в курсе нескольких областей науки одновременно — уже почти неосуществимая задача. Л. С. Берг был в этом отношении исключением. Обладая необыкновенным талантом и изумительной работоспособностью, он смог охватить почти все области естествознания, связанные с изучением явлений поверхности земли, и в своих исследованиях исходил из созданного Докучаевым учения об органической связи этих явлений. Берг был ихтиологом, лимнологом, климатологом, геоморфологом, геологом, гидрологом, почвоведом и больше всего — географом. Ибо именно география, с ее сложным объектом изучения, соответствовало творческому таланту»[1].

Тридцать лет тому назад его философское мировоззрение носило несколько метафизический характер. Теория Л. С. Берга об эволюции живых существ («номогенез») подверглась суровой критике со стороны некоторых виднейших русских биологов-дарвинистов, а равно и представителей марксистской философии. Однако, и несколько ранее русские профессора Шимкевич, Козо-Полянский, Никольский, Н. А. Иванцов и Н. А. Гредескул дали отрицательный отзыв о берговской теории «номогенеза». Эта концепция отрицала творческую роль естественного отбора и единство происхождения (монофилетизм) современных видов животных и растений и объясняла эволюцию, как телеологический процесс («развертывание уже существующих задатков»). От этой своей теории акад. Л. С. Берг впоследствии отказался.

Л. С. Берг состоял почетным членом многих отечественных и зарубежных научных обществ.

Именем Берга назван пик высотой в 6094 м. в Юго-Западной части Памира, ледники — там же и в Джунгарском Алатау, вулкан на Курильских островах и мыс на острове Октябрьской Революции (Северная Земля).

---

[1] Доц. П. С. Кузнецов, „Л. С. Берг как географ“ (к годовщине со дня смерти), статья в журн. „Природа“, изд. АН СССР, 1951, № 12, стр. 82.

О Л. С. Берге см: 1) Н. Н. Соколов, «Лев Семенович Берг, как географ», ст. в сборн. «Вопросы географии», вып. 1-й, М., ОГИЗ 1946, стр. 7—22; 2) Н. А. Солнцева, «Основные этапы развития ландшафтоведения в нашей стране», сборн. «Вопросы географии», в. 9, Географгиз, М., 1948, стр. 67 — 70; 3) «Памяти академика Льва Семеновича Берга», редакц. статья в журн. «География в школе», 1951, № 2 (март-апрель), стр. 1—4; 4) Л. С. Берг, «Беседа со студентами географического факультета Московского университета» (октябрь 1947 г.); статья автобиографического характера в журн. «География в школе», 1951, № 2-й, стр. 5—9; 5) Проф. А. Н. Световидов, «Памяти акад. Л. С. Берга», ст. в журн. «Природа», 1951, № 7 (июль), изд. АН СССР, стр. 87—91; 6) «Вопросы географии», сборн. 24, Географгиз, М., 1951, (посвящен памяти акад. Л. С. Берга); 7) БСЭ, 2-ое изд., т. 4, стр. 618 — 619; 8) Живко Гълъбов, «Лев Семенович Берг», статья в болгарском журн. «География», 1951, № 8, стр. 1—4 и др.; 9) Н. Н. Соколов, «Л. С. Берг», статья в «Сборнике работ по географии и биологии», Изд. АН СССР, М.-Л., 1955, стр. 18 — 60; 10) И. П. Герасимов, С. В. Калесник и Е. Н. Павловский, «Л. С. Берг в географическом обществе», ст. в том же «сборнике»; стр. 61 — 66; 11) Л. Г. Исаченко, «Докучаевское генетическое направление в физической географии и его развитие в трудах Л. С. Берга», ст. в том же «сборнике», стр. 94 — 111; 12) Р. Л. Берг, «По озерам Сибири и Средней Азии»; путешествие Л. С. Берга (1898 — 1906 гг.) и П. Г. Игнатова (1898 — 1902 гг.), Географгиз, М., 1955; 13) В вышеназванном «Сборнике работ по географии и биологии», изд. АН СССР, 1955 г. приведен «Систематический список работ и трудов акад. Л. С. Берга», составленный М. М. Берг, стр. 531 — 560.

Беринг Витус (1680 — 1741 гг.)[1], известный русский мореплаватель, датчанин, родом из приморского городка Горсенса. В 1703 г. из Дании он отправился в продолжительное плавание в Ост-Индию. В 1704 г. Беринг принял предложение вице-адмирала Крюйса и поступил на службу в русский флот, который устраивался по инициативе и под непосредственным руководством Петра I. По мысли последнего была организована экспедиция для выяснения вопроса «соединяется ли Азия с Сев. Америкой». Начальником этой экспедиции был назначен В. Беринг, который, с 1725 г. по 1730 г. вместе со своими спутниками (Алексеем Чириковым, Мартином Шпанбергом, Петром Чаплиным, двумя геодезистами и 60 матросами) прошел в пролив, отделяющий материк Азии от Америки, и открыл несколько островов. История первого путешествия Беринга на Камчатку и на берега Великого океана описана ранее всего в книге под заглавием: «Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах, под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга, с присовокуплением краткого биографического сведения о капитане Беринге, и бывших с ним офицерах и изданного в 1823 г. (в СПБ). Василием Берхом, составлена по дневнику участника экспедиции «Юрнал бытности Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина».

Витус Беринг возглавил также и вторую Камчатскую экспедицию, которая по масштабу своему и значению занимает выдающееся место в истории освоения русской Арктики. Эта экспедиция, по всей справедливости, получила наименование «Великой Северной экспедиции» (1733 — 1743 гг.). Во вторую экспедицию Беринга было исследо-

---

[1]. Беринг Витус (Иван Иванович) (1681—1741). БСЭ, т. 5, стр. 16.—Ред.

вано все северное побережье России от Архангельска до Камчатки и были открыты острова Командорские, Алеутские и ряд других. Во время этой экспедиции В. Беринг умер на одном из Командорских островов.

Об экспедициях В. Беринга см. 1) ценный труд проф. Л. С. Берга, «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», 1935 г., Изд. «Главсевморпуть», первое изд. было опубликовано в 1924 г., а третье в 1946 г. в издании АН СССР; 2) Б. Г. Островский, «Беринг». Изд. Главсевморпути, Ленинград, 1939; 3) Свен—Ваксель, «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга», перев. с рукописи на немецком языке Ю. И. Бронштейна, под ред. и с предисловием А. И. Андреева, Изд. «Главсевморпути», Л.-М., 1940; 4) «Экспедиция Беринга», Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский, Главн. Архивное Управление НКВД СССР, М., 1941; 5) Рейхенберг, М., «Витус Беринг», к 200-летию со дня смерти, статья в «Настольном календаре учителя на 1941 г.», стр. 243 — 246; 6) А. И. Андреев, «Экспедиции В. Беринга», статья в журн. «Известия Всесоюзного географич. общества», т. 75, вып. 2-й, М.-Л., 1943, стр. 3—44; 7) Проф. А. В. Ефимов, «Из истории великих русских географических открытий», «Учпедгиз», Академия педагогических наук РСФСР, М., 1949, стр. 66—73; 8) Е. С. Юнга, Витус Ионсен Беринг и Алексей Ильич Чириков; ст. в книге «Русские мореплаватели», военное изд. Министерства обороны СССР, М., 1953, стр. 33 — 56; 9) Н. Н. Зубов, Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов, Географгиз, М., 1954, стр. 53 — 60, 63 — 101.

Бернье Франсуа (1625 — 1688 гг.), французский врач, философ и путешественник; прожил в Индии двенадцать лет. К. Маркс в письме к Энгельсу (2-го июня 1853 г.) пишет о Бернье следующее: «Об образовании городов на Востоке нет ничего более блестящего, наглядного и неотразимого, чем старая книга Франсуа Бернье, бывшего девять лет врачем при Аурангзебе» (Великий Могол). На это Ф. Энгельс ответил Марксу: «Старый Бернье на самом деле очень хорош...» (письмо от 6-го июня 1853 г.).

Франсуа Бернье родился в Монпелье около Конокорд; в 1652 г. он окончил университет, в том же году сдал экзамен на звание доктора медицины. Сильное влияние на его умственное развитие оказал известный философ-материалист Гассенди (1592—1652 гг.). В 1654 г. Бернье путешествовал по Палестине и Сирии. В 1656—1658 гг. он посетил Египет и Аравию и, наконец, прибыл в Сурат, где находились фактории европейских торговых компаний в Индии. Испытав ряд приключений, Бернье попал на службу к Великому Моголу Аурангзебу. Бернье посетил многие районы и города Индии и дал их описание; так, в письме Де-ла-Мот-ле-Вайе он говорит об индийских городах — Дели, Агре, Лахоре. В 1655 г. он сопровождал в Кашмир эмира Данишменда и дал описание этого края; отсюда Бернье совершил путешествие через всю империю Великих Моголов в Бенгалию, где у города Аллахабада встретил французского путешественника Тавернье. В 1666 г. из Бенгалии Бернье проехал в Голконду. В 1667 г. он, на обратном пути во Францию, посетил Иран.

В 1669 г. вернулся на родину, где и опубликовал книгу и письма о своем путешествии.

Во время своего пребывания в Индии Бернье обратил внимание на ряд особенностей индийского феодализма того времени—на наличие

государственной собственности на землю и на наличие городов-лагерей.

«Книга Бернье, говорит А. Пронин, состоит из ряда отдельных работ, написанных им в разное время и в различных условиях ... Общей характерной чертой для всех этих работ Бернье является острая наблюдательность автора, способность подмечать наиболее главное и существенное, что и было отмечено Марксом и Энгельсом... «Книга Бернье дает огромный и большей частью достоверный материал, характеризующий крупнейшие политико-экономические сдвиги, происходившие в Индии в течение XVIII века и особенно в годы пребывания Бернье в Индии. Изложение конкретных событий Бернье дает живо и подчас красочно, подмечая в них наиболее характерное» (Из предисловия к книге Ф. Бернье А. Пронина: стр. 41, 42, 44; сокращенный рус. перевод соч. Бернье «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола»; Госиздат, М.-Л., 1936 г.). У Бернье, между прочим, есть сведения о том, что Аурангзеб имел телохранителей из рабов — грузин. (См. 66 стр. рус. перевода соч. Бернье).

О Франсуа Бернье см. также краткие биографические сведения, приведенные А. Семеновым во введении к статье «Принц Дара — Шекух» (Эпизод из истории Великих Моголов); напеч. в. «Сборнике» Туркестанского Восточного Института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 86 — 87.

Бжишкян Минас, он же Минай Медици или Медичи патер венецианского монастыря мхитаристов (1777 — 1851 гг.) — путешествовал по Украине, Польше, Крыму, Сев. Кавказу, Грузии и Армении. В своем труде «Путешествие в Польшу и в другие страны, в которых обитают армяне, потомки переселенцев из Ани», он дает интересные сведения о посещенных им странах.

См. труд проф. Меликсет-Бека, «Публикации письмен. источн. по истории Грузии. Каталог», 1, Тб., 1949, стр. 302 — 303.

Боднарский Митрофан Степанович (1870 — 1953 гг.), известный русский географ, быв. профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ученик выдающегося русского ученого Д. Н. Анучина, родился в селе Сверщове быв. Холмского уезда, быв. Люблинской губ., в семье народного учителя. По окончании холмской гимназии он, вследствие материальной нужды, не мог поступить в высшее учебное заведение и принужден был начать службу в конторе варшавского государственного банка в должности контролера. Лишь в 1906 г. ему удалось поступить на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, который он окончил в 1910 г. С 1912 г. М. С. Боднарский работал ассистентом при кафедре географии; вел он со студентами семинарские и практические занятия, а также руководил студенческим научным кружком. Одновременно Боднарский очень много работал по своей специальности и изучал русскую и зарубежную географическую литературу, а также готовился к магистрантскому экзамену, который сдал в 1918 г. После этого он приобрел право самостоятельно преподавать в высших учебных заведениях.

Продолжая работу в университете, М. С. Боднарский в то же время с 1918 г. до 1923 г. читал лекции в Иваново-Вознесенском педагогическом институте и до 1927 г. в Военной академии им. Фрунзе. В 1936 г. М. С. Боднарскому присуждена была ученая степень доктора географических наук (по разделу физической географии).

Кроме педагогической работы, он вел плодотворную научно-исследовательскую работу в Институте географии при Московском университете и в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии; затем, он возглавлял работу Бюро транскрипции, принимал живое участие в деятельности Всесоюзного географического общества и ряда других научных обществ.

М. С. Боднарскому принадлежит ряд ценных научных работ, из которых мы назовем лишь наиболее крупные: 1) Великий Северный морской путь. Историко-географический очерк, Госиздат, М., 1926; 2) Очерки по истории русского землеведения, ч. 1, М., 1947; 3) Античная география, Книга для чтения, Географгиз, М., 1953; 4) Словарь географических названий, Учпедгиз, М., 1954.

Тому же автору принадлежит ряд статей в журналах, в энциклопедических словарях — Граната, БСЭ, МСЭ.

Подобно своему учителю, Д. Н. Анучину, М. С. Боднарский отличался разнообразием умственных интересов, большой широтой научного горизонта, гуманностью и большим патриотизмом.

Бонплан Эме (1773 — 1859 гг.), известный французский ботаник, фитогеограф, путешественник и врач, спутник Александра Гумбольдта во время путешествий последнего по странам Ю. Америки; настоящая фамилия Бонплана—Гужо (Goujaud); родился он во французском городе Ла-Рошель. Рассказывают, что Бонплан с детства любил растения, разводил их и ухаживал за ними с необычайной рачительностью; вследствие этой склонности к ботанике отец, по профессии врач, прозвал сына — «Бонплан», т. е. «хороший растениевод». Это прозвище так и осталось за Гужо и он стал именоваться Бонпланом. В высшей школе он с особенной любовью изучал геологию, зоологию и ботанику. Большое влияние оказали на Бонплана лекции талантливого профессора ботаники — Жюсье.

Французский национальный Музей решил отправить экспедицию в южные страны западного полушария для исследования испанских владений от устья Ла-Платы до Квито и Панамского перешейка. Эту экспедицию должен был возглавлять капитан Боден, опытный моряк. Бонплан был назначен членом экспедиции. Как раз в это время приехал в Париж выдающийся немецкий ученый Александр Гумбольдт. Узнав о том, что организуется экспедиция в Ю. Америку, он решил принять в ней участие и познакомился с Бонпланом. Оба выдающихся ученых скоро подружились. Через некоторое время выяснилось, что французская экспедиция не состоится; тогда А. Гумбольдт решил отправиться вместе с Бонпланом в Ю. Америку на свой страх. Сначала путешественники поехали в Испанию, а оттуда на корабле «Пизаро» прибыли в северную часть Ю. Америки и совершили знаменитую экспедицию в бассейне реки Ориноко. В письме к своему брату Вильгельму, от 17-го (30-го) октября 1800 г., из Кумани, А. Гумбольдт сообщает: «Все трудности этого утомительного путешествия я благополучно перенес. Четыре месяца прожили мы, перенося страшные муки от москитов и муравьев, которые нас заедали, претерпевая сверх того страшный голод; мы постоянно спали в лесу; ели бананы, маннок, подчас одни коренья и пили воду; вот все, что составляло нашу пищу. Мой друг Бонплан пострадал несравненно больше, нежели я, от наших разъездов»... Бонплан серьезно захворал тропической малярией и Гумбольдту пришлось повезти его к доктору Фаррераса, дом которого стоял на возвышенности, в довольно прохладной долине». Гумбольдт, сообщая о том, что он

«был в страшном беспокойстве во время болезни». Бонплана, замечает: «никогда в жизни не будет у меня такого верного, благородного и преданного друга». В письме же из Гаванны от 21 февраля (6-го марта) 1801 г., Гумбольдт пишет: «Я все более и более восхищаюсь моим товарищем Бонпланом. Этот человек вполне делает честь своим учителям: Жюсье, Дефонтену и Ритару. Кроме того, какая у него добрейшая душа, какая сила воли и неустрашимость ... у него огромные способности для путешественника и естествоиспытателя. Он один привел в систему 1200 дублетов растений. Все описания наполовину его работы. «По возвращении из путешествия, Бонплан был назначен директором ботанических садов в Наварре и Мальмезоне, описание которых он издал под заглавием «Description de plantes rares Cultivées à Navarre et à Malmaison» (Paris, 1813). Несколько раньше (в 1808 г.) Бонплан выпустил в свет два солидных труда: 1) «Plantes équinoxiales recueilles au Mexique»..., 2 V. (Paris, 1808) и «Monographie des Mélastomacès...», 2 V. (P., 1808)

Материалы для этих сочинений автор собрал во время своих путешествий с А. Гумбольдтом. В 1816 г. Бонплан вернулся в Ю. Америку и был назначен в Буэнос-Айресе профессором естественной истории (в 1818 г.; Бонплан хорошо владел испанским языком). Из Буэнос-Айреса он совершил путешествия по пампе, посетил провинции Санта-Фе, Гран-Чако и Боливию и оттуда направился к подножию Андов. Через некоторое время Бонплан, поселившись в Парагвае, устроил колонию местных индейцев, с которыми стал разводить парагвайский чай (мате). Вскоре эта колония была разгромлена по распоряжению парагвайского диктатора Франсиа; Бонплан был арестован в 1821 г. и содержался до 1829 г. в качестве военнопленного врача при парагвайских войсках. Многие видные ученые (Кювье, Гумбольдт), писатели (Шатобриан), государственные деятели ходатайствовали об освобождении Бонплана, но Франсиа долго на это не соглашался и лишь только через десять лет, в 1831 г., исстрадавшийся ботаник был отпущен на свободу. После этого Бонплан собирался вернуться на родину, но затем раздумал и остался доживать свой век в Южной Америке, сначала в Уругвае, а затем в Парагвае. Умер знаменитый путешественник и ботаник 86 лет от роду в большой бедности и нужде.

Биография Бонплана принадлежит Brunel, «Biographie d' Aimè Bonpland», P., 1872). На русском языке биографические сведения о Бонплане даны в старом журн. «Вокруг света», под ред. А. Разина и П. Ольхина, изд. М. О. Вольфа, 1861, т. 1-й, стр. 208 — 216; там же помещен его портрет.

Борзов Александр Александрович (1874 — 1939 гг.), известный русский географ, выдающийся педагог и многосторонний ученый, профессор Московского университета, родился и среднее образование получил в Воронеже. По окончании гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, где работал под руководством проф. Д. Н. Анучина. После сдачи государственных экзаменов, А. А. Борзов продолжал научно работать под руководством того же профессора; одновременно он начал педагогическую деятельность в средней школе, для которой, по отзывам его товарищей и учеников, он много сделал хорошего. Борзов составил и опубликовал полезное пособие — «Картины по географии России» с объяснительным текстом в 2-х частях; вторая часть этой выдающейся

работы, а именно описание местностей Кавказа, Средней Азии и Сибири в размере 24 печатных листов была отпечатана, и, увы, бесследно пропала. Потеря для нашей географии — невознаградимая...» (Ю. М. Шокальский). С 1909 г. Борзов много работал по геоморфологии Европейской равнины СССР; результаты своих исследований в этой области он опубликовал на страницах известного географического журнала «Землеведение». Ему принадлежат также ценные труды по вопросу генезиса моренных поверхностей в районе среднерусской речной сети. В «Сборнике в честь проф. Д. Н. Анучина» А. А. Борзов поместил очень интересную статью — «Ассимиляция междуречных пространств». Его же перу принадлежит в БЭС ряд ценных статей по географии СССР. В 1937 г. А. А. Борзов высказал интересную мысль о том, что «..... отношение к природной среде в СССР — принципиально другое, чем в капиталистическом мире: планомерное использование природных сил, научно оправданное и сознательное, требует цельного и полного их знания, комплексного изучения и не позволяет ограничиваться эксплуатацией отдельных богатств без учета того, как это отразится на всей географической среде. Мы меньше всего хотим жить за счет будущих поколений и стремимся не только не обеднить их, а возможно больше обогатить, передать им нашу страну глубоко и разносторонне изученной и устроенной в полном соответствии с этим систематическим и строго научным осознанием (А. А. Борзов, География в СССР за 20 лет. Географические работы, М., 1951, стр. 319, «Географгиз»; есть второе исправленное издание 1954 г.).

По свидетельству академика Ю. М. Шокальского, очень близко знавшего Борзова, последний сделал очень много для дела «улучшения преподавания географии», как в средних, так и в высших учебных заведениях СССР. «Александр Александрович, пишет Ю. М. Шокальский, не оставил нам большого числа трудов, но дело ведь не в арифметической цифре. То, что им написано, всегда заключает в себе какую-нибудь новую мысль, новое наблюдение, — результат его всегда деятельной мысли и уменья видеть в явлениях то, мимо чего многие проходили. Это и есть лучшее доказательство его талантливости. — Да, Александр Александрович не написал геоморфологии равнины Европейской части Союза, не написал теоретического курса геоморфологии; но то и другое он мог бы сделать, как никто другой в Союзе. По первому вопросу имеются его работы, не сведенные в общее целое, а по второму существует литографированный конспект его лекций. Почему же так случилось, что он, всю жизнь занимавшийся указанными предметами, не успел их претворить в соответственно большие труды? Да просто потому, что он очень много времени потратил на помощь другим в написании их работ» (Ю. М. Шокальский, «Александр Александрович Борзов», ст. в сборнике «Землеведение», Москов. Общества испытателей природы, отд. географ., ред. Вл. Вл. Богданова, 1940, новая серия, т. I (4), стр. 11. В том же «Сборнике» см. заметку о Борзове (стр. 261), принадлежащую Б).

О А. А. Борзове см. также ценную статью А. И. Соловьева, «А. А. Борзов» в книге — Д. Н. Анучин, А. А. Борзов, «Рельеф Европейской части СССР», изд. ОГИЗ, М., 1948, стр. 177 — 208; А. Ф. Петухова, «А. А. Борзов — географ-исследователь и педагог», автореферат диссертации, М., 1950; А. Ф. Петухов, А. И. Соловьев, «Александр Александрович Борзов», ст. в 21 сборнике «Вопросы географии» (1950 г.); М. Географгиз, 1950, стр. 7—30; А. Ф. Петухов, «А. А. Борзов»; Краткий очерк жизни и деятельности, Географгиз, М., 1951.

Борхгревинк Карстен (род. в 1864 г.), норвежский полярный путешественник. В 1894 г. плавал на китобойном судне «Antarctik» из Мельбурна до Земли Виктории (в Антарктиде), где он сошел на берег и собрал ценную коллекцию минералов; в 1898 г. на английском судне «Южный крест» с девятью спутниками отправился на землю Виктории, перезимовал там (первая зимовка в Антарктиде) и в 1899 — 1900 г. достиг 78° 45' ю. ш. Результаты этого путешествия: нанесены на карту берега Земли Виктории от мыса Эддер до Ледяного барьера Росса и составлены магнитные и метеорологические таблицы за целый год.

О Борхгревинке см. Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований», перев. с англ., под ред. и с предисл. И. П. Магидовича, 1950, изд. Иностранной литературы, стр. 561; Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, ГИЗ, М.-Л., 1925, стр. 345 — 349.

Брикнер Эдуард (род. в России в 1862 г.), известный метеоролог и географ; сначала профессор Бернского университета (с 1888 г.), затем в Галле и, наконец, в Вене (с 1906 г.). Работал он вместе с известным профессором А. Пенком по исследованию ледниковых эпох в Альпах. Брикнер получил широкую известность, благодаря своей теории о периодическом изменении климата (так назыв. «35 летний период Брикнера»). Еще в 1890 г. он пришел к заключению, что современный климат земного шара в общем остается неизменным, но обнаруживает довольно правильные, периодические и одновременные на всей земле колебания своих главных элементов: температуры, барометрического давления, осадков и др. Средняя продолжительность периода колебаний равняется, по исчислению Брикнера, 35 годам; «сравнительно холодные периоды являются в то же время влажными и дождливыми, а теплые периоды — сухими; различие это выражено тем резче, чем континентальнее климат страны, и во время сухих периодов уменьшение количества осадков по направлению внутрь материков идет очень быстро; иными словами, климатические колебания дают себя чувствовать в наиболее интенсивной степени в странах вообще континентального климата и вдали от морских берегов» (П. А. Тутковский, «Географические причины нашествий варваров», статья в журн. «Землеведение», 1915, кн. I—II, стр. 15). Теория Брикнера, однако, не имеет для предсказания погоды того большого значения, которое ей приписывают некоторые климатологи и метеорологи. «Брикнеру, говорит проф. Л. С. Берг, без сомнения удалось доказать, что на всем свете происходит колебания климата продолжительностью в несколько (2—5) десятков лет. Установление этого факта имеет большую важность: раньше всякое изменение климата склонны были рассматривать как начало прогрессивного похолодания или потепления, увлажнения или усыхания и т. п.. Брикнер полагал, что установленные им колебания имеют период в среднем 35 лет. В свое время в реальности этой цифри выразил сомнение Воейков, и протекшие 50 с лишним лет (последний год, использованный Брикнером, это 1880) не доставили доказательств в пользу принятой Брикнером цифры. Колебания климата действительно существуют, но период их изменяется от 2 до 5 и более десятков лет». Л. С. Берг, «Основы климатологии», изд. 2-ое, «Учпедгиз», Л., стр. 442 — 443.

Проф. Брикнеру принадлежит, кроме сочинения «Die Alpen im Eiszeitalter» (совместно с Пенком) — «Альпы в ледниковый период», 1901 — 1909 гг., ряд других интересных трудов, из которых назовем след.: 1) Klimaschwankungen seit 1700 nebst Bemerkungen über die Klimaschwankungen der Diluvialzeit" (1890), «Колебания климата с 1700 г. с замечаниями о колебаниях климата диловиальную эпоху..." 1890 г., 2) «Schwan kungen der Seen und Meere» («Колебания климата морей и озёр»), 3) «Die feste Erdrinde und ihre formen» («Земная кора и ее формы»), 4) «Über Klimaschwankungen» («О колебаниях климата»; в «Deutsch. Candwiztschaft. Mitt.; 1902), 5) «Klimaschwankungen und Völkerwanderung». («Колебания климата и переселение народов»; 1912 г.). (О Э. Брикнере, см. также, соч. А. Х. Хргиана, «Очерки развития метеорологии», ГИМИЗ, Л., 1948, стр. 189, 193 — 194).

Броунов Петр Иванович (1852 — 1927 гг.), известный русский метеоролог, геофизик и географ; сын художника; профессор сначала Киевского университета, а затем Петербургского (Ленинградского). После окончания в Петербурге Ларинской гимназии в 1871 г., поступил там же в университет на математическое отделение физико-математического факультета. В 1875 г. окончил университет и был оставлен при нем для подготовки к экзамену на степень магистра физической географии; для пополнения знаний Броунов в течение года посещал лекции естественного отделения и усердно работал по естественным наукам. В 1880 г. он сдал магистрантский экзамен и начал педагогическую работу в средних школах Петербурга, где он обучал учащихся математике, физике, космографии и географии. В 1882 г. П. И. Броунов, защитив диссертацию на степень магистра на тему: «Поступательное движение циклонов и антициклонов в Европе и в особенности в России» (напечатано в «Записках Рус. Геогр. общества»), начал читать лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента. В 1886 г. труд Броунова «Законы поступательного движения циклонов и антициклонов в России и предсказание погоды» был премирован. В том же году он получил ученую степень доктора физической географии, по защите диссертации на тему: «Временные барометрические максимумы в Европе» (это сочинение было напечатано в виде приложения к «Запискам Академии Наук»). В 1887 г. П. И. Броунов был командирован заграницу, для ознакомления с магнитными и метеорологическими учреждениями Западной Европы. Часть результатов наблюдений была напечатана им в «Записках Рус. Географ. общества» (1888 г.) под заглавием: «Результаты сравнения нормальных барометров некоторых главнейших метеорологических учреждений Европы». Другая же часть результатов командировки сообщена Броуновым в статье: «Письма из-за границы» (Журнал Министр. Народн. Просв.», 1887 г.). В 1889 г. П. И. Броунов стал читать лекции по физике и физической географии на Бестужевских высших женских курсах, которые оставил в 1890 г., когда был назначен в Киев ординарным профессором университета. В 1892 г. он положил начало организации сельскохозяйственной метеорологической сети в бывших губерниях: Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской, Орловской, Калужской, Смоленской, Минской, Гродненской и Виленской. Число наблюдательных пунктов сети, сначала незначительное, в конце 1893 г., достигло 500 и продолжало после быстро возрастать». (См. «Биографический словарь профессоров и преподавателей Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869 — 1894, т. 1 (А.-Л.), СПБ, 1896, стр. 92 — 95). Вскоре П. И. Броунов был избран и назначен ординарным профессором Петроградского университета.

Следует отметить, что Броунову принадлежит первый научный опыт агроклиматического районирования Европейской части России. Затем, на основании долговременных наблюдений, П. Н. Броунов установил, что в жизни каждого растения имеются так называемые критические периоды, во время которых растение предъявляет особые требования к какому-либо фактору внешней среды (напр., к атмосферным осадкам, к температуре воздуха, к влажности воздуха и др.).

Кроме вышеназванных сочинений, Броунову принадлежит еще ряд других, из которых укажем лишь несколько, а именно: 1) «Курс физической географии» (СПБ, 1910, изд. Риккера) и 2) «Атмосферная оптика» (М., 1923), П. И. Броунов является также автором хорошего учебника физической географии для средних школ.

О П. И. Броунове см. С. А. Максимов, «П. И. Броунов — основоположник с. х. метеорологии», под ред. А. И. Руденко, ГИМИЗ, Л., 1950; БСЭ, 2-ое изд., т. VI, 1951, стр. 165 — 166; А. Х. Хриган, назв. сочинение, стр. 89, 142, 152, 155.

Бэкон Роджер (1214 — 1296 гг.)[1], выдающийся английский ученый, философ, натуралист и географ. XIII столетия, в своих трудах, в особенности же в «Opus Majus»(«Большое сочинение»; кн. IV) и в недошедшем до нашего времени «Liber de regionibus» («Книга о странах») касается многих географических вопросов. В «Opus Majus» «Бэкон говорит о том, что «для человека необходимо познание нравов и образа жизни всех народов». Свои географические знания этот ученый почерпал из сочинений античных и арабских географов, а равно и из рассказов современных ему путешественников. Биограф Р. Бэкона «Emile Charles» («Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines», Paris, 1861, p. 276) не может надивиться глубине познаний его в этой области, обширности эрудиции и той трезвости и ясности мысли, с которой он вскрывает ошибки своих предшественников. Критикуя Птолемея и Плиния, пользуясь Саллюстием для описания Африки, Эгезиппом для рассказа о Палестине, Бэкон умело и осторожно заимствует данные у Рубрука и Плано Карпини для характеристики средней и северной Азии. Беседы с Рубруком убедили его в том, что представления античных и средневековых географов об этой стране очень ошибочны». М. П. Алексеев, «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», Введение, тексты и комментарии, т. 1, XIII — XVII вв. Иркутск, Крайгиз, 1932, стр. 23. Р. Бэкон пишет: «Каспийцы и гирканцы поселились на берегах этого моря (Каспия). Поэтому Исидор и Плиний ошибаются вместе со всеми писателями запада, утверждающими, что это море происходит от океана. Они впали в эту ошибку потому, что писали по слухам и не проверили этого на опыте» (М. П. Алексеев, Ibid, стр. 25). Затем, Бэкон сообщает, что к северу «от Каспийского моря расположена пустынная страна, в которой живут татары; за ними же, идя по направлению к океану (Ледовитому), находится еще много северных областей; по этой-то при-

[1] (ок. 1214—94), БСЭ, т. 6, стр. 443—Ред.

чине Каспийское море вовсе не является заливом океана, что, однако, утверждали столь многие писатели. Наблюдения (experientia), сделанные братом Вильгельмом и некоторыми другими лицами, заслуживающими доверия, указывают, что это море происходит не от океана, но образуется от впадения в него многих рек» (М. П. Алексеев, Ibid, стр. 25). Кроме этого, Бэкон дает описание Черного и Азовского морей, реки Танаис (Дон), которая, по ошибочному мнению тогдашних географов, вытекает из Рифейских гор (Урала); он приводит также сведения о некоторых приволжских народах и в частности о команах (половцах, кипчаках), о татарах и каракитаях (Cara Cataya) и т. д.

Кроме того, следует отметить, что Р. Бэкон, по замечанию немецкого ученого, Фридриха Даннемана, «принадлежит... к духовным инициаторам великих путешествий нового времени. Он (Бэкон, — Г. Н. Гехтман), держался взгляда, что Азия так далеко простирается на восток, что ее восточных берегов можно достигнуть посредством короткого переезда через Атлантический океан. Эти воззрения Бэкона вместе с их обоснованием перенес Пьер д'Аин в свое сочинение под заглавием «Imago mundi» («Образ мира»). Известно, что Колумб именно благодаря чтению этого произведения был впоследствии приведен к своему путешествию в западном направлении» (Фридрих Даннеман, История естествознания, т. 1, перев. со 2-го нем. изд. А. Г. Горнфельда, под ред. М. Л. Левина и О. Ю. Шмидта, Госуд. медиц. изд., М., 1932, стр. 340).

«В 1258 году знаменитый Брунетто Латини, впоследствии наставник Данте, сообщает Джон Фиске, посетил Роджера Бэкона и описал это посещение в письме к своему другу поэту Гвидо Кавальканти: «Парламент собирался в Оксфорде, мне удалось сразу по приходе повидать монаха Бэкона, и (среди прочих вещей) он показал мне черный невзрачный камень, называемый магнитом, который обладает удивительным свойством притягивать к себе железо; если о сей камень потереть иглу и после этого, укрепив ее на соломинке, пустить плавать по воде игла будет постоянно поворачиваться к Полярной звезде; поэтому, будь ночь так темна, что не видно ни луны, ни звезд, моряк сможет с помощью этой иглы правильно вести свой корабль. Это открытие, которое кажется столь важным для всех плавающих по морям, должно оставаться до каких-то пор не известным, потому, что не один мореход не осмеливается пользоваться им, если только он не хочет прослыть колдуном; матросы тоже не пошли бы в море под его командованием, если бы он взял с собой инструмент, который в такой сильной степени кажется построенным под влиянием какого-то адского духа. Может наступить время, когда эти предубеждения, столь мешающие исследованию тайн природы, будут преодолены, и тогда то человечество пожнет плоды трудов таких ученых мужей, как монах Бэкон, и отдаст должное тому прилежанию и разуму, за которые и он и все ему подобные ныне встречают только клевету и упреки»[1].

О Р. Бэконе см. также статью Steele в «Studies in history and methods of Science», edited by Charles Singer, v. II, Oxford, 1921.

[1] Джон Фиске, Открытие Америки с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания, перевод П. Николаева, т. 1, М., 1892, стр. 213—214.

Бэр Карл Максимович (1792 — 1876 гг.), выдающийся биолог, путешественник, географ, член Российской (Петербургской) Академии наук, родился в Эстонии (бывшей Эстляндской губернии); первоначальное образование получил дома под руководством отца и дяди. С детских лет увлекался естествознанием (собирал коллекции бабочек, растений, минералов и др.), много и вдумчиво читал и в 15-летнем возрасте поступил в одну из лучших школ Ревеля (ныне Таллина). После окончания среднего учебного заведения, 18-летний Бэр поступил на медицинский факультет Дерптского (Тартуского) университета. По окончании университета и получения ученой степени доктора медицины, Бэр для углубления и расширения своих знаний отправился сначала в Вену, а затем пешком через Мюнхен и Нюрнберг в Вюрцбург, где стал работать под руководством известного тогда профессора Дёллингера. После этого он вел научную работу у проф. Бурдаха в Кенигсберге (Калининграде). Скоро Бэр приобрел заслуженную известность своими специальными трудами по анатомии и эмбриологии животных; в 1826 г. он открывает яйцо млекопитающих. Затем, он пишет большое сочинение по истории развития животных, первый том которого был опубликован в 1828 г. Его серьезная и плодотворная научно-исследовательская работа привлекла к нему внимание ученых Европы, и Российская Академия наук предложила Бэру занять место ушедшего из Академии эмбриолога Пандэра. Бэр на это предложение согласился и с 1834 г., в течение 33 лет, он вел научную работу в Петербургской Академии наук.

Бэр принял живое участие в организации и деятельности Русского Географического Общества, а затем и энтомологического. Бэр предпринял ряд путешествий с целью изучения природных богатств России и их практического использования. Особенно ценные научные результаты дали его экспедиция на Новую Землю (1837 г.) и экскурсии к берегам Балтийского моря и Чудского озера, а равно на озеро Селигер. Не менее богатые научные результаты были получены Бэром во время его поездок по Волге и Каспийскому морю и во время посещения им в устье реки Куры так называемого «Божьего промысла», а равно берегов озера Севан в Армении. Целью последних поездок являлось изучение вопроса о постановке русского рыбного промысла и перспектив его развития.

По мнению полярного исследователя А. И. Толмачева, экспедиция Бэра на Новую Землю составила эпоху в научном изучении не только Новой Земли, но и вообще полярных стран. «Посещенные места были основательно изучены Леманом (спутником академика Бэра) с геогностической точки зрения, причем окончательно был решен вопрос о том, представляют ли собой возвышенности Новой Земли продолжение Урала. Циволка (также спутник Бэра) произвел ряд существенных топографических и метеорологических наблюдений... Ботанические работы Бэра дали 90 видов скрыто-семенных и 45 видов открыто-семенных растений... В настоящее время видов растений на Новой Земле насчитывается 160, т. е. всего на 25 видов больше списка Бэра, обстоятельство, указывающее на исключительное значение флористических изысканий Бэра на Новой Земле...» (М. М. Соловьев, «Бэр на Новой Земле». Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 43 — 44). Эта экспедиция Бэра дала также богатый материал для зоологии позвоночных, а равно для характеристики «птичьих базаров». Кроме того, Бэр изучил морские промысловые животные Северного

Ледовитого океана и указал на их экономическое значение. Обратил он также серьезное внимание на исследование биологии рыб Севера, в особенности на Salmo alpinus (голец — как его называют поморы); эта очень вкусная промысловая рыба привлекала на Новую Землю большое количество рыболовов.

Пользуется академик Бэр также известностью и в географической науке. Из целого ряда наблюдений над берегами русских рек он пришел к выводу, что у рек, текущих по равнинам в меридиональном направлении, правый берег, обычно, бывает высоким, а левый низким. Причиной этого явления Бэр считал вращение земного шара вокруг своей оси в направлении с запада на восток. В северном полушарии точки земной коры, лежащие ближе к экватору, проходят при этом вращении в единицу времени большие расстояния, чем точки, удаленные от экватора к северу. В верховье реки, текущей к северу, масса воды получает известное ускорение в силу вращения земли с запада на восток, которое она по инерции сохранит на некоторое время при своем течении на север. Но, переместившись на север, вода попадает на участки земной коры, проходящие при своем вращении вокруг земной коры в единицу времени меньшее расстояние, чем более южные участки. Вследствие этого вода, текущая на север, как бы опережает в своем вращении твердое речное ложе, смещается к востоку, т. е. вправо по течению, подмывая при этом более интенсивно свой правый берег и делая его крутым и возвышенным.

Если же река течет с севера на юг, вода, наоборот, по мере приближения к экватору, постепенно как бы отстает от быстрее вращающейся земли, смещается при этом к западу и, следовательно, опять таки подмывает свой правый берег. Это —, так называемый, «закон Бэра».

Следует, однако отметить, что первая формулировка этого закона принадлежит великому русскому ученому М. В. Ломоносову. Вот, что говорит он об отличительных особенностях правого и левого берегов рек северного полушария Земли: «Когда течение знатных рек рассмотрим, везде почти найдем, что одна сторона у них нагорная, другая луговая, то есть одна состоит из берегов крутых и высоких, другая из низких песчаных и луговых мест, а следовательно оные реки с одной стороны приглубы, с другой отмелы» (См. В. А. Перевалов, «Ломоносов и Арктика», изд. Главсевморпути, М.-Л., 1949, стр. 172).

И в настоящее время большинство ученых признает этот «закон», хотя не всегда этим «законом» можно удовлетворительно объяснить разницу в высоте берегов рек.

К. М. Бэр в некоторых своих трудах доказывал, «что различия как в физическом типе, так и в культуре народов обусловлены особенностями географической среды, влиянием климата, рельефа, местности и т. д. Это положение непосредственно связано с его воззрениями убежденного моногениста. Бэр последовательно развивал мысль о едином происхождении человечества, о расселении его из единого центра» (Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, Изд. МГУ, 1955, стр. 21)[1].

[1] Мнения Г. Н. Гехтмана о роли географической среды в развитии общества см. в разделах о И. Канте, Л. И. Мечникове, К. Риттере и др.—Ред.

О К. Бэре см. Н. А. Холодковский, Карл Бэр, его жизнь и научная деятельность, Биографический очерк, в серии «Жизнь замечательных людей», изд. Ф. Павленкова, СПБ, 1893; В. В. Вейнберг, Бэр, Карл-Эрнест. «Русский биографич. словарь», СПБ, 1908, стр. 686—690; В. И. Вернадский, Памяти академика К. М. Фон Бэра, I-й сборник памяти Бэра. «Труды комис. по истории знаний», изд. АН СССР, 1927; В. М. Мирек, Карл Максимович Бэр, ст. в сборн. «Люди русской науки», стр. 647—658; Акад. К. М. Бэр, Автобиография, под ред. акад. Е. Н. Павловского, перев. и комментарии проф. Б. Е. Райкова, изд. АН СССР, 1950. В автобиографии Бэр о своих путешествиях по России рассказывает на страницах — 410 — 444; Б. Е. Райков, «Русские биологи эволюционисты до Дарвина», т. II, изд. АН СССР, М.-Л., 1951, стр. 9 — 150.

В

Вагнер Герман (1840 — 1929 гг.), известный германский географ, профессор Геттингенского университета. В начале своей научной деятельности увлекался физико-математическими и биологическими науками; а затем, в период своей работы в Готе (с 1864 г. по 1876 г.) в должности учителя средней школы, где он преподавал географию, Вагнер специализировался уже в области географической науки. До 1880 г. он читал лекции по общей географии в Кенигсбергском (Калининградском) университете, а затем до 1920 г. в Геттингенском. В первый период своей преподавательской деятельности в университете он читал лекции по всем разделам географической науки (математическая и физическая география, антропогеография, физическое страноведение); лишь с 1905 г. Вагнер имел ассистента, который разгрузил его от части лекций и занятий. Вследствие своей многосторонней работы в различных отраслях географической науки, ему удалось создать блестящий курс географии для высших учебных заведений «Lehrbuhc der Geographie» (в трех частях). Кроме того, он составил учебный географический атлас, выдержавший много изданий. С 1879 года под руководством Вагнера выходил очень ценный по богатству материала ежегодник «Geogradhisches Jahrbuch» (под непосредственной редакцией Вагнера напечатано 36 томов). Затем, он много и плодотворно работал по изучению истории великих географических открытый и по исследованию портоланов. Покойный русский академик Ю. М. Шокальский совершенно верно заметил, что Г. Вагнеру география обязана многим и, главным образом, утверждением ее в числе университетских научных дисциплин».

См. Ю. Шокальский, «Памяти Германа Вагнера», некролог в журн. «Известия Госуд. Рус. географич. общества», ПИЗ, 1930, т. 62, вып. 2-й, стр. 190.

Ваксель Свен (скончался в 1762 г.)[1], родом швед; в 1726 г. поступил на русскую морскую службу штурманом; участник Великой Северной экспедиции. В 1741 г. Витус Беринг назначил Вакселя старшим офицером на корабль «Св. Петр», которым командовал сам Беринг. На возвратном пути от берегов Аляски Беринг заболел цынгой и почти не выходил из каюты и командование перешло к Вакселю. После же смерти Беринга командование перешло полностью в руки Вакселя. «Распорядительности, умению обращаться с подчиненными и настойчивости Вакселя обязаны были оставшиеся в живых люди из команды «Св. Петра», тем, что гукер, вновь построенный из остатков разбитого пакетбота «Св. Петра» и получивший его имя, благополучно вернулся 27 авгу-

[1] (г. рожд. неизв.—ум. 1762). БСЭ, т. 6, стр. 534—Ред.

ста 1742 года в Петропавловскую гавань на Камчатке»... 15 ноября того же года Ваксель послал с нарочным донесение в Адмиралтейств-коллегию; в этом донесении дается подробное описание «всего того, что перенесла и испытала команда «Св. Петра». «Лишь в мае месяце 1743 г. команда, возглавляемая Вакселем, прибыла в Охотск, а затем в Якутск, где провел зиму. В октябре 1744 г. путешественники прибыли в Енисейск. В Петербург они возвратились под начальством Вакселя в январе 1749 г. «20 ноября 1749 г. Ваксель был произведен в капитаны... В 1751 г. он был назначен командовать кораблем «Уриил» и в течение 1752 — 1761 годов командовал разными кораблями. Ваксель скончался 14 февраля 1762 г.» (А. Андреев, «Предисловие редактора» к соч. С. Вакселя «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга», перев. с рукописи на немецком языке Ю. И. Бронштейна, под ред. и с предисловием А. И. Андреева; изд. «Главсевморпути», Л.-М., 1940, стр. 7—8).

Валиханов Мухаммед-Ханафия, более известный под названием Чокана Чингисовича (1835 — 1865 гг.), киргиз, внук последнего киргизского хана Аблая, родился в урочище Куш-Муруне быв. Тобольской губернии. Среднее образование получил в Омском кадетском корпусе, из которого выпущен был офицером в 1853 г. и назначен в адъютанты к тогдашнему генерал-губернатору Западной Сибири Гасферду. Валиханов вращался среди образованнейших людей Омского общества (Капустины, Гутковские и др.) и, благодаря своим природным дарованиям и самообразованию, отличался начитанностью особенно в литературе о Туркестане. На Чокана Чингисовича Валиханова в свое время обратил внимание известный русский географ и путешественник П. П. Семенов-Тян-Шанский, «Обладая совершенно выдающимися способностями, — пишет П. П. Семенов, — Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии, уже в Петербурге, под моим влиянием слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов соплеменных киргизам. Из него вышел бы замечательный ученый, если бы смерть, вызванная чахоткой, не похитила его преждевременно, на двадцать восьмом году его жизни» (П. П. Семенов-Тян-Шанский, «Путешествие в Тянь-Шань в 1856 — 1857 года»; М., 1946, стр. 54). Валиханов совершил путешествие в Кашгар в 1858 г., затем он участвовал в военной экспедиции генерала Черняева против Ташкента и вскоре вернулся в город Верный (ныне Алма-Ата). Через некоторое время он скончался от туберкулеза (в 1865 г.). Во время своих путешествий Валиханов собирал материалы по истории, этнографии и географии Средней Азии; он «не щадил ни трудов, ни пожертвований; тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, скупая древности и с опасностью жизни добывал рукописи... Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране, он любил киргизскую жизнь, но с тем вместе умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России», которую «он искренно любил и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления» (А. Н. Пыпин, «История русской этнографии», т. IV, СПБ, 1892, стр. 400). Из печатных трудов Валиханова назовем след.: 1) «Очерки Чжунгарии» («Записки Рус. геогр. общества», 1868, т. 4); 2) «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858 — 1859 гг.» (там же, кн. III). «В Известиях Географ. Общества» за 1868 г. (т. IV, отд. 2-й) помещено было сообщение о путешествии Валиханова в Кашгарию. Не все собранные им материалы и не все его сочинения были напечатаны; многие рукописи, к сожалению, бесследно пропали.

О превосходных душевных качествах Ч. Валиханова говорит Ф. М. Достоевский, который близко сошелся с ним, во время своей ссылки в Сибирь (см. «Письмо Ф. М. Достоевского к Валиханову», датированное 14 декабря 1856 г.; это письмо помещено в книге «Ф. М. Достоевский», статьи и материалы, под ред. А. С. Долинина, Петербург, 1922, изд. «Мысль», стр. 467 — 469).

О Валиханове много интересных и ценных сведений читатель может почерпнуть из труда Х. Айдаровой «Чокан Валиханов», изд. Казахского филиала Академии Наук СССР. Каз. ОГИЗ, Алма-Ата, 1945; см. также Ю. Н. Бессонов, В. А. Якубович, «По внутренней Азии; «Ч. Ч. Валиханов и Г. Н. Потанин», ОГИЗ, 1947.

Ванкувер Джордж (1758[1] — 1798 гг.), английский мореплаватель и путешественник, спутник Джемса Кука во втором и в третьем путешествиях. Ванкувер описал все западное побережье Сев. Америки, от Калифорнии до Аляски, с целью отыскания морского прохода из Тихого океана в Атлантический. Его именем назван остров на западном побережье Сев. Америки.

См. Н. К. Лебедев, «Завоевание Земли», т. II, Воениздат, М., 1947, стр. 192 —193; под ред. проф. М. С. Боднарского; Дж. Бейкер, назв. соч.; стр. 210—212.

Вардан Восточанин (Аравелци), известный армянский ученый XIII ст. н. э.; историк и географ. Ему принадлежит интересный труд под заглавием: «География», в котором дается не только описание Армении, но и соседних с нею стран в период господства монголов..

См. проф. Л. М. Меликсетбек, «Публикации письменных источников по истории Грузии», Тб., 1949, стр. 261 — 262 (на груз. языке).

Варениус Бернхард (1622 — 1650 гг.), выдающийся географ, родился близ города Люнебурга, в семье священника; первоначальное образование получил в Кенигсберге, а затем в Лейденском университете (1643 — 1647 гг.), где он изучил медицину, естествознание и математику. После он проживал в Амстердаме, испытывая большую нужду и зарабатывал себе средства к существованию частными уроками и составлением географических статей и книг, как, напр., «Tractatus in quo agitur de Japoniorum religione» (Амстердам, 1649), «Descriptio regni Japoniae» (Амстердам, 1650). В этом же году появилось и его знаменитое сочинение: «Geographia generalis in qua affectiones generales Telluris explicantur». По всей вероятности, в 1650 г. Варениус и умер вследствие истощения сил от чрезмерной работы и плохого питания. «Geographia generalis .....» является первой попыткой дать, вместо чисто описательного, истолковательный курс географии, опирающийся на законы математики и физики. Варениус набросал также план частного землеведения «Geographia particularis», но смерть помешала ему осуществить свои намерения.

Спустя 22 года, в 1672 г., вышло новое издание «Geographia generalis ...», исправленное известным английским ученым Исааком Ньютоном.

---

[1] 1757, БСЭ, т. 7, стр. 608—Ред.

Варениус рассматривал географию, как часть прикладной математики и доказывал ее практическую ценность. География, по его мнению, состоит из двух частей: а) из **общей географии**, изучающей атмосферу, гидросферу и литосферу и б) из специальной —, рассматривающей отдельные географические категории, по которым и теперь описываются страны. По замечанию немецкого проф. А. Геттнера, географический труд Варениуса, как по своему содержанию, так равно и по силе своей критики, значительно выше своих предшественников. «В первой части (pars absoluta) Варениус рассматривает явления, которые сам он считает имеющими теллурическое происхождение, т. е. свойства самой земли; он рассматривает их по порядку, сначала явления твердой земной коры, затем вод, и, наконец, атмосферы, в особенности ветры; во второй части (pars respectiva) — космические влияния, в особенности зональное распределение тепла и света, в третьей части (pars comparativa terrestris) — отношение различных местностей друг к другу, сношения, в особенности морские соответственно интересам голландцев».

Альфред Геттнер, «География, ее история, сущность и методы»; перев. с нем. Е. А. Торнеус, под ред. Н. Баранского, ГИЗ, 1930, М.-Л., стр. 62. «Всеобщая география» Варениуса была издана на русском языке по приказу Петра I в 1718 г. под заглавием: «Географіа генералная небесный и землеводный круги купно с их свойствы и действы в трех книгах описующая, переведена с латинска языка на российский, и напечатана в Москве повелением царского пресветлого величества лета Господня 1718 в. іуне». На втором листе напечатано: «Географіа генералная или повсюдная в ней же аффекціи или действа генералная земноводного круга толкуются автором Берн. Вареніем медіцыны доктором»; перевод Поликарпова.

«Высокое ... научное значение Генеральной географии в изданиях с дополнениями Ньютона и ньютонианцев засвидетельствовано не только в XVIII в., но и в XIX в., когда, напр.; известный немецкий географ, Александр Гумбольдт, в своем «Космосе» (т. 1, стр. 60 — 74) признал Варения основоположником современного сравнительного землеведения, а за несколько лет до Гумбольдта в популярнейшей и авторитетной «Biographie Universelle» было отмечено, что труд Варения — «самое лучшее и самое ученое изложение географии, которое внесло настоящую революцию в эту науку и совершенно изменило ее задачи». А. И. Андреев «Ньютон и русская география XVIII в.», ст. в «Изв. Всесоюзн. географического общества», т. 75, вып. 3-й, 1943, стр. 12; Д. М. Лебедев, «География в России петровского времени», изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 352 — 359 (о русском переводе географии Варениуса).

Васко да Гама (1469 — 1524 гг.), португальский мореплаватель и путешественник; возглавил экспедицию в Индию, вокруг Африки (1497 г.). По дороге, в одной из арабских торговых гаваней, в Мелинде, Васко да Гама получил опытного лоцмана, Ахмеда ибн-Маджида, благодаря искусству которого, а также благоприятной для плавания погоде, португальцы достигли индийского города Каликут на Малабарском берегу в 1498 г.

Португальский историк XVI в. Баррош сообщает об этом событии следующим образом: «Во время пребывания Васко да Гамы в Малинди, со знатными индусами, посетившими португальского адмирала на борту его корабля, был мавр из Гузерата по имени Малемо Кана (арабско-санскритское — «ведущий судно по звездам»). От удовольствия разговаривать с нашими земляками, а также чтобы угодить королю Малинди, искавшему пилота для португальцев, он согласился отправиться с ними. Поговорив с ним, да Гама остался весьма удовлетворен его знаниями, особенно когда мавр показал ему карту всего индийского побережья, построенную, как вообще у мавров, с меридианами и параллелями, весьма подробную, но без указания ветровых румбов. Так как квадраты (долгот и широт) были весьма мелки, карта казалась очень точной. Да Гама показал мавру большую астролябию из дерева, привезенную им, и другие металлические приборы для снятия высоты солнца и звезд. При виде этих инструментов мавр не выразил никакого удивления. Он сказал, что арабские пилоты Красного моря пользуются приборами треугольной формы и квадратами для того, чтобы измерять высоту солнца и особенно полярной звезды, что весьма употребительно в мореплавании. Мавр добавил, что он сам и моряки из Камбайн и всей Индии плавают, пользуясь некоторыми звездами как северными, так и южными и наиболее заметными, расположенными посреди неба, на востоке и западе. Для этого он пользуется не астролябией, а другим инструментом, который он и показал, — состоящим из трех дощечек, который имеет ту же цель, что и у наших моряков бальестилья... После этого и других разговоров с этим пилотом, да Гама получил впечатление, что в нем он приобрел большую ценность. Чтобы его не потерять, он приказал немедленно плыть в Индию и 24 апреля двинулся в путь... Да Гама прибыл в Каликут менее, чем через месяц, 20 мая того же (1498) года. Он послал Малемо Кана на землю, чтобы известить короля страны о прибытии португальской эскадры. Арабский лоцман отправился из Каликута в Кабукат, где находился мавр по имени Монсаид (Абу Саид), уполномоченный по надзору за торговлей».

Т. А. Шумовский «Ибн Маджид, арабский лоцман Васко да Гама», статья в «Известиях Всесоюзного географич. общества», т. 80, вып. 5, 1948, сентябрь-октябрь, стр. 519 — 520.

Позднее Васко да Гама предпринял еще два путешествия в Индию, с целью захвата колоний и разрушил город Каликут (1502 — 1524 гг.). В 1524 г., незадолго до своей смерти, он был назначен вице-королем Индии.

Из последних биографий знаменитого путешественника на русском языке след. отметить труд К. Кунина «Васко да-Гама», из серии «Жизнь замечательных людей», М., 1938, вып. 2, приложена библиография; см. также назв. выше труды И. П. Магидовича, стр. 140 — 143, и Дж. Бейкера, стр. 78 — 85, а также Г. Харт, Морской путь в Индию. Перев. с англ. Н. В. Банникова. Вступительная статья и редакция И. П. Магидовича, И. Л., М., 1954, стр. 127—306.

Вахушти Багратиони (1696 — 1770 или 1772 гг.), выдающийся грузинский ученый, историк, географ, картограф и политический деятель, сын грузинского царя Вахтанга VI (род. в 1675 г.), человека для своего времени очень культурного и просвещенного. Вахушти, воспитывав-

шийся под сильным влиянием своего отца, рано обнаружил большие умственные способности. Сначала обучался он в школе при Тбилисском Сионском соборе, а затем в течение одного года в школе при Давид-Гареджийском монастыре, расположенном в 37 км от Сагареджо. По возвращении в Тбилиси, Вахушти некоторое время продолжал учение у католических миссионеров, пользовавшихся в некоторых кругах тогдашнего грузинского общества большой популярностью, благодаря тому, что они, во-первых, оказывали населению медицинскую помощь, а, во-вторых, потому, что они в своих школах обучали детей феодалов и горожан чтению, письму, начаткам вероучения, арифметике, географии, грузинскому, латинскому и итальянскому языкам и пр. Миссионерские школы были, напр., открыты в Тбилиси, Гори и Кутаиси. Кроме того, в некоторых семьях крупных феодалов (Орбелиани, Атабеги Месхетские, Гурieли) проживали католические миссионеры; они нередко являлись учителями детей, которых обучали иностранным языкам и разным наукам; обучались у них же иногда и царские дети и члены царской фамилии, так, напр., Вахушти обучался у них латинскому и французскому языкам, математике и географии; царь Вахтанг VI брал у них уроки астрономии и физической географии (См. Георгий Леонидзе, «Сулхан Саба Орбелиани», обширн. вступительная статья к соч. С. С. Орбелиани «Книга мудрости лжи (вымысла)» („სიბრძნე სიცრუისა“), стр. XXIX — XXXIV, изд. «Шрома», Тб., 1928).

Под влиянием миссионеров Вахушти, будто-бы, предполагал перейти в католичество и совершить путешествие в Рим. Однако, ему не удалось этого сделать, и, по поручению отца, он отправился в Иран, где и пробыл три года. В Иране он хорошо изучил персидский и армянский языки. По возвращении на родину Вахушти с большой энергией принялся за собирание и изучение материалов по истории и географии своей родины; много времени посвящает он изучению карт, изготовленных в Европе и в России. С 1717 г. Вахушти совершает ряд поездок по Грузии и знакомится со многими ее районами; так, он путешествовал по Картлии (Карталинии), Кахетии, Мтиулетии, Пшав-Хевсуретии; он собрал при помощи своих корреспондентов материалы по географии Имеретии, Гурии и Абхазии; изучил он также Месхетию и Джавахетию. Во время путешествий Вахушти собрал обильный исторический и географический материал, который он положил в основу своей истории и географии Грузии. Нет сомнения также и в том, что для составления своих исторических и географических трудов Вахушти использовал «государственные документы»[1], архивные материалы, а равно и сведения современников, лично побывавших в различных частях Грузинского царства.

В 1724 г. Вахушти Багратиони с отцом своим Вахтангом VI эмигрировал в Россию и поселился в Москве, где он изучил русский язык и продолжал свои научные занятия вообще и в частности по истории и географии Грузии.

[1] По предположению А. С. Хаханова Вахушти воспользовался трудом, приписываемым царю Вахтангу—„Описание границ Грузии“ (См. Александр Ханов, „Очерки по истории грузинской словесности“, В. III, М., 1901, стр. 289, примеч. 4).

В своей замечательной книге «География Грузии» Вахушти, по справедливому мнению грузинского историка Д. Бакрадзе, дал почти полное описание своей страны; в особенности подробно и хорошо описаны им районы современной Восточной Грузии (Картли, Кахетия, Пшав-Хевсуретия, Мтиулетия, Сомхития и пр.) и несколько короче районы Западной Грузии (Гурия, Мегрелия, Имеретия, Рача-Лечхуми, Сванетия, Абхазия и пр.), еще короче он описал южную Грузию — Джавахетию и Месхетию.

Несмотря на то, что в описании некоторых местностей Грузии (напр. Месхетии), Вахушти допустил ошибки и неточности, его описания дают верное изображение географического лика Грузии XVIII столетия. Эти неточности и неверные сведения отметили проф. Е. С. Такайшвили и академик И. А. Джавахишвили; первый ученый, напр., указывает, что Вахушти Шоретский монастырь называет Шорапанским, что, конечно, не соответствует действительности; однако, описание окрестностей этого монастыря совершенно точно; есть у Вахушти и другие недосмотры, о которых см. в труде Е. С. Такайшвили, «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского Археологического Общества»; вып. XII; под ред. Уваровой, М., 1909, стр. 57, 58, 59, 69; см. также соч. академика И. А. Джавахишвили. «Задачи, источники и методы истории прежде и теперь», книга 1-ая. «Древне-грузинская историческая письменность (V—XVIII вв.)», Тб., 1916, стр. 286. ივ. ჯავახიშვილი, „ისტორიის მიზანი, წყაროები და მეთოდები წინათ და ეხლა“, წიგნი 1, ძველი ქართული საისტორიო მწერლობა (V — XVIII სს.), ტფილისი, 1916, გვ. 286; იხ. ივივე შრომა, მეორე-მესამე შევსებული გამოცემა, თბილისი, 1945, გვ. 330.

Сочинение Вахушти Багратиони «География Грузии» и приложенные к нему 22 карты (в масштабе около 10 верст в дюйме) представляли для своего времени выдающееся явление в географической литературе.

Карты Вахушти легли в основу более или менее точной карты Закавказья, составленной в 1738 г. в Петербурге астрономом Иосифом — Николаем Делилем.

Объективную оценку названного сочинения Вахушти дает академик И. А. Джавахишвили, который пишет: «Географическое описание Грузии Вахушти отличается своею обстоятельностью и богатством содержания. В этом сочинении автор приводит не только географические сведения по Грузии, но почти с исчерпывающей полнотой перечисляет и описывает более или менее значительные памятники материальной и духовной культуры страны: города-крепости, церкви, монастыри, дворцы, мосты, оросительные канавы (რუ), оросительные каналы (არხი), говорит о том, кто их проводил, когда, кто перестраивал, кто разрушал, где эти оросительные канавы или каналы начинаются, в каком направлении они несут свои воды. Кроме того, автор в своем труде, при общей характеристике населения отдельных частей Грузии, указывает на различия в его (населения) нравах, обычаях, в одежде, в хозяйственной деятельности и пр. Помимо сравнительно подробного описания различных районов Грузии, Вахушти во вступительной части своего описания поместил краткие сведения о распространенных в Грузии плодовых деревьях, цветах и огородных растениях, домашних и диких животных, птицах, рыбах, пресмыкающихся и насекомых, а также приводит сведения о хребтах, горах, реках и о характери-

стических отличительных свойствах населения той или иной части страны» (Ив. Джавахишвили, Названное выше сочинение, стр. 285 — 286).

По справедливому замечанию академиков И. А. Джавахишвили и проф. Н. Н. Кецховели, следует отметить и тот важный факт в истории Грузинской научной мысли, что Вахушти **впервые в мировой географической литературе указал на вертикальную зональность размещения культурных растений.** Так, на территории Грузии XVIII ст. Вахушти отмечает следующие вертикальные ботанико-агрономические зоны: 1) зона цитрусово-оливковой культуры (თურინჯ-ნარინჯ-ზეთისხილიანი ზოლი), 2) Зона рисово-хлопковой культуры (ბრინჯ-ბამბიანი კულტურების ზოლი), 3) виноградарско-плодоводственную зону (ვენახოვან-ხილიანი არე, ანუ „ნაყოფიერი" ზოლი), 4) зону плодоводства (без культуры виноградной лозы; უვენახო, მაგრამ ხილიანი ზოლი), 5) зону без культуры виноградной лозы и плодовых деревьев (უვენახ-ხილ ზოლი) (См. монографию доц. Давида Гвритишвили, «Иван Джавахишвили» („ივანე ჯავახიშვილი"), Тб., 1949, стр. 111, на груз. яз.).

В различных частях своего труда Вахушти говорит о богатых запасах естественного растительного сырья, которое местное население использует для своих нужд. Кроме, того, он указывает районы, обеспеченные естественными пастбищами и сенокосами; в этих районах ведущей отраслью хозяйства является скотоводство (разведение крупного и мелкого скота). Затем, Вахушти приводит очень ценные данные о состоянии и развитии в различных частях Грузии птицеводства, шелководства, пчеловодства и виноградарства. Характеризуя климатические условия низинных, предгорных и нагорных районов страны Вахушти сообщает о климатических, ботанических, зоологических и почвенных особенностях указанных районов. Кроме того, в его «Географии» читатель найдет богатые для своего времени гидрографические данные по Грузии.

Нельзя не отметить также и того обстоятельства, что Вахушти сообщает очень ценные сведения о минеральных и целебных источниках и о размещении месторождений полезных ископаемых в различных частях Грузии; эти сведения не потеряли своего практического значения и до настоящего времени.

Можно сказать без преувеличения, что ни один современный исследователь, работающий в различных областях географии Грузии, не может пройти мимо труда Вахушти.

Сочинения Вахушти Вахтанговича Багратиони с несомненностью свидетельствуют о том, что их автор был человеком больших знаний и большой культуры. Выдающийся грузинский историк и знаток грузинских древностей, М. Г. Джанашвили, пишет, что труды Вахушти рисуют последнего, «как человека образованного, историка-географа многосведующего, труженика весьма кропотливого и честного, исследователя с недюжинным талантом» (см. Царевич Вахушти, «География Грузии», введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили. Тб., 1904, «Записки» Кавк. отдела Русского географич. общества, книжка XXIV, вып. 5-й, стр. XXIV).

«География Грузии» Вахушти имеет большое значение для историко-географического и физико-географического познания Грузии как

в прошлом, так равно и в настоящем. Смело можно отнести это творение маститого грузинского ученого XVIII в., несмотря на некоторые недочеты его, к числу выдающихся географических трудов этого столетия.

К некоторым филологическим толкованиям и объяснениям географических названий («nomina geographica»), приводимым Вахушти, следует, конечно, отнестись с большой осторожностью, так как они являются подчас несоответствующими действительности (см. напр., объяснения названий — «Рача», «Дебеда», «Машавери», «Рани», «Двалети» и пр.). Все это, однако, ни в какой степени не умаляет других положительных достоинств ценного труда Вахушти.

Вахушти перевел (в 1752 г.) с сокращениями, изменениями и дополнениями «Краткое руководство к географии в пользу учащегося при гимназии юношества в С.-Петербурге; 1742 г.» (Печатано при Академии наук). Переводчик опустил главу «Приуготовление», в которой даются ответы на следующие вопросы: «Что есть география? — Каким образом географии научиться можно? Как должно ландкарту пред собою класть? и пр. Затем, оставлен без перевода также раздел и по всеобщей географии. Вахушти ограничился переводом той части, которая озаглавлена «Краткая политическая география к изъяснению изданного на российском языке небольшого атласа, сочиненная для употребления гимназии при «Академии Наук. В. С.-Петербурге 1745 г.». Дополнения имеются относительно Персии, Турции. Грузии... Переводчик точнее определяет границы частей Грузии, ее положение, климат, достопримечательности и характер правления (А. С. Хаханов, Назв. выше соч., стр. 290).

«География Грузии» была напечатана на грузинском языке несколько раз. Наиболее старым печатным изданием является издание 1842 г. под ред. академика М. Броссе с французским переводом грузинского текста: „ღეოღრაფიული-აღწერა საქართველოისა ბატონიშვილის ვახუშტის მიერ, მის ნამდვილზე დაბეჭდილი აკადემიკოსა ბროსსეტის-გან; «Description géographique de la Georgie», par le Tsarevitch Wakhoucht, publiée d'aprés l'original autographe, par M. Brosset».... S. Petersbourge a la typographié de l'Academie. Из 22 карт, составленных Вахушти, М. Броссе издал лишь 6.

В 1904 г. в Тбилиси вышел в свет труд Вахушти под редакцией М. Г. Джанашвили; ему же принадлежит хороший русский перевод «Географии Грузии» с обстоятельным введением и примечаниями, изданный «Кавказским Отделом Русского Географического Общества».

В 1941 г. Грузинское Географическое Общество напечатало тот же труд в хорошем оформлении под редакцией доц. Т. Ломоури и проф. Н. Бердзенишвили с обширными примечаниями, библиографией и указателями личных имен, географических названий и предметным, а также с толковым лексиконом старых слов и терминов. Географическое Общество Грузинской ССР, по независящим от него обстоятельствам, не сумело, к сожалению, издать карт, составленных Вахушти.

Кроме сочинений М. Броссе, Д. З. Бакрадзе, М. Г. Джанашвили, Е. С. Такайшвили и И. А. Джавахишвили, более или менее интересные сведения о личности и трудах Вахушти Вахтанговича Багратиони можно почерпнуть из «Очерков по истории грузинской словесности» А. С. Хаханова (Хаханашвили); вып. III, М., 1901, стр. 287 — 292, и из

статьи (на груз. языке) З. Чичинадзе «Вахушти», помещенной в русско-грузинском энциклопедическом словаре, изд. под ред. И. П. Ростомашвили, т. 1, кн. III, стр. 446 — 450. Статья З. Чичинадзе, впрочем, несколько тенденциозна.

Слишком краткие сведения о знаменитом грузинском историке и географе приводит проф. М. Н. Тихомиров в своем труде «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века», т. 1, М., 1940, ОГИЗ, стр. 245. Нельзя не пожалеть о том, что автор этого в общем очень полезного сочинения не уделил большего внимания Вахушти.

В 1947 г. Институт географии им. Вахушти при Академии наук Грузинской ССР выпустил в свет первый том своих трудов, посвященный Вахушти (1696 — 1748), как географу. Этот том состоит из десяти очерков, принадлежащих грузинским ученым, в которых дана характеристика Вахушти, как географа. См. также названный выше труд проф. Л. М. Меликсет-Бека, «Публикации....», стр. 134 — 135; 135—136.

В 1950 г. опубликован интересный труд А. В. Хабакова, «Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России», ч. 1 (Изд. МОИП). В этом труде (стр. 73—74) автор всего в семи строках сообщает о «первых географических описаниях и атласах карт Грузинского царства, составленных грузинским географом Вахушти». «Надлежит отметить, говорит А. В. Хабаков, всестороннее историческое и географическое «Описание Грузинского царства», а также три атласа карт Грузии, составленные в 1735 — 1745 гг. выдающимся историком и географом Вахушти, проживавшим в Москве (побочным сыном царя Вахтанга VI, семья которого во время турецко-персидских нашествий, переехала в Россию)». Автор, как видно из вышеизложенного, по всей справедливости считает Вахушти выдающимся историком и географом что, конечно, обязывало его несколько полнее осветить, научную деятельность Вахушти Багратиони в области грузинской географии и картографии.

В 1953 г. опубликована интересная статья Л. И. Маруашвили, «Грузинский географ XVIII в. Вахушти Багратиони и его вклад в изучение Кавказского перешейка», см. «Вопросы географии», сборн. 31, Географгиз, М., 1953, стр. 111 — 123; см. также доц. Г. И. Зардалишвили, «Вахушти Багратиони» в труде проф. Г. Н. Гехтмана «Очерки по истории географии», Тб., 1955, изд. Тбилисского государственного университета, стр. 415 — 428 (на грузинском языке) и доктора географических наук Л. Маруашвили «Грузинские географы и путешественники XVIII века» (на груз. языке), изд. Общества по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР, Тбилиси, 1956 (с библиографией).

Вегенер Альфред (1880 — 1930 гг.), немецкий метеоролог, геофизик, географ и известный путешественник, бывший профессор Гамбургского (с 1921 г.) и Грацского университетов (с 1924 г.). В 1906 — 1908 гг. принимал участие в датской экспедиции в Гренландию в качестве метеоролога и в экспедиции Коха туда же в 1912 — 1913 гг. Во время третьей экспедиции в Гренландию (1929 — 1932 гг.) он погиб. Широкую известность Вегенер приобрел своей гипотезой перемещения («дрифта») континентов, высказанной им впервые в 1912 г. Согласно этой гипотезе, «материки — поверхностная оболочка земли (с удельным весом 2,9) — не образуют сплошного покрова, а, подобно льдинам в воде, плавают в вязкой массе — второй оболочки земли (с удельным весом 3,4), слагающей дно океанов. В древнейшие геологические периоды материковые глыбы составляли одно целое, но позднее эта единая масса распалась на части, которые стали отходить друг от друга... Атлантический океан представляет собою огромную трещину, края которой раньше непосредственно прилегали друг к другу, что доказывается совпадением в очертании берегов Африки и Южной Америки... Перемещения материков вызывали и смещение полюсов, что вызывало перераспределение климатических поясов». Вегенеру принадлежат солидные труды по геофизике и метеорологии; к числу его выдающихся трудов следует отнести: «Entstehung d. kontinente und Ozeane»; 3 Auflage; Braunschweig, 1922 (есть русский перевод под заглав. «Возникновение материков и океанов», М., 1925). Теория Вегенера о «дрифте» континентов доставила ему мировое имя. Можно сказать без преувеличения, что, после известного труда Э. Зюсса «Лик земли» («Das Antlitz der Erde»), ни одна книга по теории происхождения континентов не произвела на современников такого глубокого впечатления, как указанный труд Вегенера. Несмотря на это, его теория вызвала ряд очень серьезных возражений. «Если бы эти движения континентальных глыб (которые, по Вегенеру, основывались частью на передвижениях магмы больших земных глубин, частью на перемещении полюсов) были не одной только игрой воображения, а существовали в действительности, то мы и теперь имели бы доказательства непрерывного горизонтального передвижения стран. Вегенер предполагает вывести это доказательство из изменений долгот, которые были установлены в последние десятилетия между Англией и Сев. Америкой, а также из увеличения расстояния между Гренландией и Европой, которое обнаружилось в течение последних 80 лет. Мюнхенский астроном Бурмейстер (Burmeister) вполне основательно, между прочим, указал, что определения гренландской долготы (опирающиеся только на наблюдения над луной) слишком ненадежны, чтобы на основании их можно было вывести вполне верное заключение. Но и, кроме этого спорного вопроса, все приводимые Вегенером доказательства его теории настолько мало убедительны, что вполне понятно, почему она не встретила до сих пор большого сочувствия. Многие известные геологи (среди немецких мы назовем Динера (Diener), Хеннига (Hennig), Кобера, Коссмата (Kossmat) Кранца, Яворского, Зоргеля (Sörgel), а также видные географы (Пенк, Дригальский) должны были отвергнуть новую теорию, несмотря на тот огромный интерес, который она возбудила в кругах естествоиспытателей. Так же к ней отнеслись и на германском собрании географов в Лейпциге (1922 г.) и на особом заседании географического общества в Мюнхене (1923 г.), и на собрании королевского общества в Лондоне, и на собрании (так называемом Simposium) геологического общества в Америке (оба были в 1923 г.)». Э. Кайзер, «Краткий курс общей геологии»; перев. с нем. М. Мирчинк, под ред. и с дополнениями проф. А. Л. Гапеева, Изд. 4-ое, ГОНТИ, Л.-М.-Н., 1933, стр. 235.

За последнее время некоторые видные представители русской научной мысли, как, напр., академик Л. С. Берг, проф. Н. С. Шат-

ский, А. Н. Криштофович, акад. В. Л. Комаров, М. С. Эйгенсон и др. высказались против воззрений Вегенера. Так, Н. С. Шатский пишет: «Глубокофокусные землетрясения и геологические обобщения о строении земной коры показывают абсурдность гипотезы А. Вегенера» (Н. С. Шатский, Гипотеза Вегенера и геосинклинали, статья в «Изв. Академии наук СССР», серия геологическая, № 4, 1946, стр. 21). Действительно, гипотеза Вегенера не дает объяснения колебательных движений Земной коры, смятия слоев в складки, магматических внедрений и излияний.

Следует отметить, что мысль о горизонтальном перемещении материков гораздо раньше Тейлора и Вегенера была высказана русским автором Е. В. Быхановым, напечатавшим в городе Ливнах в конце 1877 г. книгу «Астрономические предрассудки и материалы для составления новой теории образования планетной системы». «В очертании материков земного шара, говорит... автор, замечается следующее: западные берега Европы и Африки почти параллельны восточным берегам Америки. В большинстве случаев заливом берегов Старого Света соответствуют выдавшиеся в море части материков восточных берегов Америки и наоборот... Юго-восточный берег Южной Америки от мыса Рока и далее, за устье реки Рио-де-Лаплата, своею кривизной почти совершенно соответствует кривизне юго-западного берега Африки, начиная от устья реки Нигера и вплоть до мыса Доброй Надежды... Все это едва ли может быть простою случайностью» (Стр. 153 — 154).

О Е. В. Быханове (в 1946 г. еще анонимном авторе) сведения сообщают Г. Г. Леммлейн и Б. Л. Личков в «Известиях Академии наук СССР» (серия географ. и геофиз.), 1946, № 4; стр. 401 — 403; а также академик Л. С. Берг в статье «Ломоносов и гипотеза о перемещении материков» («Известия Всесоюзн. географич. общества», т. 79, вып. 1, 1947, стр. 91 — 92); см. также труд акад. Л. С. Берга, «Очерки по физич. географии», изд. АН СССР, М.-Л., 1949, стр. 9—36; с обширной библиографией его же сообщение «Русский предшественник Вегенера» в «Изв. Всесоюзного географич. общества»; т. 82, вып. 3-й (май—июнь), 1950, стр. 312; а также ценный труд проф. Д. И. Мушкетова, «Региональная геотектоника», Л.-М., 1935, стр. 418 — 421, 427, 442 — 447.

Кроме теории дрифта материков, Вегенер признавал также теорию перемещения полюсов Земли, что вызвало в геологическом прошлом изменение климатических зон на земном шаре.

Венюков Михаил Иванович (1832 — 1901 гг.), русский геодезист-картограф, путешественник, географ и этнограф; был вольнослушателем Петербургского (Ленинградского) университета (1852 — 1854 гг.), окончил военную академию генерального штаба (1856 г.), служил на Дальнем Востоке и исследовал в 50-ых, 60-ых годах прошлого столетия Приамурье и бассейн реки Уссури. Об этом Венюков рассказывает в своих статьях «Воспоминания о заселении Амура в 1857—1858 гг.», «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря», «О русском населении на Уссури в 1862 г.». В те же годы он побывал в Средней Азии — в верховьях реки-Чу и на озере Иссык-Куль; затем, в 1861 — 1863 гг. работал на Кавказе, а в 1863 — 1867 гг. в Польше.

В 1869 — 1874 гг. М. И. Венюков, совершив путешествия по зарубежному Дальнему Востоку (Япония, Китай) и по Турции, написал

след. труды: «Очерки современного Китая» (СПБ, 1874), «Очерк старых и новых договоров России с Китаем», «Очерки Японии», «Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии» (вв. 1—2, СПБ, 1871) и др.

Венюков печатался и в «Колоколе» А. И. Герцена. В 1875 г. он был участником Международного географического конгресса в Париже (1875 г.).

С 1877 г. Венюков находился в эмиграции и проживал во Франции, в Швейцарии и в Англии, где он был избран членом географических обществ этих стран.

В 1880 — 1900 гг. М. И. Венюков путешествовал по Сев. Африке, Мадагаскару, Занзибару, по Южной и Центральной Америке, Италии, Норвегии, на Балеарских, Маскаренских и Антильских островах.

Кроме того, следует отметить, что Венюкову принадлежит также труд «Физическая география», кн. 1—2 (1865 г.).

Именем Венюкова названы — перевал через хребет Сихотэ — Алинь, мыс на Курильских островах, селение на берегу реки Уссури.

Сборник некоторых статей М. И. Венюкова («Воспоминания о заселении Амура в 1857 — 1858 гг.», «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря», приложение: «О русском населении на Уссури в 1862 году», «Путешествие в Китай и Японию») издан в Хабаровске «Дальгиз»ом (1952 г.), под редакцией и с примечаниями А. А. Степанова; им же в этом сборнике дана биография М. И. Венюкова (стр. 5 — 26).

О М. И. Венюкове см. П. П. Семенов, «История полувековой деятельности Русского географического общества», 1845 — 1895, ч. I, II, III, СПБ, 1896, стр. 250; БСЭ, т. 7, 2-ое издание, стр. 470 — 471.

Вивьен де Сен-Мартен, Луи (Vivien de St. Martin) (1802 — 1897 гг.), известный французский географ; в течение долгого времени состоял председателем Парижского Географического Общества; с 1863 г. был редактором „Annè géographique" («Географического ежегодника»); его перу принадлежат выдающиеся труды по исторической географии, по картографии и по истории географической науки. Из трудов Вивьена де С. Мартена назовем лишь некоторые: 1) «География Франции» (первое изд. 1832 г.), 2) «История географических открытий» (1845 г.), 3) «Северная Африка в древности» (1863 г.), 4) «История географии и географических открытий» (с атласом; 1873 г.), 5) «Новый словарь по всеобщей географии» (обширный труд в семи томах с дополнениями) и др.

Видаль де ла Блаш Поль (1845 — 1918 гг.), известный французский географ, основоположник французской школы географов. Как в его трудах, так равно и в трудах его учеников и последователей наблюдается в географической характеристике той или иной страны или района тесное сочетание элементов физико-географической среды и проявлений деятельности человеческого общества. Географическая среда, по совершенно ошибочному представлению Видаль де ла Блаша, является главной силой, определяющей развитие общества.

Представители французской школы географии человека — Видаль де ла Блаш, Брюн, Деманжон, Мартонн, Боли, Галуа и др., говорит А. С. Добров, дают характеристики «земель» (pays) — мелких

географических единств, выделяемых в основном по геоморфологическим признакам и сопровождаемых исторической и экономической характеристикой. Некоторые из них группируют мелкие географические районы в более крупные территории.

А. С. Добров, «Основные методы апологии капитализма в буржуазной экономической географии»; ст. в сборн. «Буржуазная география на службе американского империализма», изд. АН СССР, М.-Л., 1951, стр. 39 — 40. Видаль де ла Блаш и Брюн в «географию человека» вводят и экономическую географию; оба французских географа утверждают, что географическая среда имеет почти решающее значение в общественной жизни и что человек лишь до некоторой степени изменяет лик пейзажа. Таким образом, французская районная школа не признает в развитии общественной жизни решающего значения социально-экономических причин. Этим и объясняется тот факт, что, по справедливому замечанию проф. И. А. Витвера, «явления примитивного экономического быта, более близкие к природе и более непосредственно отпечатывающиеся в пейзаже, выдвигаются на первый план, тогда как более сложные и важные экономические явления нередко остаются на втором плане или выпадают вовсе из поля зрения». Проф. И. А. Витвер, Вступительная статья к переводу книги П. Жоржа «Франция», изд. И. Л., М., 1951, стр. 6.

Видаль де ла Блашу принадлежит свыше 30 трудов, из которых особенно ценны: 1) «Картины географии Франции» (1908 г.), 2) «Принципы географии человека» (1922, 2-ое изд., 1936), это, собственно, сборник разновременного опубликованных небольших статей по географии человека, напечатанный под ред. Э. Мартонна, 3) «Земля» («La Terre», 1883), 4) «Географический атлас» «Atlas Général», 1896, есть новое издание 1922 г.

Характеристику П. Видаль де ла Блаша, как географа, а равно оценку географических взглядов его учеников и последователей (Л. Галуа, Э. Мартонна, И. Брюна, П. Деффонтена, А. Деманжона и А. Боли (H. Baulig), Р. Бланшара, Ф. Моретти, М. Циммермана, Ф. Гренава, Шатеньо, О. Бернара, Ж. Сиона и др.), дает проф. И. А. Витвер в своей превосходной статье «Французская школа» географии человека (Géographiè, umaine); напеч. в «Ученых записках Московского государственного университета», 1940, вып. 35, стр. 8—44.

Визе Владимир Юльевич (1886 — 1954 гг.), известный русский ученый, океанограф, метеоролог и путешественник; до 1910 г. учился заграницей, где окончил Геттингенский университет. По возвращении в Россию, в 1910 — 1911 гг. прослушал лекции на физико-математическом факультете Петербургского (Ленинградского) университета. В 1911 г. Визе принял участие в экскурсии на Кольский полуостров. В следующем (1912) году он получил приглашение принять участие в экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу. Во время зимовки на Новой Земле и Земле Франца Иосифа он произвел разно-

образные научные исследования и наблюдения — гидрологические, гляциологические, метеорологические, топографические и пр. В последующий период вся деятельность Визе тесно связана с исследованием Советской Арктики; он принял участие в экспедициях на «Таймыре» для гидрологических исследований в Карском море; на ледоколе «Малыгине» он изучал гидрологические условия северо-западной части Баренцова моря. В 1932 г. Визе вел научную работу на «Сибирякове». С 1933 г. по 1936 г. он вновь принял участие в ряде экспедиций на «Сибирякове», на «Литке» и на «Садко», и вел научно-исследовательскую работу по гидрологии и географии Арктики. Заслуживают особенного внимания те труды Визе, в которых он дает результаты своих исследований по изучению льдов Советских полярных морей; он установил, между прочим, зависимость между распределением льдов и циркуляцией атмосферы. В. Ю. Визе впервые в СССР поставил вопрос о необходимости устройства станции на дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана. Визе принадлежит свыше 230 научных работ, заметок и рефератов, из которых заслуживают особенного внимания: 1) «Метеорологические наблюдения полярной экспедиции Г. Я. Седова», 2) «Земля Андреева», 3) «Зимний режим Печерского моря», 4) «Наблюдения над поверхностным слоем воды в Баренцовом и Карском морях», 5) «Глубоководные гидрологические наблюдения», 6) «Климат морей Советской Арктики» (изд. «Главсевморпути», М.-Л., 1940), 7) «Моря Советской Арктики» (3-ее изд. «Главсевморпути», Л., 1948), 8) «Основы долгосрочных ледовых прогнозов для арктических морей»; за этот выдающийся труд В. Ю. Визе удостоен звания лауреата государственной премии, 9) «Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVI — XIX вв.»; биографический словарь; изд. Главсевморпути, 1948 и др.

О В. Ю. Визе см. некролог А. Ф. Лактионова в «Известиях Академии наук СССР», серия географическая, 1954, № 3, М., стр. 83, — 86; См. также В. Х. Буйницкий, Владимир Юльевич Визе, некролог в «Изв. Всесоюзн. географич. общества». 1954, т. 86, вып. 4, стр. 364 — 369.

Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858 — 1913 гг.), гидрограф, геодезист, генерал-лейтенант, один из исследователей Арктики. В 1882 — 1885 гг. начальник Гидрографической экспедиции, обследовавшей Онежское озеро. В 1887 г. на Новой Земле производил наблюдения над силой тяжести, а также исследования Хайпудырской губы. В 1894 — 1896 гг. описал Обскую губу и Енисейский залив Карского моря. В 1898 — 1901 гг. исследовал и изучил южную часть Карского моря; составил карты изученных районов. А. И. Вилькицкому принадлежит труд «Северный морской путь» (приложение к 35 выпуску «Заметок по гидрологии»).

Вилькицкий Борис Андреевич (род. в 1885 г.), гидрограф-геодезист. В 1914 — 1915 гг. совершил путешествие из Владивостока в Архангельск вдоль северных берегов Сибири; во время этого путешествия были открыты: Северная Земля, остров Малый Таймыр и др. В 1923 — 1924 гг. Вилькицкий проводил суда карских экспедиций с запада в устья рек Оби и Енисея. См. Н. К. Лебедев, Завоевание земли, т. III, М.-Л., 1925, стр. 263 — 272.

Витвер Иван Александрович (род. в 1890 г.), известный советский географ и эконом-географ, лауреат государственной премии, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Его перу принадлежит ряд ценных трудов по экономической географии зарубежных стран, из которых мы назовем лишь следующие: 1) «Южная Америка». «Всемирная экономическая география» (том десятый, ГИЗ, М.-Л., 1930); несмотря на замечание автора (см. предисловие, стр. 6), что цель его сочинения — дать краткое экономико-географическое описание Южной Америки и ее отдельных стран, которое могло бы послужить пособием в деле первоначального ознакомления с этой частью света», следует отметить, что, во-первых, этот труд И. А. Витвера далеко не «краткое», а достаточно обстоятельное экономико-географическое описание Южной Америки (474 стр. основного текста с иллюстративным материалом +6 стр. приложения — 475 — 480 стр. +26 стр. указателей — географических названий и предметного — 481 — 506) и, во-вторых, в свое время (1930 г.) он (труд), как в методологическом отношении, так и по содержанию стоял гораздо выше ряда иностранных работ, написанных на ту же тему (как, напр., работы: О. Мауля, Уйтбека; Дени и др.). В 1931 г. вышел в свет не менее солидный труд Витвера «Карибские страны» (Мексика, Центральная Америка, Вест-Индия); это сочинение, тесно примыкающее по своей теме к предыдущей работе, по обстоятельности, по содержанию и по исполнению также много лучше ряда западно-европейских трудов, дающих описание тех же стран.

В 1939 г. в издании Московского университета вышла эконом. географическая монография И. А. Витвера «Германия» (об этой стране у автора имеются, впрочем, и ранние работы; напр., дополнение к русскому переводу соч. французского географа Э. Мартонна «Центральная Европа», гл. XIX, стр. 384 — 448).

Кроме того, в 1940 г. проф. Витвер опубликовал превосходный труд методологического характера — «Французская школа «географии человека», где дана характеристика сочинений и взглядов известных французских географов, как-то Видаль де ла Блаша, Галуа, Брюна, Деманжона, Э. Мартонна и др. (См. «Ученые записки Московского университета», вып. 35-й; М., 1940, стр. 8—44). О французской школе «географии человека» см. также интересные замечания И. А. Витвера во вступительной статье к переводу соч. французского географа П. Жоржа «Франция; экономическая и социальная география», изд. «Иностранной литературы», М., 1951, стр. 5—9.

И. А. Витверу принадлежат также интересные научно-популярные работы и статьи эконом. географического характера; из них заслуживают особенного внимания: 1) «Бразилия и Аргентина», ГИЗ, М.-Л., 1930, «Рабочая библиотека школьника II ступени», серия — география, 2) «Французская Сев. Африка», статья в методическом сборнике «География в школе», вып. 1-й, Учпедгиз, 1944, стр. 90 — 111. Витвер принимает деятельное участие в разработке вопросов по методике обучения географии и эконом. географии в средних учебных заведениях (см., напр., его статью «Преподавание географии зарубежных стран в условиях Великой Отечественной войны» в вышеуказанном методическом сборнике, «География в школе», стр. 34 — 53).

Широкой советской общественности и учащимся хорошо известен учебник И. А. Витвера для 9-го класса средних школ — «Экономическая география зарубежных стран»; этот учебник, удостоенный государственной премии в 1950 г., выдержал много изданий. Достаточно самого беглого просмотра и сравнения этой книги с наиболее известными немецкими, французскими и английскими учебниками по экономической географии для средних школ, чтобы отдать все преимущества руководству советского ученого. Учебник И. А. Витвера получил высокую оценку со стороны многих опытных учителей и учительниц. Так, С. Ф. Каргалова, указывает, что этот учебник «облегчает усвоение весьма сложного и насыщенного разнообразным материалом курса экономической географии зарубежных стран. Материал учебника изложен сжато и четко. Язык учебника вполне доступен пониманию учащихся, несмотря на то, что в курсе содержится много сложных для этого возраста понятий. Материал расположен в определенной системе, что облегчает его усвоение. Весь материал учебника отвечает целям воспитания в духе высоких идей коммунизма и тесно связан с современностью. Большую образовательную ценность представляют включенные в учебник различные карты, картосхемы, картограммы и цифровой материал, который широко используется в процессе преподавания и наглядно иллюстрирует основные положения курса» (С. Ф. Каргалова и Т. С. Панфилова, Преподавание экономической географии зарубежных стран в средней школе, Учпедгиз, М., 1953, стр. 46 — 47).

В 1945 г. проф. И. А. Витвер опубликовал новый интересный труд «Историко-географическое введение в экономическую и политическую географию капиталистического мира» («Ученые записки МГУ», вып. 85-й). По справедливому замечанию автора, «нельзя осмыслить современную географию мирового хозяйства, а равно и современную политическую карту мира, не зная, как то и другое сложилось» (стр. 5). Основное содержание труда сводится к следующим главным темам: 1) как складывалась география мирового капиталистического хозяйства; 2) как складывалась политическая карта мира; 3) с обеими этими темами переплетаются основные вопросы исторической географии населения (переселенческие движения, развитие городов и т. д.). Признавая важность такого пропедевтического историко-географического курса «для студентов, приступающих к изучению экономической и политической географии стран», И. А. Витвер в примечании указывает на необходимость твердого различения понятия «историческая география» и «история географии». «Историческая география, пишет Витвер, изучает конкретную географию прошлого и ее изменения на различных исторических этапах. История географии изучает развитие географической науки. Известная связь между тем и другим есть. Связующим элементом служат преимущественно географические открытия и исследования; они составляют предмет истории географии, рассматривающей их с точки зрения развития географических идей, успехов познания земного пространства и т. д. Они же могут входить и в круг интересов исторической географии, поскольку они связаны с проложением новых путей, с захватами колоний и т. д. Но подход к этим явлениям в том и другом случае совершенно различен» (ibid., стр. 5). Исторический аспект при изучении явлений и процессов, как известно, является одним из основных принципов марксизма-ленинизма, и в этом

отношении новый труд Витвера заслуживает серьезного внимания. В научной литературе зарубежных стран подобных трудов почти не имеется.

О И. А. Витвере см. статью Н. Н. Баранского и Ю. Г. Саушкина, «Шестидесятилетие И. А. Витвера», «География в школе», 1951, № 2-й (март — апрель), стр. 50 — 51 — «Вопросы географии», сборник 29, 1952, Географгиз, М., 1952, стр. 3—5, 247 — 251.

Воейков Александр Иванович (1842 — 1916 гг.), выдающийся русский климатолог, географ и неутомимый путешественник, предпочитавший «созерцать и изучать природу непосредственно, а не по книгам»; человек широкого ума, широкого образования с разнообразными научными интересами и живого характера. Кабинетное изучение науки он дополнял наблюдениями над природой в различных странах земного шара. «Все это... и сделало из Воейкова, не метеоролога, хотя большое количество его сочинений и посвящено этой научной дисциплине, а выработало из него настоящего физико-географа, своею деятельностью показавшего всю ширину, разнообразие и глубокое значение этой отрасли географии» (Ю. М. Шокальский). А. И. Воейков хорошо разбирался, хотя, конечно, и не в одинаковой мере, во всех отделах географии; его знания охватывали важнейшие проблемы и общей физической географии, и геоморфологии, и гидрологии, и климатологии, и экономической географии и пр.. Многих своих современников он поражал обширной ученостью и своим образом жизни.

В 60-ых годах прошлого столетия А. И. Воейков учился сначала в Петербурге, а затем в Берлине, Гейдельберге и Геттингене. В 1870 г. он посетил Кавказ и Закавказье, побывал в Баку, Ленкорани, Дагестане, а затем и в Красноводске. Летом 1872 г. Воейков путешествовал по Галиции, Буковине, Молдавии, Валахии, Трансильвании и Венгрии для изучения, между прочим, почв и исследования чернозема. Затем, он, проездом через Вену, Берлин и Готу, направился в Сев. Америку. В начале 1873 г. он приехал в Нью-Йорк, а летом того же года он совершил обширную поездку по США и Канаде. В начале 1874 г. Воейков посетил Юкатан, Мексику, Гватемалу и Панаму; после этого совершил путешествие на пароходе вокруг всей Южной Америки; причем на Тихоокеанском побережье он поднимался на Анды и побывал на берегах озера Титикака и в городе Лиме. Во время путешествия по реке Амазонке он поднялся до Санта-Рема. По возвращении через Нью-Йорк в Россию, он предпринял в 1875 г. новое путешествие на дальный Восток, где посетил Индию, Яву, Южный Китай и Японию, в последней Воейков прожил пять месяцев, посвятил это время изучению страны, климат которой он считал похожим на климат Западной Грузии. В 1877 г. в Ленинграде он подвел итоги своим путешествиям и обработал материалы, собранные во время этих путешествий, и поместил их в изданиях Русского Географического общества в виде статей: «Путешествие по Японии», «Население Японии», «Морская торговля Японий», «О климате Индии», «Климат области муссонов Восточной Азии», а в некоторых других журналах напечатал след. монографии: «Русский путешественник в Америке», «Путешествие в Перу и Чили» и др. О том, как прекрасно умел А. И. Воейков смотреть, замечать, наблюдать, сравнивать, описывать, исследовать географические явления и их комплексы, как он отлично умел делать заключения, выводы, обобщения и формулировать географические законы, можно судить хотя бы по его для своего времени богатой содержанием статье: «Путешествие по Японии; июль — октябрь 1876 г.», (см. «Известия Русского географ. общества», 1877, т. 13, вып. 4-й, стр. 195 — 240, 241 — 245).

В общем следует отметить, что А. И. Воейков во время своих путешествий с одинаковым пристальным вниманием изучал в каждой посещенной им стране, климат, почву, растительность, естественный и культурный ландшафты, население, его занятия и быт, его социально-экономическую жизнь, его историческое прошлое и пр.

В 1880 г. А. И. Воейков был избран Московским университетом почетным доктором физической географии. В 1898 г. он снова посетил с научной целью Черноморское побережье Кавказа и Закавказья. В последние годы жизни Воейков интересовался Туркестаном и написал большой труд «Le Tourkestan Russe» Paris, 1914. — «Русский Туркестан», Париж, 1914.

А. И. Воейкову принадлежит много интересных и серьезных мыслей по научной методологии; он же является автором интересных проектов новых классификаций географических явлений и элементов; так, напр., небезынтересна его классификация морей, которая помещена в журнале «Метеорологический Вестник» за 1895 г. (август).

Капитальным классическим трудом А. И. Воейкова является: «Климаты земного шара, в особенности России» (СПБ, 1884 г.; изд. картографического заведения Ильина); это первое оригинальное, обстоятельное сочинение по климатологии на русском языке; за этот труд автор был удостоен от Русского Географического Общества Константиновской золотой медали. «Климаты земного шара» в 1887 г. были изданы в исправленном и дополненном виде на немецком языке «Die Klimate der Erde». В 1948 г. этот классический труд А. И. Воейкова был переиздан с исправлениями и дополнениями Институтом географии Академии Наук СССР, под ред. академика А. А. Григорьева (см. А. И. Воейков, «Избранные сочинения», т. 1, М.-Л., 1948, изд. Академии Наук СССР); к этому второму изданию «Климатов земного шара, в особенности России» дана вводная часть, которая состоит из статей акад. А. А. Григорьева и проф. Г. Д. Рихтера. Первый в своей статье дает интересный анализ руководящих климатологических идей А. И. Воейкова, а второй — очень ценную биографию Воейкова и почти полный список его трудов.

Следует также отметить известный труд А. И. Воейкова: «Снежный покров, его влияние на почву, климат и погоду»... А И. Воейков еще в своей заметке 1871 г. «Влияние снеговой поверхности на климат.», «Изв. Русск. геогр. общества», 1871, т. 7, географич. известия, а затем в сравнительно обширном исследовании «Снежный покров, его влияние на почву, климат и погоду и способы исследования» (см. «Зап. Русск. Геогр. общ. по общей географии», 1899, т. 18, № 2-й) первый установил научно большое влияние снежного покрова на климат страны или той или иной местности, он же первый подсчитал, какой запас влаги содержится в снежном покрове, доказал возможность ее сохранения путем снегозадержания, рассчитал количество талой воды, стекающей в реки и просачивающейся в почву. В те же 70-ые годы Воейков высказал мысль о возможности лесоразведения в степной полосе

СССР. Вот, что он пишет по данному вопросу: «Когда у нас заходит речь о разведении лесов, то нередко встречается такое выражение, что «не засухи зависят от безлесья, а безлесье от засух». Я не могу согласиться с этим; что в южной России вообще преобладают степи, еще не доказывают, чтобы там не могли расти леса. Я уверен, что многое можно сделать там для лесоразведения и что климат не может препятствовать этому» (А. И. Воейков, «О влиянии леса на климат», «Природа и охота», 1878, т. II, № 4.

В начале 1890-ых годов вышел его учебник метеорологии для средних школ, выдержавший несколько изданий, а в 1903 — 1904 гг. им был издан обширный курс метеорологии в 4-х выпусках. Кроме вышеназванных трудов А. И. Воейкова, назовем еще следующие: 1) «Климатические условия ледниковых явлений» (1881 г.), 2) «Наши реки» (1887 г.), 3) «Климат и народное хозяйство» (1892 г.), 4) «Воздействие человека на природу» (1894 г.); 5) «Исследование климатов для целей климатического лечения» (1898 г.), 6) «Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара? (1906 г.; Воейков доказывал, что не будет), 7) «Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека» (1906 г.), 8) «Людность селений Европейской России и Запад. Сибири» (1909 г.), 9) «Человек и вода: способы пользования водою и их географическое распределение» (1909 г.), 10) «Пища человека, ее влияние на выносливость и способность к работе, и зависимость от климата» (1910 г.), 11) «Экономическое использование Севера Европ. России и Сибири» (1914 г.) и др.

В общей сложности перу А. И. Воейкова принадлежат около 1700 книг, брошюр, журнальных статей, научных заметок, обзоров печати, рефератов, рецензий, некрологов и т. п., из них более 250 на иностранных языках.

Проф. Г. Д. Рихтер, «Труды А. Н. Воейкова», автор на 64 страницах приводит список трудов Воейкова, расположенный в хронологическом порядке, от 1865 г. до 1921 г. включительно; затем, на двух страницах перечисляются «издания, редактировавшиеся А. И. Воейковым в течение ряда лет», и «рукописи, хранящиеся в архиве Географического общества Союза ССР». Библиографию сочинений Воейкова дает также П. И. Некрасов в своей ценной книжке; «А. И. Воейков — климатолог и географ», М., 1940, стр. 21—35. Кроме того, об А. И. Воейкове см. «Географический словарь профессоров и преподавателей С. Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования», 1869 — 1894 гг., т. I (А.-Л.), СПБ, 1896, стр. 157 — 167; П. П. Семенова, «История полувековой деятельности Русского Географического общества», 1845 — 1895, ч. II-ая, отд. IV, СПБ, 1896, стр. 943 — 944, а также В. В. Покшишевского «А. И. Воейков и его работы о человеке и природе», вступит. статья к книге А. И. Воейков. Воздействие человека на природу, Географгиз, М., 1949, стр. 3—39[1].

За последнее время оценку значения научных трудов Воейкова дал А. Х. Хргиан; вот как последний характеризует великого русского географа:

[1] См. также интересно написанный очерк Екатерины Андреевой А. И. „А. И. Воейков—основатель русской климатологии", ГИМИЗ, Л., 1949.

«Будучи в одно и то же время метеорологом и географом, он (А. И. Воейков) умел связывать явления друг с другом, обнаруживать влияние климата на формы земледелия и поселения, на пищу и обычаи народов, на способы пользования водой. Он обладал исключительной наблюдательностью и умел оценивать особенности климатов по крупным и мелким, прямым и косвенным признакам. Важнейшим из них был, конечно, характер растительности... Воейкова интересуют причины большей или меньшей влажности воздуха, влияние снежного покрова на температуру.., значение температуры океанов для климата. Подробнейшим образом описал он муссоны Южной и Восточной Азии и их причины — различие температур и давления воздуха над материком Азии и омывающим его морями. Воейков ввел также понятие об активной (деятельной) поверхности, у которой происходит преобразования энергии. Ее свойства определяют суточный ход температур, испарение и т. д... Второй идеей, всегда руководившей Воейковым, была идея о связи всех сторон жизни и деятельности человека с окружающей его природой и климатом. Эту мысль Воейков пропагандировал очень широко.., так напр., он писал о «Пище человека и ее влиянии на выносливость и способность к работе в зависимости от климата». Он подкреплял... климатологическими сопоставлениями выгодность переселения и колонизации Дальнего Востока. Изучая «распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека», он отмечает роль и естественных и социальных факторов теплого и холодного климата, возможности культуры риса и других хлебных растений, морской торговли и пр. Такие сопоставления были весьма увлекательны и открывали широкие горизонты. Однако Воейков приписывал климату слишком большое влияние на развитие сложных социальных проблем. Третья идея, которую почти никогда не оставлял Воейков, это — тесная связь науки и практики, прежде всего климатологии и сельского хозяйства... Исходя из метеорологических данных, Воейков настойчиво указывал на возможность и выгодность культуры чая в Закавказье (1883 г.): мы знаем, что теперь эта культура получила там очень широкое распространение. Таким же образом им были изучены преимущества Средней Азии перед США для хлопководства. Воейков сравнивал достоинства русских и европейских климатических курортов, отдав предпочтение Кисловодску и Абастуману перед Арозой и Лезеном в Швейцарии и поставив Гагры наравне с лучшими курортами Французской Ривьеры. В 1914 г. Воейков обратил внимание на экономическое значение русского Севера, на преимущества Севера для луговодства и посевов льна, возможность культуры хлебных в Якутии и т. д. Мы знаем, что советское земледелие проникло за полярный круг, так же как в долину Колымы, и только мы можем оценить, насколько прав был в свое время Воейков» (А. Х. Хргиан, «Очерки развития метеорологии», «Гидрометеорологическое издательство», Л., 1948, стр. 185 — 187).

Словом, по взгляду Воейкова, не столько климат, сколько разумная деятельность человека указывает ареал и границы распространения тех или иных растительных культур.

А. А. Григорьев, отмечает, что «глубокое и ясное понимание климатического процесса, сделало Воейкова одним из крупнейших основоположников современной климатологии как теоретической, так и сельскохозяйственной, а затем и климатической курортологии, над которой он

особенно много работал в последние годы своей жизни и чем оказал большое влияние на развитие у нас курортов, особенно на Кавказе» (Акад. А. А. Григорьев, «Руководящие климатологические идеи А. И. Воейкова»; см. А. И. Воейков, «Избранные сочинения», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1948, стр. 34).

По справедливому замечанию проф. Г. Т. Селянинова, «творчество А. Воейкова служит примером своеобразного диалектического подхода к изучению природных явлений... . В «Климатах земного шара» неоднократно указывается, что явление природы, раз возникнув, содержит в себе условия своего существования и одновременно обостряющиеся противоречия, приводящие к его ликвидации». А. И. Воейков, как человек широкообразованный и разносторонний, не мирился с чрезмерной специализацией науки, что нередко обусловливало ошибочные заключения. Так, по его мнению, как указывает Селянинов, неправильные суждения о влиянии климата на распространение растений «произошли именно оттого, что натуралисты слишком мало знакомы с хозяйственными и экономическими условиями, от которых зависит распространение культурных растений, и, обсуждая известные им факты, часто исходили из неверных предположений... Специализация наук и занятий здесь пошла слишком далеко и повела ко многим ошибкам». Некоторые современные климатологи, говорит Г. Т. Селянинов, недооценивающие труды А. И. Воейкова, исходят из односторонней трактовки циркуляционных процессов в атмосфере, как самодовлеющей основы климата, неизбежно приходят к грубой схематизации климатических характеристик и таким образом делают шаг назад сравнительно с воззрениями А. Воейкова в применении науки на практике. Создатель учения об атмосферной циркуляции как климатообразующем факторе (о чем почему то забывают некоторые современные синоптики), А. Воейков прочно связал циркуляцию в атмосфере с солнечной энергией и характером земной поверхности». (Г. Т. Селянинов, «А. И. Воейков, Избранные сочинения, под ред. акад. А. А. Григорьева, т. 1, Академия Наук СССР, 1948, рецензия в журн. «Советская книга», 1949, 10, октябрь, стр. 33, 34).

По словам акад. А. А. Григорьева, «несмотря на ограниченность представлений о сущности атмосферных процессов, неизбежную для той эпохи, работа А. И. Воейкова по атмосферной циркуляции является свидетельством глубины и оригинальности русской научной мысли. Так, например, приземная температура воздуха представляла в то время единственный материал для термической характеристики атмосферы. Эта температура в субтропической зоне в среднем выше, чем в экваториальной; несмотря на это, А. И. Воейков высказал предположение, что запас тепла во всем столбе атмосферы у экватора больше, чем в субтропиках, и что с этим связано возникновение тропических дождливых периодов. Эта гипотеза в дальнейшем получила подтверждение в связи с открытием тропических фронтов. Затем А. И. Воейковым было доказано, что для развития ледников главное значение имеет не температура воздуха, а сумма зимних осадков. Им было высказано подтвердившееся впоследствии предположение о существовании ложбины пониженного давления, направленной от Исландии на Новую Землю. Он впервые подробно описал муссоны северо-восточной Азии, самое существование которых до этого казалось сомнительным. Ряд таких смелых для своего времени гипотез о физической сущности атмосферных процессов, выдвинутых Воейковым, получил в дальнейшем подтверждение и обоснование. Тем самым устанавливается приоритет русской науки в решении ряда проблем атмосферной циркуляции» (А. А. Григорьев, редакционная статья ко 2-му тому избранных сочинений А. И. Воейкова; изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1949, стр. 7).

Проф. В. В. Покшишевский, совершенно справедливо отметил, что «вместе с П. П. Семеновым-Тян-Шанским, В. В. Докучаевым, Д. Н. Анучиным, Воейков поднял русскую географию на небывалую до тех пор высоту. Труды русских ученых, в первых рядах которых около полувека стоял Воейков, прокладывали самобытные, оригинальные пути развития географии, и зарубежная наука часто бывала принуждена признать их приоритет не только в исследовании огромных пространств нашей родины и смежных территорий, но и в области теоретических обобщений» (В. В. Покшишевский, «А. И. Воейков и его работы о человеке и природе»; вступительная статья к изданному Географгизом сборнику статей Воейкова под заглавием: «Воздействие человека на природу», 1949, стр. 3).

О А. И. Воейкове см. назв. выше труд «Люди русской науки», т. 1, ст. проф. Б. А. Дзержинского, «А. И. Воейков», стр. 579 — 587; ст. Д. Н. Анучина, «Памяти А. И. Воейкова», в журн. «Землеведение», 1916, кн. 1—2, стр. 112 — 117, а также труд А. Г. Исаченко, «Основные вопросы физической географии», Изд. Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Л., 1953, стр. 30 — 32.

Врангель Фердинанд Петрович (1796 — 1870 гг.), известный русский путешественник и исследователь русского Севера; окончил Морской корпус в Петербурге (Ленинграде) и в 1817 — 1819 гг. совершил свое первое кругосветное плавание под начальством Головнина. В 1820 г. он возглавил экспедицию к устьям рек Яны и Колымы, которая продолжалась около пяти лет. Во время этой экспедиции Врангель и его спутники Анжу, Ильин, Козьмин и мичман Матюшкин (известный лицейский товарищ А. С. Пушкина) обследовали малоизученные окраины северной Сибири — от устья реки Колымы до Берингова пролива. Кроме сухопутных исследований, Врангель производил также обследования моря; причем он плавал и на лодке, ездил и по льду на собаках; приходилось странствовать и пешком; «ценою огромного напряжения, подвергаясь большим опасностям и лишениям, Врангель в течение трех лет снял и описал весь берег от устья реки Колымы на Востоке до острова Колючина и часть Медвежьих о-вов, при чем им было определено 110 астрономических пунктов» (А. Соколов, БСЭ, т. 13-й, стр. 398). Рассказы Врангеля о своем путешествии, исполненные большого интереса, изложены им на русском языке в сочинении: «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное, в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах, экспедициею, состоявшего под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля»; имеется новое издание этого труда Главсевморпути. 1948 г., под общей редакцией контр-адмирала Е. Шведе с биографиями Ф. П. Врангеля, написанной В. Г. Островским и Ф. Ф. Матюшкина, написанной Ю. В. Давыдовым.

По справедливому замечанию академика А. Н. Пыпина, «книга Врангеля занимает... одно из первых мест в литературе о севере Сибири, как по важности вопроса, трудно доступного для исследования, так и по достоинствам изложения. К удивлению эта замечательная книга почти двадцать лет ожидала издания и в первый раз явилась по-немецки; переведенная с русской рукописи Е. А. Энгельгардт; она издана была в Берлине с предисловием знаменитого географа Карла Риттера в 1839 г., и только через два года вышло ее русское издание» (А. Н. Пыпин, «История русской этнографии», СПБ, 1892, т. IV, стр. 282, 283). Известный шведский ученый исследователь Арктики и путешественник, Норденшельд, во введении к труду Врангеля называет его (труд) «un des chefs—d'oeuvre de la littérature arctique» («одним из шедевров среди сочинений по Арктике»). В 1825 — 1827 гг. Врангель совершил свое 2-ое кругосветное путешествие. С 1831 г. по 1836 г. Врангель занимал должность управляющего Российско-Американскими колониями, где он собрал ценные материалы по этнографии и статистике населения. Его именем назван остров к северу от Чукотского полуострова (см. М. Б. Черненко, Фердинанд Петрович Врангель и Фед. Фед. Матюшкин, ст. в сборнике «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 210 — 225).

Г

Габашвили Тимофей (1703—64)[1], грузинский (картлийский) митрополит, человек большого ума и просвещенный; совершил путешествие в Палестину (в Иерусалим) в 1752 — 1759 гг. по следующему маршруту Трапезунд — Смирна — Иерусалим — Кипр — Мирликия — Константинополь — Грузия. По возвращении на родину описал свое путешествие в труде: „მიმოხილვა წმიდათა და სხვათა აღმოსავლეთისა ადგილთა“— «Путешествие по святым местам и по Востоку» (Тифлис, 1852, издал Платон Иоселиани). В 26 главах своего сочинения автор рассказывает о жестоком обращении турок с арабским населением, об отношениях Турции с Францией, Пруссией, кавказскими народами, о связях Турции и Мальтийского ордена и др.

В рукописном отделе библиотеки СССР имена В. И. Ленина имеется список перевода на русский язык краткого донесения (на 6 страницах) грузинского митрополита Тимофея о его путешествии в святую землю (Палестину) (см. «Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII — XIX вв. — из фондов отдела рукописей библиотеки СССР им. В. И. Ленина —, составл. под ред. П. А. Зайончковского и Е. И. Конюшиной, М., 1951, стр. 151).

О Тимофее (Тимоте) Габашвили см. труд проф. К. Кекелидзе, «История древнегрузинской письменности», т. I, третье переработанное и дополненное издание, изд. Тбилисского государственного университета, Тб. 1951, стр. 328 — 334 (на груз. яз.); Е. Месхи, «Тимофей (Тимоте) Габашвили», в труде Г. Н. Гехтмана: Очерки по истории Географии», Тб., 1955, стр. 430 — 433 (на груз. яз.).

Гаджи-Зейнал-Абдин-Ширвани, азербайджанский географ, этнограф и путешественник XVIII ст.; ему принадлежит труд «Путешест-

[1] Габашвили (Горели) Тимофей (1703—53), БСЭ, т. 9, стр. 591—Ред.

вие по странам». В этом труде в алфавитном порядке дается более или менее подробное географическое и этнографическое описания Ирана, Средней Азии, Афганистана, Индии, Йемена, Аравии, Египта, Судана и Турции, а равно отдельных частей Азербайджана, как то — Ширвана, Муганской степи, Талыша, Ордубада, Нахичевана, Баку, Барде, Гянджи (Кировабада), Дербента, Ардабиля, Ахсу и др.

Галилей Галилео (1564 — 1642 гг.), великий итальянский астроном и физик, уроженец города Пизы; один из основоположников земной и небесной механики. В 1609 г. до Галилея дошли слухи об изобретении в Голландии «глазной трубы для наблюдения отдаленнейшей перспективы»; Галилею удалось самому изготовить подобный инструмент. Когда его телескоп, увеличивающий предметы в тридцать раз, был установлен на куполе Святого Марка в Венеции, небесный свод представился Галилею в новом виде. Некоторые из своих наблюдений он изложил в сочинении «Звездный посол» («Nuntius siderеus», 1610). Луна оказалась не плоским диском, а телом, подобным земле, «имеющим моря и горы»; у Юпитера обнаружились четыре спутника; млечный путь оказался сложной системой звезд; были открыты фазы Венеры; было доказано движение Марса и Венеры вокруг Солнца, а равно вращение Солнца вокруг своей оси и т. д.

Галилей был энергичным и горячим защитником гелиоцентрической системы Коперника. За свое сочинение «Диалоги о двух главнейших системах мира, птоломеевой и коперниковой» (1632 г.) — он был арестован инквизицией и посажен в темницу, где подвергся всякого рода издевательствам. Труды Галилея оказали огромное влияние на развитие математической географии.

О Галилее Галилео см. «История философии», под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина, т. II, ОГИЗ, Госполитиздат, 1941, стр. 65 — 71; Русский перевод труда Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира Птоломеевой и Коперниковой», с предисловием переводчика А. И. Долгова, опубликован в 1948 г. Государственным издательством технико-теоретической литературы, М.-Л.; См. также З. А. Цейтлин «Галилей», 1935 (из серии «Жизнь замечательных людей») и Леонардо Ольшки, «История научной литературы на новых языках», т. 3-й, Галилей и его время; перев. с нем. Ф. А. Коган-Бернштейн и П. С. Юшкевича; предисловие С. Ф. Васильева. Государственное технико-теоретическое издательство, М.-Л., 1933, стр. 81 — 314.

Гвиччардини Людовико (1521 — 1589 гг.), экономист и географ XVI ст., племянник итальянского буржуазного историка Франческо Гвиччардини (1483 — 1540 гг.), в молодости переселился из Флоренции в Нидерланды, где в городе Антверпене он состоял представителем флорентийских торговых фирм. В этом городе он прожил до своей смерти. В часы, свободные от службы, Гвиччардини занимался литературной и научной деятельностью. Изучив хорошо страну он написал на итальянском языке интересный для своего времени труд — «Описание Нидерландов». Из 296 страниц первого издания этого труда общегеографическому описанию страны автор отвел 43 страницы, а на региональную часть—253 стр. Во второй региональной части труда Гвиччардини дает по определенному плану порайонное описание 17 провинций тогдашних Нидерландов (в состав которых входили территории совре-

менных — Бельгии, Голландии, Люксембурга и части северной Франции); при этом он отмечает специфические особенности каждой провинции; так, например, в Голландии — развитое животноводство; высокую молочность коров; экспорт сыра и масла; в Зеландии — распространение зерновых культур; борьбу населения с морем для отвоевания земли посредством сооружения плотин и т. д.

Много внимания уделил Л. Гвиччардини характеристике крупных нидерландских городов — Антверпена, Брюгге, Брюсселя, Гента и некоторых других. Автор «обычно начинает описание города с истолкования его названия и описания его местоположения, иногда при этом он приводит географические координаты данного города. Гвиччардини обязательно останавливается на описании внешнего вида города — его площадей, улиц, церквей и других замечательных зданий, а также городских укреплений. Большое внимание уделяет Гвиччардини перечню, а в некоторых случаях краткой характеристике выдающихся людей города, с особым вниманием останавливаясь на ученых (в том числе и географах, как, например, Меркатор, Ортелий) и художниках, не забывая в то же время крупных представителей местной буржуазии и аристократии» (В. К. Яцунский, «Историческая география», Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 101).

Названное выше сочинение Гвиччардини хорошо было оформлено и в картографическом отношении.

Несмотря на то, что «Описание Нидерландов» было переведено с итальянского языка на французский, латинский, немецкий, голландский, английский и испанский языки и выдержало 35 изданий (27 полных и 8 сокращенных), как автор, так равно и его замечательный экономико-географического характера труд были забыты. «Описание Нидерландов» Л. Гвиччардини слишком опередило свою эпоху.

Вновь открыл и напомнил о Гвиччардине и об его географическом произведении — «Описание Нидерландов» — советский ученый В. К. Яцунский.

О Гвиччардини см. монографию В. К. Яцунского «Людовико Гвиччардини — экономист-географ XVI в., в «Изв. Всесоюзн. географич. общества», т. 76, в. 4, 1944, стр. 155 — 163 и ценный труд того же автора «Историческая география», Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 100 — 103.

Гедеванишвили Иона (1737 — 1821 гг.), известный грузинский деятель и путешественник; Руисский митрополит. В 1805 — 1810 гг. он посетил Малую Азию, Палестину, Северную Африку, Западную Европу, а несколько ранее, в конце 90-ых годов 18 века и Россию. Свои путешествия Гедеванишвили описал в книге: «Хождение или путешествие Ионы Руисского митрополита». По справедливому замечанию профессора Кекелидзе, сочинение Гедеванишвили представляет во многих отношениях большой интерес; автор обнаруживает наблюдательность, уменье подмечать все наиболее интересное и характерное; он дает очень неплохие описания картин природы, нравов и обычаев населения посещенных им местностей, рассказывает он о торговле и промышленности виденных районов, описывает интересные в архитектурном отношении здания, памятники, развалины и пр.

О Гедеванишвили см. соч. проф. К. С. Кекелидзе, «История грузинской литературы» (на грузин. языке), т. I, Тб., 1941, стр. 352 — 353, есть 3-е изд., 1951, стр. 358—359. «Хождение или путешествие Ионы

Руисского митрополита» издал в 1852 г. грузинский историк Платон Иоселиани. На русском языке «Извлечения из путешествия грузинского митрополита Ионы по разным городам и местам Азии, Европы и Африки» были напечатаны в «Закавказском вестнике» за 1852 г. (№№ — 11, 13, 15 и 16); в том же году отрывок из «Путешествия митрополита Ионы по Новороссийскому краю в 1791 г.» был переведен на русский язык Н. Берзеновым и напечатан в Тифлисе отдельной брошюрой в 26 страниц; на русском же языке были напечатаны отрывки из того же «Путешествия»... в Записках Одесского Общества Истории и Древностей» за 1853 г.; т. III, См. также назв. выше труд. проф. Меликсет-Бека, «Публикации...», стр. 177 — 178; см. также ст. Е. Месхи, «Иона Гедеванишвили», в труде Г. Н. Гехтмана, «Очерки по истории географии», Тб., 1955, стр. 433 — 437 (на груз. языке).

Гедин (Hedin) **Свен Андерс** (1865 — 1952 гг.) шведский путешественник, натуралист, германофил, окончил Упсальский университет; для продолжения научно-исследовательской работы в области геологии и географии он отправился в Германию, где оказал на него большое влияние выдающийся ученый Рихтхофен. В 1885 — 1886 гг. Свен Гедин предпринял путешествие по Ирану. В 1890 г., получив должность секретаря шведской миссии в Иране, он совершил восхождение на вершину Демавенд. Затем, в 1890 — 1891 гг. Гедин путешествовал по Кашгарии, куда проник через Фергану. При материальной поддержке шведского правительства С. Гедин совершил три больших экспедиции. В 1894 — 1897 гг. он пересек Памир и изучил ледники Мустаг-Ата; затем, он прошел через пустыню Такла-Макан и посетил озеро Лобнор; оттуда через Куэнь-Лунь прошел в северную часть Тибета, где открыл новую горную цепь. Это путешествие Гедин описал в сочинении «Durch Asiens Wüsten» («Через пустыни Азии»); в 2-х томах (1899 г.). Во время этой экспедиции он уделил особое внимание изучению режима реки Тарим и озера Лобнор. Свен Гедин «открыл высохшее широкое русло реки, местами занесенное песками, по которому когда-то, очевидно, протекала река Тарим. Следуя этому руслу в восточном направлении, С. Гедин нашел старую дельту реки, остатки деревьев, следы древнего сельского хозяйства, а также руины города Лулан, оставленного жителями свыше 1500 лет назад, после того как река Тарим изменила свое направление» (Б. Л. Коган, «Обзор научных экспедиций за рубежом», статья в сборнике «Экспедиции Академии наук СССР», М.-Л., 1937, стр. 459). Во время своих исследований Свен Гедин пришел к заключению, что реки бессточных равнин, образующие у устьев озера, меняют свое течение и образуют новые озера. Это является следствием того, что, напр., река Тарим и подобные ей реки с течением времени заносят старые озера, рельеф бассейна рек изменяется, образуются террасы (возвышения) и реки принимают новое направление или же возвращаются в старое русло. Позднее, а именно в 1930 г., Гедин вновь организовал экспедицию в район озера Лобнор и доказал, что в течение тысячелетий это озеро перемещается в связи с переменами направления реки Тарим[1].

[1] Советский ученый, акад. В. А. Обручев указывает, что „Лобнор представляет кочующее озеро. Река Тарим засоряет наносами свое русло и поэтому периодически меняется место озера, в которое впадает река".

В 1899 — 1902 гг. он через Кашгарию пытался пройти в Лхасу, главный город Тибета, но его туда не пустили. Через Ладак и хребет Каракорум Свен Гедин вернулся в Кашгар. Об этом путешествии он рассказал в своем труде: («Im Herzen von Asien») («В Сердце Азии», 2 тома, Лейпциг, 1903). Научные результаты этой экспедиции, обработанные вместе с другими специалистами, Гедин издал в Стокгольме в 1904 г., на английском языке под заглавием: «Stientific Results of a Journey in Central Asia 1899 — 1902»; 6 vis. — В третье свое путешествие Гедин отправился в 1906 г. по маршруту: Трапезунд—Северо-восточный Иран—Белуджистан— Симла — Кашмир — Лех (в Ладаке) — Тибет; и во время этого путешествия ему опять не удалось попасть в Лхасу. Гедин добрался лишь до города Шигатсе, в южной части Тибета, где жил Таши-Лама или Лама Наместник. Во время этого путешествия Свен Гедин достиг истоков Ганга, Брамапутры и Инда и открыл неизвестный до того европейцам огромный горный хребет, названный им Трансгималаями. Научные результаты этой экспедиции изданы в девяти томах в Стокгольме на английском языке под заглавием: «Southern Tibet», vis. I—IX (1917 — 1922). В 1923 г. Гедин совершил кругосветное путешествие через Сев. Америку, Монголию и СССР, после чего издал он два своих труда: 1) «Von Peking nach Moskau» («Из Пекина в Москву», Лейпциг, 1924) и 2) «Gran Canyon» («Большой Каньон», Лейпциг, 1926). В 1927 г. он отправился в новую экспедицию по маршруту: Китай — Монголия — Западный Тибет — Восточный Туркестан.

На русском языке имеются след. сочинения С. Гедина: 1) «В сердце Азии», СПБ, 1899, 2) «Тарим — Лоб-Нор — Тибет», СПБ, 1904, 3) «Восьмое чудо света» («Большой Каньон»). М., 1928.

О Гедине см. жур. «Geogr. Rev» (№ 9), 1953, 43, p. 424 — 425; Gabriel, A. «Sven Hedin als Forschungsreisender» в «Mitt Geogr. Ges», W. 1954, № 1—4, стр. 83—85.

Гейки Арчибальд (1835 — 1924 гг.), выдающийся шотландский геолог и географ; высшее образование получил в Эдинбургском университете. В 1855 г. он, благодаря содействию профессора Мурчисона, был приглашен на работу в Геологический Комитет Шотландии; здесь Гейки проявил изумительную работоспособность, энергию и большие дарования. В 1871 г., после Мурчисона, он занял в Эдинбургском университете место профессора геологии и минералогии. В 1882 г. он был избран директором Geological Surwey of Scotland and Irland. На этом посту Гейки находился до 1901 г. С 1908 г. по 1913 г. он состоял президентом «Королевского Общества». Гейки принадлежит целый ряд серьезных геологических и географических трудов, написанных блестящим языком. Особенного внимания заслуживают его работы о ледниковом периоде, о геологии древнего красного песчаника и по изучению вулканов. Затем, большой известностью пользовалось также сочинение Гейки «Руководство по геологии». Кроме того, ему принадлежит ряд блестяще написанных научно-популярных книжек, известных далеко за пределами его родины, а именно популярная «Геология», «Физическая география». Заслуживают также особого внимания его блестяще написанные этюды: «Типы ландшафтов и их влияния на литературу», «Любовь к природе у римлян» и др.; в этих этюдах у автора сочетаются глубокие научные знания с живым поэтическим изложением и литературным талантом. Для географов несомненную ценность имеет труд Гейки методического характера — «О преподавании географии» (второе англ. изд. 1898 г.; книга переведена на русский яз. и выдержала четыре издания); в этом сочинении по замечанию проф. А. А. Крубера, «кристаллическая ясность изложения, глубокое понимание задач географии, широкий кругозор, разносторонность знаний автора и красной нитью проходящая идея о необходимости предоставления наибольшей самостоятельности самим учащимся в раскрытии истин, — все это подкупающе действует при чтении этой небольшой книги» А. Крубер «Сэр Арчибальд Гейки»; некролог в журн. «Землеведение», т. XXVII, вып. I—II, 1925, стр. 141 — 142.

Геродот (484 — 406 гг. до н. э.)[1], знаменитый греческий историк, географ и путешественник; родился в Малой Азии в городе Галикарнассе (ныне небольшой турецкий порт Бодрум). Он совершил большое путешествие в Египет, Ливию, Финикию, Вавилон, Кирену, Македонию, Скифию (северное Черноморское побережье). Во время этого путешествия Геродот собрал обширный историко-географический материал. Если принять во внимание все те колоссальные трудности, которые приходилось преодолевать в античное время путешественникам, то мы легко можем себе представить все величие и значение путешествий Геродота. Во время своих странствований великий путешественник древности сумел подметить множество важных фактов в области физической географии; так, напр., он обратил внимание на своеобразное распределение дождевых осадков по временам года; на взаимоотношение между сушей и водою; он же высказал мысль — для того времени необыкновенную — о единстве Атлантического и Индийского океанов. Описывая Красное море, он отмечает, что на нем наблюдается ежедневно и правильно повторяющееся колебание уровня воды. Геродот наблюдал и изучал не только физико-географические и геологические особенности посещаемых стран, но также и их фитогеографические и зоогеографические условия. Геродот, рассказывая о богатствах Индии, называет растение, плод которого в шелухе и величиною с просяное зерно; растет оно там в диком состоянии; его собирают, варят и едят вместе с шелухой» («История», кн. III, стр. 100); это вероятно, дикий рис. Затем, он же сообщает о том, что в Индии «дико растущие деревья приносят... в виде плода род шерсти, по красоте и доброкачественности превосходящий овечью шерсть; индийцы приготовляют себе из нее одежду» (Ibid, кн. III, стр. 106).

Геродот, по мере возможности, проверял все получаемые им сведения, ко многим из них он относился критически; так, напр., ему сообщили, что в одном из районов Аравии водятся большие крылатые змеи; для проверки этого известия он лично отправился туда и увидел там лишь небольшие летающие ящерицы, какие в тех местах водятся и по настоящее время. Затем, персидские жрецы как-то рассказали Геродоту, что во время войны они сразу прекратили сильный ветер. «Я не знаю, замечает на это Геродот, — жрецы ли усмирили, или он унялся сам собой». Геродот сомневался в достоверности некоторых современных ему космологических воззрений; так, напр., он пишет: «смешно глядеть как из множества составителей землеописаний ни один не показал вида земли толково. По их начертанию Океан обтекает зем-

[1] Ж. 484—425 до н. э. БСЭ, т. 11, стр. 140—Ред.

лю кругом, причем земля представляется кругообразною, как бы циркулем сделанною...». По мнению Геродота, представление о мировом Океане, обтекающем землю, плод фантазии поэтов; «я не знаю, пишет он, о существовании какой-либо реки Океана; мне кажется, что Гомер или кто-нибудь из прежних поэтов выдумал это имя...».

Геродот, вероятно, из персидских источников имел правильное представление о Каспийском море, как о море внутреннем, не сообщающемся с другими морями. «Это, пишет он, — отдельное море, не сливающееся ни с каким другим» (Геродот, «История в девяти книгах», перев. с греч. Ф. Г. Мищенко с его предисловием и указателем, изд. А. Г. Кузнецова, М., 1888, кн. 1, стр. 202). Затем, Геродот сообщает более или менее верные сведения и о Кавказском хребте. «Вдоль Западного берега этого моря (т. е. Каспийского. Г. Г.) тянется Кавказ, обширнейшая из гор по объему и самая высокая. В Кавказских горах живет множество различных народов...» ((Ibid. 204). Нельзя не отметить того факта, что до настоящего времени не имеется ни на одном языке специальной монографии о Геродоте, как географе.

О Геродоте см. В. П. Бузескул, Введение в историю Греции, Петербург, 1915, стр. 57 — 82; С. Я. Лурье, Геродот, М.-Л., 1947, изд. Академии Наук СССР, стр. 142 — 149; проф. Г. Н. Гехтман, «Очерки по истории великих путешествий и великих географических открытий», изд. Тбилисского государственного университета. Тб., 1940, стр. 21 — 22 (на груз. языке); Дж. О. Томсон, История древней географии, Перевод с англ. Н. И. Скаткина, под ред. А. Б. Дитмара и Д. Г. Редера, Изд. Иностр. лит.; М., 1953, сост. проф. М. С. Боднарский, «Античная география», Географгиз, М., 1953, стр. 19 — 23.

Геттнер Альфред (род. в 1859 г.)[1], известный немецкий географ и путешественник; учился в Галле, Бонне и Страсбурге. В 1881 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Климат Чили и Западной Патагонии». В 1882 — 1884 гг. он изучил в Южной Америке Колумбийские Анды; результатом этого изучения явился его труд «Путешествие по Колумбийским Андам». После этого Геттнер вел научно-исследовательскую работу в Саксонской Швейцарии. Тогда же он начал читать лекции в Лейпцигском университете. В период времени от 1888 г. по 1890 г. Геттнер снова совершил путешествие по Южной Америке и посетил южную часть Перу, северную Боливию, южную Бразилию и Чили. В 1894 г. он был избран экстраординарным профессором Лейпцигского университета; в 1897 г. он уже ординарный профессор Тюбингенского университета, а в 1899 г. он перешел в Гейдельбергский университет, где и работал до 1928 г., когда за выслугой лет вышел в отставку. В Германии особенное внимание обратили на себя статьи Геттнера методологического характера. Свои методологические взгляды он суммировал в обширном труде: «География, ее история, сущность и методы» (есть рус. перевод, ГИЗ, Л., 1930). Ему же принадлежат серьезные работы по геоморфологическим проблемам и по вопросам методологии морфологических исследований. Геттнер много работал также по климатологии; результатом этих работ явился в общем не бесполезный труд «Климаты земли» (есть грузинский перевод этого сочинения под ред. проф. А. Н. Джавахишвили, Тб., 1936). В этом сочинении автор дает схему закономерного распределения климатических провинций на основе анализа мировой циркуляции атмосферы. Геттнеру принадлежат также труды антропогеографического характера, как, напр., «Как культура распространялась по земному шару» (есть рус. перев. 1925 г.). В этом небольшом сочинении, касающемся такого сложного и серьезного вопроса, как вопрос о перемещении центров культуры, точка зрения Геттнера на исторический процесс не отличается ни ясностью, ни определенностью.

[1] Умер 1941 г., БСЭ, т., 11. стр. 189—Ред.

Геттнер является также автором двухтомного оригинального труда по страноведению; при его написании Геттнер использовал не только чужие работы, но и свои личные наблюдения и исследования, произведенные во время путешествий, как по европейским странам (он побывал и в России), так и по странам американского континента, восточной и южной Азии, северной Африки и т. д.

Как видно из вышеизложенного, Геттнер не мало сделал для буржуазной географической науки.

Его идеология и многие его методологические взгляды в корнях своих ложны и полны грубых ошибок. По его мнению, география изучает всю совокупность явлений на земной поверхности, в том числе и человека с его хозяйственной деятельностью; причем он не различает закономерностей общественной жизни от закономерностей природы.

Геттнер объясняет экономические особенности территорий и стран природными условиями и замазывает общественные противоречия. Так Геттнер пишет: «Здоровье и гигиена, питание, одежда, жилище и даже удовольствия, образование, блага духовной культуры, являются предметом географии, ибо они зависят от природных условий, являются приспособлениями к ним и в свою очередь влияют на заселение, транспорт, хозяйственную жизнь, а через это и на саму природу страны» (А. Геттнер, «География, ее история, сущность и методы», рус. перев., ГИЗ, 1930, Л.-М., стр. 138).

Следует отметить, что А. Геттнер является сторонником и популяризатором псевдонауки — «геополитики»; он, как и другие ее представители, утверждают, что «геополитика» есть учение о географической обусловленности политических явлений.

По мнению акад. А. А. Григорьева, «во всех странах, куда проникло учение Геттнера, его последователи исходили из следующих основных принципов, вытекающих из его методологических установок:

1) География должна заниматься лишь изучением закономерных пространственных группировок предметов и явлений на тех или иных территориях, и хотя установление относящихся сюда причинных зависимостей и является одной из важнейших ее задач, однако не дело географии заниматься исследованием процессов, создающих указанные группировки; 2) Изучение существа всякого рода природных и социальных процессов (следов., и процессов формирования указанных географических группировок) есть дело систематических наук, а изучение их эволюции во времени — дело исторических наук; 3) Все такого рода данные география должна черпать из систематических и исторических наук; 4) Только страноведение является географической дисциплиной; общая же физическая и экономическая география относятся к систематическим, а не к географическим дисциплинам». «Из всего этого следует, продолжает акад. Григорьев, что установление географических взаимосвязей и их причинных зависимо-

стей, следовательно и установление географических закономерностей, ставится в прямую зависимость исключительно от успехов других дисциплин. Тем самым география обрекается на то, чтобы плестись в хвосте последних. Поскольку же, в соответствии с указанными разделением задач между тремя геттнеровскими группами дисциплин, ни «систематические», ни «исторические» науки не обязаны заниматься проблемами изучения пространственных группировок предметов и явлений, постольку географии, при разработке своих основных проблем, не остается ничего другого, как питаться случайными крохами, падающими со стола других дисциплин. Такие установки не могли не привести и привели: а) к длительной задержке развития страноведения на описательно-истолковательной стадии; б) к решительному преобладанию в страноведении формально-описательного направления и к трактовке географических явлений лишь в их статике; к фактическому отказу от теоретических исследований, имеющих целью установление географических закономерностей; г) к полному разрыву между страноведением и общей географией, обрекающему страноведение на теоретический застой и лишающему общую географию интенсивного притока материала, необходимого для широких обобщений; д) к примитивности и элементарности ее общих выводов...» (Акад. А. А. Григорьев, «Основные этапы развития географической мысли со второй половины XIX века», статья в журн. «Проблемы физической географии. XIII, М.-Л., 1948, изд. Академии наук СССР, стр. 14 — 15).

О А. Геттнере см. также работу Ю. Н. Семенова, Фашистская геополитика на службе американского империализма, 2-ое изд. Геополитиздата, 1952, стр. 109 — 111; БСЭ, 2-ое изд., т. 11, стр. 189 — 190.

Гиппарх, величайший астроном и космограф древности, живший в период времени от 180 до 125 г. до н. э. В течение долгого времени он работал сначала на острове Родосе, а затем в Александрии Египетской. При помощи измерительных инструментов, им же самим изобретенных, Гиппарх произвел точные исчисления и наблюдения над небесными светилами. Он первый вычислил и составил таблицы движения Солнца и Луны; определил расстояние от Земли до Луны и величину последней; он же впервые указал, что при нанесении на карту того или иного пункта необходимо определить его местоположение астрономически; Гиппарх «ввел определение различных пунктов земной поверхности по широтам и долготам; разделил впервые на своих картах экватор, вместо 60, на 360 частей (градусов), причем принимал 1°=700 стадиям или 110 км; построил новую коническую проекцию, которую впоследствии разработал Птолемей» (Н. М. Быковский, «Картография», М.-Л., 1923, стр. 47, см. также назв. труд Дж. О. Томсона, стр. 294 — 298).

Гмелин Иоганн Георг (1709 — 1755 гг.), член Российской Академии Наук, исследователь Сибири. По возвращении оттуда, он «не долго оставался в Петербурге (Ленинграде) и вернулся в Германию, где ему была предложена профессура в Тюбингене». В Геттингене вышло в свет на немецком языке его известное сочинение «Путешествие по Сибири»(«Reise durch Sibirien von dem lahr 1733 bis 1743», Göttingen, 1751 — 1752 вв.). «Новейший академический биограф Гмелина, пишет А. Н. Пыпин, замечает, что нельзя не порадоваться, что он уехал из России, так как при тогдашних цензурных понятиях в России, при

невозможности высказывать даже самые невинные критические суждения и при тогдашней академической обстановке, Гмелин никогда не мог бы издать своей книги в том виде, в каком она вышла тогда в Германии» (А. Н. Пыпин, «История русской этнографии», т. IV, стр. 226, СПБ, 1892). В «Путешествии по Сибири» Гмелин собрал очень богатый материал для географии, этнографии и истории. Особенно ценным его трудом нужно признать «Сибирскую флору». Старые специалисты высоко расценивали это сочинение и даже назвали его «классическим творением». «Сибирская флора» заключает в себе описание 1178 растений с приложением 300 чертежей. Известный ботаник «Линней говорит в одном из своих писем (1744 г.), что Гмелин один открыл столько растений, сколько другие ботаники открыли их вместе» (А. Н. Пыпин, Там же).

О И. Г. Гмелине см. также у П. Пекарского, «История имп. Академии Наук», т. 1, СПБ, 1870, стр. 431 — 457; здесь дается и подробная библиография сочинений Гмелина до 70-ых гг. прошлого столетия.

Гмелин Самуил Готлиб (1744[1]—1774 гг.), племянник Иоганна Георга Гмелина. В 1768 — 1774 гг. путешествовал по южным окраинам России и по Ирану. В 1768 г. С. Гмелин отправился в экспедицию к берегам Каспийского моря с четырмя спутниками — Яконом Ключаревым, Степаном Крашенинниковым, Иваном Михайловым и Сергеем Маслобым. Кроме того, его сопровождал и рисовальщик Иван Борисов, аптекарь Луте и охотник Михаил Котов для набивки чучел. Петербургская Академия Наук составила для Гмелина инструкцию, в которой предписывалось экспедиции: составить географическое и физическое описание тех местностей, в которых этой экспедиции придется быть; описать рыбные и звериные промыслы, состояние земледелия, нравы и обычаи жителей, ремесла, изделия и древности и т. д. Гмелин и его спутники ехали сначала по следующему маршруту: Острогожск — Павловск — Цымлянск — Черкассы — Азов. В 1769 г. в августе путешественники направились в Царицын (Волгоград), а затем в Астрахань. В июне 1770 г. Волгой и морем экспедиция достигла Ирана по маршруту: Дербент — Баку — Шемаха — Сальяны и затем морем — Энзели. В 1771 г. посетили Решт и Бальфруш. В начале 1772 г. экспедиция вернулась в Астрахань, откуда направилась через Сарепту в Куманскую степь и Моздок, после чего Тереком и степью путешественники вновь возвратились в Астрахань. В июне того же года Гмелин опять отправился в Иран, объехал восточный, туркестанский берег, прибыл в Астрабадский залив, и из Энзели зимой поехал в Астрахань сухим путем. В 90 верстах от города Дербента в феврале 1774 г. Гмелин был взят в плен по распоряжению хана Усмея (Уцмия). В плену он заболел и умер в возрасте тридцати лет. Академия Наук за период времени 1770 — 1784 гг. издала записки путешествия С. Гмелина в 4-х частях под заглавием: «Reise durch Russland / zur Un tersuchung der drei Naturreiche» («Путешествие по России для исследования трех царств естества»); в первой части этого труда дается описание путешествия в 1768 — 1769 гг. до Черкасска, во 2-й — говорится о путешествии от Черкасска до Астрахани, причем автор описывает Волгу, рыболовство по этой реке и

[1] 1745, БСЭ, т. 11, стр. 544—Ред.

т. д., в 3-ей части автор говорит о своем путешествии от Астрахани в северный Иран в период времени от 1770 г. по 1772 г., четвертая часть труда была напечатана в 1784 г. под редакцией и с предисловием академика Палласа, а также с биографией так рано умершего автора; в этой части описывается сначала путешествие из Астрахани в Царицын и обратно через Куманскую степь, а затем второе путешествие в Иран в 1772 — 1774 гг. Русский перевод этого сочинения печатался в течение 14 лет: ч. 1-ая была выпущена в свет в 1771 г. (второе издание вышло в 1806 г.), ч. 2-ая — в 1777 г., ч. 3-ья — первая и вторая половина — в 1785 г.).

О С. Г. Гмелине см. также труд А. В. Хабакова, «Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России», ч. 1-ая, под ред. А. А. Яншина, изд. МОИП, М., 1950, стр. 169 — 170.

Головнин Василий Михайлович (1776 — 1831 гг.), выдающийся русский мореплаватель и путешественник, родился в селе Гулынки (б. Пронского уезда, б. Рязанской губернии); учился в морском корпусе, который окончил с отличием. С этого времени началась его деятельность по морскому ведомству. Уже 14 лет от роду, будучи кадетом корпуса, Головнин был награжден медалью за участие и храбрость, проявленную в трех сражениях со шведами.

С 1795 г. он служил на сорокачетырехпушечном корабле «Рафаэле», который входил в состав эскадры вице-адмирала Ханыкова. Эта эскадра, по распоряжению русского правительства, ушла к берегам Англии, где она простояла в различных портах. Головнин, как и другие офицеры русской эскадры, часто посещал Лондон. Здесь он снял квартиру и стал брать частные уроки у лучших преподавателей математики, астрономии и навигации. Вместе с этим он отлично освоил английский язык.

Спустя некоторое время русская эскадра вернулась на родину. В 1802 г. Головнин вместе с несколькими товарищами-моряками снова был отправлен в Англию. В марте 1803 г. возобновилась война между Англией и наполеоновской Францией. В. М. Головнин, принявший участие в этой войне и сражавшийся во флоте англичан, служил под командой известных английских адмиралов — Нельсона, Кориваллиса и др. и проявил в боях замечательную храбрость и мужество, что и было отмечено в приказе капитана английского фрегата «Фисгард», на котором некоторое время служил Головнин. В 1806 г. он вернулся в Россию через Швецию и Финляндию. В том же году русское правительство, после возвращения из кругосветного плавания Крузенштерна (см.) и Лисянского, решило послать еще новую экспедицию вокруг света, и с этой целью был снаряжен корабль (шлюп) «Диана», командиром которого был назначен В. М. Головнин. 25 июля 1807 г. «Диана» отправилась в свое кругосветное плавание. Английские морские власти задержали русский корабль в бухте Саймонс у Мыса Доброй Надежды, так как Россия в том же году (1807) подписала с Францией Тильзитский мир и вступила в континентальную блокаду». В. М. Головнин, после более чем годичного пленения «Дианы», составил очень смелый и рискованный план ухода почти с пустыми трюмами и с очень ограниченным запасом провианта и питьевой воды из плена. Это предприятие, благодаря решительности и мужеству командира и храбрости и отличной дисциплине экипажа, окончилось удачно. «Диана» в сентябре 1809 г. подошла к берегам Камчатки. Историю этого

события, а равно и своего плавания Головнин описал в своем «Путешествии шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807, 1808 и 1809 года» (в 2-х частях).

По прибытии на Дальний Восток, в 1810 году он приступил сначала к описанию северо-западного берега русской Америки, а затем к гидрографическим работам в районе Курильских и Шантарских островов и у Татарского берега. Спустя некоторое время, а именно 11 июля 1811 года Головнин с семью моряками, желая приобрести продовольствие и запастись свежей питьевой водой, высадился на берег острова Кунасири и был там вероломно захвачен в плен вместе со своими спутниками. В плену В. М. Головнин пробыл до 23 сентября 1813 г. Историю своего пленения он описал в сочинении «Записка В. М. Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» (2 части).

В 1817 — 1819 гг. Головнин совершил кругосветное путешествие на тридцатидвухпушечном шлюпе «Камчатка». В числе офицеров этого корабля были прославившиеся впоследствии мореплаватели Ф. Литке, Ф. Врангель и Ф. Матюшкин, лицейский товарищ великого русского поэта А. С. Пушкина.

Это свое плавание В. М. Головнин описал в труде «Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах». Головнин, по отзывам его подчиненных был отличным моряком и великолепным, требовательным командиром-учителем. Такие видные мореплаватели—ученые, как Литке, Врангель и Матюшкин, считали В. М. Головнина своим воспитателем и учителем.

Кроме указанных выше сочинений, В. М. Головнину принадлежит еще труд «Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими мореплавателями».

Сочинения Головнина читаются с захватывающим интересом.

Однотомник литературных его произведений с некоторыми не существенными сокращениями издан в 1949 г. «Главсевморпути», под ред. и с примечаниями проф. И. Г. Магидовича.

О плаваниях В. М. Головнина см. Р. Фраерман и П. Зайкин, «Плавания В. М. Головнина», под ред. проф. Н. Н. Зубова, Географгиз, М., 1948. О Головнине же имеется интересно написанная популярная книга М. Муратова, «Капитан Головнин», Детгиз РСФСР, М.-Л., 1949. См. также Р. Фраерман и П. Зайкин, «Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головнина, путешественника и мореходца», Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1950. В. А. Дивин, Василий Михайлович Головнин, ст. в сборнике «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 165 — 184.

Григорьев Андрей Александрович (род. в 1883 г.), известный советский географ, академик. По окончании физико-математического факультета Петербургского университета в 1907 г., изучал географию сначала в Гейдельбергском университете, а затем в Берлинском. По возвращении на родину принимал участие в нескольких научных экспедициях; так, напр., в 1916 — 1923 гг. совершил ряд научных поездок по Южному Уралу; в 1921 г. ездил с научной целью в северо-западную часть Большеземельской тундры; в 1925 — 1926 гг. он возглавлял комплексный отряд Академии наук СССР для исследования Якутии, в 1927 г. он провел научно-исследовательскую работу в Геленджикском районе Кавказа и т. д.

По мнению проф. К. К. Маркова, «А. А. Григорьев, без сомнения,

принадлежит к числу крупных советских географов. Его исследования Кольского полуострова, Большеземельской тундры и Якутской АССР заслужили, с полным на то основанием, положительную оценку. Позднее, перед Великой Отечественной войной, А. А. Григорьев опубликовал краткие, но весьма содержательные, а главное — составленные с учетом всех новейших данных обзоры географических зон, показавшие, правда в несколько тяжеловесной и абстрактной форме, основные географические черты этих зон» (К. К. Марков, «Ошибки академика А. А. Григорьева», ст. в «Известиях Всесоюзного географического общества», сентябрь-октябрь, т. 82, вып. 5, 1950, стр. 453).

А. А. Григорьеву принадлежит ряд трудов, из которых отметим лишь некоторые: 1) «Геоморфологический очерк Якутии» (изд. Академии наук СССР), 2) «О микрорельефе» (журн. «Землеведение», 1925 г.), 3) «О границах леса» (там же, 1924 г.), 4) «Задачи и методы экономической географии» (статья в сборн. «Вопросы страноведения»; М.-Л., 1925, стр. 18 — 32; «Москов. акцион. издательское Общество»), 5) «География теоретическая и прикладная, их современное состояние и намечающиеся пути развития» (в «Трудах географ. отдела Комиссии по изучению естественных производительных сил Союза — «КЕПС», вып. 2, изд. Академии наук СССР, 1930, Л., стр. 1—48); 6) «Опыт аналитической характеристики состава и строения физико-географической оболочки земного шара» (в том же журн., М.-Л., 1937), 7) «Успехи Советской географии» (доклад на первом Всесоюзном Географич. Съезде), 8) «Проблемы динамической физической географии» (доклад на том же Съезде), 9) «В поисках закономерностей морфологической структуры земного шара» (журн. «Проблемы физической географии, вып. II, М.-Л., стр. 3—41), 10) «О некоторых взаимоотношениях основных элементов физико-географической среды и их эволюции» (там же, 1936, вып. III, М.-Л., стр. 3 — 30), 11) «Опыт характеристики основных типов физико-географической среды экваториального пояса», ч. I; «Тип. физико-географической среды экваториального пояса» (там же, 1938, вып. V, стр. 3 — 44), 12) То же, ч. II, «Тип. физико-географической среды тропического пояса» (там же, вып. VI, 1938, стр. 3 — 65), 13) То же, ч. III, «Тип. физико-географической среды суши арктического пояса» (там же, 1939, вып. VII, стр. 3—94), 14) «Закон интенсивности физико-географического процесса» («Изв. Всесоюзного географ. общества», т. 75, вып. 1, стр. 1 — 13, М.-Л., 1943), 15) «Субарктика» (Опыт характеристики основных типов физико-географической среды), изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1946 и др.

А. А. Григорьев в 1954 г. опубликовал интересную монографию под заглавием «Географическая зональность и некоторые ее закономерности» (см. «Известия АН СССР, серия географическая», 1954, №№ 5 и 6). В заключительной части своей монографии Григорьев пишет «Поскольку же закономерности, о которых идет речь в данной работе, касаются прежде всего и главным образом развития биокомпонентов географической среды в различных зонах, имеется полное основание полагать, что эти закономерности могут быть с успехом использованы при дальнейшем усовершенствовании агротехники. Они могут и должны помочь более углубленной разработке ее специфики по географическим зонам, подзонам и их меридиональным отрезкам. А эти вопросы в настоящее время принадлежат к числу самых назревших, самых

актуальных, так как от их правильного решения в большой мере зависит быстрый рост продуктивности нашего социалистического сельского хозяйства, что, согласно решениям партии и правительства, является одной из важнейших государственных задач на данном этапе построения коммунизма» («Известия АН СССР», серия географическая, М., 1954, № 6, стр. 50).

Заслуживают также внимания следующие методологического характера труды А. А. Григорьева: 1) «О методологических установках и назревших задачах советской физической географии» («Изв. Акад. наук СССР», серия географ., 1937, № 4), 2) «Пути и перспективы советской физической географии («Изв. Акад. наук СССР»; серия географ., № 4), 3) «Физическая география за 20 лет советской власти» (в сборнике «Математика и естествознание в СССР», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1938), 4) «Некоторые итоги разработки новых идей в физической географии» (статья в «Изв. Акад. наук СССР», 1946, серия географическая и геофизическая, т. X, № 2-й; стр. 139 — 167).

С методологической точки зрения представляет интерес первая часть последнего труда, в которой автор сначала дает «определение предмета изучения географии», затем выясняет он «роль и значение в географическом исследовании хорологического, сравнительного и динамического методов» и, наконец, говорит о сущности «физико-географического и географического процессов суши» и формулирует «основные принципы физико-географического районирования суши».

А. А. Григорьев является зачинателем интересного, но в основе недостаточно еще отчетливого направления в области физической географии. В 1932 г. он в общих чертах, а несколько позднее (в 1937 г.), несколько более подробно пытался обосновать необходимость выделения, наряду с основными оболочками земли — геосферами: атмосферой, гидросферой, литосферой — географической оболочки земного шара. Геосферы, по взгляду Григорьева, у земной поверхности, соприкасаясь и проникая друг в друга и испытывая сложное взаимодействие, «подвергаются наибольшим изменениям своих основных свойств». Вот это то сложное взаимодействие, являющееся «единым физико-географическим процессом» и создает качественные особенности земной поверхности.

«Исходя из положения, пишет Григорьев, что внешний природный облик данной территории в полной мере зависит от сочетания протекающего на ней сложного комплекса взаимообусловленных процессов (или, что тоже, целостного и комплексного физико-географического процесса) с наследством аналогичного процесса, имевшего место в прошлом, был выставлен и развит тезис, что одной из важнейших задач физической географии является изучение комплексного физико-географического процесса и его эволюции и что внешние формы физико-географического ландшафта должны изучаться в теснейшей связи с этим процессом, как его непосредственное следствие. При этом, задачей физической географии является: 1) выделение и изучение типов физико-географического процесса, характерных для различных географических зон и областей, 2) выяснение закономерностей, определяющих структуру всей совокупности типов указанного процесса, а равно интенсивность и направленность процесса в каждом из них, 3) выявление взаимоотношений между различными типами этого процесса и

установление общих господствующих здесь закономерностей. Ставя во главу угла изучение комплексного физико-географического процесса, и следовательно, и его звеньев (как частей целого), мы получаем возможность анализировать его не только с качественной, но и с количественной стороны, т. е. идти по пути приближения физической географии к точным наукам. При этом была выдвинута как первоочередная проблема изучения каждого типа физико-географического процесса с точки зрения характерной для него системы балансов веществ, слагающих данную физико-географическую среду, и действующей в ней энергии. Одной из частных проблем, вытекающих из этой общей, является также впервые выдвинутая недавно проблема «химической географии» — химической характеристики типов географической среды. Поскольку в системе указанных балансов получает свое отражение природная продуктивность территорий, а путем углубленного изучения физико-географического процесса вскрываются методы его целесообразного изменения, а следовательно, и изменения продуктивности территорий, становится очевидным и практическое значение указанных проблемм» (А. А. Григорьев, «Советская география за вторую пятилетку», статья в «Известиях Академии наук СССР», серия географич. и геофизич., М., 1939, № 2, стр. 125 — 126).

В своей монографии «Опыт аналитической характеристики состава и строения физико-географической оболочки земного шара» (1936 г.) Григорьев дает «картину единства физико-географической среды земного шара путем выявления тех химических и физических изменений, которые испытывает каждый элемент этой среды в связи с их взаимным проникновением» (см. краткую характеристику научной деятельности А. А. Григорьева в «Извест. Академии наук СССР», серия географическая и геофизическая, М., 1939, № 2, стр. 225).

В своих работах «Опыт характеристики основных типов физико-географической среды» и «О некоторых основных закономерностях физико-географической среды» А. А. Григорьев делает попытку установить общую закономерность, которой подчинена интенсивность и неправленность физико-географического процесса в экваториальном, тропическом, умеренном и арктическом поясах земного шара.

В работе, опубликованной в 1946 г. под заглавием «Некоторые итоги разработки новых идей в физической географии» (см. «Известия Академии наук СССР», серия географическая и геофизическая, 1946, т. X, № 25, стр. 139 — 167) академик Григорьев дает в более развитом виде свои взгляды на сущность, задачи и содержание географической науки; взгляды эти представляют несомненный интерес; заслуживает также некоторого внимания и его точка зрения на предмет советской экономической и политической географии. В виду этого мы изложим взгляды Григорьева его же собственными словами, дабы дать возможность читателю познакомиться с его своеобразным научным стилем, а равно с его терминологией. «Происходившая, начиная с середины XIX в., глубокая дифференцировка научных дисциплин, пишет А. А. Григорьев, коснулась и географии и поставила на очередь уточнение предмета изучения географической науки. Выделение в особые дисциплины геофизики и геодезии способствовало тому, что в последние десятилетия прошлого века предметом изучения физической географии все больше стала признаваться земная поверхность, а не Земля в целом, как это обычно принималось ранее. Понимание «земной поверхности» как объекта географического исследования постепенно видоизменилось. Если не касаться очень узкой, чисто геоморфологической трактовки, бывшей в ходу некоторое время, то в самом конце XIX в. и вначале XX в., оно в соответствии с давно установившимися в географии традициями, сводилось к тому, что задачей географии является познание отдельных частей света, стран, ландшафтов и местностей, а равно и сравнительный анализ отдельных территорий всего Земного шара. В конце 10-ых годов XX в., наряду с указанной трактовкой, выдвигается и другая «ландшафтная», согласно которой основным объектом физико-географического изучения земной поверхности являются «физико-географические индивиды»: типы территорий, отличающиеся друг от друга преимущественно по сочетаниям форм рельефа и характера растительности, а также комплексы таких типов и сочетания этих комплексов, слагающие ландшафтные зоны. И при первой и при второй трактовке предмета изучения географии на первый план выдвигалось установление взаимосвязей и причинных зависимостей между всеми географическими слагаемыми в пределах указанных территориальных единиц. Подчеркивалось, что именно эти задачи и методы географических исследований территорий в корне отличаются от задач и методов исследования земной поверхности другими дисциплинами. В последнее время в СССР были выдвинута и развита новая трактовка земной поверхности как объекта физико-географического исследования. Суть ее заключается в том, что земная поверхность должна изучаться, как специфическая «географическая оболочка земного шара», отличающаяся от всех других геосфер тем, что в ней и только в ней происходит теснейшее взаимодействие (а в известных пределах также и взаимное проникновение) литосферы, атмосферы, гидросферы, биосферы, солнечной радиации и ряда других категорий энергии. Изучение земной поверхности именно в таком понимании наилучшим образом обеспечивает установление и исследование взаимосвязей и взаимодействий между слагаемыми географической среды, почему оно должно стать основной теоретической задачей физической географии» (Акад. А. А. Григорьев, назв. статья, стр. 140 — 141). Затем автор переходит к более подробному обоснованию своей точки зрения. «Для изучения взаимосвязей слагаемых географической среды, говорит он: география до самого последнего времени пользовалась почти исключительно только теми двумя научными методами — «хорологическим» и «сравнительным», которые были введены в науку свыше ста лет назад, вернее и главным образом — лишь первым из них. Такая научная методика позволила открыть не мало простейших географических закономерностей в области взаимосвязей (коррелятивных) между географическими слагаемыми и будет служить для этих целей и в дальнейшем, однако, и по самому существу, она не заключает в себе необходимых предпосылок для углубленного изучения сущности взаимосвязей (функциональных зависимостей) географических слагаемых, и тем более для изучения их взаимодействий. Недостаточность научного потенциала указанной методики в очень большой степени делала географию наукой описательно-истолковательной, что нередко даже возводилось в принцип. Для углубленного изучения взаимосвязей и взаимодействий слагаемых географических комплексов на современном уровне научного знания нужна принципиально иная научная методика, основанная на том, что взаимосвязи и взаимодействия, о которых идет речь, представляют сложное сочетание взаимообусловленных процес-

сов. Глубокая взаимная обусловленность указанных процессов природной, физико-географической среды позволяет рассматривать это сложное сочетание частных природных процессов, хотя и слагающихся из различных компонентов (звеньев). Сущность этого процесса можно сформулировать следующим образом: физико-географический процесс представляет собой сложный, состоящий из ряда компонентов природный процесс, осуществляющий взаимодействия, а также взаимосвязи всех слагаемых природной (физико-географической) среды и тем самым определяющий, во первых, особенности физико-географической среды отдельных территориальных единиц различных категорий (градаций), во вторых, характер их внутреннего развития и, в-третьих, особенности внешнего вида земной поверхности, поскольку она не изменена деятельностью человеческого общества. В задачи изучения физико-географического процесса целесообразно включать и вопросы, касающиеся изменения этого процесса, происходящие под влиянием вмешательства в него человеческого общества, поскольку речь идет о возникновении при этом новых или видоизменении обычных природных слагаемых физико-географического процесса. Исследования этой категорий вопросов представляют собой связующее звено между изучением физико-географического процесса и «географического процесса». Под последним наименованием все больше укореняющимся в советской географической литературе, обычно понимают сложный комплекс социально-географических процессов, развивающийся на данной территории в его взаимодействии с присущим этой территории физико-географическим процессом. Под термином «комплекс социально-географических процессов» мы понимаем широкий комплекс взаимносвязанных процессов хозяйственного освоения ресурсов и реализации потенциальных возможностей территории, процессов размещения производства и процессов им сопутствующих. Внешним выражением географического процесса является, прежде всего, господствующий на данной территории культурный ландшафт, а также многие черты быта в их постоянном развитии и изменении, а основной двигательной силой внутреннего развития этого сложного процесса служит процесс развития человеческого общества, протекающий в данной географической обстановке в его взаимодействии с силами природы.

Одна из важнейших задач советской экономической географии состоит в изучении особенностей и преимуществ географического процесса при советском строе и системе хозяйства, по сравнению с особенностями географического процесса капиталистических стран, для использования этих преимуществ до конца. Следует подчеркнуть, что изучая физико-географический или географический процессы и их компоненты, мы неизбежно переносим центр нашего внимания с изучения географических взаимосвязей слагаемых этих процессов на изучение их географических взаимодействий, что с научно-методической стороны гораздо более эффективно и в очень многих случаях перекрывает собой изучение взаимосвязей, отнюдь не устраняя это последнее из сферы нашего внимания. Описанный метод исследования физико-географической среды мы в свое время назвали динамическим» (Ibid, стр. 141—143).

Как же смотрит А. А. Григорьев на предмет и задачи физической, экономической и политической географии? На этот вопрос он дает в той же статье следующий ответ (стр. 141): «Предметом изучения физической географии является структура внешней географической оболочки земного шара, как сферы взаимодействия атмосферы, литосферы, гидросферы, биосферы, радиации и других категорий энергии, присущих географической оболочке земного шара, рассматриваемая по различным физико-географическим территориальным категориям; предметом изучения экономической и политической географии является хозяйственно-географическая, политико-географическая и сопутствующая им деятельность человеческого общества, видоизменяющая или меняющая структуру географической оболочки земного шара, рассматриваемая по различным экономико-географическим или административно-политическим территориальным категориям, причем и в первом и во втором случаях каждая из территориальных категорий (кроме поверхности Земли в целом) изучается не только как таковая, но и как часть более крупного целого. Следует подчеркнуть, что для выяснения ряда важнейших географических закономерностей географическую оболочку земного шара необходимо изучать не только по отдельным территориям, но и в целом».

Заслуживающим внимания трудом А. А. Григорьева, как по содержанию, так равно и с методологической точки зрения, является его монография «Субарктика» (Опыт характеристики основных типов физико-географической среды) (изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1946).

В этом исследовании автор, давая преимущественно характеристику «физико-географического процесса» Советской субарктической зоны, рассматривает климатические условия, гидрологические, геоморфологические и почвообразовательные процессы, фауну и флору в их взаимосвязи с географической средой.

А. А. Григорьев, после анализа радиационных и циркуляционных условий и явлений в Субарктике, пришел к заключению, что малым годовым количеством тепла объясняется в этой зоне: 1) причина отрицательных годовых температур воздуха и почво-грунтов и 2) наличие вечномерзлых грунтов.

В Субарктике, по данным автора, наблюдается несколько слабая интенсивность денудационных и эрозионных процессов. Механическое выветривание протекает с достаточной интенсивностью, а химическое — несколько слабее, что объясняется низкими температурами почв и грунта; следовательно, субарктическая зона характеризуется незначительной интенсивностью гидрологического, геоморфологического и почвенного процессов. В Субарктике имеют место следующие очень неблагоприятные условия для развития флоры: 1) краткость вегетационного периода, 2) возможность заморозков и морозов в течение этого периода. 3) избыток ультрафиолетовых лучей и 4) сравнительно низкое содержание углекислоты в часто вторгающихся массах арктического воздуха. Благодаря указанным условиям, растения тундры отличаются малым ростом.

По взгляду А. А. Григорьева, «структура физико-географического процесса» в различных районах Субарктики неоднородна и процесс этот характеризуется невысокой степенью интенсивности. Все это является

следствием слабой тепловой базы, несоответствия между величиной радиационного баланса и интенсивности циклонической деятельности атмосферы, особенно в летний период, что вызывает выпадение значительного количества атмосферных осадков и чрезмерное увлажнение почвы. «Различия в степени указанного несоответствия в основном определяют существующие различия в интенсивности физико-географического процесса по секторам Субарктики» (См. «Рефераты» научно-исследовательских работ за 1944 г.», Отд. геолого-географических наук, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1945, стр. 111).

Как видно из вышеизложенного, академик А. А. Григорьев разработал основные положения своей, так называемой, «динамической» географии, теорию «единого физико-географического процесса и теорию балансов вещества и энергии в различных типах географической среды» и, кроме того, дал более или менее своеобразные определения физической, экономической и политической географии.

Затем, А. А. Григорьев делает попытку формулировки цели и задач советской географии. По его мнению, первоочередными задачами советской географии являются: 1) углубление теоретических основ географии, всестороннее изучение физико-географических процессов, от которых зависят все формы рельефа и живой природы и явления, протекающие на земной поверхности; 2) укрепление связи экономической географии с планированием народного хозяйства; — «эта связь науки с практикой имеет особое значение в нашем социалистическом отечестве, где размещение заводов, фабрик, сельскохозяйственных культур производится в интересах народа, по соображениям наибольшей целесообразности»; 3) развитие прикладных географических знаний, помогающих выполнению планов наших пятилеток: строительству железнодорожных магистралей, каналов, водохранилищ, осеверению сельского хозяйства и пр. Таковы, в основном теоретические положения акад. А. А. Григорьева. Однако, по справедливому мнению Ю. Броцкого, последовательное логическое продолжение выдвигаемых до 1947 года А. А. Григорьевым теоретических положений, хочет того он или не хочет, уводит нас в сторону от марксистско-ленинского мировоззрения. «Нет сомнения, что в трудах А. А. Григорьева таится много рационального, прогрессивного. Однако наличие методологически неверных положений обязывает советских географов подвергнуть критическому анализу концепцию А. А. Григорьева с тем, чтобы взять из нее все рациональное и отбросить прочь все неверное» (Ю. Броцкий, «А. А. Григорьев. Успехи советской физической географии за 30 лет»; Л. С. Берг, «Достижения советской географии (1917 — 1947), ст. в «Вопросах географии», сборник 9, 1948; «Ломоносовские чтения», ОГИЗ, Географгиз, М., 1948, стр. 145 — 146).

В 1949 г. в издании АН СССР «Вопросы истории Отечественной науки» помещен доклад акад. Григорьева «Географическая наука в СССР», в котором он говорит о задачах и целях новой советской географии.

По мнению автора этой статьи, для новой советской географии характерны свои теоретические позиции, развивающиеся «на принципах диалектического материализма и в неразрывной связи с практикой социалистического строительства».

Советская физическая география, по Григорьеву, ставит себе задачей изучение оболочки Земли (земной поверхности, как среды, «где про-

исходит взаимодействие атмосферы, земной коры, вод, почвенного и растительного покрова и животного мира. В этих целях поверхностную оболочку Земли необходимо изучать: 1) в целом по всей Земле для выяснения общих закономерностей и 2) по отдельным территориям различных масштабов для выяснения частных закономерностей. Территории эти выделяются по принципу особенностей их развития и вытекающей отсюда их специфики. И в первом и во втором случае географическая оболочка исследуется в ее развитии, почему изучение процессов, определяющих развитие природной географической среды, должно постоянно находиться в центре внимания исследователя. Это важно прежде всего потому, что управлять географической средой в целях ее изменения в интересах социалистического хозяйства мы можем, лишь воздействуя на процессы, определяющие ее развитие и зная общие и частные закономерности, которым они подчинены. Недавно опубликованный план мероприятий по борьбе с засухой в степных и лесостепных районах Европейской части Союза свидетельствует о том, какие грандиозные проблемы перестройки и управления географической средой стоят перед нами на пути развития социализма, на пути перехода от социализма к коммунизму.

Задачей экономической географии является изучение народного хозяйства в отношении закономерностей развития процесса размещения производства, вовлечения в производство новых ресурсов и производительных сил, развития экономических и транспортных связей, а равно и развития культурного ландшафта, обусловленного всеми перечисленными выше факторами. Это должно вестись как по стране в целом, так и по экономическим районам различных масштабов, выделяемым по особенностям развития народного хозяйства и вытекающей отсюда их специфике и их значению в народном хозяйстве» (Акад. А. А. Григорьев, «Географическая наука в СССР», в изд. АН СССР, «Вопросы истории Отечественной науки», М.-Л., 1949, стр. 351).

Только что приведенные высказывания акад. Григорьева о задачах и целях новой советской географии несколько прогрессивнее и рациональнее по сравнению с его прежними взглядами.

Нельзя не указать на тот факт, что в некоторых своих трудах, опубликованных в 30-ых годах, А. А. Григорьев высказывает ряд немарксистских схоластических положений о так называемом «едином физико-географическом процессе», причем он отожествляет и смешивает «закономерности развития природы и общества» (Вестник АН СССР, № 7, 1950, стр. 16).

В 1950 году акад. А. А. Григорьев опубликовал статью в «Вестнике Академии наук СССР», № 12 (декабрь), в которой он признал свои теоретические ошибки и отметил, что его учение об «едином географическом процессе является антимарксистским», что в «ряде научных работ автора физико-географический процесс толковался в отрыве от географической среды, ставился над географической средой»; таким образом, нарушался один из основных принципов диалектического материализма, сформированный Ф. Энгельсом в словах: «Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1945, стр. 57).

В постановлении Ученого Совета Института географии Академии наук СССР указано, что «работа академика А. А. Григорьева по теоре-

тическим вопросам географии делится на две основные группы: серию очерков, посвященных характеристике географических поясов, и серию статей чисто, теоретического характера. В характеристиках географических поясов, особенно в «Субарктике» А. А. Григорьеву удалось значительно углубить наши представления о взаимодействии между отдельными элементами географической среды, наметить пути количественного анализа этих взаимосвязей. Указанные работы А. А. Григорьева развивают общее учение о зонах природы, которое было выдвинуто В. В. Докучаевым и лежит в основе отечественной географической школы. Переходя к статьям чисто теоретического характера, следует указать, что некоторые положения, выдвинутые или подчеркнутые А. А. Григорьевым, правильны в своей постановочной части. Так, например, бесспорен вопрос о необходимости сочетать изучение общих и частных закономерностей географической среды; интересна постановка вопроса о географической оболочке, перекликающаяся с идеями В. И. Вернадского о биосфере; очень важна поставленная А. А. Григорьевым задача изучить географические явления не в их статике, а в развитии, в динамике, и ряд других. Однако разработка правильно поставленных вопросов пошла в последних работах А. А. Григорьева по неправильному пути, который характеризуется отрывом от фактического материала и приводит к чисто логическим, умозрительным схемам. Этот путь не отвечает одному из основных положений марксистско-ленинской методологии исследования — единству теории и практики. Опасность этого пути чрезвычайно велика; он привел А. А. Григорьева к формальным схоластическим рассуждениям, к серьезным ошибкам и неудачам. Наиболее важными из них Ученый совет считает: в корне неправильное представление о «едином географическом процессе», охватывающем явления развития природы и общества; ошибочные определения соотношения среды и процесса; весьма неясные понятия о физико-географическом процессе»; неправильную постановку вопроса о движущих силах или факторах в развитии процесса; неверно сформулированный так называемый — закон интенсивности «и др.» (см. журн. «Проблемы физической географии», XV, 1950; изд. АН СССР, М.-Л., стр. 237—238). Словом, акад. А. А. Григорьев своими исследованиями поставил на очередь новую теоретическую задачу в области географической науки, однако в процессе разрешения этой задачи он допустил большую ошибку, противопоставив физико-географический процесс географической среде.

В заключение следует отметить, что почти все монографии акад. А. А. Григорьева отличаются обилием фактического материала и вместе с тем необыкновенной сжатостью формулировок; поэтому его сочинения нельзя просто читать — они требуют очень... внимательного изучения», дабы уразуметь основные, порой несколько схоластического характера, рассуждения автора.

О А. А. Григорьеве см. названную выше статью К. К. Маркова, «Ошибки академика А. А. Григорьева», журн. «Известия Всесоюзного географич. общества», сентябрь-октябрь, т. 82, вып. 5, 1950, стр. 453 — 471; а также назв. выше ценный труд А. Г. Исаченко, стр. 65 — 68; Г. Д. Рихтер, К 60-летию акад. А. А. Григорьева, ст. в журн. «Природа», 1944, № 2; БСЭ, 2-ое изд., т. 12, стр. 603 — 604.

Громбчевский Бронислав Людвигович (1855 — 1925 гг.)[1], известный русский путешественник; служил в туркестанском линейном батальоне:

[1] 1855—1926. БСЭ, т. 13. стр. 142 — Ред.

принимал участие в алайском походе 1876 г. и в Самаркандском — 1878 г. В 1880 г. перешел на гражданскую службу; в бытность свою помощником начальника Маргеланского уезда, он изучил местные языки и особенно хорошо усвоил сартский и таджикский языки. В 1885 г. был командирован, в качестве чиновника ферганского военного губернатора, в Кашгар и на Тянь-Шань для установления границы с Китаем. Эта поездка дала Громбчевскому возможность познакомиться с некоторыми районами Кашгарии и произвести съемку свыше 1050 км пути. В 1886 г. он исследовал верховье Сыр-Дарьи, Нарына и Сусамыра, а также Ферганский и Александровский хребты. В 1888 г. Громбчевский исследовал Памир, часть Гиндукуша, несколько истоков Инда, Канджут, Мустаг, бассейн Раскем-Дарьи и Кашгарский хребет. Всего пройдено было более 2980 км по совершенно или мало исследованным местностям.

В 1889 г. Громбчевский обследовал некоторые районы Каратегина и Дарваза; вновь побывал он на Памире, посетил части Гиндукуша, Вахана, сев.-зап. часть Тибета и Кашгарию. Во время этих путешествий Громбчевский собрал богатые и разнообразные коллекции. В начале 90-ых годов он еще раз побывал на Памире. Русское географическое общество наградило Б. Л. Громбчевского за его выдающиеся труды серебряной и золотой медалями.

Грумм-Гржимайло Григорий Ефимович (1860 — 1936 гг.), известный русский путешественник; окончил военную гимназию и Петербургский (Ленинградский) университет; зоолог; исследовал Центральную Азию вместе со своим братом Михайлом Ефимовичем. В 1884 — 1885 гг. Г. Е. Грумм-Гржимайло обследовал район Алайского хребта, северные склоны Памира и всю возвышенную часть Бухары. В 1886 г. он продолжал исследования в Туркестане, в северной части Ферганы, в долине Нарына, в районе озера Чатыр-Куля, в Кашгарии и снова в северной части Памира. В 1887 г. Г. Е. Грумм-Гржимайло произвел обследование центрального и восточного Памира. В следующем году он побывал на среднем Урале, а в 1889 г. в восточной части Тянь-Шаня и на северо-восточных склонах Тибета. Экспедиции Грумм-Гржимайло обогатили науку сведениями о странах, дотоле остававшихся или мало исследованными или же совершенно неисследованными; особенно важное значение имеют: во-первых, открытие и описание Люкчунской котловины, лежащей ниже уровня океана, и, во-вторых, новые данные о горной стране Бей-Шань, составляющей ту часть пустыни Гоби, которая лежит между Тянь-Шанем, с одной стороны, и Нань-Шанем — с другой. Особенное впечатление на братьев Грумм-Гржимайло произвела священная гора буддистов Богдо-ола («святая гора») в окрестностях города Урумчи. «С каждого холма, пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, открывалась новая панорама, каждый поворот представлял такое разнообразие, такие чудные сочетания красок и форм, что я положительно не знал, куда смотреть, чем любоваться. И в то же время меня неудержимо тянуло вперед, точно сердце предчувствовало, что нечто лучшее еще впереди. Взбираемся выше и выше. Вот, наконец, перевал. Внизу на страшной глубине — озеро дивного бирюзового цвета. Гигантские скалы кругом. Над ними — трехглавый Богдо. Так вот оно, где это священное озеро... Вся Средняя Азия не имеет уголка более живописного и вместе с тем более таинственного и величавого. И где же? — В сердце Гобийской пустыни...».

Известный геолог К. И. Богданович в 1908 г. писал: «Открытие, в полном смысле этого слова, для географии Центральной Азии Люкчунской впадины и области Бэй-Шаня показывает, что Г. Е. Грумм-Гржимайло руководствовался широким пониманием географических задач исследования Центральной Азии. Люкчунская впадина и система Бей-Шаня с ее отношениями к Тянь-Шаню и Нань-Шаню представляют элементы орографии и строения Центральной Азии глубокого теоретического значения для объяснения развития Азии, и с этими этапами расширения наших географических познаний всегда будет связано имя Г. Е. Грумм-Гржимайло» (Отзыв о трудах Г. Е. Грумм-Гржимайло, Отчёт Русск. географ. общества за 1907 г., прилож. стр. 12—16).

В период времени с 1896 г. по 1907 г. вышли в свет в издании Русского географического общества три тома его обширного исследования: «Описание путешествия в Западный Китай»; за это исследование Русское географич. общество присудило Грумм-Гржимайло константиновскую золотую медаль. Во втором томе этого сочинения автор посвятил четыре главы историческому прошлому Центральной Азии. По его мнению, историческая география этой части Азии (центральные районы пустыни Гоби и прилегающие страны), несмотря на ценные труды Дечиня, Клапрота, К. Риттера, Иакинфа Бичурина, Юля, Потье и других, еще не была тогда достаточно изучена.

Г. Е. Грумм-Гржимайло принадлежит также целый ряд других трудов, интересных отчетов, писем и отдельных статей.

В заключение нельзя не отметить, напр., и такого ценного труда Г. Е. Грумм-Гржимайло, как «Описание Амурской области». По справедливому замечанию Б. Глинского, «Описание Амурской области...», представляет собою по полноте собранного материала и прекрасной его разработке явление, заслуживающее глубокого внимания нашей научной критики. Особенной полнотой и обстоятельной обработкой отличаются главы 2—10, где сосредоточено физико-географическое и этнографическое описание страны» (Б. Глинский, «Из истории колонизации Востока» (по поводу «Описания Амурской области», составленного Г. Е. Грумм-Гржимайло, под ред. П. П. Семенова, «Историч. вестник», том 58, ноябрь, 1894, стр. 531—548). Высокую оценку этого труда дали также академики В. Л. Комаров и В. А. Обручев (см. статью первого «Библиография к флоре и описанию растительности Дальнего Востока», 1928, стр. 60, и труд второго «История геологического исследования Сибири», период 4-й (1889 — 1917), 1937, стр. 370).

О жизни и деятельности Г. Е. Грумм-Гржимайло см. монографию А. Г. Грумм-Гржимайло, «Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло» (путешественник и географ), изд. Московского общества испытателей природы, М., 1947, в этом труде дан список сочинений путешественника; стр. 80 — 87.

Гудзон (точнее Хадсон) Генри (1550 — 1611 гг.), известный английский путешественник и исследователь полярных стран, почти всю свою жизнь и энергию посвятил разрешению проблемы северного морского пути вокруг Азии и Америки. В 1607 г. Генри Гудзон совершил плавание в район Шпицбергена, где он достиг 80°23' с. ш. В следующем году он дошел до западного берега Новой Земли, на которую и высадился (на широте 72°12'); во время этого плавания Гудзон произвел первые в Арктике наблюдения над склонением магнитной стрелки. В 1609 г. он на средства «Нидерландско-Ост-Индской торговой компании» вновь предпринял плавание в район Новой Земли, но попытка пробиться дальше на восток ему не удалась из-за тяжелых ледовых условий. После этого Гудзон отправился (в 1610 г.) искать северо-западный проход вокруг Северной Америки. Во время своих экспедиций в арктические части Северной Америки он открыл пролив и залив, названные его именем (Гудзонов пролив, Гудзонов залив), а в штате Нью-Йорка открыл реку Гудзон. Когда он весной 1611 г. решил плыть дальше к северу, матросы категорически отказались от плавания и потребовали возвращения домой. Гудзон настаивал на своем и заявил, что будет продолжать путь на север во что бы то ни стало. Тогда взбунтовавшийся экипаж схватил Гудсона, его сына — отрока и нескольких больных матросов, посадил их в шлюпку и пустил на волю воли, а сам на захваченном корабле направился к родным берегам. С тех пор о судьбе Гудзона, его сына и больных матросов никто ничего не знает (Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований», перев. с англ., под ред. и с предисловием И. П. Магидовича, 1950, изд. Иностр. литературы, М., стр. 165 — 167, БСЭ, 2-ое изд., т. 13, стр. 180).

Гумбольдт Александр — Фридрих — Вильгельм (1769 — 1859 гг.) — знаменитый путешественник, выдающийся географ и естествоиспытатель, один из немецких основоположников физической географии, как науки[1]; ученый энциклопедических знаний.

Александр Гумбольдт ввел в обиход научной мысли идею о взаимной связанности, взаимной обусловленности, о внутреннем единстве явлений природы. Гениальный немецкий поэт — Гёте отмечает, «что по образованию и живости своих интересов» Гумбольдт «не имеет себе равного; и при том такая разносторонность, какой тоже... ни у кого не приходилось видеть. Что ни затронешь — он везде как дома; он осыпает нас духовными дарами. Он подобен источнику с множеством ручейков — всюду можно подставить сосуды и неиссякаемо бьет нам навстречу освежающая влага ...» (И. П. Эккерман, «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни», М.-Л., 1934, изд. «Academia», стр. 304). В молодые годы А. Гумбольдт вместе с Георгом Форстером, известным спутником Джемса Кука, посетил некоторые районы бассейна Рейна, Голландию, Бельгию и Англию. В 1799 г. он вместе с ботаником Бонпланом уехал в Южную Америку. По дороге Гумбольдт посетил остров Тенериф (один из островов Канарского архипелага) и совершил восхождение на вулкан Пик-де-Тейде.

В Южной Америке он сначала изучал льяносы бассейна реки Ориноко; затем посетил плоскогорье Квито, где совершил восхождение на вулкан Пичинча, а через некоторое время поднялся на Котопахи, Антизану и Чимборасо. Гумбольдт посетил также город Лиму и по пути исследовал холодное течение, которое направляется с юга вдоль западных берегов Южной Америки и известно под именем Перуанского или Гумбольдтова течения. Из Перу он направился в Мексику, где произвел обследование действующего вулкана Хорулло. После пяти лет отсутствия,

[1] Следует, впрочем, отметить, что не все ученые признают Гумбольдта основоположником физической географии, как науки. Так, напр., П. С. Кузнецов находит неверным утверждение, якобы Гумбольдтом „была вскрыта всесторонняя связь между явлениями природы". „Гумбольдт, в силу ограниченности знаний своего времени, не смог выявить связи между всеми географическими явлениями. Он, как известно, отрицал связь между климатом и почвенным покровом. Кроме того, в трудах Гумбольдта наряду с естественно-научными данными содержатся в какой-то степени элементы натурфилософии..." (П. С. Кузнецов, „Естествознание на рубеже XIX и XX веков и В. В. Докучаев", ст. в журн. „Природа", 1951, 81 (август), стр. 55)

он, вернувшись в Европу с огромными коллекциями и обогащенный многосторонними знаниями, поселился в Париже, где в течение двадцати лет, совместно с рядом известных тогда ученых, привел в систему результаты своих экспедиций и опубликовал на французском языке монументальное сочинение: «Путешествие по экваториальным странам Южной Америки в 1799 — 1804 гг.» («Voyage aux region equinoxiales du nouveau Continent en 1799, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804»). Через некоторое время Гумбольдт вместе с Эренбергом и Розе побывал (1829 г.) на Урале, Алтае и в Киргизских степях («Отчет о путешествии по Уралу Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 г.», перевел с немецкого языка на русский Н. Чупин, Екатеринбург, 1893). Результатом этой поездки и исследований было два сочинения Гумбольдта: 1) «Отрывки из геологии и климатологии Азии» и 2) «Центральная Азия». По справедливому замечанию выдающегося русского геолога, И. В. Мушкетова, А. Гумбольдт впервые установил термин — Средняя Азия и «придал ему такую определенность, какой не было до него... Под именем Средней Азии Гумбольдт понимал пространство, заключающееся между 39,5° с. ш. и 49,5° с. ш., между Каспием на Западе и Хинганом на Востоке». Мушкетов в своем замечательном сочинении «Туркестан. Геологическое и орографическое описание...» (т. 1, СПБ, 1886, стр. 126 — 138) дал оценку трудов Гумбольдта по Средней Азии; указав на ряд серьезных ошибок, упущений и неверных выводов в труде Гумбольдта «Центральная Азия», Мушкетов говорит, «все эти недостатки... нисколько не умаляют ее необыкновенно важного общего научного значения для географии и вполне вознаграждаются тою существенною пользою, которую она принесла в деле познания не только Средней Азии, но и вообще поверхности суши... Без преувеличения можно сказать, что Гумбольдт положил основы для познания Старого и Нового света и не только остроумной критикой, но и непосредственными наблюдениями... Гумбольдт разобрал и критически оценил громадный и далеко не полный материал, сумел построить из него ясную орографическую картину; он впервые указал границы Средней Азии и тем самым выяснил значение этого географического термина; он вернее, чем кто-либо, понял орографические особенности ее; все громадные хребты, насколько было возможно, обозначил точно и распределил их в простую систему; он указал их геологическое различие и связь; выяснил природу Арало-Каспийской низменности и поставил вопрос о вулканизме; кроме того, он ввел новый и вполне научный метод определения хребтов, определения высоты континентов. Словом, издав « Asie Centrale », Гумбольдт действительно дал основу, метод и направление исследователям Средней Азии». Приблизительно в таком же духе оценивались труды А. Гумбольдта по исследованию Центральной Азии некоторыми и западноевропейскими учеными почти до конца XIX-го столетия; так, Э. Зюсс, давший в своем известном труде «Das Antlitz der Erde» («Лик земли»), на основании многочисленных исследований, произведенных в течение 50-ти лет после появления «Asie Centrale», новую картину орографии и географии Азиатского материка, признал, что А. Гумбольдт в своем выдающемся труде дал первую научную схему географии Центральной Азии. Интересную критическую характеристику геологических и орологических взглядов Гумбольдта на Центральную Азию дает также академик В. А. Обручев, в своей вступительной статье: «Изме-

нение взглядов на рельеф и строение Центральной Азии от А. Ф. Гумбольдта до Эд. Зюсса» — к русскому переводу труда Гумбольдта «Центральная Азия» (т. 1, М., 1915, стр. 234 — 262).

Заслуги А. Гумбольдта в буржуазной географической науке огромны. Он сумел наметить закономерность в размещении флоры и фауны в соответствии с высотой места (вертикальная зональность), в связи с этим Гумбольдт разработал основные идеи климатологии; он впервые высказал мысль о возможности и необходимости наглядно изображать среднюю температуру мест, соединяя на картах линиями все места с одинаковой температурой (изотермы). «Почти сто лет назад Александр фон-Гумбольдт, говорит акад. В. И. Вернадский, окончательно ввел в научное сознание значение изучения с географической точки зрения климата и растений. Его трудами были положены основы столь разросшихся в наше время отраслей знания — климатологии и географии растений. В блестящих «Ansichten der Natur», в 1804 году, Гумбольдт дал цельные картины взаимной связи с географическими элементами животного мира, характера человеческих племен, хода и особенностей их цивилизации. В отличие от ученых и философов XVIII века, непосредственным продолжателем которых он являлся, и которые очень любили указывать на значение климата, как фактора, изменяющего все природные и даже общественные соотношения, Гумбольдт подошел к этим явлениям с точным мерилом и с научной критикой. Он точно графически отмечал на карте определенные числовые данные климатических элементов, области распространения растительных форм и их комплексов. Но среди природных явлений, изменчивых с климатом, глубоко связанных с широтой и высотой местности, Гумбольдт нашел один элемент, от них совершенно не зависящий, — это были горные породы земной коры, с которыми в то время тесно и неразрывно связывались почвы. Среди чуждого, организованного мира, чуждых растений и животных Нового Света, в совершенно новой обстановке тропиков, указывал он, наблюдатель находит неизмененными все те же знакомые ему породы Старого Света, родного ему севера — те же граниты, известняки, песчаники, зеленокаменные породы. Гумбольдт таким обобщением окончательно порвал с древней научной традицией, которая тянулась через все XVII и XVIII столетия» («Очерки и речи» акад. В. И. Вернадского, Петроград, 1922, стр. 80). Гумбольдт же первый указал на отличие хребтов и плоскогорий, первый уточнил определение горных вершин; первый произвел более точные вычисления высоты горных хребтов, а затем и высоты материков. Гумбольдту обязано также учение о земном магнетизме. По его совету с 1828 г. стали устраиваться магнитные обсерватории.

Из важнейших сочинений А. Гумбольдта, литературное наследство которого исчисляется в 636 номеров научных трудов, кроме вышеуказанных, отметим следующие: 1) «Идея географии растений», 2) «Идеи о физиономичности растений» и 3) «Космос» (в 5-ти томах).

Необходимо указать также и на то обстоятельство, что А. Гумбольдт, при разработке естественно-исторических фактов, впервые применил сравнительный метод.

«Если можно, пишет проф. Д. Н. Анучин, назвать имя, которое должно остаться навсегда на видном месте в истории научного землеведения, то это, бесспорно, имя Александра фон-Гумбольдта. В первой половине XIX в. едва ли можно указать другого ученого, который

бы пользовался столь же почетною известностью в ученых кругах и в образованном обществе Европы и Америки. Вместе с тем, А. Гумбольдт был едва ли не последним того старого, аристотелевского типа ученых, которые пытались охватить своим духовным взором все естествознание и включали в круг своих изучений даже такие области ведения, как история, филология, археология, этнография, статистика и т. д. Все эти разнообразные предметы исследования подчинялись однако у Гумбольдта главной, излюбленной им области знания, которую он называл «Физикой земного шара» (Д. Н. Анучин, «Александр фон Гумбольдт, как путешественник и географ, и в особенности, как исследователь Азии», вступительная статья к русскому переводу соч. А. Гумбольдта «Центральная Азия», т. 1, М., 1915, стр. 9).

Круг научных интересов Гумбольдта действительно широк; «темы его исследований крайне разнообразны; работы его захватывают физику, химию, метеорологию, геологию, ботанику, зоологию, физиологию и сравнительную анатомию, географию, историю, этнографию, археологию и политику. В то же время все эти отдельные, казалось бы, мало связанные между собой исследования объединены одной общей мыслью, которую он сам формулирует, как стремление создать «физику мира», т. е. на основании естественно-научных данных построить грандиозную картину всего мироздания. Такое синтетическое направление побуждало Гумбольдта при изучении любой области делать ряд обобщений и догадок, оказывавшихся обыкновенно крайне плодотворными для дальнейших исследователей. Разносторонность научных интересов вполне соответствует у Гумбольдта разносторонности его способностей и дарований. Аффективный, увлекающийся, он не мог остановиться на какой-нибудь одной области, потому что все новое, неисследованное неудержимо тянуло его к себе. Природу он любит не только, как ученый, но и как художник, и его блестяще напечатанные «Картины природы» являются образцом популярно-научной литературы. Его неистощимая энергия предприимчивость и смелость побуждали его на путешествия, дававшие всякий раз богатую научную добычу. В то же время Гумбольдт любил людей и общество, помогал начинающим ученым[1], принимал участие в съездах и в разных научных организациях, устраивая серии популярных лекций по естествознанию» (А. Ф. Лазурский, «Классификация личностей», 2-ое изд. под ред. М. Я. Басова и В. Н. Мясищева, ГИЗ, М.-П., 1923, стр. 253 — 254).

По справедливому замечанию покойного академика В. И. Вернадского, «сейчас еще, и подробное описание его (Гумбольдта — Г. Н. Г.) путешествий и его «Космос» заключают множество драгоценнейших указаний, далеко не охваченных современной наукой. Несмотря на то, что Гумбольдт считается основателем географии растений, его оценка в истории географии до сих пор не сделана. Фитосоциология, экология, явления, связанные с биоценозами, могут быть во всех основных чертах прослежены в своих первых ярких проявлениях в его работах» (В. И. Вернадский, «Очерки геохимии», 4-ое (2-ое русское) издание, изд. «ОНТИ», НКТП СССР, М.-Л., 1934, стр. 289).

О А. Гумбольдте см. В. Сафонов, «А. Гумбольдт», в серии «Жизнь замеч. людей», М., 1936; Н. К. Лебедев, Назв. соч., т. II,

[1] Однако следует отметить, что, этот изумительный человек и выдающийся ученый, как с сожалением указывает Ф. Энгельс в своей трогательно-нежной речи над могилой жены К. Маркса, Женни Ф. Вестфален, „приложил все старания, чтобы добиться приказа о высылке Маркса" из Франции. Это конечно, одно из самых темных пятен в жизни знаменитого путешественника и естествоиспытателя.

стр. 219 — 223; БСЭ 2-ое изд., т. 13, стр. 199 — 200; М. А. Энгельгардт, А. Гумбольдт. Его жизнь, путешествия и научная деятельность СПБ, 1891, изд. Ф. Павленкова (в серии «Жизнь замечательных людей»); С. Ф. Лугинин, А. Гумбольдт, СПБ, 1860; А. С. «Александр фон Гумбольдт», ст. в журн. «Вестник Европы», 1870, № 9, стр. 127 — 169; № 10, стр. 535 — 595; № 12, стр. 764 — 799; 1871, № 7, стр. 5—57; Д. Н. Анучин, проф. «Александр фон Гумбольдт, как путешественник и географ, и в особенности как исследователь Азии»; вступит. статья к русскому переводу труда А. Гумбольдта «Центральная Азия», т. 1, М., 1915, стр. IX — CCXXIII; Ф. Даннеман, «История естествознания», т. III, изд. «ОНТИ», М.-Л., 1938, перев. с нем., изд. 1921; стр. 289 — 308; K. Bruhns, «Alexander von Humboldt», B. B. 1—111, Leipzig, 1872, Brokhaus, — А. Гумбольдту принадлежит автобиография, напеч. в журн. «Gegenwart», B. VIII, 1853.

Гюльденштедт Иоганн-Антон (1745 — 1781 гг.), в 1763 г., по окончании рижского лицея, отправился в Берлин для изучения медицины; из Берлина он переселился во Франкфурт; в 1767 г. получил степень доктора медицины. В 1768 г. получил приглашение из Петербурга от Академии наук для принятия участия в путешествии по России; это путешествие продолжалось до 1775 г. Гюльденштедт поехал по маршруту — Москва — Воронеж — Новохоперск — Царицын (Волгоград)—Астрахань—Кизляр; из Кизлярской крепости, куда он прибыл в 1770 г., Гюльденштедт совершил экскурсии в бассейны рек — Терек, Кунбелей, Сунжа, Аксай и Койсу для изучения минеральных источников, нефтяных месторождений и северо-восточной части Кавказского хребта. В 1771 г. он посетил Осетию, где составил словарь осетинского языка; в том же году он собрал интересные сведения о Малой Кабарде и северо-западной части Кавказа. После этого он отправился в Грузию по маршруту: Душет — Мцхета — Тифлис: в Грузии он был принят царем Ираклием II. Из Тифлиса Гюльденштедт совершил поездки по Кахетии, Имеретии и Мегрелии; посетил Кутаиси, а затем через Моздок вернулся в Кизляр, откуда он ездил в бассейн реки Малки, побывал в Большой Кабарде и на берегах реки Кумы. В 1773 г. Гюльденштедт приехал в г. Черкасск на Дону, откуда отправился в Азов, а затем в Кременчуг; после этого он предполагал посетить Крым, но был отозван Академией наук в связи с общим распоряжением о прекращении на время экспедиций. Во время своих путешествий по южным районам России Гюльденштедт сделал ряд ценных наблюдений над русскими степями и дал научное описание почв, флоры и фауны степных пространств. По его взгляду, южно-русский чернозем, похожий на самую лучшую искусственную садовую землю, произошел от обильных растений, «которые могли беспрепятственно развиваться и сгнивать», благодаря тому, что край этот всегда был мало населен и не было столь большого количества животных, которые поедали бы эти растения. Чернозем содержит небольшое количество щелочных солей». В общем это было первое правильное и верное объяснение причин происхождения черноземных почв в степях европейской части России. Гюльденштедт впервые также указал на следующее: некоторые черноземы отличаются солонцеватостью и что подпочвой для чернозема служит желтая глина; эти факты получили в новейших исследованиях подтверждение. Кроме того, следует отметить, что Гюльденштедт дал описание полезных ископаемых посещенных им мест, а также многих отраслей хозяйства последней четверти XVIII ст., а рав-

но нравов и обычаев исследованных им районов. Из путевого дневника и отдельных заметок составился известный труд Гюльденштедта «Путешествие по России и по Кавказским горам» (« Reisen durch Russland und Caucasischen Gebirge ... herausgegeben von P. S. Pallas, 2 Theile, 1787 — 1791»). Этот труд и до настоящего времени не потерял своего значения. Сокращенный перевод этого сочинения на русский язык принадлежит К. Герману; перевод озаглавлен: «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72, и 73 годах. Издано по повелению «Академии Наук», СПБ, 1809 года. В этом издании географические названия очень искажены. В «Записках Одесского Общества истории и древностей», в т. XI, за 1879 г., напечатан труд Гюльденштедта «Дневник путешествия в Южную Россию в 1773 — 1774 гг.», а в 1892 г. в Харькове издано его сочинение: «Путешествие по Слободско-Украинской губернии» (подробная библиография трудов Гюльденштедта дана в ценной книге проф. М. А. Полиевктова, «Европейские путешественники XIII — XVIII вв. по Кавказу». Тифлис, 1935, стр. 126).

Д

Данибегашвили (Данибегов) **Рафаил**, известен своим путешествием в 1795 — 1813 гг. в Индию, куда он ездил по поручению грузинского царя Ираклия II. 18 лет провел он в странствованиях и посетил: Месхетию (Ахалцихский район), Армению, Ирак (Месопотамию), затем, по Индийскому океану он добрался до Индостана, откуда отправился в Тибет, спустился в Среднюю Азию (Туркестан) и через Сибирь прибыл в Москву. В 1813 — 1815 гг. Данибегашвили описал свое путешествие сначала на грузинском языке, а затем сам автор перевел свой труд на русский язык и издал его в 1815 г. в Москве под заглавием: «Путешествие в Индию» (стр. I—IV—55).

Во введении к своему сочинению Данибегашвили (Данибегов) говорит: «странствуя осьмнадцать лет по Индии и пространным землям, вокруг нее лежащим, я собрал некоторые черты обычаев и нравов обитателей тамошних, образа их жизни, их богослужения и некоторые сведения о качествах самой земли. По возвращении моем в отечество, желая Россиянам, моим соотечественникам, передать все мною виденное, и таким образом ознакомить их не только с теми странами, но и их жителями, перевел сие путешествие с Грузинского на язык Российский» (стр. 2—3). В труде Данибегашвили есть кое-какие любопытные сведения о виденных им странах, городах и их населении; так, напр., в городе Нарпоре или Фаре он видел сцену погребения индуса и обряд сожжения двух его вдов; затем хорошее впечатление произвел на него город Колумб (Коломбо) на Цейлоне; в окрестностях этого города, сообщает автор, «растет множество разных и редких дерев, как то: сандала, гвоздики, кардамона, корицы и проч.» (стр. 12). Хвалит Данибегашвили город Кашемир, откуда «вывозятся известные всем народам Шали» (стр. 41). «Окрестности Кашемира имеют приятный вид. Город окружен горами, покрытыми в летнее время яркою зеленью. В самом городе множество каналов, а в средине находится озеро, имеющее в окружности 19 верст .... Вода в нем очень чиста. Оно довольно глубоко. По нем всякую пятницу народ плавает в лодках для прогулки» (стр. 43). Рассказывая о нравах и обычаях тибетцев Данибегашвили очень неодобрительно отзывается о полиандрии; «здесь, — пишет он —, существует обыкновение, самое дурное и с здравым умом всвсе не сообразное: ежели в доме есть три и четыре брата, то женою своею они имеют одну женщину. Родившийся от них младенец получает имя большого брата и таким образом одного только из них почитает своим отцом» (стр. 46). В Ласху (Лхассу), главный город Тибета, «мягкие товары привозятся на овцах, которых навьючивают таким количеством вещей, какое они поднять могут» (там же) и т. д.

О Р. Данибегашвили см. соч. доцента Т. Рухадзе (на груз. яз.), «Грузинский эпос в «переходный период» литературы», Тбилиси, 1939, стр. 110 — 115; названный выше труд Меликсет-Бек„ «Публикации...», стр. 178 — 179; перевод на грузин. язык путешествия Р. Данибегашвили с предисл., дополнениями и примечаниями С. Иорданишвили, Тб., 1950, изд. «Советский писатель»; см. также ст. Н. Илашвили, «Рафаил Данибегашвили», в назв. выше труде Г. Н. Гехтмана, стр. 437 — 442 (на груз. яз.).

Дарвин Джордж Говард (1845 — 1912 гг.), сын Чарлза Дарвина, талантливый астроном и космограф; разработал теорию морских приливов и обосновал теорию образования Луны путем отрыва ее от Земли.

Дарвин Чарлз Роберт (1809 — 1882 гг.), гениальный английский ученый, великий биолог, научно обосновавший эволюционное учение о происхождении и развитии органического мира и выдвинувший теорию естественного отбора. По окончании университета в 1831 г., Дарвин, которому тогда исполнилось 21 год, получил разрешение сопровождать в качестве натуралиста корабль «Бигль» («Ищейка»), отправлявшийся в плавание сначала в Южную Америку, а затем вокруг света. Корабль «Бигль» совершил кругосветное плавание по следующему маршруту: Давенпорт (Англия; 27 декабря 1831 г.) — Тенериф (Канарские о-ва; 6 янв. 1832 г.) — С. Яго (О-ва Зеленого Мыса; 16 янв. 1832 г.) — О-в св. Павла (16 февр. 1832 г.) — Фернандо Норонья (20 февр. 1832 г.) — Бахья (Бразилия 29 февр. 1832 г.) — Рио-де-Жанейро — Монтевидео-Дезире (Патагония; 23 дек. 1833 г.) — Санта—Крус (18 апр. 1834 года) — Фолклендские о-ва — Огненная Земля — Вальпарайсо (23 июля 1834 г.) — Лима (Перу; 19 июля 1835 г.) — о-ва Галапагос (15 сент. 1835 г.) — о-ва Паумоту (Низменные) — Таити (15 ноябр., 1835 г.) — Новая Зеландия (21 дек. 1835 г.) — Сидней (30 янв. 1836 г.) — Хобарт (Тасмания) — о-ва Килинг (1 апр. 1836 г.) — о-в Маврикия (23 апр. 1836 г.) — Мыс Доброй Надежды (9 мая 1836 г.) — о-в св. Елены (8 июля 1836 г.) — о-в Вознесения (19 июля 1836 г.) — Бахья (1 авг. 1836 г.) — Пернамбуко (12 авг. 1836 г.) — о-ва Зеленого Мыса (31 авг. 1836 г.) — Англия. Это путешествие, продолжавшееся пять лет, Дарвин описал в дневнике путешествия на корабле «Бигль». В числе книг, которые он взял с собою был труд Чарлза Ляйеля «Основы геологии», в котором последний доказал, что геологическая история земли представляет неразрывную цепь явлений, что никаких всеобщих катастроф на земле, как это утверждали Кювье и д'Орбиньи, не было, что на земле издревле действуют те же самые силы, какие действуют и теперь и что настоящее постепенно и медленно возникало из прошлого. Взгляды Ляйеля, а равно те факты, которые наблюдал Дарвин во время своих исследований, привели последнего к убеждению, что органический мир развился постепенно, эволюционно. В своей автобиографии Чарлз Дарвин пишет: «Путешествие на «Бигле» было самым важным событием

моей жизни, определявшим всю мою последующую деятельность... Я уверен, что именно это путешествие воспитало и дисциплинировало мой ум... Ярче всего вспоминаются мне роскошные картины тропической природы; но и безбрежье пустыни Патагонии и поросшие лесами горы Огненной Земли произвели на меня неизгладимое впечатление. Встреча с нагим дикарем в его родной стихии — событие, которого не забудешь во всю свою жизнь. Многие из экскурсий, верхом или в лодке, по дикой неизведанной стране, длившиеся по несколько недель, были крайне интересны... С глубоким удовлетворением вспоминаю я о некоторых своих научных работах — о разрешении проблемы коралловых рифов, об исследовании геологического строения некоторых островов; напр., о-ва св. Елены. Не менее интересно было открытие странной связи между флорой и фауной островов Галапагосского архипелага и материком Южной Америки».

В своем известном труде о коралловых рифах Дарвин выдвинул теорию происхождения коралловых островов путем опускания участков суши.

О Ч. Дарвине обширная литература; лучшая книга о Дарвине на рус. яз. принадлежит замечательному русскому ученому К. А. Тимирязеву, «Дарвин и его учение» (неск. изданий).

Дэвис Джон (1550 — 1605 гг.), известный английский исследователь Арктики. В первую свою экспедицию (1585 г.) по отысканию северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий он достиг Гренландии, спустился к югу, обогнул мыс Фэруэлл и пошел на северо-запад, но вынужден был вернуться с пути. В 1586 — 1587 гг. Дэвис снова безуспешно повторил попытки пройти через северо-западный проход, причем в 1587 г. проливом, носящим его имя, дошел до 73° с. ш. С 1591 г. Дэвис вновь делает попытки пройти через северо-западный проход, но уже из Тихого океана в Атлантический. Во время этого плавания он открыл Фолклендские острова.

Дэвис Уильям Моррис (1850 — 1934 гг.), выдающийся геолог, геоморфолог и путешественник США; он много странствовал по Северной Америке, Европе (Англии, Норвегии, Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Балканским странам) и Аргентине. В 1877 — 1878 гг. совершил кругосветное путешествие. С 1899 г. он состоял профессором физической географии в Гарвардском университете; в том же году путешествовал в Альпах, а в 1903 г. в Туркестане; он побывал и в Южной Африке и в Океании. Дэвис преимущественно работал в области геоморфологии, в которую он внес стройную теорию так называемых географических циклов, принятую в своей основе большинством географов и геологов США и Европы. Главнейшим объектом научных исследований Дэвиса является вопрос о генезисе современных форм рельефа. По замечанию профессора Я. С. Эдельштейна, «в своей трактовке генезиса форм рельефа Дэвис стремился не только восстановить все те стадии, через которые прошла та или иная форма на пути к своему современному состоянию, но и выяснить те закономерности, которые лежат в основе смены одних форм другими во времени. Эрозионный цикл Дэвиса именно и характеризуется тем, что его отдельные стадии следуют друг за другом не в беспорядке и не случайно, а в определенной органической последовательности. Но если в течение эрозионного цикла одни стадии развития форм рельефа следуют за другими в определенной последовательности, то естественно прийти к

мысли отметить каждую из таких стадий каким-нибудь характерным научным термином. Ряд таких терминов и был предложен Дэвисом, и эти термины получили потом в науке широкое распространение, несмотря на то, что первоначально многие встречали их критически и отрицательно» (Я. С. Эдельштейн, «Вильям Моррис Дэвис»; статья в «Проблемах физической географии», ч. II, 1935, изд. Академии наук СССР, М.-Л., стр. 46).

Вкратце учение Дэвиса о циклах эрозии или о географических циклах состоит в следующем: если представить себе горную страну или нагорье, приподнятые эндогенными (внутренними) силами земли, то, подвергаясь в течение многих тысячелетий влиянию эрозии (размыва), страна эта должна постепенно изменять свой вид, терять первоначальные формы; в процессе эрозии сглаживаются вершины и гребни и страна начинает принимать более мягкие, округлые очертания, и она постепенно понижается; в конце концов такая страна может совершенно утратить свой горный характер и превратиться в слегка волнистую равнину или «почти равнину» (peneplain — пенеплен, как ее назвал Дэвис). «Проследить такое превращение горного ландшафта в равнинный мы, конечно, вследствие краткости человеческой жизни и всего исторического времени не можем, но мы имеем в природе в разных странах всевозможные переходные формы или стадии от высоких гор к «почти равнине» и можем на основании их воспроизвести дедуктивно последовательные стадии. Это и сделал Дэвис, назвавший совокупность этих стадий «географическим циклом». При этом он исходил из представления, что рельеф, доведенный до степени «почти равнины», может снова осложниться, путем ли нового массового поднятия (так назыв. эпейрогенетического, по терминологии Гильберта), или вследствие понижения базиса эрозии, напр., понижения уровня конечного бассейна (моря, озера), отчасти также вследствие усиления эрозии, напр., от изменения климата в сторону большей влажности» (Д. Анучин, «Теория географических циклов Дэвиса в критическом освещении Геттнера», статья в журн. «Землеведение», 1922, книжка III — IV, ГИЗ, 1923, стр. 200). По Дэвису каждый цикл состоит из трех стадий: 1) стадии молодости, 2) стадии зрелости и 3) стадии старости. Молодые горные страны, обычно, имеют высокие хребты с крутыми склонами, с скалистыми вершинами, с глубокими ущельями, с недостаточно выработанными долинами; реки не имеют полого понижающихся русел; некоторые из их боковых притоков падают в главную долину водопадами с крутых уступов; водоразделы еще не вполне установились, из-за них между реками происходит борьба и т. д. «Мало-помалу, однако, в течение миллионов лет, резкость форм сглаживается, водоразделы устанавливаются, водопады отступают взад и превращаются в водоскаты, все долины углубляются, расширяются, образуют террасы, меандры, течение рек ослабляется, вообще весь ландшафт становится более сглаженным и производит впечатление большей гармонии и равновесия. Дэвис видит в этом состоянии стадию зрелости. Но эрозия продолжает свою работу, и рельеф постепенно все более сглаживается. Водоразделы понижаются, реки замедляют еще более свое течение, продукты выветривания и разрушения накопляются на склонах долин. Вообще ландшафт принимает однообразный равнинный характер с очень широкими и мелкими долинами, с низкими и плоскими водоразделами. Это, по Дэвису, стадия старости; страна, бывшая когда то горною, получила характер слегка волнистой равнины, превратилась в пенеплен. Первона-

чально Дэвис приписывал главное влияние на преобразование рельефа — возрасту... Позже он признал значение еще двух факторов: структуры и процесса» (Д. Анучин, Ibid., стр. 201). Под структурой Дэвис разумеет сложение из более твердых или более мягких горных пород; под процессом — самый характер эрозии. Нормальным процессом он считает водную эрозию, именно речную, смыв делювием, ручьями, потоками. «Но эта эрозия может в некоторых странах уступать в значении другим процессам, которых Дэвис принимает четыре, именно: 1) морской — на высоких берегах океанов и морей, где выдающуюся роль играет морской прибой, прилив и отлив, морские течения, в результате действия которых происходит так называемая «абразия», смыв, выражающийся в образовании пологого склона к морю, 2) гляциальный или ледниковый, связанный с деятельностью горных ледников, которые образуют ямообразные впадины — кары, углубляют долины, придавая им корытообразную форму (трог), сглаживают склоны и скалы, выносят и откладывают продукты разрушения в виде так называемых «морен» и т. д., 3) карстовый — в странах с так называемым карстовым ландшафтом, где водопроницаемые горные породы (крупнозернистые известняки) препятствуют установлению поверхностного речного стока и где играет преобладающую роль подземная эрозия, вызывающая провалы, образование воронок, котловин, пещер и т. п., 4) пустынный — в странах, где выпадает мало атмосферных осадков, а испарение значительно, где поэтому реки не могут получить достаточного развития, и главным фактором разрушения и сноса является ветер. В результате его действия происходит перенос пыли и песка (развевание — дефляция) и разрушение горных пород вследствие ударов о них переносимых ветром твердых частей (корразия). Ветер содействует округлению и сглаживанию вершин, стачиванию скал, расширению перевалов, углублению ущелий и т. д.» (Д. Анучин, Ibid).

Теория Дэвиса была принята многими географами США, и Европы; горячими сторонниками этой теории явились Рюль (Rühl), обработавший лекции Дэвиса в Берлинском университете, Джонсон (Jonson), издавший в Бостоне в 1910 г. важнейшие статьи Дэвиса под заглавием «Geographical Essays» («Географические опыты»), Вальтер Пенк (см., напр., его в общем небезынтересную работу «Die geomorphologische Analyse» («Геоморфологический анализ») и др. Некоторые географы-геоморфологи США, как, напр., Роберт Хортон (Horton), находят, что «ошибки в оценке возраста рельефа нередко проистекают от легкомысленного и неправильного применения положений Дэвиса, а не от ошибочности последних. Хортон лишь находит, что дэвиссовским терминам «юный возраст» и «зрелый возраст», при описании степени развития эрозионного рельефа, следует предпочесть термины «слабо расчлененный» и «сильно расчлененный». Таким образом, по Хортону, могут существовать площади: 1) юные, слабо расчлененные, 2) юные, хорошо расчлененные, 3) старые, слабо расчлененные, 4) старые полностью расчлененные (см. Роберт Е. Хортон, «Эрозионное развитие рек и водосборных бассейнов, Гидрофизический подход к количественной морфологии», перев. с английского Д. А. Арманд и В. А. Троицкого, под. ред. чл.-корресп. АН СССР, М. А. Великанова, Госиздат И. Л., М., 1948, стр. 151).

Есть, впрочем, и противники теории Дэвиса; как, напр., немецкие географы С. Пассарге и А. Геттнер; последний с критикой учения Дэвиса выступил сначала в журнале «Geographische Zeitschrift»

(«Географический журнал»), а впоследствии он переработал свои статьи и выпустил отдельной книгой под заглавием «Die Oberflächenformen des Festlandes» («Формы поверхности суши», 1921). Оба немецких критика отмечали, что теория Дэвиса отличается схематизмом и отвлеченностью, что она оторвана от конкретных явлений природы и пр.

Особенно значительны заслуги Дэвиса в геоморфологии. По замечанию русского ученого Б. Бондаренко, «благодаря ему (Дэвису) геоморфология стала той стройной научной дисциплиной о происхождении и развитии форм земной поверхности, какой она является в настоящее время и в качестве каковой приобрела значение основного фундамента для всей вообще географической науки примерно уже с конца XIX в. (сам Дэвис, как и большинство вообще английских и американских авторов, называл обычно геоморфологию физиографией» (Б. Бондаренко, «Вильям Моррис Дэвис» (William Morris Davis) 1850 — 1934 гг.; некролог в журн. «Землеведение», т. 36, вып. II, М.-Л., 1934, стр. 194; в приложении к этому некрологу дан список трудов Дэвиса). Акад. В. А. Обручев основателями геоморфологии, как науки, признает русских ученых П. А. Кропоткина и И. Д. Черского, а не В. М. Дэвиса; см. интересные замечания о В. Дэвисе в ценном труде проф. К. К. Маркова, «Основные проблемы геоморфологии», под ред. проф. Я. С. Эдельштейна, ОГИЗ, Географгиз, М., 1948, стр. 229 — 232, 301 — 310. Серьезную критику взглядов Дэвиса и его школы дает русский ученый А. А. Вирский в ряде своих трудов, из которых назовем следующие: 1) «Роль «комбинированного» наклона в формировании структуры эрозионного рельефа» в «Трудах 2-го Всесоюзного географич. съезда»; т. II, стр. 152 — 161. Географгиз, М.-Л., 1948; 2) «Как понимают эрозионный процесс американцы-геоморфологи и как он протекает в действительности», ст. в «Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та», т. 10, вып. 2; 3) «Об основных закономерностях и факторах развития эрозионного рельефа», ст. в журн. «Проблемы физической географии», IV; изд. АН СССР, 1950, стр. 58 — 74.

Дежнев Семен Иванович, известный сибирский казак «землепроходец» (XVII в.)[1], родом из Устюга Великого; служил в Тобольске, затем переехал в Енисейск, откуда в 1638 г. перешел на службу в Якутский острог. Из этого острога он предпринял ряд экспедиций для «приска новых неясачных людей» и для увеличения государевой казны дорогими мехами. Дежнев в одной челобитной писал: «голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел и помирал голодною смертью». Во время одной из экспедиций Дежнев со своими спутниками, выйдя из устья «Ковыми (Колымы) реки» и пройдя устье реки Анадырь, был выброшен на берег «За Анадырь реку» и, таким образом, он действительно прошел через весь Берингов пролив в 1648 г., т. е. на 80 лет раньше Витуса Беринга; последний в 1728 г. не прошел всего пролива, не видал американского берега, а, достигнув острова Лаврентия и заметив, что берег Азии «заворотил к северу», решил, что Азия отделена от Америки; после этого Беринг повернул обратно. На составленных им картах ясно видно, что Азия отделена от Америки, «но пролива носящего теперь имя командора, нигде им не показано; предложение назвать этот пролив Беринговым было сделано лишь в конце XVIII в. известным английским мореплавателем Куком, который первый точно

[1] Год. около 1605—ум. 1672 или 1673, БСЭ, т. 13, стр. 554—Ред.

описал пролив и нанес его на карту» (см. статью А. К-р «Семен Дежнев и 250-летие со времени открытия пролива, именуемого Беринговым», журн. «Землеведение», 1898, книжка III—IV, стр. 190 — 196).

Много невзгод перенесли Семен Дежнев и его спутники во время плавания по Сев. Ледовитому океану. Надо удивляться необычайной смелости, силе воли, выносливости и поразительному терпению этой кучки русских людей, которые на своих небольших суденышках, с ничтожным запасом провианта и одежды, решились выйти на северный водный простор. Океан встретил Дежнева неприветливо; леденящая пурга погнала казаков куда-то вдаль; носились они в течение многих дней по бурным волнам, пока их не «выбросило на берег в передний конец, за Анадырь-реку». Вот как колоритно описывает в отчете («сказке») Дежнев свое путешествие: «Было нас на косе 25 человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы, и шел я, бедный Семейка с товарищами до Анадырь-реки ровно 10 недель и попали на Анадырь-реку внизу, близко моря». Здесь казакам также пришлось и голодать и холодать; «рыбы добыть не могли, лесу нет, а с голоду мы, бедные, врозь разбежались. Осталось нас от 25 человек всего 12 человек». Эта горсточка людей не потерялась; казаки построили себе лодки и на них пошли по Анадырю и добрались «до анаульских людей, взяли два человека за боем и ясак с ними взяли». В 1652 г. Семен Дежнев снова ходил до «Каменного носа» в Восточный (Великий) океан на моржовый промысел. Занимаясь этим промыслом, казаки («землепроходцы») не пренебрегали охотой и за людьми; они совершили нападение на коряков.... «нашли их 14 юрт в крепком острожке. Бог нам помог, тех людей разгромили всех, жен и детей у них взяли, но сами они ушли, а лучшие мужики увели и жен с детьми, потому что они люди многие, юрты у них большие, в одной юрте у них живет семей по десяти, а мы были люди невелики, всех нас было двенадцать человек».

По справедливому замечанию А. В. Ефимова, «многие считают, что о походе Дежнева мир узнал только после того, как Г. Ф. Миллер нашел в 1736 г. в Якутском архиве челобитные Дежнева»; это, конечно, неверно; «Задолго до того, как Миллер нашел... оттиски и челобитные Дежнева, сведения об этом не только были известны в Сибири, но и в Зап. Европе и нашли свое отражение на картах» (А. В. Ефимов, член-корресп. АН СССР, «Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах; XVII — первая половина XVIII в.», Географгиз, М., 1950, стр. 71). Именем Дежнева назван мыс крайней северо-восточной оконечности материка Азии.

О плаваниях С. Дежнева см. ст. акад. Ю. Шокальского, «Семен Дежнев и открытие Берингова пролива» в «Известиях Русского географического общества», 1898; Н. Оглобин, «Семен Дежнев (1638 — 1671 гг.). Новые данные и пересмотр старых», ст. в «Журнале Министерства народного просвещения», 1890, декабрь (12), стр. 249 — 306; В. А. Самойлов, «Семен Дежнев и его время». «Главсевморпути», М., 1945; в приложении ценная библиография; см. также соч. Д. М. Лебедева, «География в России XVII века, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1949, стр. 58 — 75; М. И. Белова, «Историческое плавание Семена Дежнева», ст. в «Изв. Всесоюзн. географич. общества», 1949, т. 81, вып. 5, стр. 459 — 472; член-корресп. АН СССР А. В. Ефимов, «Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах; XVII-й — первая поло-

вина XVIII в.», Географгиз, М., 1950, стр. 49 — 71; «Люди русской науки», т. 1; ст. проф. М. Г. Кадека, «С. Н. Дежнев», стр. 525 — 532; Л. С. Берг, «Очерки по истории русских географич. открытий», 2-ое изд., М.-Л., изд. АН СССР, 1949, стр. 96 — 110. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-востоке Азии»; сборник документов составлен Н. С. Орловой, под ред. члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова; Центральный Госуд. Архив древних актов СССР, изд. Географгиз, М., 1951; В. А. Перевалов, канд. геогр. наук. «Семен Иванов Дежнев» ст. в книге «Русские мореплаватели», воен. изд. Министерства обороны СССР, М., 1953, стр. 21 — 23.

Ден Владимир Эдуардович (род. в 1867 г.), известный русский эконом. географ. Окончил в 1885 г. московскую первую гимназию; в 1889 окончил юридический факультет Московского университета. В 1891 г. уехал за границу, где в течение 2½ лет работал в Гейдельбергском, Берлинском и Мюнхенском университетах. В 1894 г., по возвращении из-за границы, сдал магистрантский экзамен. В 1896 г. стал преподавателем политической экономии, коммерческой географии и истории торговли в Московском Александровском коммерческом училище. В 1898 г. был утвержден в звании приват-доцента Московского университета. В том же университете он защитил диссертацию и получил степень магистра политической экономии. С 1902 г. профессор экономической географии Политехнического Института в Ленинграде. Автор многих трудов; его перу принадлежат: 1) «Население России по пятой ревизии» (2 тома, М., 1902), 2) «Каменноугольная и железоделательная промышленность» (1907), 3) «Сельское хозяйство» (1908), 4) «Положение России в мировом хозяйстве» (1922), 5) «Новая Европа», (1922), 6) «Курс экономической географии» (три издания — 1924, 1925, 1928). Экономгеографические труды В. Э. Дена отличаются обилием фактического материала и отраслевым направлением.

Деши Мориц (1841 — 1917 гг.), известный венгерский путешественник-исследователь, альпинист; бывший член Венгерской Академии наук и вице-президент Венгерского географического общества; окончил юридический факультет, но вскоре забросил юриспруденцию и обратился к изучению геологии и увлекся альпинизмом. В 1878 г. он сделал неудачную попытку проникнуть в Тибет; тогда же он совершил путешествие по Сиккиму. В 80-ых годах он много путешествовал и побывал на Альпах, в странах Балканского полуострова, в северных частях Африки, на Шпицбергене и в Гималаях. Особенную известность он приобрел своими исследованиями высокогорных районов Кавказа. Результатом этих исследований явился трехтомный его труд «Kaukasus» (1905 — 1907; на немецком и венгерском языках). С 1884 г. по 1886 г. Деши путешествовал вдоль центральной части Кавказского хребта и совершил восхождение на Эльбрус и одну вершину близ Мамисонского перевала, перейдя по нескольким перевалам главную цепь. В 1886 г. он же вместе с Фрешфильдом совершил несколько восхождений, в том числе на труднодоступную вершину Сванетии — Тетнульди.

Джавахишвили Александр Николаевич (род. в Гори Грузинской ССР в 1875 г.), заслуженный деятель науки, академик Академии наук Грузинской ССР, почетный член Географ. общества СССР, доктор географических наук, профессор Тбилисского государственного университета, известный грузинский географ, антрополог и картограф.

После окончания Тбилисской 2-ой мужской гимназии в 1895 г., он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, который окончил в 1900 г. Тогда же, после оставления при университете для подготовки к научной деятельности, он начал научно-педагогическую и научно-исследовательскую работу в высших учебных заведениях сначала Москвы, а затем с 1917 г. Тбилиси, с 1933 г. Кутаиси и, кроме того, Батуми и других городов Закавказья. Проф. А. Джавахишвили является основателем и организатором ряда географических кафедр в ВУЗ'ах Грузии и Азербайджана и основоположником грузинской физико-географической науки.

Первый период научно-исследовательской деятельности А. Н. Джавахишвили протекал в области антропологии; в этой отрасли науки ему принадлежат 17 печатных и рукописных трудов, из которых отметим: 1) «Антропологию Грузии» (т. I и II); этот обширный труд получил высшую премию от «Московского Общества естествознания, антропологии и этнографии», 2) «Современное население Кавказа. Сравнительно-антропологическое исследование» (диссертация); извлечения из этого труда были напечатаны на немецком языке в журналах: «Archiv für Anthropologie» N. F. Bd. XX, H. 2—3 etc. 1923 и в «Zeiten und Völker», 1926. Кроме научной деятельности в области антропологии, проф. А. Джавахишвили вел и ведет энергичную научно-исследовательскую и научно-педагогическую работу в области физической географии (геоморфология, климатология, гидрология и др.). Ему принадлежит до 40 печатных и рукописных трудов по важнейшим отделам физ. географии; из них отметим: 1) «География Грузии», т. I; «Геоморфология», (Тбилиси, 1926, на груз. яз.), 2) «Географический атлас Грузии» (на груз. яз.), 3) «Геоморфологические районы Грузинской ССР», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1947, а также ряд следующих статей 1) «Кавказская раса», в «Изв. Тифлис. гос. унив.», 1923, т. 3, стр. 63 — 81, 2) «Армяне с антропологической точки зрения», в «Изв. Тифл. гос. ун-та», 1924, т. 4, стр. 63 — 81, 3) «Температурный режим и температурные типы в Грузии», «Труды Тифл. гос. ун-та», за 1936, т. 2, стр. 172 — 200, 4) «Географич. наука в Советской Грузии», «Труды Тбилисского гос. ун-та, 1941, т. 19, стр. 89 — 140, 5) «Наклон рельефа», Труды Тб. гос. ун-та, 1942, т. 23, стр. 133 — 143, 6) «Типы расчленения рельефа», «Труды Тбилисского гос. ун-та, 1942, т. 25, стр. 209 — 224, 7) «Геоморфологические типы рельефа и районы их распространения в Грузинском Кавказионе», «Труды Тбилисского гос. ун-та», за 1944, т. 26, стр. 77 — 99.

Много сделано А. Н. Джавахишвили и для развития в Грузии картографии: им составлен и исполнен под его руководством ряд ценных карт Грузии и Кавказа; общее число его картографических работ равняется 22.

Кроме того, проф. А. Джавахишвили организовал при Тбилисском государственном университете Картографический и Географический научно-исследовательские институты. Значительна заслуга А. Н. Джавахишвили также и в том, что он, как организатор географического отделения при Тбилисском гос. университете подготовил сравнительно большой кадр квалифицированных географов, работающих в учебных заведениях и госучреждениях Грузии. Акад. Джавахишвили состоит председателем Географического общества в Грузии, инициатором основания которого он был в 1924 г. С 1945 года

А. Н. Джавахишвили возглавляет Институт географии им. Вахушти при Академии наук Грузинской ССР.

О А. Н. Джавахишвили см. статью (на груз. яз.) доцента Ш. Я. Кипиани, «А. Н. Джавахишвили», в «Известиях географ. общ. Грузинской ССР», Тб., 1946, № 2, стр. 154 — 165; В. Кавришвили, «К 35-летию научно-педагогической деятельности проф. А. Н. Джавахишвили», «Изв. Госуд. географ. общества», т. 68, в. 2, 1936, стр. 263 — 273; О. Т. Діброви, «Видатні витчизняні географи, мандрівники та мореплавці», в. III, Киев, 1954, стр. 127 — 128; А. Ф. Асланикашвили, Ш. Я. Кипиани, «Александр Николаевич Джавахишвили», юбилейная статья в журн. «Изв. Всесоюз. географического общества», т. 88, вып. I, 1956, стр. 90 — 92[1]; К. В. Кавришвили, «Александр Николаевич Джавахишвили», ст. в «Изв. АН СССР», серия географич., М., 1956, № 2, стр. 145 — 148.

Дикеарх, ученик Аристотеля, жил в IV в. до н. э., впервые произвел измерение дуги меридиана между Лизимахией и Сиеной; дуга была определена в 1/15 меридиана. На основании этого «Дикеарх определил ширину известного древним мира от Мероэ для полярного круга в 40000 стадий (длина аттической стадии равнялась 177,6 метрам). Расстояние от Геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив) до устья Ганга он определил в 60 тысяч стадий» (Фр. Даннеман, «История естествознания», т. 1, стр. 173).

Дикеарху же принадлежит гипотеза о непрерывном ряде горных цепей, разделяющим материк Азии на две части по всей его длине от запада к востоку (см. Дж. О. Томсон, «История древней географии», перев. с англ., Инлитиздат, М., 1953, стр. 223 — 225 и др.).

Добрынин Борис Федорович (1885 — 1951 гг.), известный русский географ; окончил физико-математический факультет Московского университета в 1911 г.; ученик Д. Н. Анучина. С 1916 г. доцент того же университета; с 1923 г. профессор географии Московского II-го государственного университета, с 1931 г. профессор Московского 1-го государственного университета им. Ломоносова; с 1942 по 1949 г. профессор Тбилисского государственного университета, заведующий кафедрой страноведения. Б. Ф. Добрынин, имеет ряд работ и исследований по географии Средиземноморских стран Европы, Крыма, Сев. Кавказа и Закавказья. Ему принадлежат первые интересные попытки характеристики геоморфологических районов Крыма («Землеведение», 1922) и ландшафтных районов Дагестана («Ландшафтные районы и растительность Дагестана», М., 1925); им же написана «География Дагестанской АССР» (М., 1926). В 1925 г., после поездки в Мексику, Б. Ф. Добрынин написал об этой стране географический этюд («Землеведение», 1926). Кроме того, его перу принадлежат след. труды: «О террасах восточного Средиземья» («Землеведение», 1932, т. 34, вып. 3—4); «Геоморфология Марийской автономной области» (там же, 1933, т. 35, вып. 2—3); «Закавказье — опыт

[1] См. так-же: Кипиани Ш. Я., Очерки о географической науке и географическом образовании в Грузии, часть 1 — А. Н. Джавахишвили. Жизнь и научно-педагогическая деятельность (на груз. яз., резюме на русском яз.), изд. Академии наук Грузинской ССР, Тб., 1957; Кипиани Ш. Я. (сост.), — Библиография трудов Александра Николаевича Джавахишвили. Труды Тбилисского госуниверситета, т. 58, 1956, стр. 9 — 75; Кипиани Ш. Я., Заслуги проф. А. Н. Джавахишвили в изучении геоморфологии территории Грузинской ССР и в разработке вопросов общей геоморфологии (на груз. яз., резюме на русском яз.), Труды географического общества Грузинской ССР, т. III, 1958, стр. 5—31. — Ред.

физико-географической характеристики (изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1940); «Физическая география СССР, Европ. часть и Кавказ» («Учпедгиз», М., 1941, 2-ое изд., 1948); «Физическая география Западной Европы» (Учпедгиз; М., 1948) и др. Этот солидный труд автора заслуживает самого серьезного внимания как советских географов, так равно и географов зарубежных стран. Б. Ф. Добрынин дает читателю в общем очень хорошую характеристику особенностей природы различных географических областей Зап. Европы.

До опубликования труда проф. Б. Ф. Добрынина «Физическая география Западной Европы» на русском языке не было подробной сводки сравнительно новейших данных по физической географии Зап. Европы. Нет такой сводки и в зарубежных странах. В своей книге автор подробно описывает рельеф различных частей Европы, особенно же подробно он характеризует в физико-географическом отношении Альпы, Пиренейский, Апеннинский и отчасти Балканский полуострова. Труд проф. Добрынина состоит из двух основных частей: «Общий обзор» и «Региональный обзор».

Несмотря на многие положительные стороны «Физической географии Западной Европы», в первом разделе этой книги есть и недочеты, как, напр., слишком краткая характеристика почвенных условий и фауны стран Зап. Европы. В региональном разделе дана характеристика Зап. Европы по физико-географическим областям, а не по государствам. Нам кажется, что из труда проф. Добрынина трудно получить, хотя бы даже общее представление о физической географии некоторых государств Зап. Европы (напр., Польши и др.). Затем, Б. Ф. Добрынин слишком коротко описывает физико-географические особенности стран народной демократии. Кроме того, в труде очень мало говорится о тех изменениях, которые внесены в природный ландшафт человеком.

Несмотря на это, а равно несмотря и на другие пробелы, труд проф. Добрынина «Физическая география Зап. Европы» заслуживает, повторяем, серьезного внимания советских и зарубежных ученых и студентов высших школ, как один из наилучших пока что опытов подробной сводки новых данных по физической географии Западной Европы.

Б. Ф. Добрынину принадлежит в Большой советской энциклопедии ряд интересных географических статей; он же состоял членом редакции «Большого советского атласа мира».

Докучаев Василий Васильевич (1846 — 1903 гг.), человек исключительной умственной силы и огромного творческого диапазона, выдающийся русский почвовед, труды которого оказали большое влияние как на русскую географическую науку, так равно и на мировую. Докучаев является зачинателем изменения природных условий русских черноземных степей.

В. В. Докучаев создал теорию почвообразовательного процесса. Этот процесс, по его взгляду, зависит от материнских пород, от геологического возраста страны, от климата, рельефа, высоты места, от растительного покрова и от низших организмов. Докучаев доказал, что существует «генетическая, вековечная и всегда закономерная связь... между силами, телами и явлениями, между живой и мертвой природой, между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром — с другой».

В. В. Докучаев среднее образование получил в духовной семинарии, а высшее в Петербургском университете, где он окончил естест-

венное отделение физико-математического факультета. Первую свою научную работу Докучаев написал в 1869 г.; в этом сочинении молодой автор дал описание геологического строения речки Качки в окрестностях села Милюкова (родина Докучаева в быв. Смоленской губ.). В 1870 г. он был назначен хранителем геологического кабинета при Петербургском университете. С этого времени в течение нескольких лет Докучаев совершил ряд научных экскурсий «в среднюю и юго-западную Россию и Финляндию с целью изучения послетретичных образований и современных геологических явлений, из которых его особенно интересовали образование и жизнь рек восточно-европейской равнины». Результатом этих экскурсий явился ценный труд Докучаева «Способы образования речных долин Европейской России» (1878 г.); за это сочинение он получил ученую степень магистра геогнозии и минералогии. По отзыву специалистов в магистерской диссертации Докучаев подверг серьезной критике существовавшие тогда взгляды и дал новую теорию происхождения большинства речных долин Восточно-Европейской равнины. Теория В. В. Докучаева об образовании речных долин, оврагов и балок является крупнейшим вкладом в географическую науку. С 1877 г. по 1881 г. В. В. Докучаев изучал русскую черноземную полосу и собрал богатейший почвенный материал; часть этого материала была подвергнута физико-химическому анализу. Результаты своих исследований Докучаев изложил в своем выдающемся труде «Русский чернозем», опубликованном в 1883 году.

В этом сочинении он рассматривает «почвы в связи с климатом, растительностью, рельефом местности, составом и возрастом материнских пород». Он же является основоположником учения о географических ландшафтах[1] и научной картографии русских почв (особенно черноземных). «Установив в 1883 г. в своем Русском черноземе зональное распределение почв в Европейской России, — говорит акад. Л. С. Берг, — великий почвовед в конце своей жизни, в 1898 и 1899 гг., распространил учение о зональности на весь земной шар и притом не только на одни почвы, а на всю природу, включая человека и его хозяйственную деятельность». В. В. Докучаев обращает внимание на то, что естествознание изучает преимущественно отдельные тела, а «не их соотношения, не ту генетическую, вековечную и всегда закономерную связь, какая существует между силами, телами и явлениями, между мертвой и живой природой, между растительными, животными и минеральными царствами — с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром — с другой», («К учению о зонах природы», 1899, стр. 5). Как видно из вышеизложенного, В. В. Докучаев так же, как и целый ряд других географов и естествоиспытателей, не различает закономерностей общественной жизни от закономерностей природы.

---

[1] Однако, не все представители географической науки согласны с этим; так, напр., Н. Г. Фрадкин указывает, что «своим учением о почвах Докучаев значительно углубил принцип зональности. Нет оснований... считать, что «естественно-исторические» зональные деления были выдвинуты Докучаевым впервые. Заслуга Докучаева в этом отношении состояла в дальнейшем развитии и обобщении тех идей, которые проводились уже крупнейшими русскими географами второй половины XIX в. Одними из наиболее ранних работ, где в сущности были намечены ландшафтные зоны, были работы Семенова о путешествии в Тянь-Шань», Н. Г. Фрадкин, «П. П. Семенов—Тян-Шанский»; вступ. статья к труду Семенова —Путешествие в Тань-Шань в 1856 — 1857 гг.»; ОГИЗ, Госуд. изд. географич. литературы, М., 1947, стр. 50 — 51 .

Академик В. И. Вернадский, ученик Докучаева, в своей статье «Страница из истории почвоведения» (памяти В. В. Докучаева) говорит: «Через многочисленные и разнообразные работы Докучаева — над русским ли черноземом или черноземом Сибири, почвами Поволжья или Малороссии (Украины), севера или юга России — красной нитью проходят две идеи, которые постепенно и заметно входят в общее научное сознание. Они характеризуют всю деятельность как В. В. Докучаева, так и его учеников, выделяют в науке русскую школу почвоведения, прямо или косвенно связанную с научной мыслью и работой Докучаева. Это, во-первых, идея о географическом распределении почв в связи с их генезисом, то-есть идея географии почв, и во-вторых, идея о почве, как особом естественном теле. В разъяснении этих идей, в их зарождении и упрочении в поколении русских ученых заключается главная заслуга Докучаева» (Акад. В. И. Вернадский, «Очерки и речи», II, «Научно-Химико-Техническое издательство, Петроград, 1922, стр. 78; раньше эта статья была напечатана в журнале «Научное слово», кн. VI, М., 1904).

Нельзя не согласиться со взглядом В. И. Вернадского на роль и значение В. В. Докучаева в истории русской науки. «В истории естествознания в России в течение XIX в. немного найдется людей, пишет Вернадский, которые могли бы быть поставлены наряду с ним по влиянию, какое они оказали на ход научной работы, по глубине и оригинальности их обобщающей мысли... Докучаев явился главой целой школы русских ученых; влияние его стремлений и его идей ясно сказывается и все увеличивается далеко за пределами нашего отечества, и достигнутые им результаты, кажется мне, принадлежат к крупным приобретениям научного движения XIX века» (Ibid, стр. 77). Тот же автор, отмечая большой диапазон творческого таланта своего учителя, пишет: «По складу своего ума Докучаев был одарен совершенно исключительной пластичностью воображения, по немногим деталям пейзажа он схватывал и рисовал целое в необычайно блестящей и ясной форме. Каждый, кто имел случай начинать свои наблюдения под его руководством, несомненно, испытывал то же самое чувство удивления, какое помню и я, когда под его объяснениями мертвый и молчаливый рельеф вдруг оживлялся и давал многочисленные и ясные указания на генезис и на характер геологических процессов, совершающихся и скрытых в его глубинах» («Научное слово», кн. VI, 1904, стр. 17).

Заслугой В. В. Докучаева является также и то обстоятельство, что он особенно полно вскрыл органическую связь явлений, протекающих на поверхности земли. Докучаеву же принадлежит тщательно разработанный комплексный естественно-исторический метод исследования. Методы комплексного исследования природы, разработанные В. В. Докучаевым, легли в основу современной научной физической географии.

Он же до некоторой степени наметил план и пути преобразования и изменения природы России в интересах населения. По его словам изучение природных факторов и особенно при овладении ими «безусловно необходимо иметь в виду по возможности всю единую цельную и нераздельную природу, а не отрывочные ее части: необходимо одинаково чтить и штудировать все главнейшие элементы ее, иначе мы и иногда не сумеем управлять ими, никогда не будем в состоянии учесть, что принадлежит одному фактору, что другому» (цитировано по сбори. «Вопросы географии», 1949, № 13, Географгиз, стр. 18). «За краткое время своей научной и общественной деятельности, говорит проф. Г. И. Танфильев, Докучаев успел оставить крупный след, благодаря редкому сочетанию в нем инициативы и организаторского таланта с прямо поразительной работоспособностью и уменьем быстро овладевать самой сущностью изучаемого явления. А если к этому прибавить его импонирующую внешность, его характерную и неотразимо убедительную речь, его всегда сжатое, логичное и глубоко оригинальное печатное слово, его непоколебимую веру в науку, то нам, быть может, станет понятным обаяние этой личности, которой так легко удавалось заражать своей верой других и находить, где нужно, нравственную и материальную поддержку в осуществлении всегда широко задуманных планов» (Г. И. Танфильев, Памяти учителя, статья в «Трудах ботанического сада при Юрьевском (ныне Тартуском) университете», 1904 г.). По справедливому замечанию Ю. А. Ливеровского, «на основе учения Докучаева возникли прогрессивные русские школы физической географии, геоботаники, ботанической географии, геоморфологии, динамической геологии и др.» (БСЭ, 2 изд., т. 15, стр. 8).

В. В. Докучаев является автором очень многих ценных трудов и научных заметок (свыше 150); из них мы назовем лишь главнейшие: 1) «К вопросу об осушении болот Полесья» (1875 г.), 2) «Обзор сведений о русском черноземе» (1876 г.), 3) «О распространении эрратических валунов в России и о характере наших южных наносов» (1876 г.), 4) «Об аллювиальных образованиях долины реки Оки и об остатках доисторического человека у деревни Волосово, около Мурома» (1878 г.), 5) «Очерк важнейших из существующих почвенных классификаций» (1878 г.), 6) «Способы образования речных долин Европейской России» (1878 г.), 7) «Картография русских почв» (1879 г.), 8) «Русский чернозем» (1883 г.), 9) «О происхождении русского чернозема» (1884 г.), 10) «Материалы по оценке земель Нижегородской губернии» (вып. I—XIV, 1882 — 1886 гг.), 11) «Методы исследования вопроса: были ли леса в южной степной России?» (1888 г.), 12) «Вопрос об исследовании Петербурга и его окрестностей, в естественно-историческом, физико-географическом и сельскохозяйственном отношениях» (1890 г.), 13) «Наши степи прежде и теперь» (1892 г.), 14) «О происхождении русского лесса» (1892 г.), 15) «Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г.»[1], 16) «Почвенные зоны вообще и почвы Кавказа в особенности» (1899 г.) и много др.

О В. В. Докучаеве см. П. Земятченский, «В. В. Докучаев», «Журн. Министр. народн. просвещения», 1904, Январь, «Соврем. летопись», стр. 62 — 71; см. так же «В. В. Докучаев и география», сборн. статей, изд. АН СССР, 1946; Л. С. Берг, «Очерки по истории русских географических открытий», изд. АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 249 — 257; акад. Л. И. Прасолов, «В. В. Докучаев» в сборнике «Люди русской науки», т. II, стр. 736 — 742; И. и Л. Крупениковы, «Путешествия и экспедиции В. В. Докучаева», Географгиз, М., 1949. С. С. Соболев, «Основные моменты творчества В. В. Докучаева», статья в виде приложения к «Избранным трудам» В. В. Докучаева, изд. АН

[1] В. В. Докучаев на Кавказе побывал в 1898, 1899 и 1910 гг.

СССР, 1949, стр. 521 — 560; Л. А. Чеботарева, «В. В. Докучаев» (1846 — 1903); краткая биография; ibid. стр. 561 — 622; И. и Л. Крупениковы, «Василий Васильевич Докучаев», Сельхозгиз, М., 1950; А. Г. Исаченко, «Основные вопросы физической географии», Л., 1953, стр. 24—29; В. К. Имедадзе, «Великий русский ученый В. В. Докучаев и его ученики в Грузии», изд. «Техника да шрома», Тб., 1955. Почти полный список трудов В. В. Докучаева и литературы о нем см. в книге «В. В. Докучаев (1846—1903)», библиография составлена Л. А. Чеботаревой и А. Д. Маевой изд. АН СССР, М.-Л., 1947.

Дригальский Эрих (1865 — 1949 гг.), известный немецкий географ и полярный исследователь. В 1891 — 1893 гг. руководил гренландской экспедицией для изучения внутреннего ледяного покрова Гренландии. В 1901 г. он совершил плавание на судне «Гаусс» в Антарктиду, где собрал богатый гидрологический материал. Судно попало в ледовый плен на 66,5° ю. ш. и 90° в. д. В течение годичной вынужденной стоянки Дригальский исследовал открытую им Землю Вильгельма II и ее районы. Результаты экспедиций: 1) в Гренландию были опубликованы Дригальским в 2-х томах с 1897 г. и 2) в Антарктиду — за период времени с 1901 по 1928 г.

О Э. Дригальском см. БСЭ, 2-ое изд., т. 15; Н. К. Лебедев, Завоевание земли, т. III, ГИЗ, 1925, стр. 350 — 352; К. Гассерт, Исслед. поляри. стран, перев. с немец., Одесса, 1912.

Дюмон-Дюрвиль Жюль Себастьян Сезар (1790 — 1842 гг.), известный французский мореплаватель и путешественник, родом из Нормандии. В 1819 г. он был послан для исследования берегов Греции и островов Эгейского моря. На острове Милосе он был свидетелем того, как один грек-крестьянин на своем участке нашел античную мраморную статую женщины; пораженный необычайной красотой этой статуи, Дюмон-Дюрвиль купил ее и привез в Париж. Эта статуя, известная под именем Венеры Милосской, представляет собой один из шедевров древнегреческого искусства.

В 1822 — 1825 гг. Дюмон-Дюрвиль предпринял свое первое кругосветное плавание, которое он описал в сочинении: «Живописное путешествие вокруг света». В 1826 г., по поручению французского правительства, он отправился в новое кругосветное путешествие, а также на розыски следов погибшей экспедиции Лаперуза. Во время этого путешествия Дюмон-Дюрвиль исследовал Торресов пролив, побережья Новой Гвинеи и Новой Зеландии. Около берегов Австралии он узнал от капитана одного английского судна, Диллона, что на берегу очень редко посещаемого мореплавателями острова Ваникоро (близ Соломоновых островов) найдены им следы экспедиции Лаперуза. Дюмон-Дюрвиль направился туда, и, действительно, на указанном Диллоном острове нашел много различных вещей с кораблей погибшего Лаперуза — «Астролябии» и «Буссоли». Дюмон-Дюрвиль, на основании сведений, полученных им от стариков-туземцев, пришел к заключению, что здесь то и потерпел крушение отважный мореплаватель Лаперуз и его спутники. В 1837 г. Дюмон-Дюрвиль отправился в новую экспедицию в южные полярные моря. Во время этого трудного плавания он открыл целый ряд новых островов: «Остров Пингвинов», «Венец», «Клара», «Бриджмэн». С востока от «Земли Грэхема» он открыл берег, названный им «Землей Луи-Филиппа»; недалеко от него находились два небольших острова, которым он дал названия: «Остров Жуэнвиля» и «Остров Астролябия». В 1840 г. его суда «Астролябия» и «Зеле» пересекли южный полярный круг и открыли в Антарктиде покрытый ледниками берег, который был назван в честь жены Дюмон-Дюрвиля «Землей Адели». Во время своих плаваний он производил океанографические исследования. 2-го сентября 1842 г. Дюмон-Дюрвиль вернулся на родину и вместе с семьей погиб во время железнодорожной катастрофы между Парижем и Версалем.

См. Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 20 — 24; Д. Бейкер, «История географических открытий и исследований», перев. с англ., изд. ИЛ, М., 1953. М., 1950, стр. 522 — 523, 559; Soudry du Kerven A., „Dumont d'Urville", p., 1893.

Е

Елисеев Александр Васильевич (1858 — 1895 гг.), биолог, врач, известный русский путешественник; по окончании кронштадтской гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского (Ленинградского) университета, где много работал по зоологии под руководством профессора К. Ф. Кесслера. После окончания университета Елисеев окончил еще медико-хирургическую академию и некоторое время работал военным врачем на Кавказе, в Туркестане и в Финляндии. Свои путешествия он начал еще в юношеские годы; так, в 1875 г. Елисеев с одним своим товарищем обошел значительную часть Финляндии. В 1876 г. Елисеев путешествовал по Западной Европе, а в 1877 г. странствовал по Карелии, прошел поперек Финляндии от Куопио до Таммерфорса. Летом 1878 г. Елисеев путешествовал в дебрях бывшей Олонецкой губернии и добрался до Архангельска. В 1879 г. он отправился в бывшую Пермскую губернию (Пермскую область) и исследовал Чердынь, а равно бассейны рек Вишеры и Печоры. В 1881 г. Елисеев, будучи студентом-медиком, отправился в Египет, где посетил Каир, озеро Мендалех, остров Файюм, проехал вверх по Нилу до Сиута, а затем два месяца странствовал по Каменистой Аравии, посетил Синай и Петру, прошел Палестину, дошел до Дамаска и через Бейрут вернулся на родину. В 1882 г. Елисеев вместе со своим товарищем Высоцким вновь отправился на север для изучения страны и быта финнов и лопарей; во время этого путешествия, он проехал поперек Швецию и Норвегию от Стокгольма до Осло, посетил некоторые ледники, фиорды, Лофотенские острова, объехал Норвегию до Нордкапа и Варде, затем побывал на берегах озер Энаре и Нуота и вышел на реку Тулому; после этого, сев в Коле на пароход, он объехал Мурманский берег, побывал в Соловках и, через Сумы и Выгозеро, вернулся в Петербург (Ленинград). В 1884 г. Елисеев путешествовал по Палестине, а отсюда, через Грецию, Апеннинский полуостров и Сицилию, он отправился в Триполи с тем, чтобы пробраться в Сахару и Фецан; однако это ему не удалось, вследствие брожения среди туарегов, враждебно настроенных против европейцев. Тогда Елисеев изменил маршрут, и, переехав в Алжир, достиг границ Сахары в Ургле, побывал в Марокко и вернулся в Европу. В 1886 г. он отправился в Малую Азию, которую прошел поперек от Средиземного моря до Черного по маршруту Искандерун—Антакья — Алеппо — Малатия и т. д. до Самсуна и Синопа. В 1889 г. Елисеев побывал на Дальнем Востоке и посетил Японию и Цейлон. В 1893 г. неутомимый путешественник решил еще раз отправиться в Африку и посетить сначала Египет, а затем и Судан, где господствовал Махди; последняя попытка окончилась неудачно; на границе Египта

Елисеев был ограблен и едва успел спастись от смерти верхом на верблюде. В 1894 г. Елисеев вместе с Леонтьевым и Звягиным побывал в Абиссинии, но вскоре вернулся в Россию и не оставлял мысли вновь отправиться в Судан; и только преждевременная смерть (на 37 году жизни) помешала ему осуществить это намерение. Перу А. В. Елисеева принадлежит много интересных сочинений, из которых отметим лишь следующие: 1) «Обитатели Каменистой Аравии» (в «Журн. Министерства народн. просвещ.» 1882, часть 221), 2) «Путь к Синаю» (1882 г.), 3) «Антропологическая экскурсия поперек Малой Азии» (в «Изв. Русск. географ общ.», 1887, т. XXIII, 4) «Опыт рациональной географии» (1887 г.), 5) «В Тайге» (СПБ, 1891 г.), 6) «Махдизм и современное положение дел в Судане» (в «Изв. Русск. геогр. общ.», 1894 г.). В 1901 — 1904 гг. вышел в свет вторым изданием известный труд Елисеева «По белу-свету» в четырех иллюстрированных томах.

О Елисееве см. некролог, помещенный в журн. «Землеведение», за 1895 г., II — III книжки, стр. 177—182; А. К. Жаба, «А. В. Елисеев», некролог в «Изв. Кавк. отд. Рус. геогр. общества», т. X, вып. 2, стр. 75 — 82; а также вышеназванный труд П. П. Семенова, «Ист. полувек. деят. Рус. геогр. общ.», стр. 947 — 950; И. И. Бабков, «По Африке», Географиз, М., 1949, стр. 65 — 88; статью Н. А. Гвоздецкого, «Русские исследования Африки», журн. «География в школе», 1949, № 5, стр. 1—8.

Ефремов Филипп Сергеевич, родился в Вятке (нынешний Киров) в 1750 г. в семье стряпчего (секретаря) духовной консистории[1]. Тринадцати лет его зачислили солдатом в нижегородский пехотный полк. В 1765 г. он был назначен каптенармусом, а в 1769 г. Ефремова произвели в унтер-офицеры (в сержанты). В 1774 г. он был послан в Оренбургские степи в состав гарнизона «заставы Донгуз»; вскоре он попал в плен сначала к пугачевцам (яицким казакам), а затем к киргизам, которые продали его в рабство в Бухару. Здесь он, благодаря своему знанию военного дела, дослужился до офицерского чина («юзбаши»-сотник) и в течение нескольких лет служил у бухарского правителя (аталыка) Денияр-бека, по поручению которого ездил в Хиву, Мерв, Иран и другие районы Средней Азии. Спустя некоторое время Ефремов бежал из Бухары в Коканд, а оттуда через Кашгар, Яркенд, Тибет, Кашмир и Индию, добрался до Англии и, наконец, в 1782 г. вернулся в Россию. По возвращении на родину, он был произведен в прапорщики и определен на службу в коллегию иностранных дел переводчиком с восточных языков. Ефремов написал отчет о своем путешествии, в котором приводит много интересных сведений о Хиве, Бухаре, о пустыне Кызыл-Кум, о реке Аму-Дарье, о Тибете, Индии и т. п. По справедливому замечанию И. В. Мушкетова, описание путешествия Ф. С. Ефремова «для своего времени составляло значительный прогресс в знаниях об Азии»; «если бы не забыли Ефремова, — пишет тот же ученый, — то не считали бы Мир-Иззет-Улла первым путешественником через Терек-Даванский перевал, так как эта честь принадлежит русскому странствователю Ф. Ефремову» (И. М. Мушкетов, «Туркестан», т. I, СПБ, 1886, стр. 74). Отчет Ефремова был издан четыре раза — в первый раз в СПБ без его ведома в 1786 г. под заглавием: «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассессора, девятилетнее странствование и приключение в Бухарии.

[1]Ум. после 1811, БСЭ, т. 15, стр. 568. — Ред.

Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию и Россию (с 1763 г.). Писанное им самим»; во второй раз — в 1794 г. самим автором в СПБ; в третий раз — в Казани в 1811 г. и в четвертый раз перепечатано с подлинной рукописи в журн. «Русская старина» в 1893, № 7 (см. «Энциклопед. словарь» Брокгауз-Ефрона, 1-ое издание, т. XI , СПБ, 1894, стр. 694 — 695); в 1950 г. «Девятилетнее странствование» Филиппа Ефремова издано Географизом под редакцией, со вступительной статьей и комментариями проф. Эд. М. Мурзаева (Москва).

З

Загоскин Лаврентий Алексеевич (1808 — 1890 гг.), выдающийся русский исследователь Аляски, родился 21 мая 1808 г. в сел. Николаевке, быв. Пензенского уезда, в семье мелкопоместного дворянина. Учился в Московском кадетском корпусе в Кронштадте, который окончил в 1826 г. Служил в Петербурге, Кронштадте и Астрахани. В 1839 г. перешел на службу в Российско-Американскую компанию. В 1842 — 1844 гг. исследовал прибрежные районы залива Нортон на Аляске, бассейн рек Юкона (Квихпака), Кускокуима (Кускоквима) и Коюкука, открыл горный хребет, отделяющий Юкон от восточного побережья залива Нортон. Кроме природы Аляски, Загоскин изучил жизнь и быт коренного населения этой обширной северо-западной части Северной Америки.

Ряд иностранных ученых дал высокую оценку трудов А. Загоскина. Так, Банкрофт, автор работ по истории северо-запада Сев. Америки, указал, что «исследование Загоскина выполнено хорошо и вполне добросовестно» (H. Bancroft, History of Alaska 1730 — 1885, San-Francisko, 1886, 553 — 554); Андерсон (H. Anderson) и Эльс (W. Eells) в труде «Alaska natives» (London, 1935, p. 86) пишут: «Его (Загоскина) отчет является первым значительным и детальным описанием обычаев эскимосов центральной Аляски, сделанным человеком, который по своим склонностям и своему уму был способен выполнить объективные исследования».

Результаты своей экспедиции энергичный исследователь опубликовал в капитальном труде «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг. с меркаторскою картою, гравированною на меди» в двух частях (СПБ, 1847 — 1848 гг.). За этот труд Загоскину была присуждена в 1849 г. Академией наук премия им. Демидова. Загоскину принадлежат еще статьи: 1) «Редут св. Михаила в южной части Нартонова залива» (в «Записках Гидрографического департамента морского министерства», 1846, т. 4; 2) «Заметки жителя того света», напечатанные в «Маяке современного просвещения и образованности», 1840, ч. 9—11; 1846, ч. 16.

О Л. А. Загоскине см. БСЭ, 2-ое изд., т. 16, стр. 296; М. Б. Черненко, Г. А. Агранат, Экспедиция лейтенанта Л. А. Загоскина по русской Америке, статья в журн. «Природа», 1954, сентябрь, № 9, Изд. АН СССР, стр. 56 — 62; С. Марков, Летопись Аляски, М.-Л., 1948, стр. 126—131, 133—136, 153, 164; А. Адамов, Первые русские исследователи Аляски, М., 1950, стр. 73 — 104; Его-же, Правда о русских открытиях в Америке, изд. «Знание», М., 1952, стр. 30; Географиз в

1956 г. издал «Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842 — 1844 гг.» (М.); общая редакция, примечания и комментарии М. Б. Черненко, Г. А. Агранат, Б. Э. Бломковист. В этом издании помещены биография Л. А. Загоскина, написанная М. Б. Черненко, и статья Б. Липшица, «Л. А. Загоскин, как исследователь этнографии Аляски».

По авторитетному, справедливому замечанию М. Б. Черненко, «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг.», является классическим произведением русской географической науки.

Зейдлиц Николай Карлович (1831 — 1907 гг.), известный фитогеограф, этнограф и демограф, род. близ Нарвы; по окончании среднего учебного заведения поступил в Тартуский (Юрьевский) университет, где, преимущественно, изучал естественные науки, а в особенности ботанику. В 1855 г. совершил путешествие по Кавказу и Закавказью; по возвращении оттуда написал труд «Botanische Ergebniss einer Reise durch das westliche Transkaukasien und der Aserbeidschan». Это сочинение он представил в 1857 г. в качестве диссертации и получил за нее степень доктора. Закавказье произвело на Зейдлица настолько сильное впечатление, что он переселился сюда и жил сначала в Нухе, а затем в Тбилиси и стал работать в области акклиматизации в Западн. Грузии субтропических растений (чайный куст, эвкалипт и др.) и в области закавказской этнографии и демографии. В 1868 г. Зейдлиц был назначен членом Кавказского Статистического Комитета и первым редактором его трудов. По его проекту было организовано издание «Сборника статистических сведений по Кавказу» (вышел ряд томов). В 1880 г. им была издана «Этнографическая карта Кавказа». В 1894 г. под редакцией Зейдлица вышел «Свод статистических данных о населении Закавказья». Целый ряд статей и монографий Н. К. Зейдлица напечатан в изданиях Кавказского Отдела Русского географического общества, в «Кавказском Календаре», в «Petermann's Mitteilungen», в «Globus»-е и др.

Зуев Василий Федорович (1754 — 1794 гг.), академик Петербургской Академии наук (с 1787 г.), сын солдата гвардейского Семеновского полка, выдающийся русский биолог, географ-путешественник и педагог. По справедливому замечанию акад. Б. Е. Райкова, «как ученый путешественник Зуев много сделал для описания неисследованных районов нашей обширной родины — как на севере, так и на юге» (Б. Е. Райков, «Академик Василий Зуев, его жизнь и труды» (к 200-летию со дня его рождения), изд. АН СССР, М.-Л., 1955, стр. 3).

В. Ф. Зуев окончил курс академической гимназии в 1768 г. тогда же «он был зачислен в состав экспедиции академика Палласа, которая снаряжалась для... обследования Восточной России и Сибири». Эта экспедиция, продолжавшаяся шесть лет 1768 — 1774 гг., «носила комплексный характер»; она собирала и изучала вопросы физической географии, геологии, биологии (ботаники и зоологии), этнографии и экономики. В течение этой многолетней экспедиции Зуев неизменно пользовался указаниями и советами академика Палласа, которые имели для Зуева большое значение. В 1774 г. Зуев был командирован сначала в Лейден (Голландия), а затем в Страсбург для углубления знаний в области физики, химии и биологии, а равно для более отличного усвоения иностранных языков.

По возвращении из-за границы В. Ф. Зуев представил в 1779 г. в качестве диссертации для получения звания адъюнкта свою работу на тему «О метаморфозе у насекомых».

В 1781 — 1782 гг. Зуев находился в экспедиции на юге европейской части России, в бассейнах рек Буга и Днестра. Зуев дал научное описание этой экспедиции в труде «Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.». (1787 г.). Ему принадлежит перевод на русский язык трудов Палласа — «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (в трех томах, пяти частях, 1773 — 1778 гг.) и «Описание растений Российского государства» (1788 г.).

Зуев в 1786 г. составил для своего времени очень хороший первый русский учебник по естествознанию — «Начертание естественной истории» (выдержавшее несколько изданий).

«Рассматривая деятельность Зуева в целом, насколько она выяснена в свете произведенных в последнее время исследований, говорит акад. Б. Е. Райков, надо признать его крупным ученым и просветителем XVIII в. ... По своим научным воззрениям Зуев был материалистом... Как натуралист Зуев довольно близко подошел к идее трансформизма... По своим общественно-политическим установкам Зуев был демократом, врагом сословного строя, причем он черпал свои взгляды из тех же идейных источников, что и Радищев...» (Б. Е. Райков, «Академик Василий Зуев, его жизнь и труды», изд. АН СССР, М.-Л., 1955, стр. 322).

О В. Ф. Зуеве см. М. М. Соловьев, Академик В. Ф. Зуев (1754 — 1794), ст. в «Вестнике АН СССР, 1933, № 7; Н. Г. Фрадкин, Путешествие В. П. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева, М., 1948; Акад. Б. Е. Райков, Академик Василий Зуев, его жизнь и труды, к 200-летию со дня рождения. Изд. АН СССР, М.-Л., 1955.

Зупан Александр (1847 — 1920 гг.), известный немецкий географ, родом из Верхней Крайны, онемеченный словенец; фамилия его происходит от слова жупан, зупан, что по словенски значит сельский старост. Среднее образование Зупан получил в Лайбахской (Люблянской) гимназии. В 1866 г. он поступил в Грацский университет и в течение нескольких семестров изучал историю и литературу, затем он перешел в Венский университет, где также, преимущественно, занимался историей. По представлении диссертации на историческую тему Зупан получил в 1870 г. степень доктора философии и был назначен учителем реальной школы (Oberrealschule) в Лайбахе. С 1872 г. он стал увлекаться географией; результатом этого увлечения явился его «Учебник географии по принципам новой науки» для средних учебных заведений Австрии. В 1877 — 1878 гг. Зупан прослушал некоторые курсы по естественным наукам, а также курсы географии у профессора Кирхгофа в университете в Галле. В 1877 г. он напечатал в «Известиях Иенского географического общества» статью об образовании долин в восточном Граубюндене и в Тирольских Центральных Альпах. В 1879 г. появилась его работа о температурных зонах земли в «Petermann's Geographische Mitteilungen». В 1881 г. Зупан был назначен экстраординарным профессором в Черновицком университете; в том же году он опубликовал ценную работу: «Статистика нижних течений воздуха». В 1884 г. Зупан выпустил в свет свой выдающийся труд «Grundzüge der phisischen Geographie» «Основы физической гео-

графии»), выдержавший на немецком языке девять изданий (есть русский перевод со 2-го и 4-го изданий под ред. проф. Д. Н. Анучина). В 1883 г. владелец Картографического Института в Готе Б. Пертес пригласил Зупана в редакторы «Petermann's Geographische Mitteilungen». В Готе он проработал 25 лет. Перу Зупана, кроме вышеуказанных трудов, принадлежит ряд сочинений по истории исследования арктических стран, по истории географических открытий, по территориальному развитию колоний (1906 г.), очень хороший учебник географии для школ: «Deutsche Schulgeographie», выдержавший много изданий; он же составил для издававшегося под редакцией проф. Кирхгофа «Unser Wissen der Erde» описание Австро-Венгрии. В 1898 г. Зупан занял кафедру географии в Вроцлавском (Бреславльском) университете. Незадолго перед смертью (в 1918 г.) он опубликовал любопытный труд «Руководящие черты общей политической географии» («Leitlinien der allgemeinen politischen Geographie»); новое 2-ое издание вышло в 1922 г. под редакцией E. Obst'a. Еще в 1876 г. Зупан в своем сочинении «Grundzüge der phisischen Erdkunde» писал, что «так называемой политической географии... нет места в научной системе землеведения». В предисловии же к своему сочинению «Руководящие черты общей политической географии» он заявляет, что война 1914 — 1918 гг. укрепила и без того уже сложившееся у него за последнее время убеждение в необходимости «посвятить впредь больше внимания политической стороне географии». В последнем труде Зупан останавливает внимание читателя на следующих вопросах: 1) о благополучии и нормальном развитии государства в зависимости от суммы организованной энергии населения, а не от пространства, которое, по его мнению, играет роль только в том отношении, что оно дает энергии возможность проявиться, 2) классификация государств по структуре, 3) подразделение стран на естественные области, 4) процессы образования нации, 5) разделение государств на территориальные и национальные, 6) национальные союзы, 7) империализм и национализм, 8) плотность населения; типы расселения; характер поселков; роль столицы в жизни государства, 9) государства аутаркические (самоудовлетворяющиеся) и анаутаркические (несамоудовлетворяющиеся), 10) политические системы: а) национальная система — когда государство ведет самостоятельную национальную борьбу за существование, б) система союзов («Священный союз 1815 г.», Лига наций), в) универсальная система, т. е. система решительного преобладания одного государства (Англия), г) федеративная система (разделение земли на несколько крупных сфер хозяйственной и политической жизни — США, Англия, Япония); кроме этих вопросов, автор касается еще целого ряда других политико-экономических вопросов в мало оригинальном освещении. В общем же сочинение Зупана «Руководящие черты общей политической географии» не блещет ни глубиной, ни широтой анализа и отличается узостью, субъективностью и ограниченностью политико-экономического кругозора.

Зюсс (Suess) **Эдуард** (1831 — 1914 гг.), выдающийся австрийский геолог, труды которого оказали большое влияние на географическую науку. Ему принадлежит классическое трехтомное сочинение «Лик земли» («Das Antlitz der Erde»), которое начало выходить в 1883 г. и окончено в 1903 г. Содержание этого труда составляет — динамика

земного шара во всем объеме, т. е. тектоника, вулканизм, трансгрессии и регрессии моря, изменения органического мира и преобразования земной поверхности в смене веков и т. д. Проф. А. П. Павлов в своей монографии, «Очерк истории геологических знаний» (М., 1921, ГИЗ, стр. 74, стр. 75 — 76) указывает, что «Лик Земли» Э. Зюсса представляет собою по творческому диапазону и по эрудиции выдающееся явление. В этом труде, говорит проф. Павлов, «Зюсс объединяет в общее стройное целое почти все геологические знания настоящего времени и всю колоссальную литературу второй половины XIX в. В гениальном сопоставлении и освещении Зюсса отдельные элементы земного лика перестают быть разрозненными и лишенными взаимной связи, но приобретают глубокий смысл, как памятники, в которых отпечатлелись величественные акты исторического развития форм и строения земной коры, совершавшегося совместной работой глубоко сокрытых внутренних сил земли и ее внешней водной оболочки. И не одна неорганическая природа земли привлекает к себе внимание Зюсса. И земля и воды в их непрерывно сменяющихся очертаниях являются для него ареной органической жизни, судьбы которой тесно связаны с судьбами изменчивых элементов земной поверхности». Затем, проф. Павлов дает следующую общую оценку «Лика Земли»: «главное содержание и главная ценность его (Зюсса) труда заключается в том, что он собрал, критически осветил и мастерски сгруппировал разбросанные в чрезвычайно многочисленных книгах и статьях геологические сведения о разных областях земли в ряд цельных, стройных, иногда поразительно грандиозных картин. Из комбинации этих картин с изумительной ясностью выявляется геологическое строение и история образования не только отдельных горных цепей и систем с прилегающими к ним равнинами, но и еще более сложных геологических областей, из которых слагаются нынешние континенты. Оказалось, что нынешние континенты не представляют собою естественных обособленных самою историей своего возникновения географических областей, а построены из уцелевших частей других ранее существовавших географических единиц, из числа которых некоторые наиболее крупные вошли в состав разных континентов».

Очень высокую оценку труда Зюсса дал также акад. А. Е. Ферсман: «... его (Зюсса) смелый обобщающий ум рисовал лик нашей земной поверхности, проникая своим орлиным взором, он разгадывал тайны прошлых судеб, и его смелая мысль рисовала на карте давно исчезнувшие моря и океаны, среди равнин открывала остатки старых могучих горных цепей, на дне океанов отыскивая некогда цветущие земли... геология настоящего есть детище этого великого ума» (А. Ферсман, «Пути научного творчества», статья в сборнике Творчество, т. II, 1923, стр. 17).

Э. Зюсс создал ряд обобщающих терминов, принятых в науке: Евразия, Тетис (большой средиземный океан, существовавший в палеозое, мезозое и в нижне-третичную эпоху и простиравшийся в широтном направлении от восточного берега современного Атлантического океана через Южную Европу и Северную Африку до Индийского океана), Иркутский амфитеатр, Канадский щит, Балтийский щит, древнее темя Азии и др. Э. Зюсс высказал также очень ценное предложение, что центральное ядро земного шара—гент—состоит преимущественно из никеля и железа, почему он и назвал его нифе (слово нифе состоит из слов Ni·никель и Fe—ferrum-железо). В

состав нифе, по мнению Зюсса, должны входить многие тяжелые металлы, как платина и золото. Нифе, в свою очередь, согласно Зюссу, покрыто оболочкой, в составе которой преобладает кремний (Si) и магний (Mg), почему Зюсс и назвал эту оболочку сима (иногда она называется «базальтовой постелью», сложенною тяжелыми магнезиальными силикатами). Ближе к поверхности земли находится еще каменная оболочка, состоящая, главным образом, из соединения кремнезема (Si) и алюминия (Al): эту оболочку Зюсс назвал сиал (саль); поверх нее находится уже внешняя кора.

Сочинение Э. Зюсса «Das Antlitz der Erde» переведено на некоторые европейские языки; особенной известностью пользуется французский перевод под редакцией Emmanuelle De Margerie со многими добавлениями и предисловием Марселя Бертрана (1899 г., 1900 г. и 1904 г.).

О Э. Зюссе см. В. А. Обручев и М. Зотина, «Эдуард Зюсс», М., 1937; БСЭ, 2-ое изд., т. 17, стр. 246 — 247.

И

Ибн-Баттута (1304 — 1377 гг.), выдающийся арабский географ и путешественник, родом из города Танжера в Марокко; начал свои путешествия в молодые годы (с 22 лет); сначала он побывал в Мекке, а затем отправился в Сирию, Иран, Месопотамию, Африку (где он по Нилу поднялся до Асуана), Иемен (отсюда прошел всю центральную часть Арабистана). Посетил Ибн-Баттута и север; через Малую Азию и Крым (Кафа, нынешняя Феодосия) он совершил путешествие в царство Кипчаков (Южная Россия), побывал в городе Булгарах, оттуда отправился в Константинополь, а затем вновь повернул на восток и по северному берегу Каспийского моря, через Хиву, Бухару, Хорасан и Кандагар — попал в Индию, где он добрался до города Дели. Через некоторое время он, в качестве участника посольства, отправился в Китай; через Мальдивские острова, Цейлон, Суматру, Яву и другие острова Зондского архипелага достиг Пекина (Бейпина). После этого Ибн-Баттута через Суматру добрался до Аравии. С 1347 г. он вновь путешествовал по Ирану, Месопотамии, Сирии, Палестине, Египту, в четвертый раз побывал в Мекке и в 1349 г. решил вернуться на родину через Тунис, Тенес, Тлемсен и Фес. Однако в дороге у него зародилась мысль посетить два оставшихся ему неизвестными мусульманские государства — Гренаду и Мали; в африканское государство Мали он двинулся через Сиджалмас на Тимбукту. Ибн-Баттута рассказывает, что это государство по своему культурному развитию стояло не ниже тогдашних мусульманских и христианских государств. Население Мали (или Мандинго) умело изготовлять изящные золотые и серебряные вещи и украшения, хорошего качества оружие (мечи простые и в ножнах, копья), стеклянные изделия и пр. Женщины там, по словам Ибн-Баттуты, очень красивы и пользуются уважением. По его же свидетельству, негры Мали обладают многими положительными качествами характера; они редко бывают несправедливы, и не выносят несправедливости в других. На обратном пути Ибн-Баттута, осмотрев медные рудники Тагадда, в 1353 г. прошел плато Ахаггар, оазис Агадес и, наконец, перевалив Атласские горы, вернулся в Фес, где и прожил до самой смерти. Таким образом Ибн-Баттута в путешествиях провел около

27 лет. Ему принадлежит большой труд под заглавием «Подарок наблюдателям по части диковин городов и чудес путешествий» («Тух-фет-уль-наззар фи хераиб-эл имсар вэ аджайб-эл-исфар»)[1]. Многие описания местностей и городов этого выдающегося арабского географа отличаются достаточной колоритностью; вот, например, как он характеризует Дамаск: это город «пышный подобно эдему, райски благоухающий, жемчужина востока»; «сам город, окруженный очаровательными садами Гуты, разростался все шире и блестяще со своими мечетями, минаретами, дворцами, сверкающими куполами, пышными зданиями, каналами, фонтанами, садами и всякого рода гульбищами, и далеко кругом раскинулись его благодатные окрестности».

Ибн-Баттута во время своих путешествий в Передней Азии, интересовался богатствами посещенных им стран и занес в свой дневник много ценных сведений о полезных ископаемых; так, по его данным, в окрестностях Гюмюшанэ находились серебряные рудники; поэтому этот город привлек к себе купцов из Сирии и Ирака; в Эрзинджане были медные рудники и там выделывались вазы и канделябры. «Когда Ибн-Баттута из Багдада подвигался вверх по р. Тигру к Мосулу, он заметил в «Ал-Кайяра» на поверхности земли «черную глину, блестящую, мягкую и хорошо пахнущую». И Ибн-Баттута описывает, как местные жители, зажигая огонь, добывают нефть» (В. А. Гордлевский, «Эксплоатация недр земли в Турции», по документам, изданным А. Рефиком и Ф. Спахо; ст. в сборн. «Советское востоковедение», III, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1945, стр. 111—112).

Ибн-Баттута приводит также интересные сведения об острове Цейлоне (Серендибе). Когда путешественник прибыл в порт Салвата (Халвата), он увидел там целые кипы корицы. Ибн-Баттута указывает, что Калемпе (Коломбо) — крупнейший и красивейший город страны. Этот город, по его словам, был резиденцией визира Джалестия, у которого было до пятисот хабхийцев (абиссинцев).

Ибн-Фадлан Ахмед, известный арабский путешественник X-го века (н. э.), один из участников посольства, отправленного халифом ал-Муктадиром в страну волжских болгар (921 — 922 гг.). В своих путевых записках он дает подробный маршрут посольства, рассказывает о перенесенных в пути трудностях, описывает самое пребывание в стране булгар и прием, оказанный посольству. Все, что привлекло внимание Ибн-Фадлана, описано им с поразительной живостью и занимательностью (см. «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1939). Подлинная рукопись сочинения Ибн-Фадлана была найдена в 1924 г. в библиотеке иранского города Мешхеда.

Ибн-Хаукаль, арабский путешественник (X в. н. э.), уроженец Багдада; в 943 г. он отправился в путешествие из родного города и побывал в Сев. Африке, Испании и Сицилии; затем он посетил Месопотамию, Иран и Индию. Около 951 г. он встретился с другим арабским путешественником ал-Истахри и указал ему на ошибки в его сочинении. По просьбе последнего Ибн-Хаукаль переработал его сочинение; исправил всю ту часть, в которой автор дал описание западной части халифата — Египта, Сев. Африки, Испании и Сицилии. В остальную часть он внес только небольшие, но интересные и важные дополнения.

[1] Полный перевод путешествий Ибн-Баттуты имеется на франц. языке „Voyages d'Ibn-Batoutah; traduit par C. Defrèmery. Paris. Société Asiatique, 1853; vv. I—IV.

Ибн-Хордадбех (род. в 820 г. ч. умер в 912 г. или в 918 г.), известный арабский путешественник и географ Иранского происхождения; написал несколько сочинений, из которых сохранилось только одно — под заглавием «Книга путей и провинций» («Китаб ал-месалик ва-л-мемалик»); в этом сочинении указываются названия провинций, городов, даются точные дорожные маршруты с указанием расстояний и почтовых станций, приводятся цифровые данные о налоговых поступлениях с каждой области и округа; приводятся также сведения о некоторых странах, прилегающих к областям арабского халифата; автор описывает, кроме стран Передней Азии, так же юго-восточные районы европейской части СССР и славянские поселения. Ибн-Хордадбех сообщает интересные сведения о русских славянах: вот, что он пишет о них: «Русские из племени славян вывозят меха бобров и чернобурых лисиц из самых отдаленных краев Славянской земли и продают их на берегах Румского (Средиземного) моря; тут царь Румский (Византийский) берет с них десятину. Когда им вздумается, они отправляются на Славянскую реку (Волгу), и приезжают в залив города Хозар; тут дают они десятину владетелю этой страны. Затем они едут в море Джурджанское (Каспийское) и там пристают к любому берегу... Иногда случается, что они везут свои товары из Джурджана через Итиль и Багдад» (Цитировано у Н. И. Срезневского в статье «Следы древнего знакомства русских с Южной Азией», «Вестник русского географич. общества», 1854, ч. X, стр. 52 — 53). Ибн-Хордадбех указывает, что «у самых дальних пределов Китая, напротив Кажу, много гор и много царей. Это страна аш-Шила (Корея), богатая золотом. Кто из мусульман добирается до этой страны, остается в ней — так она прекрасна. Никто не знает что находится за ее пределами». Ibn—Hordad—beh «Kitab al—Masalik wa'l mamalik», Cum. versione Gallica undicibus et glossario Ed. M. J. de Goeje Leiden, 1889.

Идриси (Эдриси), Абдула-Мухамед[1], арабский географ XII столетия, уроженец города Сеуты в Сев. Африке; учился в Испании в Кордове и большую часть жизни провел в Палермо, при дворе сицилийского короля Рожера II Норманского. Идриси оставил сводный географический труд, компилятивного характера, и приложил к нему карты; в этом труде составитель приводит сравнительно много данных о Сицилии, Испании, Франции, Германии, Англии, Шотландии, Ирландии, о берегах Северного и Балтийского морей, о Малой Азии, которую Идриси посетил в 1116 — 1117 гг. Есть у него географические сведения и о восточных странах; так, напр., о китайском городе Сучжоу он сообщает: «Такие большие города, как Сусах (Susah—Сучжоу), знамениты как своими зданиями и торговлей, так и богатством своих жителей. Их торговый кредит простирается на весь мир. Здесь делаются несравненные сорта фарфора и шелковые материи, славящиеся своею солидарностью и пышностью».

Инчичян Лука-Гукас (1758 — 1833 гг.), известный армянский историк, географ и археолог; патер венецианского монастыря мхитаристов; один из авторов коллективного труда (в 12 томах): «Географии четырех частей света — Азии, Европы, Африки и Америки». Инчичян является автором первого тома, посвященного географическому описанию Азии. В этом томе дается между прочим и подробное описание города Тбили-

[1] Идриси (Аль-Идриси) (1110 — 1166 гг.), БСЭ, т. 17, стр. 340 — Ред.

си. Тому же автору принадлежит: «Учебник географии» (1818 г.) и «География Армении» (1822 г.).

См. труды Л. М. Меликсет-Бека «Публикации письмен. источников по истории Грузии» (Каталог, I, изд. Архивн. управл. МВД, Груз. ССР, Тб., 1949, стр. 297 — 298) и В. Н. Парсамяна «Историография Армении» в «Очерках исторической науки в СССР», 1, под ред. М. И. Тихомирова, М. А. Алпатова и А. Л. Сидорова, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 626 — 627.

Ионин Александр Степанович (1837—1900 гг.), известный русский путешественник; долгое время работал на дипломатическом поприще в Швейцарии, в государствах Балканского полуострова (в Черногории, Болгарии, Турции); с 1883 г. до 1889 г. с некоторыми перерывами состоял чрезвычайным послом в Бразилии. Ионину принадлежит интересный труд в четырех частях «По Южной Америке» (СПБ, 1892 — 1893, 1902, 1903 гг.), в котором автор сначала рассказывает о своих путешествиях по республикам Южной Америки — Бразилии, Уругваю, Парагваю, Боливии и Аргентине, а затем описывает путешествие из Монтевидео на Фолклендские острова, а оттуда странствования по берегу Чили и по некоторым внутренним районам этой республики. Ионин дает хорошее географическое описание посещенных им стран и сообщает достаточно подробные для своего времени сведения об экономической, политической, общественной и частной жизни населения этих стран. Труд Ионина был переведен на немецкий язык и вызвал сочувственную оценку немецких географов.

К

Кабот Джованни (Джон) (около 1450 —1498 гг.), родом итальянец, уроженец Генуи; настоящая его фамилия была Каботто. В 1484 г. он с сыном, Себастьяном, уехал из Венеции в Англию. В 1487 г. Джон Кабот открыл вторично (после норманнов) северо-восточные части Северной Америки и исследовал устье реки св. Лаврентия. Во второе свое путешествие (1498 г.) Кабот объехал весь восточный берег Сев. Америки от Ньюфаундленда до Флориды. См. Н. К. Лебедев, «Завоевание Земли», т. II, 1947, стр. 4—5.

Кабот Себастьян, сын Джованни Кабота (1477 — 1557 гг.), совершил путешествие по всему восточному берегу Южной Америки до Магелланова пролива. По мнению профессора В. Ю. Визе, Себастьян Кабот «был очень ловкий человек. Не столько полярным плаваниям, — существуют серьезные сомнения, бывал ли он вообще в полярных странах, — сколько своему краснобайству он обязан тем, что прослыл «полярным авторитетом» и до такой степени ввел человечество в заблуждение, что географы стали считать его не только «знаменитым мореплавателем» (Норденшельд), но и «отцом полярных исследований» (Гельвальд). Тактика Себастьяна Кабота заключалась в том, что открытия, сделанные его отцом, Джоном Каботом, он стал приписывать себе. Себастьян Кабот считал необходимым изыскать путь в Индию «Северо-восточным проходом» (т. е. огибая с севера Европу и Азию). Своим планом он сумел заинтересовать богатых купцов и организовал «Общество купцов — изыскателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещенных». Это общество, впоследствии названное «Московская компания», было утверждено английским правительством, и председателем его назначен Кабот».

В. Ю. Визе, «История исследования Советской Арктики—Баренцово и Карское моря», 2-ое дополн. изд. Севкрайгиза, Архангельск, 1934, стр. 16—17; Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. II, 1947, стр. 5—8.

Кабрал (Кабрера) Педру Алвариш (около 1467 — 1526 гг.), португальский мореплаватель. В 1500 — 1501 гг. командовал эскадрой, посланной португальским правительством в Индию. Эскадра отклонилась от прямого пути, благодаря экваториальному течению, и достигла берегов Бразилии в Южн. Америке. Бразилию Кабрал объявил колонией Португалии. Затем, обогнув Африку, он через Мозамбикский пролив поплыл в Индию и достиг городов Каликут, Кочин и Кананур. Кабрал считал открытую им Бразилию частью Азиатского материка.

См. Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. I, 1947, стр. 153 — 156; Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований», перев. с англ., изд. ИЛ, М., 1953, стр. 80, 88, 98.

Кавришвили Виссарион Иванович (1895 — 1943 гг.); известный грузинский географ-гидролог; доктор географических наук; профессор и быв. заведующий кафедрой гидро-климатологии в Тбилисском государственном университете; в 1917 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по специальности «физическая география». С 1917 г. по 1927 г. работал на педагогическом поприще в различных учебных заведениях Тбилиси. В 1918 — 1930 гг. состоял ассистентом по кафедре физической географии сначала в Тбилисском политехническом институте, а затем в Тбилисском государственном университете, где работал под руководством проф. А. Н. Джавахишвили. В 1930 г. был избран доцентом, а в 1935 г. профессором Тбилисского государств. университета. С 1928 г. проф. Кавришвили работал также научным сотрудником 1-го разряда в Закавказском бюро водного кадастра. В 1929 и 1930 гг. руководил комплексными гидрологическими экспедициями в бассейнах рек Кция-Храми и Куры. С 1930 г. В. И. Кавришвили читал в Тбилисском госуд. университете курс гидрологии, заведывал им же организованным кабинетом гидрологии, и руководил работой аспирантов. В течение нескольких лет проф. Кавришвили работал также в Закавказском филиале Академии наук СССР и читал лекции по своей специальности, кроме университета, в различных высших учебных заведениях Грузии (в Кутаисском, Сухумском педагогических институтах и др.).

Перу В. И. Кавришвили принадлежат (на грузинском и русском языках) 24 серьезных научных труда, три учебника и учебных пособия и много научно-популярных работ. Из числа его трудов отметим лишь некоторые: 1) Капитальный «Справочник по водным ресурсам Закавказья (составленный при его участии и под его редакцией), изд. Госуд. гидр. института, Л., 1935, 2) «Ландшафтно-гидрологические зоны Грузинской ССР» (с картой и фотоснимками, изд. АН Грузинской ССР, Тб., 1955, посмертное издание), 3) «Физико-географическое описание бассейна реки Кция-Храми», 1931, 4) «К геоморфологии и гидрологии Джавахетии» (в сборнике «Джавахетия», изд. Закфилиала Академии наук СССР, Тиф., 1930), 5) «Библиографический указатель литературы по вопросам гидрологии и по водному хозяйству Закавказья» (составлен совместно с Риненбергом; рукопись), 6) «Селевые потоки Кахетии» (ст. в «Трудах Тбил. гос. универс.», т. IV, 1936), 7) «Гидрология за 20 лет

Советской власти в Грузинской ССР» (на груз. яз.), 8) «Особенности высокогорной зоны Юго-Осетинской автономной области» (рукопись на груз. яз.), 9) «Гидрография бассейна р. Аракс» (рукопись), 10) «Курс речной гидрологии» (потамология), Тиф. 1932 г. и др.

Кроме того, следует отметить, что проф. В. Н. Кавришвили работал в географическом обществе Грузинской ССР, одним из основателей которого он являлся; со дня существования Общества (с 1924 г.) по 1931 г. он состоял ученым секретарем его, а с 1931 г. он был членом президиума, председателем одного из научных отделов Общества и научным редактором изданий Общества.

Кант Иммануил (1724 — 1804 гг.), выдающийся немецкий философ, один из родоначальников немецкой идеалистической философии XVIII — XIX вв. Предки Канта были выходцами из Шотландии. Он родился в Кенигсберге (ныне Калининград) в 1724 г. в семье шорника. В университете родного города он преимущественно занимался математикой и философией. В 1755 г. Кант начал читать в университете лекции по математике и физике, а впоследствии, кроме математики, он стал преподавать философскую энциклопедию, физическую географию, антропологию и педагогику. Лекции Канта пользовались большим успехом; его слушателями были не только студенты, но и граждане Кенигсберга, офицеры и чиновники. Первым выдающимся трудом Канта была диссертация: «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels» («Всеобщая естественная история и теория неба»). В этом сочинении автор сделал опыт объяснения происхождения солнечной системы чисто механическим путем из первичного газообразного состояния материи, которая, будучи приведена в вращательное движение, разделяется на отдельные мировые тела вследствие центробежной силы, с одной стороны, и центростремительной силы — с другой. Эта космологическая теория, развитая впоследствии Лапласом, в истории науки получила название «Канто-Лапласовская теория происхождения мира». В своей диссертации Кант между прочим указал, что за Сатурном должны существовать еще планеты; эта гипотеза была подтверждена позднейшими открытиями.

Кант как-то высказал мысль, что «вступив на университетскую кафедру, он поставил себе, между прочим, целью издать и выработать университетский курс физической географии, очень замечательная программа которого была издана в 1757 г., и необработанные, но местами интересные обломки которого были подготовлены к печати перед его смертью, по его поручению, Ф. Т. Ринком, одним из его учеников. Его лекции физической географии имели огромный успех, привлекали многих слушателей» (Акад В. И. Вернадский, «Очерки и речи», II, Ленинград, 1932, стр. 61 — 62). В своих «Лекциях по физической географии», изданных Ринком в 1802 г. (новое издание Гедана, Лейпциг, 1922 г.), Кант дает определение географии и устанавливает ее отношение к истории. «География и история заполняют весь объем нашего познания: именно география — пространство, история — время». География и история, по мнению философа, есть описание, «но с тем различием, что история есть описание в отношении времени, а география — в отношении пространства». История касается событий, которые произошли, в отношении времени, одно после другого. География касается явлений, которые, в отношении пространства произошли одновременно. История того, что случилось в разные времена, есть не что иное, как непрерывная география. Для того, чтобы понимать и интересоваться событиями той или иной страны, замечает Кант, необ-

ходимо основательно знать ее географию. Чем же по Канту должна заниматься физическая география в тесном смысле; эта дисциплина должна заниматься «теми достопримечательностями природы», которые «возбуждают всеобщую любознательность, главным образом, благодаря прелести своей редкости или же благодаря влиянию, которое они через торговлю и промышленность оказывают на государства. Эта часть, содержащая вместе с тем естественное отношение всех стран и морей и основание их связи, есть в собственном смысле фундамент всей истории...» (цитир. у В. Сережникова в соч. «Кант», ГИЗ, М.-Л., 1926, стр. 187).

Кант высказал ряд очень интересных соображений географического характера, которые впоследствии были развиты некоторыми геологами, климатологами и географами; так, например, по мнению Канта, возникновение гор вызвало изменение в положении земной оси, вследствии чего «то, что прежде лежало в жарком климате, оказалось в умеренной или холодной зоне». Затем, Кант утверждал также, что явления трансгрессии и регрессии морей находятся в связи с перемещением земной оси (E. Kant, Verlesungen über physische Geographie. 1802. § 79). Курс физической географии Кант читал в течение сорока лет (1757 — 1797 гг.).

Кант высоко ставил образовательное значение географии; в своей книге «Лекции по физической географии» (1802 г., § 4) он говорит: «ничто так не способствует просвещению здорового человеческого разума, как именно география».

Вместе с этим, однако, нельзя не указать, что в ряде трудов Канта встречаются и неправильные, ошибочные мысли; так, напр., он в своих лекциях по географии доказывал, что географическая среда (физическая география) оказывает решающее влияние на национальный характер населения той или иной страны (на «моральную географию»), на его (населения) политику и экономику (на политическую и коммерческую географию), на религию отдельных народов (на «теологическую географию») и пр. Эти в корне ошибочные утверждения получили широкое распространение не только среди буржуазного общества XVIII — XIX вв. Германии, но и других стран, благодаря авторитету, которым пользовалась в некоторых кругах идеалистическая философия Канта.

Карелин Григорий Силыч (1801 — 1872 гг.), выдающийся русский биолог и географ, вместе с ботаником Иваном Петровичем Кириловым (1820 — 1842 гг.) совершил путешествие и исследовал (в 1839 — 1841 гг.) Алтайские горы, части Джунгарии, Заиртышья и Семиречья. Ботанические, зоологические и общегеографические результаты этого путешествия очень значительны. По справедливому замечанию С. Ю. Лифшица, «без преувеличения можно сказать, что Карелиным и Кириловым научно открыт и освещен огромнейший край» (С. Ю. Лифшиц, «Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805 — 1940); историч. очерк, М., 1940, стр. 49).

Г. С. Карелину принадлежит интересный проект научного путешествия в Охотск и оттуда Восточным (Великим) океаном в Русскую Америку и Калифорнию.

По словам С. Ю. Лифшица. Карелин и его талантливый спутник, Кирилов (безвременно погибший от холеры в расцвете своих сил, в возрасте 22 лет) вносили в путешествия «весь присущий им энтузиазм, свойственный сынам нашей родины, всю свою любовь к природе, все

великое мастерство натуралистов. Их письма (отчеты) — образцы блестящего научного литературного стиля, ландшафт и природа изученных районов встают перед читателем как живые» (С. Ю. Лифшиц, Ibid, стр. 51).

С 1852 г. до конца своей жизни Г. С. Карелин жил в городе Гурьеве. Здесь, он, как сообщает Лифшиц, «обработал результаты своих многочисленных путешествий, в том числе и совершенных по поручению и на средства Московского общества испытателей природы. Однако эти рукописи погибли. Они сгорели во время пожара бывшего в Гурьеве в 1872 г. Судя по письму, посланному Карелиным из Гурьева к одному из издателей того времени, у него были приготовлены описания следующих путешествий; 1) путешествия по Башкирии — 2 тома, 2) путешествия по Киргизии — 3 тома, 3) путешествия по Туркмении и северо-западным границам Персии — 3 тома, 4) путешествия по северо-западным границам Китая — 3 тома. Больной и старый Карелин не выдержал этой величайшей для себя и, несомненно, для науки потери и вскоре скончался» (С. Ю. Лифшиц, Ibid, стр. 54 — 55).

О Г. С. Карелине см. также труд В. И. Липского, «Григорий Силыч Карелин (1801 — 1872), его жизнь и путешествия», СПБ, 1905 г. и С. И. Огнева, «Очерки экологии млекопитающих», изд. МОИП, М., 1951, стр. 6—8.

Кемучян Еремия Челеби (1637 — 1695 гг.), армянский историк и географ, жил и работал в Константинополе. Ему принадлежат следующие труды: «История Константинополя», «История Турции», «География Армении, Передней Азии и Индии» (с картой).

Кеплер Иоганн (1571 — 1630 гг.), выдающийся немецкий астроном и космограф, один из основоположников современной астрономии и механики; сторонник системы Коперника, которую он обосновал теоретически; ему принадлежит открытие трех основных законов движения планет. Кеплер доказал, что движение планет неравномерно — оно тем быстрее, чем планета ближе к солнцу, и что оно происходит по эллипсам, а не по кругам»... Ньютоновский закон тяготения уже содержался во всех трех кеплеровских законах, а в третьем даже ясно выражен (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 9, примечание).

Кецховели Николай Николаевич (род. в 1897 г.), известный грузинский геоботаник и фитогеограф, знаток флоры Кавказа вообще и флоры Грузинской ССР в частности; сын выдающегося картлийского плодовода и селекционера-практика, Нико(лая) Кецховели; действительный член Академии наук Грузинской ССР, быв. ректор Тбилисского государственного университета, председатель президиума Грузинского альпинистического общества, заслуженный деятель науки, доктор биологических наук; среднее образование получил в тбилисской грузинской гимназии, а высшее в Тбилисском университете, который окончил в 1926 г.

Проф. Кецховели научную работу начал с 1921 г. в Тбилисском ботаническом саду под руководством проф. А. И. Жуковского (ныне академик). В этот период своей деятельности Кецховели посвятил себя изучению сорной растительности Закавказья и размещения культурной флоры в Картли. Неоднократно принимал он деятельное участие в ботанических экскурсиях и экспедициях под руководством покойного профессора З. Канчавели, а равно в экспедициях организованных географическим обществом Грузинской ССР в районах западного Кавкасиони (Кавказского хребта).

Результатом этих экспедиций были следующие труды Кецховели: 1) «Вертикальное распространение некоторых сорно-полевых растений по Кавказскому хребту. Материалы для изучения сорно-полевой растительности в Сванетии» (Тиф. 1926) и 2) «В снежных горах» (на грузинском языке талантливо написанный научно-популярный очерк; Тиф., 1927).

В 1925 г. Н. Н. Кецховели был избран членом президиума географического общества Грузинской ССР, а также членом альпинистической секции того же общества.

По поручению управления водного хозяйства Грузинской ССР, он произвел геоботаническое обследование Верхней Картли; результатом этой работы явилась монография «Основные типы растительного покрова Верхней Картли», а равно геоботаническая карта того же района.

С 1929 г. Н. Н. Кецховели начал научно-педагогическую работу — чтение лекций по общей ботанике и фитогеографии. Тогда же он был приглашен в Грузинский институт полеводства на должность старшего специалиста. По поручению дирекции этого Института Кецховели руководил геоботанической экспедицией по изучению нагорных пастбищ Марнеульского района Грузии.

В 1930 г. он назначается деканом агробиологического факультета Тбилисского государственного университета.

В следующем (1931) году Кецховели руководил экспедицией по изучению каучуконосных растений в южной части Кавказа.

С того же года он был назначен заведующим кафедрой ботаники в педагогическом и сельскохозяйственном институтах. В 1933 г. Н. Н. Кецховели назначается заместителем декана естественного факультета Тбилисского госуд. университета, а в 1934 г. он был назначен деканом того же факультета. В 1935 г., после преобразования естественного факультета в биологический, Кецховели был назначен деканом последнего.

В 1933 г. Н. Н. Кецховели был приглашен в Грузинский филиал Академии наук СССР на должность заведующего сектором геоботаники, а в 1934 г. на должность заместителя директора Тбилисского ботанического сада.

В 1937 г. Н. Н. Кецховели на предмет соискания ученой степени доктора биологических наук представил диссертацию на тему: «Основные типы растительности Грузии и происхождение высокогорных степей Кавказа»; после защиты этой диссертации Ученый совет Тбилисского государственного университета присудил ему искомую ученую степень. В том же (1937) году Кецховели был назначен заведующим учебной частью в Тбилисский сельскохозяйственный институт.

В 1941 г., после организации в Грузинской ССР Академии наук, Н. Н. Кецховели единогласно был избран действительным членом этой Академии. В Академии наук Грузинской ССР он последовательно занимал следующие должности: председателя отделения сельскохозяйственных наук (1942 г.) и вице-президента (с 1943 г.). В 1945 г. академик Кецховели назначается ректором Тбилисского государственного университета.

Перу Н. Н. Кецховели принадлежит (на грузинском и русском языках) свыше 70 трудов, из которых назовем лишь след.: 1) „საქართველოს მცენარეულობის ძირითადი ტიპები“ («Основные типы растительности Грузии»), Тиф., 1935 г. — XXX+438 с картой — в масштабе

1:400000; 2) «Происхождение высокогорных степей Кавказа», Тиф., 1937. Кроме того, Н. Н. Кецховели является автором ряда научно-популярных книг, как, напр.: 1) «В горах и на равнинах», Тб., 1948; 2) «Дикие плоды» (превосходно написанная и очень хорошо изданная книга в 1950 г.). Большинство трудов акад. Кецховели написано на грузинском языке.

Кирилов Иван Кириллович (1689 — 1737 гг.), известный русский картограф, географ и статистик XVIII века; особенно увлекался картографией и сделал очень много полезного в этой области. Вот как характеризует Кирилова его современник, П. И. Рычков, автор известного труда «Топография Оренбургской губернии» (1762 г.): «Что касается до происхождения оного Кирилова, то он хотя незнатной природы был, но прилежными своими трудами и острым понятием в канцелярии Правительствующего сената из самых нижних чинов порядочно происходя, еще при жизни... императора Петра Великого в чин сенатского секретаря произведен, и при разных случаях имел счастье достоинство свое со многим его императорскому величеству удовольствием засвидетельствовать, а особливо имевшегося у него натуральною охотою к ландкартам и географическим описаниям. И понеже он первый взял на себя труд всероссийские ландкарты собирать и через обретающихся при сенате геодезистов атлас Российской империи и генеральную российскую ландкарту сочинять, то за оное яко же и за другие при канцелярии Правительствующего сената прилежные и достойные его труды во время... императрицы Екатерины Алексеевны обер-секретарем сенатским произведен... Сциенции схоластической хотя никакой не учил и основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук, а особливо математики, механики, истории, экономии и металлургии, не жалея при том никакого своего труда и иждивения. Впрочем, хотя он разные человеческие недостатки и пороки имел и в том яко человек будучи при порученной ему комиссии пострадал и тем разные на себя нарекания навлек, но сию правду поистине надлежит ему отдать, что он о пользе государственной, сколько знать мог, прилежное имел попечение, и труды к трудам до самой своей кончины прилагал, предпочитая интерес государственный паче своего, и яко он оренбургской новой линии, которою не только вся Башкирь ныне ограждена, но и вся Казанская губерния и не малая часть Сибирской от степных народов прикрыты, он первый действительное основание положил» (П. И. Рычков, «История Оренбургская» (1730 — 1750); изд. Оренбургского губерского статистического Комитета, под ред. Н. М. Гутьяра, Оренбург, 1896, стр. 28 — 29).

Кирилов, говорит К. А. Салищев, использовал для своего атласа Российской империи «многочисленные материалы съемочных работ петровского и послепетровского времени, привлекая для зарубежных территорий оригинальные иностранные карты. Его план был необыкновенно широк. Кирилов намеревался выпустить свой атлас в 3-х томах, по 120 листов в каждом...» (К. А. Салищев, «Основы картоведения», Историческая часть, М., 1943, стр. 152). Кирилов успел издать в 1726 — 1734 гг. лишь первую часть задуманного труда под заглавием «Atlas imperii russici».

Заботе И. К. Кирилова очень мешали некоторые его недруги и завистники; к их числу нужно отнести астронома Делиля. Французский академик, астроном и картограф, Иосиф Делиль, приглашенный в русскую Академию наук для астрономических наблюдений, стал интригo-

вать против И. К. Кирилова и всячески тормозил издание Генеральной карты России. Дабы подорвать доверие к русскому картографу, Делиль умышленно искажал на отдельных листах карты Кирилова топографические и географические показатели. Впоследствии обнаружилось, что этот французский академик, тайно, без ведома русского правительства, отправлял в Париж морскому министру, в подлинниках и в копиях наиболее ценные карты, исполненные русскими геодезистами и картографами.

И. К. Кирилов предполагал также составить и издать экономические карты: для достижения этой цели он требовал от геодезистов подробных сведений: «О городах, пригородах, селах и деревнях, в коих есть торги и ярмарки, где город каменной, или деревянной, или земляной, и какого строения: каменного или деревянного больше, и в чем довольство, и какие торги и промыслы и заводы имеются, или где железные и иные заводы и пристани водяные; также и вновь построенные села, сельца, деревни, мельницы и всяки заводы и прочее подобное. О чем и всем через обывателей уведомясь записывать; ибо хотя в ландкартах означаются города, слободы, села и деревни, однакож без описания не известно, что есть из них знатное и к ведению достойное» («Инструкция геодезистам 1731 г.» — К. А. Салищев, там же).

«Кроме картографии, говорит М. С. Боднарский, Кирилов занимался вопросами экономической географии, и в этом отношении он был у нас новатором. В 1727 г. он написал очень интересный статистико-географический труд под заглавием: «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начало привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец Отечества. Собрано из подлинных сенатских архивов», остававшийся неизданным до 1831 г. (издал Погодин). В первой части описаны центральные губернии и западные окраины, во второй — губернии восточной и северной окраин. Труд этот был сводкой официальных сведений, имевшихся в Сенате, коллегиях и канцеляриях... (М. С. Боднарский, «Очерки по истории русского землеведения», I, изд. Академии наук СССР, 1947, стр. 91).

В этом сочинении Кирилов дает интересные сведения о двенадцати областях России. Особенно ценные данные он приводит о караванной торговле с Хивой, о заселении Камчатки русскими землепроходцами и мореходами. Кроме того, Кирилов описывает города того времени, укрепления, состояние торговли, торговые пути, промысловые занятия населения и т. д.

По словам М. В. Птухи, Кирилов не только собрал ценные материалы, но и привел их в известную систему, в результате чего получилось такое детальное и конкретное описание страны, которого не имело ни одно государство в те времена. В частности он первый представил государственные достопримечательности в табличной форме, заслугу чего... неправильно приписывают датскому ученому И. П. Анхерсену, который издал свой труд в 1741 году, в то время как И. К. Кирилов написал свою работу в 1726 — 1727 гг.» (М. В. Птуха, «Очерки по истории статистики XVII — XVIII веков», Госполитиздат, М., 1945, стр. 286).

Таким образом, Кирилова можно считать первым русским экономико-географом. Такого же мнения держатся Л. Е. Иофа в своей книге «Современники Ломоносова — И. К. Кирилов и В. Н. Татищев» (Географгиз, М., 1949, стр. 6) и Н. П. Никитин в своей ценной статье «Зарождение экономической географии в России» (Обзор материалов

XVIII в.) (статья Никитина помещена в 17-ом сборнике «Вопросы географии», Госуд. изд. географич. литературы, М., 1950, стр. 46 — 49).

О Кирилове см. труд Д. М. Лебедева «География в России петровского времени», изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 309 — 314; 247 — 252, а так же труд М. В. Птухи, «Очерки по истории статистики в СССР», т. I, изд. АН СССР, М., 1955 ,стр. 63 — 70, 115, 165, — 174.

Кирхгоф Альфред (1838 — 1907 гг.), известный немецкий географ; родился в Эрфурте—главном городе живописной Тюрингии. По окончании гимназии в 1858 г., он поступил на юридический факультет Иенского университета; но юриспруденцию он вскоре забросил и обратился к изучению естественных наук и в частности к изучению ботаники. В 1861 г. Кирхгоф в Бонне защитил диссертацию по ботанике. Кроме естествознания, он усердно занимался изучением истории и классических языков. Впоследствии, после выдержания соответствующего экзамена («pro facultate docendi»). Кирхгоф получил право преподавания истории и древних языков в средних учебных заведениях. В течение своей жизни он был учителем сначала реальной гимназии в Мюльгейме, затем в эрфуртской реальной гимназии и в промышленном училище в Берлине и, наконец, профессором в Галле. В берлинском промышленном училище Кирхгоф преподавал географию и настолько хорошо поставил дело, что на него обратили внимание и пригласили читать лекции по этому предмету в Берлинской военной академии. В 1865 г. он напечатал небольшую монографию на тему: «Идея метаморфозы растений у Вольфа и Гете». Через шесть лет после этого (в 1871 г.) Кирхгоф напечатал свою первую статью по методике географии: «К вопросу о применении Риттеровского метода к преподаванию географии». В 1873 г. Кирхгоф получил кафедру в Галле. Лекции талантливого профессора пользовались неизменным успехом и привлекали все большее и большее количество слушателей со всех факультетов, но особенную популярность приобрели публичные лекции Кирхгофа, благодаря его своеобразному красноречию и обширным знаниям. Один из учеников Кирхгофа, профессор Вилли Улэ, вспоминая эти лекции говорит: «проникнутые воодушевлением, сидели мы перед ним с напряженным вниманием, ловя каждое его слово. Речь Кирхгофа не текла сама собою с языка; он говорил медленно и взвешивал каждое слово. Вот именно эта особенность речи и делала из него блестящего оратора: каждое его слово было обдумано, речь отличалась ясностью и совершенством формы. Так говорит только тот, кто вполне владеет предметом и усердно готовится к своим лекциям». Много и плодотворно работал проф. Кирхгоф в «Обществе землеведения» в Галле, которое он возглавлял с 1876 г.; принимал он также деятельное участие почти на всех съездах немецких географов и состоял членом многих географических обществ. Кроме методологических и методических трудов («Руководство к изучению землеведения и народоведения Германии», «Человек и земля в их взаимоотношениях», «О методике преподавания политической географии в средней школе» и др.), Кирхгофу принадлежит ряд изданий, в которых сотрудничал, кроме его самого, ряд выдающихся географов; к числу таких изданий относятся «Общее землеведение», «Землеведение Европы», «Библиотека Страноведения» и т. д. Первая часть «Общего землеведения» описывает землю, как целое, ее атмосферу и гидросферу (автор проф. И. Ган); во второй части даются сведения о «Твердой оболочке земли и ее формах» (автор проф. Э. Брюкнер); третья часть, написанная проф.

А. Кирхгофом, говорит о «Географическом распространении растений и животных».

Некоторые сочинения Кирхгофа носят печать узкого немецкого национализма, вульгарного «географического материализма», а равно пангерманизма и империалистических вожделений (см., напр., его брошюру «К вопросу о том, что называть нацией и национальностью» («Zur Verstдndigung ьber die Begriffe Nation und Nationalitдt», Halle, 1905); или, напр., книжку «О немецких колониях» («Schutzgebiete des Deutschen Reiches»).

Клавихо, Рюи Гонсалес[1], известный испанский (кастильский) путешественник, один из участников первого (1394 г.) и второго (1403 г.) посольств, отправленных Генрихом III Кастильским ко двору Тамерлана (Тимура). Рюи Гонсалес Клавихо вел дневник путешествия, в котором автор с редкой наблюдательностью подметил местные обычаи и очень живо описал их; кроме того, он сообщил ценные сведения об огромной империи нового завоевателя Передней Азии, Тамерлана. Посольство ехало по следующему маршруту: Кадикс — Сицилия — Родос — Самос — Хиос — Константинополь — Черное море — Трапезунд (Трабзон) — Эрзинджан (Арцинган) — Эрзерум-Хой-Тебриз (Тагриз) — Султание — Нишапур — Термид — Железные ворота (Derbante-ed puertas de fierro) — Самарканд. В своем дневнике путешественник рассказывает обо всем том, что привлекло его внимание; так, напр., на него сильное впечатление произвели торговые города Тавриз и Султание. Тавриз, по описанию Клавихо, город с многочисленным населением (до 200 тыс. жителей), богатый с разнообразными товарами, особенно жемчугом, шелковыми и бумажными тканями, душистым маслом; в Тавризе имеется огромный дом из 20 тысяч комнат, построенный султаном Увейсом (1356 — 1374 гг.) из династии Джеланридов, в этом городе путешественник видел и генуэзских купцов. Султание, резиденция Миран-шаха, старшего сына Тамерлана, по словам Клавихо, славилась торговлей драгоценными камнями и жемчугом, который привозили из Ормуза, шелковыми тканями из Шираза, Иезда, Гиляна, Шемахи, хлопчатобумажными тканями из Хорасана, пряностями из Индии и Молуккских островов и другими товарами, привозимыми караванами из Багдада, Сирии, Турции и других стран. О Самарканде, столице Тамерлана, Клавихо пишет следующее: «... Так изобилен и богат этот город и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться... Богатство его заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях, атласе, которых там делается очень много, подкладках из меха и шелка, в притираниях, пряностях, красках — золотой и лазоревой — и в разных других произведениях... Весь город окружен садами и виноградниками... Столько здесь садов и виноградников, что, когда приезжаешь к городу, то видишь лес из высоких деревьев и посреди его город...».

Во время своего путешествия Клавихо обращал внимание и на географические особенности тех или иных мест; так, об острове Ивисе он пишет: этот остров «почти весь лесистый, покрыт крупным и мелким лесом и сосновыми борами». Клавихо заносит в свой дневник и тот факт, что во время плавания в районе Липарских островов внимание путешественников привлекло зарево над вулканическими остро-

[1] Год рожд. неизв. — ум. 1412 (БСЭ, т. 21, стр. 349). — Ред.

вами: Страноли (Стромболи) и Вулкано и т. д. Г. Клавихо даны также интересные сведения о северных частях Малой Азии и о Грузии.

Подлинный текст (с переводом на рус. яз. и с примечаниями) дневника «Путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403 — 1406 гг. Рюи Гонзалес де-Клавихо» опубликовал И. И. Срезневский в 1881 г. (в Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 28, № 1—3). См. также ст. Н. Веселовского в «Журн. министерства народн. просв. за 1882 г.», № 11-й; статью К. Кунина «Кастильский посол Рюи Гонсалес де-Клавихо» в журн. «Наша страна», 1940, № 3-й, март, стр. 28—33; статью акад. Ф. И. Успенского, «Трапезундская империя» в журн. «Анналы», 1924, Петербург, кн. IV, стр. 20 — 33.

Клювер Филипп (1580—1622 гг.), уроженец города Данцига; долгое время жил в Голландии, в период развития торгового и колониального могущества этой страны, он много путешествовал по Европе и сумел создать для своего времени интересный труд (на латинском языке) по историческому страноведению под заглавием: («Introductio in universam geographiam, tam veterem, quam novam libri VI», Leiden, 1624). Еще раньше Клювер опубликовал свои сочинения по исторической географии о древних германцах (1616 г.), о древней Сицилии (1619 г.) и о древней Италии (1624 г.).

По определению Клювера, география есть описание всей земли, какая только известна человеку («geographia est terrae universae quatenis nobis cognita est descriptio»). География, по его взгляду, состоит из следующих двух основных частей: 1) из математической географии вместе с физической и 2) географии исторической. Последнюю автор разработал более подробно; так, напр., при описании Германии он уделил физическим условиям этой страны всего три страницы, а описанию государств и городов 54 страницы.

О Ф. Клювере см. проф. В. А. Танаевский, «Обзор развития экономико-географической мысли»; вып. 1-й; изд. Вятского педагогического института, 1927, стр. 14—15; P. H. Schmidt, «Wirtschaftsforschung und Geographie». Iend, 1925, S. 14) J. Partsch, «Philipp Cluver, der Begrьnder der historischen Lдnderkunde», статья в «Geogr. Abhandlungen» hrsg. v. A. Penck. 1891. Heft 3. S. 42 f. f.

Книпович Николай Михайлович (1862 — 1939 гг.), выдающийся русский биолог, зоолог, зоогеограф и гидролог; учился в Петербургском (Ленинградском) университете, который окончил в 1886 г. В бытность свою студентом принял участие (в 1885 г.) в экспедиции по исследованию сельди в нижнем течении Волги. В 1887 г., в связи с делом социал-демократической группы Д. Н. Благоева, был арестован и посажен в тюрьму, а затем в течение пяти лет находился под гласным надзором полиции. С 1887 г. по 1892 г. Книпович работал по исследованию биологических и гидрологических условий Баренцова и Белого морей на Мурмане и на Соловецкой биологической станции. В 1893 г. он был избран в приват-доценты Петербургского университета. В 1893 — 1894 гг. принял участие по исследованию Северного Ледовитого океана и Баренцова моря. Результатом этих исследований явился серьезный труд «Положение морских рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии». В 1894 г. Книпович был приглашен на работу в зоологический музей Академии наук. Через два года (в 1896 г.)

он вновь подвергся аресту,что помешало ему принять участие в экспедиции Академии наук на Новую Землю. В 1898 — 1901 гг. Книпович руководил научно-исследовательской экспедицией на Мурмане. В 1899 г., в связи со студенческими волнениями, он был уволен из Петербургского университета. С 1904 г. Книпович возобновил педагогическую деятельность и стал читать лекции по зоологии на Высших женских курсах имени П. Ф. Лесгафта, в 1-й Высшей вольной школе, на педагогических курсах С.-Петербургского фребелевского общества, в психоневрологическом институте, в медицинском институте, на одногодичных Высших педагогических курсах. Кроме того, он преподавал естествознание в средней школе и читал научно-популярные лекции для учителей, рабочих и широкой публики; эти лекции пользовались неизменным успехом. Наряду с педагогической работой, Книпович по-прежнему продолжал вести энергичную научно-исследовательскую работу; так, в 1904 г. он произвел исследование Каспийского моря. В 1908 г. Книпович возглавлял экспедицию по изучению Балтийского моря. В 1921 г. он снова работал на Мурманской биологической станции. В 1922 — 1927 гг. он стоял во главе Азовско-Черноморской экспедиции, которой было поручено изучить вопрос о причинах падения улова рыбы и установить пути восстановления промыслов Азовского моря. В 1931 — 1937 гг. Книпович принимал участие в организации исследовательских работах на Каспийском море.

По справедливому замечанию академика Л. С. Берга, Н. М. Книпович «был человек изумительной энергии, несравненной работоспособности и всеобъемляющих знаний. Широта научного горизонта Книповича не менее изумительна, чем его способность давать синтез гидрологии и зоологии в капитальных трудах, обогативших наше познание природы и давших мощный толчок к использованию естественных ресурсов наших морей... Книпович был человеком высоких нравственных качеств. Твердые принципы революционной морали, усвоенные им еще в молодые годы, он донес в неприкосновенности до последнего дня жизни. Несмотря на свой высокий авторитет и всеобъемлющие знания в области естественных наук, он был скромным, доступным человеком. Николай Михайлович Книпович был общепризнанным патриархом и учителем русских гидрологов, ихтиологов и научно-промысловых исследователей, красой и гордостью нашей науки. Это был крупнейший исследователь моря, ученый мирового масштаба, и имя его навсегда останется записанным в историю изучения наших вод» (Академик Л. С. Берг, «Почетный академик Николай Михайлович Книпович», статья в «Вестнике Академии наук СССР», 8, август, 1950, издательство АН СССР, стр. 82, 83). В. И. Ленин очень высоко ценил Н. М. Книповича и как ученого и как человека и отозвался о нем так: «Н. М. Книпович не только научная сила первого ранга, но и безусловно честный человек» («Ленинский сборник», т. XXIII, М., 1933, стр. 167). Перу Книповича принадлежит целый ряд серьезных научных трудов, из которых назовем лишь следующие: 1) «Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана» в «Записках по общей географии Русского географич. общества»; т. 42, вып. 2, 1906, 2) «Гидрологические исследования в Каспийском море в 1914 — 1915 гг.» в «Трудах Каспийской экспедиции 1914 — 1915 гг.», 1, 1921, 3) «О термических условиях Баренцова моря в конце мая 1921 г.» в «Бюлл. Российского гидрологического института», № 9, 1921, 4) «Каспийское море и его промыслы; очерк природы и промыслов русских морей», Берлин, 1923, 5) «Очерк работ Азовско-Черноморской научно-промысловой экспедиции в 1925 г.» в кн. «Гос. гидрологич. институт исследования морей СССР», вып. 3, Л., 1926, 6) «Из гидрологии солоноватых вод СССР» в «Изв. гос. гидролог. инст.», № 24, Л., 1929, 7) «Вертикальная циркуляция и распределение кислорода в морях Черном и Каспийском» в «Изв. гос. гидролог. инст.», № 31, 1930, 8) «Гидрологич. исследования в Азовском море» в «Трудах Азовско-Черноморской н.-промышл. экспедиции», вып. 5-й, М., 1932, 9) «Гидрологические исследования в Черном море», там же, вып. 10, М., 1933, 10) «Гидрология морей и солоноватых вод (в применении к промысловому делу)», М.-Л., 1938; изд. «Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии» и др. Последний труд заслуживает особенного внимания как по богатству материала, так равно и по прекрасному изложению основных теоретических и практических вопросов гидрологии в применении к промысловому делу.

О Н. М. Книповиче см. БСЭ, 2-ое изд., т. 21, стр. 477 — 478.

Ковалевский Егор Петрович (1811 — 1868 гг.), русский исследователь центральной Африки, родился в селе Яротовке близ Харькова; в 1829 г. он окончил Харьковский университет, затем служил в Горном департаменте; в 1839 г. работал в Черногории, о которой написал книгу «Четыре месяца в Черногории». В 1839 — 1940 гг. участвовал в походе генерала Перовского в Хиву; в 1847 г. египетский хедив, Магомет Али, пригласил Ковалевского для производства геологических изысканий в Египте и Абиссинии. Он поднялся вверх по Нилу и проник в центральную Африку до истоков реки Тумат. Отсюда путешественник предпринял экспедицию в неизвестные тогда еще районы Африки. Ковалевский был первым из русских путешественников, исследовавших и описавших Абиссинию. После путешествий по Африке он побывал в Китае. От 1856 г. до 1962 г. Ковалевский состоял вице-председателем Русского географич. общества.

Один из старых биографов Е. П. Ковалевского, М. П., характеризует его следующими словами: «Студент-словесник в Харькове, горный инженер на золотых приисках и заводах Сибири, дипломатический агент в Китае, Черногории, Нубии и Египте; директор азиатского департамента в министерстве иностранных дел, и независимо от всего этого, а частию и благодаря этому, — даровитый литератор-путешественник и исторический писатель; наконец, главный деятель в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым: вот те роли и поприща, где суждено было Е. П. Ковалевскому оставить по себе следы, очень характерные и симпатические, оригинальные и живые, каким он был сам» («Е. П. Ковалевский», Биографический очерк П. М. в книге «Странствователь по суше и морям», в 4-х частях; с биографическим очерком и портретом автора, СПБ, 1871, стр. 2).

Е. П. Ковалевский так же, как и все выдающиеся русские путешественники и исследователи, очень гуманно относился к отсталым в культурном отношении народам.

В докладе, прочитанном в Русском географическом обществе 12 января 1849 г., он сказал: «я весьма далек от того, чтобы быть слепым защитником негров, но я защищаю человека, у которого хотят отнять его человеческое достоинство. Устройство тела и мозга у негра таково же, как и белого ...».

Е. П. Ковалевскому принадлежит ряд ценных трудов, из которых наиболее важны след. 1) «Странствователь по суше и морям», СПБ, 1871, в 4-х частях, ч. 1-ая — Ташкент; ч. 2-ая — Афганистан; ч. 3-ья

— Карпаты и часть 4-ая Нижний Дунай и Балканы, 2) «Путешествие во внутреннюю Африку» (1849 г., в 2-х частях), 3) «Путешествие в Китай» (1853 г.). Сочинения Е. П. Ковалевского были изданы в 1871—1872 гг. И. И. Глазуновым в пяти томах, в 3-м томе этого издания помещен «Странствователь по суше и морям», с биографическим очерком и портретом автора.

Сведения о жизни и деятельности Ковалевского можно найти в журнале «Вестник Европы» (1868, № 10); в газете «СПБ Ведомости» (1868, № 285); в труде Г. Геннади «Краткие сведения о русских писателях и ученых» («Рус. Архив», 1870, стр. 2025 и след. См. также «Воспоминания» П. В. Анненкова, СПБ, 1877, стр. 329 и сл.; соч. И. Н. Бабкова, «По Африке», Географгиз, М., 1949, стр. 7—36, ст. Н. А. Гвоздецкого, «Русские исследования Африки», журн. «География в школе», 1949, стр. 1—8; его-же «Путешествие в внутреннюю Африку» (ст. в журн. «Природа», 1950, № 5, стр. 76 — 79, с картой); об Е. П. Ковалевском см. статью Ивана Панайотова под заглавием «Пътуването на Ковалевски из Африка» в болгарском географическом журнале «Страни и народи», 1950, кн. 7; Държавно издательство «Наука и искуство», стр. 16—19; М. П. Забродская, «Русские путешественники по Африке», Географгиз, М., 1955, стр. 12 — 18.

Козлов Петр Кузьмич (1863 — 1935 гг.), выдающийся путешественник, исследователь Центральной Азии, ученик великого русского путешественника Н. М. Пржевальского, с которым он совершил первое свое путешествие в 1883 г. «С этой экспедицией Козлов прошел поперек Гоби, вдоль северной окраины Тибета и по бассейну реки Тарима, обнаружив не только глубокий интерес к делу, но и высокое мужество при отбитии шаек тангутов на истоках Желтой Реки» (Хуанхэ). В 1888 г. Козлов принял участие в пятой экспедиции Н. М. Пржевальского. За смертью последнего в самом начале экспедиции руководство его принял полковник Певцов, в сообществе с которым Козлов в течение 1889 — 1896 гг. посетил северную часть Тибета, Восточный Туркестан и Джунгарию. Во время этой экспедиции Козлов совершил целый ряд географических экскурсий и обследований и собрал ценную зоологическую коллекцию. За эти работы Русское географическое общество наградило его медалью имени Пржевальского. В 1893 г. вместе с Роборовским П. К. Козлов отправился в новую экспедицию для исследования Нань-Шаня и северо-восточных районов Тибета. Эта экспедиция, вследствие болезни ее начальника — Роборовского, была закончена под руководством Козлова (в 1895 г.). В 1899—1901 гг. состоялась новая тибетская экспедиция, давшая ценные исследования природы и малоизвестных и вовсе неизвестных племен, населяющих верховья рек Хуанхэ, Янцзы (Чанцзян) и Меконга. Во время этой экспедиции Козлов проник в почти неисследованную высокогорную альпийскую страну с чрезвычайно расчлененной поверхностью — в страну Кам, путешествие по которой было сопряжено с большими трудностями не только потому, что оно требовало огромного напряжения всех сил для преодоления расчлененной поверхности страны, но и потому, что местное население очень недоверчиво относившееся к путешественникам, не раз прибегало к враждебным действиям против последних. Здесь П. К. Козлов открыл неизвестный до того времени европейцам горный хребет, который он назвал Хребтом Русского географического общества. Этот хребет исполинской стеной тянется с юго-востока на северо-запад километров на 700, служа водоразделом между бассейнами Янцзы и Меконга. «Дикие ущелья Кама и Восточного Тибета, писал П. К. Козлов в 1927 г., останутся в моей памяти навсегда одним из лучших воспоминаний моей странической жизни... Ни в одну мою экспедицию, пожалуй, не удалось привезти такой большой и разнообразной естественно-исторической коллекции, таких интересных этнографических сведений о диких племенах Тибета, как именно в это Камское путешествие». Свое путешествие в 1899 — 1901 гг. Козлов описал в изданном Русским географическим обществом сочинении «Монголия и Кам» (первое издание 1905 г. и 1906 г.; второе сокращенное издание ОГИЗ'а под ред. В. П. Козлова 1947 года, М.). Географическое общество присудило ему Константиновскую золотую медаль. В 1907 г. Козлов предпринял новую двухлетнюю так называемую «Монголо-Сычуанскую экспедицию» с целью исследования Средней и Южной Монголии, изучения Кукунорской области и северо-западного Сычуаня. Во время этой экспедиции, кроме богатых геологических, ботанических и зоологических коллекций, собрана была превосходная этнографическая коллекция, состоящая из предметов, характеризующих буддийский культ и китайскую старину. В низовьях Эцзингола Козлов нашел «Мертвый город — Хара-Хото (столицу некогда сильного государства Си-Ся[1]), в развалинах которого было найдено большое количество предметов старины — древние книги, свитки рукописей, картины, статуэтки, бумажные деньги, предметы обихода и др. Это свое путешествие Козлов описал в труде «Монголо-Сычуаньская экспедиция Русского географического общества в 1907 — 1909 гг.». Во внимание к выдающейся деятельности Козлова географическое общество избрало его своим почетным членом (1910 г.). Почти одновременно с этим избранием Английское и Итальянское географические общества присудили Козлову большие золотые медали. Спустя некоторое время Козлов был избран почетным членом Венгерского географического общества.

В 1923 — 1924 гг. П. К. Козлов предпринял новую экспедицию, во время которой он посетил Северную Монголию, бассейн, реки Толы, Хан-Хай, Монгольский Алтай и район Хара-Хото[2]. Экспедиция собрала богатые исторические и естественно-исторические коллекции.

П. К. Козлов в своем «Кратком отчете о Монголо-Тибетской экспедиции — Северная Монголия» (вып. 3, 1928, стр. 41 — 43) следующим образом подытожил результаты этой экспедиции: 1) В северной Монголии, в Хэнтейских горах, открыты и исследованы глубокие могилы двухтысячелетней давности; 2) Отрядами экспедиции пройдено с маршрутно-глазомерной съемкой 3500 км пути. Съемка опиралась на астрономические и частые гипсометрические пункты; 3) Изучен Южный Хангай, степные и пустынные части Монголии вплоть до Хара-Хото; 4) Исследованы озера, измерены их глубины, собраны их флора и фауна; 5) Проведены многочисленные метеорологические наблюдения, особенно интересные в местах длительных стоянок; 6) Собраны многочисленные коллекции: млекопитающих 60 видов (600 экземпляров), среди них оказался замечательный тушканчик из Хара-Хото редкий Salpingotus Kozlowi; птиц — 300 видов (2000 экземпляров), гнезд с яйца-

[1] Государство Си-Ся или Тангутское в Центральной Азии возникло в 1032 г. и было разгромлено монголами в 1226 г.

[2] См. П. К. Козлов, Путешествие в Монголию 1923 — 1924. Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой; под редакцией и вступительной статьей Э. М. Мурзаева, Географгиз, 1949, «Зап. Всесоюз. географич. общества», новая серия, т. 7-й.

ми (40). Собраны и привезены также рыбы, пресмыкающиеся и земноводные. Коллекция насекомых насчитывает до 30000 экземпляров; 7) В Северной Гоби проведены раскопки палеонтологического материала и собраны остатки третичных позвоночных: носорогов, жирафов, трехпалой лошади, коз, оленей, грызунов и гиены; 8) Проведены этнографические наблюдения. Открыты и сфотографированы древние погребения, развалины и другие памятники старины с рисунками и письменами. Произведены дополнительные раскопки города Хара-Хото в низовьях Эдзин-гола (Эцзин-гола); 9) Исследованы минеральные источники — аршаны; открыт водопад на речке Улан, низвергающий свои воды в базальтовый каньон Орхона; 10) Произведены фотоснимки 300 объектов: ландшафтов, предметов этнографии и археологии. Эта экспедиция П. К. Козлова в Монголию имела большое значение и в том отношении, что она с несомненностью установила «проникновение греческой культуры в далекую Азию. Вывезенные из могильников около города Ноин-Ула замечательные ковры с изображением зверей доказывают существование на территории Монголии культуры скифо-сибирского типа, со следами греческого влияния; не менее замечательны ткани с изображением, напр., всадников, так похожих на скифов или сарматов, напоминают ткани греческие, и есть мнение, что место производства этих тканей — одна из греческих колоний северного побережья Черноморья.... Другие найденные там же вещи частью могут считаться привезенными и частью являются продуктом греческого влияния на местное производство».

(В. Бузескул, «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (Материалы), ч. II-ая, Л., 1931, стр. 175. Изд. Академии наук СССР). Такого же взгляда держится и С. Н. Киселев, который в своей статье «25 лет советской археологии» пишет: «Несмотря на сильное китайское влияние, открытая известным русским путешественником П. Козловым в курганах Ноин-Ула (Сев. Монголия) культура хунну (гуннов), обнаруживает свою коренную связь с более древней «скифообразной» культурой. Вместе с тем характерные особенности искусства хунну — прежде всего украшение излюбленных изображений борьбы зверей многокрасочной инкрустацией или аппликацией — заставляют делать сопоставление с сарматским художеством» (см. сборник статей «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», под ред. акад. В. П. Волгина, акад. Е. В. Тарле и члена-корресп. Акад. наук СССР А. М. Панкратовой, — Инст. истории, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1942 стр. 47).

Из курганов Ноин-Ула, раскопанных П. К. Козловым, наиболее богатым находками оказался шестой курган. Советский ученый, А. Н. Бернштам, в своем труде «Очерк истории гуннов» (изд. Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Л., 1951, стр. 32) говорит, что ему удалось, «на основании сопоставления находок и китайских свидетельств, установить точную дату погребения в шестом кургане». В нем «похоронен гуннский шаньюй (князь) Учжулю (князь, жил 21 год, с 8 г. до н. э. по 13 г. н. э.), получивший все находившиеся в кургане драгоценности в 1 г. до н. э., во время пребывания в гостях у китайского императора Айди во дворце Шаньлинь. Таким образом, найденные П. К. Козловым вещи пролежали в земле 1911 лет, а со времени их изготовления до раскопок П. К. Козлова прошло 1930 лет».

В 1926 г. Козлов вернулся на родину. В 1927 г. он набросал проект новой экспедиции в Центральную Азию, но осуществить этот проект не удалось.

Козлов совершил пять экспедиций в Центральную Азию; впервые, как было указано выше, он отправился туда с Н. М. Пржевальским в 1883 — 1885 гг. (это была 4-ая экспедиция Пржевальского), вторично — с экспедицией М. В. Певцова в 1889 — 1890 гг., третий раз — с В. И. Роборовским в 1893 — 1895 гг., четвертый раз — во главе Монголо-Камской экспедиции в 1899 — 1901 гг., пятый раз во главе Монголо-Сычуанской экспедиции в 1907 — 1909 г.

26 сентября 1935 г. на 72 году жизни П. К. Козлов скончался.

О. П. К. Козлове см. «Люди русской науки», т. 1; ст. Г. Ф. Тимофеева «П. К. Козлов», стр. 624 — 631; Н. В. Павлов, «П. К. Козлов (1863 — —1935)», М.,1940, изд. Моск. Общ. испыт. природы. А. Ф. Петухов, «П. К. Козлов», под ред. Э. М. Муравьева, Географгиз, М., 1954, Б. Юсов, «П. К. Козлов в Тибете», ст. в журн. «Вокруг света», 1953, № 11, стр. 46 — 50. БСЭ, 2-ое изд., т. 21, стр. 545—547; В. В. Дмитриев «Русский географ и путешественник П. К. Козлов», 1951 (с библиограф.).

Колумб Христофор (1451 — 1506 гг.), знаменитый мореплаватель открывший Америку; уроженец Генуи.

По словам испанского историка Альтамира — и — Кревеа, «Колумб совершил немало плаваний на португальских кораблях и приобрел не только практические навыки в навигации, но и обширные познания в космографии. Пребывание на острове Порту Санту и беседы с мореплавателями позволили ему собрать сведения о землях, лежащих в западной части Атлантического океана, на существование которых косвенно указывали и иные свидетельства того времени, в том числе и карты начала и середины XV в. На картах наносились предполагаемые острова (один из них носил название Антильи), и многие мореплаватели утверждали, что они побывали на их берегах. Находились и такие мореплаватели, которые ставили своей целью открытие этих земель (например, цекий Фернандо Дульмо). По-видимому, они даже получили лицензии на право поисков подобного рода от португальских королей. Колумб был убежден, кроме того, в шарообразности Земли, причем он полагал (основываясь на воззрениях греческих, римских и арабских географов и на космографическом трактате «Зерцало Мира» кардинала Пьера д"Айи (д"Альи), опубликованном в 1410 г.), что протяженность океана между западными берегами Европы и восточными берегами Азии, должна быть относительно невелика. Это убеждение и позволило ему разработать проект плавания в Индию (т. е. в Азию), по маршруту, противоположному трассе португальских экспедиций, или, иными словами, проект достижения Индии западным путем, а не маршрутом, который предполагал плавание к югу от Мыса Доброй Надежды, а затем переход от этого пункта в северо-восточном направлении. Та же идея возникла у итальянского врача и космографа Тосканелли, который поделился своими предположениями с португальским каноником Фернаном Мартинесом в письме, подлинность которого представляется сомнительной. Сомнительна и версия (обычно признаваемая историками) о том, что Колумбу было известно что письмо с приложенной к нему картой и что он состоял в переписке со своим соотечественником, который якобы полностью одобрил план генуэзского моряка» (Рафаэль Альтамира — и — Кревеа, «История Испании», т. 1; сокращенный перевод с испанского В. А. Вадковской и О. М. Гармсен, под ред. С. Д. Сказина и Я. М. Света. 1951 г.; изд. «Иностранной литературы, М., стр. 426). Колумб пришел к убеждению, что можно достичь Индии и «пряных»

островов, плывя на запад по Атлантическому океану. Этот взгляд Колумба встретил ряд возражений со стороны тогдашних ученых, которые были приглашены для его обсуждения. Они доказывали, что предприятие это обречено на неудачу, что предприятие это безумно, так как земля плоска, а не шарообразна, а если бы земля и была шарообразна, все равно объехать кругом ее невозможно, так как корабли на другой стороне земли свалятся вниз, а если и не свалятся, то они не могут плыть далее кверху и т. д. Несмотря на это, испанское правительство предоставило Колумбу три судна: 1) «Санта Марию» (водоизмещением в 280 тонн), 2) «Пинту» (водоизмещением в 140 т.) и 3) «Нинью» («Малютку» — водоизмещением в 100 т.). На этих судах Христофор Колумб в 1492 г. пристал к острову Гуанагани (Guanahani — ныне остров Уотлинг в группе Багамских островов Вест-Индии). Вскоре после этого были открыты: остров Куба, а затем Гаити, названный Колумбом Эспаньолой («Эспаньолой» — Малой Испанией), где он основал колонию. Мягкий климат, обилие зелени, необычайное богатство фауны, благоухание растений произвели на Колумба сильное впечатление. Вот как он красочно описывает остров Эспаньолу: здесь «горы необыкновенно красивы, формы их бесконечно разнообразны, все они проходимы, все заросли деревьями бесчисленных пород и такой высоты, что кажется, будто они достигают неба. Мне уже говорили, что они никогда не теряют свою листву, и я сам мог в этом удостовериться, ибо я видел их такими же зелеными и прекрасными, какими они бывают в мае в Испании. Некоторые были в цвету, другие с плодами, прочие в ином состоянии, сообразно их природе. И когда я там проходил в ноябре месяце, пел соловей и другие птицы разнообразнейших видов. Есть здесь пальмы шести или восьми видов, и любо глядеть на них: столь многообразна их красота, как, впрочем, и иных деревьев, плодов и трав. На острове есть сосновые чащи на диво, и там имеются обширнейшие поля, годные для посевов, а также мед и множество разных птиц и всевозможные плоды, и в земле немало металлов и людей там без счета. Эспаньола — чудо: тут цепи горные и кручи, и долины, и земли тучные, пригодные для обработки и засева, для разведения скота любого рода, для городских и сельских построек» (из письма Х. Колумба Сантанхелю и Санчесу в книге «Путешествия Христофора Колумба» (дневники, письма, документы), Географгиз, М., 1950, стр. 65).

После этого первого своего путешествия он совершил еще три путешествия и открыл острова Порто-Рико (Пуэрто-Рико), Ямайку и несколько островов из группы Малых Антильских (Гваделупа, Антигуа и др.); затем Колумб совершил плавание к юго-западу и открыл северное побережье Южной Америки и др. Испанским правительством Колумб был назначен генерал-губернатором вновь открытых им земель, но вскоре, вследствие интриг, впал в немилость и закованный в цепи был доставлен на суд в Испанию. Суд оправдал Колумба, но в своих правах он восстановлен не был. В своем завещании, написанном 4-го мая 1506 г., Колумб говорит, что он «открыл Индийский материк и великое множество островов, в том числе остров Эспаньолу, называемый индейцами Гаити... И в 700 милях от этого острова к западу... открыл много других островов, на которых живут людоеды, и в их числе Ямайку, названную... Сант-Яго, да сверх того 333 мили материковой земли, простирающейся в юго-западном направлении, не считая 107 миль на север, открытых... в первое путешествие. Сверх

того... открыто множество островов, что можно ясно видеть из... писем, записок и карт. «Как видно из этого завещания, Колумб так и умер, не зная, что он открыл Новый Свет. Деятельность Христофора Колумба во вновь открытых им землях характеризуется до некоторой степени авантюризмом и «конкистадорскими» наклонностями. Не найдя большого количества драгоценных металлов, он обратился к одному из легких тогда способов наживы — к торговле рабами. Он заставил индейцев принудительно работать на участках, принадлежавших испанцам, и обложил их данью. К. Маркс, в своих «Хронологических выписках» говорит, что «разбой и грабеж — единственная цель испанских искателей приключений в Америке... донесения Колумба характеризуют его самого как пирата (работорговля как базис)» (см. журн. «Большевик», 1936, № 24, стр. 61).

Христофор Колумб погребен в Севилье в соборе Санта-Мария де-ла-Седе; на его могиле следующая надпись:

«A Castilla y Aragon

Otro mundo dio Colon» («Кастилии и Арагонии Колон, т. е. Колумб, дал Новый Свет»).

Литература о Хр. Колумбе огромна. На рус. языке из новейших биографий знаменитого мореплавателя следует отметить труд Р. Ревзина, «Колумб», изд. «Молодая гвардия», М., 1947, изд. 2-ое переработанное; см. также труд проф. И. П. Магидовича «Очерки по истории географических открытий», т. 1, стр. 118 — 140, 145 — 153; 164 — 175, М., 1949, Учпедгиз; его же очень ценную вступительную статью «Колумб и его открытия» в книге «Путешествия Христофора Колумба» (дневники, письма, документы); стр. 3—54, М., 1950, Географгиз; в этом же издании интересная статья Я. М. Света «Открытие Америки и зарождение системы эксплоатации её коренного населения», стр. 501 — 524; Н. К. Лебедев «Завоевание земли», т. 1, 1947, стр. 103 — 145; Б. П. Мультановский, «Плавания Колумба в Америку и их географическое значение»; статья в «Записках по гидрографии», т. 48, Л., 1924.

Комаров Владимир Леонтьевич (1869 — 1945 гг.), выдающийся русский ботаник, фитогеограф, географ, неутомимый путешественник, б. президент Академии наук СССР, б. почетный президент Всесоюзного географического общества. Еще с отроческих и юношеских лет обнаружил призвание к научной работе. Будучи учеником средней школы, он нередко отправлялся на ботанические экскурсии в различные районы Новгородской области. По окончании гимназии, поступив на естественное отделение физико-математического факультета, Комаров сразу же «посвятил себя изучению ботаники, стал участником целого ряда экспедиций и зарекомендовал себя, как инициативный, энергичный, вдумчивый научный работник. Научные общества стали давать ему серьезные поручения, которые он с успехом выполнял» (Акад. Л. А. Орбели, «Выдающийся ученый и советский общественный деятель», статья в газ. «Правда», от 14 октября 1944, № 247). В 1893 г. Комаров совершил экспедицию в труднопроходимый бассейн реки Фан. В 1895 г. Географическое общество присудило ему серебряную медаль за гипсометрическую рекогносцировку в Закаспийском крае. В 1896 — 1897 гг. В. Л. Комаров изучил флору Маньчжурии и Северной Кореи. В 1902 г. он вместе с А. А. Еленкиным побывал в Восточных Саянах и совершил восхождение на гору Мунку-Сардык. Об этом своем путешествии Комаров рассказывает в сочинении «По-

ездка в Тункинский край и на озеро Косогол» (1903 г.). В Саянских горах им впервые были обнаружены следы древнего оледенения. В 1908 — 1909 гг. В. Л. Комаров совершил путешествие по Камчатке; здесь ему удалось собрать обширный и ценный материал по ботанике, фитогеографии, географии и этнографии. Результаты этого своего путешествия Комаров обработал в труде «Путешествие по Камчатке в 1908 — 1909 гг.» (Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского, М., 1912 г.). В заключительной части этого сочинения В. Л. Комаров пишет: «Для меня воспоминание о Камчатке навсегда связано с мягким гармоничным пейзажем начала лета, с величественной картиной вулканических конусов, с глубоким интересом к связанным с ними явлениям, наконец, с большой симпатией к независимым, смелым и умным жителям этой страны, которые в борьбе с окружающей их природой выработали и большую наблюдательность, и недюжинную смекалку, и даже юмор. Правда все это заметишь не сразу, быт их слишком отличается от нашего, чтобы было легким взаимное понимание, и много высказывают нареканий на них люди, не вошедшие в их психологию, но все же я не могу придумать лучшего конца для этой книги, как высказав пожелание, чтобы их участь изменилась к лучшему» (стр. 444). Следует вообще особо подчеркнуть, что от внимательного и пытливого взора советского большого ученого не ускользнули и не ускользают ни физико-географическое окружение ни, что особенно важно, человек и все человеческое.

По мнению Н. А. Гвоздецкого, отчеты о путешествиях В. Л. Комарова внесли ценный вклад «в русскую географическую литературу, представляя часто блестящие примеры комплексного географического исследования стран и областей, до путешествий В. Л. Комарова почти совершенно не исследованных в географическом отношении» (Н. А. Гвоздецкий, «Путешествия В. Л. Комарова», Госуд. издательство географич. литературы», М., 1949, стр. 107).

Из ботанических работ В. Л. Комарова отметим лишь следующие: 1) монументальный труд «Флора Маньчжурии», 2) «Введение к флорам Китая и Монголии» (СПБ, 1908) и 3) «Происхождение культурных растений» (несколько изд.). В последней работе «по вопросу о происхождении культурных растений В. Л. Комаров дал свое оригинальное обобщение, представляющее дальнейшее развитие и углубление идей Дарвина» (А. П. Ильинский, «Семидесятилетие академика Владимира Леонтьевича Комарова», статья в «Известиях Всесоюзного географического общества», т. 76, вып. 5, 1944, стр. 222). По справедливому замечанию того же автора, для академика В. Л. Комарова «характерна быстрота и полнота обработки собранных им коллекций и полевых записей. Это показывает, с одной стороны, его огромную самодисциплину, с другой — страстную заинтересованность в результатах исследования. Путешествие, сбор материалов являются для Владимира Леонтьевича, лишь одним из этапов исследования, самым красочным и ярким, но все-таки только этапом, а не самоцелью. Темпы обработок и трудоспособность Владимира Леонтьевича поистине изумительны; материалы по двухлетнему студенческому путешествию в Среднюю Азию 1892 — 1893 гг., в которые, кроме дневников, вошел гербарий из 900 видов растений, были обработаны им к январю 1895 г. За три года работ на Дальнем Востоке (1895 — 1897) Владимир Леонтьевич собрал гербарий в 1300 видов. Обработка его, а

также всех коллекций из Амурской и Приамурской областей, хранившихся в гербариях Ленинграда, обработка дневников и освоение литературы дали в результате монументальную «Флору Маньчжурии». В нее вошли 1682 вида, из которых 84 были описаны впервые. Первый том этого труда, насчитывающий 2230 страниц, вышел уже в 1901 г., последний — в 1907 г.» (А. П. Ильинский, там же, стр. 217).

В. Л. Комаров имеет также заслуги и в отношении сибирской геологии. Вот, что об этом говорит акад. В. А. Обручев: «Отправившись в 1895 г., по окончании университета, на Дальний Восток, В. Л. Комаров, изучая флору Южно-Уссурийского края, уделял внимание также рельефу и геологическому строению этой области и соседних Маньчжурии и Кореи. В 1902 г. он совершил путешествие в Вост. Саян и на оз. Косогол, в Маньчжурии, с ботанической целью, но сообщил в своем отчете много интересных данных о рельефе, горных породах и прежнем оледенении этой горной труднодоступной местности. В 1908 г. принял участие в двухлетней Камчатской экспедиции Географического общества в качестве начальника ботанического отряда. В его отчетах имеются обстоятельные характеристики не только флоры, но и рельефа, рек, озер, горячих ключей, ледников, а также сведения о геологическом строении и вулканах, поясняемые хорошими фотографическими снимками» (В. А. Обручев, «История геологического исследования Сибири», период пятый (1918 — 1940), вып. 1, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1949, стр. 22).

В. Л. Комаров был не только выдающимся исследователем в области ботаники, но и незаурядным методологом и методистом в своей специальности. Свои взгляды на методы преподавания ботаники он изложил в статье «Биологический метод на экскурсиях по ботанике» (журн. «Естествознание в школе», 1923, № 7—8); затем, его библиографическая заметка на труд Б. М. Козо-Полянского «Субъективный метод в ботанике...» (Воронеж, 1921) отличается глубиной и остротой анализа (эта статья помещена в сборнике «Новое в науке», СПБ, 1923, стр. 32 — 34).

О педагогических взглядах В. Л. Комарова см. ценную статью проф. Б. Е. Райкова «Педагогические взгляды В. Л. Комарова» (журн. «Естествознание в школе», 1946, № 3, стр. 6—26). Академик Комаров, как прекрасно выразился Л. А. Орбели, «выдающийся деятель науки толкающий своих собратьев-ученых на путь новых исканий, на путь новых организационных форм работы, на путь сближения теории с практикой, на путь служения народу и Родине путем творческой работы» (Академик Л. А. Орбели, указан. выше статья). Словом, вся жизнь В. Л. Комарова — в науке и служил он ей с беззаветной преданностью.

О В. Л. Комарове см. ценный труд действ. чл. АН Казахской ССР Н. В. Павлова, «В. Л. Комаров», изд. АН СССР, М., 1951.

Конти-ди Никколо, путешественник, купец из Венеции (XV в.); долгое время прожил в Дамаске, где изучил арабский язык. Вместе с купеческим караваном он отправился на восток через Аравию и Ирак; спустился по Евфрату в Персидский залив к порту Ормуз, откуда уже попал в Индию. Здесь он проник в центральные районы Деканского плоскогорья (Биджнагур); затем посетил Мадрас, устье Ганга и Цейлон. Из Индии ди-Конти отправился на Яву и Суматру, посетил и другие острова Индийского океана и дал, вероятно по рассказам других, сведения о Китае и Манчи. На возвратном пути он снова посетил Ма-

лабарский берег Индостана, откуда переправился на остров Сокотру, потом в Аден, Каир, а из Египта он, наконец, добрался до родины.

Коперник Николай (1473 — 1543 гг.), гениальный польский астроном, труды которого оказали огромное влияние на географическую науку; образование получил в Италии — в Болонском и Падуанском университетах. Всю свою жизнь он посвятил обоснованию гелиоцентрической системы. Его учение, изложенное в выдающемся труде «Об обращении небесных сфер» (1543 г.), легло в основу новой астрономии. Земля, по Копернику, находится в движении и не является центром мира, как это утверждала католическая церковь; она вращается вокруг своей оси и вместе с прочими планетами вокруг Солнца. В главе «О порядке небесных орбит» великий польский ученый пишет: «Никто, я знаю, не сомневается в том, что наивысшим из всего видимого является небо неподвижных звезд. Древние философы распределяли планеты по продолжительности их обращения, следуя правилу, что при равном для всех планет движении, планеты, наиболее отдаленные, должны казаться нам движущимися всех медленнее.. Они полагали, что Луна ближе к нам, чем все планеты, так как она совершает обращение в кратчайшее время; что Сатурн должен быть самой дальней планетой, ибо он для обращения своего употребляет наибольшее время. Ниже его они ставили Юпитер, потом Марс. Относительно Венеры и Меркурия мнения были различны, так как удаление их от Солнца иное, чем остальных планет... эти планеты не обнимают своими орбитами Землю, подобно другим планетам; но орбиты их обращены к ней своей выпуклостью. А что же это означает, как не то, что Солнце находится в центре этих орбит. Таким образом, орбита Меркурия заключается внутри орбиты Венеры, более чем вдвое большей ее, и находит достаточное для себя место» (Николая Коперника Торунского, «Об обращении небесных сфер», см. сборник «Николай Коперник», 1947, стр. 209 — 211).

Учение Коперника нанесло сокрушительный удар религии, которая считала величайшим грехом, какое бы то ни было сомнение по вопросу о неподвижности и центральном положении Земли.

«Величайшая заслуга гениального славянского ученого Николая Коперника, говорит В. В. Соколов... заключается в том, что... он объявил геоцентризм Птолемея «Оптической иллюзией» и выдвинул свою собственную, единственно научную, гелиоцентрическую систему мира». Коперник заложил фундамент современной астрономии и его учение дало «сильнейший толчок развитию физических и математических наук» (В. В. Соколов, «Философия Ренэ Декарта», вступительная статья к «Избранным произведениям Р. Декарта», Госуд. изд. политической литературы, 1950, стр. 13, 14).

Не только представители католической церкви, но и протестанской выступили с резкими нападками на учение Коперника. Так напр., немецкий ученый Меланхтон в своем университетском учебнике «Начала физики» пишет о труде Коперника следующее: «Глаза убеждают нас в том, что свод небесный вращается вокруг нас в двадцать четыре часа..... не дадим отклонять себя (от истины) морочением тех, которые особенное доказательство своего остроумия видят в том, чтобы вводить в науку заблуждения».

Немецкий реформатор церкви Лютер также ополчился на Коперника и писал: «Говорят о каком-то новом астрологе, который доказывает, будто Земля движется, а небо, Солнце и Луна неподвижны;

будто здесь происходит тоже, что при движении повозки или на корабле, когда едущему кажется, что он сидит неподвижно, а Земля и деревья бегут мимо него. Ну, да ведь теперь всякий, кому хочется прослыть умником, старается выдумать что-нибудь особенное. Вот и этот дурак намерен перевернуть вверх дном всю астрономию». Система Коперника имеет свои слабые стороны; так, напр., он полагал, что движение планет, а следовательно, и Земли, совершается равномерно, по круговым, а не эллиптическим орбитам, что конечно, неправильно. Несмотря на это, со времени опубликования сочинения Коперника: «О круговращении небесных тел» пошло гигантскими шагами развитие наук...» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 477) (См. Г. Ревзин, «Николай Коперник» (1473 — 1543), изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1949 (в серии «Жизнь замечательных людей»); Adam Malicki, Mikolaj Kopernik jako geograf, ст. в жур. «Geogr. wzskole», 1953, № 6). См. также В. С. Рожицын, «Джордано Бруно и инквизиция», изд. АН СССР, М., 1955, стр. 235.

Коржинский Сергей Иванович (1861 — 1900 гг.), русский ученый, академик, ботаник, путешественник; некоторые его труды имели большое значение для географической науки, в частности для фитогеографии. В своей докторской диссертации «Северная граница черноземно-степной полосы Европейской России» (1888 г.), он впервые высказал взгляд о наступлении леса на степь. Против этого взгляда высказался известный русский ученый, акад. В. Р. Вильямс, который пишет, что «С. И. Коржинский современное распределение степной и древесной растительных формаций по территории европейского материка объясняет борьбой за существование.. По Коржинскому выходит, что степи извечны вследствие наличия борьбы за существование между древесной и степной растительными формациями. Странный случай борьбы за существование, которая ни от чего не зависит и не обусловливает никакого развития и только закрепляет постоянные, раз установленные соотношения между древесной и степной растительными формациями. Борьба на расстоянии, борьба сомкнутым фронтом: с одной стороны — древесная формация, с другой степная. Получилось так потому, что теорию эволюции геоботаники и почвоведы восприняли формально, на словах, на деле же продолжали придерживаться старых взглядов о неизменности объектов природы. Коржинский применил идею борьбы за существование между лесной и степной формациями не для того, чтобы объяснить развитие их, а как раз наоборот, чтобы объяснить существующее, по его мнению, постоянство, извечность рассматриваемых им объектов — леса и степи» (предисловие акад. В. Р. Вильямса к книге В. В. Докучаева «Наши степи прежде и теперь», изд. ОГИЗ-Сельхозгиз, М.-Л., 1936, стр. 13 — 14). Кроме того, ему принадлежит ценная работа «Флора Востока Европейской России» (1893 — 1898).

С. И. Коржинский принимал деятельное участие в многочисленных экспедициях; так, он с научной целью посетил: восточную часть Казахстана (Семипалатинскую и Семиреченскую области), бассейн Амура и Среднюю Азию (Туркменскую ССР, некоторые районы Таджикской и Узбекской ССР, Памир и др.), Коржинскому принадлежит много работ по происхождению культурных растений. В своих работах «Гетерогенезис и эволюция», «К теории происхождения видов» он высказал идеи, схожие с мутационной теорией де-Фриза.

Основная идея, которая проходит через все исследования акад. С. И. Коржинского, заключается в том, что «флора каждой страны есть нечто живое, нечто находящееся в вечном движении, подверженное непрерывным и постоянным превращениям, имеющее свою историю, свое прошлое, настоящее и будущее». В 1888 г. Коржинский выступил с неудачной защитой витализма в физиологии растений. В своем небольшом сочинении «Что такое жизнь» он отказался от термина «жизненная сила» и заменил его термином «жизненная энергия». Рассматривая вопрос о вегетации растений, Коржинский, говорит: «по моему мнению, гораздо проще смотреть на эти растения, как на инстинктивное стремление корешка углубиться в питательный субстрат» (Sic!!); затем, развитие стебля он объясняет «стремлением стебля к свету».

Резкую отповедь Коржинскому и вообще всем виталистам и неовиталистам дал выдающийся русский ученый К. А. Тимирязев (см. его сочинения, т. VI, стр. 44, т. V, стр. 173 и др.).

Кортес Фернандо (Эрнан) (1485 — 1547 гг.), испанский конкистадор, который открыл и завоевал в 1521 г. огромную страну Мексику, где местное население, покоренное и притесняемое воинственными ацтеками, видело в испанцах спасителей от невыносимого гнета ацтекских властителей; этим объясняется тот факт, что оно примкнуло к Кортесу. Огнестрельное оружие испанцев и лошади производили на туземцев потрясающее впечатление. Ловкому и жестокому Кортесу вскорости удалось захватить город Мексико (Мехико), (Теночтитлан) и всю страну в свои руки. Наиболее полное описание завоевания Мексики и наиболее интересная характеристика конкистадора Кортеса дана в книге «Записки солдата Берналя Диаза» (есть рус. перевод под ред. Д. Н. Егорова, изд. Брокгауза-Ефрона, 1924). Бернал Диаз лично принимал участие в завоевании Мексики; в своих «Записках»... «он отметил огромные культурные достижения мексиканцев, так беспощадно уничтоженные в XVI ст. фанатическими испанцами».

Чешский профессор Честмир Лоукотка (Cestmir Loukotka) говорит, что «после того, как испанское владычество в Мексике окончательно упрочилось, началось систематическое уничтожение всего напоминающего индейцам об их былой славе, величии и могуществе. Правители индейцев, военачальники и знать кончали жизнь на плахах или в темницах; народ был обращен в рабство: его силой принуждали к невольничьему труду на белых господ. Вместе с людьми уничтожались и культурные памятники, причем в первую очередь ярость завоевателей обратилась против рукописных книг. В мифологическом тексте этих книг, изобилующих цветными рисунками богов и мифических героев, завоеватели усматривали основное препятствие распространению христианства. Таким образом была истреблена почти вся мексиканская литература, и до нашего времени от нее дошли лишь жалкие обрывки» (Ч. Лоукотка, «Развитие письма», перев. с чешского Н. Н. Соколова, под ред. и с предисловием проф. П. С. Кузнецова, изд. Иностранной литературы, 1950, М., стр. 287).

Кортес — участник покорения Гаити и Кубы; в 1536 г. он открыл Калифорнию.

(О походе Кортеса с целью покорения Мексики см. также соч. Г. Паркса, «История Мексики», перев. с англ. Ш. А. Богиной, с предисл. Б. Т. Руденко, изд. Иностр. литературы, М., 1949, стр. 52 — 79;

Н. К. Лебедева, «Завоевание земли»; т. I, 1947, стр. 178 — 196; И. П. Магидовича, «Очерки по истории географических открытий», т. I, 1949, стр. 217 — 223, 226 — 227, 228 — 229).

Коцебу Отто Евстафьевич (1788—1846 гг.), известный русский мореплаватель; совершил три кругосветных путешествия: первое — с Крузенштерном в 1803 — 1806 гг.; второе — в1815 — 1818 гг. (экспедиция была организована на средства канцлера Румянцева) по следующему маршруту: Кронштадт — мыс Горн—Камчатка—Калифорния — Гавайские острова — Манила — Мадагаскар — мыс Доброй Надежды — остров св. Елены — З. Европа — Кронштадт. Во время этого путешествия Коцебу наблюдал в 88 местах температуры на океанских и морских глубинах. Во втором кругосветном путешествии Коцебу принял участие молодой натуралист, впоследствии знаменитый немецкий писатель Адальберт Шамиссо (родом из французской провинции Шампань). Второе свое путешествие О. Е. Коцебу описал в книге: «Путешествие в Южный Океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах... на корабле «Рюрик», под начальством флота лейтенанта Коцебу» (ч. 1-ая и 2-ая, СПБ, 1821, ч. 3-ая, СПБ, 1823, с атласом); этот труд сейчас же по выходе в свет был переведен на немецкий язык (Веймар, 1821), на английский—(Лондон, 1821) и на голландский—(Амстердам, 1821). В марте 1816 г. Коцебу посетил остров Пасхи, «но был недружелюбно встречен островитянами, которые хорошо помнили нападение на них одного американского капитана (Александра Адамса), увезшего насильственно 12 мужчин и 10 женщин. Далее был сделан целый ряд открытий в архипелаге Паумоту, или Низменном, ныне принадлежащем Франции. Здесь открыты и описаны о-в Румянцева (Tikei) 20 апреля 1816 г. под 14°57' ю. ш. и 144°18' з. д. от Гринича; о-в Спиридова (Takapoto) 21 апреля 1816 г. 14°41' ю. ш. и 144°59' з. д.; цепь Рюрика (Arutua) 23 апреля 1816 г.; 15°11' — 15°30' ю. ш.; 146°0' з. д. (северо-восточная оконечность); о-ва Крузенштерна (Tikehau) 12 апреля 1816 г.; 15°10' ю. ш. и 148°41' з. д.—Затем, 21 мая 1816 г. в восточной части Маршалловых островов (они открыты в 1788 г. капитаном Маршаллом) — именно в группе Ратак — открыты о-ва Кутузова (Utirik) и о-ва Суворова (Taka). Канал, их разделяющий, находится под 11°11' с. ш. и 169°51' з. д. Летом «Рюрик» был в водах Берингова моря, положил на карту о-ваДиомида, поднялся к северу и у берегов Аляски описал в Ледовитом океане залив Шишмарева, о-в Сарычева, губу Эшшольца, залив Доброй Надежды, залив Эспенберг, залив Крузенштерна, залив Коцебу. В 1817 г. «Рюрик» снова совершает плавание среди Маршалловых островов. Здесь открыты: о-в Нового года (Miadi) 1 января 1817 г. 10°8' с. ш. и 170°55' в. д.; о-ва Румянцева (Wotje, Otdia) 4 января 1817 г.; 9°28' с. ш. и 170°16' в. д. о-ва Чичагова (Erikub, Tahanea) 7 февраля 1817 г.; 9°06' с. ш. и 170°04' в. д.; о-ва Аракчеева (Kaven) 10 февраля 1817 г.; 8°19' с. ш. и 171°49' в. д.; о-ва де-Траверсе (Aurh) 23 февраля 1817 г.; 8°19' с. ш. и 171°12' в. д.; о-ва Крузенштерна (Ailuk) 1 марта 1817 г.; 10°27, с. ш. и 170°0' в. д., о-ва Гайдена (Ligibe) 5 ноября 1817 г.; 9°51' с. ш. и 169°14' в. д., — К западу от группы Ратак находится в тех же Маршалловых островах большая группа Ралик. Коцебу ее не видал, но со слов островитян нанес эти острова на карту» («Тихий океан — русские научные исследования»; статья Л. С. Берга «Открытия русских в Тихом океане»;

стр. 18 — 19, изд. АН СССР, 1926). Третье кругосветное путешествие Коцебу совершил в 1823 — 1826 гг. на военном шлюпе «Предприятие»; это путешествие было описано им в книге: «Путешествие вокруг света... на военном шлюпе «Предприятие» в 1823 — 1826 гг.» (СПБ, 1828). Этот труд также был переведен на английский язык (Лондон, 1830); шведский (Стокгольм, 1830) и немецкий (Веймар, 1830 и Лейпциг, 1848)[1]. Во время этого плавания велись важные океанографические работы участником экспедиции физиком и физико-географом Э. Ленцом[2]. Этим ученым был построен первый батометр, приносивший воду с глубин, с очень мало измененной температурой, и первый глубомер, с тормозом для определения достижения лотом дна. Ленцом были произведены первые правильные наблюдения над удельным весом воды на глубинах и добыты первые точные данные о температурах до глубины в 1800 м. При измерениях глубин Ленц принимал поправки на отклонение лиия от вертикального направления вследствие дрейфа корабля и на укорачивание лотлиня от его намокания. Ленцу принадлежит также первенство в доказательстве существования на больших глубинах холодного слоя воды (в 2—3 градуса), причем он первый высказал взгляд, что теплые воды на поверхности должны расходиться от экватора к полярным широтам, откуда на глубинах холодные воды двигаются к экватору.

(О О. Е. Коцебу см. Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1952, стр. 16—18); Г. Яников, «О. Е. Коцебу и его плавания» (вступ. ст. ко 2 изд. путешествий Коцебу), изд. географиз, 1948, стр. 7—27; А. Д. Добровольский, Отто Ефстафьевич Коцебу, ст. в сборн. «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 235 — 249.

Краснов Андрей Николаевич (1862 — 1914 гг.), очень талантливый ученый, известный геоботаник, фитогеограф, географ и путешественник, бывший профессор Харьковского университета. Среднее образование он получил в первой петербургской гимназии, а высшее в Петербургском университете, где он учился на естественном отделении физико-математического факультета, которое окончил с отличием. По словам покойного академика В. И. Вернадского (товарища отроческих лет Краснова), «новым и крупнем фактором университетской жизни Андрея Николаевича (Краснова) — ранняя прикосновенность его к научной работе... и влияние двух крупных петербургских профессоров того времени — А. Н. Бекетова и В. В. Докучаева. Под их влиянием складывалась его научная работа, и они вызвали тот выбор... специальности — географии — который определил всю его дальнейшую судьбу» (Акад. В. И. Вернадский, Очерки и речи, т. II, 1922, стр. 107). В течение своей жизни с научной целью Краснов посетил Алтай, Тян-Шань, Сибирь, Сахалин, Японию, Южн. Китай, Яву, Индию и Сев. Америку. В 1911 г. организовал в окрестностях Батуми (на Зеленом Мысу) на площади в 70 га ботанический сад (ныне этот сад занимает 100 га), директором которого он состоял до конца жизни. «На Зеленом Мысу, писал Краснов, могут расти под открытым небом самые теплолюбивые экзо-

[1] Второе обработанное издание путешествий О. Е. Коцебу вокруг света в 1815 — 1818 гг. и в 1823 — 1826 гг. опубликовано Географгизом в 1948 г., под редакцией, с примечаниями и вступительной статьей Г. Яникова.

[2] Об Эмилии Христиановиче Ленце см. ценную статью Б. Н. Ржонсницкого, «Академик Э. Х. Ленц и физич. география» в «Изв. АН СССР; серия географическая», 1954, № 2, М., стр. 61 — 68.

ты; наш русский турист должен искать иллюзию субтропиков и тропиков не в садах Алжира и Туниса, не в Ниццу и Савайто и даже не в Швейцарию должны стекаться тысячи экскурсантов, а на Зеленый Мыс». Из трудов А. Н. Краснова отметим лишь некоторые: 1) «Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь-Шаня» (1888 г.), 2) «Травяные степи Северного полушария» (1894 г.), 3) «Чайные округа субтропических областей Азии» (СПБ, 1897 — 1898 гг.), 4) «География растений» (1899 г.), 5) дважды изданный обширный, оригинальный «Курс землеведения» (2-ое изд. 1901 г.) и др. В трудах проф. Краснова, несмотря на то, что в них много интересных идей и очень ценного материала, встречаются досадные недосмотры, которые своевременно были отмечены, напр., проф. Д. Н. Анучиным и проф. А. И. Воейковым.

Нельзя не согласиться с справедливым замечанием Е. М. Лавренко, что «современники А. Н. Краснова в его работах замечали только ошибки, неточности в изложении» (Е. М. Лавренко, Андрей Николаевич Краснов, Бюлл. Московского общества исп. природы; отд. биологии, т. 51, в. 6, 1946). Современный биограф Краснова, И. Г. Бейлин, говорит, что, «обладая большой эрудицией в области геологии, физической географии, почвоведения и геоботаники, Краснов, естественно, не мог охватить частности любой из этих областей науки, и отдельные специалисты не могли простить ему незнания некоторых фактов. В своих критических статьях они упорно умалчивали о выдающихся достижениях работ Краснова и сосредоточивали внимание читателей на имевшихся в них неточностях» (Н. Г. Бейлин, А. Н. Краснов — ботанико-географ и путешественник (1862 — 1914), изд. МОИП, М., 1950, стр. 69). А. Н. Краснову принадлежат также значительные научно-популярные сочинения, как, напр., «Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия» (СПБ, 1898). «По островам Далекого Востока» (СПБ, 1895) и др.

По справедливому замечанию Ф. Н. Милькова, «область научных интересов и исканий А. Н. Краснова была поразительно широкой и разнообразной. Европа, Азия, Африка и Америка были знакомы ему лично. Он совмещал в себе ботанико-географа, страноведа, ландшафтоведа, палеогеографа, геоморфолога и этнографа. Однако, несмотря на разнообразие интересов, всем работам Краснова А. Н. присуща одна общая черта — их ярко выраженная географическая направленность. Все основные труды А. Н. Краснова являются по своей сути трудами географическими» (Ф. Н. Мильков, А. Н. Краснов — географ и путешественник, Географгиз, М., 1955, стр. 154).

«Краснов обладал незаурядным литературным дарованием, очень тонким чувством ощущения и понимания природы, своеобразным лиризмом, яркостью описания и меткостью географических сравнений. Где бы ни был он, в какие бы экзотические уголки земного шара он ни попадал, ученый никогда не отрывался от своей родины, он всегда вспоминает о ней, стремясь провести параллель с русской природой и жизнью» (К. М. Попов, «О вкладе людей русской науки и культуры в географическое изучение стран Востока» (Япония, Юго-Восточная Азия и Индия); ст. в журн. «Известия Академии наук СССР», серия географическая, 1, М., 1953, стр. 61).

А. Н. Краснов, в бытность, свою профессором Харьковского университета, читал курс общего землеведения; его талантливые, увлекательные лекции пользовались неизменным успехом не только у сту-

дентов естественного отделения физико-математического факультета, но и у студентов других факультетов. Бывший слушатель А. Н. Краснова, покойный академик А. А. Гроссгейм, пишет о нем следующее: «Блестящий и своеобразный ораторский талант, широта и полная свобода взглядов от традиционных точек зрения, искреннее увлечение своим предметом, энциклопедическое образование и богатая эрудиция — вот что характеризовало его лекции».

В некоторых работах и статьях проф. Краснова имеются, к сожалению, элементы великодержавного шовинизма; так, например, в статье. «Из колыбели цивилизации». Письма из кругосветного путешествия, С.-Петербург, 1898, стр. 270 — 271. И все это, к глубокому сожалению, пишет несомненно талантливый ученый. Это напоминает несколько стиль «Московских ведомостей» и недоброй памяти суворинской газеты «Новое время».

О А. Н. Краснове см. труд И. Г. Бейлина, «А. Н. Краснов, ботанико-географ и путешественник» (1862 — 1914); изд. Московского общества испытателей природы», М., 1950 (В приложении к этой книге дан список печатных работ, статей и заметок А. Н. Краснова, стр. 87 — 95); см. ценную статью Ф. Н. Милькова, «Основные географические идеи А. Н. Краснова», статья в «Известиях Академии наук СССР», серия географическая, М., 1954, ноябрь — декабрь, № 6, стр. 78 — 83; несколько субъективная характеристика проф. А. Н. Краснова дана в работе канд. историч. наук В. К. Имедадзе, «Великий русский ученый В. В. Докучаев и его ученики в Грузии» (изд. «Техника да Шрома», Тбилиси; 1955, стр. 44 — 55), см. также интересную монографию Ф. Н. Милькова, «А. Н. Краснов — географ и путешественник» (Географгиз, М., 1955) с библиографией.

Крачковский Игнатий Юлианович (1883 — 1951 гг.), академик, выдающийся советский арабист и историк арабской и среднеазиатской географической науки, ученый большой эрудиции, родился в городе Вильно (Вильнюс), где окончил курс I гимназии в 1901 г.; высшее образование получил в Петербурге (Ленинграде); окончил факультет восточных языков в 1905 г. По окончании курса, оставлен был в 1906 г. при Петербургском университете по кафедре арабской словесности для подготовления к профессорской деятельности. В 1908 — 1910 гг. находился в научной командировке в Сирии и Египте с целью «ознакомления с живыми арабскими диалектами, ознакомления с современной арабской литературой и культурой и ознакомления с постановкой преподавания арабской словесности на восточном факультете Бейрутского университета св. Иосифа, равно как с научной деятельностью факультета». Крачковский путешествовал по России и З. Европе. Ему принадлежит свыше 900 научных трудов, статей, рецензий, библиографических заметок, записок и пр. по истории арабской литературы и словесности, по истории арабской культуры, по истории русской арабистики и по истории арабской и среднеазиатской географической науки.

Из опубликованных трудов акад. И. Ю. Крачковского (1883 — 1950 гг.) по истории среднеазиатской, арабской, иранской и турецкой географической науки заслуживают особенного внимания: 1) «Арабские географы и путешественники» (ст. в «Известиях Государственного географического общества», 1937, т. 69, в. 5, стр. 738 — 765), 2) «Математическая география у арабов (от ал-Хоризми до Улугбека)», (ст. в 1 т. сборн. «Научное наследство», изд. АН СССР, Инст.

истории естествознания, 1948, стр. 625 — 652), 3) «Начало математической географии у арабов» (ст. в сборн. «Памяти Юлия Михайловича Шокальского», ч. 2, под ред. А. К. Леонова, изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 32 — 53), 4) «Бируни и его роль в истории восточной географии», (ст. в сборнике «Бируни», изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 55 — 73).

Кроме названных трудов, И. Ю. Крачковскому принадлежат еще следующие подготовленные к печати статьи по истории географической науки народов Средней Азии и Ближнего Востока: 1) «Арабские географы греческой школы», 2) «Арабские географы-филологи и путешественники IX в.», 3) «Общие географические сочинения IX века и региональная география IX и X веков», 4) «Арабские географы классической школы X в.», 5) «Последние арабские географы X века», 6) «Арабско-испанские географы XI и XII веков», 7) «Географы XII века на Востоке», 8) «Якут и географы в первой половине XIII в.», 9) «Вторая половина XIII века в арабской географической литературе», 10) «XIV век арабской географической литературы», 11) «Ибн-Халдун и география в Магрибе XV—XVI вв.», 12) «Ал-Макризи и египетские географы до турецкого завоевания», 13) «Региональная география Сирии и Палестины в XIV—XV вв.»; 14) «Персидская географическая литература с XV в.» 15) «Морская география у арабов и турок», 16) «Турецкая географическая литература», 17) «Арабские географы XVI в.», 18) «Арабская географическая литература XVII века», 19) «Первое арабское описание путешествия в Южную Америку» и др.[1].

Как видно из вышеизложенного, академика Крачковского давно интересовали вопросы истории географической науки народов Средней Азии и Ближнего Востока; в этой области он сделал очень много[2].

Крашенинников Степан Петрович (1711 — 1755 гг.), выдающийся русский ученый, путешественник, исследователь Камчатки и Курильских островов. Его труд «Описание земли Камчатки», напечатанный Академией наук в 2-х томах (1-й т. — 1755 г.; 2-й т. — в 1756 г.), является, по справедливому замечанию А. И. Андреева, «первым русским

---

[1] См. ст. А. Г. Грум-Гржмайло, «И. Ю. Крачковский и Географическое Общество» (ст. в «Изв. ВГО», 1951, т. 83, в. 2, отд. 99 — 102).

[2] И. Ю. Крачковский в своем ценном труде «Очерки по истории русской арабистики» (изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 254) сообщает, что у него осталась незаконченной «большая работа по истории географической литературы на арабском языке», которая была задумана автором «не столько в плане истории географической науки, сколько истории отдельных литературных жанров, связанных с географическими сюжетами, она должна была обрисовать все их развитие, начиная с первых намеков в арабской поэзии VI в. до XIX в. Необходимость осветить влияние арабской географической литературы, хотя бы в самых общих чертах, на Запад и Восток, заставила уделить несколько глав персидской и турецкой географической литературе.

К глубокому сожалению этого не случилось! Скоропостижная кончина И. Ю. Крачковского, последовавшая 24 января 1951 г., помешала ему завершить намеченное научное предприятие огромного значения.

сочинением, в котором дано всестороннее описание одной из областей Сибири, привлекавшей к себе внимание в XVIII в. Но этот труд был первым и в западно-европейской литературе, не имевшей до того серьезных трудов о Камчатке, также составлявшей предмет усиленного интереса англичан, французов и др. В виду последнего обстоятельства, при слабом знании русского языка в Западной Европе, очень скоро появились переводы труда Крашенинникова на иностранные языки»... (А. И. Андреев, «Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова», статья в журн. «Советский Север», 1939, № 2, изд. Главсевморпути, стр. 55). Сочинение Крашенинникова написано с большим знанием дела; автор дает очень подробные сведения о Камчатке и ее населении; он с равным вниманием описывает реки, горы, озера, флору, фауну, почвы и их свойства и структуру, вулканы и климатические условия, нравы и обычаи камчадалов и их промысловую деятельность. Так, напр. Крашенинников, обратив внимание на массовую миграцию мышеобразных (леммингов — Lemmus obensis), сообщает: «с Камчатки отлучаются мыши всегда весною, собравшись чрезвычайно великими стадами, путь продолжают прямо к западу, не обходя ни рек, ни озер, ни морских заливов, но переплывают их хотя с великим трудом и гибелью, ибо многие, утомившись, тонут. Переплыв за реку или озеро лежат на берегу, как мертвые, пока отдохнут и обсохнут, а потом продолжают путь свой далее». У Крашенинникова же приводятся превосходные сведения о витимском соболином промысле (т. 1, ч. 2, глава 7). «Наблюдательность автора распространялась... на самые разнообразные предметы, и его замечания отличаются обыкновенно большою точностью и простотою» (А. Н. Пыпин, «История русской этнографии», т. IV, СПБ, 1892, стр. 225). Труд Крашенинникова во многих своих частях и до настоящего времени не утратил своего значения.

За свое сочинение С. П. Крашенинников получил от Российской Академии наук звание профессора ботаники. Читал он лекции по естественной истории; писал статьи по ботанике. Вот как охарактеризовал С. П. Крашенинникова его современник, член Российской Академии наук, Миллер: «Он (Крашенинников) был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков, и сами достойны называться начальниками своего благополучия».

С. П. Крашенинников, «проведя лучшие годы своей жизни на диком полуострове (на Камчатке. — Г. Н. Г.), среди суровой природы, вдали от цивилизованного мира,... вернулся в Петербург и прожил всю жизнь в бедности, и даже часто нуждаясь. Он умер 55 лет от роду одиноким, в скромной комнате на чердаке, хотя Академия и наградила его званием «профессора ботаники и прочих частей натуральной истории» и назначила ректором Академического университета, основанного в 1726, в каковой должности и пробыл с 1750 по 1755 г.» (М. С. Боднарский, «Очерки по истории русского землеведения», т. 1, изд. Академии наук СССР, 1947, стр. 135).

«Описание Земли Камчатки», говорит проф. Н. Н. Степанов, энциклопедия Камчатки середины XVIII века, один из интереснейших памятников русской науки XVIII века. В этой энциклопедии ученые самых различных специальностей до настоящего времени черпают для себя драгоценные материалы. Для географов этот труд — один из основных по истории русских географических открытий. Для естествен-

ников труд Крашенинникова дает материалы по истории первоначального изучения природы и естественных богатств Камчатки. Этнограф и историк первобытного общества черпают в труде Крашенинникова интереснейшие материалы по истории первобытного общества. Лингвистические материалы, собранные Крашенинниковым в его труде, проливают свет для лингвиста на полностью не изученный до настоящего времени вопрос об этногонии и глоттогонии народностей Камчатки. Наконец и историк СССР не может пройти мимо труда Крашенинникова; для него труд этот — один из интереснейших источников по истории первой половины XVIII века» (Н. Н. Степанов, «Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание Земли Камчатки», вступит. статья к новому изданию соч. С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», изд. Главсевморпути ,М.-Л., 1949, стр. 84).

Государственное издательство географической литературы выпустило в 1948 г. труд С. П. Крашенинникова в изложении по подлиннику и под ред. Н. В. Думитрашко и Л. Г. Каманина с предварительной статьей, в которой дается краткая биография Крашенинникова, а также общая характеристика его замечательного труда. В 1949 г. издательство Главсевморпути напечатало новое полное издание «Описания земли Камчатки» с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. Общее руководство этого издания и редакция принадлежит акад. Л. С. Бергу, акад. А. А. Григорьеву и проф. Н. Н. Степанову; последнему принадлежит в этом издании и вступительная статья под заглавием: «Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки». В приложении дана интересная статья А. В. Ефимова «О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII вв.»; см. также «Люди русской науки», т. 1, ст. проф. А. И. Андреева «С. П. Крашенинников», стр. 533 — 545; Н. Г. Фрадкин, «С. П. Крашенинников», Научно-популярный очерк, изд. Географгиз, М., 1951. Л. Г. Каманин, «Первые исследователи Дальнего Востока», Госкультпросветиздат, М., стр. 29 — 66; Л. С. Берг, Очерки по истории русских географич. открытий, изд. 2, М.-Л., 1949, стр. 111 — 126.

Крево (Crevaux Jules) **Жюль — Николай** (1847 — 1882 гг.), известный французский путешественник и исследователь некоторых экваториальных районов Южной Америки; с юношеских лет увлекался естественными науками; по специальности врач. Вскоре по окончании медицинского факультета был командирован в очень мало тогда изученную французскую колонию Гвиану в Южной Америке. В течение многих десятков лет европейцы пытались проникнуть во внутренние части Гвианы, в район гранитных гор Тумак-Гумак, но все эти попытки оканчивались неудачей. В 1876 г. Крево рискнул совершить путешествие внутрь Гвианы; по реке Марони он с трудом пробирался по направлению к горам Тумак-Гумак. По дороге в одной деревне Крево встретился с местным уроженцем, негром Апату, с которым он очень подружился и который стал преданным товарищем и помощником во время путешествий. Крево с несколькими индейцами проводниками наконец достиг гор Тумак-Гумак, обследовал их и затем спустился в Амазонку по его мало изученному порожистому притоку Яри (Jari). В 1878 г. Крево предпринял экспедицию в бассейн реки Ояпок (Ойяк); поднявшись по ней и совершив вторично переход через Тумак-Гумак,

он спустился к Амазонке по малоизвестному тогда ее притоку — Пару; кроме этой реки, Крево исследовал еще бассейны следующих притоков Амазонки: Исы или Путумайо и Япуры, по которому он спустился на лодке в Амазонку. В 1880 г. он прошел от Санта-фе-де-Богота в Колумбии к верхнему Рио-Негро и достиг Гвайяверо, притока Ориноко. В 1882 г. Крево из Буэнос-Айреса направился к северу в район Гран-Чако, открыл при Сальта развалины древнего города Инков и вскоре, после этого, он вместе с 19 спутниками, был убит индейцами Тоба в Ипантипуку на Амазонке. По материалам, собранным экспедициями Крево, Парижское географическое общество издало атлас из 40 карт: «Fleuves de l'Amerique du Sud», 1877 — 1879 (1883).

О путешествиях Крево см. в «Tour du monde» статью под заглав. «Voyages dans l'Amerique du sud» (Paris, 1883)· В научно-популярной форме история путешествий Крево изложены на русском языке в соч. Н. К. Лебедева, «Завоевание земли», т. III, стр. 65, 66, 70 и 74; и в книжке С. Кафтора, «В глуши экваториальной Америки», изд. 2-ое, Учпедгиз, М.-Л., 1931, см. также Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований». Перевод с английского, под ред. И. П. Магидовича, изд. ИЛ, М., 1950, стр. 477.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842 — 1921 гг.), известный русский ученый, один из виднейших исследователей восточной Азии, выдающийся географ и геолог, революционер-анархист; еще в юношеские годы увлекался сочинениями К. Риттера и А. Гумбольдта. Кропоткин предпринял шесть экспедиций по Северному Китаю, Маньчжурии, по Амуру, Дальнему Востоку и по Восточной Сибири. Труды и дневник П. А. Кропоткина свидетельствуют о необычайной наблюдательности и научной пытливости автора· «Стремясь познать все окружающее, собирая факты, он в то же время стремится понять их внутренний смысл, объединить в цельном мировоззрении» (С. Анисимов, «Путешествия П. А. Кропоткина», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1943, стр. 31). Не нужно забывать, что Кропоткину во время его путешествий по Восточной Сибири было всего 23 года. «Заметки дневника, говорит С. Анисимов, — это и геология, и география, и орография, и флора, и фауна, и этнография, и экономика пройденных мест. Исключительно внимание к человеку, к человеческому труду. Почва, посевы, покосы, все виды сельского хозяйства, все виды промыслов, торговля, рыночные цены, жилище, домашний быт, предметы обихода — все находит свое место в записях дневника этого добросовестного наблюдателя, молодого исследователя. И тут же необычайно остро подмеченные детали объединяются в широких обобщениях. В то же время сквозит и очень деятельная доброта этого человека по отношению ко всем своим спутникам, его прямота, ум, живое чувство к людям и подлинная страсть к природе» (С. Анисимов, Ibid). На Дальнем Востоке и на границе России и Монголии Кропоткин открыл вулканические области; он же доказал, что Становой хребет не является сплошной цепью, тянущейся от Забайкалья до мыса Дежнева. Во время путешествия по Финляндии и Швеции Кропоткин исследовал ледниковые отложения и, на основании этих исследований, создал теорию о ледниковом периоде. Эта теория составила эпоху в геологической науке. Академик А. П. Павлов в своей статье (рукопись) «П. А. Кропоткин, как геолог-гляциалист», давая оценку труда Кропоткина: «Исследования о ледниковом периоде», пишет: «Если бы эта работа была в то время (в 1876 г.) опубликована в полном виде и переведена на иностранный язык, то П. А. (Кропоткин).

занял бы (почётное место) в истории изучения географии и геологии Азии — в той научной области, где его труды несравненно более известны за пределами России, чем его труды в области изучения ледниковой эпохи. Труд П. А. Кропоткина «Исследования о ледниковом периоде» (см. «Записки Рус. Географич. общества по общей географии») имел большое значение не только для русской, но и для мировой науки. В этом труде, на основании собранных материалов в Восточной Сибири и в Финляндии, Кропоткин доказал материковую природу оледенения в противоположность старой ошибочной «морской гипотезе». По совершенно справедливому замечанию проф. К. К. Маркова, «исследования П. А. Кропоткина о ледниковом периоде оказали... решающее влияние на его современников. Особенно это относится, конечно, к русским ученым, окончательно перешедшим на твердую почву материкового оледенения» (Проф. К. К. Марков, «Основные проблемы геоморфологии», под ред. заслуженного деятеля науки, проф. Я. С. Эдельштейна, Географгиз, М., 1948, стр. 28). Следует, впрочем, отметить, что теория материкового оледенения (ледниковые покровы равнин и горные ледники), впервые была предложена в России профессором К. Ф. Рульe в 1852 г. и в 1856 г. профессором Г. В. Щуровским, та же теория разрабатывалась в Англии и в США в 1863 г., а в 1876 г. подробно обосновал ее П. А. Кропоткин. В Швейцарии впервые установлена была лишь теория горного материкового оледенения.

После своих путешествий по Сибири Кропоткин пришел к выводу, что орография Азии, составленная Александром Гумбольдтом, «на основании изучения древних и новых китайских географических карт», не соответствует действительности. Гумбольдт «покрыл азиатский материк сетью горных хребтов, из которых одни шли с севера на юг, а другие с запада на восток». Кропоткин доказал, что основные хребты Азии тянутся с юго-запада на северо-восток. Он же первый из геологов «высказал мысль, что северо-восточная часть Азии образовалась вокруг первичного древнего массива, который сам, в свою очередь, представляет обломок еще более древнего околополярного материка. Этот древний массив, говорит П. А., — тянулся по направлению с юго-запада на северо-восток, и вокруг него, как застывшие гигантские волны вокруг утеса, теснились и откладывались в течение тысячелетий позднейшие складки осадочных пород... свои теории о строении азиатского материка и о направлении горных хребтов Азии П. А. изложил в большом очерке, напечатанном в 1876 г. в «Записках Русского Географического общества». Этот очерк был переведен на французский язык, а сокращенное его изложение было в свое время напечатано на немецком языке Петерманом; часть этого очерка была также напечатана на английском языке в журнале Лондонского географического общества. В 1904 г. П. А. изложил свою теорию в книге «L'orographie de la Sibèrie», а также в статье «Orographie de l'Asie, ses raports avec le gèologie et la Flore du continent». Теория П. А. о геологическом строении Азиатского материка и его схема горных хребтов северо-восточной Азии были приняты почти всеми географами и картографами: известный немецкий географ Петерман первый внес в географические карты Азии изменения, согласно схеме П. А. Позднейшие исследователи Азии и Восточной Сибири, хотя и доказали, что физико-географическое строение Азии и, в частности, Восточной Сибири, гораздо сложнее, чем рисовал

себе П. А., но, тем не менее, они нисколько не поколебали основных положений теории П. А.» (Н. К. Лебедев, «П. А. Кропоткин», биографическая библиотека, ГИЗ, М., 1925, стр. 82 — 83).

Кроме того, следует отметить, что, по справедливому замечанию академика В. А. Обручева, П. А. Кропоткина, а не американского ученого В. М. Дэвиса, должно считать одним из первых основоположников геоморфологии (вместе с И. Д. Черским).

П. А. Кропоткину, как было отмечено, принадлежат три оригинальных теории: 1) теория о строении Азиатского материка, 2) теория о ледниковом периоде и 3) теория об усыхании Центральной Азии.

Большинство советских географов, как, напр., Л. С. Берг, К. К. Марков, Э. М. Мурзаев и др., не признает теории прогрессивного усыхания Центральной Азии. Так, Л. С. Берг в нескольких своих статьях, вопреки взглядам П. А. Кропоткина, И. В. Мушкетова, П. А. Тутковского, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. Гумбольдта, В. Гетца, Хентингтона и др., доказывал, что в историческое время ни Средняя, ни Центральная Азия не испытывала прогрессирующего усыхания. «Передняя и Средняя Азия, говорит Л. С. Берг, переполнена развалинами, относящимися к самым различным эпохам, культурам и народам. Причины гибели культурных поселений многоразличны, и всякому, знакомому с исторической географией Средней Азии, должно быть ясно, что одной переменой климатических условий, одним «усыханием» здесь вряд ли удается что объяснить. Главной причиной исчезновения оседлых поселений были, конечно, войны. В XIII столетии Чингиз-хан и его преемники разрушили целый ряд городов в Туркестане и Передней Азии, уничтожили громадные ирригационные сооружения, перебили массу народа. Вследствие разрушения оросительных каналов население, лишенное возможности поддерживать свое существование, частью вымерло, частью разбежалось. От последствий этого разгрома Месопотамия не могла избавиться вплоть до XIX века. При чем же тут изменения климата» (Акад. Л. С. Берг, «Климат и жизнь», 2-ое переработанное и дополненное издание, Географгиз, М., 1947, стр. 63). Таким образом, Л. С. Берг, совершенно справедливо указал, что общего «иссушения» климата Средней и Центральной Азии за историческое время не наблюдается и что причиной гибели древних культур Средней Азии и нашествия монголов были не изменения климата, а явления социально-экономического порядка.

В 1870 г. П. А. Кропоткин, на основании наблюдений над движением льдов в Баренцовом море, а также на основании ряда других соображений, высказал предположение о существовании в северной части этого моря, между Шпицбергеном и Новой Землей, еще никому неизвестной земли, удерживающей за собой льды. «Вряд ли одна группа островов Шпицбергена, писал Кропоткин, была бы в состоянии удерживать огромные массы льдов, занимающие пространство в несколько тысяч квадратных миль, постоянно на одинаковом положении между Шпицбергеном и Новой Землей. Не представляет ли нам это обстоятельство, равно как и сравнительно легкое достижение северной части Шпицбергена, право думать, что между этим островом и Новой Землей находится еще не открытая земля, которая простирается к северу дальше Шпицбергена и удерживает льды за собой» (цитата взята из соч. Н. Н. Зубова, «В центр Арктики», изд. Главсевморпути, Л.-М., 1940, стр. 27). Для проверки своего предположения Кропоткин решил предпринять экспедицию на север; проект этой экспедиции был представлен на рассмотрение тогдашнего русского правительства; последнее отказало в средствах, и экспедиция не состоялась. Предположениями П. А. Кропоткина и его проектом северной экспедиции заинтересовались в Зап. Европе, и вскоре в указанные русским ученым районы Баренцова моря отправилась австрийская экспедиция, возглавлявшаяся Юлиусом Пайером и Карлом Вейпрехтом, которая 30 августа 1873 г. действительно открыла неведомый до того архипелаг, который был назван в честь тогдашнего австрийского императора Землей Франца-Иосифа. Таким образом, предположение П. А. Кропоткина блестяще подтвердилось.

П. А. Кропоткин имел намерение написать физическую географию России, «уделяя при этом видное место экономическим явлениям». «Я намеревался дать, — пишет Кропоткин, — полное географическое описание всей России, основывая его на строении поверхности, орографии, характер которой я начинал себе уяснять после сделанной мною работы о строении Сибири. И я хотел очертить в этом описании различные формы хозяйственной жизни, которые должны господствовать в различных физических областях. Много вопросов, насущных для русского народа, можно было бы выяснить такой работой. Возьмите, например, громадные южнорусские степи, так часто страдающие от засухи и неурожая. Последние нельзя считать случайным бедствием, они являются такой же естественной чертой данного округа, как и его положение на южном скате Средней возвышенности или как его плодородие. Засухи, от которых так страдает юг России, вовсе не случайны: эти засухи нужно раз навсегда признать за такую же особенность черноземной полосы, как и ее географическое положение и ее плодородие. Поэтому надо выработать способы обеспечения населения хлебом в засушливые годы, а также нужно выработать способы борьбы с засухой, какие укажет современная наука. Вся хозяйственная жизнь южной России должна быть поэтому построена на предусмотрении неизбежных повторений периодических недородов». По справедливому замечанию С. Анисимова, Кропоткина еще в 1871 г. глубоко волновали вопросы, которые только теперь получили свое разрешение в экономике СССР.

Главнейшие труды Кропоткина: 1) «Исследования о ледниковом периоде». «Записки Рус. Геогр. общества», т. VII, 1876, XX+717+70 стр. 2) Кропоткин совместно с И. Поляковым, «Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции 1866 г.» в «Записках Рус. Геогр. Общества» (т. III, 1873, XXX+XIII+681+VII+175 стр., карты), 3) «Экспедиция для исследования русских морей» (СПБ, 1871) и др.

О географических теориях Кропоткина см. статью С. С. Анисимова, «Географические теории П. А. Кропоткина» в «Изв. Всесоюзн. географич. общества», т. 75, в. 3-й, М.-Л., 1943, стр. 53 — 60. его же, «Путешествия П. А. Кропоткина», М.-Л., 1943, изд. АН СССР; см. также Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 158—161, 163 — 168; «Люди русской науки», т. 1; ст. акад. В. А. Обручева «П. А. Кропоткин», стр. 588 — 599; монографию проф. К. К. Маркова, «Ледниковая теория (исторический очерк)» в сборнике статей «Очерки по географии четвертичного периода», изд. Географгиз, М., 1955, стр. 315 — 321; Н. И. Бархатовой, Геологические исследования Русского Географического общества (1845 — 1917 гг.), изд. АН СССР, М.-Л., 1955, под ред. проф. С. С. Кузнецова; стр. 30—33, «Экспедиции П. А. Кропоткина».

Кротов Петр Иванович (1851[1] — 1914 гг.), известный русский геолог и географ; по окончании вятской духовной семинарии, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, который и окончил в 1878 г. В университете он специализировался по геологии. Профессор А. А. Штукенберг пригласил Кротова на должность хранителя геологического кабинета. В 1885 г. Кротов защитил магистерскую диссертацию по геологии, а в 1888 г. докторскую диссертацию по минералогии и геогнозии. В 1885 — 1888 гг., в звании приват-доцента Казанского университета, он читал лекции по физической географии, а в 1888 г. Кротов был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре географии. За свой большой труд «Оро-гидрографический очерк западной части Вятской губернии в пределах 89 листа» (СПБ, 1895) П. И. Кротов был утвержден в должности ординарного профессора по кафедре географии. Эту кафедру он занимал до 1906 — 1907 академического года, когда перешел на кафедру геологии после смерти профессора Штукенберга. Из географических трудов Кротова заслуживают внимания: 1) «Материалы по географии Урала», «Записки Русского Геогр. общества», т. XXXIV, № 3 и 2) «Вятский увал», журн. «Землеведение», 1894, т. III; кроме того, под его редакцией, был переведен с немецкого языка обширный труд проф. Ф. Ратцеля, «Земля и жизнь. Сравнительное землеведение», т. I и II (изд. «Просвещение»).

Крубер Александр Александрович (1871 — 1941 гг.), известный русский географ, один из талантливейших учеников проф. Д. Н. Анучина; по окончании гимназии в 1891 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1897 г. он был оставлен при университете для подготовления к профессуре. С 1902 г. по 1911 г. Крубер состоял ассистентом при кафедре географии, а после сдачи магистерского экзамена в 1905 г. читал (с 1907 г. по 1911 г.) в университете лекции в качестве приват-доцента. В 1909 г. Крубер начал преподавание географии на Московских высших женских курсах. В разное время в высших учебных заведениях он читал след. курсы: 1) географию России, 2) общее землеведение и физическую географию, 3) народоведение и 4) антропогеографию. А. А. Крубер является автором ряда интересных трудов, из которых назовем лишь некоторые: 1) «К вопросу об изучении болот Европейской России», журн. «Землеведение», за 1897 г., 2) «Опыты разделения Европейской России на районы», Ibid., 1898 г., 3) «О карстовых явлениях в России» Ibid., 1900, 4) «Новая Гвинея», Ibid, 1902, 5) «Физико-географические области Европейской России» , Ibid, 1907, 6) «К вопросу о грунтовых водах карста», Ibid., 1912, 7) «Гидрография карста», в «Сборнике в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина», 1913, 8) «Азия» и «Крым» — статьи в «Энциклопедическом словаре» Граната, 9) «Карстовая область горного Крыма» (1915 г.) — магистерская диссертация и др.

Затем, А. А. Круберу принадлежит большой курс «Общая физическая география» в 2-х частях и более старый курс «Общее землеведение» в 3-х частях.

Крузенштерн Иван[2] Федорович (1770 — 1846 гг.), русский мореплаватель и путешественник, родился в окрестностях города Ревеля (ныне Таллин, Эстонская ССР). До 15-ти летнего возраста обучался

[1] 1852 (БСЭ, т. 23, стр. 488)—Ред.

[2] Иван (Адам, БСЭ, т. 23 стр. 511)—Ред.

сначала дома, а затем, в училище при ревельской «кирхе» (церкви). 15 лет Крузенштерн был определен в Кронштадтский морской корпус, где он прошел суровую школу. В 1789 г. Крузенштерна, вследствие начавшейся войны со Швецией, ранее срока выпустили из корпуса в чине мичмана. В 1792 г. молодой моряк, отличившийся на войне, в числе 12-ти лучших офицеров флота, был послан в Англию для дальнейшего усовершенствования в военно-морском деле. Из Англии Крузенштерн совершил длительные плавания в некоторые районы Африки, Америки, Вест-Индии и Ост-Индии. Эти путешествия в отдаленные страны были хорошей практической и теоретической школой для Крузенштерна. Кроме серьезных специальных военно-морских знаний, он хорошо усвоил иностранные языки, а также приобрел солидные познания в области географии, океанографии, этнографии и экономики. По возвращении на родину, в Россию, Крузенштерн обратил на себя внимание высшего начальства и 7-го августа 1802 г. был поставлен во главе кругосветной экспедиции, которую он совершил в 1803—1806 гг. Это путешествие обогатило географическую науку новыми данными. Крузенштерн первым произвел в 7 местах наблюдения вертикальных рядов температур на океанических глубинах. Особенное внимание он обратил на изучение островов Тихого океана, а также дальневосточных частей Азии — Камчатки, Сахалина и Курильских островов. И. Ф. Крузенштерн открыл межпассатные течения в южной части Великого океана, которые дотоле не были известны географам. Свое кругосветное путешествие Крузенштерн описал в сочинении: «Путешествие вокруг света в 1803 — 1806 годах...» на кораблях «Надежде» и «Неве», (чч. I — III, СПБ, 1809 — 1812 гг.; с атласом 1813 г. Новое, сокращенное, издание этого сочинения выпущено в свет Географизом в 1950 г. под ред. проф. Н. Н. Зубова и со вступительной статьей проф. А. А. Добровольского и Н. Н. Зубова). И. Ф. Крузенштерн допустил очень серьезную географическую ошибку, а именно он признал Сахалин полуостровом; «... испытания, учиненные нами... сообщает Крузенштерн, не оставляют теперь ни малейшего более сомнения, что Сахалин есть полуостров, соединяющийся с Татарией перешейком...». Эту ошибку Крузенштерна исправил Г. И. Невельской (см.).

И. Ф. Крузенштерну принадлежат также следующие очень ценные труды — «Атлас Южного моря» и объяснительный к нему текст «Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа и Южного моря», чч. I—II, СПБ, 1823, 1826.

Интересные письма Крузенштерна помещены в Шукинском сборнике, часть 10-ая.

Вместе с капитаном Крузенштерном в 1803 г. выехал и русский чрезвычайный посланник в Японии Н. Резанов, которому принадлежит сочинение «Первое путешествие Россиян около Света»; в нем автор довольно подробно описывает страны, попутные города, приемы и пр. Кораблем «Нева» командовал капитан-лейтенант Ю. Ф. Лисянский, совершивший совместно с Крузенштерном кругосветное путешествие в 1803 — 1806 гг.; он также описал эту экспедицию в соч. «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, на корабле «Нева». 2 части, с атласом, СПБ, 1912 г. (Второе переработанное и сокращенное издание под ред. Н. В. Думитрашко, ОГИЗ'а, 1947). О путешествии Крузенштерна сообщает также интересные сведения капитан-лейтенант Ратманов

в книге: «Записки. Первое кругосветное плавание в 1803 г.». См. также «Сборник материалов» под ред. доктора исторических наук А. И. Андреева под заглавием «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII — XIX веках», Всесоюзное географическое общество, изд. АН СССР, М.-Л., 1944; в этом «Сборнике» помещены интересные «Записки» приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына (1795 — 1807 гг.), совершившего кругосветное плавание на корабле «Нева». До последнего времени «Записки» Коробицына не были известны; они случайно приобретены в 1940 г. Всесоюзным географическим обществом.

По справедливому замечанию редактора «Сборника материалов», А. И. Андреева, «Записки» Коробицына «имеют безусловно большой интерес... Отдельные места «Записок», особенно те отделы их, которые носят название «примечания», написаны очень просто и живо и читаются с большим интересом» (Предисловие, стр. 20).

Научно-популярное описание путешествия Крузенштерна принадлежит Н. Н о з и к о в у (см. его книжку «На кораблях Крузенштерна. Первое путешествие русских вокруг света», изд. «Молодая Гвардия», М.-Л., 1930); см. также 1) Е. Л. Ш т е й н б е р г, «И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский», под ред. А. И. Соловьева, Географгиз, М., 1950; 2) Е. Л. Ш т е й н б е р г, «Жизнеописание русского мореплавателя Юлия Лисянского...». Воен. изд. Министерства вооруженных сил Союза ССР, М., 1948 и 3) Очень ценную книгу В. В. Н е в с к о г о «Первое путешествие Россиян вокруг света», Географгиз, 1951; В. С. Л у п а ч, Иван Федорович Крузенштерн и Юрий Федорович Лисянский. Ст. в сборн. «Русские мореплаватели», стр. 137 — 164; Л. С. Б е р г, Очерки по ист. рус. геогр. откр., стр. 128; Н. Н. З у б о в, Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов, Географгиз, М., 1954, стр. 148 — 155; Б. П. О р л о в, Первое русское кругосветное плавание (1803 — 1806 гг.) — И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, изд. «Знание», М., 1954.

Крюммель Отто (1854 — 1912 гг.), известный немецкий географ, ученик О. Пешеля, приобревший заслуженную известность в области океанографии. Первая его научная работа посвящена вопросу об экваториальных течениях и об общей системе морской циркуляции (1877 г.). В 1883 г. Крюммель был приглашен профессором в Кильский университет, откуда в 1911 г. перешел на работу в Марбургский университет. В 1887 г. опубликован был составленный им второй том «Руководства океанографии» (начатого проф. Богуславским). В 1904 г. вышло три тома избранных Крюммелем отрывков из классиков географии, а в 1908 г. — составленное им вместе с Эккертом руководство к географическому практикуму. Выдающимся трудом Крюммеля нужно признать «Handbuch der Ozeanographie» («Руководство к океанографии») 2-х томах.

Кук Джемс (1728 — 1779 гг.), один из виднейших английских мореплавателей; совершил три кругосветных путешествия (1768—1771 гг., 1772 — 1775 гг. и 1776 — 1779 гг.), во время которых сделал много географических открытий; так, напр., он открыл острова Товарищества (Таити), Сандвичевы (Гаваи), Новую Каледонию, Ново-Гебридские и др., доказал островной характер Новой-Зеландии и выяснил, что туземцы (маори) северный остров Новой Зеландии называют «Те-ика-Мауи» («птица — рыба — Мауи»), южный — «Тевахи-Пунаму» («Остров зеленого камня» — нефрита), а остров Стюарт называют «Ракиура»; англичане же назвали северный остров — Нью-Ульстером, а южный — Нью-Мунстером. Кук обследовал также восточный берег Австралии. В третье свое плавание он вошел в пролив между Азией и Америкой и назвал его проливом Беринга. Кук установил, что не существует огромного южного материка Australis, будто бы доходившего до 40° ю. ш. Джемс Кук был первым из мореплавателей, пересекшим южный полярный круг; он доказывал, что Антарктида, если она и существует, то во всяком случае большая часть ее берегов не выступает за пределы этого круга. По мнению Д. Кука, дальнейшее исследование Антарктиды является невозможным вследствие крайнего риска, которое представляет собой плавание среди льдов. «Несомненно, пишет он, что большая часть этого южного континента (если предположить, что он существует) должна лежать внутри полярного круга, где лед, загромождающий море, делает землю недоступной. Зная, как велик риск плавания для исследования берегов в этих неведомых ледовитых морях, я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть далее меня и, следовательно, земли, быть может и лежащие южнее достигнутого пункта, моего Ultima Thule никогда не будут исследованы. Густые туманы, снежные бури, сильный холод и т. п. обстоятельства делают плавание крайне опасным, а все эти трудности покажутся еще большими вследствие невозможно ужасного вида страны, которая осуждена природой никогда не чувствовать теплоты солнечных лучей и лежать погребенной под слоем вечного снега и льда. Гавани, которые, быть может, и нашлись бы у берегов, во всяком случае целиком заполнены мерзлым снегом значительной толщины; впрочем, если бы даже хоть одна из них оказалась настолько свободной от льда, что в нее мог бы войти корабль, он рисковал бы замерзнуть и остаться там навсегда или наткнуться на ледяной остров и потонуть. Ледяные острова, береговые приливы, огромные глыбы, падающие с ледяных гор, сильные снежные бури, сопровождаемые страшным холодом, — все было бы одинаково роковым». Цитата из соч. Д. Кука взята нами из интересной статьи И. Рабиновича «Вопрос об антарктическом материке» (см. журн. «Землеведение», 1906, книжка III—IV, М., 1907, стр. 45). Пророчества Кука, как известно, не сбылись; последующим исследователям, в особенности русским, удалось сделать очень многое в деле изучения Антарктиды. Джемс Кук доказал, что на земном шаре водное пространство (Мировой океан) гораздо больше суши. Кроме того, после его путешествий прочным достоянием науки сделались сведения о новых племенах, о новых странах, о новых растениях и о новых животных.

Книга Д. Кука об его путешествии в 1772 — 1775 гг. имеется в русском переводе под след. заглавием: «Путешествие в Южной половине земного шара и вокруг онаго учиненное в продолжении 1772, 1773, 1774 и 1775 годов английскими королевскими судами «Резолюциею» и «Адвентюром» под начальством капитана Иакова Кука», СПБ, 1799 г. Новый русский перевод соч. Джемса Кука «Путешествие к южному полюсу и вокруг света» вышел в 1948 г. в издании ОГИЗ'а, М., под ред. и со вступительной статьей И. П. Магидовича.

Во время третьего путешествия, при вторичном посещении островов Гаваи, Кук был убит туземцами в бухте Каракакуа. Русский мореплаватель первой половины XIX ст., капитан-лейтенант М. И. Ратманов, писал о Джемсе Куке следующее: «Ежели рассмотреть все то, что Кук сделал для рода человеческого — ужаснуться должно. Он при ог-

крытии разных народов Южного океана стрелял, резал уши тем, которые его почти богом почитали и ни в чем ему не сопротивлялись. Конец жизни сего мореплавателя доказывает возмутительный его характер и грубое воспитание». Д. Кука сопровождали во время его 2-го путешествия вокруг света отец и сын (Георг) Форстеры. Иохану Рейнгольду Форстеру (отцу) принадлежит сочинение «Заметки о предметах физического землеописания, естественной истории и нравственной философии, собранные во время путешествия вокруг света» (англ. издание 1780 г., немец. — 1787 г.). Это сочинение, по мнению проф. Ф. Ратцеля, оказало «мощное влияние на развитие физической географии и этнографии».

Ф. Ратцель, «Земля и жизнь. Сравнительное землеведение», Перев. под ред. проф. П. И. Кротова, т. 1, 2-ое изд., СПБ, стр. 57; См. Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. II, 1947, стр. 134 — 165; Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований». Перевод с англ., под ред. И. П. Магидовича, изд. ИЛ, М., 1950, стр. 195—208. R T. Gould, Captain Cook, 1935.

Кук Фредерик (род. в 1865 г.), путешественник США. В 1903 г. и в 1906 г. путешествовал по Аляске, где совершил восхождение на гору Мак-Кинлей. В 1907 — 1908 гг. отправился в Гренландию, откуда сделал попытку добраться до Северного полюса.

Л

Лангсдорф Григорий Иванович (1774 — 1852 гг.), уроженец Германии, естествоиспытатель, врач, путешественник; с 1803 г. член-корреспондент Российской Академии наук, где он работал больше в области ботаники; в 1803 — 1807 гг. участник русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна; несколько позднее, в качестве члена русского посольства во главе с Резановым, Лангсдорф отправился в малоизвестную тогда Японию; затем, он пробыл некоторое время на Камчатке, откуда выехал в Русские Северо-американские владения, на Алеутские острова. В 1806 г. Лангсдорф вернулся в Петропавловск-Камчатский и через Охотск сухим путем по Сибири приехал в 1807 г. в Петербург (Ленинград). В 1812 г. он был избран и утвержден экстраординарным академиком по ботанике и зоологии. Через некоторое время после этого русское правительство назначило Лангсдорфа консулом в Бразилию, где, он, кроме дипломатической работы, вел и научную. В 1821 г. Лангсдорф начал хлопотать о том, чтобы ему было дано разрешение и отпущены средства на предмет научных исследований в центральных районах Южной Америки, главным же образом в Бразилии (приблизительно в пределах современных штатов — Матто-Гроссо, Минас — Жераис и Сан-Паулу и пограничных с ними районов) и Гвианы (бассейн реки Ориноко). Разрешение было дано, деньги были отпущены, и Лангсдорф со своими спутниками в течение семи лет обследовал области, лежащие в бассейнах Параны-Парагвая и Мадейры-Амазонки с их многочисленными притоками: Тиете, Рио-Парду, Таркуари, Сан-Лоренсо, Жауру, Тапажос-Журуена, Аринос, Гуапоре, Рио-Негро и др. Эта хорошо организованная экспедиция не была закончена, так как в июне 1828 г. Лангсдорф заболел тропической малярией в очень тяжелой форме, что крайне неблагоприятно отразилось на его умственных способностях (он потерял память и способность соображать).

Несмотря на то, что экспедиция не сумела довести до конца свое предприятие, она имела для своего времени большое значение. Лангсдорф и его спутники посетили ряд малодоступных и малоизвестных тогда областей; они собрали большой материал по ботанике, зоологии, этнографии, оставили интересные путевые записки и дневники, составили словари языков нескольких индейских племен (апиака, гуана, мундуруку и др.); все эти материалы, хранящиеся в архиве Академии наук СССР, не утратили своего значения и для нашего времени. Кроме того, художник экспедиции, Флоранс, собрал интересный и сравнительно богатый иллюстрированный материал. Дневник Флоранса, по мнению Н. Г. Ширинцина, «представляет собой большую ценность в этнографическом отношении. Помимо сведений о маршруте, методах работы и подчас опасных для жизни трудностей, Флорансом приводится большой фактический материал, результат непосредственных наблюдений, произведенных во время путешествия. Особенную ценность представляет описания племен — гуана, гуато, мундуруку и др. и в особенности апиака, в настоящее время в значительной мере вымерших...» (Н. Г. Ширинцин, «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию», статья в журн. «Советская этнография», 1936, № 1, стр. 109 — 120). Труды экспедиции Лангсдорфа не изданы и до настоящего времени.

Организации путешествия Лангсдорфа, между прочим, содействовало и Московское общество испытателей природы. С. Ю. Лифшиц в своем труде «Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования» (М., 1940) пишет: «К великому сожалению, вследствие психической болезни Лангсдорфа, последовавшей вскоре после его путешествия в Бразилию, эта замечательная русская экспедиция почти совершенно не освещена в нашей литературе, хотя многие документы, касающиеся ее, должны храниться в архиве Академии наук. Общество тесно было связано с этой экспедицией, так как оно субсидировало (чучельника Фрейерса. Г. Г.) из специально ассигнованных денег... Об этом мы находим следующие упоминания в архивных делах: «г. Фрейерс ординарный член Московского общества испытателей природы в звании чучельника путешествующий из любви к натуральной истории и находящийся ныне в Бразилии, в течение нескольких лет присылал и дарил Обществу многочисленные зоологические и ботанические коллекции, собранные им в Бразилии...» некоторые письма Фрейерса из Бразилии сохранились в архиве; они смогут осветить маршруты, совершенные Фрейерсом в путешествии» (стр. 48).

Г. Г. Манизер, «Экспедиция акад. Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821 — 1828)», ОГИЗ, Географгиз, М., 1948.

Лаперуз Жан Франсуа (1741 — 1788 гг.), французский мореплаватель. На двух кораблях «Буссоль» и «Астролябия» отправился в 1785 г. в кругосветное путешествие, во время которого он исследовал много островов Тихого океана (как, напр., о-в Пасхи, о-ва, Таити, Гаваи, о-в Мовэ, о-в Неккера, Марианские о-ва, Филиппинские, Формозу (Тайвань), Пескадорские (Пэнхуледао), остров Ботол-Тамаго-Хима, Даже-ле, Сахалин и др.); затем он посетил северо-западные берега Сев. Америки, северо-восточные берега Азии, открыл пролив между островами Сахалином и Хоккайдо (или Иезо); пролив этот назван его именем. Затем долгое время о судьбе экспедиции Лаперуза ничего не знали, пока капитану французского флота, Дюмон-Дюрвилю, не удалось обнаружить в 1828 г. много вещей с погибших кораблей Лаперуза — «Астролябии» и «Буссоли» — на очень редко посещаемом тогда европейцами острове Ваникаро (близ Соломоновых островов).

Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. II, 1947, стр. 173 — 178; Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований». Перев. с англ. под ред. И. П. Магидовича, М., изд. «ИЛ», 1950, стр. 208 — 209.

Лаппаран Альбер (1839 — 1908 гг.), известный французский геолог и географ; в бытность свою студентом он совершил поездки в южный Тироль, о геологическом строении которого написал специальную монографию. В 1875 г. Лаппаран занял кафедру геологии и минералогии в Парижском католическом институте. В 1880 г. он был избран президентом «Геологического общества Франции», а в 1882 г. — президентом «Французского минералогического общества». В 1891 г. появился его обширный труд «Traitè de géologie» («Курс геологии»), выдержавший много изданий; кроме того, им же был напечатан «Курс минералогии» («Cours de Mineralogie»). В 1896 г. появился новый труд Лаппарана «Лекции по физической географии» («Leçeon de geographie physique»). В своих сочинениях он обращает внимание на связь между рельефами формами поверхности стран, их ландшафтом вообще и геологическим их строением. В своих «Лекциях по физической географии» Лаппаран сделал «попытку распространить на всю поверхность земного шара анализ географических форм, основанный на истории их развития». Кроме вышеназванных трудов, Лаппарану принадлежит еще много других, как, напр.: 1) «Fossiles caractéristique des terrains sédimantaires» (1885), 2) «Fossiles tertiares» (1886), 3) «Abrégé de geologie» (1886), 4) «La géologie en chemin de fer» (1888), 5) «Le Pays de Bray» (1888), 6) «La Question du Charbon de terre» (1890), 7) «Le Siecle de fer» и др. Ряд его статей и монографий по геологическим и физ. географическим вопросам напечатан в «Revue de question scientifiques», в «La Geographie», в «La Nature», в «Annuaire du Club alpin» и т. д.

В 1895 г. Лаппаран был избран президентом центральной комиссии Парижского географического общества, а в 1897 г. — членом Парижской Академии наук. Нельзя не отметить того факта, что Лаппаран являлся апологетом веры и религии, что никак не вязалось и не вяжется с наукой и научным мышлением. В своем сочинении «Science et Apologetique» («Наука и апологетика»), 7 édition. (Paris. 1908, pp. 5—6) он пишет: «из всех аргументов, которыми теперь стараются поколебать религиозные верования, нет ни одного, чей кредит был бы лучше обеспечен среди широкого круга общества, чем утверждения во имя науки. Достаточно произнести это магическое слово, чтобы пробудить почтение, почти соприкасающееся с суеверием, и это почтение становится уже совсем безграничным, когда к слову «наука» можно добавить эпитет «математическая»... Если каким либо возражениям удается облечься или будто бы облечься в эту сакраментальную формулу (продолжает очень неудачно иронизировать автор), большинство склонно уже считать их неподлежащими оспариванию, и законы, этого рода, в умах верующих в них (Sic!...) должны, с одинаковою силою, быть обязательными настолько же для самого творца всемогущего, насколько и для смиреннейшего из смертных. Отсюда до мысли о ненужности и бесполезности этого всемогущества — всего один шаг, и многие не колеблятся его сделать».

Лаптев Дмитрий Яковлевич (годы рождения и смерти не известны), двоюродный брат Харитона Лаптева, лейтенант русского флота,

участник Великой Северной экспедиции. Витус Беринг назначил его начальником отряда, которому поручено было обследование северных берегов Сибири к востоку от реки Лены. Д. Я. Лаптева характеризуют, как и его двоюродного брата Харитона Прокофьевича, неутомимость в работе, необычайная энергия, уменье быстро ориентироваться во всех затруднительных случаях, поразительная выдержка и трудолюбие. Ни зиму, ни лето, ни сам Д. Я. Лаптев, ни его сотрудники не знали отдыха в течение семи лет (с 1735 г. по 1742 г.); они были заняты то обследованием северных берегов Сибири, то черчением карт, то производством астрономических наблюдений, то исследованием бассейнов рек: Индигирки, Яны, Хромы и др. Д. Я. Лаптев со своим отрядом успешно справился с возложенной на него Берингом трудной задачей по обследованию северных берегов Сибири к востоку от Лены.

См. Г. В. Яников, «Великая Северная экспедиция», Географгиз, М., 1949, стр. 107 — 129, 156 — 157; Ю. Шокальский, «Лаптев, Дмитрий», ст. в «Русск. биографич. словаре», СПБ, 1914; «Лабзина-Лященко, стр. 75 — 77.

Лаптев Харитон Прокофьевич (умер в 1763 г.), лейтенант русского флота, участник Великой Северной экспедиции; отличался большим умом и наблюдательностью, необыкновенным мужеством, энергией, спокойным выдержанным характером, достаточными знаниями и литературным талантом. Х. П. Лаптев вместе с Челюскиным обследовал северные берега Сибири между устьями рек — Лены и Енисея. Он подробно описал флору и фауну Сибири и быт ее обитателей; в своих записках Лаптев приводит ценные метеорологические наблюдения, исследование приливов и магнитных склонений, описание бассейна реки Хатанги и пр. Впервые записки Лаптева были опубликованы А. Соколовым в «Записках Гидрографического департамента морского министерства» (т. IX, 1851). Вот, что пишет, напр., Х. П. Лаптев о бассейне реки Хатанги: «Река Хатанга вышла из лесных мест, пустых, из озера Большого Завомога; и сей на ней лес стоячий окончился в 73° ширины. По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершин, от 72° ширины, и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, которая против других рек меньше ловится, но больше оленями, которых промышляют на плаву чрез реку осенью, когда идут олени с моря в лесные места, и весною, когда, також на плаву идут от комаров из лесных мест к морю и к озеру Теймурскому в тундровые чистые места. По сей реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольнее. Собой песцы большие. Изредка промышляют волков бело-черных и белых; только не много их». У Лаптева в его «Записках» есть очень живое описание шаманства и шаманов. Как видно из указанного, Лаптева интересовали не только чисто географические вопросы, но и быт и нравы местного населения.

См. Г. В. Яников, «Великая Северная экспедиция», Географгиз, М., 1949, стр. 84 — 103, 154 — 156; «Люди русской науки», т. I, ст. доц. С. Луцкого, «Д. Я. и Х. П. Лаптевы», стр. 545 — 550; Ю. Шокальский, «Лаптев Харитон», ст. в «Русск. биограф. словаре», СПБ, 1914; «Лабзина—Лященко», стр. 77—78; Л. С. Берг, «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», М.-Л., 1946.

Ласиниус (Лассениус) Питер, капитан морского флота; родом датчанин. В 1725 г. он был приглашен на службу в Россию; принимал участие в первой Камчатской и Великой Северной экспедициях под руководством Витуса Беринга. Ласиниусу было поручено отправиться

по реке Лене в Северный Ледовитый океан и пройти затем северный берег Сибири и Камчатки. В июне месяце 1735 г. он вышел из Якутска на дубльшлюпке «Иркутск» с экипажем в 52 человека; в средних числах августа он достиг Ледовитого океана, но встретил непроходимые льды. С большим трудом Ласиниусу удалось добраться до устья реки Хатанги, где он стал на зимовку. Зимовщики построили сравнительно вместительный дом и разместились в нем. Скоро началась цынга и первой жертвой этой болезни стал командир отряда Ласиниус, который скончался в декабре 1735 г. К началу марта 1736 г. из всего экипажа в живых осталось лишь 8 человек, от которых послано было сообщение о постигшем их несчастии. Беринг отправил на помощь команду в 16 человек. Когда эта команда, после больших мытарств, добралась до зимовки Ласиниуса, там уже никого не оказалось в живых.

Г. В. Я п и к о в, «Великая Северная экспедиция», Географгиз, М., 1949, стр. 104 — 107; Л. С. Б е р г, «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», изд. АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 337 — 338.

Лейхгардт Людвиг (погиб в 1848 г.), немецкий ученый, биолог, филолог, путешественник; отправился в Австралию с целью пройти ее поперёк и исследовать центральные неизвестные и малоизвестные дотоле ее части. Лейхгардт решил сначала тренировкой подготовить себя к этому трудному путешествию; он поселился в пустыне, занимался охотой, наблюдал быт и нравы местного дикого населения; жил он в большом дуплистом дереве; питался дичью, которую добывал на охоте; так он прожил около трех лет, в течение которых он исследовал область Восточных гор между реками Гинтером и Брисбеном и испытал за это время много невзгод. Только в 1844 г. Лейхгардт предпринял большое путешествие, «отправившись из бухты Мортона внутрь материка. Сначала он исследовал реку Кондамина, затем направился на юг горной страны Квинсленда, переправился через реки Даусон, Мэкензи и Исааскову реку и перешел в бассейн реки Бельяндо. По этой реке он спустился вниз, поднялся по Бердекину вплоть до его истоков и пробрался, наконец, по бассейнам Линда и Митчеля до залива Карпентария. Затем он обошел вокруг всего залива Карпентария до реки Ропера с западной стороны и достиг реки Аллигаторов и Порт-Эссингтона, откуда он уже морем проехал в Сидней» (Н. К. Л е б е д е в, «Завоевание земли», т. III, стр. 80, ГИЗ, М.-Л., 1925).

Во время этого путешествия Лейхгардт собрал богатый материал, который лег в основу его ценного исследования «К вопросу о геологии Австралии». Через некоторое время он решил отправиться в новое путешествие с целью пройти через весь австралийский материк с запада на восток. Однако эта экспедиция была неудачна. Лейхгардт через низменность Дарлинга дошел до хребта Пэка и, вследствие истощения съестных припасов, вынужден был вернуться. Неудача не обескуражила энергичного путешественника, и в 1847 г. он вновь предпринял новую экспедицию; в апреле 1848 г. Лейхгардт находился в Когуне, откуда со станции Макферсон он отправил письмо; после этого прошел год и о Лейхгардте и его спутниках ничего не было слышно. До настоящего дня никто ничего не знает об их судьбе. Предполагают, что все участники этой экспедиции погибли от голода в бассейне реки Флиндерс, где Уокер в 1861 г. и Мак-Энтайр в 1864 г. нашли следы пребывания Лейхгардта.

Дж. Б е й к е р, «История геогр. иссл. и открытий», 1950, стр. 496, 497, Н. К. Л е б е д е в, «Завоевание земли», т. III, стр. 78 — 81.

Ленц Эмилий Христианович (1804 — 1865 гг.), один из выдающихся физиков и геофизиков России и всей Европы, известный физгеограф; доктор филологии; действительный член Российской Академии наук, профессор Петербургского (Ленинградского) университета. Высшее образование получил в Тартуском (Дерптском) университете, где особенно много работал по филологии и естественным наукам. В 1823 — 1826 гг. принимал участие в кругосветном путешествии Коцебу (см.). Во время этой экспедиции Ленц сделал очень ценные наблюдения. Результаты научных исследований этого путешествия напечатаны им в «Мемуарах Академии наук» (1831 г.). В 1829 г. Ленц принял участие в экспедиции на Кавказ для магнитных, термометрических, барометрических и геогностических наблюдений и исследований в районе Эльбруса. Кроме того, он производил наблюдения над качанием маятника на берегу Каспийского моря. В то же время Ленц напечатал ценное для своего времени исследование об изменениях уровня вод в Каспийском море. В 1837 г. он совершил, вместе с Гецем и Гебелем, путешествие в южно-русские степи, результатом чего было его сочинение: «Reisen in die Steppen des südlichen Russlands» («Путешествие по степям южной России»).

Э. Х. Ленц состоял профессором высших учебных заведений Петербурга (Ленинграда) — Университет, Михайловское артиллерийское училище и др., в которых он читал курсы физики и физической географии. По отзывам специалистов и слушателей, лекции его отличались значительной ясностью и строгой систематичностью. Из физико-географических трудов Э. Х. Ленца следует назвать: 1) «О солености морской воды и ее температуре в океанах на поверхности и в глубине», 2) «Об изменении уровня Каспийского моря», 3) «О барометрическом изменении высот», 4) «Наблюдения над наклонением и степенью силы магнитной стрелки, произведенные в путешествии вокруг Света в шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг. капитаном Ф. Литке», обработанные и вычисленные Э. Ленцом и др. Целый ряд трудов Э. Х. Ленца напечатан на немецком языке. Заслуживает также внимания отличное для своего времени руководство по физической географии (для высших учебных заведений), вышедшее первым изданием в 1851 г. (повторные издания 1854 г. и 1865 г.). Это руководство, несмотря на значительную устарелость его отдельных частей, и сейчас читается не без интереса и свидетельствует о большой научной эрудиции автора.

О Э. Х. Ленце см. БСЭ, 2-ое изд., т. 24, стр. 570 — 571.

Леонардо да Винчи (1452 — 1519 гг.), гениальный художник и выдающийся многосторонний ученый эпохи итальянского Возрождения, уроженец деревни Анкиано близ городка Винчи, молодые годы свои провел во Флоренции, в тогдашнем центре новой гуманистической мысли. Ему принадлежит ряд ценнейших высказываний по вопросам математической и физической географии.

«Море, стелящее свои волны по отлогому берегу; река, размывающая свои берега; дерево, его разветвления и изгиб; птица, рассекающая воздух, колокол, лестница, странное лицо, — говорит Габриель Сейаль, — все его интересует; где бы он ни был, его всегда останавливает и приковывает к себе масса образов и фактов» (Г а б р и е л ь С е й а л ь, Леонардо да Винчи, как художник и ученый, 1898, стр. 118).

Благодаря этому, в сочинениях Леонардо да Винчи собран богатый и разнообразный материал по различным отраслям знания и между прочим по географии.

По его мнению, «земля не отличается от других небесных тел, она — планета»; «земля есть планета, почти похожая на луну...»; «горы создаются и разрушаются течением рек»; «горные наслоения камней не что иное, как последовательные слои ила, помещенные один над другими разливами рек». «Величайшие горы, хотя и удаленные от морских берегов, сгонят море с его места. Это те реки, которые уносят землю, смытую ими с гор, и сваливают ее на морские берега; оттуда, куда входит земля, убегает море». Как видно из приведенных цитат, пытливый ум Леонардо да Винчи приходит к одному из важнейших выводов современной динамической геологии и геоморфологии.

У Леонардо да Винчи мы находим также ценные высказывания по вопросам гидростатики, гидрологии, геогнозии и пр.

«Вода, замечает Габриель Сейаль, производила на него чарующее действие: он любил ее прихотливые и живые линии, ее волнистые движения, ее изменчивые и мягкие звуки; как художник, он заставлял ее извиваться на фоне своих картин; как инженер, он играет ее грозной силой, строит машины на ее пути, направляет ее, заставляет ее, где ему вздумается, сносить землю, которую она увлекает с собою» (Назв. соч., стр. 140). Леонардо да Винчи изучает воду во всех ее разнообразных физических состояниях. «Он имел ясное представление о молекулярном составе воды... он наблюдает воду в ее метаморфозах: паре, дожде, льду, росе, инее... Он изучает воду во всех формах, которые она принимает на нашей земле: океан, его прилив и отлив; течение подпочвенных вод, реки, каналы, водопроводы; быстроту течений их, их скорость на различных глубинах, результаты, происходящие от их встреч, их действие на берега, на дно, на плотины, на преграды всякого рода, которые создают им люди или природа. Чтобы измерить скорость речных вод, он принимает в соображение ширину русла, его наклон, трение о берега и дно, даже трение воздуха на поверхности» (Ibid, стр. 141 — 142).

Леонардо да Винчи довольно подробно говорит о созидательных и разрушительных действиях воды. «Вода — извозчик природы» («il vettu-rale della natura»); она... прорывает изрыхленную дождевыми потоками почву; при первом порыве уносит крупные камни, затем более мелкие камни, у которых она стачивает края, катая их (дресва), затем крупный песок, наконец, к морю приносит мелкий песок и ил» (Г. Сейаль, стр. 159).

А вот еще одно место из заметок Леонардо да Винчи, где он говорит о разрушительной деятельности воды: «река, что выходит с гор, отлагает большое количество крупных скал на своем береговом песке, которые сохраняют еще часть своих углов и рёбер; и в процессе течения приносит она камни с более стёртыми углами, т. е. большие камни делает меньшими; и ниже откладывает крупную гальку, а затем мелкую, потом идет крупный песок, а за ним мелкий; после чего следует грубый ил, за ним более тонкий, и так, продолжая, вливает она в море мутную от песка и ила воду; песок отлагается на морском берегу из-за отхода соленых волн, и следует ил такой тонкости, которая равняется природе воды: он поверх морского ила не остается, а сходит обратно с волной из-за своей легкости, ибо, образовавшись из перетиравших листьев и других легчайших вещей, он таков, что, по сказанному, имеет почти природу воды; затем, в затишье отлагается он и остается на дне моря, где из-за тонкости своей уплотняется и противостоит, благодаря своей гладкости проходящим над ним волнам, и здесь

находятся раковины и эта белая глина для выделки горшков». Леонардо да Винчи придает большое значение в природе круговороту воды. «Большая часть моря, говорит он, убежит к небу и не вернется в течение долгого времени — то есть через облака»: затем, он отмечает, что «вода, упавшая из облаков, а также находящаяся в движении по склонам гор, остановится на долгий промежуток времени без всякого движения, и это случится во многих и разных провинциях — снег в хлопьях, который есть вода». «Вода течет из рек в море и из моря в реки, совершая постоянно тот же круговорот».

Леонардо да Винчи разработал также, теорию образования и распространения волн. Волна, по его мнению, «является результатом толчка, отраженного водою; его размах гораздо быстрее течения воды.Поэтому волна часто уходит от места, где она образовалась, хотя волна не переместилась. Морские волны имеют большое сходство с волнами, которые ветер производит на ниве: мы видим их движение, хотя колосья не меняют своего места». Это сравнение, как известно стало классическим. «Иногда волны бывают быстрее ветра, а иногда ветер гораздо быстрее волн; это указывают корабли на море. Волны могут быть быстрее ветра, если они были произведены более сильным ветром; затем ветер утихает, а волна сохраняет большую силу импульса». Вода не может так скоро «успокоиться, потому что при падении воды от гребня до основания волны, возобновляются скорость, сила и движение». Когда волна разбивается о берег, то ее падающее движение переходит в отраженное; поэтому она уносит и громоздит рядами предметы, увлеченные ею. Падающее движение выбрасывает огромнейшие камни; отраженное движение слишком слабо, чтобы уносить их с собою; только легкие вещи то увлекаются вперед, то уносятся назад, а песком оба движения играют, как мячиком».

Резюмируя свои наблюдения над волнообразным движением, Леонардо да Винчи приходит к следующему выводу: «Закон волнообразного движения сводится, таким образом, к следующей формуле: волны перекрещиваются, не разрушаясь и не сливаясь». Гениальнейшему флорентинцу принадлежит также объяснение пепельного цвета луны. «Луна не имеет собственного света: отчего же происходит, что во время новолуния, — когда луна восходит с запада по близости заходящего солнца, — между краями освещенного солнцем нарастающего месяца виднеется в каком-то полусвете вся поверхность полуосвещенной луны. Это происходит оттого, что солнце бросает свой свет на наш океан, который отражает его в луне. Итак, задолго до Местлина[1] Леонардо да Винчи объяснил пепельный цвет луны отражением земли».

У Леонардо да Винчи проблемы научной теории находились в тесной связи с практикой. «Из оптики, «матери астрономии», говорит В. Зубов, вырастают попытки объяснения света луны, первое правильное объяснение пепельного цвета луны, тесно связанное с представлением, что земля «звезда подобная луне», т. е. представлением об однородности вселенной и ее законов. Нельзя не указать, что и ко многим геологическим наблюдениям, послужившим основой его раз-

[1] Местлин Михаель (1550 — 1631 гг.), проф. математики и астрономии Тюбингенского университета, убежденный последователь Коперника; учитель и друг Кеплера.

мышлений о прошлом и будущем земли, Леонардо не мог прийти иначе, как в процессе своих работ в качестве практика-гидротехника».

Леонардо да Винчи начертил превосходные для своего времени карты (картины — рельефные карты) центральной Италии, берега между Римом и Неаполем, и Тосканы. Ему же приписывается также одна из ранних карт Америки. «На его карте, составленной в 1515 г., сообщает проф. А. В. Ефимов, имеются не два, а один американский континент именно — южный. Он расположен не с севера на юг, а с востока на запад. Над этим континентом, изображенным на карте горизонтально, имеются большие острова — Куба и Изабелла. На западной оконечности его самый большой остров с надписью «Земля Флорида». Это уже какой то намек на представление о Североамериканском континенте. Азия отделена от Америки огромным водным пространством. На полпути от Азии к Америке — остров Зипунга, т. е. Япония. На северной части Азии надписи: «Китай» и «Тангут», т. е. Тунгусия, В Арктике, восточнее Тангута, показана земля, или большой остров, Бакалар — это второй намек на зачаточное представление о какой то части Североамериканского континента»[1].

Леонардо да Винчи, указывая на роль и значение опыта в науке, энергично боролся с вербализмом, со схоластикой и ее представителями, начетчиками схоластической «науки», которые упрекали великого ученого и художника в том, что он де мало начитан, не разбирается в вопросах теологии и «философии» и не имеет «настоящего» (с точки зрения схоластиков) книжного знания. «Хорошо знаю, иронически замечает Леонардо да Винчи, что некоторым гордецам, потому что я начитан, покажется, будто они вправе порицать меня, ссылаясь на то, что я человек без книжного образования. Глупый народ! Не понимают они, что, как Марий ответил римским патрициям, я мог бы так ответить им, говоря: «Вы, что украсили себя чужими трудами, вы не хотите признать за мною права на мои собственные». Скажут, что, не будучи словесником, я не смогу хорошо сказать то, о чем хочу трактовать. Не знают они, что мои предметы более, чем из чужих слов, почерпнуты из опыта, который был наставником тех, кто хорошо писал; так и я беру его себе в наставники и во всех случаях на него буду ссылаться».

Возражая своим критикам, Леонардо да Винчи пишет: «Многие будут считать себя вправе упрекать меня, указывая, что мои доказательства идут вразрез с авторитетом некоторых мужей, находящихся в великом почете, почти равном их незрелым суждениям; не замечают они, что мои предметы родились из простого и чистого опыта, который есть истинный учитель».

По мнению Леонардо да Винчи, «опыт не ошибается, ошибаются только суждения наши, которые ждут от него вещей, не находящихся в его власти. Несправедливо жалуются люди на опыт, с величайшими упреками вина в обманчивости. Оставьте опыт в покое и обратите жалобы свои на собственное невежество, которое заставляет вас быть поспешным и, ожидая от него в суетных и вздорных желаниях вещей, которые не в его власти, говорить, что он обманчив. Несправедливо жалуются люди на неповинный опыт, часто вина его в обманчивых и лжи-

[1] О картах Леонардо да Винчи, см. статью С. А. Гавриловой в «Вопросах географии», сборн. 34, стр. 161 — 162; изд. Географгиза, 1954.

вых показаниях». Представители схоластики — «чванные и напыщенные, разряженные и разукрашенные не своими, а чужими трудами» — являются, по образному выражению Леонардо да Винчи, «трубачами и пересказчиками чужих произведений».

Леонардо да Винчи уже за сто лет до Френсиса Бэкона считал индукцию единственным достоверным методом научного исследования.

См. Леонардо да Винчи, Избранные произведения, изд. Academia, тт. I и II; Леонардо да Винчи, Избранное, М., Гослитиздат, 1952; Габриель, Сейаль, «Леонардо да Винчи, как художник и ученый», СПБ, изд. Л. Ф. Пантелеева, 1898; Проф. А. К. Дживелегов, «Леонардо да Винчи», М., 1935 (из серии «Жизнь замечательных людей», в. 9—10 (57—58); Проф. А. В. Ефимов, «Из истории великих русских географических открытий», Учпедгиз, М., 1949; Фридрих Даннеман, «История естествознания, естественные науки в их развитии и взаимодействии», т. I (перев. с нем. А. Г. Горифельда, под ред. М. Л. Левина и О. Ю. Шмидта); Фридрих Энгельс, «Диалектика природы», Госполитиздат, 1952; В. П. Зубов, «Научное наследие Леонардо да Винчи», Вестник АН СССР, 1952, № 4; БСЭ, 2-ое изд., стр 573 — 578 (с библиографией); В. П. Зубов, «Леонардо да Винчи и его естественно-научное наследие», ценная статья в книге «Леонардо да Винчи. Избранные естественно-научные произведения», редакция, перевод, статья и комментарии В. П. Зубова, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 875 — 938. Эта ценная статья заслуживает внимания, как в смысле положительной оценки роли и значения великого Леонардо в истории европейской и мировой научной мысли, так равно и в смысле объективной критики взглядов французского ученого идеалиста и «апологета католицизма»—Пьера Дюэма, немецкого автора — Леонардо Ольшки и американского медиевиста — Линна Торидайка, которые пытаются в своих работах развенчать Леонардо да Винчи и умалить его научные заслуги (стр. 927 — 936).

Лепёхин Иван Иванович (1740 — 1802 гг.), выдающийся русский путешественник и естествоиспытатель. Учился в академической гимназии и университете Российской Академии наук до 1762 г.; затем изучал естествознание и медицину в Страсбурге, где получил степень доктора. В 1768 г. вернулся в Петербург (Ленинград) и был выбран в адъюнкты Академии наук, а в 1771 г. в академики по естественным наукам. В 1768 — 1772 гг. Лепёхин предпринял, частью один, частью с Палласом, путешествие по юго-востоку и отчасти северу Европейской части России, причем собрал замечательную для своего времени ботаническую коллекцию. В 1773 — 1774 гг. Лепёхин путешествовал по Белоруссии. По возвращении из этого путешествия он был назначен директором Петербургского ботанического сада. Лепёхин напечатал свою замечательную книгу «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, в 1768 — 1771 годах» (3 части СПБ, 1771 — 1780 гг., 2-ое изд., там же, 1795 — 1814 гг.; 4-ая часть «Записок», заключающая путешествие 1772 г., издана была уже после смерти автора; СПБ, 1805, последнее издание «Записок» в книге: «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академией наук»; СПБ, 1818 — 1825 гг., 7 част.). Это сочинение переведено

на немецкий язык (Альтенбург, 1774 — 1783 гг.). По своей форме «Дневные записки...» являются дневником путешествия; в этот дневник Лепёхин тщательно и аккуратно заносил свои впечатления, наблюдения, встречи и разговоры. В «Дневных записках»..., по словам А. Н. Пыпина, «постоянно перемежаются ученые описания природы и простые рассказы о народном быте; по пути наш ученый обращает внимание на почву и геологические свойства края, уйдет со станции вперед и собирает растения и насекомых; встретившись и познакомившись с крестьянином-охотником, добывает через него разные породы зверей и птиц, и за страницами описаний местной природы и ландшафта, любопытных растений, бабочек, птиц и рыб, следуют рассказы о крестьянском земледелии и промыслах, подробные описания местных производств, наконец, беседы с хозяевами-крестьянами, у которых остановился, и где, конечно, выступают на сцену всякие деревенские интересы, радости, а чаще заботы—и все это совершенно понятно нашему путешественнику...» (А. Н. Пыпин, «История русской этнографии», т. 1, СПБ, 1890, стр. 119).

В «Записках...» Лепёхина приведено много интересных материалов исторического и этнографического характера. И. И. Лепёхин едва ли не первый из русских писателей и ученых описал те бытовые формы народной жизни, которые впоследствии, в 60-ых — 80-ых гг., были «открыты» народниками; так, например, он дает описание некоторых видов деревенской помочи, обратив, между прочим, особое внимание на «вдовью помочь», на «сиротскую помочь»; у него же приведены сведения о способах дележа пашни, описание уборки хлебов, постройки изб и т. д. Во время путешествия по Волге он интересовался народными легендами, памятниками старины,историческими преданиями и т. д. Все эти материалы ,собранные Лепёхины, не потеряли своего значения и до сегодняшнего дня. Отметим еще следующие труды Лепёхина: 1) «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастаний» (Петербург, 1783), 2) «Краткое руководство к разведению шелков в России» (1798) и др.

И. И. Лепёхин в своем докладе, прочитанном 11 марта 1783 г. на общем собрании Академии наук на тему «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастаний», высказал ряд ценных соображений по вопросу о размещении растений и животных по земному шару в зависимости от климата. «Главнейшая причина сего в прозябаемых различия, говорил докладчик, зависит от различного разделения по лицу земному теплоты, проистекающей от благотворного светила, согревающего и освещающего... обитаемый нами шар... Преходя от знойных стран до последних земли пределов, простирающихся к северу, усмотрели бы мы во всяком климате собственные и отменные произрастания» («Новые ежемесячныя сочинения, Иждивением имп. Академии наук, СПБ, 1795, часть СУП (май), стр. 25 и 28 — 29).

О И. И. Лепёхине см.: 1) «Русский биографический словарь (т. Лабзина-Лященко); 2) В. П. Таранович, «Путешествие И. И. Лепёхина по северу Европ. России в 1771 и 1772 гг.»; Труды Института истории и техники АН СССР, сер. 1, вып. 4. Л., 1934; 3) Его-же, «Экспедиция акад. И. И. Лепёхина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г.»; в тех же «Трудах», сер. 1, вып. 5, Л., 1935; 4) Н. Г. Фрадкин, «Путешествия И. И. Лепёхина, Н. Я. Озерецковского,

В. Ф. Зуева», Географгиз, М., 1948, стр. 5—46; 5) Его-же очень ценную книгу: «Академик И. И. Лепёхин и его путешествия по России в 1768 — 1773 гг., Географгиз, М., 1950; 6) А. В. Хабаков, «Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России», ч. 1, изд. МОИП, М., 1950, стр. 161 — 168.

Ливингстон Давид (1818 — 1873 гг.), известный английский путешественник по Африке; в 1840 г. отправился в качестве миссионера в Капланд и с 1849 г. совершил три путешествия. Во время первой своей экспедиции Ливингстон исследовал пустыню Калахари, открыл озеро Нгами и связанные с ним реки Зугу, Теоге и Тамуналль. В 1851 г. в стране макололов он открыл широкую и красивую реку Лиамбей и южный ее приток Чобе. С июня 1852 г. по май 1856 г. Ливингстон пересек южную половину Африки от океана до океана в двух направлениях: сначала из страны макололов он прошел на северо-запад в Анголу, до берега Атлантического океана; затем, он повернул обратно и через Линианти пересек весь материк, выйдя по течению реки Замбези к Индийскому океану в Келимане. Во время этого путешествия Ливингстон открыл несколько десятков рек, горных хребтов и долин, много населенных пунктов, а на реке Замбези знаменитый водопад «Мосиоа-Тунья» («дым там гремит»), названный им водопадом Виктории (в честь английской королевы). Вновь открытые местности Ливингстон нанес на карту, сделав для этого около трех тысяч астрономических определений координат; затем он дал ценное описание флоры и фауны посещенных им стран. Следующее путешествие Ливингстона от 1858 г. по 1864 г. также богато своими результатами; в устье реки Замбези он открыл более судоходный проток — Конгоне, соединяющий главное течение реки с морем; затем, Ливингстон обследовал приток Замбези-Шире — и открытое им озеро Ширва. В 1859 г. он открыл огромное и красивое горное озеро Ньяса. Эту Экспедицию Ливингстон описал в своей книге: «Плавание по Замбези» (1865). С января 1866 г. по апрель 1873 г. он совершил еще одно продолжительное путешествие, научные результаты которого были также чрезвычайно важны; он изучил режим озера Танганьика и исследовал лежащую к западу от него область Маниему. В этой области была открыта им река Луалаба, оказавшаяся впоследствии верхним течением реки Конго; южнее Ливингстон открыл озера Моеро и Бангвеоло и установил характер связи с ними рек — Чамбезы, Луапулы — правых притоков Конго, и его верхнего течения — Луалабы.

Долгое время о Ливингстоне ничего не знали; вследствие этого редакция американской газеты «Нью-Йорк—Геральд», преследовавшая в данном случае саморекламные цели, послала на его поиски Генри Стенли; последний разыскал Ливингстона в 1871 г. Через два года после этого знаменитый путешественник умер в Читамбо (Илале), на восточном берегу озера Бангвеоло, от сильного истощения. Прах его покоится в Лондоне в Вестминстерском аббатстве.

Свои странствования Ливингстон описал в следующих трудах: 1) «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке» (Лондон, 1857, тт. I и 2), 2) «Рассказы об экспедиции по Замбези» (Лондон, 1865).

О путешествиях Ливингстона по Южной Африке за период времени с 1841 г. по 1856 г. очень неплохо рассказывается в старой обширной статье, помещенной в сборнике Н. Фролова «Магазин зем-

леведения и путешествий», т. V, М., 1858, стр. 256 — 288; из новых работ, посвященных Ливингстону, отметим. труд М. Адамовича, «Ливингстон»; «Жизнь замечательных людей», изд. «Молодая гвардия», 1939 (вып. 21—22), а также ст. И. Потехина, «Бассейн Замбези»; географические исследования и колониальный раздел в нов. изд. Географгиза, соч. Ливингстона «Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 гг. Д. и Ч. Ливингстонов», М., 1948, стр. 6 — 33; биография Д. Ливингстона, принадл. А. Баркову в изд. Географгиза, Д. Ливингстон «Путешествия по Африке с 1840 по 1855 гг.», М., 1947, стр. 5 — 16; Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 115 — 141; Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований», М., изд. «ИЛ», 1950, стр. 389 — 395.

Литке Федор Петрович (1797 — 1882 гг.), русский мореплаватель и исследователь; адмирал. В 1821 — 1824 гг. он описал западный берег Новой Земли от Кусова Носа на юге до мыса Принца Нассауского на севере; в период времени от 1822 г. по 1823 г. Литке исследовал Мурманское побережье до норвежской границы. В 1826 — 1829 гг. он находился в кругосветном путешествии на шлюпе «Сенявин». «В продолжение этого трехгодичного плавания Литке открыл в Каролинском архипелаге 12 и описал 26 групп и отдельных островов. Из них одну обитаемую коралловую группу, имеющую до 50 миль в окружности, он назвал, по имени своего шлюпа, группою «Сенявина». Кроме того, он отыскал и описал большую часть островов и берег Чукотской Земли, от мыса Восточного почти до устья реки Анадырь. В плавании на шлюпе «Сенявин», кроме определения множества астрономических пунктов, промеров и других, обычных при подобных путешествиях исследований, были произведены еще важные наблюдения над часовыми колебаниями барометра в поясе, простирающемся по обе стороны экватора до широты 30°... Кроме того, особенно замечательны наблюдения магнитные и над качаниями постоянного маятника...» (В. П. Безобразов, «Граф Ф. П. Литке»; Записки Академии наук; т. XVII, 1888, приложение 2-ое, ст. Ф. Ф. Веселого, «Воспоминания об ученых заслугах графа Ф. П. Литке», сообщение в годовом собрании Русского географического общества 26 января 1883).

В 1873 г. П. П. Семенов-Тян-Шанский в следующих немногих словах охарактеризовал деятельность Литке: «Федор Петрович, проникнутый любовью к географической науке и жаждой открытия стран неведомых, повел в первый раз свой корабль в неприветливые полярные моря и, четырехкратно пробиваясь через ледяные окраины, открыл и завоевал для науки холодные прибрежья той земли, которая только до его исследования имела право называться Новой Землей. Через несколько лет мы видим нашего отважного мореплавателя во главе одной из русских кругосветных экспедиций. Он пересекает два раза экватор, совершает по пути географические открытия, но поворачивает к своему любимому северу, в те холодные, туманные и покрытые плавучими льдами моря, в которых почти сталкиваются оконечности материков Старого и Нового Света. Географические исследования и открытия Федора Петровича в Беринговом море, Алеутской гряде, на прибрежье Камчатки, Чукотской земли и Америки... стяжали ему громкую славу в ученом мире»... (Цитировано в статье акад. Л. С. Берга «Географическое Общество за 95 лет», «Известия Всесоюзного географического общества», том 73, вып. 3, М.-Л., 1941, изд. Академии наук СССР, стр. 337 — 338).

О. Ф. П. Литке см. П. П. Семенов, «История полувек. деятельн. Русского Геогр. общ.», СПБ, 1896, стр. 475 — 476 а также интересно написанную брошюру А. Д. Добровольского, «Плавания Ф. П. Литке», под ред. проф. Н. Н. Зубова, ОГИЗ, Географгиз, М., 1948, труд М. Марича, «Жизнь и плавания флота капитан-лейтенанта Федора Литке», изд. Главсевморпути, М.-Л., 1949; В. П. Орлов, Ф. П. Литке; замечательный русский путешественник и ученый, М., 1948; Н. Н. Зубов, «Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов», Географгиз, М., 1954, стр. 198 — 202, 246 — 249; А. Е. Антонов, «Ф. П. Литке», Географгиз, М., 1955.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711 — 1765 гг.), гениальный русский ученый, натуралист, географ, историк, филолог, поэт. Солнце русской поэзии, А. С. Пушкин, следующим образом охарактеризовал разностороннюю научную и литературную деятельность Ломоносова: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью сей души, исполненной страсей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник...». Кроме того, как указал А. С. Пушкин, Ломоносов, «был великий человек... Он создал первый университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Другой великий русский писатель, Н. В. Гоголь, в следующих словах охарактеризовал М. В. Ломоносова, как естествоиспытателя и географа: «Всю русскую землю озирает он от края и до края с какой-то светлой вышины, любуясь и не налюбуясь ее беспредельностью и девственной природой. В описаниях слышен взгляд скорее ученого натуралиста, чем поэта, но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта. Сама Россия является у него только в общих географических очертаниях. Он как бы заботился о том, чтобы набросать один очерк громадного государства, наметить точками и линиями ее границы, представив другим наложить краски; он сам как бы первоначальный пророческий набросок того, что впереди» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. 8, Изд. АН СССР, 1952, стр. 371 — 372). Во многих своих трудах Ломоносов проявил «гениальность ученого, творческую фантазию мыслителя, изобретательский талант новатора и тонкую наблюдательность художника».

По словам Н. Г. Чернышевского, «Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству».

В 1757 г. М. В. Ломоносов был поставлен во главе географического департамента при Академии наук; после чего там стала налаживаться работа по изготовлению возможно правильных и точных карт России. По указанию Ломоносова, для получения более или менее верных и подробных географических и экономических сведений, были составлены «Запросные» листы (анкеты) из 30 пунктов, которые в конце 1759 г. и в 1760 г. были разосланы всем городам для скорейшего ответа. Эта экономико-географического характера анкета касалась: «величины города, числа каменных и деревянных домов, на какой реке или озере стоит, когда в нем бывают ярмарки, какие имеются промысла и ремесла, какие фабрики, заводы, мельницы, угодья; на которой руке, вниз считая, лежит нагорная сторона рек; где есть пристани, когда вскрываются и замерзают реки; в каких расстояниях находятся

соседние города, где есть знатные и высокие горы; каких родов хлеба сеют больше всего и какие плодовито выходят и т. д. У Сената были испрошены деньги для двух географических экспедиций с целью «определения знатных мест долготы и широты астрономическими наблюдениями». Как начальник географического департамента, М. В. Ломоносов серьезно занимался географическими проблемами, и география стала «предметом, к которому были постоянно обращены самые задушевные его думы...» (М. Боднарский). Он оставил ряд трудов, в которых высказаны ценные взгляды по вопросам географическим; так, напр. в «Рассуждении о большой точности морского пути» (1759 г.). Ломоносов говорит о сыскании долготы и широты в пасмурную погоду, об ученом мореплавании и т. д. В «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» он высказывает очень интересные соображения по метеорологическим вопросам; ему принадлежит одно из крупнейших открытий в области метеорологии, а именно учение о вертикальных воздушных токах (о конвекционных воздушных токах). На это выдающееся открытие Ломоносова ни в России ни за-границей не обратили в свое время должного внимания; общим достоянием науки учение о конвекционных воздушных токах стало только после того, как об этом предмете заговорили А. Гумбольдт и Араго. Ломоносову принадлежат также очень интересные объяснения причин образования росы, туманов, градин; у него же есть совершенно правильные рассуждения о расположении снежной линии. М. В. Ломоносов много внимания уделял и вопросам о вулканических и сейсмических явлениях и о размещении вулканов на земном шаре. Теория Ломоносова относительно вулканической деятельности земли оригинальна и интересна тем, что намного опередила свое время. Он утверждал наличие медленных движений земной коры еще в то время, когда ни немецкие, ни французские, ни английские ученые этого не признавали, и только шведские исследователи, как Гиэрне (Hjarne), Сведенборг, Цельзий и Линней, производили наблюдения над этим явлением, но не пришли еще к определенным выводам. Свои взгляды по орографии, гидрографии и климатологии Ломоносов изложил, главным образом, 1) в первой главе второго прибавления к «Первым основам металлургии», 2) в третьей главе «Краткого описания разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию», 3) в «Слове о рождении металлов от трясения земли», 4) в «Инструкции Чичагову» и 5) в «Слове о явлениях воздушных от электрической силы происходящих». М. В. Ломоносов утверждал, что климат не есть нечто постоянное и неизменное, а он меняется на земле в связи с изменением различных космических и физико-географических условий существования нашей планеты. «Опираясь на идею постоянного изменения природы, в том числе и нашей Земли, Ломоносов пришел к выводу, что и климат и населяющие поверхность Земли живые организмы постоянно изменяются. Он пытался объяснить изменениями климата наличие в геологических напластованиях, расположенных у Ледовитого океана, остатков животных и растений тропических стран. Ломоносов утверждал, что в результате изменения наклона оси Земли по отношению к Солнцу, происходившего длительный период времени, изменился и климат нашей планеты. Там, где сейчас холодный полярный климат, когда то был климат жаркий, тропический. Ломоносов... в данном вопросе предвосхитил в общей форме то, что ученые только в XIX в. всесторонне обосновали» (Г. Васецкий и М. Иовчук, «Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв.», ОГИЗ, М., 1942, стр. 24). Кроме общих сведений по климатологии в сочинениях Ломоносова, мы найдем для своего времени в общем очень удачные климатологические характеристики таких сравнительно малоизвестных в то время стран, как Тибет, Квито, Канада и Россия (европейская и азиатская).

М. В. Ломоносову принадлежит также первая по времени классификация льдов в полярных пространствах Северного полушария. По его взгляду ледяные горы (айсберги) — это не что иное, как большие глыбы «падуна», оторвавшегося от материкового льда, покрывающего береговые утёсы и обрушившегося в море.

М. В. Ломоносову принадлежит первое соображение о том, что в северном полушарии у рек один берег высокий, а другой низкий. «Когда течение знатных рек рассмотрим, пишет великий русский ученый, везде почти найдем, что одна сторона у них нагорная, другая луговая, то есть одна состоит из берегов крутых и высоких, другая из низких песчаных и луговых мест, а следовательно оные реки с одной стороны приглубы, с другой отмелы».

Ломоносова давно занимала мысль о северо-восточном пути в Индию и о возможности организации плавания по Северному Ледовитому океану в северо-восточном направлении для выхода в Великий океан. «На основе изучения Ледовитого океана и прилегающих к нему северных районов он разрабатывал проект морского пути в Японию, Китай и Индию через Ледовитый океан. Еще в детстве, занимаясь с отцом рыбной ловлей, Ломоносов неоднократно мог наблюдать, как трудно преодолевать, плавая по Белому морю и Ледовитому океану, льды, морозы, снегопады. Несмотря на это, он был глубоко убежден в возможности организовать водную торговую магистраль из европейской части Росии через Ледовитый океан на Восток. Разрабатывая проект северного морского пути, он преследовал не только экономические выгоды, а имел также в виду интересы науки, укрепление военной мощи своей родины, рост ее славы, прославление героизма и предприимчивости русских людей. Он писал: «Для приобретения малого лоскута земли, или для одного только честолюбия посылают на смерть многие тысячи народа, целые армеи, то здесь ли должно жалеть около ста человек, где приобрести можно целые земли, в других частях света, для расширения мореплавания, купечества, могущества, для государственной и государской славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого роду». Ломоносов выражал уверенность в том, что смелые русские моряки успешно разрешат задачу освоения северного морского пути:

«Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С брегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок».

Гениальные иден Ломоносова о создании северного морского пути не могли быть осуществлены в условиях помещичье-капиталистического строя. Только при советской власти заветная мечта великого сына русского народа превратилась в действительность». Г. Васецкий и

и М. Иовчук, «Очерки по истории русского материализма XVIII — XIX вв.», стр. 24 — 25.

Нельзя не отметить того знаменательного факта, что в год составления М. В. Ломоносовым своего труда «Краткие описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» русские землепроходцы уже проникли на острова Кадьяк и Уналашка у побережья Сев. Америки, на остров Диомида (напр. Гвоздёвы), исследовали Чукотку, Медвежьи острова, Чаунскую губу.

М. В. Ломоносов с непрестанным интересом относился к вопросам изучения неизвестных и неведомых пока что тогда — частей своего обширного Отечества. Его постоянно влекла мысль исследовать те районы России, куда еще не проникал человек:

«Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса.
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих оленей,
Ловящих крик не устрашал,
Охотник где не метил луком,
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не разгонял ...».

Следует также отметить, что Ломоносов в одной из своих записок, в которой перечислены темы его занятий, впервые употребляет термин «экономическая география». Географическая наука, по взгляду Ломоносова, является синтетической наукой; от географа он требовал знания астрономии, математики, естественных наук, истории и картографии. Он указывал на большое практическое значение географической науки. «Что, спрашивает М. В. Ломоносов, полезнее есть человеческому роду к взаимному сообщению своих избытков, что безопаснее плавающим в море, что путешествующим по разным государствам нужнее, как знать положение мест, течение рек, расстояние градов, величину, изобилие и соседство разных земель, нравы, обыкновения и правительства разных народов». На этот вопрос великий ученый отвечает так: «Сие ясно показует география, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергает».

М. В. Ломоносов, несомненно, один из крупнейших географов, занимающий выдающееся место в истории географической науки.

«В личности Ломоносова сосредоточились многие прекрасные черты характера русского народа, его лучших людей: неукротимая энергия, железная сила воли, любовь к своей родине, богатая творческая одаренность» (газ. «Правда», от 18 ноября 1936 г. Передовая).

«Жизненный подвиг Ломоносова, говорит А. А. Морозов, вызывает изумление. В первой половине XVIII века крестьянский юноша, охваченный светлым порывом к знанию, является с берегов Белого моря в Москву и затем в чрезвычайно короткий срок достигает вершин мировой культуры, производит переворот в русской поэзии, ставит и разрешает величайшие научные проблемы, закладывает основы всего новейшего естествознания, опережая на целое столетие своих ученых со-

временников. Занятия наукой не сулили в то время в России ни богатства, ни почестей, ни славы. О них и не помышлял упрямый русский помор, пробиравшийся по снежным и вьюжным лесным дорогам к заветной Москве, бросивший отчий дом и значительный достаток, терпевший несколько лет ужасающую нужду и лишения, «несказанную бедность», как говорил он сам, — «и все это для того, чтобы овладеть научными знаниями и затем послужить ими своему народу. В лице Ломоносова русский народ не только показал, что он способен выдвигать величайших гениев, каких только знало человечество, но и раскрыл лучшие, исторически сложившиеся особенности своего национального характера — упорство и бескорыстие в труде, самоотверженный патриотизм и мирное, гуманистическое устремление своего творчества» (А. А. Морозов «Михаил Васильевич Ломоносов», 1711 — 1765, предисловие акад. С. И. Вавилова, изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., стр. 7—8. Серия «Жизнь замечательных людей»).

О Ломоносове как географе см. 1) А. И. Андреев, «Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России», сборник «Ломоносов», изд. Академии наук СССР, 1940 г., стр. 297 — 301, 2) Д. Н. Анучин, «География XVIII в. и Ломоносов»; сборник «Празднование двухсотлетней годовщины рождения М. В. Ломоносова Московским университетом», М., 1912, стр. 94 — 123, 3) Л. С. Берг, «Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода», «Известия Всесоюзного географ. общества», 1940, т. 72, вып. 6, стр. 713 — 730, 4) М. С. Боднарский, «Ломоносов как географ», М., 1912; оттиск из журн. «Землеведение», 5) его-же, Очерки по истории русского землеведения; 1, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1947, стр. 137—150, 155—157, 6) В. Ф. Гнучева, «Ломоносов и Географический департамент Академии наук», сборник «Ломоносов», 1940, стр. 244 — 266, 7) М. Г. Кадек, «М. В. Ломоносов, как географ», «География в школе», 1940, № 2, стр. 1—8, 8) его-же, «М. В. Ломоносов», журн. «Наша страна», 1940, № 4—5, стр. 29 — 33, 9) его-же, «География в Московском университете», «Ученые записки МГУ». 1940, вып. 50, стр. 3—52, 10) его-же, «М. В. Ломоносов как географ». Научная конференция. Роль рус. науки в развитии мировой науки и культуры, изд., МГУ, 1944, стр. 52 — 54, 11) В. А. Перевалов, «Труды Ломоносова по географии северных полярных стран», сборник «Ломоносов», 1940, стр. 267 — 285) и отд., 12) Б. Н. Меншуткин, «Жизнеописание М. В. Ломоносова», 3-е изд. с дополнениями П. Н. Беркова, С. И. Вавилова и Л. Б. Мадзалевского; под ред. С. И. Вавилова и Л. Б. Мадзалевского; с обширным библиографическим указателем. Издательство Академии наук СССР, М.-Л., 1947, 13) Н. П. Нителем, «Зарождение экономической географии в России», ст. в 17-м китин сборнике «Вопросы географии», Госуд. изд. географич. литературы, М., 1950, стр. 52 — 66, 14) А. В. Хабаков, «Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России», ч. 1, изд. МОИП, М., 1950, стр. 103 — 130, 15) В. А. Перевалов, «Ломоносов и Арктика»; изд. Главсевморпути, М.-Л., 1949, 16) Его-же, «Географическое открытие Аляски и Ломоносов», ст. в журн. «Природа», 1950, № 11, стр. 65 — 68. См. также ценный библиографический труд. Г. М. Коровина, «Михаил Васильевич Ломоносов», Указатель основной научной литературы, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1950. Этот труд может оказать большую помощь каждому, изучающему вопрос о роли и значении М. В. Ломоносова в русской и мировой науке; труд М. Пту-

хи. «Очерки по истории статистики XVII и XVIII вв.», ОГИЗ, 1945, стр. 301 — 310. Акад. А. В. Топчиев, «М. В. Ломоносов — великий русский ученый», ст. в журн. «Природа», 1952, № 2, стр. 3—17; Д. И. Гордеев, «М. В. Ломоносов — основоположник геологической науки», М., изд. Московского университета, 1953, стр. 36 — 38, 57; М. В. Птуха, «Очерки по истории статистики», т. 1, стр. 72 — 118, 190 — 200, 202 — 212; «История русской экономической мысли», т. 1, экономика феодализма; под ред. чл.-корресп. АН СССР А. И. Пашкова, ГИЗ, М., 1955, ст. И. С. Бака, «М. В. Ломоносов в борьбе за развитие производительных сил России», стр. 402 — 431.

Ляйстер Александр Филлипович (1884 — 1941 гг..), русский ученый; зоолог, зоогеограф, географ, знаток Закавказья родился в селении Нижние Ахты в Армении; окончил ереванскую гимназию в 1902 г. В августе того же года поступил на естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета. После окончания университета (в 1907 г.) по 1923 г. Ляйстер работал сначала в качестве лаборанта при кафедре зоологии под руководством проф. А. М. Никольского и одновременно учителем географии и естествознания в средних учебных заведениях Харькова, а затем учителем тех же предметов в реальном училище Тбилиси и в техникуме того же города. Одновременно он вел научно-организационную и научно-исследовательскую работу; так, с 1912 г. до окончания работ (в 1916 г.) распорядительного комитета XIII-го съезда русских естествоиспытателей и врачей в гор. Тбилиси в 1913 г., состоял делопроизводителем распорядительного комитета, секретарем съезда в период его деятельности (16—24 июня 1913 г.) и редактором трудов съезда. В 1913 же году А. Ф. Ляйстер состоял редактором «Бюллетеней Тбилисского общества любителей природы»; в то же время он был редактором «Записок» и «Известий» Кавказского отдела Русского географического общества — до 1919 г., когда прекратилась издательская работа отдела, а с 1919 г. по 1929 г. — до прекращения деятельности названного отдела — его секретарем. В 1923 — 1927 гг. Ляйстер состоял лектором в Закавк. Коммун. университете имени 26 (ЗКУ), на рабфаке Тбилисского политехнического института. В 1930 — 1931 гг. он работал ученым секретарем организационной комиссии по изучению производительных сил Закавказья. С 1931 г. по 1933 г. работает в должности ученого секретаря отделения естественных наук Научно-исследовательского института кавказоведения Академии наук СССР; в 1933—1934 гг. он состоял руководителем картографического бюро Комиссии экспедиционных исследований Закавказского филиала Академии наук СССР, исполняя обязанности технического редактора изданий по отделению естественных наук. В 1932 г. А. Ф. Ляйстер был утвержден в ученом звании профессора междуведомственной квалификационной комиссией при Наркомпросе Грузинской ССР.

С 1937 г. он был назначен профессором и зав. кафедрой физического страноведения Тбилисского государственного университета. Ляйстер вел интенсивную и плодотворную научно-педагогическую работу в качестве члена президиума Географического общества Грузии (Зав. педагогич. сектором, организатор экскурсий, экспедиций и т. д.).

Кроме того, А. Ф. Ляйстер с 1936 г. по 1937 г. состоял профессором по кафедре физической географии Азербайджанского педагогического института им. Ленина в г. Баку (по совместительству с работой

в Тбилиси), а в 1938 г. работал старшим научным сотрудником научно-исследовательского института географии при Тбилисском государственном университете.

А. Ф. Ляйстеру принадлежит свыше 40 научных работ в области зоологии, зоогеографии и географии; из них мы отметим лишь следующие: 1) «Ядовитые змеи Кавказа» (ст. в журн. «Естествознание и география»; 1910, № 6), 2) «Скорпионы Кавказского края» (Ibid, 1910, № 10), 3) «География Кавказа. Природа и население», Тб., 1924, 4) «География Закавказья. Очерки по физической географии и этнографии ЗСФСР» (совместно с Г. Ф. Чурсиным), Тб., 1924, 5) «Обзор фауны позвоночных животных Кавказской Армении. Свод сведений о фауне позвоночных животных за двухсотлетний период ее исследования (1717 — 1917 гг.)»; обширная рукопись, совершенно готовая к печати (XVIII+825 стр., 1930), 6) «Физическая география СССР», т. 1, ч. 1-ая; общий обзор; машинопись 177 стр., ч. 2-ая. Европейская часть СССР машинопись 189 стр., ч. 3-ья. Азиатская часть СССР (рукоп. 195 стр.).

М

Магеллан Фернандо (1480 — 1521 гг.), выдающийся португальский мореплаватель, первый совершивший путешествие вокруг земли; в молодости служил на военной службе; побывал в Индии; участвовал в экспедиции на полуостров Малакку, а также в походе на Марокко, где был тяжело ранен в ногу. В 1512 г. Магеллан вернулся в Лиссабон, где занялся изучением космографии и морских наук и написал сочинение — «Описание царств, берегов, гаваней и островов Индии». Изучение географических вопросов натолкнуло Магеллана на гениальный план возможности достигнуть островов дальнего Востока не обычным путем — вокруг Африки, а западным — мимо южной оконечности Южной Америки. Испанское правительство снарядило экспедицию, во главе которой был поставлен Магеллан. Он обследовал юго-восточные части Южной Америки, открыл пролив между Атлантическим и Тихим океаном (Магелланов пролив), совершил плавание в южной части Тихого океана, побывал на Марианских и Филиппинских островах, где и погиб во время схватки с туземцами на берегу острова Мактан. Плавание Магеллана прекрасно описал его спутник Пигаффета в своем дневнике («Впервые вокруг света»; сокращенный рус. перев. в изд. Брокгауз-Ефрон; есть новый перевод с итальянского В. С. Узина с вступит. статьей Я. М. Света; изд. «Географгиз», М., 1950).

Из последних работ о Магеллане и его путешествием вокруг света заслуживают быть отмеченными работы: Стефана Цвейга «Магеллан. Человек и его деяние» (рус. перев. напечатан в журн. «Интернациональная литература», 1939, № 9—10, стр. 15 — 127) издательство «Молодая Гвардия» выпустило это сочинение Стефана Цвейга под заглавием «Подвиг Магеллана» в 1947; И. П. Магидович, «Очерки по истории географических открытий», т. 1, «Учпедгиз», стр. 206 — 215; К. Кунина, «Магеллан», изд. «Молодая гвардия», 1940, М.; «Жизнь замечательных людей», вып. 3—4 (к книге приложена библиография).

Макаров Степан Осипович (1848 — 1904 гг.), вице-адмирал русского флота, известный гидролог и путешественник; погиб при потоплении японцами броненосца «Петропавловск» во время русско-япон-

ской войны. В 80-ых годах прошлого столетия, командуя стационером «Тамань» у Константинополя, Макаров производил научные наблюдения над двумя течениями в Босфоре; одно из этих течений — поверхностное — направляется из Черного моря в Мраморное и отличается своею мощностью, а другое — глубинное—, более соленое и тяжелое, несет воды Средиземного и Мраморного морей в Черное море. Макаров дает достаточно подробное описание и анализ изменчивости обоих течений по их скорости и мощности в зависимости от времен года, от колебаний уровней Черного и Мраморного морей и т. д. Эти наблюдения он изложил в своем труде «Об обмене вод Черного и Средиземного морей» (см. приложение к 41 тому «Записок» Академии наук; № 6, СПБ, 1885). По наблюдениям Макарова, «оказалось», что скорость верхнего течения книзу уменьшается и наконец на известном уровне сводится к 0, это и есть нижняя граница, за которою идет уже течение в обратном направлении. Эта граница между двумя течениями идет по длине пролива не горизонтально, а наклонно, понижаясь по мере удаления от Мраморного моря к Черному. Количество воды, изливающееся нижним течением (из Мраморного моря в Черное), относится к количеству воды, вносимой в Мраморное море верхним течением, как 1:1, 847. При глубине Босфора у южн. конца около 23 сажен (т. е. 49 метров — Г. Н. Гехтман) верхняя граница нижней тяжелой воды лежит на 10 — 11 саж. (т. е. 21,3—23,4 м — Г. Н. Гехтман) глубины. Нижняя вода сохраняет даже зимою t около 13°Ц., тогда как t верхней воды опускается зимою до +5°Ц. Нижнее течение имеет более ровный характер; скорость его изменяется только от 1,84' до 3,22' в сек., тогда как скорость верхнего может доходить без малого до 6' и уменьшается до 3,22' в сек. Уд. вес верхней воды 1,015, нижней 1,028. Можно было вычислить, что в среднем нижним течением проходит в секунду 201 017 куб. фут. воды, а верхним 371287; разность — 170 270 куб. фут. в сек. — выражает средн. величину прибыли пресной воды в Черном море от рек и осадков над количеством испарения» (Д. Анучин, «О заслугах адмирала С. О. Макарова в области физической географии моря», ст. в журн. «Землеведение», 1904, кн. III, стр. 123).

В 1886 — 1887 гг. С. О. Макаров, во время кругосветного путешествия на корвете «Витязь» произвел наблюдения над температурами и вариациями удельного веса воды в северной части Великого океана, преимущественно у берегов Японии и России; все эти наблюдения были им обработаны в труде «Витязь и Тихий океан»; — гидрологические наблюдения во время кругосветного плавания 1886 — 1887 гг. и свод наблюдений над температурами и удельным весом воды северного Тихого океана» (тт. I и II, СПБ, 1894, изд. Академии наук).

С. О. Макаров исследовал температуру, соленость некоторых проливов, как то: Баб-эль-Мандебского, Гибралтарского, Зунда.

Макаров неоднократно выступал с научными и научно-популярными докладами; особенного внимания заслуживает прочитанная им в 1897 г. публичная лекция на тему «Об исследовании Северного Ледовитого океана», в которой он развил свою идею о постройке ледокола, могущего бороться с полярными льдами; эта идея впоследствии была осуществлена; на построенном ледоколе «Ермак» Макаров совершил плавание в русские арктические воды, где произвел наблюдения над состоянием и движением полярных льдов. Это свое путешествие он

описал в книге «Ермак во льдах» (2 части, СПБ, 1901). Благодаря своим гидрографическим и гидрологическим трудам, Макаров пользовался заслуженной известностью среди русских и иностранных океанографов и гидрологов.

Вот как характеризует С. О. Макарова акад. Л. С. Берг: «Адмирал Степан Осипович Макаров (1848 — 1904) представлял собою во всех отношениях замечательного человека: бесстрашный воин, теоретик и практик морского дела, энтузиаст покорения Арктики, он вместе с тем был выдающимся ученым в области физической географии; напомним его классический труд об обмене вод Черного и Средиземного морей (1885), его океанографические наблюдения во время кругосветного плавания, изложенные в книге «Витязь и Тихий океан» (1891), наконец, научные материалы, опубликованные в его книге «Ермак вольдах» (1901) (См. рецензию Л. Берга на книгу: «С. О. Макаров и завоевание Арктики...», изд. «Глав. сев. мор. пути», Л., 1944, в журн. «Изв. Всесоюзн. географич. общ.», т. 77, вып. 1—2, 1945, стр. 125). Океанографические работы С. О. Макарова: 1) «Об обмене вод Черного и Средиземного морей», 2) «Витязь и Тихий океан», 3) «Гидрологические исследования, произведенные в 1895 и 1896 гг. в Лаперузовом проливе и в других местах» изданы Географизов в 1950 г. (М.), под ред. и со вступительной статьей Н. Н. Зубова и А. Д. Добровольского.

О адмирале С. О. Макарове см. также работы: Ю. А. Пантелеева «Адмирал С. О. Макаров» (1848 — 1948), Л., 1949, изд. «Всесоюзного Общества по распростр. политических и научных знаний», Ленинградское отд.; проф. А. Д. Добровольского «С. О. Макаров и его роль в развитии русской океанологии» в «Вопросах истории Отечественной науки», изд. АН СССР, М.-Л., 1949, стр. 372 — 383; А. А. Дмитриевой «Основоположники отечественной океанографии», Л., 1950, изд. Всесоюзн. Общ. по распространению полит. и научн. знаний, Ленинградское отд., стр. 4—25; Б. Г. Островский, Адмирал Макаров, Изд. второе, исправленное и дополненное, Воен. изд. Министерства обороны СССР, М., 1954; А. Д. Добровольский, Степан Осипович Макаров, Ст. в сборн. «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 299 — 316; Н. Н. Зубов, «Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов», М., Географиз, стр. 304 — 321.

Мак-Клур Роберт Джон (1807 — 1873 гг.), известный английский путешественник, который в 1850 — 1853 гг. прошел северо-западным проходом от Берингова пролива через залив Мельвиля и пролив Барроу — к востоку.

Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований», М., изд. «ИЛ», стр. 533 — 534; Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 40 — 42.

Малыгин Степан Гаврилович (год рождения неизвестен; умер в 1764 г.) участник Великой Северной экспедиции. В 1717 г., по окончании московской математической школы, поступил на морскую службу. В 1731 г. издал руководство по мореплаванию. В 1736 — 1737 гг. вместе с Скуратовым описал и нанес на карту берег Северного Ледовитого океана от устья Печоры до Обской губы. В июле 1737 г. Малыгин впервые обошел морем с севера полуостров Ямал и после двухмесячного плавания достиг устья реки Оби. В последующие годы Малыгин принимал участие в войне со Швецией и Пруссией. Именем Малыгина назван пролив, отделяющий северную часть полуострова Ямал от ост-

рова Белого. До 1869 г. Малыгин был единственным путешественником, исследовавшим берега Северного, Ледовитого океана от Архангельска до устья реки Оби. Во время этого путешествия он проявил большое мужество, смелость и находчивость (См. Г. В. Янков «Великая Северная экспедиция», «География», М., 1949, стр. 37 — 45, 149 — 151; А. Ф. Лактионов, Степан Гаврилович Малыгин, ст. в сбор. «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 57 — 63.

Маркхам Карл (1831 — 1917 гг.), видный английский географ; путешествовал в Арктике и в Перу. Работал долгое время в Индии, где он положил начало культуре хинного дерева. В течение десяти лет Маркхам заведывал географическим департаментом в Управлении Индией, а с 1865 г. по 1888 г. деятельно работал в Лондонском географическом обществе, сперва в качестве почетного секретаря, а впоследствии, в течение 8 лет, в качестве президента. За несколько лет до смерти опубликовал свое последнее сочинение «Инки Перу» („The Incas of Peru", 1910).

Мартонн Эммануэль де (1873 — 1934 гг.), известный французский географ, ученик известного географа Видаль де ла Блаша (см.). Его перу принадлежит ряд значительных трудов, из которых особенного внимания заслуживают: 1) «Курс физической географии» в 3-х томах и 2) «Центральная Европа» в 2-х томах («Физическая география» и один том «Центральной Европы», имеются в русском переводе). По взгляду Мартонна, «современная география занимается изучением распределения по земной поверхности физических, биологических и связанных с деятельностью человека явлений, а также причин этого распределения и местных соотношений между этими явлениями». Главными принципами методологии географической науки, по Мартонну, являются: 1) принцип пространственности, т. е. принцип пространственного размещения географических явлений, 2) принцип (метод) сравнительного исследования, т. е. географическое изучение какого-либо явления предполагает постоянное сопоставление с аналогичными явлениями, которые могут встретиться в других пунктах земного шара, 3) закон причинности.

По справедливому замечанию проф. И. А. Витвера, «Мартонн наиболее авторитетный современный географ Франции в вопросах физической географии... Как и всякий французский географ он отдает дань и «географии человека», но в этой области он мало интересен, центр тяжести его внимания, знаний и авторского мастерства остается в области физической географии и особенно геоморфологии. В тех же случаях, когда Мартонну приходится затрагивать социально-экономические вопросы, он не подымается над уровнем буржуазной банальности.... В то время как физико-географические характеристики ландшафтов, по отзыву специалистов, стоят у Мартонна на высоком научном уровне, экономико-географические характеристики малосодержательны, страдают обилием общих мест и наивностей».

И. Витвер, «Французская школа «географии человека», ст. в «Ученых записках Московского университета», 1940, вып. 35-й, стр. 39; см. также ст. «Выдающийся географ Эммануэль де Мартонн» в «Изв. АН СССР; серия географическая», 1956, № 2, стр. 106 — 108.

Мекки Ахмед-Оглы, азербайджанский ученый, писатель и путешественник X в.; получил образование в Багдаде. Он посетил многие города передней Азии. По словам арабского географа Якута ал-Хамави, «Мекки Ахмед-оглы является автором многочисленных книг по разным отраслям науки».

Мензбир Михаил Александрович (1855 — 1935 гг.), выдающийся биолог, зоолог (орнитолог), зоогеограф, академик, дарвинист, родился в Туле (23 октября 1855 г.). Детство и юность свою провел в тяжелой семейной обстановке. Мать потерял рано; отец его, мелкий чиновник, служивший в разных городах быв. Тульской губернии, почти постоянно находился в служебных командировках, и Михаил Александрович рос одиноким, заброшенным мальчиком. Научившись грамоте, он зачитывался случайно попавшими ему книгами и иллюстрированными журналами, но большую часть времени проводил среди уличных ребят. Чувство заброшенности и одиночества исчезало у мальчика только на лоне природы. В 1869 г. Мензбир поступил в тульскую гимназию, где он учился отлично. Будучи в старших классах гимназии, он вынужден был давать частные уроки. В 1874 г., по окончании среднего учебного заведения, Мензбир поступил в Московский университет, на естественное отделение физико-математического факультета; здесь он увлекся зоологией под влиянием лекций выдающихся профессоров С. А. Усова, Я. А. Борзенкова и Н. А. Северцова. Вскоре М. А. Мензбир подружился с знаменитым К. А. Тимирязевым. В 1787 г. он написал работу на тему «О головном скелете и частях рта двукрылых насекомых», за которую получил золотую медаль. В том же году окончил университет и был оставлен на кафедре зоологии для подготовки к научной деятельности. С особенным увлечением он работал по орнитологии (зоологии птиц). В 1882 г. М. А. Мензбир защитил магистерскую диссертацию на тему: «Орнитологическая география Европейской России». Вскоре после этого он получил заграничную командировку. Заграницей Мензбир слушал лекции и работал в Грацском университете, а равно в зоологических садах, институтах и музеях ряда европейских городов. В 1884 г., после смерти проф. Борзенкова, он был утвержден сначала доцентом Московского университета по кафедре сравнительной анатомии, а после защиты докторской диссертации «Сравнительная остеология пингвинов» — профессором.

«Венцом 20 летних занятий по орнитологии явилась его классическая работа «Птицы России» (1895 г.) в 2-х томах. В этом замечательном труде Мензбир дает «общие сведения о птицах, а затем характеристику, географическое распространение, биологию, экологию и местные названия каждого вида в отдельности. Все изложение ведется в свете дарвинизма» (Л. С. Цейтлин, «Академик Мих. Александр. Мензбир», ст. в журн. «Наука и жизнь», 1946, № 10, изд. Академии наук СССР, стр. 35 — 37). К этому обширному труду автор приложил очень ценную статью «О пользе и вреде птиц». Из других трудов М. А. Мензбира назовем след.: 1) «Дарвинизм в биологии и в близких к ней науках» (М., 1886), 2) «Поэзия и правда естествознания» (ст. в журн. «Русская мысль», 1888), 3) «Исторический очерк воззрений на природу» (М., 1896), 4) «Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа» (1900 — 1902 гг., в 2 томах), 5) «Миграции птиц с зоогеографической точки зрения» (М., 1934) и др.

По справедливому замечанию Л. С. Цейтлина, велики заслуги Мензбира и в области зоогеографии; он доказывал, говорит Л. С. Цейтлин, что «между географическим распространением животных и их эволюцией существует известная связь» и пр.

Меркатор, латинизированное имя Герхарда Кремера (1512 — 1594 гг.), знаменитый нидерландский математик и географ-картограф;

изобрел способ чертить географические карты в особой проекции, которая и до сих пор называется меркаторской. Меркатор изображал на своих картах меридианы перпендикулярно экватору и параллельным кругам. «Чтобы сохранить действительное соотношение широт, Меркатор, оставляя на своих картах градусы долготы одинаковыми, увеличивал расстояние между градусами широты в известной пропорции. Хотя, благодаря такому способу черчения карт, контуры стран по мере удаления от экватора к полюсам сильно растягиваются, а по мере приближения к полюсу становятся совсем несоответственными действительности, тем не менее эта проекция обладает очень важным для мореплавателей качеством — постоянством угла, образуемого направлением движущегося судна (курс корабля) со всеми меридианами, чего не дает никакая другая проекция; вследствие этого моряки еще и теперь употребляют карты в меркаторской проекции» (Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», ч. II, стр. 63 — 64). Главная работа Меркатора это — «Атлас или космографические размышления о строении мира и устройстве чертежей». («Atlas sive cosmograpicae meditatenes de fabrica mindi et fabricati figura») По справедливому замечанию М. П. Алексеева, «этот труд представляет свод всех географических данных, добытых наукой к концу XVI в. Свои знания Меркатор черпал не только из книг, но также из рассказов путешественников, имея большие связи и разнообразные знакомства во всех странах Европы» (М. П. Алексеев, «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей; введение, тексты и комментарий XIII — XVII вв., второе издание, ОГИЗ, Иркутское областное издательство, Иркутск, 1941, стр. 171). Название труда Меркатора «Атлас» произошло по фигуре Атланта, мифического великана, держащего землю на своих плечах. Меркатор первый указал на несовпадение северного магнитного полюса с географическим полюсом. Меркатор оказал большую моральную поддержку английской экспедиции Артура Пита и Чарлза Джекмена, имевшей целью открытие северо-восточного прохода в 1850 г. Вот, что пишет Меркатор в одном своем письме, адресованном Хеклуйту: «плавание в Китай северо-восточным проходом весьма удобно и легко» (Русский перевод этого письма опубликован в вышеназванном превосходном труде М. П. Алексеева, стр. 174 — 176). В действительности же, конечно, это оказалось и очень неудобно и очень нелегко.

Мерцбахер Готфрид (1848 — 1926 гг.), немецкий ученый, альпинист, исследователь высокогорных районов мира. В 1891 — 1892 гг., вел исследования в высокогорных районах Кавказского хребта, где вместе с Пурчеллером и с двумя тирольскими проводниками взошел на Лайлу, Тетнульди, Донгуз-Орун и восточную вершину Джанги, а также совершил первое восхождение на Адыргу-Баши, Гимарай-Хох и по новому пути из Генальдонской долины на Казбек. В 1902 — 1903 гг. Мерцбахер путешествовал по Ирану, Аравии и Индии; исследовал центральную часть Тянь-Шаня и дал обстоятельную геоморфологическую ее характеристику. В 1907 — 1908 гг. Мерцбахер произвел исследование восточного Тянь-Шаня. Из его работ (на немецком языке) отметим: 1) «Из высокогорных районов Кавказа» (1901, в двух томах), 2) «Горы центрального Тянь-Шаня» (1905), 3) «Физиография Тянь-Шаня» (1913), 4) «Горная группа Богдо-Ола» (1916 г.); из картографических трудов Мерцбахера назовем «Карту Тянь-Шаня» (масштаб 1:500000), вышедшую в 1928 г., после смерти автора.

Мечников Лев Ильич (1838 — 1888 гг.), известный русский ученый; географ, социолог, публицист, сын харьковского помещика, Ильи Спадаренко-Мечникова; в 1856 г. студент медицинского факультета Харьковского университета, из которого был исключен, как активный участник студенческих «беспорядков». В 1857 г. Л. И. Мечников уехал в Петербург, где он сначала поступил в Медико-хирургическую академию, а затем на физико-математический факультет Петербургского университета, откуда вновь был исключен за участие в студенческих «беспорядках» в 1860 г. После этого Мечников выехал заграницу и много путешествовал (жил в Константинополе и других городах Турции, на Афоне, в Палестине, в Египте, в разных местностях Малой Азии, Румынии, Греции, Италии, Швейцарии); был участником «тысячи» Гарибальди. После излечения от тяжелых ран, побывал в Африке. В 1874 г. Мечников читал лекции в Токийском университете в Японии. В 1876 г. он вернулся в Европу и поселился в Швейцарии, где познакомился и подружился с известным французским географом — Элизе Реклю. «В это время, я, пишет последний, предпринял составление «Всеобщей географии» и Мечников предложил мне свои услуги и ценные материалы о Китае и Японии. Последующие годы он помогал мне в моей работе по «Всеобщей географии», делая переводы с тех языков, с которыми я не был знаком, помогая мне также в редактировании и в правке корректур». В 1883 г. Совет Невшательского кантона (Швейцария), ценя научные познания Л. И. Мечникова, предложил ему должность профессора по кафедре сравнительной географии и статистики в Невшательской академии, в которой он начал работу с 1884 г.; эту кафедру Мечников занимал до самой своей смерти. Главный труд его «Цивилизация и великие исторические реки» вышел в 1889 г. на французском языке под редакцией Элизе Реклю (есть русские переводы этого сочинения). В этом труде Л. И. Мечников пытается доказать, что 1) причины в различии исторических судеб народов находятся в зависимости от географической среды, что 2) физико-географические условия влияют на социальную жизнь людей, что 3) в деле создания культуры и цивилизации наибольшую роль играла, главным образом, вода, преимущественно проточная, т. е. реки. «Река во всякой стране, пишет Мечников, является как бы выражением живого синтеза всей совокупности физико-географических условий и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области». Великие реки «обращают орошаемые ими области то в плодородные житницы, питающие миллионы людей за труд нескольких дней, то в заразные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв. Специфическая географическая среда этих рек могла бы быть обращена на пользу человека лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом больших народных масс, хотя бы состоявших из самых разнообразных и разнородных этнических элементов». Л. И. Мечникову удалось, как справедливо указывает С. Пичугин, «подметить отдельные факты, свидетельствующие о влиянии географической среды на общественную жизнь... Но с выводами Мечникова нельзя согласиться. Влияя на технику, географическая среда не может определять ее развитие, ибо ее развитие зависит от общественного производства. Потребность общественного развития стимулирует то или иное изменение в области техники»

(С. Пичугин, «Роль географической среды в общественном развитии», ст. в журн. «Под знаменем марксизма»; 1938, № 11, стр. 185).

О Л. И. Мечникове см. вступ. статью Н. К. Лебедева, «Лев Ильич Мечников и его теория социального развития и прогресса» к книге Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», М., 1924.

Миддендорф Александр Федорович (1815 — 1894 гг.), известный зоолог, зоогеограф и географ. По окончании 3-й петербургской (ленинградской) гимназии и педагогического института, поступил в 1832 г., в Тартуский (Дерптский) университет, курс которого окончил в 1837 г.; в том же году он получил степень доктора медицины. Для пополнения своих знаний Миддендорф отправился заграницу и слушал лекции в университетах Берлинском, Венском и Вроцлавском (Бреславльском). В 1839 г. он был назначен адъюнкт-профессором по кафедре зоологии Киевского университета. Вскоре после этого он принял участие в научной экспедиции под руководством академика К. М. Бэра к Белому морю и на Кольский полуостров. Миддендорф указал на наличие в районе Новой Земли теплых вод атлантического течения. По его предложению, самая мощная струя Гольфстрима, входящая в Баренцово море вдоль берегов Норвегии и Мурмана, получила название Нордкапского течения. Это название утвердилось в географической науке. В 1840 г. Миддендорф вернулся в Киев и был назначен экстраординарным профессором; однако в следующем (1841) году он навсегда оставил научно-педагогическую работу. По рекомендации К. М. Бэра, Академия наук назначила Миддендорфа начальником экспедиции в Северную и Восточную Сибирь. Эта трудная экспедиция, продолжавшаяся в 1842 г. по 1845 г. и оказавшаяся по своим результатом блестящей, создала славу А. Ф. Миддендорфу. Из Барнаула он прошел в низовья Енисея, отсюда на Пясину, Хатангу и Таймыр (здесь он сделал съемку реки и озера Таймыр). В 1844 г. производил географические наблюдения в Якутске; отсюда прошел в Уддский острог и затем морем до Тугурской бухты. Из Тугурской бухты перешел в верховья реки Буреи, а отсюда в Нерчинск (и Иркутск). Затем, на обратном пути он исследовал границу с Китаем, установленную Нерчинским договором 1689 г. (Л. С. Берг).

А. Ф. Миддендорф во время путешествий по северным районам России сделал ряд интересных наблюдений по фауне и флоре; так, он отметил массовую миграцию леммингов и пытался объяснить это тем, что лемминги де имеют стремление к путешествиям («Wandertrieb»). Это, само собою разумеется, только утверждение факта, но никак не объяснение причин, вызывающих миграции этих животных.

По возвращении из экспедиции Миддендорф был сначала избран адъюнктом Академии наук по кафедре зоологии, а затем экстраординарным и ординарным академиком. В 1845 г. он был избран действительным членом Русского географического общества и в мае месяце 1846 г. был утвержден помощником заведывающего отделением этнографии этого общества. В 1870 г. Миддендорф исследовал Барабинскую степь. В 1873 г. он, по приглашению Туркестанского генерал-губернатора, совершил поездку по Ферганской области; результатом этого путешествия явился ценный труд «Очерки Ферганской долины» (1882 г.; XII+489+X; сначала на немецком языке, а затем на русском, в переводе В. Ковалевского). В 1883 г. Миддендорф возглавлял экспедицию для исследования скотоводства в России. Его перу при-

надлежит свыше ста трудов; из них отметим лишь те, которые имеют важное значение для географической науки: 1) «Путешествие на север и восток Сибири в естественно-историческом отношении», вып. 1, отд. 1, «География и гидрография». СПБ, 1860, X+188+XII; 2) Вып. II, отд. 2, «Орография и геогнозия», СПБ, 1861, стр. 189—314+XIII+XX; 3) тоже, вып. III, отд. 3, «Климат Сибири», СПБ, 1862, стр. 315—490+ +XXV; 4) тоже, вып. IV, отд. IV, «Растительность Сибири», СПБ, 1867, стр. 491 — 758, IV+V; 5) тоже, ч. II, вып. V, отд. V, «Сибирская фауна», СПБ, 1869, стр. III+310; 6) тоже, ч. II, вып. VI, отд. VI, «Коренные жители Сибири»; СПБ, 1878, стр. 619 — 833+II+VII+VIII.

О Миддендорфе см. Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 155, 156, 185; Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований», М., 1950, стр. 282, 283.

Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846 — 1888 гг.), знаменитый русский путешественник, антрополог и этнограф; родился в деревне Рождественской, близ города Боровичи быв. Новгородской губернии. Отец его, родом украинец, потомок запорожских казаков, инженер-капитан, Н. Н. Миклухо-Маклай принимал участие в постройке железнодорожной линии Москва — Петербург на участке Чудова—Мста; затем он работал на участке Вышний Волочек —Тверь (ныне Калинин); позже он был первым начальником Николаевского вокзала в Петербурге.

Н. Н. Миклухо-Маклай потерял отца, когда ему было одиннадцать лет; семья осталась почти без всяких средств и будущий выдающийся ученый и путешественник испытал большую нужду; учился он в Петербургском университете; затем заграницей в Лейпцигском и Иенском университетах; работал под руководством известного тогда естествоиспытателя Эрнста Геккеля, который в 1866 г. взял с собой Миклухо-Маклая в путешествие на Мадейру и Канарские острова. В том же году Миклухо-Маклай посетил Марокко, а затем и берег Красного моря[1], а в Европе— Испанию и Францию. Через три года он вернулся на родину и работал под руководством академика Карла Бэра. В 1870 г. отправился в путешествие на очень малоизвестный тогда остров Новую Гвинею, где он своей изумительной выдержкой, смелостью, находчивостью, твердостью характера, гуманностью и правдивостью скоро завоевал сначала доверие, а затем и любовь местных папуасов, которые его ласково называли «Тамо рус Маклай» — «русский человек Маклай». Путешественник неутомимо изучал жизнь, язык, быт папуасов; делал зарисовки, вел метеорологические наблюдения и антропологические исследования. В результате неустанной работы Миклухо-Маклая на карту Новой Гвинеи были нанесены Берег Маклая (от мыса Круазиль до мыса короля Вильяма) и другие места. В 1872 г. он, вследствие болезни покинул Гвинею. В конце 1874 г. Миклухо-Маклай отправился в новую экспедицию, а именно вглубь мало исследованной части Малакки, где ему в верховьях реки Пахан удалось разыскать и описать остатки вымирающего племени семанг; здесь, в дремучих тропических лесах, Миклухо-Маклай серьезно заболел малярией и, изнуренный болезнью, уехал в Сингапур. В феврале 1876 г. он вернулся к своим друзьям папуасам на берег Маклая и прожил там до 1877 г. В 1881 г. и 1883 г. он посетил острова Новую Каледонию, Новые Гебридские, Санта-Крус, Адмиралтейства и собрал значительное коли-

[1] См. А. Г. Грумм-Гржимайло, «Неопубликованные материалы об экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая в бассейн Красного моря», ст. в «Вестнике Академии наук СССР», 1950, № 5 (май), стр. 81 — 85.

чество материалов по антропологии, этнографии, зоологии и географии. В 1883 г. в третий раз побывал он на берегу Маклая. В 1887 г. Миклухо-Маклай вторично посетил Австралию и в том же году возвратился в Россию.

Во время своих странствований молодой русский ученый очень хорошо познакомился с бессовестной эксплуатацией цветного населения Микронезии; европейские «культуртрегеры» — купцы, моряки, миссионеры и пр. — всячески грабили туземцев. Особенную энергию в этом отношении развили тогдашние агенты германского империализма, которые готовили захват восточной части Новой Гвинеи; в 1888 г. Германия объявила берег Маклая своим владением: Миклухо-Маклай выразил резкий протест против этого. 14 апреля 1888 г. он скончался в Петрограде. «Своеобразие Миклухи-Маклая, говорит проф. Л. С. Берг, заключается в его горячей любви не только к науке, но и к человечеству, в его непреклонном убеждении, что так называемые «дикари» такие же люди, как и белые, и в глубочайшем отвращении к тем методам обмана и насилия, какие обычно практиковались европейцами, проникающими в тропики с целью торговли и наживы».

Известный русский ученый и революционер-анархист, П. А. Кропоткин, в своих записках пишет, что «Миклухо-Маклай поставил себе правилом, которому неуклонно следовал, быть всегда прямым с дикарями и никогда их не обманывать, даже в мелочах, даже для научных целей... Этот замечательный человек напечатал, однако, лишь самую незначительную часть своих, поистине драгоценных наблюдений» («Русский Архив», 1903, кн. III, стр. 627).

Не менее лестный отзыв о деятельности путешественника — филантропа, Н. Н. Миклухо-Маклая, дал Л. Н. Толстой, который в своем письме, благодаря его за пересылку нескольких брошюр, пишет: «Я с радостью их прочел, и нашел в них кое-что из того, что меня интересует. Интересует — не интересует, а умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый, несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе — общительное существо, в общении с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его не понимают...» (это письмо Л. Н. Толстого опубликовано вместе с некрологом Миклухо-Маклая в газете «Неделя», 1883, № 15).

«Научные труды Миклухо-Маклая, говорит А. Б. Пиотровский, сохранили свою актуальность и для нашего времени. Характерными чертами Миклухо-Маклая, резко выделяющими его из ряда других этнографов того времени, являются строгость и требовательность к себе, осторожность в выводах, тщательность описаний. Миклухо-Маклай первый дал подробную характеристику материальной культуры папуасов залива Астролябии. Он описал их жилище, одежду, утварь и собрал богатые этнографические коллекции... Ценный материал собрал Миклухо-Маклай и по социальному строю и экономическим отношениям папуасов. Он подробно описал земледелие, охоту, рыбную ловлю, празднества, обряды при заключении брака, способы погребения. Из описаний Миклухо-Маклая видно, что и производство и потребление носят у папуасов коллективный характер, что их общественный строй — первобытно-общинный. Наблюдения Миклухо-Маклая получают особенное значение в наше время, когда буржуазные ученые сплошь и рядом дают совершенно искаженное изображение быта первобытных племен, приписывая им институты, характерные только для классового общества» (Статья А. Б. Пиотровского; «Жизнь и путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая», помещенная в «Путеводителе» по выставке к 50-летию со дня смерти великого русского путешественника .., под ред. И. Н. Винникова. Изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1939, стр. 10 — 11).

По справедливому замечанию Я. Я. Рогинского и С. А. Токарева, «Самое характерное для Миклухо-Маклая — это поразительное сочетание в его лице черт смелого путешественника, неутомимого исследователя-энтузиаста, широко эрудированного ученого, прогрессивного мыслителя-гуманиста, энергичного общественного деятеля, борца за права угнетенных колониальных народов. Подобные качества порознь не составляют особой редкости, но сочетание всех их в одном лице — явление совершенно исключительное» (Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев, «Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог», ст. в приложениях ко второму тому собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 683).

Описание путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая в обработке Д. Н. Анучина и биография этого замечательного путешественника были выпущены в свет в 1923 г., в издании «Новая Москва», под заглавием: «Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Т. 1. Путешествия в Новой Гвинее в. 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг.» — В 1936 г. в издательстве ЦК ВЛКСМ была издана книга под названием «Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Дневники путешествий на Новую Гвинею и острова Адмиралтейства в 1871 — 1883 годах» с вводной статьей А. Б. Пиотровского (стр. 9—53).

Институт этнографии и издательство Академии наук СССР выпустили в свет в 1940 и 1941 гг. «Путешествия» Н. Н. Миклухо-Маклая в 2-х томах. Издание это объемом в 40 печатных листов подготовили к печати проф. И. Н. Винников и старший научный сотрудник А. Б. Пиотровский. В первом томе помещены материалы, описывающие путешествие в Новую Гвинею, а во втором — дневники, статьи, заметки и пр. о путешествиях по Океании, в том числе на острова Адмиралтейства, архипелаги Палау, Полинезии, Индонезии, на Малакку и др. Издание богато иллюстрировано цветными и штриховыми рисунками и чертежами Н. Н. Миклухо-Маклая; в этом же издании приведен почти полный список сочинений последнего. Сочинения Н. Н. Миклухо-Маклая в 5 томах (изд. АН СССР), вышли в свет.

О Н. Н. Миклухо-Маклае см. также П. П. Семенов, «История полувековой деятельности Имп. Рус. Геогр. О-ва», ч. II-ая, отд. IV, стр. 923 — 943; Н. Водовозов, «Миклухо-Маклай», Жизнь замеч. людей, изд. «Молодая Гвардия», 1938; Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 84, 86 — 96; назв. труд: «Люди рус. науки», т. 1; статья проф. В. В. Богданова «Н. Н. Миклухо-Маклай», стр. 606 — 613; Д. Н. Анучин, «О людях русской науки и культуры», Географгиз, М., 1950, стр. 17—64 (впервые эта статья Анучина была напеч. в журн. «Землеведение», 1922, кн. 3—4, стр. 3—80).

Мушкетов Иван Васильевич (1850 — 1902 гг.), известный талантливый русский геолог с широким географическим горизонтом и глубоким географическим умозрением, исследователь Урала, Средней Азии, Кавказа, Юга, Европ. части России, путешественник, труды которого имели большое значение и для географической науки. Мушкетов ро-

дился в станице Алексеевской бывшей Области войска Донского; среднее образование получил в Новочеркасске, высшее в Петербургском (Ленинградском) горном институте, по окончании которого был командирован на Урал для ознакомления с его минеральными ресурсами и с его копями. В 1873 г. Мушкетов отправился в Туркестан для геологических исследований; в 1874 — 1875 гг. он совершил большое путешествие в западную часть Туркестана и исследовал северные районы Тянь-Шаня до Кульджи включительно. И. В. Мушкетов дал превосходную для своего времени орографическую схему горной системы Тянь-Шаня. «Вся обширная горная система Тянь-Шаня от самых восточных пределов Баши-дао у г. Баркуля до Памира и Гундукуша включительно, вместе с системой Каратау, пишет Мушкетов, представляет совокупность многочисленных, разнообразных по величине, но однообразных по направлению, дугообразных складок, выпуклых к югу, и вогнутых к северу» (И. В. Мушкетов, «Туркестан», СПБ, 1886, т. I-й, стр. 34). В 1876 г. Мушкетов обследовал Златоустовский горный округ. Летом 1877 г. он совершил путешествие на Алай и на Памир, а летом следующего (1878) года на Алай и озеро Чатыр-Куль. В летние месяцы 1879 г. Мушкетов путешествовал по Бухаре, Гиссару, Аму-Дарье и в пустыне Кызылкум. Летом 1880 г. он совершил экспедицию на Зеравшанский ледник и собрал ценные данные об отступлении Тянь-Шанских ледников. В 1881 г. Мушкетов побывал на Кавказе и в Закавказья (в Грузии) и исследовал ледники Казбека и Эльбруса, а затем минеральные источники Пятигорской группы, Чиатурские марганцевые и Ткибульские каменноугольные месторождения. В 1883 году ему поручено было исследование Липецких минеральных источников, а в 1884 г. и 1885 г. он исследовал Калмыцкие степи и Крым. В 1895 г. Мушкетов изучал области верховьев Теберды и Чхалты.

И. В. Мушкетову принадлежит целый ряд выдающихся трудов, из которых назовем лишь некоторые: 1) «Туркестан. Геологическое и орографическое описание», т. I, 1886, 2-ое изд. 1915, т. II, 1906; 2) «Отчет о землетрясении в гор. Верном» (Алма-Аата); 3) «Физическая геология» в 2-х томах; этот труд переиздан с исправлениями и дополнениями под редакцией сына И. В. Мушкетова проф. Д. И. Мушкетова; 4) «Очерк геологического строения Закаспийской области (с картой; 1891 г.); 5) «Геологические исследования в Калмыцкой степи» и др.

И. В. Мушкетов читал лекции по геологии и физической географии, кроме Горного института, в Институте инженеров путей сообщения, на Петербургских (Бестужевских) высших женских курсах (с 1891 г.) и в Историко-филологическом институте; эти лекции пользовались у студенческой молодежи того времени большим успехом.

«В лице И. В. Мушкетова, — пишет Я. С. Эдельштейн, — счастливым образом сочетались блестящие дарования, неиссякаемая творческая энергия, работоспособность, огромная эрудиция и личное обаяние — словом, все те качества, которые дают ученому право и возможность стать главой целой научной школы».

О жизни и деятельности И. В. Мушкетова см.: 1) Д. Н. Анучин, «И. В. Мушкетов и его научные труды», ст. в журн. «Землеведение», т. IX, кн. I, 1902; 2) К. И. Богданович, «Влияние научных трудов И. В. Мушкетова на развитие географических познаний об Азии», ст. в «Известиях Русского географического общества», т. XXXVIII, в. 6-й, 1902; 3) С. Н. Никитин, «О значении И. В. Мушкетова в географической науке вообще», ст. в «Изв. Русск. географ. общества»,

т. XXXVIII, в. 6-й, 1902; 4) П. П. Семенов, «История полувековой деятельности Имп. Русского Географич. Общества» (1845 — 1895), ч. II, отд. 4, СПБ, 1896; 5) Е. И. Тарасов, «И. В. Мушкетов. Его жизнь и деятельность» (1850 — 1902), изд. «Вестник казачьих войск»; СПБ, 1902; 6) Н. А. Гвоздецкий, «И. В. Мушкетов и его путешествия по Средней Азии», ст. в журн. «География в школе», 1950, № 3-й (май-июнь), стр. 22 — 31; «Люди русской науки», т. I, ст. акад. В. А. Обручева «И. В. Мушкетов», стр. 419 — 426; акад. Л. С. Берг, «Памяти И. В. Мушкетова (1850 — 1902)» (к столетию со дня рождения), статья в «Известиях Всесоюзн. географ. общества», ноябрь-декабрь, т. 82, вып. 6, 1950, стр. 577 — 581; Н. И. Бархатова, «Роль И. В. Мушкетова».

Н

Нансен Фритьоф (1861 — 1930 гг.), выдающийся норвежский исследователь Арктики, ученый биолог, зоолог, путешественник; в 1888 г. он с пятью спутниками, между которыми был Отто Свердруп, в дальнейшем постоянный спутник Нансена, начал свой замечательный переход через Гренландию из фиорда Умивик, находящегося на восточном берегу этого острова. 26-го сентября 1888 г. переход закончился в фиорде Амералик на западном берегу Гренландии. После этого путешествия Нансен сделался норвежским национальным героем и с тех пор оставался им до конца своей жизни. На основании своих наблюдений и специального изучения вопроса, Нансен пришел к заключению, что Восточно-Гренландское течение является концом мощного полярного течения, проходящего либо через самый полюс, либо поблизости от него, что это течение начинается у берегов Восточной Сибири и в своем движении на запад пересекает весь Северный Ледовитый океан. В подкрепление своей гипотезы Нансен привел следующие доказательства: 1) суда, попавшие в льды в районе Европы, после зимовки всегда сносятся в открытом полярном море к западу и со временем освобождаются от ледового плена; 2) корабли, идущие в Арктику со стороны Берингова пролива, увлекаются внутрь полярного моря; 3) на берегах Шпицбергена и Гренландии среди прочих отложений встречаются обломки деревьев сибирского происхождения (плавник); 4) исследование состава примесей в загрязненных льдах, выброшенных течением на берега Шпицбергена с несомненностью выявило наличие сибирской почвы; 5) на берегах Гренландии были обнаружены незначительные остатки погибшей экспедиции Де-Лонга, корабль которого «Жаннета» был увлечен льдами внутрь Полярного бассейна в районе острова Врангеля. В течение 21 месяца «Жаннета» боролась с могучими льдами, но сжимаемый постоянно ледяными торосами корабль не выдержал и затонул к северу от Новосибирских островов, т. е. далеко от Гренландии, где спустя несколько лет эскимосами были найдены предметы, принадлежащие экспедиции Де-Лонга. По мнению Нансена, все эти факты доказывают, что льды постоянно перемещаются и морское течение, возможно, проходит через Северный полюс. В 1893 г. на специально выстроенном небольшом судне «Фрам» («Вперед») он предпринял путешествие к Северному полюсу для чего намеренно вмёрз в льды в районе Новосибирских островов. Льды, как и предполагал Нансен, увлекли «Фрам» к северо-западу, и только через три года ко-

рабль освободился от льдов в районе Шпицбергена. Таким образом, было доказано существование могучего полярного течения. Так как дрейф «Фрама» не проходил через полюс, Нансен вместе со своим спутником Иохансеном попытался добраться до полюса с помощью саней и собак. 7-го апреля 1895 г. им удалось дойти до 86°14 с. ш., после чего они повернули обратно (за отсутствием продовольствия и из-за трудностей пути по неровному льду) и, преодолев большие препятствия, достигли, наконец, Земли Франца-Иосифа, где изнуренные путешественники встретились с английской экспедицией Джексона. Экспедиция на «Фраме» дала очень ценные результаты: 1) в Северном Ледовитом океане были найдены большие глубины — до 3800 метров, 2) было доказано существование течения, пересекающего Ледовитый океан от берегов Сибири к Гренландии, 3) было доказано, что Северный Ледовитый океан представляет собою громадный водоем, не прерываемый сколько-нибудь значительными пространствами суши (это окончательно поколебало взгляды Петерма на и Меркатора; последний, как известно, на своей карте заполнил Северный Ледовитый океан целым рядом малых и очень больших островов), 4) были открыты новые острова (напр., архипелаг Норденшельда) и т. д. В 1913 г. Нансен совершил путешествие вдоль берегов Сибири до Енисея, подтвердив возможность регулярного летнего сообщения по Северному морскому пути. Нансен с глубокой симпатией отнесся к Великой Октябрьской социалистической революции в России; он печатно и устно разоблачал ведущуюся в Западной Европе кампанию лжи против Советской России. Трудящиеся города Москвы в 1921 г. присвоили Нансену звание почетного члена Московского Совета. В 1923 г. он получил Нобелевскую премию мира.

О Нансене см. Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 246 — 253, 275 — 278, 280 — 297, 321 — 323; В. Г. Броггер и Н. Рольфсен, «Фритьоф Нансен», перев. с датского. А. и П. Ганзен, СПБ, изд. А. Ф. Девриена, 1896, БСЭ, 2-ое изд., т. 29, стр. 102 — 103; М. Б. Черненко, «Выдающийся полярный исследователь», К 25-летию со дня смерти Фритьофа Нансена, Статья в журн. «Природа», 1955, № 8, август, стр. 67 — 74.

Невельской Геннадий Иванович (1814 — 1876 гг.), известный русский мореплаватель, адмирал; один из виднейших исследователей нижнего течения Амура, его лимана и острова Сахалина; родился он 23 ноября 1814 г. в усадьбе Дракино, б. Солигаличского уезда, быв. Костромской губернии; одиннадцати лет он лишился отца и вскоре был определен в морской корпус, который окончил с отличием. С 1829 г. по 1847 г. Невельской плавал на разных судах в Балтийском, Северном и Средиземном морях и в совершенстве изучил морское дело. С молодых лет его интересовал вопрос о возможности свободного и беспрепятственного плавания по Амуру и в его устьях. До Г. И. Невельского некоторые путешественники и исследователи (Лаперуз, Крузенштерн, Браутон, Чапман, Гаврилов) доказывали, что судоходство на реке Амуре не имеет будущности вследствие того, что по этой реке могут плавать лишь суда с малой осадкою (не более пяти футов; а в лимане с осадкою не более 16 футов). Невельской же, после тщательного изучения материалов по данному вопросу, вопреки, как казалось многим, авторитетному мнению вышеуказанных мореплавателей, пришел сначала a priori к заключению, что Амур и его лиман

вполне пригодны для плавания больших судов. Впоследствии он это доказал и de facto. В 1846 г., когда Невельской был назначен командиром военного транспорта «Байкал», предназначенного для доставки в Охотск и Петропавловск на Камчатке провианта и других грузов, он решил воспользоваться предстоящим плаванием для «неофициального» исследования на месте реки Амура и его лимана. Это исследование, произведенное Невельским совместно со своими офицерами и матросами, со всею очевидностью доказало: 1) что Сахалин не полуостров, как это утверждали прежде (напр., Лаперуз), а остров, отделенный от материка Азии Татарским проливом; 2) что вход в лиман Амура с Татарского залива, через открытый Невельским 5-го августа 1849 г. пролив, доступен для всех судов, «а с севера из Охотского моря, равно и сообщение через лиман Татарского залива с этим морем — для судов, сидящих в воде до 23-х футов, и что в устье р. Амур из Татарского залива могут проходить суда с осадкою в 15 футов, а из Охотского моря суда, сидящие в воде до 12 футов» («Русский биографический словарь»; «Наакен-Накенский — Николай Николаевич старший»; СПБ, 1914, стр. 169). Таким образом, исследования Невельского блестяще опровергали неверные и основанные на сомнительных данных взгляды Лаперуза, Крузенштерна, Браутона, Гаврилова и др.[1] Перу Невельского принадлежат несколько статей в «Морском сборнике: 1) «Обзор результатов действий русских на северовосточных пределах России и участия офицеров нашего флота в деле восоединения Приамурского края к России» (замечания на книгу «Историческое обозрение Российско-Американской компании»... соч. Тихменева), «Морской сборник», 1864, № 6, библ.; стр. 21 — 45; № 7, библ., стр. 1—17, № 8, библ., стр. 21 — 28. 2) «Ответ на письмо г-на Бошняка в редакцию Морского сборника, «Морской сборник», 1860, № 3, стр. 75 — 76. Кроме того, он оставил интересные записки под заглавием: «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849 — 1855 гг. Приамурский и Приуссурийский край»; под редакцией В. Вахтина (СПБ, 1878); 2-ое издание вышло в СПБ, в 1897, 2-ье изд. «ОГИЗ'а», 1947, под. ред. Л. Г. Каманина.

---

[1] «... русские XVII столетия, говорит Д. М. Лебедев, значительно правильнее представляли себе выходы из устья Амура в море и положение Сахалина, чем Крузенштерн, Лаперуз и другие авторитеты начала XIX века, упорно державшиеся ложной теории о несуществующем перешейке, соединяющем Сахалин с материком, и о недоступности для крупных судов устья Амура. Потребовалось все мужество и настойчивость Г. И. Невельского, чтобы снова доказать то, что знали русские почти за двести лет до него» (Д. М. Лебедев, «География в России XVII века (донаучной эпохи); очерки по истории географических знаний», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1949, стр. 162).

Следует отметить, что о существовании острова Сахалина было известно русским еще в XVII столетии. Русский посол в Китай Николай Гаврилович Спафари (родом молдованин, — состоявший на русской службе) в своем «Сказании о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с Китайцы» составленном в 1678 г., сообщает: «Вышеименитая река Амур, гористая и лесистая и в окиан впала одним своим устьем, и против того устья есть остров великой, а живут на том острове многие иноземцы Гиляцкие народы. Юрты у них деревянные рубленые, а носят платья собольи и лисьи, а звериные кожаны, и ездят на собаках, нартами зимою, а летом по водам в лодках, и держат в улусах собак по 500 и 1000; питаются всяким зверем и рыбою».

По справедливому замечанию акад. Л. С. Берга, «здесь идет речь о Сахалине». По указанию того же ученого в «Атласе Российском», изданном Академией наук в 1754 г. Сахалин изображен в виде острова» (Л. С. Берг, «Географические зоны Советского Союза», т. II. Географгиз. М., 1952 стр. 465).

Знаменитый русский писатель А. П. Чехов о Невельском пишет следующее: «Это был энергический, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно» (А. П. Чехов, «Полное собр. сочинений», изд. второе, т. XV, «Остров Сахалин»; СПБ, изд. А. Ф. Маркса, 1903, стр. 12). Интересную характеристику личности и деятельности Г. И. Невельского дают статьи Л. Г. Каманина «Геннадий Иванович Невельский» (вступит. ст. к соч. Невельского, ОГИЗ, 1947, стр. 8—26) и А. Хавина, «Русский Колумб» (см. журн. «Знамя», май-июнь, кн. V — VI, М., 1939, стр. 208 — 223); о Г. И. Невельском см. также работу М. С. Робуша, «Один из русских пионеров на далеком Востоке», журн. «Исторический вестник», 1891, декабрь (т. 46), стр. 692 — 712); Б. Шлямин, «Капитан Невельский»; статья в журн. «География в школе», 1946, № 2-й, стр. 29 — 36, «Учпедгиз»; Виталий Тренев, «Амурская экспедиция Невельского» с предисл. А. Мельчина и с ценной библиографией; «Воен. издательство министерства вооруженных сил СССР», М., 1946; его же, «Путь к океану», изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1949; И. Винокуров и Ф. Флорич, «Подвиг адмирала Невельского», Госуд. издат. культурно-просветительной литературы, М., 1949 (есть издание 1951 года); Л. Г. Каманин, «Первые исследователи Дальнего Востока», Госкультпросветиздат, М., 1951, стр. 117 — 149; Н. Н. Зубов, «Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов», М., Географгиз, 1954, стр. 208 — 209, 274 — 282.

Никитин Афанасий (XV в. н. э.)[1], тверичанин, купец, замечательный русский путешественник, человек с широкими интересами и широкого кругозора, посетил Индию за 25 лет раньше (в 1466 — 1472 гг.), западноевропейцев (португальцев). Свое путешествие он описал в сочинении «Хожение за три моря». Это сочинение открыл русский историк Н. М. Карамзин. «Доселе географы не знали, пишет он, что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Индийцы слышали о России прежде, нежели о Португалии, Голландии и Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану наш тверитянин Афанасий Никитин, уже путешествовал по берегу Малабара» (Н. М. Карамзин, «История Государства Российского», т. VI, гл. VII, стр. 226 — 228).

Странствование Никитина состоялось при следующих обстоятельствах: к московскому великому князю Ивану III (1462 — 1505 гг.) прибыл посол Асан-бек от шемахинского ширван-шаха (или как его называет А. Никитин — «ширвашина») Фарух-Есара. В обмен за дары, привезенные Асан-беком, последний получил 90 охотничьих кречетов и собрался в обратный путь вслед за русским послом Василием Папиным. Узнавши о том, что в Ширван отправляется русское посольство, предприимчивый тверской купец Афанасий Никитин решился ехать в Шемаху со своим товаром. Он и товарищи его, москвичи и тверчане, снарядили два судна, и, получив разрешение, отплыли по Волге. Никитин предполагал застать в Нижнем Новгороде (ныне Горький) русского посла, В. Папина, но последний уже уехал, и ему пришлось продолжать путь с Асан-беком. Вскоре в пути одно судно было ограблено татарами и задержано, а другое — разбила буря. Никитин продолжал свое путешествие на судне Асан-бека и добрался до Шемахи, а оттуда через Дербент и Баку он отправился в Иран, где на него сильное впечатление своей оживленной торговлей произвел город Ормуз («Гурмыз» — как его называет Никитин). Из Ормуза он «пошел за море Индийское» и достиг Индии; здесь он прожил в течение трех лет и, наконец, совершил обратный путь через Иран, Турцию к берегам Черного моря. Никитину не суждено было вернуться домой, в родной город Тверь; он скончался в дороге, недоезжая Смоленска. В своем описании Никитин рассказывает не только обо всех городах и местностях, в которых он побывал, но приводит также и расспросные сведения о других местах, где он сам не был; так, он упоминает Каликот (Каликут — в то время главная гавань на западном берегу Индии), Силин (остров Цейлон), Пенгу (область Пегу в Индо-Китае) и т. д. У Афанасия Никитина есть достаточно колоритные описания индусских городов и некоторых строений в них. Вот как он описывает, напр., тогдашнюю столицу мусульманской Индии — Бидар: «... Бедерь же их стол (т. е. столица) Гундустану Бесерменьскому, а град есть велик, а людей много велми... В Султанове же дворе (т. е. дворце) семеры ворота, а в воротах сидит по сту сторожев да по сту писцов Кафаров (язычников индусов): кто поидет (т. е. входит) и они записывают, а кто выидет и они записывают; а Гарипов (иноземцев) не пускают в град (в крепость, в Кремль). А двор (дворец) же чуден велми, все на вырезе (в резьбе) да и на золоте (в золоте), и последний камень вырезан да златом описан (вызолочен) велми чудно; да во дворе (во дворце) у него суды (утварь) разные. Город же Бедерь стерегут в нощи тысяча человек кутоваловых (сторожей), а ездят на конех в доспесех, да у всех по светычу (факелу)... В Бедери же змеи ходят по улицам...».

О столице индусского княжества Биджапур А. Никитин сообщает: «... А. Индийский же Салтан Кадам велми силен и рати у него много, а сидит в горе Биченегер (на горе Биджапур). А град же его велми велик, около его три ровы, да сквозе его река течет: а с одну его страну (с одной стороны) Женьгель (джунгли) злый (дикий), а с другую страну пришол дол (с другой подошла долина), и чудна места велми угодно все (там чудные места и очень плодородные), на оную же страну притти некуда (ни на другую сторону некуда пройти), сквозе град дорога, а града же взяши некуды (а город взять неоткуда), пришла гора велика да деберь златикень» (там большая гора и дремучая дебрь). «Из записок Никитина видно, что он объехал значительную часть Низама, именно, Аурунгабад, Бидар, Хайдарабад и Биджапур, т. е. области, расположенные между р. р. Кистною и Годавари. Ни Марко-Поло, ни Конти, ни его современник Абдер-Разах не были там, куда заходил Никитин» (Г. Дитмар, «Хождение за три моря»: статья в журнале «Землеведение», 1910, кн. II, стр. 64). Афанасий Никитин, называя многие из виденных им стран и городов и те, о которых он слышал (Бахрейн, Джидда, Египет, Шираз, Иезд, Кашан, Гилян, Шемаха, Баку, Багдад (Вавилон), Дамаск, Алеппо и др.), сообщает и о Гурзыньской (Грузинской) земле, в которой на все большое обилие («Гурзыньской земли добро обильно всем»); такое же обилие и в Турции (Турьскаа земля) и в Волоской Земли (Валахия) и в Подолии (русская область по верхнему течению р. Днестра). Все эти страны хороши, по мнению Никитина, однако нет ничего лучше Русской земли. В своей молитве, написанной по-тюркски, он говорит: «Рус-

[1] Год рожд. неизв. — ум. 1472, БСЭ, т. 29, стр. 619. — Ред.

ская земля да будет хранима богом... На этом свете нет страны такой, как она, хотя вельможи (бояре) Русской Земли не добры. Да станет Русская земля благоустроенной и да обладает справедливостью...». В этой молитве Афанасий Никитин выразил всю свою любовь к родине и одновременно осуждение ее политического строя. Этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что он написал молитву не по-русски, а по-тюркски. Никитин опасался, что, если его писание дойдет до тверских властей, они могут обвинить его в измене.

По справедливому замечанию проф. А. Губера, «путешествие Афанасия Никитина в XV веке отражало возраставший на Руси интерес к Индии и стремление к установлению мирных торговых связей. В России в то время были хорошо известны индийские товары, изделия искусных индийских мастеров, заморские пряности. Среди иноземных купцов летописи отмечают и индийских гостей».

О путешествии Афанасия Никитина ценные данные см. в труде И. И. Срезневского, «Хождение за три моря Афанасия Никитина» (Чтения), СПБ, 1857, а также и в сочинении И. П. Минаева. «Старая Индия», СПБ. 1881. Очень интересные и ценные соображения о значении путешествия А. Никитина высказал Вл. Вл. Богданов в своей статье «Накануне 475-й годовщины путешествия Афанасия Никитина в Персию и Индию», см. «Землеведение», отд. географ., 1940, новая серия, т. 1 (41), М., 1940, стр. 249 — 253; см. также статью В. Самойлова, «Хождение Афанасия Никитина в Индию», «Исторический журнал», 1940, № 3-й, стр. 76 — 86; Соч. К. И. Кунина, «Путешествие Афанасия Никитина», с предисл. Э. М. Мурзаева, ОГИЗ, М., 1947, а равно хорошо иллюстрированная историч. повесть того же автора, «За три моря» изд. «Детгиз», МНПросв. РСФСР, М.-Л., 1947. Издательство Академии наук СССР в 1948 г. выпустило в свет «Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466 — 1472 гг.», под ред. академика Б. Д. Грекова и члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой — Перетц. Издание это оформлено прекрасно; М. Виташевская, «Пугешествие за три моря Афанасия Никитина, Географгиз, М., 1949; «Люди русск. науки», т. I, стр. 515 — 524; ст. М. А. Ильина, И. П. Магидович, «Очерки по истории географических открытий», т. I, Учпедгиз, М., 1949, стр. 85 — 89; А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг, «Афанасий Никитин и его время», «Учпедгиз», М., 1951; А. Губер, чл.-корреспон. АН СССР, «Научные связи СССР с Индией, ст. в газ. «Известия»; 9 июля 1955, № 135.

Николадзе Георгий Николаевич (1888 — 1931 гг.), известный грузинский математик, инженер-металлург, быв. профессор Тбилисского госуд. университета, выдающийся альпинист, один из основателей Географического общества Грузинской ССР, инициатор и устроитель при этом Обществе грузинского альпинистско-туристического Отдела. В 1923 г. он организовал первое восхождение грузинских альпинистов на Казбек и этим положил начало развитию Советского альпинизма в Грузии. С 1923 г. по 1931 г. Николадзе неизменно возглавлял грузинское альпинистическое движение, энергично руководил им и сумел за этот период времени воспитать кадр выдающихся альпинистов, число которых с каждым годом все более росло и растет. Выдающейся грузинской альпинисткой является отважная женщина Александра Джапаридзе, которая в 1923 г. приняла участие в первой грузинской

научной альпинистической экспедиции на вершину Казбека под руководством альпиниста, академика, проф. физики, А. И. Дидебулидзе; и по настоящее время А. Джапаридзе продолжает энергично работать в области альпинизма; ей присвоено почетное звание мастера спорта альпинизма СССР.

Затем, заслуженной известностью пользовался альпинист Семен Джапаридзе, начавший свою деятельность в 1926 г.; он посвятил свою жизнь делу изучения высокогорных районов Кавказского хребта; С. Джапаридзе удалось открыть новые пути и подступы к ряду величайших вершин Кавказа. В 1929 г., при восхождении на труднодоступную вершину Тетнульди, он погиб, во цвете лет вместе с тов. П. Двали. Выдающееся место среди грузинских альпинистов занимает также недавно погибший при восхождении на вершину Ушбы Александр (Алеша) Джапаридзе, участник восхождений не только на вершины Кавказского хребта, но и Памира; ему присвоено звание заслуженного мастера спорта — альпинизма СССР. Перу Алеши Джапаридзе принадлежит несколько описаний экспедиций в высокогорные районы Кавказа и Памира, из которых отметим лишь два: 1) «Ушба» и 2) «Тетнульди». К числу известных альпинистов Грузии принадлежит доктор И. А. Асланишвили, один из энергичнейших путешественников по высокогорным районам Кавказа; ему принадлежит несколько интересных трудов (на грузин. и русском языках), из которых отметим: 1) «Альпинизм в Грузии. Достижения советского альпинизма в Грузии за 1923 — 1934 гг.» (на рус. яз., Тб., 1935, изд. Геогр. общества Грузии), 2) «Осеннее восхождение на Мкинварцвери (вершину Казбека) 9 ноября 1927 г.» (на грузин. яз., Тб., 1928), 3) «Научная экспедиция в Сванетию в 1923 г.» и др. Доктор Асланишвили является первым историографом Советского альпинизма в Грузии.

Кроме вышеназванных лиц, в деле развития и организации грузинского альпинизма заслуженной известностью пользовались и пользуются следующие альпинисты, участники высокогорных экспедиций и отважные победители высочайших вершин Кавказского хребта: Сандро Гвалия (мастер спорта альпинизма СССР), Иван (Како) Марр (мастер спорта по альпинизму), Давид Церетели (участник также одной Памирской экспедиции; мастер спорта—альпинизма СССР), Георгий Бакрадзе (старший инструктор альпинизма), Константин Джавришвили (старший инструктор альпинизма), Ираклий Лукашвили (мастер спорта—альпинизма СССР), Леван Маруашвили (молодой талантливый геоморфолог, также участник одной Памирской экспедиции), Дави Микеладзе (молодой талантливый геолог), Шота Микеладзе, Гито Гиоргидзе, Гаха Циклаури, Егор Казаликашвили, Мелентий Санеблидзе, Г. Пурцеладзе, Асмат Николаишвили, И. Кукавадзе и др. (См. 1) Г. Николадзе, «Первое грузинское восхождение на Казбек», статья в «Изв. Географ. Общества Грузии», № I, 1924, на груз. яз., 2) Асланишвили, «Альпинизм, в Грузии». Достижения советского альпинизма в Грузии за 1923 — 1924 гг., Изд. географ. общ. Грузии, Тб., 1935; 3) Г. Элиашвили. «Альпинизм в Грузии», ст. в сборнике «К вершинам Советской земли», 25 лет Советского альпинизма, Географгиз, М., 1949, стр. 481 — 485; там же см. стр. 105 — 133 статью Е. Рокотяна; стр. 159 — 173, статья Г. Николадзе; стр. 214 — 232, статья А. Б. Джапаридзе; 4) Д. М. Затуловский, «Советский альпинизм», Военное изд. Военного мини-

стерства Союза ССР, Научно-популярная библиотека солдата, М., 1951, стр. 14 — 16, 18 — 24, 33 — 40, 45 — 48, 59, 70 — 71; И. Асланишвили, О. Гигинейшвили, Д. Пурцеладзе, Альпинизм в Грузии, Госиздат, Тб., 1954, (на груз. яз.).

Норденшельд Нильс Адольф Эрик (1832 — 1901 гг.), известный шведский ученый, историк картографии, путешественник, исследователь Арктики. Участвовал в пяти экспедициях на Шпицберген (Свальбард), где открыл месторождения каменного угля. В 1875 — 1876 гг., совершил два плавания в Карское море к устью Енисея и две экспедиции в Гренландию. В 1878 — 1879 гг. Норденшельд прошел на судне «Вега» с одной зимовкой северо-восточный проход. Эта экспедиция была организована на средства шведского короля Оскара, готебургского купца Оскара Диксона и иркутского купца Александра Сибирякова. 25-го июля (6 августа) 1878 г. «Вега» в сопровождении другого парохода «Лена» вышла из Тромсе; 19 (31) августа она достигла мыса Челюскина, а 27 августа (8 сентября) оба парохода вошли в устье реки Лены. 28 сентября (10 октября) «Вега» подошла к Колючинской бухте, но сплошной лед преградил пароходу дальнейший путь; почти у самого входа в Берингов пролив «Вега» стала на зимовку. Долгое время ничего не знали о судьбе Норденшельда. Было решено снарядить экспедицию на его поиски. А. Сибиряков заказал в Мальме пароход, приспособленный для плавания во льдах; одному русскому военному крейсеру приказано было при первой возможности плыть через Берингов пролив в Чукотское море на поиски экспедиции Норденшельда. Издатель Нью-Йоркской газеты «New—Jork—Herald», Гордон Беннет, также снарядил на свои средства яхту «Жаннету», под командой лейтенанта американского флота, Де-Лонга, для оказания помощи «Веге». Между тем последняя благополучно выбралась из ледового плена и вышла в Тихий океан. Таким образом Норденшельд открыл северо-восточный проход, давно, впрочем, уже открытый русскими мореходами в XVII в. (см. А. П. Окладникова «Русский полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра»; изд. Главсевморпути, М.-Л., 1948). А. Э. Норденшельду принадлежит ряд ценных научных трудов, из которых отметим след.: 1) «Экспедиция к устью Енисея 1875 — 1879 гг.» (рус. перевод 1890, СПБ), 2) «Плавание на «Веге» (рус. перев. со шведского Анны Бонди, под ред. В. Ю. Визе, изд. «Главсевморпути», Л., 1936, ч. 1-ая и ч. 2-ая) и др.

О Норденшельде см. Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 49 — 60.

Носир Хисроу или **Хисрав** (1003 — 1088 гг.)[1], оставивший на арабском языке религиозно-философские и географические труды, а также поэтические произведения[2].

Носир Хисроу родился в 1003 г. в городе Кабадиане, который являлся одним из значительнейших тогдашних культурных центров Средней Азии. В этом же городе он получил образование, а затем для усовершенствования в науках отправился в Мерв. По окончании образования, Носир Хисроу поступил на службу и заведывал в Мерве казенными имуществами. Одновременно он посвящал много вре-

[1] Год рожд. неизв. — ум. 1472, БСЭ, т. 29, стр. 619, — Ред.

[2] См. Носир-Хисроу, «Избранное», Госиздат, Таджикской ССР, 1919, С вступительным очерком Л. Бузург—Зода; редакция И. С Брагинского.

мени и научной работе. Прослужив несколько лет, он, под предлогом путешествия в Мекку на богомолье («Хадж»), отказался от службы и отправился в странствование. Ему удалось посетить почти все известные тогда культурные центры Ирана, Арабистана и Сев. Африки. Во время своего пребывания в Египте, Носир Хисроу увлекся магометанско-сектантским учением исмаилитов. «В конце 1052 г. он вернулся через Исфаган в Балх. Там он начал работу проповедника исмаилитского толка и вступил в упорную политическую борьбу с Сельджукскими правителями Средней Азии»[1]. Идейные и политические враги стали его преследовать, и Носир Хисроу вынужден был бежать из Балха в Мазендеран, откуда он затем скрылся на Памир, где в Бадахшане, в горном кишлаке Юмгон, скончался в 1088 г.

Свои странствования Носир-Хисроу описал в труде «Сафарнамэ», в котором он дает ценные сведения о многих посещенных им странах и городах (Сев. Иран, Малая Азия, Сирия, Палестина, Иерусалим, Триполис, Бейрут, Египет, Каир, Мекка, Аравия, Йемен, Лахс, Басра, Хашабе, Исфахан, Табас, Тун и др.). Как явствует из его труда «Сафар-наме», Носир Хисроу был очень внимательным, наблюдательным и любознательным путешественником[2]. Так, например, он сообщает, что«между Реем и Амулем лежит гора Демавенд, она похожа на купол и ее называют также и Ливасан. Говорят, что на вершине этой горы есть колодец, где добывают аммониак; некоторые утверждают, что там есть сера. Люди берут бычьи шкуры, наполняют их аммониаком и катят вниз с горы, потому что по дороге их доставить вниз невозможно» (Иосир Хисроу, «Избранное», стр. 36). В том же труде автор приводит достаточно подробное и очень интересное описание города-крепости Амида, его архитектурного стиля и обильного источника прекрасной воды, бьющего из скалы (стр. 45 — 47). Хорошо описан путешественником город Триполис, где имеется, по его словам, «таможня, так как корабли, прибывающие из Рума (Византия), Франгистана (Франкское государство), Андалуссии (Испания) и Магриба (Сев. Африка), платят там десятину султану... У султана там есть суда, которые ходят в Рум, на Сицилию и в Магриб и ведут торговлю» (стр. 55).

Носир-Хисроу с достаточной подробностью описывает Египет, особенно его города в области дельты Нила — Тиннис, Салихийэ, Миср (Старый Каир), Александрию и Каир. Автор рассказывает об ежегодном паводке Нила в то время, «когда солнце входит в знак Рака», о нилометрах, о чиновнике-наблюдателе за подъемом воды, о каналах, отводимых из Нила, о канавах для снабжения населения поливной водой и проч.; затем он сообщает об устройстве александрийского маяка. «В Александрии, пишет Хисроу, я видел маяк в полной исправности. На нем было установлено зажигательное зеркало, и если судно ру-

[1] Л. Бузург-Зода, «Искатель правды и справедливости Носир Хисроу», вступительный очерк к избранным произведениям Хисроу. Госиздат, Таджикской ССР, 1919, стр. 20. Краткие сведения о Носире Хисроу см. в труде Б. Г. Гафурова, «История таджикского народа», т. 1, изд. третье, Госполитиздат, М., 1955, стр. 280 — 282.

[2] Е. Э. Бертельс, Насири-Хисрау, Сафар-намэ. Книга путешествий. М.-Л., 1933.

мийцев (византийцев), шедшее из Стамбула, попадало в круг действия этого зеркала, на него тотчас же падал огонь, и судно сгорало. Румийцы старались из всех сил предотвратить это, изобретали разные хитрости и, наконец, послали кого-то, кто разбил это зеркало» (стр. 68).

При описании Каира автор подробно рассказывает о церемонии и празднестве в день пуска нильского оросительного канала и о приеме и пирах, устраиваемых по этому случаю султаном.

Носир Хисроу дает также описание некоторых районов Аравии; «земля арабов, сообщает он, мало обитаема, население ее живет по пустыням и долинам, обладает верблюдами и другим скотом и обитает в палатках. Земля химьяров (неменцев) делится на три части: одна из них называется Тихамэ и лежит на западе по берегу моря Кулзум. Там много городов и обитаемых мест, как, напр. Са″да, Зебид, Сан″а и другие города. Все эти города лежат в долинах; царь — подчинен Абиссинии. Другая часть — горная область, называемая Неджд ом. Там много пустынных и холодных мест, ущелий и могучих замков. Третья часть лежит с восточной стороны; там тоже много городов'...» (стр. 117).

Покойный русский академик В. В. Бартольд указал, что название южнорусских степей от Днепра по направлению к востоку до — и за Волгу — «Дешт — и — Кыпчак» (т. е. Кыпчакская степь), встречающееся у арабских и персидских писателей (XI — XV вв.), впервые упоминается у Носира Хисроу.

Через некоторое время Носир Хисроу возвращается из своих странствований в Балх. «Все расстояние от Балха до Мисра, оттуда до Мекки, через Басру и Фарс, и снова обратно в Балх... составляет 2220 фарсахов. Обо всем, что я видел, я правдиво поведал, а если и сообщил что-нибудь неверно о том, что слышал, пусть читатели не считают меня глупцом, не порицают и не бранят. И если поможет мне господь... я, если совершу путешествие на Восток, опишу также, то, что увижу и там» (стр. 162).

Обручев Владимир Афанасьевич (1863 — 1956 гг.) маститый русский ученый, академик, выдающийся геолог, географ, путешественник, исследователь Центральной Азии и Восточной Сибири, родился в деревне Клепенино (на берегу Волги), быв. Ржевском уезде, быв. Тверской губернии. Детство его прошло в разных городах Польши, где служил его отец, пехотный офицер. В 1881 году В. А. Обручев окончил виленское реальное училище и поступил в Петербургский Горный институт. Здесь на него большое влияние оказал выдающийся русский геолог, проф. И. В. Мушкетов, который обратил внимание на серьезного студента и снабжал последнего книгами.

В 1886 г. Обручев окончил Горный институт, и, по рекомендации Мушкетова, был назначен горным инженером при управлении постройки Закаспийской железной дороги. В том же году, по приезде в Среднюю Азию, Обручев произвел обследование части песчаной пустыни Каракум. Отчет о своих наблюдениях в Закаспийской области молодой горный инженер обработал, и проф. Мушкетов поместил этот отчет в «Известиях географического общества», за 1887 г. Это был первый научный труд молодого Обручева. Осенью того же, 1887, года он продолжал исследования вдоль строившейся жел. дороги от реки Аму-Дарьи до города Тамарканда. На зиму Обручев уехал в Тбилиси, где проживала его семья. К весне 1888 г. Обручев вернулся в Закаспийскую область для продолжения работ. Результатом этих работ явился его труд «Закаспийская низменность», напечатанный в «Записках Географического Общества» (в 1890 г.) и удостоенный золотой медали. В этом сочинении автор дал, во-первых, интересную классификацию типов песков, а именно: барханный, бугристый, грядовый и песчаной степи; во-вторых, указал, «что Келифский Узбой представляет старое русло части Аму-Дарьи и что Балхашский Узбой является не морским проливом, соединявшим Аральское море с Каспийским, как полагали многие, а руслом реки, по которому стекал избыток воды из озера Саракамыш, в которое впадала Аму-Дарья или один из ее рукавов. Эти выводы подтверждены позднейшими исследованиями, за исключением постепенного преобразования бугристых песков в песчаную степь» (В. А. Обручев, «Страницы из моей жизни», автобиография в «Известиях Всесоюзн. географич. общества», т. 78, в. 3, 1946, стр. 262 — 263). Через некоторое время, после окончания работ в Закаспийской области, В. А. Обручев был назначен на должность геолога при Иркутском горном управлении. В Сибири развернулась широкая деятельность молодого ученого. В Иркутске Обручев познакомился с известным путешественником Г. Н. Потаниным (см.), который втянул его в работу Восточно-Сибирского отдела Географического Общества. За период времени с 1889 г. по 1890 г. Обручев произвел ряд геологических и географических исследований в районах Прибайкалья и юга бывшей Иркутской губ. и собрал богатый материал, на основании которых он написал несколько научных статей, опубликованных в «Горном журнале» и в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Географического Общества». Летом 1892 г. В. А. Обручев принял участие в экспедиции Г. Н. Потанина в Китай и на восточную окраину Тибета. Во время этого путешествия Обручев собрал богатый материал по геологии и географии. По возвращении в Петербург он сделал в Географическом Обществе интересный доклад о результатах своих наблюдений и исследований. Обручев, между прочим, отметил, что гипотеза Рихтхофена о происхождении лёсса требует существенных поправок. Обручев охватил своими «экспедиционными исследованиями Китай, Монголию, Среднюю Азию, Забайкалье, Прибайкалье, Ленско-Витимский район, Алтай, восточную пограничную часть Казахской ССР, пограничную Джунгарию и совершил ряд отдельных поездок в Кузнецкий Алатау, С. Кавказ и Закавказье, Крым, Донбасс, Красноярский район и другие места». За время путешествия лишь по Китаю В. А. Обручевым пройдено около 14930 км, из которех снято горным компасом около 11730 км. и исследовано геологически более 12800 км.; собрана коллекция горных пород, почв, полезных ископаемых и окаменелостей в количестве до 6000 образчиков; определено высот гипсотермометром и анероидами более 600; в некоторых местностях производились метеорологические наблюдения и собирались расспросные сведения о климате (температуре, осадках и ветрах). Материалы, собранные в Сибири, дали возможность Обручеву выяснить не только тектонику Сибири, но и распространение и залегание ее полезных ископаемых. В. А. Обручев — автор многих ценнейших трудов, среди которых особенно почетное место занимают — трехтомная «Геология Сибири» и пятитомная «История геологического изучения Сибири». Затем следует отметить изданное Академией наук СССР в 1948 г. соч. В. А. Обручева «Мои путешествия по Сибири», в первой части которого автор рассказывает о

своих путешествиях в Прибайкалье, по р. Лене и в Олекминско-Витимском районе в 1883 — 1892 гг.; во 2-й части того же труда рассказывается об изучении Западного Забайкалья, или Селенгинской Даурии, в 1895 — 1898 гг.; в 3-й и 4-й частях — автор говорит о своих путешествиях в Сибири в 1901 — 1911 гг., в 1912, 1914 и 1936 гг.

Заслуживает также внимания ценное сообщение маститого ученого, сделанное им на 2-м Всесоюзном географическом съезде 1947 г. под заглавием «Вклад русских ученых в исследование Центральной Азии» (см. «Труды второго Всесоюзного географического съезда», т. I, М., 1948, стр. 91 — 108). Центральной Азией акад. В. А. Обручев называет часть Азиатского материка в границах — на севере и западе — государственная граница СССР, на востоке — Большой Хинган, на юге — Великая Китайская стена (протяжением 1600 км) до г. Ланьчжоу и подножие хребта Куньлуня.

Нельзя не отметить, что характерной, так сказать, особенностью «стиля» почти всех научных трудов В. А. Обручева является умение ясно поставить вопрос, придать ему живой интерес, изложить сравнительно легко, понятно и доступно.

Обручев известен так же, как писатель-популяризатор; его перу принадлежат, напр., очень интересные научно-популярные книги: 1) «От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай» (изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1940); 2) «По горам и пустыням Средней Азии» (изд. Акад. наук СССР, М.-Л., 1948); 3) «Золотоискатели в пустыне»; Гизгеологической литературы, М., 1949 и др. Маститому ученому принадлежит также интересный научно-популярный труд «Основы геологии»; «Госгеологиздат», М.-Л., 1947 г. По справедливому замечанию академика А. А. Григорьева, В. А. Обручев, благодаря своим геологическим и географическим исследованиям, «вошел в число славной плеяды исследователей эпохи русских великих открытий Центральной Азии второй половины XIX в. и вместе с тем приобрел широкую мировую известность».

Акад. А. А. Григорьев, «Академик Владимир Афанасьевич Обручев», к 80-летию со дня рождения, статья в «Известиях Всесоюзн. географического общества», т. 75, вып. 6-й, 1943, стр. 53; см. также С. В. Обручев, «По внутренней Азии... В. А. Обручев», ОГИЗ, Географгиз, М., 1947, стр. 45 — 84; Э. М. Мурзаев, «В. А. Обручев, как географ», ст. в «Вопросах географии», сборн. 12, Географгиз, М., 1949, стр. 4 — 16; З. Ингирев, «Творческий путь В. А. Обручева», Госгеолиздат, М.-Л., 1948; Э. М. Мурзаев, «Работы В. А. Обручева по географии Азии» (см. В. А. Обручев, «Избранные работы по географии Азии», тт. I—III, Географгиз, М., 1951—1952 гг.); Н. А. Нагинский, «Девяностолетие акад. Влад. Афан. Обручева», ст. в «Вопросах географии Сибири», Сборн. 3, Томск, 1953, стр. 5—12; Н. И. Бархатова, «Экспедиции В. А. Обручева».

Обручев Сергей Владимирович (р. 1891 г.) (сын В. А. Обручева); профессор, геолог, географ и путешественник. В 1926, 1929 — 1930 гг. руководил экспедициями в бассейнах рек Индигирки и Колымы, а в 1932 — 1933 гг. на самолетах он посетил с научной целью Чукотку и остров Врангеля. До 1926 г. северо-восточная часть СССР была одним из наименее исследованных районов мира и только, благодаря поистине героическому путешествию по холодным, пустынным и почти безлюдным северо-восточным пространствам Якутии и Чукотки, проф.

С. В. Обручеву удалось впервые открыть малоизвестную географической науке часть Союза и, что особенно важно, открыть громадный хребет Черского, тянущийся с северо-запада к юго-востоку на протяжении 1000 км и имеющий ширину от 150 до 300 км, а высоту до 3000 м. Исследования Обручева показали, что хребты Верхоянский и Черского, а равно и плоскогорье Оймякон составляют одну огромную область, смятую в складки в мезозойское время.

В. С. Обручеву принадлежит ряд интересных и ценных монографий, как, напр.: 1) «Экспедиция на реку Индигирку и хребты Кех-тас и Верхоянский в 1926 г.». См. «Вестник Геологич. комитета», 1927, № 4, стр. 1—6, 2) «Колымско-Индигирский край. Географ. и геолог. очерк, «Труды СОПС»-а Академии наук СССР»; серия Якутская, В. А. 1931, 3) Колымско-Индигирский район. Геоморфол. очерк. Якутская АССР; вып. 1, Геоморпология, «Труды СОПС»-а, Акад. наук СССР», 1932, стр. 41 — 57, 4) «Чукотская экспедиция 1932—1933 гг.», Вып. 2-й, «Труды Арктического института», т. 54, 1936 (монография написана совместно с К. Салищевым), 5) «Объем и содержание понятий» Хребет Черского» и «Верхоянский хребет», См. «Известия Госуд. географ. общества», т. 69, вып. 4-й, М., 1937, стр. 514 — 536, 6) «Древнее оледенение и четвертичная история Чукотского округа»; статья в «Известиях Академии наук СССР»: серия географическая и геофизическая, М., 1939, № 2-й; стр. 129 — 145 (с библиограф. указателем), 7) «В неизведанные края. Путешествия на севере (1917 — 1930)», изд. «Молодая Гвардия», 1954.

О С. Обручеве см. труд Н. А. Гвоздецкого, Как были стерты «белые пятна» с карты СССР, М., 1953, стр. 50 — 77; 85 — 87.

Овцын Дмитрий Леонтьевич, лейтенант русского флота (годы рождения и смерти не установлены), участник Великой Северной экспедиции (1733 — 1743 гг.). Вступил в морскую службу в 1726 г. Овцыну было поручено найти и описать морской путь из Оби и Енисей, что он с большими трудностями и выполнил в 1734 — 1738 гг. Карты этих мест еще до недавнего времени составлялись по его описи. Овцын в Тобольске построил судно и спустился вниз по рекам Иртышу и Оби до Обской губы. В течение трех лет он безуспешно пытался выйти из губы в Карское море. За этот период времени Овцыну удалось только составить карту берегов Обской и Тазовской губ. Летом 1737 г. Овцын со своими спутниками на двух судах после двухмесячного плавания обогнул полуостров Явай, отделяющий Обскую губу от Енисейского залива, а еще через месяц суда достигли Туруханска, где и зазимовали. В следующее лето Овцын привел одно судно в Енисейск. Оттуда он отправился с материалами экспедиции в Петербург (Ленинград), но по дороге, в городе Тобольске, был арестован, по доносу чиновника Тишина, за свою связь с опальной семьей Долгоруких, сосланных в Березов. Овцына отправили в Тайную канцелярию (тогдашний орган сыска), судили и разжаловали в матросы, а затем послали в распоряжение Витуса Беринга, с которым он совершил плавание у берегов Аляски (впоследствии Овцын был восстановлен в офицерском звании). Отряд Овцына во главе с Федором Мининым описал западный берег Таймырского полуострова «сухим путем и на собаках» (см. Яников Г. В., «Великая Северная экспедиция», Географгиз, М., 1949, стр. 49 — 64, 152 — 153; В. К. Тренев, «Дмитрий Леонтьевич Овцын», статья в сборн. «Русские мореплаватели», 1953, стр. 64 — 76).

Озерецковский Николай Яковлевич (1750 — 1827 гг.), замечательный русский ученый и путешественник; член Российской Академии наук; спутник И. И. Лепёхина (см.); учился он сначала в троицкой семинарии, а в 1767 г., как один из лучших воспитанников, был отправлен в Петербург (Ленинград) в академический университет. Будучи студентом, Озерецковский сопровождал Лепёхина в его путешествиях по России; причем он «не раз совершал по его (Лепёхина. — Г. Г.) указанию самостоятельные поездки» (А. Н. Пыпин, «История русской этнографии», т. 1-й, СПБ, 1890, стр. 110). В течение пяти лет (1774 — 1779 гг.) Озерецковский жил заграницей и учился сначала в Лейдене, а затем в Страсбургском университете; в последнем он получил ученую степень доктора медицины. По возвращении на родину, он был назначен адъюнктом, а в 1782 г. академиком. Озерецковский «объехал много местностей на юго-востоке и севере России, от Архангельска до Астрахани» (А. Н. Пыпин, там же). Кроме того, он побывал на берегах Ладожского и Онежского озер (тогда мало изученных), в верховьях Волги, в Новгородском крае. «Я, говорит о себе Озерецковский, путешествовал много лет по разным странам и государствам, чтоб чему-нибудь научиться».

Во время своих путешествий Озерецковский собрал ценный естественно-научный, этнографический и исторический материал. «Отмечая характер местности, описывая флору и фауну, говорит А. Н. Пыпин, он собирает местные географические названия, статистические сведения о народных промыслах и нередко дает любопытные бытовые картинки...» (А. Н. Пыпин, там же, стр. 124). А вот как оценивает академик М. И. Сухомлинов значение путешествий Озерецковского: «Путешествием началось научное образование Озерецковского; путешествия, предпринимаемые им впоследствии, доставили богатые материалы для трудов, которыми он приобрел себе почетную известность в науке и литературе».

Из научных трудов Н. Я. Озерецковского отметим: 1) «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» (СПБ, 1792), 2) «Описание Колы и Астрахани» (СПБ, 1804), 3) «Обозрение мест от Санктетербурга до Старой Русы и на обратном пути» (СПБ, 1808), 4) «Путешествие на озеро Селигер» (СПБ, 1817).

О жизни и деятельности Озерецковского см. у М. И. Сухомлинова его «Истории Российской Академии», СПБ, 1875, т. II, стр. 299 — 388; 525 — 542; 574 — 582; в том же труде, ч. II (СПБ, 1872) дан перечень трудов Н. Я. Озерецковского, стр. 534 — 542.

О жизни и деятельности Озерецковского см. также «Русский биографический словарь» — «Обезьянинов — Очкин», СПБ, 1905, стр. 181 — 184; В 1948 г. «Географгизом» издана интересная книжка Н. Г. Фрадкина «Путешествия И. И. Лепёхина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева». По справедливому замечанию автора этого сочинения «по подробности и точности сообщаемых сведений работы Озерецковского принадлежат к числу лучших в современной ему географической литературе» (стр. 66).

Орбелиани Сулхан Саба (1658 — 1725 гг.), выдающийся грузинский политический и общественный деятель, крупнейший ученый, литератор, лексикограф и путешественник по родной стране, Ирану и Европе, получивший блестящее для своего времени образование, вместе с Вахтангом VI эмигрировал в Россию. Труды Сулхана Саба Орбелиани свидетельствуют о том, что он владел несколькими иностранными языками (итальянским, французским, русским, азербайджанским, армянским), знал древнегреческий и латинский языки и обладал большой научной эрудицией. В своем замечательном труде «Грузинский лексикон» („bo©ggob ĝobo") он, между прочим, обнаруживает солидные познания по вопросам космографическим, астрономическим и географическим. С. С. Орбелиани в этом лексиконе дает ценные научные объяснения и истолкования, напр., следующих понятий и явлений: небо, звезды, планета, луна, зодиак, воздух, ветер, дождь, снег, радуга, страна, гора, скала и др. Кроме того, здесь же автор приводит географические названия стран и городов; причем почти всегда указываются координаты последних.

Сочинение Орбелиани «Путешествие по Европе» также свидетельствует об учености автора, о большой его культурности и наблюдательности. Свое путешествие по Европе (в 1714 г.) Орбелиани совершил вместе с католическим миссионером Ришаром. Во время пребывания в Италии он посетил Рим, где с большим вниманием и интересом осматривал достопримечательности «вечного города», как то — памятники античного периода и христианские, Ватикан и его библиотеку; школы, больницы, приюты, странноприимные дома и пр. Кроме городов, Орбелиани живо интересовался и природой страны. Он восторгался живописными пейзажами окрестностей Рима, Флоренции и Толентино, Неаполем и его окрестностями. Орбелиани был очарован Наблюдательный путешественник говорит о Палермо, Мессине, Этне, Генуе, Ницце, Монако, Савойе, Ливорно, Мальте. В Париже его все живо интересовало — люди и нравы, памятники архитектуры, окрестности столицы Франции — Версаль с его парками и садами, памятники искусства, вопросы церковные и политические и многое другое. Сулхан Саба Орбелиани знакомит своего читателя, правда мимоходом, и с Алжиром и с Марокко.

На обратном пути он побывал на острове Эвбее, в Митилене, на Крите, в Битлиме, проехал через Дарданеллы и посетил Константинополь, а затем Трапезунд и страну чанов (лазов), которые доставили его в Кобулети, откуда он вернулся на родину.

О том, как Сулхан Саба Орбелиани умел лаконично, но вместе с тем выразительно описывать различные посещенные им страны, можно судить хотя бы, например, по его географической характеристике острова Мальты. Вот, что он сообщает об этом острове: «Мальта — страна теплая; в декабре месяце там цветут сирень и другие цветы. На смоковницах листва опала, но в виноградниках лозы еще в зелени. В зимнюю пору Мальта не знает ни снега, ни инея, ни морозов. Лишь, когда подует северный ветер, наступают небольшие холода. Лето здесь, как говорят, жаркое. Остров скалист, каменист, только в некоторых частях попадаются ровные пространства... Много змей, не приносящих вреда человеку. Почва острова малоплодородна. Там, где имеются плодовые насаждения, встречаются цитрусы («нарипдж-туриджи»); иные садов деревьев нет. Зимой все зеленеет; летом от жары трава выгорает». (Сулхан Саба Орбелиани. «Путешествие в Европу», изд. «Федерация», Тб., 1940 (грузинский текст под ред. С. Нордания швили, стр. 141). Автор, как видим, дает для своего времени прекрасную характеристику одного из уголков Средиземья со всеми его географическими особенностями.

О С. С. Орбелиани, см. «История грузинской литературы», т. I, К. Кекелидзе, А. Барамидзе, «Древнегрузинская литература (V — XVIII вв.)», изд. АН Грузинской ССР, Тб., 1954 (на груз. яз.), стр. 390 — 393, 403 — 405; Статья Г. И. Зардалишвили, «Сулхан Саба Орбелиани, в труде Г. Н. Гехтмана, «Очерки по истории географии», Тб., 1955 (на груз. яз., стр. 408 — 414).

П

Паллас Петр Симон (1741 — 1811 гг.), член Российской Академии наук, выдающийся ученый и путешественник с энциклопедическими знаниями и с многосторонними интересами. Круг его научных интересов охватывал многие отрасли науки — зоологию, ботанику, геологию с горным делом, палеонтологию, минералогию, физическую географию медицину, этнографию, языкознание, сельское и лесное хозяйство и т. д.

Петер Симон Паллас родился в 1741 г. в Берлине в очень культурной семье; отец его состоял профессором Берлинской медицинской коллегии; мать его, Сюзанна Лемард, была француженка. Ребенок получил очень хорошее домашнее воспитание, говорил свободно не только по-немецки, но и по-французски; рано обнаружил свои недюжинные способности и 13 лет поступил в Берлинскую медико-хирургическую коллегию, где учился четыре года и где успел зарекомендовать себя как способный и усердный слушатель. Для углубленного изучения медицины, а равно естествознания, Паллас сначала отправился в Галле, где серьезно изучал математику и физику, а затем в один из важнейших научных центров Голландии, в Лейден, славившийся тогда не только своим университетом, но своими научными учреждениями, как то, зоологическим кабинетом, музеями, ботаническим садом и пр. В. Голландии Паллас написал и опубликовал свою докторскую диссертацию о глистах («Dissertatio inauguralis de infestis, viventis intra viventium», 1760, 62 стр.). В 1761 г. он с научною же целью отправился в Англию, где также работал в научных учреждениях и где завязал дружеские связи, а затем и переписку с некоторыми выдающимися учеными.

В 1762 г. он вернулся на родину, а в следующем году, с согласия отца, переехал в Голландию и поселился в Гааге, где в течение трех лет вел серьезную научную работу. В 1767 г., будучи 26 лет от роду, Паллас «успел... составить себе довольно значительное научное имя, поэтому неудивительно, что, когда русское правительство обратилось к проф. Людвигу в Лейпциге с просьбой указать Академии наук нужного ей ученого — натуралиста, Людвиг рекомендовал Палласа» (см. проф. Б. А. Райков, «Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина», т. 1, изд. Акад. наук СССР, М.-Л., 1947, стр. 13). В том же 1767 г. он приехал в Петербург (Ленинград) и прожил в России в течение 43 лет. «Всестороннему изучению своего второго отечества он посвятил почти всю жизнь свою, а потому мы... можем причислить его к русским ученым, между которыми он, по глубине своих знаний, по широте научных интересов и задач, а также по необычайному дару и точности наблюдений, занимает одно из самых первостепенных мест» (Ф. Кеппен, «Паллас», статья в «Русском биографическом словаре» — «Павел — преподобный — Петр (Илейка), СПБ, 1902, стр. 153). Для русских академических экспедиций 1768 — 1773 гг. Паллас разработал общий план, а равно распределение отдельных районов между ее участниками.

В этой экспедиции, кроме П. С. Палласа, приняли участие академики Гюльденштедт, С. Г. Гмелин, Лепёхин, Фальк и Георги; при каждом из них находилось по несколько «студентов» Академии.

В 1768 — 1773 гг. Паллас посетил Крым, Поволжье, Астраханское Заволжье, район реки Урала (быв. Уральскую область), Западную Сибирь, Алтай, озеро Байкал, Забайкалье, Кавказ. По справедливому замечанию проф. Л. С. Берга, «его (Палласа) отчёты, дающие массу сведений по географии, зоологии, ботанике, геологии, этнографии и археологии России, до сих пор служат сокровищницей, из которой продолжают черпать последующие исследователи». Многие взгляды Палласа сделались достоянием науки; так, напр., он впервые выяснил и доказал, что Арало-Каспийская равнина есть высохшее дно обширного внутреннего моря.

Известный русский ученый и путешественник Н. А. Северцов в своей магистерской диссертации: «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии» следующим образом характеризует научную деятельность Палласа: «Паллас своими приемами в науке, смелыми идеями, высказанными о связи всех трех царств природы, — идеями окончательно разработанными в нашем столетии, своими наблюдениями над жизнью животных и сравнительно — анатомическими работами стоит впереди ученых XIX века... Он был основателем палеонтологии; он установил такие прочные воззрения на значение метеорологических, почвенных и климатических влияний на явления периодической жизни животных, что к этому после него прибавлено было мало существенного...». Во время своих путешествий Паллас с одинаковым интересом и глубиной изучал не только явления и предметы всех трех царств природы, но также и практическое применение этих предметов в народном хозяйстве (залегание и добыча каменной соли, породы ревеня, рыболовство и рыбное хозяйство, леса и лесное хозяйство и т. д.). «В архиве Академии наук, говорит Ф. Кеппен, хранится оставшееся ненапечатанным сочинение Палласа по лесному хозяйству России («Kurzgefaste Anweisung zur Forstwirtschaf für Russische Reich» «Краткое наставление по лесному хозяйству Российской империи»). Эта замечательная рукопись делится на два главных отдела: 1) физико-экономическое описание деревьев и кустарников, дикорастущих в Российской империи, и 2) о главных предметах лесного хозяйства, а именно: об экономическом употреблении лесонасаждений, о заботливом содержании и размножении их, и о побочных средствах для сбережения леса. Очень интересно, что Паллас уже тогда (в 70-ых годах XVIII ст.), когда никто у нас не думал о сбережении леса, обратил внимание на необходимость отыскания и употребления каменного угля и торфа, с целью замещения ими дров» (Ф. Кеппен, вышеуказ. статья «Паллас», стр. 161).

Свои путешествия Паллас описал в трехтомном сочинении (на немецком языке): «Путешествия по разным провинциям Российской империи» (СПБ, 1773, 1786, 1788); с немецкого языка на русский этот труд перевели Федор Томанский и Василий Зуев под заглавием «Путешествие по разным провинциям Российского государства, в 1768, 69, 70, 72 и 1773 годах» (5 частей, СПБ, 1773 — 1788 гг.). По справедливому замечанию Б. Г. Кузнецова, «эта полная энциклопедия природы России, состоящая из непосредственных впечатлений и наблюдений великого натуралиста. Шаг за шагом на страницах этой книги описывается экспедиция 1768 — 1773 гг., и вместе с ней развертывается панорама

России второй половины XVIII века. При этом множество наблюдений Палласа является подлинными научными открытиями — географическими, геологическими, биологическими, или этнографическими. Бросается в глаза необыкновенная наблюдательность Палласа. Наряду с ней — отсутствие предвзятости, какая-то особенная беспристрастность, вытекавшая из страстного и глубокого стремления к объективной истине» (Б. Г. Кузнецов, «Очерки истории русской науки», М.-Л., 1940, изд. Академии наук СССР, стр. 135). Следует, впрочем, отметить, что некоторые русские ученые, как, напр., проф. В. В. Данилевский, справедливо упрекают Палласа в том, что он вместе с другими иностранцами, работавшими в России в XVIII ст., проводил в своих трудах лживую «концепцию», утверждавшую, что «русские не могут сами создать чего-либо нового в области техники» и науки (Проф. В. В. Данилевский, «Русские новаторы в мировой технике», М., 1947, стр. 4).

На русский язык переведены еще следующие труды Палласа: «Топографическое описание Таврической области» (СПБ, 1795), «Описание растений Российского государства, с их изображениями» (СПБ, 1736), «Сравнительные словари всех языков и наречий...» (СПБ, 1787 — 1739 гг.). Палласу принадлежит свыше 170 напечатанных трудов; почти полный перечень их с подробными заглавиями дан Ф. П. Кеппеном в «Журн. Министерства Народного Просвещ.», 1895, IV (апрель), стр. 386 — 437. См. также труд проф. Б. Е. Райкова «Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина», т. I, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1947 г.; в этой книге автор посвятил Палласу стр. 9—45, его-же, «Русские биологи-эволюционисты», т. I, изд. АН СССР, М.-Л., 1952 г., стр. 42—66. См. труд А. В. Хабакова «Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России», ч. I, изд. МОИП, М., 1950, стр. 176 — 192.

Папанин Иван Дмитриевич (род. в 1894 г.), доктор географических наук, известный полярный путешественник; в 1931 г. был на Земле Франца-Иосифа; в 1932 г. — начальник зимовки полярной станции в бухте Тихой; в 1933 г. начальник полярной станции на мысе Челюскина. По великому плану освоения Арктики, И. Д. Папанин подготовил экспедицию на Северный полюс и был начальником дрейфующей станции на льдине, где проводились им и его товарищами — академиком гидробиологом Петром Петровичем Ширшовым, геофизиком-магнитологом Евгением Константиновичем Федоровым и ученым радистом Эрнстом Теодоровичем Кренкелем научные наблюдения в течение одиннадцати месяцев. Папанин и его спутники впервые измерили глубину Северного Ледовитого океана у полюса, которая оказалась равной 4290 м, окончательно установили, что в районе Северного полюса нет суши; провели очень ценные гравитационные исследования (измерение силы тяжести); установили, что у самого полюса на глубине 250 — 600 м проходит мощный слой теплого течения (выше 0°, идущего из Атлантического океана; доказали, что гипотеза о том, будто бы в районе полюса имеет место постоянное высокое давление атмосферы и в связи с этим устойчивая погода, ни на чем не основана; «оказалось, что в районе полюса часто проходят циклоны, резко сказывающиеся на состоянии погоды»; затем, папанинцы установили также, что в районе полюса имеются водоросли, планктонные организмы, а на глубине трех километров — рачки, черви и пр.; кроме того, в районе полюса исследователи видели птиц, морского зайца (вид

тюленя), зверя, белого медведя; таким образом отважные русские исследователи дрейфующей полярной станции «Северный полюс» «заложили основу научного познания Центральной Арктики» («Малая Советская энциклопедия», 2-ое изд., т. 9-й, М., 1941, стр. 550 — 552).

Первый том научных отчетов и результатов наблюдений дрейфующей станции издал Главсевморпуть под заглавием «Труды дрейфующей станции «Северный полюс», (1940 г.). И. Д. Папанин подготовил к печати свой дневник под заглавием «Жизнь на льдине»; этот дневник издан в 1938 г. редакцией «Правды». Э. Т. Кренкель также опубликовал свой дневник под заглавием «Четыре товарища» (Госиздат, «Художественная литература», М., 1940).

О И. Д. Папанине и о папанинцах см. А. Ф. Лактионов, «Северный полюс. Очерк истории путешествий к центру Арктики», изд. Главсевморпути, М.-Л., 1949, стр. 264 — 295; И. Спирин, «Покорение северного полюса», Географгиз, М., 1950.

Пассарге Зигфрид (род. в 1867 г.), известный немецкий геолог, географ, путешественник и исследователь пустынь, широко развил учение о ландшафтах; ландшафтоведение, по мнению Пассарге, является самостоятельной частью землеведения и одновременно частью страноведения. Ландшафтоведение имеет своей задачей изучение тех элементов земной поверхности, которые могут быть восприняты зрением. Свои взгляды на эту часть географии Пассарге изложил в трехтомном сочинении: «Die Grundlagen der Landschaftskunde», B. 1. «Beschreibende Landschaftskande», B. II. «Klima, Meer, Pflanzen und Tierwelt in der Landschaft», B. III. «Die Oberflächengestaltung der Erde» (1919 — 1920); Первый том этого труда, как говорит автор, имеет своей целью «установление фактов и правильное изображение явлений, играющих роль в создании ландшафта так, как они представляются наблюдателю без всякой попытки их истолкования»; в первой части первого тома дается «планомерное расчленение ландшафтов» на отдельные составляющие элементы, а во второй — описание элементов и групп, слагающихся из этих элементов; при этом следует отметить, что попытка автора дать почти исчерпывающую искусственную классификацию явлений и форм в значительной степени в новых надуманных и неуклюже составленных терминах очень мало дает читателю; затем, по существу, это сочинение Пассарге представляет собою учебник общего землеведения, в котором отделы разработаны неравномерно; так, учению об атмосфере и гидросфере уделено гораздо меньше внимания, нежели геоморфологии, зоо- и фитогеографии; автор объясняет это тем, что строение де суши и растительность имеют в ландшафте преобладающее значение. Второй и третий томы «Основ ландшафтоведения» Пассарге по своему содержанию гораздо интереснее первого. Большим достоинством труда является обширная библиография. Кроме названного сочинения, З. Пассарге принадлежит еще несколько других, из которых отметим: «Ландшафтные зоны земли» (Бреславль, 1923).

Пауличке (Paulitschke) **Филипп** (1856 — 1899 гг.), известный этнограф и путешественник; родился в Чермаковице, в Моравии. По окончании среднего учебного заведения, слушал лекции в Грацском и Венском университетах. В 1877 — 1880 гг., он состоял учителем сначала в цнаймской, а затем в одной из венских гимназий. В 1880 г. Пауличке совершил путешествие по Египту и Нубии, а в 1884 — 1885 гг., принял

участие, совместно с Хардегером (Hardegger), в австрийской экспедиции, организованной для исследования стран Сомали и Галла. Во время этой экспедиции он собрал богатый этнографический и географический материал, который обработал в следующих трудах: 1) «Харар. Путешествие в страны Сомали и Галла Восточной Африки» (Лейпциг, 1888), 2) «Этнография северо-восточной Африки» (Берлин, 1893 — 1896 гг.). Кроме этих сочинений, Пауличке принадлежат еще следующие: 1) «Географическое исследование африканского материка с древнейших эпох до настоящего времени» (2-ое изд., Вена, 1880), 2) «Литература по Африке с 1500 г. по 1750 г.» (Вена, 1881), 3) «Страны Судана» (Фрейбург, 1885), 4) «Руководство по географии сообщений («Leitfaden der Geographischen Verkehrslehre», несколько изданий). Профессор Пауличке был сотрудником целого ряда изданий ученых обществ; так, он поместил ряд статей в «Трудах Венского географического общества», в «Географическом обозрении» (изд. Умлауфта), в «Petermann's Geographische Mitteilungen» и т. д. (Более подробные сведения о проф. Пауличке см. в некрологе проф. Д. Н. Анучина, помещенном в журн. «Землеведение», 1900, книжка 1, М., 1900, стр. 110 — 111).

Пахтусов Петр Кузьмич (1800 — 1835 гг.), известный полярный исследователь. Первое путешествие в арктические районы совершил в 1824 г., когда он принял участие в экспедиции по описанию берегов Северного Ледовитого океана от Печоры до острова Вайгача; в 1826 г. — от Печоры до Белого моря. В 1827 — 1831 гг. под начальством Рейнеке исследовал Белое море. В 1829 году Пахтусов «познакомился в Архангельске с ученым лесничим Клоковым, который мечтал оживить край посредством возобновления покинутых русскими торговцами старинных путей на Восток, из Белого моря к устью рек Енисея и Оби, и для этого прежде всего считал необходимым произвести опись берегов Новой Земли, как первой на этом пути станции. Клокову удалось заинтересовать и привлечь к выполнению своего плана архангельского купца... В. И. Брандта, обеспечившего предприятие с денежной стороны. Благодаря помощи этих двух лиц Пахтусов... мог осуществить... свой план и в августе 1831 г. подошел к южной оконечности Новой Земли, откуда, перезимовав, весною начал опись берега к северу до реки Саввиной» (Ин. Соколов, «Пахтусов»; статья в «Русском биографическом словаре» — «Павел — преподобный — Петр — Илейка», СПБ, 1902, стр. 421 — 424).

В 1832 — 1833 гг. Пахтусов совершил плавание на шхуне «Новая Земля» для описания южных и восточных берегов южного острова Новой Земли. В 1834 г. на шхунах «Кротов» и «Казаков» плавал в районе Маточкина Шара и восточных берегов Новой Земли, когда дошел до мыса Дальнего. «... Человек, внимательно прочитавший дневники двух новоземельских экспедиций П. К. Пахтусова, говорит К. Житков, вряд ли удержится от чувства невольного восхищения личностью этого моряка, страстно преданного идее, обладавшего одновременно железной твердостью и скромностью и в полной мере сознававшего свою ответственность перед подчиненными ему простыми людьми, доверившимися его разуму и опытности. Биограф его (Соколов) был прав, говоря, что, по настойчивости и твердости характера, Пахтусова можно сравнить с Куком» (Б. Житков, «К истории исследований Русского

Севера», статья в журн. «Землеведение», 1924, т. XXVI, вып. I—II, стр. 160 — 161; Г. Э. Блок, Петр Кузьмич Пахтусов, ст. в сборн. «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 267 — 281).

Певцов Михаил Васильевич (1843 — 1902 гг.), известный русский путешественник и талантливый исследователь Центральной Азии; получил специальное военное образование (окончил Академию Генерального штаба); служил сначала в быв. Варшавском военном округе, а затем в Западной Сибири, в Омске. В 1876 г. М. В. Певцов по делам службы побывал в китайском городе Гучене; во время своего путешествия он собрал интересные сведения о природе и населении посещенных им местностей и в первой книжке «Записок Западно-Сибирского отдела Русского географического общества» (Омск, 1879) поместил свои «Путевые очерки Чжунгарии» с приложением астрономических и магнитных наблюдений, барометрических определений, материалов для зоогеографии Джунгарии, карты и описание маршрута. В 1878 — 1879 гг. Певцов совершил экспедицию в Монголию и северные провинции Центрального Китая: Шань-си и Чжили. Задача этой экспедиции заключалась в производстве маршрутно-шагомерной съемки, что и было произведено на протяжении 43000 км. Кроме того, Певцову удалось собрать ценные этнографические, зоологические, ботанические и минералогические коллекции. Путь экспедиции шел сначала к перевалу Улан-даба в хребте Сайлюгем, а затем в город Кобдо, откуда путешественник отправился к юго-востоку по караванному пути через монастырь Нарбанчжи и южные отроги Хангая. Далее экспедиция спустилась в пустыню Гоби, а затем вступила в юго-восточную Монголию и достигла города Куку-Хото (Гуй-хуа-чена). Из Куку-Хото экспедиция перешла в гор. Калган и через два месяца вернулась оттуда через Ургу и Улясутай в Россию. Результаты этой экспедиции были описаны М. В. Певцовым в «Очерке путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая», составившем отдельный том «Записок Западно-Сибирского отдела Русского географического общества» (Омск, 1883). После смерти в 1888 г. знаменитого Н. М. Пржевальского, Певцову, как хорошему знатоку Центральной Азии, было поручено руководство снаряженной первым пятой научной экспедицией в Тибет. В мае 1889 г. Певцов принял начальство над этой экспедицией и двинулся в путь из города Пржевальска (быв. Каракол) вместе с В. И. Роборовским, П. К. Козловым, горным инженером Богдановичем, переводчиком, препаратором и 12 нижними чинами конвоя. Маршрут экспедиции был следующий: перевал Бэдель в Тянь-Шане — Яркенд — Хотан—оазис Керия — селение Ния, где экспедиция зазимовала; «весна, лето и часть осени 1890 г. были посвящены исследованию юго-восточной окраины Кашгарской котловины, Кунь-Луня и прилежащей к нему на юге полосы Тибетского нагорья; оттуда экспедиция спустилась к озеру Лоб-Нору и затем через Курлю, Токсун, Урумчи и верховья речки Кобука вышла в начале 1891 г. в Зайсанский пост» (П. К. Козлов, «Памяти Михаила Васильевича Певцова», ст. в «Известиях Русского географического общества», т. 38, 1902, вып. VI, стр. 617 — 618).

Результаты этой экспедиции были очень ценны: произведено глазомерной съемки свыше 13000 км, определено географически положение 47 пунктов, измерено 335 высот в Кашгарии, в Тибете определена скорость распространения звука в разреженном воздухе на высоте около 4230 м над уровнем моря и давлении в 456,8 мм; собраны обшир-

ные коллекции — зоологическая П. К. Козловым (более 300 видов позвоночных животных и около 2000 насекомых) и ботаническая В. И. Роборовским (до 700 видов растений); геолог же экспедиции, К. И. Богданович, произвел геологические исследования и собрал богатую коллекцию горных пород. Описание этой экспедиции вышло в трех томах под заглавием: «Труды тибетской экспедиции 1889 — 1890 гг.». За это путешествие М. В. Певцову Русским Географическим обществом была присуждена высшая награда — константиновская золотая медаль, а Лондонское Географическое общество избрало его своим почетным членом — корреспондентом.

О М. В. Певцове см. П. П. Семенова, «Ист. полувеков. деятельн. Рус. геогр. общества, ч. II-я, отд. IV, стр. 544 — 580, а также Н. Г. Фрадкина «По внутренней Азии. — М. В. Певцов», ОГИЗ Географгиз, М.; 1947, стр. 5—42.

Второе, несколько сокращенное, издание труда М. К. Певцова об его путешествии по Кашгарии и Кунь-Луню в 1889 — 1891 гг. издано Географгизом в 1949 г., под ред., со вступительной статьей и комментариями Я. А. Марголина, по справедливому замечанию которого, «в этом труде... с наибольшей полнотой и силой проявились дарования М. В. Певцова — разностороннего и наблюдательного исследователя географа, путешественника и писателя» (стр. 36).

Тот же автор пишет, что «После ближайшего знакомства с научной деятельностью М. В. Певцова, он представляется нам замечательным географом-путешественником прошлого века, обогатившим науку новыми исследованиями в труднодоступных областях Центральной Азии; в лице Певцова наука имела талантливого астронома и первоклассного геодезиста, искусством которого весьма точно вычислено географическое положение многих пунктов, определена высота ряда горных вершин и измерено магнитное склонение для многих точек Монголии и Китая» (Я. Марголин, От редактора, вступ. ст. к соч. Т. В. Певцова «Путешествие по Китаю и Монголии», Географгиз, М., 1951, стр. 12).

Пенк Альбрехт (род. в 1858 г.)[1], известный геолог и географ. В течение более, чем 14 лет, он вел полевые исследования в Саксонии и немецких Альпах. Особое внимание Пенк обратил на вопрос о древнем оледенении в Европе; он изучил следы этого явления в Альпах Швейцарии, Австрии и Германии, в Пиренеях и Шотландии. Результатом его серьезной исследовательской работы в этой области явилось трехтомное сочинение «Альпы в ледниковый период», написанное в сотрудничестве с Брюкнером и оконченное в 1908 г. В этом труде Пенк установил в Альпах четыре ледниковых эпохи, отделенные друг от друга тремя междуледниковыми, в течение которых климат был более теплый и ледники сильно сокращались; названия ледниковых эпох, данные Пенком и Брюкнером (Гюнц, Миндель, Рисс и Вюрм), прочно укоренились в геологической и географической науке.

А. Пенк доказывал, что причиной развития ледников было не увеличение количества атмосферных осадков, а общее понижение температуры. Гипотезу Пенка и Брюкнера о причинах оледенения некоторых районов земного шара подверг анализу выдающийся русский географ и климатолог А. И. Воейков в своей работе «Климатические условия

[1] 1858 — 1945 гг. БСЭ. т. 32, стр. 322. — Ред.

ледников и ледяных покровов северного полушария настоящих и прошедших». По мнению Воейкова, теория Пенка — Брюкнера может быть применима лишь к оледенению Альп и к некоторым горным странам, а не к оледенению равнин; следов., эта теория не может быть признана универсальной.

Кроме вышеуказанного сочинения, перу А. Пенка принадлежат: 1) солидный двухтомный труд «Морфология земной поверхности» («Morphologie der Erdoberfläche»), где автор дает много оригинальных приемов анализа земной поверхности, 2) ряд ценных монографий по морфологии пустынь, 3) яркие физико-географические характеристики Германии, Австрии, Бельгии и Голландии в коллективном труде — «Землеведение Европы» —, выходившем под ред. проф. Кирхгофа.

А. Пенк обратил серьезное внимание также на проблему ландшафта. Ему же принадлежит морфологическая классификация климатов; в основе этой классификации лежит деление климатов на группы по отношению к влиянию данного климата на экзогенные процессы и на формы рельефа. По мнению А. Пенка, выделяются: — гумидные, аридные и нивальные климаты, разделяющиеся, в свою очередь, на подгруппы (интересные критические замечания на труды А. Пенка см. в сочин. проф. К. К. Маркова. «Основные проблемы геоморфологии», ОГИЗ, М., 1948, стр. 17—19, 168 — 170, 216 — 223).

Петри Эдуард Юльевич (1857[1] — 1899 гг.), известный русский географ; по окончании курса 2-ой петербургской гимназии, поступил студентом в Медико-хирургическую академию в Петербурге, но курса не окончил, так как вынужден был покинуть не только академию, но и Россию, и эмигрировать заграницу. Петри прослушал курс медицинских наук в некоторых германских университетах, а затем в Швейцарии, в Берне, где он закончил медицинское образование и за диссертацию на тему «К учению о сердце» был удостоен степени доктора медицины. Неизвестно, при каких условиях Петри совершенно изменил потом род своих занятий и из области медицинских наук перешел к занятиям в области антропологии и географии. Известно только, что через три года после получения им степени доктора медицины, Бернский университет допустил его в 1883 г. к чтению лекций в качестве приват-доцента по антропологии и географии, а через год, в 1884 г., он был назначен уже экстраординарным профессором. Еще через три года, в 1887 г., Петри покинул Берн и переселился в Петербург (Ленинград), где вскоре начал чтение лекций в университете по антропологии и географии, сначала в качестве приват-доцента, а затем вскоре он был назначен экстраординарным профессором, а года за 2—3 до смерти и ординарным профессором. Из научных трудов Петри наибольшей известностью пользуются: — по географии: 1) «Методы и принципы географии. Руководство по методике географии» (СПБ, 1892), 2) «Задачи научной географии» (ст. в «Известиях Русского географич. общества», т. XXIII, 1887) и 3) «География как предмет университетского преподавания» (см. в «Ежегоднике Географ. общества», т. II, 1892); по антропологии: — 1) «Основы антропологии» (СПБ) и 2) «Соматическая антропология» (СПБ, 1895—1897 гг.). Э. Ю. Петри принадлежит еще ряд монографий и статей, напечатанных преимущественно в немецких изданиях. Кроме того, он редактировал первое издание «Большого все-

[1] 1854, БСЭ, т. 32, стр. 593. — Ред.

мирного настольного атласа А. Ф. Маркса» и «Учебный атлас для средней школы» (в издании того же Маркса).

Пешель Оскар (1826 — 1875 гг.), известный немецкий географ и ученый, родился в Дрездене в семье учителя кадетского корпуса (училища); до четырнадцатилетнего возраста он учился в гимназии, а затем поступил на службу практикантом в один торговый дом, намереваясь посвятить себя в будущем коммерции. Однако через три года он бросил торговую службу и стал готовиться к выпускным экзаменам, которые успешно выдержал; после этого он начал изучать юридические науки в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах. В 1848 г. он выдержал в Лейпциге экзамен pro praxi furidica et notariatum. Вскоре после этого он получил диплом доктора философии в Иенском университете, представив диссертацию на тему эстетико-философскую: «Ueber den Begriff des Tragischen im modernen Drama. Eine Kritik der Aristotelischen Poetik» («О понятии трагического в современной драме. Опыт критики поэтики Аристотеля»). Пешель решил было посвятить себя литературной деятельности, но революция 48-го года отвлекла его в сторону политической журналистики. Из Берлина он послал несколько своих корреспонденций в влиятельную тогда политическую газету «Augsburger Allgemeine Zeitung»; эти письма очень понравились редакции, которая вскоре пригласила Пешеля, в число своих постоянных сотрудников. В 1854 г. он принял на себя редактирование весьма популярного в то время еженедельного географического и естественно-научного журнала «Ausland». С переходом на работу в редакцию этого журнала начинается научная деятельность О. Пешеля. Обладая большим умом, широким образованием и многосторонними интересами, поразительной работоспособностью, он, несмотря на свое слабое здоровье, не только справился с многочисленными обязанностями редактора специального научного журнала, но вместе с тем быстро и отлично изучил и освоил географические и естественные науки.

За сравнительно короткое время Пешель сумел написать следующие весьма ценные труды, не потерявшие значения и до настоящего времени: «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen» (1858, — «История открытий в средние века»), 2) «Geschichte der Erkunde» (1865, 2-ое изд., 1877, «История Землеведения»), 3) «Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde» (первое издание 1863, — «Новые задачи сравнительного землеведения», для своего времени блестящий труд), 4) «Völkerkunde» (1874, — «Народоведение») и др. В 1870 г. Пешель был приглашен профессором географии в Лейпциг, где он с большим успехом читал лекции в течение четырех лет (1871 — 1875).

По взгляду Пешеля, задача землеведения состоит в объяснении происхождения различных форм суши посредством внешнего их очертания и переходов от одной формы к другой, что можно изучить с особенной ясностью на карте. Хорошая карта, основанная на предварительных измерениях, составляет по Пешелю, верный образ природы,

а потому путем сравнительного изучения карт возможно объяснить возникновение и распространение различных форм земной поверхности (фиордов, дельт, островов, степей, пустынь и др.).

Пири Роберт Эдвин (1856 — 1920 гг.), американский полярный путешественник; морской инженер, родился в Пенсильвании. Путешествия в полярные страны начал с 1886 г., когда он с женой отправился в Гренландию и прошел 160 км по льду, покрывающему остров. В то время это был рекорд проникновения во внутренние части Гренландии. В 1891 — 1892 гг. Пири вновь исследовал Гренландию и дошел до бухты «Независимость», открытой им 4-го июля 1892 г., в годовщину объявления независимости США. В 1893 — 1895 гг. он с женой продолжал исследование этого острова. В 1898 — 1902 гг. экспедиция Пири доказала, что Гренландия является островом, и определила более или менее точно его размеры и очертания северного берега. Во время первой попытки достигнуть полюса (1902 г.) он дошел лишь до 84°17' с. ш. следующую попытку достичь полюса Пири сделал в 1905—1906 гг., когда дошел до 87°06' с. ш.; до такой широты в то время еще никто не доходил. Наконец, в 1908 г. Пири вновь отправился на судне «Рузвельт» к северному берегу Земли Гранта, а оттуда по льду на собаках к полюсу, которого на этот раз и достиг 6-го апреля 1909 г. «Пири провел у полюса тридцать часов и все время делал наблюдения, фотографические снимки, обследовал окружающее ледяное поле, пробовал пробить лед, чтобы измерить глубину моря. Часы, проведенные Пири на полюсе, были завершением упорных трудов, которым он отдал более четверти века... Пири считал, что его успех был обусловлен четырьмя обстоятельствами; во-первых, был удачно выбран в качестве базы мыс Колумбия, как самая северная точка суши; во-вторых, умело были использованы эскимосы, их собаки и нарты; в третьих, правильно было учтено, что ледяное поле дрейфует на восток; для преодоления этого дрейфа экспедиция с самого начала взяла направление западнее полюса; в четвертых, экспедиция была обязана своим успехом заботливому подбору участников... К этим четырем пунктам следует, конечно, прибавить талант самого Пири, тщательно продуманные им планы организации работы, и, в частности, план действий вспомогательных партий» (Леонард Аусвейт, «Как открывали земной шар», перев. с англ. Д. Л. Арманд, редакция и дополнения К. И. Кунина, М.-Л., 1939, стр. 265, 266). Капитан Боб Бартлет, сподвижник Пири, очень высокого мнения об организаторских способностях последнего. Вот как он характеризует отважного полярного путешественника: «Он (Пири) был великим человеком и заслуживает еще более высокого места в ряду полярных исследователей, чем то, которое он сейчас занимает. Он одержал победу в своей долгой борьбе, сведя переход через Полярное море к его простейшим принципам, и разработал план, в осуществлении которого он не останавливался ни перед чем. Пири усовершенствовал технику примитивного транспорта, которым туземцы (эскимосы) пользовались уже сотни лет и, может быть, только благодаря этому ему удалось с успехом завершить свое путешест-

вие» (См. Р. Пири, «Северный полюс», изд. «Главсевморпути», Л., 1935, есть 2-ое изд. 1947).

Писарро (Пизарро), Франциско (1471 — 1541 гг.), один из испанский завоевателей — авантюристов (конкистадоров). В 1531 — 1532 гг. он отправился на завоевание Перу. В начале XII столетия н. э. на горных плато Перуанский Анд жил народ аймары. По археологическим данным видно, что он достиг высокого уровня цивилизации. Аймары строили огромные храмы в форме ступенчатых пирамид, они умели обрабатывать медь, изготовляли прекрасную глиняную утварь с изящными и яркими рисунками, ткали шерстяные и бумажные материи. В их гробницах найдены музыкальные инструменты. Государство аймаров стало добычей многочисленного, хорошо организованного и воинственного народа кечуа. Наиболее влиятельным родом среди кечуа были инки (слово инка в переводе значит «сын солнца»). Кечуа, покорив, аймаров, образовали царство инков — Перу. Писарро, воспользовавшись гражданской войной в Перу, в 1531 г. занял после ряда военных столкновений с инками, столицу Куско. В 1535 г. был основан испанцами город Лима. Слухи о богатствах Перу вызвали огромный наплыв сюда испанских авантюристов, которые прочно оседали в стране, захватывая вооруженной рукой земли и превращая туземцев в крепостных. В 1541 г. Писарро был убит сторонниками его соперника — Альмагро (См. ст. Вольский, «Пизаро», М., 1935. «Жизнь замечательных людей»; И. П. Магидович, «Очерки по истории географических открытий». «Учпедгиз», 1949. стр. 239 — 243).

Пифей (Массалиот) родом из Массалии (Марселя); жил в IV в. до н. э.

По мнению немецкого ученого Мюлленгофа, этот великий мореплаватель классической древности был первым научным исследователем, который сумел проникнуть из Средиземного моря далеко на север Европы (Müllenhoff, «Deutsche Alterthumskunde»). Пифей, плывя вдоль атлантического побережья Пиренейского полуострова, достиг острова Уэссана (близ Бреста). Затем, он объехал Бретань, проник в устье Эльбы и дошел до страны полуночного солнца — Тулэ (Фуле), исследовал берега Норвегии вплоть до полярного круга. О Тулэ уже в древности существовали самые разноречивые сведения. По Эратосфену, Тулэ крайний остров на севере от Британии; исходя из этого, средневековые писатели отождествляли Тулэ с Исландией. Птолемей же полагал, что остров Тулэ находился недалеко от Оркадских островов (см. К. Тиандер, «Поездки скандинавов в Белое море», СПБ, 1906, стр. 26 — 29). На крайнем достигнутом Пифеем, севере «ночь была совсем короткая и продолжалась местами два часа, а местами три часа». По мнению В. Ю. Визе, Пифей дошел в Норвегии до широты 64°, 5'—65°. Пифей сообщает, что Тулэ лежит вблизи «свернувшегося моря» («mare concretum»); под «свернувшимся морем» следует понимать море, покрытое льдом. «Следовательно, Пифей был первым, кто сообщил (по словам местных жителей) о Ледовитом океане» (В. Ю. Визе, «Моря Советской Артики». Очерки по истории исследования

Л., 1936. стр. 4). Пифей совершил это великое для своего времени путешествие около 325 г. до н. э. Есть предположение, что он предпринял и второе путешествие к берегам Балтийского моря. Первое свое путешествие Пифей описал в недошедшем до нас сочинении «Об Океане» (Περὶ ὠκεανοῦ), а второе — в сочинении «Период»; последнее также не дошло до нас. Следует отметить, что Пифей во время своего путешествия у берегов Британии впервые подметил правильное колебание уровня моря и установил, «что наиболее высокое стояние уровня моря близко совпадает с прохождением (верхним или нижним) луны через меридиан места, а наиболее низкое стояние приходится около средины между двумя высокими стояниями уровня» (Ю. М. Шокальский, «О приливах в мировом океане и морях», М., 1931, стр. 7). Он же сумел определить широту своего родного города, Массилии, с точностью до минуты (Ibid). Датский ученый, Аксель Альман, говорит, что Пифея можно «считать первым настоящим географом, замечательным путешественником и ученым. Кроме того, он был выдающимся астрономом, и никто до него не привлекал астрономии на службу к географии... Наблюдения Пифея изумительно точны, особенно если принять во внимание, что они производились всего лишь с примитивным инструментом (гномоном)» (Аксель Альман, «Борьба за северный и южный полюс», перев. с датского М. П. и М. А. Дьяконовых. По датскому изданию проредактированному полярным исследователем Петером Фрейкеном, Л., 1930, стр. 8).

Плано Карпини (точнее —Джованни дель Пьяно — Карпини) — (1182 — 1252 гг.), родом из Перуджии, известный путешественник; римский папа Иннокентий IV послал его к монгольскому хану Батыю, от которого он должен был отправиться в столицу великого хана — в Каракорум. Плано Карпини через Бреславль и Краков приехал вместе со своим спутником францисканским монахом Бенедиктом Поляком в Киев, откуда через шесть дней достиг татарского царства, а затем через несколько дней верхом он прибыл в резиденцию Батыя. Последний отдал распоряжение — проводить Плано Карпини к великому хану по маршруту — Хорезм — Семиречье — Тарбагатай — Монголия. 3,5 месяца тянулось это путешествие, полное лишений; ежедневно пять раз приходилось менять лошадей, чтобы ускорить поездку и во время поспеть к воцарению нового хана Гуюка (Каюка), сына хана Угэдея. В июле 1246 г. Плано Карпини и его спутник прибыли во временную резиденцию хана, отстоявшую на полдня пути от Каракорума. В своей книге «Libellus Historicus»(«Историческое сочинение» — дневник) Плано Карпини описывает дорогу и дает достаточно подробное описание нравов и обычаев некоторых племен, подданных великого хана; особенно же подробно рассказывает он о монголах и о Монголии. Итальянский хронист XIII в. Салимбене, видевший Плано Карпини в 1247 г., характеризует его следующим образом: «Это был человек достойный, остроумный, образованный, красноречивый и очень способный к раз-

нообразным делам, он написал толстую книгу о том, что видел замечательного у татар и в других местах. Когда его утомляли вопросами на этот счет, он принимался читать эту книгу, что я сам много раз слышал и видел» (См. П. М. Бицилли, Салимбене, «Очерки итальянской жизни XIII в.», Одесса, 1916, стр. 250).

Плано Карпини сообщает интересные сведения о природных условиях Монголии; он пишет, что довольно значительные части этой страны отличаются неплодородной почвой; для получения плодов необходимо землю орошать, а вод и ручьев там немного. В Монголии «бывает летом... внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод». В этой стране, по сведениям Плано Карпини, «нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракаром» (т. е. Каракорум). В. В. Бартольд отмечает, что «собранные Плано Карпини в Монголии расспросные сведения об истории образования монгольской державы... не всегда отличались точностью и отчетливостью» (В. Бартольд, «История изучения Востока в Европе и России», изд. 2-ое, 1925, Л., стр. 68). См. также превосходный труд М. П. Алексеева «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», т. I, XIII — XVII вв. (Иркутск, 1932, «Крайгиз», стр. 3—8. Есть 2-ое изд. этого труда) М., В. Т. Пашуто, «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси», изд. АН СССР, М., 1950, стр. 235 — 236, 251 — 252, 263 — 264.

Плиний Старший, известный древнеримский натуралист и путешественник (23 — 79 гг. н. э.); ему принадлежит обширный труд «Естественная история» («Historia naturalis») в 36 книгах, из которых первые несколько книг посвящены географии. Во 2-й книге он дает сведения по астрономии, физической географии и метеорологии. С третьей книги начинается территориально-политическая география, где автором собран богатый фактический материал, иногда носящий фантастический характер. В сочинении Плиния даются ценные сведения о растениях различных климатических зон и их достаточно отчетливое и точное описание. У него же встречается впервые общеизвестное в наше время не совсем удачное доказательство шарообразности земли; а именно, — что при отплытии от берега корабля, мачты его остаются видимы еще некоторое время после того, как корпус корабля скрылся за горизонтом. Плиний обратил внимание также на морские приливы и отливы; вот что он говорит об этом явлении: «Здесь (на берегах Северного моря) вода в океане поднимается дважды в течение суток через равные промежутки времени и заливает огромные пространства, прикрывая таким образом вечную противоположность элементов природы. Океан оставляет нерешенным вопрос, следует ли назвать данное место сушей или частью моря» («Hist. natur», кн. XVI, гл. гл. 2 — 4). Плиний сообщает интересные сведения и о некоторых районах современной ему Германии.

Так, напр. он пишет: «Другое поразительное явление представляют собой леса: они покрывают... Германию и увеличивают холод своей тенью... самые высокие из этих лесов находятся... преимущественно в окрестностях двух озер. Их берега покрывают дубы, которые особенно склонны быстро и буйно разрастаться. Подмываемые волнами

и вырываемые с корнем ветрами, они увлекают за собой, благодаря широко разветвленным корням, большие куски земли, как бы островки, на которых они плывут стоя» (кн. XVI, гл. 5). Плиний рассказывает, что некоторые северные германские племена «собирают руками ил, сушат его — более при помощи ветра, чем солнца — и употребляют эту землю (речь идет, очевидно, о торфе) в качестве топлива для приготовления пищи и для согревания иззябшего от северных ветров тела» (Перевод цитат из соч. Гая Плиния Старшего «Naturalis Historia» заимствован из «Хрестоматии по истории средних веков», под ред. проф. Н. П. Грацианского и проф. С. Д. Сказкина, т. 1, М., Учпедгиз, 1939, стр. 6—7).

Плиний, человек огромного трудолюбия и поразительной любознательности, называет человеческую природу «любящей странствия и жадную до всего нового». Благодаря своей любознательности, Плиний и погиб, спешно отправившись для производства наблюдений над вулканом Везувий, в течение долгого времени считавшимся потухшим и вновь проснувшимся в 79 г. и погубившим при своем извержении три римских города: Стабию, Геркуланум и Помпею. Об этом извержении Везувия и о гибели Плиния Старшего интересное сообщение приводит Плиний Младший, усыновленный племянник первого, в своем письме Тациту (см. «Письма Плиния Младшего», перевод М. Е. Сергеенко, А. И. Доватура и В. С. Соколова, изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 174 — 177).

Известный немецкий географ, Александр Гумбольдт, характеризует труд Плиния «Естественную историю» следующим образом: «Естественная история» Плиния Старшего есть плод неудержимого стремления к всеобъемлещему, часто торопливому собиранию материалов; слог его неровен: то прост, и сухо исчисляет подробности, то обилен мыслями, оживлен и риторически украшен; по самой форме своей она бедна характеристическими описаниями природы». Несмотря на эти недостатки, Гумбольдт, однако, находит, что с великим энциклопедическим творением Плиния «по богатству содержания не может сравниться никакое другое произведение древности. «Академик М. М. Покровский в своем известном труде «История римской литературы» (изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1942, стр. 350) пишет, что «сочинение Плиния «Historia naturalis» основан на 20000 выписок из 2000 сочинений, принадлежавших 400 римских и иноземных писателей. «Естественная история» не получила окончательной обработки и «имеет, по мнению М. М. Покровского, характер компилятивный, что не мешало (этому труду) быть в Средние века основным руководством по всем естественно-научным вопросам».

«Естественная история» Плиния в отрывках издана на русском языке акад. В. Севергиным в 1819 г. под заглавием «Кайя Плиния Секунда «Естественная история» ископаемых тел, преложенная на Российский язык в азбучном порядке», примечания и дополнения; при императ. Академии наук.

Поло Марко (1254 — 1323 гг.), житель Венеции, великий путешественник средневековья, который с отцом, Николо, и дядей, Маффео

Поло, предпринял путешествие на дальний Восток, в царство великого монголо-китайского хана Хубилая (Кубилая). Семья Поло ехала по маршруту: крепость Акра через Лаяс, порт в Киликии (Малой Армении), города: Кайсери, Сивас, Эрзинджан и Эрзерум в Малой Азии и след. города Ирана: Тебриз (Тавриз), Сава, Иезд и Керман в порт Ормуз на Персидском заливе. Отсюда Поло хотели ехать на восток морским путем, но раздумали, так как у местных моряков «суда... плохие, и не мало их погибает, потому что не сколочены железными гвоздями, а сшиты веревками из коры индийских орехов... плыть на таких судах опасно». Ввиду этого братья Поло предпочли сухопутную дорогу и повернули на север; вновь пересекли Иран и прошли через нынешний Афганистан, откуда поднялись на Памир; они были первыми европейцами, посетившими эту великую горную страну. «Едешь все время на северо-восток, сообщает Марко Поло, — все по горам, и поднимаешься, как говорят, на самое высокое место на свете... Двенадцать дней едешь по той равнине, называется она Памиром, и во все двенадцать дней нет ни жилья, ни травы, еду нужно нести с собою... «Спустившись с Памира, Поло поехали по великому торговому пути, который китайские купцы называли «дорогой шелка и нефрита». По этому пути китайские караваны везли на запад шелк, а обратно — на восток — ценившийся китайцами камень — нефрит. На этой дороге лежали оазисы с крупными торговыми центрами — Кашгар, Яркенд, Хотан, Лоп (Лоб), Шачжоу, Хами. Марко Поло описывает область Лобнор, на краю пустыни Гоби; в этом районе ни до Марко Поло, ни после него в течение очень долгого времени не был ни один европеец; и только в 1871 г. эту местность посетил и исследовал великий русский путешественник Н. М. Пржевальский. Семья Поло пересекла пустыню Гоби и добралась, наконец, до резиденции хана Кубилая. Последний принял их радушно; молодой Марко ему очень понравился. В то время как отец его и дядя занимались в Китае торговыми операциями, Марко Поло поступил к хану на службу и очень скоро изучил восточные языки. В качестве служащего ему пришлось много странствовать по Монголо-Китайской империи; он посетил дальнюю северо-западную окраину Китая, побывал он, как предполагают, и в старой резиденции монгольских ханов — в Каракоруме; видел он и Тибет, а также провинцию Юнань и Кохинхину; плавал он и в Индию. Обо всем виденном (а повидал он не мало) Марко Поло красочно рассказал современникам. В его мемуарах даны многие неизвестные тогда европейцам сведения географического и этнографического характера, описаны флора и фауна восточных стран. Марко Поло впервые сообщает европейцам о зебу и яке, о белом медведе и соболе, о носороге и гепарде, о ныне вымершей мадагаскарской птице — великане (эпиорнис), колоссальных размеров яйца которой были найдены позже, о слонах, о различных породах лошадей, о курдючных овцах, о различных видах обезьян, об огромных змеях, о лекарственных и ароматических травах, о хлопчатнике и бамбуке; он дает также описание драгоценных камней, различных горных пород — каменного угля, нефти и т. д. У Марко Поло приводится довольно много сведений о некоторых частях СССР; так, например, он говорит о крымском городе Солдайе (ныне Судак), о городе Сарае в устьях Волги, о Булгарском царстве, о районах и городах Средней Азии, об Азербайджане, Армении и Грузии. В Закавказьи он ,правда, лично не был, и сообщает об этом крае по

слухам, но его сведения по большей части, интересны. Марко Поло рассказывает о бакинской нефти («масле»), которое для еды «не годится, а можно жечь или мазать им верблюдов, у которых чесотка и короста. Издалека приходят за тем маслом, и во всей стране его только и жгут» (Марко Поло, Путешествие, перев. со старо-франц. И. П. Минаева, вступительная статья, комментарий и редакция перевода К. И. Кунина, «Художественная литература», Л., 1940, стр. 18). Затем, он сообщает и о тех частях Великой Армении, где он тоже не был; напр., о горе Арарат; он хвалит армянские летние пастбища; живут здесь татары со своими стадами летом, а зимою их нет; большого холоду и снега скотина не выносит, и на зиму татары уходят туда, где тепло, есть трава и пастбища для скота» (Ibid). О Грузии он сообщает, что в этой стране «городов и крепостей... довольно таки; много тут шелку; выделывают здесь шелковые и золотые ткани; таких красивых нигде не увидишь. Лучшие в мире кречеты здесь водятся. Всего тут много. Народ занимается торговлею и ремеслом. Гор, ущелий, крепостей здесь много, и татары не могли вполне подчинить эту страну...» В Грузии «прекрасный город Тифлис; кругом много замков и деревень, где живут христиане, армяне, грузины, несколько сарацин (турок) и евреев, но не много. Здесь выделывают шелковые ткани и другие разные; народ занимается ремеслом и подчинен татарскому великому государю». «Грузины, по сообщению Марко Поло, красивы, мужественны, отменные стрелки и бойцы в сражениях... (Ibid стр. 19 — 20). После двадцати четырех лет отсутствия (1271 — 1295 гг.) семья Поло вернулась на родину по следующему маршруту: порт Зайтун — Индо-Китай — Ява — Малаккский пролив — Суматра — Индия — Цейлон — восточно-африканское и аравийское побережье — порт Ормуз; и во время этого обратного путешествия Марко Поло видел и описал много интересного: тропические леса Суматры, охоту на носорога, обычаи людоедов на Андаманских островах, ловлю жемчуга у берегов Цейлона, охоту на кашалота, пиратов Индийского океана и т. д.

В 1298 г. между флотами соперничавших тогда друг с другом итальянских республик — Венеции и Генуи — произошло морское сражение, и Марко Поло, командовавший одним из венецианских кораблей, с 7000 своих соотечественников попал в плен и был заключен в тюрьму. Здесь он встретил пленного пизанца Рустичиано, которому и продиктовал свои воспоминания. После освобождения из плена он прожил до 1324 г. и умер в возрасте 70 лет. «Воспоминания» Марко Поло имели особенно большой успех в эпоху великих географических открытий, когда они стали настольной книгой у таких людей как португальский принц Генрих Мореплаватель, Васко да Гама, Колумб и Магеллан. Первое печатное издание сочинения Марко Поло об его путешествии по странам Востока вышло в городе Нюрнберге в 1477 году. Самым старым списком «Книги чудес мира» Марко Поло считалась рукопись 1298 года на старофранцузском языке.

Сочинение Марко Поло переведено почти на все европейские языки. На русский язык оно было переведено несколько раз. Лучший русский перевод принадлежит проф. И. П. Минаеву. Лучшие русские издания 1940 г. со вступительной статьей и комментариями под ред. К. И. Кунина (изд. «Художественная литература») и Географгиза 1955 г. под ред. и с вступительной статьей И. П. Магидовича.

Из новых работ о Марко Поло следует отметить труд A. C. Moulet and Paul Pelliot «Marco Polo, The Description of the World», Vol. 1—2, London, 1938, p. p. CXXXI, illustr. См. также труды: М. П. Алексеева, «Сибирь в известиях Западно-европейских путешественников и писателей». Иркутск Крайгиз, 1932 (стр. 28 — 46) и В. Бартольда, «История изучения Востока в Европе и России», изд. 2-ое, 1925, Л. (стр. 72 — 77); G. H. T. Kimble, «Geography in tre middle ages», London, 1938 (Methuen et C°, L T D); pp. 140 — 145, ценную вступит. статью И. П. Магидовича к изд. Географиза «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 3—41, а также Генри Харт (Henry Hart «Venetian Adventures Marco Polo» (Венецианский путешественник Марко Поло). Станфордский университет в Калифорнии (положительная рецензия на этот труд проф. Н. Н. Баранского в «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 87, в. 4, 1955, стр. 386).

Полунин Федор Афанасьевич, жил в XVIII в., переводчик и составитель ряда книг. Ему принадлежит «Географический Лексикон Российского Государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской Империи, собранный коллежским ассесором и г. Верен воеводою Ф. П., а с поправлениями и пополнениями изданный трудами и с предисловием Герарда — Фридриха Миллера». М., 1773. В основу этого труда легли статьи «Ежемесячных сочинений» Миллера, работы Бюшинга и личные сведения автора; не мало в «Лексиконе» статей и самого Миллера. Словарь Полунина, являясь одной из первых попыток в этом роде, был вновь переработан Миллером и др. и издан в 1786 — 1789 гг. (М., ч. 6), а в 1801 г. — Максимовичем и Щекатовым (М., ч. 7).

О Ф. А. Полунине см. труд М. С. Боднарского, «Очерки по истории русского землеведения», 1, изд. АН СССР, М., 1947, стр. 185 — 186.

Потанин Григорий Николаевич (1835 — 1920 гг.), выдающийся русский путешественник, этнограф и географ; родился в Ямышевской казачьей станице, на прежней Сибирской линии. Среднее образование получил в Омском кадетском корпусе, откуда был выпущен хорунжим (первый офицерский чин казачьих войск) в 1852 г. В качестве офицера он принял участие в военной экспедиции в Заилийский край и в закладке крепости Верного (нынешний Алма-Ата), а затем служил в Алтае. В 1856 — 1857 гг. Потанин работал в архиве города Омска; здесь он познакомился с петрашевцем Дуровым, подружился с казачьим офицером из киргиз Чеканом Валихановым (позже исследователем Центральной Азии), посещал семью Капустиных (сестра Д. И. Менделеева), где собиралась местная интеллигенция, и познакомился с известным русским географом и путешественником П. П. Семеновым (впоследствии Семенов-Тян-Шанский). Под влиянием бесед со всеми этими лицами у Г. Н. Потанина явилась мысль продолжить свое образование. Вследствие благосклонного к нему отношения атамана казачьих войск, Кринского, Потанин был уволен в 1858 г. от военной службы и при материальном содействии Бакунина отправился в Петербург. Здесь он поступил вольнослушателем в университет и получил работу при помощи П. П. Семенова и проф. К. Д. Кавелина. В 1858 — 1861 гг. Потанин слушал лекции на естественном отделении физико-математического факультета, а летом участвовал в ботанических и геологических экскурсиях по Волхову и Уралу. В течение того же времени им было помещено несколько статей по статистике и этнографии Сибири в «Записках» и «Вестнике Географического общества». В Петербурге Потанин сблизился с молодыми сибиряками — Ядринцевым, Федоровым, Омулевским, Худяковым, Шашковым, Наумовым и братьями Черемшанскими и основал сибирский кружок. В 1861 г. Петербургский университет был закрыт по причине студенческих «беспорядков», и Потанин отправился на родину. В 1863 — 1864 гг. он принял участие в разграничительной экспедиции с Китаем в области озера Зайсан под начальством Струве. В это время он посетил Тарбагатай, озеро Марка-Куль, Черный Иртыш. После этого Потанин поселился в Омске и здесь в 1865 г. сначала работал секретарем губернского статистического комитета, а затем также и заведывающим редакцией «Томских губернских известий». Вскоре он был арестован жандармами по обвинению в «сибирском сепаратизме» и приговорен судом к 15 годам каторги, однако вскоре срок наказания был уменьшен до 5 лет. Каторгу Потанин отбывал в крепости Свеаборг в Финляндии в 1868 — 1872 гг., а затем был сослан на поселение в городок Никольск быв. Вологодской губернии. Здесь он начал работать по истории Сибири и писать статьи по сибирским вопросам в «Волжско-Камской газете», а также занялся обследованием крестьянской общины на Севере. В это время Потанин жил вместе с товарищем Лаврским (тоже сосланным сюда), к которому приезжала его сестра, учительница из Нижнего Новгорода (ныне Горький), Александра Викторовна Лаврская. Г. Н. Потанин очень подружился с ней, между ними завязалась переписка; и через некоторое время они поженились. В Александре Викторовне Лаврской Потанин нашел преданного товарища и друга во всех своих трудах, оказавшегося способным разделять все его духовные интересы, сопровождать в многотрудных путешествиях и т. д. Через 2—3 года Русское Географическое общество выхлопотало Потанину освобождение из ссылки и вызвало его в Петербург для составления дополнений к издававшемуся тогда Географическим обществом в русском переводе III-му тому «Землеведения Азии» К. Риттера. В 1876 г. Русское Географическое общество отправило под начальством Потанина экспедицию в северо-западную Монголию; участниками этой экспедиции были — супруга Потанина, ученый монголист Позднеев, геолог Березовский, топограф Рафалович и один препаратор. Экспедиция выступила из Зайсана в июле месяце 1876 г. и посетила Кобдо, Хами, Улясутай, озеро Косогол, монастырь Уланком и вернулась в декабре 1877 г.

По возвращении, Потанин вновь стал хлопотать об отправке второй экспедиции в Монголию; эту экспедицию удалось осуществить в 1879 — 1880 гг., во время которой Потанин исследовал быт монгольских кочевников-дюрбютов; затем пустынные берега Киргиз-Нора, реки Чон-Хирих, которая берет начало из озера Хара-Усу, и озеро Хараку Нор. После этого он прошел долину реки Буреи, хребты Тулук и Анджан-Хорум и достиг озера Тер-куль («Небесное озеро»), посредине которого лежит остров с развалинами дворца. Обе вышеуказанные экспедиции дали богатый материал по географии и естествознанию, но

особенно по этнографии страны; они были обработаны Потаниным и изданы Географическим обществом под заглавием: «Очерки северо-западной Монголии» (в 4-х выпусках, 1881 — 1883 гг.); из них 1-й и 3-й выпуски заключают в себе дневники путешествий и материалы по физической географии и топографии, а во 2-м и 4-м выпусках дан этнографический материал. Закончив «Очерки северо-западной Монголии», Потанин задумал более отдаленную экспедицию на юг Монголии, в провинцию Гань-су и на восточную окраину Тибетского нагорья. В этой экспедиции, кроме супруги Потанина, приняли участие — Березовский и топограф Скасси. Экспедиция продолжалась два года (1884 — 1886 гг.) охватила среднюю и южную Монголию, Ордос, Южную Гань-су и север провинции Сычуань. Результаты этой экспедиции изложены в двухтомном обширном сочинении: «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», изданном в 1893 г.[1] За эту экспедицию Потанин был награжден Географическим обществом медалью и был удостоен пожизненной пенсии в 800 руб. С 1887 г. по 1892 г. Г. Н. Потанин работал в Иркутске, состоя на службе в Восточно-Сибирском Отделе Рус. Географического общества в качестве правителя дел. В конце 1892 г. он принял предложение отправиться в новую экспедицию на окраину Тибетского нагорья, причем к участию в ней были приглашены Березовский и геолог В. А. Обручев (в последующем академик). Течение этой экспедиции было, однако, нарушено болезнью и смертью А. В. Потаниной, скончавшейся в пути 19 сентября 1893 г., вследствие чего Г. Н. Потанин вынужден был двинуться с гробом умершей, через Пекин (Бэйпин) и Калган, обратно в Кяхту, где и похоронил супругу (в 1894 г.). Березовский и Обручев продолжали свои изыскания в пределах Китая; сам же Потанин не в состоянии был обработать дневники этого путешествия и ограничился лишь небольшим отчетом в «Известиях географич. общества». Следующие пять лет он провел в Петербурге (Ленинграде). В 1899 г. Потанин предпринял непродолжительную поездку в северо-восточную Монголию, в среднюю часть Большого Хингана; вообще же с этого времени он не предпринимал больших путешествий и посвятил себя, главным образом, изысканиям в области этнографии и фольклора. Скончался Г. Н. Потанин в 1920 г.

П. П. Семенов-Тян-Шанский в своем известном труде «История полувековой деятельности Русского географического общества» (ч. II-я, отд. IV, стр. 550) следующим образом характеризует Потанина: «Г. Н. Потанин соединял в себе редкие для путешественника по внутренней Азии качества: закаленное трудами и лишениями здоровье, неимоверную неприхотливость и выносливость, достаточное знакомство с местными языками и умение ладить с туземцами, очень хорошие познания в обширной области географических и естественных наук, обширное знакомство с географической литературою Сибири и внутренней Азии, но всего более —любовь к делу и полнейшую самоотверженную преданность науке».

Потанин вместе со своей женой, Александрой Викторовной, путешествовал без военного конвоя, «провел много дней в селениях туземцев, в китайских городах, в буддийских монастырях и потому изучил

[1] Второе сокращенное издание 1-го тома этого труда, под редакцией В. В. Обручева, вышло в 1950 г. в издании Географиза.

быт и нравы народов, гораздо лучше, чем Пржевальский и Певцов. Он доказал своим примером, что по Внутренней Азии (кроме Тибета) можно спокойно путешествовать без конвоя, с наемными рабочими, и все-таки проникать туда, куда нужно. Для Потанина страны Центральной Азии являлись своеобразным музеем, в котором хранились памятники материальной и духовной культуры народов, частью уже исчезнувших, и в котором можно собрать богатые материалы по народному эпосу и этнографии вообще. Умение расположить к себе население страны и заслужить его доверие очень способствовало успеху работы Потанина в такой деликатной области жизни, как религия, обряды и обычаи. Его палатка, юрта или фанза часто была полна посетителями, от которых он умел получать интересовавшие его сведения (Акад. В. А. Обручев, «Григорий Николаевич Потанин; жизнь и деятельность»; изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1947, стр. 270 — 271); его же. Путешествия Потанина, изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия», 1953, стр. 184 — 185; Ю. Н. Бессонов и В. Я. Якубович, «По внутренней Азии», М., Географиз, 1947, стр. 31 — 80. О жизни и деятельности А. В. Потаниной см. книжку В. и Е. Зариных «Путешествия А. В. Потаниной», под ред. В. В. Обручева, Географиз, М., 1950; БСЭ, 2-ое изд. т. 34, стр. 264—265.

Пржевальский Николай Михайлович (1839 — 1888 гг.), великий русский путешественник и исследователь Центральной Азии, совершивший в период времени между 1870 г. и 1888 г. четыре больших экспедиции по средней части Азиатского материка. По справедливому замечанию акад. Л. С. Берга, Н. М. Пржевальский является одним «из самых замечательных путешественников всех времен и народов» (Л. С. Берг, «Очерки истории русской географической науки», изд. Акад. наук СССР, Л., 1929, стр. 116). Н. М. Пржевальский, как многие русские путешественники (напр. С. Крашенинников, Лепёхин, Паллас, Мессершмидт, Миддендорф, Семенов-Тян-Шанский, Грумм-Гржимайло, Козлов и некоторые др.), принадлежал к тому типу путешественников, который справедливо называется — универсальным типом; такой путешественник в одно и то же время был и географом, и натуралистом, и этнографом; такие путешественники годами странствовали по далеким неисследованным или мало исследованным странам и давали многосторонние их описания. Пржевальский, как и большинство русских выдающихся путешественников, отличался теми замечательными чертами характера, о которых лучше всего сказал он сам.

По мнению Н. М. Пржевальского, путешественник — исследователь должен обладать целым рядом особенных качеств. У него должна быть прирожденная страсть к путешествию и беззаветное увлечение своим делом; эти качества «явятся могучими рычагами успеха, ибо будут поддерживать и согревать в те трудные минуты, которые придется переносить не один раз». У путешественника должна быть соответствующая научная подготовка, «достаточное знакомство с различными отраслями предстоящих исследований». Путешественник должен обладать цветущим здоровьем и крепкими мускулами, сильным характером, энергией и решимостью. «Путешественник должен быть отличным стрелком и, еще лучше страстным охотником». Он, «не должен гнушаться никакой черной работы, как, например, вьюченья верблюдов, седланья лошадей, укладки багажа». Путешественник должен быть трудолюбив и вынослив; он «не должен иметь избалованных вкуса и привычек, ибо придется жить в грязи и питаться чем бог послал; не

должен знать простуды, так как зиму и лето станет проводить на открытом воздухе; должен быть отличным ходоком». Путешественник постоянно должен помнить, что «не с приветливой улыбкой встретит его дикая пустыня, и не сами полезут ему в руки научные открытия. Нет? ценою тяжелых трудов и многоразличных испытаний, как физических, так и нравственных, придется заплатить даже за первые крохи открытий».

Всеми вышеуказанными качествами и обладал сам Н. М. Пржевальский.

Н. М. Пржевальский за период времени в 15 лет прошел со съемкой по Центральной Азии около 30000 км и определил 63 астрономических пункта; им открыты и описаны дикий верблюд и дикая лошадь (Equus Przewalskii). Он является первым исследователем огромной площади от Памира до большого Хингана длиною около 4000 км, а с севера на юг — от Алтая до средины Тибета — на протяжении свыше 1000 км. Н. М. Пржевальский является «родоначальником» целой школы выдающихся русских исследователей Центральной Азии.

Вскоре после окончания Академии Генерального штаба, Пржевальский перешел, по совету П. П. Семенова, на службу в Восточную Сибирь (в Иркутск); здесь он получил двухлетнюю командировку в Уссурийский край. Сибирский отдел Русск. географич. общества поручил ему описать флору и фауну этого края и собрать ботанические и зоологические коллекции. Вот, что сообщает П. П. Семенов-Тян-Шанский о первых шагах Н. М. Пржевальского на поприще географической науки: «В 1866 г. к Председательствующему в Отделении Физической географии П. П. Семенову явился молодой еще офицер, с предложением о том, чтобы Географическое общество снарядило его в экспедицию для исследования Центральной Азии. Это был штабс-кап. Н. М. Пржевальский, занимавший до того скромное место заведывающего военною школою в Царстве Польском. Достаточно было поговорить с этим человеком, чтобы убедится, что в предприимчивости, энергии и отваге у него не было недостатка. Страстный охотник, он, очевидно, был и хорошим орнитологом, да и вообще обнаруживал большую склонность к естественно-историческим наукам и проявлял большую наблюдательность, всегда свойственную хорошему натуралисту, но никаких научных заслуг в области географических наук за ним тогда еще не было. Председательствующий Отд. Физической географии откровенно высказал ему это, объяснив, что хотя снаряжение экспедиции в Центральную Азию и было излюбленным стремлением в среде Географического общества, но едва ли Совет Общества решится поручить такую экспедицию лицу ничем еще себя не заявившему, да и притом Общество, истощая все свои средства на окончание своей Сибирской экспедиции, еще не имеет никакой возможности помышлять о снаряжении экспедиции во Внутреннюю Азию. Поэтому П. П. Семенов советовал молодому будущему путешественнику, прежде всего испытать свои силы на обследовании в географическом и естественно-историческом отношении того, в то время мало известного края, который поступив во владение России, обращал на себя всеобщее внимание; а именно Уссурийского. При этом П. П. Семенов обещал Н. М. Пржевальскому, что если он исполнит свою задачу вполне удовлетворительно и проявит свои таланты как путешественник и естествоиспытатель, то Отделение Физической географии уже позаботится о его снаряжении в экспедицию в Центральную Азию... Со свойственною

ему (Н. М. Пржевальскому. — Г. Г.) энергиею и настойчивостью, он добился того, что его откомандировали... в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Карсакова, к которому П. П. Семенов, бывший его другом с детских лет, дал Н. М. Пржевальскому самую теплую рекомендацию, вследствие чего, по приезде Пржевальского в Иркутск, М. С. Карсаков, встретив особенно приветливо горячо рекомендованного ему будущего путешественника, дал ему командировку в южно-Уссурийский край, а Сибирский Отдел (Рус. Геогр. об. — Г. Г.) поручил ему, по его вызову, собирание естественно-исторических коллекций... в начале 1870 года возвратился (Пржевальский — Г. Г.)... в Петербург, где и издал в течение года... свою превосходную (курсив наш. Г. Г.) книгу «Путешествие в Уссурийском крае» (См. П. П. Семенов, «История полувековой деятельности... Русского Географического общества (1845 — 1895), часть 1-ая, отделы I, II и III, СПБ, 1896; стр. 213 — 214, 215). Природа Сибири произвела на Пржевальского сильное впечатление. Больше всего труда и времени Пржевальский посвятил исследованию верховьев реки Уссури, бассейна озера Ханка, южной части хребта Сихотэ — Алинь и прибрежья Японского моря. В январе 1870 г. он вернулся в Петербург (Ленинград) и прочел в Географич. обществе доклад о своем путешествии на Дальнем Востоке. В том же году издал он книгу «Путешествие в Уссурийский край в 1867 — 1869 гг.» и обратился в Географическое общество с просьбой оказать ему помощь в деле организации экспедиции в северные области Китая и преимущественно в малоизвестные районы верхнего течения реки Хуанэ и на берега озера Кукунор. Географическое общество пошло ему навстречу, и в конце 1870 г. Пржевальский отправился в экспедицию, во время которой «он с тремя казаками и своим помощником М. А. Пыльцовым прошел и проехал верхом 11000 км и исследовал местности, куда до того времени не ступала нога европейца. Около 6000 км были сняты глазомерно буссолью. Эта съемка доставила материал для карты, которая обнимает обширное неисследованное пространство в Центральной Азии до верховьев Янцзы (Голубой реки) и дает впервые ясное понятие о гидрографической системе Кукунорской области». В девяти пунктах Пржевальский определил магнитное склонение и в семи — горизонтальное напряжение земного магнетизма. Участники экспедиции ежедневно по четыре раза производили метеорологические наблюдения; измерялись температуры почвы и воды, сухость воздуха и абсолютные высоты местности. Кроме того, экспедиция собрала богатейшие — этнографический, ботанический и зоологический материалы. После трехлетних скитаний, сопровождавшихся многими лишениями, экспедиция добралась до Урги (Улан-Батора), столицы Монголии. Маршрут экспедиции был следующий; в 1870 г. Кяхта-Пекин (Бэйпин), в феврале 1871 г. Долон-Нор, озеро Далай — Нор — Калган — Куку-хото; против города Баоутоу перешел на правый берег Хуанхэ; переправившись у Дын-Коу снова на левый берег, вступил в Алашань. В 1872 г., по возвращении в Калган, отправился в новую экспедицию в Алашань и в северный Гань-су; осенью того же года достиг озера Кукунор, откуда через Цайдам дошел в январе 1873 г. до истоков Ян-Цзы-Цзяна (Янцзы). Обратный путь шел через Алашань, Гоби, Ургу, Кяхту. В Петербург (Ленинград) Н. М. Пржевальский вернулся в 1874 г. Русское Географическое общество присудило ему большую золотую медаль, а Берлинское — золотую медаль имени А. Гумбольдта. Результаты своих исследований

Н. М. Пржевальский изложил в книге «Монголия и страна тангутов» (СПБ, I том — 1875 г., II-й том — 1876 г.); этот труд был переведен на английский и немецкий языки.

В 1876 г. Пржевальский составил план новой экспедиции. На этот раз он задался целью пробраться через Джунгарию к таинственному озеру Лобнор, отсюда к озеру Кукунор, в Северный Тибет, в Лхасу, и далее к истокам рек Иравади и Брахмапутры. Эта экспедиция имела еще большее научное значение, чем предыдущая, хотя Н. М. Пржевальский и не достиг столицы Тибета-Лхасы, куда он стремился. В 1878 г. Пржевальский был избран почетным членом Академии наук. В поданной докладной записке академики — К. С. Веселовский, А. А. Штраух, Ф. В. Овсянников, Л. И. Шренк, А. С. Фаминицын, К. И. Максимович и Ф. В. Шмидт — указывали, что «добытые им (Н. М. Пржевальским) изумительно богатые ботанические и зоологические коллекции дали нам возможность определить состав и характер фауны и флоры таких стран, о которых мы до него не имели ни малейшего представления...».

По возвращении из этой экспедиции через Зайсан весной 1878 г., осенью того же года Пржевальский представил в Географическое общество проект новой экспедиции в Тибет. Проект был принят и одобрен, и в январе 1879 г. он уже выступил в экспедицию. Во время этого путешествия Пржевальский исследовал горные области Нань-Шаня и открыл два больших горных хребта, которые назвал в честь двух великих географов XIX века — хребтами А. Гумбольдта и К. Риттера[1]. Через перевалы хребта Шуга он проник к верховьям Янцзы. Попытка пройти отсюда в Лхасу (от которой он находился уже сравнительно близко — всего в 250 км) не удалась, и Пржевальский, повернув обратно в декабре 1879 г., занялся исследованием бассейна Кукунора. Эта экспедиция продолжалась около двух лет. В январе месяце 1881 г. он вернулся в Петербург (Ленинград) и о своем путешествии прочитал ряд докладов. Зоологическому музею Академии наук он принес в дар большую коллекцию позвоночных животных. В 1882 г. Пржевальский окончил свою книгу «Из Зайсана через Хами и Тибет и на верховья Желтой реки».

В 1883 г. Пржевальский представил Географическому обществу новый проект еще одной экспедиции в Центральную Азию. 28-го августа того же года великий путешественник в сопровождении своих помощников Роборовского и Козлова выехал в Кяхту. 21-го ноября 1883 г. Н. М. Пржевальский оставил Ургу и направился через самую широкую часть пустыни Гоби, которая тянется с запада на восток, от Памира до Хингана, на 4268 км, с севера же на юг имеет более 1000 км в поперечнике. Северная часть этой пустыни занята степями, покрытыми хорошей травой, но далее начинается уже настоящая пустыня — центральная и южная часть Гоби. Центральная часть пустыни состоит из совершенно голых, покрытых галькой площадей, местами прорезанных невысокими, также бесплодными грядами холмов; вторая — вся наполнена сыпучими песками. «Страшные морозы зимой, при бесснежии, чуть не тропические жары летом, с частыми бурями; бездожие и, как результат его, отсутствие рек и озер, наконец, в общем крайнее бесплодие, бедность флоры и фауны — вот характерные черты центрально-азиатской пустыни» («Отчет Русского географ. общества за 1885 г.», СПБ, 1886, стр. 9. Все последующее изложение составлено по этому отчету). Из Гоби через горную гряду Нань-Шаня (Алтын-Тага, Тугуз-Добана) и Куэнь-Луня экспедиция направилась в Тибет на высоту 2700 — 3000 метров. Здесь, взамен сыпучих песков, бесплодия и безводия, появляются многочисленные ручьи и речки, плодородная лессовая почва, богатая флора и фауна. В середине марта Н. М. Пржевальский со своими спутниками поднялся на плато озера Кукунора (высота 3070 м), а в начале мая дошел до подошвы гор Бурхан-Будда, ограждающих к стороне котловины Цайдама высокое нагорье Северного Тибета. Оставив весь лишний багаж и запасных верблюдов под охраной семи казаков, часть экспедиции направилась отсюда к истокам реки Хуанхэ. Перевалив горы Бурхан-Будда и пройдя сотню километров по пустынному нагорью, Пржевальский достиг, наконец, цели, а именно истоков великой китайской реки Хуанхэ. Она образуется на высоте свыше, чем 4000 м, из двух речек, берущих начало в горах, и питается многочисленными ключами обширной болотистой долины. Сама река Хуанхэ является здесь еще весьма скромной рекой, состоящей из двух-трех небольших рукавов. Пройдя несколько больше двадцати километров, Хуанхэ впадает в обширное озеро; затем, повернув к востоку, вскоре вступает в другое озеро и вытекает из него уже значительной рекой. В этой части Тибета, по наблюдениям Н. М. Пржевальского, количество атмосферных осадков настолько велико, что северный Тибет летом превращается почти в сплошное болото; этим отчасти и обусловливаются огромные разливы Хуанхэ и Янцзы; последняя также берет начало в тех же районах, где и река Хуанхэ. Непривычному человеку очень трудно переносить особенности сурового климата Тибета, зато многочисленные стада диких животных здесь находили и находят себе приют; во множестве паслись здесь яки, куланы, антилопы, горные бараны и медведи. Проводя несколько дней на поисках Хуанхэ, Пржевальский направился со своими спутниками на юг к берегам реки Янцзы; эта река оказалась с чрезвычайно быстрым течением и достаточно глубокая. Не сумев на верблюдах переправиться через нее, Пржевальский повернул в сторону истоков Хуанхэ; на этом пути экспедиция подверглась нападению разбойников тангутов. В августе 1884 г. Н. М. Пржевальский возвратился к подножию гор Бурхан-Будда у Цайдама. Из Цайдама экспедиция направилась на запад по направлению к берегам соленого озера Гас. Здесь Пржевальский решил устроить склад на время зимней экскурсии в сторону Тибета. Направившись в Тибет, экспедиция сделала много открытий в Центральном Куэнь-Луне, узлом которого является вечно-снеговая группа гор Джин-Ри высотою около 6100 м. В половине января 1885 г. Пржевальский, вскоре после возвращения к своему складу у озера Гас, отправился к берегам озера Лобнор, находившегося в 267 км от озера Гас; он выяснил, что озеро Лобнор представляет собой не что иное как устье реки Тарима, протекающей между горными

[1] «Пользуясь правом первого исследователя, говорит Н. М. Пржевальский, я назвал... снеговой хребет, протянувшийся по главной оси Нань-Шаня — хребтом Гумбольдта, а другой, ему перпендикулярный — хребет Риттера..» (Н. П. Пржевальский. Из Зайсана через Хами и Тибет и на верховья Желтой реки. СПБ. 1883 г., стр. 111).

массивами Тянь-Шаня и Куэнь-Луня и разливающейся здесь в обширное и очень неглубокое болотистое озеро, покрытое тростником. В давнопрошедшие времена у озера Лобнор будто бы существовал большой город. Лоб, который посетил в XIII веке Марко Поло во время своего путешествия на дальний Восток. Лобнор служит станцией для птиц во время их перелета с севера на юг и обратно. 20-го марта 1885 г. Пржевальский покинул район Лобнора и направился в сторону оазиса Черчек, а отсюда в сторону родных пределов. В конце октября великий путешественник со своими спутниками, перевалив через Бэдель, лежащий на высоте 3963 м, перешел китайскую границу и вскоре прибыл в город Каракол (ныне Пржевальск), где и закончилось четвертое путешествие Пржевальского. «В течение всего путешествия члены экспедиции постоянно занимались учеными работами, производилась съемка местности, определялась астрономическая широта и долгота различных пунктов, измерялись барометрически высоты; сверх того, делались метеорологические наблюдения, измерялась температура земли и воздуха, собирались ботанические, минералогические и зоологические коллекции, причем последняя заключает на сей раз 2000 экземпляров одних только птиц; велся дневник путешествия; наконец, производились этнографические исследования. Конечно, все эти работы производились лишь в мере возможности... Сам знаменитый наш путешественник со свойственной ему скромностью называет свои путешествия только научною рекогносцировкой Средней Азии, хотя несомненно, что результаты этих рекогносцировок занимают почетное место в науке» («Отчет Русск. географ. общества за 1885 г.», СПБ, 1886, стр. 16).

Н. М. Пржевальский сумел в немногих словах картинно и отчетливо охарактеризовать всю обстановку четвертого своего путешествия. «Более двух лет прошло, говорит он, с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие. Мы пускались тогда вглубь азиатских пустынь, имея с собою лишь одного союзника — отвагу. Все остальное стояло против нас: и природа и люди. Вспомните (обращается Пржевальский к своим спутникам) — мы ходили то по сыпучим пескам Алашаня и Тарима, то по болотам Цайдама и Тибета, то по громадным горным хребтам, через перевалы, которые лежат на заоблачной высоте. Мы два года как дикари ночевали под открытым небом в палатках или юртах и переносили то сорокаградусные морозы, то шестидесятиградусные жары, то ужасные бури пустыни. Ко всему этому добавлялось еще местами недружелюбие, иногда даже открытая вражда туземного населения... Но ни трудность дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроенного населения, ничто не могло остановить нас. Мы исполнили свою задачу до конца, прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в которых, по большей части, еще не ступала нога европейца...» (из журн. «Русский Инвалид», цитировано в том же «Отчете» Географ. общ. за 1885 г.).

Вскоре по возвращении Н. М. Пржевальского из этой экспедиции, на заседании Академии наук было принято следующее постановление: «Экспедиции Н. М. Пржевальского в Центральную Азию составляют одно из самых выдающихся явлений в истории ученых путешествий вообще. Первым из европейцев наш знаменитый путешественник проник в самый центр высокой нагорной Азии и познакомил нас с местностями, известными до него, и то лишь отчасти, только по скудным китайским источникам. Там он произвел целый ряд крайне

важных открытий и исследований, вполне оцененных как у нас, так и заграницей и поставивших имя его наряду с именами знаменитейших путешественников всех времен и всех народов». Академия наук постановила выбить в честь Пржевальского золотую медаль, на лицевой стороне которой изобразить портрет путешественника с надписью вокруг: «Н. М. Пржевальский», а на обороте слова: «Первому исследователю природы Центральной Азии. 1886 г.», окруженные лавровым венком.

К весне 1886 г. Пржевальский закончил и напечатал свой труд «От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарыма». После кратковременного отдыха Н. М. Пржевальский составил план новой пятой экспедиции в Центральную Азию.

Высокую оценку экспедиций Н. М. Пржевальского и их результатов дает П. П. Семенов-Тян-Шанский. Вот, что пишет последний: «Н. М. Пржевальский был первым отважным путешественником, которому удалось избороздить своими смелыми маршрутами всю внутренность Азиатского материка. По отношению к своей научной подготовке он не уступал самым лучшим современным африканским путешественникам (Барт, Ливингстон, Рольфс, Эмин-паша, Стенли, Швейнфурт, Юнкер, Казати и др.). Офицер генерального штаба, бывший преподаватель географии и прекрасный натуралист, он совмещал в себе познания в математической и физической географии с познаниями в зоологии и ботанике и с замечательною наблюдательностью и талантливостью. Редкие же личные его качества как путешественника — беззаветная отвага, предприимчивость, выносливость и наконец энергическая сила воли, подчиняющая своему влиянию все его окружавшее, давали орлиный полет всем его предприятиям и внушали к нему безграничное доверие его спутников... Пржевальский провел в путешествиях в сложности 3380 дней (почти 111 месяцев). Маршруты, им пройденные и снятые в пределах Китайской Империи, составляют более 29500 верст и образуют в Застенной Империи целую сеть глазомерных съемок, опирающихся на 63 им же определенных астрономических пунктах, не говоря уже о громадном числе гипсометрических определений. Понятно, какой драгоценный материал для картографии и орографии Азии дали экспедиции Пржевальского. Если же принять в соображение, что Н. М. Пржевальский путешествовал и по непомерно высоким средне-азиатским нагорьям и по песчаным пустыням во все времена года и везде производил метеорологические наблюдения и записи, то понятно также, какие ценные материалы для метеорологии дали его путешествия. Но самые крупные заслуги Пржевальского относятся к изучению органической жизни Центральной Азии. По отношению к ее растительному покрову исследователь собрал все типические образцы его: и в роскошных и теплых Ганьсуйских долинах, и на сырых подснежных лугах тангутских Альпов и в раскаленных песчаных пустынях Алашаня и Лобнора и в безводных и безжизненных холодных пустынях высокого Тибетского нагорья. По отношению к подводному царству животных Пржевальский ознакомил нас и с разнообразными насекомыми, то гнездящимися в диких горных ущельях на верховьях Голубой реки, то зарывающимися в подводных песках раскаленной пустыни, то собирающимися массами около быстро испаряющихся вод и по мере их высыхания перелетающими целыми тучами на еще уцелевшие воды пустыни и с рыбами, живущими в замкнутых и не имеющих стока озерных бассейнах и с гадами, вообще довольно

редкими во внутренности Азиатского материка, и с птицами, то гнездящимися подобно фазанам на берегах рек, то перелетающими через весь Азиатский материк от Индийского юга к Сибирскому северу и с крупными зверями, пасущимися в своем первобытном полурайском состоянии на роскошных, но безлюдных пастбищах Тибетского нагорья, при чем Пржевальскому удалось добыть впервые экземпляры и описанного впервые **Марко Поло** горного барана (Ovis Polii) и первобытных праотцев ныне самых полезных домашних животных, а именно дикого верблюда и дикую лошадь, названную в честь славного путешественника Equus Przewalskii одним словом весь этот растительный и животный мир был, можно сказать, новооткрытым для науки и справедливо оценила Петербургская Академия наук заслуги Н. М. Пржевальского, когда она на обороте Золотой медали, выбитой ею в честь знаменитого путешественника, изобразила слова: «Первому исследователю природы Центральной Азии» (П. П. Семенов, «История полувековой деятельности Русского географического общества (1845 — 1895)», ч. II-ая, отдел IV, СПБ. 1896, стр. 542 — 543).

Осенью 1888 г. Пржевальский решил предпринять путешествие в Тибет, куда намеревался проникнуть кратчайшим, но наиболее опасным путем — по долине реки Тарима. 23-го октября того же года Пржевальский вместе с Певцовым, Роборовским и Козловым прибыл в местечко Каракол, на берегу озера Иссык-Куль; отсюда экспедиция должна была выступить в Тибет, но этому намерению не суждено было осуществиться. Н. М. Пржевальский сильно простудился и слег. С каждым днем его здоровье ухудшалось, и он почти все время находился без сознания. 31-го октября он пришел в себя и, чувствуя приближение смерти, сказал окружающим: «Похороните меня непременно на Иссык-Куле, на красивом берегу; надпись сделайте простую «Путешественник Пржевальский».

Н. М. Пржевальский скончался на пятидесятом году жизни и, согласно его желанию, был похоронен на берегу озера Иссык-Куль.

В чем заключаются выдающиеся заслуги великого русского путешественника в области географической науки. На этот вопрос дает краткий и почти исчерпывающий ответ профессор М. Г. Кадек в своей статье — «Н. М. Пржевальский» (журн. «Наша страна», 1938, № 11, стр. 42). «До Пржевальского, говорит он, почти ничего не знали о климате Центральной Азии. Он первый дал общую характеристику климата посещенных им стран. Его систематические метеорологические записи дали возможность делать ряд важных обобщений и выводов. В своих книгах он классически описал частые и сильные, характерные для всей Центральной Азии бури, и объяснил причины их возникновения. Эти бури являются могучими деятелями в образовании и изменении рельефа пустыни и образовании столь характерных для Северного Китая лессовых пород.... На основании наблюдений Пржевальского определили впервые области муссонов в Азии и установили общие средние температуры Центральной Азии. До путешествий Пржевальского считали, что Гоби — сплошная, однообразная равнина. Оказалось, что она во многих местах изрезана хребтами и холмами. В восточной части Гоби Пржевальский открыл и впервые описал хребет Хурху. Он дал первые точные географические данные о Восточном или Китайском Туркестане; установил действительное местоположение озера Лобнор... Он указал, что Лобнор — собственно — не озеро, а пойма реки Тарима. — Открытие Пржевальским к югу от Лобнора в системе Куэнь-Луня большого горного хребта Алтын-тага (Золотая гора) всеми географами мира было признано поразительнейшим географическим открытием. Оно точно установило северную границу Тибетского плоскогорья... — Пржевальский показал, что Алтын-таг, простираясь на восток, соединяется с горной системой Нань-Шаня, тогда как остальные хребты Куэнь-Луня, отклоняясь на юго-восток и ограничивая с севера Тибет, отделяют его от обширной впадины Цайдама».

Кроме того, Н. М. Пржевальский впервые доказал, что Куэнь-лунь делится на ряд хребтов, а не являет собою картины единого тянущегося по прямой линии горного хребта. Затем великий путешественник впервые исследовал горные хребты, окаймляющие с юга Цайдам, и назвал один из них — хребтом Марко Поло, а другой хребет — хребтом Колумба.

Н. М. Пржевальский два раза побывал на берегах озера Лобнор, три раза он пересек пустыню Гоби или Шамо, три раза он прошел огромные пустынные пространства между Тянь-Шанем и Тибетом, четыре раза пересек он пустыни Ала-Шаня и Цайдама; четыре раза Пржевальский побывал на берегах озера Кукунора, четыре раза он перевалил через горную цепь Тянь-Шаня (в восточной, центральной и западной ее частях), шесть раз он преодолел не исследованные дотоле горные хребты Северного Тибета, первым он достиг истоков реки Хуанхэ. Н. М. Пржевальский внес также большие изменения в картографическое изображение юго-западной части Центральной Азии. «После его работ, говорит Н. М. Щукина, резко изменились очертания бассейна оз. Лобнора вместе с окружающими его горами. Исчезли сложные разветвления хребтов, которые показывались к югу от оз. Лобнора. В Северном Тибете, вместо горных хребтов, сомкнутых между собой, появился ряд длинных обособленных горных цепей Куньлуня, вытянутых приблизительно по параллели или в юго-западном и северо-восточном направлениях. Хребты меридионального направления, наносившиеся на карте М. Ж. Клапрота и многих русских картах, Н. М. Пржевальским нигде не были встречены. Значительно пополнились, благодаря трудам Н. М. Пржевальского, сведения о пустынях Центральной Азии: Джунгарской, Такла-Макан, Гоби, неоднократно им пройденных. При пересечении Центральной Гоби путешественник определил высоты в 15 пунктах между городами Ургой и Даджином на основании нескольких наблюдений в каждой точке. Н. М. Пржевальским были определены также высоты Северного Тибета и других областей Центральной Азии» (Н. М. Щукина, Как создавалась карта Центральной Азии, Географгиз, М., 1955, стр. 104). Таковы заслуги великого русского путешественника в деле географического изучения Центральной Азии.

Некоторые ученые ставили в упрек Н. М. Пржевальскому и его сотрудникам то обстоятельство, что во время своих экспедиций они очень мало сделали для геологической науки. Вряд ли это однако умаляет в какой-либо степени роль и значение Пржевальского в русской и мировой науке.

«Советский народ, пишет академик Ю. М. Шокальский, бережно хранит память о неутомимом путешественнике, благородном рыцаре науки — Пржевальском. Его жизнь, полная подвигов и героизма, близка и понятна нам, ибо героизм вошел в быт и жизнь советского народа».

Современный биограф Н. М. Пржевальского, С. Хмельницкий, заканчивает свою характеристику великого русского путешественника следующим прекрасными словами: «Всего себя отдал Пржевальский своим путешествиям, в них нашел он и славу и смерть. Вся жизнь его говорит о том, что мир велик и интересен, что ради познания новых его областей стоит нести труды и лишения, преодолевать препятствия, подвергаться опасностям.

Велик и интересен также и сам человек, открывающий новое, узнающий неведомое, осуществляющий то, что казалось неосуществимым, — человек, для которого невозможное — возможно»[1].

Все сочинения Н. М. Пржевальского читаются с неослабевающим интересом, благодаря сильному, образному и выразительному языку и ярко картинному изложению.

Н. М. Пржевальский за свои выдающиеся заслуги был награжден: золотой медалью Парижск. геогр. общ., почетной грамотой Международн. Географ. Конгресса в Париже, знаком Palm d'Akademie от французск. минист. народн. просв., золотой медалью имени А. Гумбольдта Берлинского географ. общества, королевской медалью Лондонск. географ. общества, медалью «Вега» Стокгольмского географ. общ., большой золотой медалью Итальянского географ. общества; само собою разумеется, что Н. М. Пржевальский был награжден и Русск. географ. обществом и Академией наук России Большими золотыми медалями.

Из старых биографий Н. М. Пржевальского назовем: 1) А. В. Зеленина «Путешествия Н. М. Пржевальского», СПБ, 1901, тт. I — III; 2) Н. Ф. Дубровина «Н. М. Пржевальский», СПБ, 1890; 3) «Памяти Н. М. Пржевальского», изд. Русского географического общества, СПБ, 1889; 4) Л. П. Загурского, «Н. М. Пржевальский», некролог в «Известиях Кавк. отд. Русского географ. общества», т. IX, стр. 473 — 493; Д. Н. Анучина, «Н. М. Пржевальский», статья в газете «Русские ведомости», 1898, № 236; из новейших трудов о жизни и деятельности великого путешественника следует отметить; 1. П. К. Козлова «В азиатских просторах», изд. «Молодая Гвардия», М., 1947; 2) акад. Л. С. Берг, «Очерки по истории русских географических открытий», 2-ое изд., М.-Л., 1949, изд. АН СССР, стр. 329 — 336; 3) Н. М. Каратаева, «Н. М. Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии», изд. АН СССР, М.-Л., 1948; 4) Э. М. Мурзаева, «Великий русский географ и путешественник, Н. М. Пржевальский», М., 1950, изд. «Правда», «Люди русской науки», т. 1; 5) ст. проф. М. Г. Кадека, «Н. М. Пржевальский», стр. 568 — 579; 6) С. Хмельницкого, «Николай Михайлович Пржевальский», 1839 — 1888, изд. ЦК ВЛКСМ, «Молодая гвардия», Л., 1950 (из серии «Жизнь замечательных людей»), БСЭ, 2-ое изд., т. 34, стр. 456—457.

Прончищей Василий (× 1736 г.), капитан-лейтенант, начальник одной из партий Великой Северной экспедиции (1733 — 1743 гг.). В 1735 г. он со своими спутниками, среди которых была и его жена, Мария, спустился вниз по Лене, обошел с севера дельту реки Лены и добрался до устья реки Оленек, где зазимовал. В 1736 г. Прончищев отправился в плавание в северо-западном направлении и достиг 77°29' с. ш. Никто еще до него не продвинулся в этих районах русского сектора Арктики так далеко на север. Густой туман и непроходимый лед не дали Прончищеву возможности плыть дальше; он вынужден был вернуться на прежнюю стоянку. Дорогой умер от цынги. Через пять суток после этого скончалась его жена, первая европейская женщина, участница полярного плавания, побывавшая так далеко на севере. Могила мужа и жены Прончищевых сохранилась до наших дней. У якутов это место погребения отважных русских путешественников известно под именем Улакан-крест. Могилу Прончищевых впервые обнаружил геолог Александр Лаврентьевич Чекановский в 1875 г.; они похоронены у южной окраины селения Усть-Оленекского, расположенного на правом берег у реки Оленек за мысом Тумул, у берегового обрыва (см. Л. С. Берг, «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», изд. АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 918 — 921; Г. В. Яников, В. Прончищев, Х. Лаптев, С. Челюскин ст. в Сборн. «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 81 — 98).

Птолемей Клавдий (II век н. э.), выдающийся астроном, математик, географ и картограф древности, слава и известность которого основаны, главным образом, на его астрономических сочинениях; в течение многих столетий огромное значение имело его сочинение «Великое математическое построение астрономии» — «Мегале Сюнтакси» («Большое сочинение»); этот труд Птолемея, состоящий из 13 книг, приказал перевести на арабский язык халиф ал-Мамун (IX в. н. э.); по-арабски это сочинение было озаглавлено: «Табрир-ал-Маджисти» или сокращено — «Ал-Маджисти» от греческого «Мэгисте» («Mzsiste» — величайшее). «Ал-Маджисти» или «Алмагест» считался выдающимся произведением человеческого ума, и изложенные в нем теории о строении мира, считались истинными в течение почти целой тысячи лет.

По учению Птолемея, Земля неподвижна и находится в покое; она составляет центр Вселенной, вокруг которого обращаются планеты в следующем порядке по расстоянию Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн, а затем уже неподвижные звезды. Птолемеева система мира просуществовала до Коперника.

«География, по словам Птолемея, есть линейное изображение всей ныне известной части Земли со всем тем, что к ней вообще относится. Она дает нам возможность обозреть всю землю в одной картине, подобно тому, как мы можем непосредственно обозревать все небо с его созвездиями в его вращении над нашей головой».

«География» Птолемея (в 8 книгах) была в продолжение нескольких столетий единственной учебной книгой по географии. Этот труд потерял свое значение и авторитет лишь в XV веке, когда, вследствие открытий генуэзских, венецианских, португальских и испанских мореплавателей и путешественников, содержание географии изменилось.

Птолемей допустил следующие ошибки: 1) признал и доказывал, что в центре Вселенной находится Земля (геоцентрическая система); 2) утверждал, что Индийское море (океан) есть залив, не сообщающийся с Атлантическим океаном; 3) он предполагал, что юго-восточный берег Африки уклоняется к Востоку и соединяется с Азией; 4) он находил, что Африку нельзя объехать с юга (вопреки известию Геродота о путешествии финикиян вокруг Африки при египетском фараоне Нехо) и т. д.

---

[1] С. Хмельницкий, Николай Михайлович Пржевальский, 1839 — 1888, изд. «Молодая Гвардия», Л., 1950, «Жизнь замечательных людей», стр. 404.

Клавдия Птолемея, как и некоторых других ученых древности, интересовал вопрос о том, где находятся истоки Белого Нила. По его мнению, истоки этой реки расположены на высоких снежных горах Центральной Африки, называвшихся Лунными горами, что Нил течет на север и проходит два озера, что будто бы из них вытекают две реки, которые вновь соединяются вместе, образуя большую реку (Белый Нил), которая продолжая свое течение на север принимала приток Астанус (Голубой Нил), текущий с юго-востока, из озера Тана. Еще севернее река принимала приток Астаборас (Атбару), текущий также с юго-запада.

Птолемею же принадлежит и географический атлас, состоявший из 27 карт (одна общая и 26 специальных карт земной поверхности). Составленные им карты в течение долгого времени оказывали сильное влияние на развитие картографии, и следы этого влияния можно наблюдать почти до самого XVIII века. Шведский ученый Норденшельд в своем известном труде «Facsimile Atlas to the early History Cartography» (Stokholm, 1889), характеризуя значение Птолемея в истории картографии, пишет следующее: «Карты, сопровождающие первые издания географии или космографии Клавдия Птолемея, составляют прототип почти всех географических атласов, изданных со времени открытия книгопечатания. Это объясняется не только тем, что правила и указания, данные Птолемеем для черчения карт, продолжают прилагаться и в настоящее время; при изображении континентов и океанов, на которые еще не распространилась триангуляционная съемка, но также и тем, что метод обозначения границ между сушею и морем, а равно — гор, рек и городов, принятый в старинных манускриптах Птолемеевской географии и особенно в ее древнейших печатных изданиях, есть тот же самый, которым, с небольшими изменениями, пользуются и теперь картографы. Мы следуем еще и в настоящее время Птолемею в ориентировании карт (север — вверху, юг — внизу), в градусной сети и даже часто в некоторых из его проекций... Двадцать семь карт Птолемея составляют единственный географический атлас, дошедший до нас от древних, и сомнительно, чтобы подобный, по крайней мере столь же полный и систематичный, был составлен еще кем-либо в древние века. Позднейшие писатели, напр., Орозий (в V в.), Иорнанд (в VII в.), арабские географы ссылаются только на него;... в средние века Птолемей и его метод черчения карт были забыты, по крайней мере на Западе. Взамен его ясных и понятных карт, начерченных в должном масштабе и основанных на астрономических наблюдениях, появились карты без следа какой-либо соразмерности, испещренные фигурами королей в мантии и короне, чудовищ и разными фантастическими легендами, заимствованными из мира языческих и христианских мифов. Единственное исключение составляют немногие карты, появившиеся в начале XIV в. в Италии и на Балеарских островах, исключительно для нужд моряков и на основании собранных ими материалов. Эти «Портуланы» (Portolanos) или «локсодромные карты» часто изображают берега лучше, чем старые карты Птолемея, но они представляют только берега Средиземного и Черного морей, да еще западную и северо-западные окраины Европы. В новейшее время специалисты начали их изучать с большим интересом, но с XIV до XVIII вв. ученые географы мало обращали на них внимания и не видели в них существенного вклада в географическую литературу. Когда в начале XV в. стала распространяться на Западе в рукописных копиях география Птолемея, с ее систематическими и ясно начертанными картами всего известного тогда мира, это было своего рода открытие, столь же важное и поразительное, как и открытие Нового Света Колумбом. Не новый мир, но тот, в котором жили в древности, был извлечен из мрака, покрывавшего его в течение целого тысячелетия...» (цитаты из сочинения Норденшельда «Facsimile Atlas...» заимствованы нами из монографии Д. Н. Анучина «Рельеф поверхности Европейской России в последовательном развитии о нем представлении», «Землеведение», 1895, кн. 1, стр. 91 — 92).

На карте Птолемея дано более или менее правильное изображение берегов Европы, Северной Африки и Передней Азии, но очень неотчетливое — Индии, Цейлона и Индо-Китая. Индийский океан у Птолемея является водным пространством, замкнутым с юга несуществующей в действительности Землей. Уральский хребет указан приблизительно по меридиану Енисея; за первый меридиан Птолемей принял меридиан Счастливых (Канарских) островов — Insulae fortunatae; этот, меридиан сохранился, под именем меридиана острова Ферро, на учебных картах недавнего прошлого. Птолемей приводит координаты 8000 географических пунктов; эти координаты впрочем основаны не на астрономических определениях.

О Птолемее см. Н. К. Лебедев, «Завоевание Земли», т. 1, 1947, стр. 46 — 48; проф. Г. Н. Гехтман, «Очерки по истории географии», на груз. яз., стр. 45 — 51; проф. С. Г. Каухчишвили, назв. выше труд на груз. яз., стр. 205 — 207; Дж. О. Томсон, История древней географии, перев. с англ. Н. И. Скаткина, под ред. А. Б. Дитмара и Д. Г. Редера, изд. ИЛ, М., 1953, стр. 99 — 101, 327 — 331, 346 — 350, 366 — 375 и др.; М. Ф. Субботин, Птолемей — статья в БСЭ, 2-ое изд., т. 35, стр. 271 — 272.

Р

Радде Густав Иванович (1831 — 1903 гг.), родился в Данциге; переселился в Россию в 1852 г.; известный натуралист, путешественник, зоогеограф и этнограф; исследователь Кавказа.

Г. И. Радде в 1865 г. восстановил и реорганизовал Кавказский Музей (ныне Государственный музей Грузии). По справедливому замечанию молодого грузинского исследователя Г. Ф. Жордания «... основателями Кавказского музея (музеума) в начале 50-ых годов прошлого века надо считать передовых представителей русской и грузинской общественной мысли» (Г. Жордания, «История возникновения Кавказского Музея», Тб., 1952, стр. 181, изд. АН Грузинской ССР).

Радде много путешествовал, кроме Кавказа, по Сибири (1855 — 1860 гг., посетил в 1859 г. Восточные Саяны и совершил восхождение на гору Мунку-Сардык), по Ирану и Закаспию. Г. И. Радде принадлежат около 140 научных труда на русском и немецком языках; из них мы назовем лишь некоторые: 1) Reisen im Süden v. Ost—Sibirien inden Jahren 1856—59, B. 1 u 11, St. Petersburg, 1862—1863, 2) «Орнитологическая фауна Кавказа» (Ornis Caucasica) (1885 г. и сл.), 3) «Хевсурия и хевсуры», изд. Кавказского отдела Русск. географ. общества; Тиф., 1881, 4) «Кавказ» (в издании «Живописная Россия»), 5) «Талыш и его

жители» (1901 г.), 6) «Научные результаты закаспийской ученой экспедиции», т. 1, «Зоология» и др. Кроме того, следует отметить, что Радде собрал богатые этнографические, зоологические и ботанические коллекции.

В 1889 г. Радде была присуждена Лондонским королевским географическим обществом золотая медаль «за долголетнюю деятельность в области географической науки, в качестве путешественника, наблюдателя и писателя и, в особенности, за пятилетнее его путешествие по восточной Сибири (1855 — 1860), за его обстоятельные исследования кавказского главного хребта (1864 — 65, 1876 — 85), Мегрелии, Абхазии, Карачая, Дагестана и высокой Армении, далее за все, что им сделано в качестве начальника закаспийской ученой экспедиции (1885), также и за его сочинения...» Русская Академия наук присудила Радде за его сочинение «Орнитологическая фауна Кавказа» (Ornis Caucasica) Макарьевскую премию, а Берлинское географическое общество серебряную медаль.

Более подробные сведения о жизни и деятельности Г. И. Радде см. в статье Ф. Кеппена, «Густав Иванович Радде» (Заметка об его жизни и научной деятельности), помещенной в «Журнале Министерства Народного Просвещения», 1903, июнь (6), отдел 4; Современная летопись, стр. 108 — 128. Автор статьи дает перечень трудов Г. И. Радде; см. также биографию Г. И. Радде, составленную проф. П. Мищенко, эта биография помещена в «Трудах Юрьевского ботанического сада», т. IV, 1903.

Ратцель Фридрих (1844 — 1904 гг.), известный немецкий этнограф, географ, путешественник и один из основоположников лженауки геополитики; родился в Карлсруе в бедной семье; по окончании гимназии он вынужден был некоторое время работать в аптеке. Сравнительно поздно поступил в университет сначала в Гейдельберге, а затем в Иене и Берлине, где, несмотря на большую нужду, работал очень энергично. В 1866 г. он сдал докторский экзамен и написал диссертацию по зоологии. Вскоре Ратцель был командирован для научного усовершенствования в Монпелье и Сетт, где работал под руководством зоолога Шарля Мартина. В 1869 г. он посетил некоторые районы Западной и Центральной Европы (южную Францию, Венгрию и др.) и написал серию блестящих фельетонов в «Кельнской газете». После франко-прусской войны Ратцель, вследствие материальной нужды, принял предложение редакции «Кельнской газеты» отправиться в качестве ее корреспондента в Америку. Он посетил Мексику, СШ Америки, Антильские острова и написал для газеты ряд географических очерков. По возвращении в Европу он написал обширный труд о СШ Америки («Die Vereingten Staaten von—Nord-America»). Вскоре Ратцель был приглашен в Мюнхенский политехникум приват-доцентом по кафедре географии. В 1876 г. он был назначен экстраординарным профессором того же политехникума. Здесь он читал общее землеведение, колонии Европы, физическую географию мира, географию полярных стран, географию Америки, Африки, Азии и Австралии, народоведение, антропогеографию (с 1880 г.), основы политической географии, обзор главнейших географических открытий и путешествий, методику географии; из года в год повторялся им в политехникуме только курс коммерческой географии. В 1886 г. он был избран и назначен ординарным профессором Лейпцигского университета, где он проработал 18 лет

(вплоть до своей смерти) и где прочел следующие курсы: антропогеографию, учение о снеге, фирне и глетчерах, географию гор и наблюдения в горах, общее землеведение, географию колонизации, политическую географию Европы, географию полярных стран, Германия и соседние страны, Альпы, географию Африки, области распространения немцев, введение в изучение географии, США, страны Средиземного моря, внеевропейские страны, географию воды и климатологию, коммерческую географию, положение Англии и ее политика, биогеографию, главнейшие пути сообщения, океанографию, естественные и исторические ландшафты и т. д. Ратцель был не только хорошим лектором (благодаря чему привлекал сравнительно многочисленную аудиторию), но и хорошим методистом; его семинары были интересны и привлекали молодежь. Один из бывших слушателей Ратцеля, профессор Ярилов, говорит, что «он (Ратцель) был великим художником мысли и большим мастером слова...» (см. статью Арсения Ярилова, «К воспоминаниям о Ратцеле», журн. «Землеведение», 1905, кн. I—II, стр. 247). На его лекциях можно было видеть не только немецких слушателей, но и иностранцев; так, напр., из русских географов под руководством Ратцеля работали: А. А. Ивановский, А. Ярилов, А. Гукасян (из Баку), М. Руссов и др.

Перу Ратцеля принадлежат свыше ста географических и этнографических трудов, из которых назовем след.: 1) «Антропогеография» (тт. 1 и 2, Штутгарт, 1882 — 1891 гг.), 2) «Политическая география» (Мюнхен, 1897, 3-е изд. вышло в 1923 г.), 3) «Земля и жизнь» (тт. 1 и 2, Лейпциг — Вена, 1901 — 1902 гг., есть рус. перевод), 4) «Народоведение» (есть рус. перевод) и др. Незадолго перед смертью Ф. Ратцель закончил свое последнее сочинение «Об описании природы» («Ueber Naturschilderung», Mit 7 Bildern in Photogravüre. München, 1904); оно посвящено, как пишет автор «всем друзьям природы, особенно тем, кто как преподаватели географии, естествознания, истории, желают передать своим воспитанникам способность к пониманию величия и красоты мира». Первая часть этого труда — введение — касается вопроса о взаимоотношении искусства и науки, художественного и чисто научного описания; во второй части автор говорит о величественном и прекрасном в природе, а в третьей — он характеризует условия, которым должно удовлетворять географическое описание. Эта работа Ратцеля несколько претенциозна, но небесполезна для преподавателей географии, естествознания и истории.

В трудах Ратцеля накоплен и использован огромный фактический материал. По своим взглядам он является типичным представителем «географического материализма» и метафизического «биологизма»; по взгляду Ратцеля, уровень и характер экономического развития, особенности политического строя и особенности культуры отдельных стран и народов зависят, с одной стороны, от физико-географических условий, а с другой — от прирожденных наклонностей расы. «Реакционность и псевдонаучность этого взгляда обесценивают труды Ф. Ратцеля».

В своих трудах «Антропогеография» и «Политическая география» Ратцель, по справедливому замечанию Ю. Н. Семенова, «заложил основы как фашистской геополитики Хаусхофера, так и американской геополитики Спикмэна» (Ю. Н. Семенов, Фашистская геополитика на службе американского империализма. Госуд. изд. полит. литерату-

ры, 1949, стр. 73, вышло 2-ое издание этой работы, 1952, стр. 71 — 72, 105 — 107). Ратцель, являющийся одним из духовных отцов германских геополитиков, утверждал, что основным законом как органической жизни, так и истории народов является непрерывная борьба за «жизненное пространство» (Lebensraum). По его мнению, в результате этой борьбы все государства должны быть поглощены одним наиболее сильным и мощным государством, так как на Земле не может существовать только это последнее, остальным же места на нашей планете нет. Такими соображениями Ратцель пытался оправдывать и обосновывать агрессивную империалистическую политику кайзеровской Германии. Эти псевдонаучные и реакционные высказывания Ратцеля ничего общего не имеют с подлинной наукой.

В деле распространения и развития геополитических взглядов Ратцеля большую роль сыграла его ученица, Эллен Сэмпль, профессор США. В своих сочинениях «Американская история и ее географические условия» (1903 г.), «Влияние географической среды» (1911 г.) и др. она доказывает, что решающим фактором общественного развития являются географические условия (географическое положение, границы, рельеф, климат, реки и др.). По справедливому замечанию А. С. Доброва, «под влиянием Симпл (Сэмпль) концепция географического детерминизма получила господство в современной американской экономической географии под названием энвиронментализма (от английского слова «environment» окружение, среда)» (А. С. Добров, «Основные методы по аналогии империализма в буржуазной экономической географии», ст. в сборнике «Буржуазная география на службе американского империализма», изд. Института географии АН СССР, М.-Л., 1951, стр. 20).

Среди энвиронменталистов США выделялся недавно умерший (1946 г.) профессор Иэльского университета, Элсворт Хентингтон, который в своих трудах: «Основы экономической географии»; «Экономическая и социальная география», «Основы географии человека», «Цивилизация и климат» и «Главные истоки цивилизации» безуспешно пытается доказать, что природные условия вообще, а в особенности климат, являются «главным определяющим фактором географического размещения экономической деятельности и цивилизации» (С. А. Добров, Ibid. стр. 20).

О Ф. Ратцеле см. статью его бывшего слушателя Б. Адлера, «Ф. Ратцель. Его жизнь, научная деятельность и личные воспоминания о нем», журн. «Землеведение», 1904, кн. III, стр. 42 — 60; там же дан список трудов профессора Ратцеля.

Реклю Жан-Жак-Элизе (1830 — 1905 гг.), известный французский географ; много путешествовал по Европе и Америке; исследовал Колумбию (в Ю. Америке). В одном своем письме к матери Реклю пишет: «... не одно простое любопытство руководит мною, когда я хочу путешествовать. Видя новые страны, я изучаю землю, а это мне необходимо. Единственное изучение, которому я отдаюсь действительно серьезно, это — изучение географии, и я думаю, что гораздо лучше наблюдать самому природу, чем создавать о ней свои представления по книгам. Никакое описание, как бы оно ни было прекрасно, не может быть истинным, так как оно не передает жизни пейзажа, трепетанья листьев, пения птиц, запаха цветов, изменчивые формы облаков и т. п. Чтобы знать — надо видеть».

В 1866 г. Э. Реклю опубликовал интересную статью «История ручья»; в 1867 — 1868 гг. он напечатал свой солидный труд «Земля»; в 1872 г. появилась его «История горы»; а затем, за период времени с 1875 г. по 1894 г. появился монументальный труд Э. Реклю: «Всеобщая география. — Земля и люди»; ему же принадлежит не менее значительный труд «Человек и земля».

С 1893 г. Э. Реклю был профессором сравнительной географии Нового Вольного Брюссельского университета, где развернулась его блестящая деятельность, как в качестве профессора, так и в качестве руководителя «Географического института». Этот институт возник по инициативе Э. Реклю и под его руководством; в нем, наряду с работами научно-исследовательского характера, читались студентам лекции по всем отраслям географии и вспомогательным к ней наукам, и в то же время практически знакомили слушателей с чисто технической стороной дела, т. е. с составлением планов, карт, рельефных глобусов и т. д.

По справедливому замечанию проф. И. А. Витвера, «Реклю утвердил роль исторической географии в страноведении... Страноведческая концепция Реклю и до сих пор поражает широтой кругозора, умением сплетать данные физической и исторической, экономической и политической географии, демографии и этнографии, наблюдений над культурой и бытом в общую географическую картину» (И. Витвер, Французская школа «географии человека», ст. в «Учен. записках Московского государственного университета», вып. 35, География, М., 1940, стр. 41).

Элизе Реклю так же, как и К. Риттер, а равно и ряд других географов его современников (Мечников, Гюйо и др.), приписывал географической среде решающее значение в развитии общественной жизни, что, конечно, совершенно не верно.

Реклю находился в переписке со многими учеными и общественными деятелями, между прочим и с известным грузинским писателем И. М. Меунаргия. В архиве последнего сохранилось интересное письмо. Э. Реклю от 30 апреля 1880 г. следующего содержания: «Милостивый государь! Глубоко благодарю Вас за помощь, которую Вы собираетесь оказать мне для облегчения моей работы. Наши дружеские отношения дают мне смелость и в будущем пользоваться Вашей помощью. Вчера вместе с письмом Вашим получил «Кавказский календарь» за 1880 г.; картины закавказских типов и местностей, о которых Вы пишете, мною они еще не получены; однако, надеюсь, что я их получу... Мне нужны книги в особенности по геологии, общей географии, топографии и статистике. Исторические мне не так нужны, так как мои сочинения и без того большого объема, и я опасаюсь, как бы они не вышли еще более толстыми (объемистыми). Какие только книги ни вышли о Кавказе на немецком и французском языках, главнейшие конечно, то я их уже приобрел. Приобрел также книги и материалы на русском языке, хотя их я читаю и не свободно, но достаточно понимаю содержание. Вот эти книги: «Сборник сведений о Кавказе», 4 тома, «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», 10 т., «Статистические описания... Кавказский край», Владыкин. «Путеводитель по Кавказу», Короленко «Черноморцы», «Географический словарь Семенова», «Известия Кавказского отдела Русского географ. общества», 5 т. Я позволю себе составить список тех вопросов, разъяснение которых мне будет затруднительно. Обращаюсь к Вам с вопросами и прошу ответить мне хотя бы на следующие: закончена ли постройка дороги через Ма-

мисонский перевал из Ардонского ущелья в Рионское ущелье? Не разработан ли проект прорытия тоннеля в Кавказском хребте от Владикавказа до Тбилиси? Из Парижа буду посылать Вам все корректурные листы моего труда; у меня установилась привычка — рукопись набирать раньше, дабы у меня была возможность в процессе исследования для ее исправления, для внесения добавлений. Когда Вы получите оттиск, Вы найдете ошибки, не будут правильно набраны имена, цифры, факты. Я 6—8 раз просматриваю корректурные листы. Будьте добры просмотреть мой труд и, за указание ошибок или пропусков я буду Вам очень благодарен. — Примите мое глубочайшее уважение, остаюсь обязанным и благодарным, Элизе Реклю». Апрель, 30, 1880 г. Кларенс (Швейцария)[1].

Риттер Карл (1779 — 1859 гг.), известный немецкий географ; много путешествовал по Европе. Впервые новые взгляды на географическую науку он высказал в предисловии к первому тому своего труда «Европа». Риттер пишет: «моя цель сообщить читателю живой взгляд на целую страну, на ее естественные и искусственные произведения, на мир природы и человека, и все это представить в виде связного целого так, чтобы важнейшие результаты о природе и людях выступали сами собою или через противоположное сравнение.. Я старался.. привести все во взаимную связь и представить в виде причин и следствий; если можно так выразиться, я старался излагать прагматически... Подобно тому как хронология составляет основу истории, без помощи которой все факты являются смешанными, физические свойства должны составлять основу географии: они составляют тот скелет, около которого группируется все прочее...». Наряду с естественно-историческими элементами К. Риттер выдвигал в географической науке значение исторического и культурного элементов.

Самым значительным трудом Риттера является: «Землеведение в его отношении к природе и истории человечества, или всеобщая сравнительная география, как верное основание изучения и преподавания физических и исторических наук» (первое двухтомное издание этого сочинения вышло в 1818 г., второе в 19-ти томах за период времени 1822—1859 гг.). Наиболее отчетливо свои взгляды на географические явления Риттер выразил в сочинении «Идеи о сравнительном землеведении». Во введении этого труда он поясняет, почему он придал своему «Землеведению» название «физическое, всеобщее и сравнительно»: физическое потому, что в нем идет речь о силах природы, насколько они действуют в пространстве; всеобщее потому, что исследует каждую часть света, а не специально какую-нибудь страну; наконец, сравнительное потому, что постоянно строит выводы на основании сравнения».

К. Риттер, как известно, был последователем идеалистической философии, что, само собою разумеется, не могло не оказать отрицательного влияния на его географическое мировоззрение. Говоря о роли и значении природных условий в жизни человеческого общества, Риттер утверждал, что от окружающей географической среды зависели и зависят быт, психика, нравы и экономика людей.

---

[1] Это письмо Э. Реклю опубликовано в первом выпуске «Трудов Зугдидского государственного историко-этнографического музея», Тб., 1947, стр. 267 — 268; там же дан перевод письма на грузинском языке, стр. 293 — 294.

В ряде своих трудов он сделал попытку доказать, что европейские народы потому являются наиболее культурными передовыми и наиболее сильными духом и телом людьми на земном шаре, что благоприятные естественные условия Европы оказывали и оказывают положительное влияние на здоровье, психику и на быт ее населения. Неблагоприятные же географические условия Азии, Африки и Америки оказывали и оказывают отрицательное, задерживающее влияние на развитие материальной и духовной культуры местного населения, а потому цветное население внеевропейских стран отличалось и отличается низким уровнем своего культурного развития. Подобного рода антинаучная и в корне ошибочная идеология К. Риттера у представителей буржуазии послужила впоследствии обоснованием и оправданием беспощадной эксплуатации населения колониальных стран.

Из сочинений К. Риттера были переведены на русский язык и помещены во II томе журнала «Магазин землеведения и путешествий» (1853 г.), издававшегося географом Н. Г. Фроловым, следующие: 1) «Введение к всеобщему сравнительному землеведению», 2) «Общие замечания о твердых формах земной коры», 3) «Статьи о введении более ученого способа в изложении землеведения», 4) «О географическом положении и горизонтальном протяжении частей света», 5) «Замечание о географическом способе изображать пространственные отношения фигурами и числами», 6) «Об историческом элементе в науке землеведения», 7) «Теллурическая связь между природою и историею трех царств или о географическом естествоведении», 8) «О пространственных отношениях на поверхности земного шара и их влиянии на ход исторического развития человечества».

Кроме того, были переведены на русский язык и изданы следующие крупные для своего времени труды того же автора: 1) «Европа» (1864), 2) «Землеведение Азии»; география стран, находящихся в непосредственном сношении с Россиею... Перев. Семенова, 3 тома (1856 — 1861 гг., СПБ), 3) то же. т. 4-й; Кабулистан и Кафиростан; перев. В. Григорьева (СПБ, 1867), 4) «История землеведения и открытий по этому предмету»: перев. Бакста (СПБ, 1864), 5) «Общее землеведение», перев. Я. Вейнберга (М., 1864).

О К. Риттере см. Оберлендер, «Методика географии», перев. под ред. А. М. Воронецкого, 3-ье изд., СПБ, 1889, стр. 28 — 38; проф. Э. Ю. Петри, «Методы и принципы географии», СПБ, 1892, стр. 21 — 25; Н. Раевский, «География как наука и учебный предмет, изд. 3-ье, СПБ, 1895, стр. 15 — 24.

Рихтгофен Фердинанд (1833—1905 гг.) выдающийся немецкий геолог и географ; много путешествовал. Сначала в качестве геолога он работал в Австрийских Альпах (1856 г.), затем отправился в Ост-Индию (1860 г.), откуда Рихтгофен совершил ряд путешествий в Индокитай (который он проехал от Бангкока в Сиаме (Таиланд) до Мульмеина у Бенгальского залива), в Японию, на остров Яву. После этого он в течение нескольких лет производил геологические исследования в Кордильерах Сев. Америки (в Калифорнии и в горах Сьерра-Невада). В период же времени от 1866 г. до 1872 г. Рихтгофен исколесил почти весь Китай, где произвел массу ценных наблюдений и собрал большое количество интереснейших сведений. В конце 70-ых и в начале 80-ых годов он си-

---

стематизирует и разрабатывает свои материалы; результатом этой работы явился его выдающийся труд: «China, Ergebnisse eigener Reisen und daraufgegründeter Studien» (1877 — 1883 — 1912, BB. I — V). Этот труд по геологии и географии Китая до сих пор считается классическим. На основании обширных материалов, собранных Рихтгофеном во время путешествий по Азии, он впервые в науке дал известное деление азиатского материка на четыре пояса: 1) внутренний или центральный, 2) периферический или окраинный, 3) переходный между ними и 4) островной. Внутренний пояс является областью замкнутых бессточных водных бассейнов; все продукты механического и химического разрушения остаются внутри этого пояса, где главным геологическим агентом является ветер. Периферический же пояс прорезан реками, имеющими свободный сток в открытое море; эрозия является преобладающим процессом и продукты разрушения уносятся в море. По образному выражению Рихтгофена, во внутреннем поясе преобладает движение центростремительное, а в периферическом — центробежное. Центральная Азия, простирающаяся, по Рихтгофену, от Тибета на юге до Алтая — на севере, от Памира — на западе до гор Хингана и водораздела великих китайских рек — на востоке, окружена непрерывным поясом переходных областей, недавно бывших центральными и превратившихся, вследствие изменившихся климатических условий, в периферические; это область мощных отложений лесса: — Ордос, Кукунор, Цайдам, Каракорум, Памир, Фергана, Иссык-Куль, Кульджа и др. К этому же переходному поясу Рихтгофен относит и те области, которые недавно из периферических превратились в замкнутые без внешнего стока вод, какова, напр., Арало-Каспийская низменность. Рихтгофен первый обосновал и развил эоловую теорию образования лессовой почвы. Согласно этой теории, лесс (желтозем-хуанту) образовался в результате отложения на территории Китая мельчайших частиц минеральной пыли, сдуваемой в течение многих сотен лет зимними муссонами с горных возвышенностей; погребенные под отложениями растения, после своего высыхания, оставляют в почве вертикальные канальцы, чем объясняется ее пористость и способность легко раскалываться по вертикальной линии. Большинство геологов, геоморфологов и почвоведов присоединяется в общем к этой теории, расходясь с нею только в деталях. Некоторые ученые образование лесса приписывают действию дождя (делювиальная теория), смывающего продукты выветривания с гор и отлагающего их у подножья. Однако есть исследователи, которые предполагают, что лесс образовался в результате оседания отложений, приносившихся талыми водами ледников в ледниковый период.

Интересен также и теоретико-методологического характера труд Рихтгофена «Задачи и методы современной географии» («Aufgaben und Methoden der heutigen Geographie», 1883), а также его сочинение «Vorlesungen über Allgemeine Siedlungs und Verkehrsgeographie», обработанное и изданное Отто Шлютером в 1908 г. (Berlin, Dietrich Reimer—Ernst Vohsen).

В первом из указанных трудов Рихтгофен пишет: «в качестве первой задачи географической науки мы устанавливаем: исследование литосферы вместе с гидросферой и атмосферой по четырем принципам: по их форме, вещественному составу, постоянному преобразованию и происхождению с точки зрения взаимоотношения трех царств природы между собой и с земной поверхностью». Вторая задача состоит в исследовании растительного покрова и животного мира в их взаимоотношениях с земной поверхностью на основании тех же четырех принципов. Третья касается (географии) человека и отдельных моментов его материальной и духовной культуры с той же точки зрения и по тем же четырем принципам» (стр. 65). По взгляду Рихтгофена, если в некоторых случаях географическая среда (природа) и создает условия, благоприятствующие развитию духовной культуры, то гораздо чаще политические и исторические условия, не имеющие ничего общего со свойствами земной поверхности, действуют независимо от этой географической среды.

Роборовский Всеволод Иванович (1856 — 1910 гг.), энергичный русский путешественник и исследователь Центральной Азии; ученик и сотрудник Н. М. Пржевальского в двух экспедициях. В 1893 — 1895 гг. исследовал в системе Тянь-Шаня плато Большого Юлдуса, Турфанскую котловину (где в оазисах находятся города — Люкчун, Турфан и Токсун), пустыню Хами, хребет Нань-Шань, верховья Хуанхэ и хребет Амнэ-Мачин («Седой дед»). Роборовский первым из европейцев увидел большое озеро Хара-Нур.

Во время своих путешествий Роборовский собрал очень ценные коллекции зоологические (орнитологические, энтомологические), ботанические, геологические и минералогические; кроме того, ему удалось привезти рукописи на уйгурском языке (народ тюркского племени, основавший свое государство в Центральной Азии в VIII — IX вв. н. э.), монеты, рисунки и др. В. И. Роборовский за свою экспедиционную и научную деятельность был награжден Русским географическим обществом золотой Константиновской медалью и серебряной медалью имени Н. М. Пржевальского.

Государственное издательство географической литературы выпустило в свет новое сокращенное издание соч. В. И. Роборовского «Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. Труды экспедиции Русского географич. общества по Центральной Азии в 1893 — 1895 гг.» (М., 1949), под ред., со вступительной статьей и комментариями Б. В. Юсова. В своей вступительной статье Б. В. Юсов знакомит читателя с личностью и исследовательской деятельностью Роборовского. Предварительно же, чтобы читателю были ясны роль и значение русских в исследовании Центральной Азии и, следовательно, в расширении географических знаний и развитии естественных наук вообще, автор делает попытку «коротко рассказать об основных моментах из истории ее изучения, включая эпоху выдающихся по своему значению экспедиций Н. М. Пржевальского» (Б. В. Юсов).

Росс Джемс Кларк (1800—1862 гг.), английский полярный исследователь, племянник исследователя Арктики Джона Росса. В 1829 — 1835 гг. принимал участие в полярной экспедиции своего дяди. В 1839 — 1843 гг. на судах «Эребус» и «Террор» отправился во главе экспедиции в Антарктиду; 5-го января 1841 г. Джемс Росс на 174 градусе в. д. проник в пак, а спустя четыре дня вышел на чистую воду моря, впоследствии в его честь названного морем Росса. В Антарктиде он открыл Землю Виктории и действующий вулкан Эребус; здесь Джемс Росс достиг 78°4' ю. ш. Дальнейшее продвижение было преграждено огромным ледяным барьером, тянувшимся с запада на восток на расстояние 600 км и отвесно поднимавшимся над водой до 46 метров; этот барьер получил название «барьера Росса». Росс предполагал сущест-

вование южнополярного материка. О Дж. Россе см. Н. К. Лебедев. «Завоевание земли», т. III; 1925 г., 341 — 344.

Росс Джон (1777 — 1856 гг.), английский мореплаватель и исследователь Арктики. Во второе свое путешествие (1829 — 1833 гг.), предпринятое для открытия северо-западного прохода, открыл северный магнитный полюс, который, по уточненным данным Амундсена, находится под 70°30' с. ш. и 95°30' з. д.

Рубруквис (Рубрук) **Вильгельм** (Гильом) (1215 — 1270 гг.), известный путешественник XIII столетия. Рубруквис отправился в свое далекое путешествие (1252 — 1253 гг.) зимою; выехал он сначала в Константинополь, где прожил довольно долгое время, а затем направился в Крым, откуда в мае 1253 г. начал свое путешествие в страну монголо-татар. Путь его лежал через Перекоп к низовьям Волги, где он в гор. Сарае посетил хана Бату (Батыя); в конце 1253 г. Рубруквис был уже в столице тогдашней Монголии — Каракоруме. В дороге любознательный монах-путешественник собрал от бывалых людей, главным образом — от купцов, разные сведения; так, напр., на основании этих сведений, он дал интересное и для своего времени очень ценное описание Черного моря. Понт, «как я узнал от купцов», пишет Рубруквис,... «имеет в длину 1400 миль и разделяется как бы на две части. Именно около его середины находятся два выступа земли: один на севере, а другой на юге. Тот, который находится на юге, именуется Синополь, и это крепость и гавань султана Турции; тот, который находится на севере, занят некоей областью, именуемый ныне латинами Газария; греками же, живущими в ней по берегу моря, она именуется Кассария, т. е. Цезария. И (там) есть некие мысы, выдающиеся в море, именно с юга в направлении к Синополю; между Синополем и Кассарией триста миль, так что от этих выступов считается в направлении к Константинополю семьсот миль в длину и ширину и семьсот в направлении к востоку, то есть к Иверии, которая есть область Георгии» (т. е. Грузии — Г. Г.).

На пути к Волге Рубруквис познакомился со степными кочевниками и дал описание их быта и нравов. Затем он рассказывает о Каспийском море и о странах, лежащих на его берегах. Рубруквисом вновь был установлен географический факт, известный уже Геродоту и потом вновь установленный Птолемеем, но в первую половину средних веков забытый, что Каспийское море не соединяется с океаном.

От хана Бату Рубруквис отправился через Киргизскую степь и через шесть недель попал на берега Аральского моря, а затем к берегам Ала-Куль, а отсюда в Джунгарию — в Каракорум, в резиденцию великого хана Мангу (Мункэ). За время пребывания в Каракоруме Рубруквис собрал очень интересные для своего времени сведения о местожительстве уйгуров (вигуров, югуров), тангутов, тибетцев, китайцев, об их наружности, об их быте и обычаях. Описывая быт татар и монголов, Рубруквис о занятиях и об образе их жизни сообщает след: «Они (татары) делают.... войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, т. е. кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их. Овец и коз они караулят сообща, и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи приготовляют они при помощи «кислого молока» (Плано

Карпини, «История монголов»; Вильгельм Рубрук, «Путешествие в Восточные страны», перев. А. И. Малеина, СПБ, 1911, стр. 23).

Он же первый из европейских путешественников дает сведения о корейцах и манджурах. Рубрук достаточно подробно рассказывает также о монголах, живших к югу и юго-востоку от Байкала. «От того места, пишет он, где я нашел Мангу-хана, до Катайи было двадцать дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онан-Керуле (Onan—Kerule)[1] настоящей земли Моалов (так называет Рубруквис монголов), где находится двор Хингиса, было десять дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы, по имени Су-Моал, т. е. Моалы вод, ибо су значит вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких. К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы (Kerkis-киргизы). Живут там также Оренган (Orengai урьян-хайцы или тувинцы), которые подвязывают себе под ноги отполированные кости (лыжи) и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильною быстротою, что ловят птиц и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им это позволяет холод...» (из рус. перевода сочинения Рубруквиса, сделанного А. И. Малениным и напечатанного вместе с переводом труда Плано-Карпини, СПБ, 1911, глава XXXIX, стр. 133—134).

На возвратном пути Рубруквис проехал через Кавказ и Армению (Киликию) на берега Средиземного моря; отсюда он прибыл в 1255 г. в Сирийский город Антиохию для доклада французскому королю Людовику IX, по распоряжению которого и был послан он на дальный Восток. Людовика Рубруквис здесь не застал; он, оказалось, уехал во Францию. Рубруквис поселился в монастыре в Акке и, написав книгу о своем путешествии, послал ее королю (М. П. Алексеев, «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», Иркутск, Крангиз, 1932, стр. 15 — 20).

Русанов Владимир Александрович (1875 — 1913 гг.), известный исследователь Арктики; ему принадлежат следующие интересные работы: 1) «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан» (см. «Материалы по исследованию Новой Земли» вып. I, СПБ, 1910), 2) «К вопросу о Северном морском пути в Сибирь» («Материалы по исследованию Новой Земли» вып. II, СПБ, 1911), 3) «Экономическое значение Северо-Морского пути в Сибирь» (см. «Известия Архангельского общества изучения русского Севера», № 15 — 16). Русанов совершил три экспедиции (в 1909 г., 1910 г., 1912 г.) на Новую Землю и на Шпицберген. В 1912 г. он на судне «Геркулес» отправился в Баренцово море с целью пройти к северу от Новой Земли к Новосибирским островам и затем дальше до Берингова пролива. Сначала он посетил Шпицберген, где во многих местах нашел залежи каменного угля и поставил свыше 28 заявочных столбов. От Шпицбергена Русанов взял курс к северной окончености Новой Земли, но поднявшийся шторм отнес судно к югу от пролива Маточкин Шар. Отсюда он через встретившихся ненцев запиской со-

[1] Страна монголов на юг и юго-восток от Байкала названа «Онон-Керулэн» по названию двух рек — Онона и Керкулэна.

общил властям следующее: «Юг Шпицбергена остров Надежды окружен льдами. Занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам Уединения, Новосибирским и Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов». Эта была последняя весть. С тех пор в течение 22 лет о Русанове и его спутниках не было никаких известий. «Лишь спустя два с лишним десятилетия удалось совершенно неожиданно обнаружить следы русановской экспедиции. В 1934 г. вблизи берега Харитона Лаптева, восточнее устья Енисея, работала гидрографическая экспедиция на парусно-моторной шхуне. Экспедиция, описывая побережье, высаживалась на мысы и острова. Внимание гидрографов привлек безымянный островок, входящий в группу островов Мона. Топограф Гусев, высадившийся на берег, чтобы обследовать и засиять этот островок, недалеко от берега обнаружил столб, уже сильно тронутый временем, на котором была вырублена надпись «Геркулес», 1913 г. Нетрудно было догадаться, что этот столб был сделан руками участников экспедиции Русанова на «Геркулесе». В том же году другая гидрографическая партия работала в шхерах Минина. Топограф М. И. Цыганюк, пройдя несколько десятков метров в глубь одного из островов, наткнулся на остатки человеческой одежды и другие предметы, разбросанные среди плавника — фотоаппарат, патроны, горная буссоль, компас, кружка, ложки, металлическая оправа от портсигара, охотничий нож и др. Сначала не могли определить кому принадлежат эти вещи. Цыганюк решил продолжать поиски. Неподалеку из-под плавника была извлечена мореходная книжка матроса судна «Геркулес» А. С. Кучина. В книжке лежали открытки на имя этого матроса со штампами 1908 и 1910 годов Соломбальского почтового отделения Архангельска. Тут же были найдены две визитные карточки З. Ф. Сватош. Были найдены также серебряные часы, на крышке которых имелись инициалы В. Г. Попова, тоже члена экипажа «Геркулес»; справка, выданная Д. И. Масленниковым на имя того же Попова, удостоверяющая, что он плавал на пароходе «Николай» в 1911 году с 7 апреля по 20 декабря... В 1936 г. к этому острову подошло гидрографическое судно «Торос». Экипаж судна еще раз обследовал остров, пытаясь найти дополнительные следы экспедиции Русанова. Гидролог П. П. Рахманов обнаружил блокнот с несколькими сохранившимися листками и надписью: «В. А. Русанов. К вопросу о Северном пути через Сибирское море...» («Владимир Александрович Русанов». Статьи, лекции, письма; изд. «Главсевморпути». М.-Л., 1945; с биографич. очерком, написанным С. П. Петросовым (гл. I — VI) и М. С. Державиным (гл. VI — XII, стр. 56 — 57). Вот все, что пока известно о судьбе экспедиции Русанова и его спутников. Как видно, судно и весь экипаж вместе с Русановым погибли во льдах Арктики».

В своих работах Русанов высказал целый ряд интересных мыслей о возможности организации срочного торгового судоходства в Северном Ледовитом океане. «Прочно связать наши северо-европейские воды с Сибирскими водами, пишет Русанов, — это значит выковать первое звено той великой северной цепи, один конец которой должен быть прочно забит в гранитных берегах Мурмана, а другой — в берегах Тихого океана». Он доказывал, на основании трехлетних

(1907 — 1909 гг.) непосредственных наблюдений над режимом полярных вод в летнюю и осеннюю пору, «на основании критического изучения литературы о морском торговом пути в Сибирь», возможность и необходимость установления правильного и лишенного риска срочного торгового судоходства. В. А. Русанов считал необходимым постройку особой конструкции судов ледокольного типа. «Из условий полярного плавания вытекает, пишет он, что большие грузовые суда, специального ледокольного типа, обязательно снабженные радиотелеграфом, одни только смогут поддерживать из года в год в продолжение 3—4 месяцев правильные и непрерывные сношения с Сибирью, несмотря ни на какое состояние льдов» — Проф. Р. Л. Самойлович, друг Русанова, характеризует последнего следующими словами: «...В. А. Русанов, бывший ссыльный, получивший особую премию Парижской Академии наук за свои работы на Севере. Человек поразительной выносливости, без всяких претензий; он с необычайной энергией начал свою работу на Севере. Особенно велики его заслуги по исследованию Новой Земли и Шпицбергена..» (цитиров. в соч. Б. Островского «Безвременно ушедшие», Л., 1934, изд. Всесоюзного арктического института, стр. 150).

Литературное наследство В. А. Русанова с его биографией, составленной С. П. Петросовым и М. С. Державиным, издано «Главсевморпути», М.-Л., 1945. См. также И. Л. Перваков, Владимир Александрович Русанов, ст. в сборн. «Русские мореплаватели», военное изд. Минист. Обороны СССР, М., 1953, стр. 327 — 334, и В. М. Пасецкий, Владимир Русанов, изд. «Морской транспорт», М., 1955.

Рычков Петр Иванович (1712 — 1777 гг.), виднейший русский географ, этнограф и историк XVIII ст., сотрудник Петра I, ученик И. К. Кирилова (см.) и В. Н. Татищева (см.), первый член-корреспондент Русской Академии наук (с 1759 г.), по предложению и рекомендации великого М. В. Ломоносова. В 1734 г. он начал работать в Оренбургской экспедиции сначала под руководством Кирилова, а затем под руководством В. Н. Татищева. Академический географический Атлас 1745[1] г., по замечанию проф. Ф. Н. Милькова, «оказал большое влияние на направление научных занятий П. И. Рычкова. Ознакомившись с предисловием к атласу, в котором любители географии приглашались к исправлению напечатанных карт, П. И. Рычков начал работу по составлению новых карт Оренбургского края. Такие карты, общим количеством 12, были составлены геодезистом Красильниковым. В качестве пояснения объяснительного текста к картам П. И. Рычков написал «Топографию Оренбургской губернии» — замечательное по оригинальности и свежести материала сочинение, не потерявшее научного интереса и в наши дни» (Ф. Н. Мильков, «Оренбургские степи в трудах П. Н. Рычкова, Э. А. Эверсмана и С. С. Неуструева», вступит. статья к книге: «Оренбургские степи...», Географгиз, 1949, стр. 9), С большим интересом читается и сейчас глава IV первой части этого труда, озаглавленная «Сокращенное описание местоположения всей Оренбургской губернии, о поверхностях и внутренних земли».

[1] «Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю, с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложенною притом генеральною картою великия сия империя, старанием и трудами императорской Академии Наук».

О П. И. Рычкове см. ст. проф. Ф. Н. Милькова «К 175 летию со дня смерти П. И. Рычкова» в «Известиях АН СССР», серия географическая, 5, 1952, стр. 34 — 39; с ценной библиографией, а также новый труд того-же автора «П. И. Рычков, жизнь и географические труды», Географгиз, М., 1953; И. С. Бака, «Экономич. воззрения П. И. Рычкова», «Историч. записки», 16, АН СССР, 1945; Н. К. Каратаева, «П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в.», «Вестник АН СССР», 1950, № 3; П. П. Пекарского «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», СПБ, 1867; П. А. Лярский, «П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII века», ст. в «Географическом сборнике», № III, изд. АН СССР, М.-Л., 1954, стр. 45 — 78; История рус. эконом. мысли, т. 1, ГИЗ, М., 1955; ст. И. С. Бака «Исследователь хозяйства России П. И. Рычков; его экономико-географические труды», стр. 481 — 489.

С

Санников Яков, который в 1805 г. открыл Фаддеевский остров, а несколько ранее остров Столбовой. В 1808 — 1811 гг. он принимал участие в обследовании Новосибирских островов. Во время этой экспедиции Санников с северного берега острова Котельного увидал на севере еще один остров, но добраться до него не смог; этого острова, названного в свое время Землей Санникова, в указанном месте до сих пор не обнаружено. Именем Санникова назван пролив отделяющий остров Малый Ляховский от острова Котельного Новосибирского архипелага в Северном Ледовитом океане; этот пролив соединяет море Лаптевых с Восточно-Сибирским морем.

Сапожников Василий Васильевич (1861 — 1924 гг.), ботаник и фитогеограф, много энергии и труда положил на исследование Русского и Монгольского Алтая, Семиречья, Центрального Тянь-Шаня, Джунгарского и Заилийского Алатау и Саян. Его перу принадлежат свыше 40 печатных работ, из которых наиболее важными являются: 1) «По Алтаю» (1897, ст. в «Известиях Томского университета», кн. II, стр. I—127), 2) «Катунь и ее историки» (1901, в том же журнале, кн. 18, стр. 1—272), 3) «Очерки Семиречья» (ч. I, Томск, 1904; ч. II, 1906); 4) «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо» (Томск, 1911). В. В. Сапожников начал исследования Русского Алтая в 1895 г. и продолжал их в период времени 1897 — 1899 гг., исследования же Монгольского Алтая были проведены им в 1905 — 1909 гг. В Русском горном Алтае Сапожников открыл три ледниковых центра с рядом крупных ледников и первый определил высоту Белухи и других вершин Катунских и Чуйских Альп. В Монгольском Алтае он также открыл и исследовал крупнейший центр оледенения Табын-Богдо-Ола (Пять священных вершин). «Работы Сапожникова, говорит Э. М. Мурзаев, были весьма плодотворны и богаты научными наблюдениями и обобщениями. Помимо сборов и описания растительности этот ученый впервые собрал большой материал о современном и древнем оледенении Монгольского Алтая, привел описания гидрографической сети его и орографического строения. Сапожников обнаружил и назвал именем Потанина самый большой ледник МНР — длиною в 20 км и высотою 2750 м. н. у. м. у окончания... этот исследователь составил также первое систематическое описание Монгольского Алтая, куда вошли разделы, посвященные орографии, ледникам, рекам, растительности, фауне и населению» (Э. М. Мурзаев, «Географические исследования Монгольской Народной Республики», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1948 г., стр. 99 — 100).

Сокращенное издание трудов В. В. Сапожникова выпущено в свет в 1949 г. Географгизом под заглавием «По Русскому и Монгольскому Алтаю»; редакция и комментарии В. В. Обручева; вступительная статья биографического характера Н. В. Сапожниковой.

Северцов Николай Алексеевич (1827 — 1885 гг.), талантливый русский зоолог и зоогеограф; академик, путешественник; один из пионеров изучения гор бывшего Туркестанского края. По словам Н. А. Северцова, он еще в юные годы увлекался чтением сочинений выдающихся путешественников и географов. Особенное же влияние оказал на него исследователь Средней Азии, Г. С. Карелин. Вот как об этом рассказывает сам Северцов: «В 1845 г., еще почти мальчиком, я познакомился с известным и неутомимым исследователем Средней Азии Г. С. Карелиным, только что вернувшимся из Семиречья, и был увлечен его рассказами о тамошней богатой, оригинальной природе, с резкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойных низин и снеговых хребтов, летнего жара и зимнего мороза. С тех пор Средняя Азия сделалась научной целью моей жизни, а по известной книге Гумбольдта я и в Средней Азии нашел заветную часть: Таинственный Тянь-Шань китайцев, что значит небесный хребет, которого западная половина теперь входит в состав Туркестанского края» (Н. А. Северцов, Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных, «Известия Московского Общества любит. естеств., антр. и этнографии», М., т. VIII, в. III, 1873).

В 1857 — 1858 гг. Н. А. Северцов обследовал северо-западную часть Туркестана, в 1864 — 1866 гг. Н. А. Северцов исследовал Александровский хребет, хребет Каратау и Центральный Тянь-Шань; в 1877 — 1878 гг. он посетил Фергану, Памир и Алай. Кроме того, он исследовал Семиречье и районы Зап. Сибири (в 1879 г.). Главные труды Северцова: 1) «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня (СПБ, 1873, 2-ое издание этого труда под редакцией и вступительной статьей Р. Л. Золотницкой вышло в 1947 г.), 2) «Орографический очерк Памирской горной системы» (СПБ, 1886), 3) «О перелетных путях через Туркестан» и др. В 1875 г. Северцов посетил Западную Европу, где познакомился с великим английским ученым Чарлзом Дарвиным. Последний очень лестно отзывался о зоогеографических трудах Северцова и ставил их высоко.

Не менее лестный отзыв о Северцове дает и известный русский географ — Кропоткин. — «Он (Северцов) был выдающийся зоолог, талантливый географ и один из самых умных людей, которых я когда-либо встречал... Те замечания, которые при мне делал Северцов об орографии Туркестана, географическом распределении растений и животных, о роли ублюдков (гибридов) в зарождении новых видов птиц... все свидетельствует о недюжинном таланте и об оригинальности...» (П. А. Кропоткин, «Записки революционера», 6-ое изд. (первое посмертное) дополненное; под ред. и с примеч. Н. К. Лебедева, изд. Мосполиграф, 1924, стр. 173).

В 1877 — 1878 гг., как было указано выше, Н. А. Северцов принял участие в Ферганo-Памирской экспедиции. По его наблюдениям, Северный Памир продолжает испытывать поднятие и восточная окраина того же Памира является не хребтом и не краем плоскогорья, как думали это раньше, но обширной горной страной со многими хребтами. «В результате этой экспедиции было произведено первое полное и всесто-

О П. И. Рычкове см. ст. проф. Ф. Н. Милькова «К 175 летию со дня смерти П. И. Рычкова» в «Известиях АН СССР», серия географическая, 5, 1952, стр. 34 — 39; с ценной библиографией, а также новый труд того-же автора «П. И. Рычков, жизнь и географические труды», Географгиз, М., 1953; И. С. Бака, «Экономич. воззрения П. И. Рычкова», «Историч. записки», 16, АН СССР, 1945; Н. К. Каратаева, «П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в.», «Вестник АН СССР», 1950, № 3; П. П. Пекарского «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», СПБ, 1867; П. А. Лярский, «П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII века», ст. в «Географическом сборнике», № III, изд. АН СССР, М.-Л., 1954, стр. 45 — 78; История рус. эконом. мысли, т. 1, ГИЗ, М., 1955; ст. И. С. Бака «Исследователь хозяйства России П. И. Рычков; его экономико-географические труды», стр. 481 — 489.

С

Санников Яков, который в 1805 г. открыл Фаддеевский остров, а несколько ранее остров Столбовой. В 1808 — 1811 гг. он принимал участие в обследовании Новосибирских островов. Во время этой экспедиции Санников с северного берега острова Котельного увидал на севере еще один остров, но добраться до него не смог; этого острова, названного в свое время Землей Санникова, в указанном месте до сих пор не обнаружено. Именем Санникова назван пролив отделяющий остров Малый Ляховский от острова Котельного Новосибирского архипелага в Северном Ледовитом океане; этот пролив соединяет море Лаптевых с Восточно-Сибирским морем.

Сапожников Василий Васильевич (1861 — 1924 гг.), ботаник и фитогеограф, много энергии и труда положил на исследование Русского и Монгольского Алтая, Семиречья, Центрального Тянь-Шаня, Джунгарского и Заилийского Алатау и Саян. Его перу принадлежат свыше 40 печатных работ, из которых наиболее важными являются: 1) «По Алтаю» (1897, ст. в «Известиях Томского университета», кн. II, стр. 1—127), 2) «Катунь и ее историки» (1901, в том же журнале, кн. 18, стр. 1—272), 3) «Очерки Семиречья» (ч. I, Томск, 1904; ч. II, 1906); 4) «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо» (Томск, 1911). В. В. Сапожников начал исследования Русского Алтая в 1895 г. и продолжал их в период времени 1897 — 1899 гг., исследования же Монгольского Алтая были проведены им в 1905 — 1909 гг. В Русском горном Алтае Сапожников открыл три ледниковых центра с рядом крупных ледников и первый определил высоту Белухи и других вершин Катунских и Чуйских Альп. В Монгольском Алтае он также открыл и исследовал крупнейший центр оледенения Табын-Богдо-Ола (Пять священных вершин). «Работы Сапожникова, говорит Э. М. Мурзаев, были весьма плодотворны и богаты научными наблюдениями и обобщениями. Помимо сборов и описания растительности этот ученый впервые собрал большой материал о современном и древнем оледенении Монгольского Алтая, привел описания гидрографической сети его и орографического строения. Сапожников обнаружил и назвал именем Потанина самый большой ледник МНР — длиною в 20 км и высотою 2750 м. н. у. м. у окончания... этот исследователь составил также первое систематическое описание Монгольского Алтая, куда вошли разделы, посвященные орографии, ледникам, рекам, растительности, фауне и населению» (Э. М. Мурзаев, «Географические исследования Монгольской Народной Республики», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1948 г., стр. 99 — 100).

Сокращенное издание трудов В. В. Сапожникова выпущено в свет в 1949 г. Географгизом под заглавием «По Русскому и Монгольскому Алтаю»; редакция и комментарии В. В. Обручева; вступительная статья биографического характера Н. В. Сапожниковой.

Северцов Николай Алексеевич (1827 — 1885 гг.), талантливый русский зоолог и зоогеограф; академик, путешественник; один из пионеров изучения гор бывшего Туркестанского края. По словам Н. А. Северцова, он еще в юные годы увлекался чтением сочинений выдающихся путешественников и географов. Особенное же влияние оказал на него исследователь Средней Азии, Г. С. Карелин. Вот как об этом рассказывает сам Северцов: «В 1845 г., еще почти мальчиком, я познакомился с известным и неутомимым исследователем Средней Азии Г. С. Карелиным, только что вернувшимся из Семиречья, и был увлечен его рассказами о тамошней богатой, оригинальной природе, с резкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойных низин и снеговых хребтов, летнего жара и зимнего мороза. С тех пор Средняя Азия сделалась научной целью моей жизни, а по известной книге Гумбольдта я и в Средней Азии нашел заветную часть: Таинственный Тянь-Шань китайцев, что значит небесный хребет, которого западная половина теперь входит в состав Туркестанского края» (Н. А. Северцов, Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных, «Известия Московского Общества любит. естеств., антр. и этнографии», М., т. VIII, в. III, 1873).

В 1857 — 1858 гг. Н. А. Северцов обследовал северо-западную часть Туркестана, в 1864 — 1866 гг. Н. А. Северцов исследовал Александровский хребет, хребет Каратау и Центральный Тянь-Шань; в 1877 — 1878 гг. он посетил Ферганy, Памир и Алай. Кроме того, он исследовал Семиречье и районы Зап. Сибири (в 1879 г.). Главные труды Северцова: 1) «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня (СПБ, 1873, 2-ое издание этого труда под редакцией и вступительной статьей Р. Л. Золотницкой вышло в 1947 г.), 2) «Орографический очерк Памирской горной системы» (СПБ, 1886), 3) «О перелетных путях через Туркестан» и др. В 1875 г. Северцов посетил Западную Европу, где познакомился с великим английским ученым Чарлзом Дарвином. Последний очень лестно отзывался о зоогеографических трудах Северцова и ставил их высоко.

Не менее лестный отзыв о Северцове дает и известный русский географ — Кропоткин. — «Он (Северцов) был выдающийся зоолог, талантливый географ и один из самых умных людей, которых я когда-либо встречал... Те замечания, которые при мне делал Северцов об орографии Туркестана, географическом распределении растений и животных, о роли ублюдков (гибридов) в зарождении новых видов птиц... все свидетельствует о недюжинном таланте и об оригинальности...» (П. А. Кропоткин, «Записки революционера», 6-ое изд. (первое посмертное) дополненное; под ред. и с примеч. Н. К. Лебедева, изд. Мосполиграф, 1924, стр. 173).

В 1877 — 1878 гг., как было указано выше, Н. А. Северцов принял участие в Ферганo-Памирской экспедиции. По его наблюдениям, Северный Памир продолжает испытывать поднятие и восточная окраина того же Памира является не хребтом и не краем плоскогорья, как думали это раньше, но обширной горной страной со многими хребтами. «В результате этой экспедиции было произведено первое полное и всесто-

роннее исследование Памира (а не только окраина его, как это имело место в прежних русских, английских и французских экспедициях), вследствие чего число неисследованных мест на Памире сократилось на половину» (см Л. Б. Северцова, «Николай Алексеевич Северцов», биографический очерк, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1946, стр. 66).

Н. А. Северцов, пишет Р. Л. Золотницкая, «первый из европейцев после Марко Поло (XIII в.) перевалил снежные хребты Памира и исследовал высокогорные озера — Кара-куль и Яшиль-куль. Он дал первые сведения об орографии Памира и первый подробно ознакомил ученых с его животным миром и растительностью. Ему принадлежит заслуга геологическосо, зоологического и общегеографического описания Тян-Шаня. Одним из первых ученых прошел Северцов Голодную степь и «непроходимые» пески приаральских Кизыл-кумов. Он всесторонне изучил низовья крупнейших среднеазиатских рек — Аму-дарьи и Сыр-дарьи и обосновал перспективы их народнохозяйственного использования. Он дал первые научные сведения о выходах приэмбенской нефти, о географии и геологии Арало-Каспийских степей Мугоджар и северного Устюрта. Изучая горы и пустыни Средней Азии, он всегда интересовался возможностями и путями их хозяйственного освоения. Сталкиваясь с вопросами развития производительных сил края, Северцов, исходя из особенностей быта населения и природных условий данной местности, предлагал широкие, но вполне реальные планы развития благосостояния того или иного района» (Р. Л. Золотницкая, Н. А., Северцов — географ и путешественник. Ответственный редактор А. Н. Формозов, Географгиз, М., 1953, стр. 179).

О Н. А. Северцове см. у П. П. Семенова, История полувековой деятельности Русского Географического общества, 1845 — 1895, СПЬ, 1896, стр. 286 — 290, а также Г. П. Дементьев, Н. А. Северцов, зоолог и путешественник (1827 — 1885), изд. 2-ое, дополн. Моск. общ. испытателей природы, М., 1948; Р. Л. Золотницкая, Н. А. Северцов, обширная биография в новом изд. соч. Северцова «Путешествие по Туркестанскому краю», ОГИЗ, М., 1947, стр. 8—64; Его же Н. А. Северцов — географ и путешественник, Географгиз, М., 1953.

Седов Георгий Яковлевич (1877 — 1914 гг.), выдающийся русский мореплаватель и путешественник; принимал участие в исследованиях северных берегов Сибири, устья реки Колыми, берегов Новой Земли. В 1912 г. на с трудом собранные деньги он организовал экспедицию к Северному полюсу, для чего купил старое китобойное судно «Фок» («Морж»), переименованное в «св. Фоку». С самого начала плавания экспедиция встретилась с большими затруднениями; продуктов было мало, некоторые участники экспедиции оказались людьми малодушными, не разделявшими энтузиазма своего командира — Седова; в качестве врача был ветеринар Кушаков, впоследствии оказавшийся недобросовестным человеком, стремившимся в личных интересах дискредитировать Седова. Несмотря на все это, Седов героически переносил неприятности и подвигался дальше. Весной 1914 г. он, совершенно больной, взяв с собой двух матросов Линника и Пустошного, на трех нартах отправился с Земли Франца-Иосифа к Северному полюсу. Седов и его спутники достигли до 81°40 с. ш. Здоровье капитана ухудшалось с каждым днем; никакие уговоры товарищей матросов прекратить путешествие не действовали на Седова. Да и мог ли он повернуть обратно... Нет, не мог; так как на родине его ждали бы насмешки и презрение; его идея была бы осмеяна, посрамлена. Поэтому Седов шел все вперед. В конце февраля 1914 г. наступила развязка... Г. Я. Седов скончался. Пустошный и Линник похоронили тело своего начальника на острове Рудольфа и повернули на юг. С большим трудом они достигли бухты Тихой, где стоял «св. Фок», и вернулись на родину. Неудача экспедиции Седова зависела не столько от неуменья и неопытности большинства ее участников, сколько от того, что у Седова не было достаточного количества денег для лучшей организации экспедиции. Царское правительство, несмотря на неоднократные просьбы Г. Я. Седова, не оказало ему никакой помощи. Седов, человек необычайной энергии, погиб смертью храброго, несокрушимого, мужественного исследователя см. 1) С. Нагорный, «Седов», «Жизнь замечательных людей», изд. «Молодая Гвардия», 1939, в конце труда библиография; 2) Его-же, «Георгий Яковлевич Седов», то же изд. 1944; 3) Н. Пинегин, «Георгий Седов», изд. Главсевморпути, М.-Л., 1948; 4) С. Г. Нагорный, «Георгий Седов», Государств. изд. географич. литературы, М., 1950 (с очень интересными примечаниями, стр. 171 — 206); «Люди русской науки», т. 1, ст. проф. М. Г. Кадека, стр. 632 — 644; В. Ю. Визе, Георгий Яковлевич Седов, статья в сборнике Русские мореплаватели, М., 1953, стр. 317 — 326; Н. Н. Зубов, «Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов», отв. ред. И. П. Магидович, Географгиз, М., 1954, стр. 339 — 343; БСЭ, т. 38, стр. 272.

Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827 — 1914 гг.), выдающийся русский географ и путешественник; человек широко образованный страстно любивший не только науку, но и искусство: живопись[1]; скончил школу гвардейских подпрапорщиков (быв. Николаевское кавалерийское училище), а затем слушал лекции в Петербургском (Ленинградском) и Берлинском университетах, где специализировался по ботанике; защитив диссертацию на тему «Придонская флора, в ее отношениях с географическим распределением растений по поверхности Европейской России»[1] (СПБ, 1850), он получил ученую степень магистра ботаники. С первых же дней основания Русского Географического общества он начал принимать живое участие в его работах. В 1851 г. на Семенова-Тян-Шанского возложена была редакция перевода тех частей известного труда К. Риттера «Землеведение Азии», которые касались Южной Сибири и Китая. Эта работа побудила его предпринять путешествие в Среднюю Азию, а для этого он предварительно обратился к серьезному изучению физической географии и геологии. В 1853 г. Семенов-Тян-Шанский уехал в Берлин, где познакомился с К. Риттером и слушал его лекции; кроме того он работал у Дове, Г. Розе и у др. профессоров. За время пребывания заграницей он изучал страны Европы. В 1854 году П. П. Семенов-Тян-Шанский посетил Южную Италию, где занялся изучением вулканических явлений и вулканических пород в окрестностях Неаполя. Осенью 1855 г. Семенов-Тян-Шанский вернулся в Петербург и принялся за издание первого тома К. Риттера «Землеведение Азии», который был выпущен в свет в 1856 г. Вскоре Русское Географическое общество командировало его

[1] См. П. П. Семенов Тян-Шанский, Этюды по истории нидерландской живописи на основании ее образцов, находящихся в публичных и частных собраниях Петербурга, чч. 1—2, СПБ, 1885 — 1890.

в Алтай и Тянь-Шань. Из Барнаула Семенов-Тян-Шанский объехал весь западный склон Алтая, затем побывал в Копале, исследовал Семиреченский Алатау и через проходы в Заилийском Алатау достиг озера Иссык-Куля. Это свое путешествие Семенов-Тян-Шанский описал в сочинении: «Поездка из укрепления Верного... к озеру Иссык-Куль в 1856 г.» («Записки Рус. Географ. общества», по общей географии, 1, 1867).

Семенов-Тян-Шанский установил, что Иссык-Куль бесточное озеро и что р. Чу в это озеро не впадает, а уходит в Бомское ущелье. В 1857 г. он достиг истоков рек Нарына и Сарыджаза (притока Тарима); у истоков последней Семенов-Тян-Шанский открыл большую ледниковую область. Он же впервые обнаружил горную группу Хан-Тенгри и доказал, что хребет Тянь-Шаня не вулканического происхождения, как это думал известный немецкий географ Александр Гумбольдт.

После этого путешествия он стал хлопотать об организации новой экспедиции в Тянь-Шань, но это не удалось, вследствие отсутствия у Географ. общества достаточных средств (Сведения о переводе и издании на русском языке труда К. Риттера «Азия» с дополнениями, о подготовке к путешествию в Центральную Азию, об изучении географических наук в Берлинском университете у К. Риттера, Бейриха, Густава Розе и Дове, а также о самом путешествии П. П. Семенова-Тян-Шанского на Тянь-Шань см. «Историю полувековой деятельности Русского Географического общества (1845 — 1895)». Составил вице-председатель общества П. П. Семенов при содействии действительного члена А. А. Достоевского, ч. 1-ая, отделы I, II и III, СПБ, 1896, стр. 29, 91 — 95; 264 — 291). В 1859 г. Семенов-Тян-Шанский получил предложение от Я. И. Ростовцева быть заведующим делами и членом Редакционной Комиссии по делу освобождения от крепостной зависимости. Несмотря на свою перегруженность работой, он продолжал принимать живое участие в трудах Географ. общества и издал в 1859 же году второй том «Азии» К. Риттера, а в 1860 г. и третий. Спустя некоторое время Семенов-Тян-Шанский принял работу по составлению и изданию монументального труда «Географическо-статистического словаря Российской империи» (в 5-ти томах). Тогда же он очень много работал и по вопросам статистики. В 1877 г., вместе с Г. Н. Потаниным, он издал дополнение к «Азии» Риттера под заглавием: «Алтайско-Саянская горная система»; в 1879 г. им был издан перевод того тома Риттеровской Азии, где дается описание Байкала, Прибайкальских районов и пустыни Гоби. В 1888 г. Семенов-Тян-Шанский путешествовал по Закаспийской области, посетил Самарканд, Ташкент и верхнюю долину Зеравшана. В 1894 — 1895 гг. вышли две части новых дополнений к «Землеведению Азии» Риттера, посвященные Саянскому нагорью и общему обозрению озера Байкал. Затем, ко времени полувекового юбилея Русского Географ. общества Семенов-Тян-Шанский составил огромный труд: «История полувековой деятельности Русск. Географ. общества» в 3 томах (1377 страниц). Для издания «Живописная Россия» П. П. Семенов написал следующие очерки: «Область Крайнего Севера Европейской России в его современном экономическом состоянии», «Озерная область в ее современном экономическом состоянии», «Общий обзор экономического состояния Финляндии», «Литовская область в ее современном экономическом состоянии», «Белорусская область в ее современном экономическом состоянии», «Западная Сибирь в ее современном экономическом состоянии».

В 1895 г. состоявший под его председательством Статистический Комитет выработал проект первой в России всеобщей переписи населения. Эта перепись прошла в 1897 г. под ближайшим руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Из его статистических трудов заслуживает внимания «Статистика поземельной собственности» (СПБ, 1880), где дано получившее широкое распространение деление Европейской России, исключая Финляндию и Польшу, на 12 областей. — По справедливому замечанию проф. А. А. Кауфмана, в статистическом комитете и позднее в статистическом совете «Семенов был не только «твердым и опытным руководителем» — он был, вместе с тем, и первым работником. Ставя ту или другую статистическую работу, он сам, у себя на дому, делал пробную разработку, а если предпринятая работа соприкасалась со сферою его личного научного и общественного интереса, он брал на себя и научную, текстовую разработку сведенного и подсчитанного техническим аппаратом материала. Так, им собственноручно были написаны классические введения к восьмитомной «Статистике поземельной собственности», лучшей из работ в данной области административной статистики; в этом введении весьма удачно проведен географический метод разработки собранного материала...» (А. А. Кауфман, «Статистическая наука в России», Теория и методология, 1806 — 1917, Историко-критический очерк, изд. Центр. статист. управления, М., 1922 г.; стр. 49).

Семенов-Тян-Шанский познакомил русское общество с идеями видного немецкого географа К. Риттера.

В предисловии к переводу труда последнего «Землеведение Азии» (1856 г.) Семенов-Тян-Шанский говорит, что «География в тесном смысле слова есть описание, как постоянных, неизгладимых веками черт ее (Земли), набросанных самою природою, так и переменных, изгладимых, произведенных рукою человеческою».

По взгляду Семенова-Тян-Шанского «Землеведение прежде всего имеет дело с фигурою земли; оно старается определить фигуру во всей ее детальной точности не только путем градусных измерений, но и исследованием силы притяжения земли в разных местах земной поверхности. Затем следует исследование земных очертаний, составление географических карт... Но составление географической карты не есть еще само по себе географическое исследование земли: географическая карта представляет для таких исследований только одну рамку. Для выполнения этой рамки необходимо предже всего исследование рельефа земной поверхности. Определение высот, тригонометрически или барометрически, дает основу той важной части землеведения, которая называется орографие. Но орография страны, в свою очередь, зависит от состава недре земли, от строения земной коры. Изучение этого строения, свойства и происхождения горных пород, из которых слагается тектоника недр земли, история тех процессов, которыми обусловливаются непрерывныя изменения, происходящия на земной поверхности, все это образует те обширные части землеведения, которые известны под именем геологии и геогнозии. Но независимо от твердой земной коры большая часть поверхности земного шара покрыта океанами и морями и даже на поверхности материков, воды являются в виде рек, озер, источников и подпочвенных вод и во всех этих

видах имеют громадное влияние на те процессы, при помощи которых непрерывно изменяется земная поверхность. Изучение морей с их течениями, размывами морских берегов, исследование рек с их наносами и отложениями, да и вообще всех вод земного шара, — его гидрология и гидрография, очевидно, также составляют одну из важнейших отраслей землеведения. Вокруг твердой и жидкой оболочки земли распространена ея легкая воздушная оболочка, составляющая однако же интегральную часть земного шара. В этой земной «атмосфере» происходит целый ряд весьма сложных физических явлений, зависящих от положения земли по отношению к солнцу, от лучей света и теплорода, посылаемых солнцем через эту оболочку, от состава воздуха, от степени насыщения атмосферы парами воды, уделяемою ей водною оболочкой, от развития электрических и магнитных явлений и т. д. Все явления, происходящия в атмосфере, обусловливают собою климаты стран, а изучение этих климатов, да и вообще всех физических явлений, происходящих в нашей атмосфере, составляют весьма важные части землеведения, известныя под именем метеорологии и климатологии. Все доселе упомянутыя условия с незапамятных времен вызывали на нашей планете ту органическую жизнь, при помощи которой она только и могла сделаться обиталищем первобытного человека, а потом и театром развития всего человечества. Распределение по земной поверхности растительных и животных форм, флора и фауна каждой страны, в которых наглядно отражаются самые тонкия и почти неуловимые климатическия условия,—все это безспорно составляет ту интересную часть землеведения, которая известна под именем фито- и зоогеографии. — Но, без сомнения, венцом для полного ведения нашей планеты остается все-таки ея властитель — человек. — Таким образом, изучение человеческих рас, их физических и антропологических признаков, а также тех их свойств и различий, которые находятся в тесной связи с природою стран, обитаемых человеком, вводит и антропологию в область землеведения. — Человеческие расы не всегда находились на высокой степени развития. Первобытные народы, точно так же, как некоторые и из ныне живущих, не отличались своею культурностью и занимали, занимают и ныне, обширные пространства земной поверхности в качестве блуждающих звероловов или кочующих пастушеских племен. Немногое уцелело от жизни этих племен, в их времена доисторическия, но изучение их доисторической археологии, а также современного быта так называемых природных народов (Naturvölker). с их жилищами, одеждою, пищею, незатейливою домашнею утварью и орудиями труда, с их нравами, обычаями, несложными формами их общественного быта, одним словом вся эта историческая археология и этнография первобытных племен входит, конечно, также в цикл землеведения. — Одним из отличительных свойств человека служит его дар слова. По различиям языка человечество разделяется на национальности, различие которых объясняется прежде всего тем, что наречия людей издавна дифференцировались под влиянием разных местных условий. С дифференцированием наречий пробуждается и народное творчество, развиваются народныя верования и предания, народные поэзия и музыка, передаваемыя от поколений к поколениям. Изучение народной речи и народного творчества, — этой еще живой части доисторической филологии и этнографии, входит также в цикл землеведения. Но вот люди, переходя постепенно в фазис высшаго культур-

ного развития сплачиваются в политические союзы, которые, заняв уже оседло свою территорию, образуют различныя по своей национальности государства. История развития этих государств и весь их современный экономический строй находятся, без сомнения, в большой зависимости от природных условий страны, которая, в свою очередь, значительно изменяется упорным многолетним трудом достигшихъ культурного развития человеческих обществ. Изучение современного бытового и экономического строя государств, так же как и зависимости историческаго развития народностей, их составляющих, от природных условий стран, в которых они и развились, составляют те части землеведения, которые известны под именем демографии, политической и исторической географии. Наконец, в современном развитии государственных союзов, во взаимодействии двух главных элементов, из коих состоят государства, его территории и населения, происходит целый ряд явлений, экономическаго и социалистическаго свойства, который легче всего изучается через посредство цифрового метода, а применение этого метода к изучению экономических и социологических явлений входит также в обширный цикл землеведения под именем «статистики» (П. П Семенов, «История полувековой деятельности имп. Русского Географического общества» (1845 — 1895, ч. I-ая, отд. I, II и III, СПБ. 1896, стр. XVIII — XXI).

Как видно из этой цитаты, П. П. Семенов-Тян-Шанский слишком распространительно понимает землеведение и состав этой науки чрезвычайно расширяет..

В самом деле, если схематически изобразить состав землеведения по Семенову, то получается следующая картина:

Землеведение (или цикл географических наук)
Общая физическая география

Картография (геодезия, топография),	Антропология (в расширительном понимании)
Геология, геогнозия,	Этнография первобытных племен,
Орография,	Историческая археология,
Гидрология, гидрография,	Доисторическая филология,
Метеорология,	Демография,
Климатология,	Политическая география,
Фитогеография,	Историческая география,
Зоогеография.	Статистика.

Автор этой классификации научных дисциплин, входящих в землеведение, сам признается, что цикл географических наук широк. Мы думаем, что историческая археология и доисторическая филология имеют достаточно отдаленное отношение к географической науке; что же касается геологии, то она и при жизни П. П. Семенова-Тян-Шанского являлась вполне самостоятельной наукой, данные которой, само собою разумеется, должны быть постоянно учитываемы географами; то же следует сказать и о метеорологии, также вполне самостоятельной научной дисциплине, входящей в состав геофизических наук.

Краткую выпуклую характеристику личности и деятельности П. П. Семенова-Тян-Шанского дает академик Л. С. Берг, «Петр Петрович Семенов, пишет он, был не только замечательным географом, первым исследователем Тянь-Шаня и многолетним главою на-

шего Общества (с 1873 г. вице-председателем Русского Географического общества. — Г. Г.), заслуги его и в других отраслях науки, искусства и общественности неисчислимы. Он деятельно занимался геологией и ботаникой... состоял президентом Энтомологического общества. Будучи директором Центрального статистического комитета, он поставил на большую высоту статистическое дело в России. Принимал деятельнейшее участие в крестьянской реформе. Собрал громадную коллекцию картин голландской живописи и опубликовал солидные научные труды по искусству... Петр Петрович был... почетным членом Академии наук (с 1873 г.) и Академии художеств (с 1874 г.). Изумительны разносторонность его талантов и его кипучая энергия. За время председательствования Петра Петровича в отделении физической географии и затем в бытность его председателем Общества состоялись экспедиции Кропоткина. Пржевальского, Певцова, Роборовского, Потанина, Обручева, Березовского, Богдановича, Громбчевского, Грумм-Гржимайло, Козлова, Северцова, Мушкетова, Комарова и многих других. Душою всех этих предприятий был Семенов. Он собрал вокруг себя плеяду первоклассных географов и в конце XIX в. руководящими лицами в Обществе были, кроме его председателя, такие светила географической науки, как А. А. Тилло, И. В. Мушкетов, А. И. Воейков и секретарь Общества А. В. Григорьев. Петру Петровичу принадлежит великая роль вдохновителя и организатора. Человек всеобъемлющих познаний, громадного авторитета, и, самое главное, обаятельной души, он собрал вокруг себя всех лучших представителей географии» (Л. С. Берг, «Географическое общество за 95 лет»; статья в «Известиях Всесоюзного географического общества», т. 73, вып. 3-ий, М.-Л.; 1941, изд. Академии наук СССР, стр. 342).

Не менее высокую оценку личности П. П. Семенова-Тян-Шанского дал бывший президент Академии наук СССР, В. Л. Комаров, «Владея, как никто, обширной географической литературой по Евразии, он был компетентным судьей во всех спорных вопросах, связанных с постановкой научных задач, определявших ход и снаряжение экспедиций. Однако, кроме этого, Петр Петрович обладал еще необыкновенным чутьем в оценке научных деятелей, работавших в экспедициях, и большим тактом в соблюдении той автономии, без которой не идет никакая научная работа. Его душевная чуткость и прирожденное ему уважение к личности даже начинающих исследователей привязывали и к нему лично, и к научной работе каждого, кто имел счастье начать свою исследовательскую работу под его руководством» (В. Л. Комаров, Избранные сочинения, т. XI, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1948, стр. 119). П. П. Семенов-Тян-Шанский неустанно подчеркивал, что наука имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Наука писал он «не есть туманное отвлечение схоластических умов, наука должна дать людям познание сил природы, уменье подчинить их своей власти».

Нельзя забывать также и того факта, что П. П. Семенов-Тян-Шанский впервые ввел в русскую географическую науку следующие термины: нагорье, плоскогорье, предгорье, горная цепь, котловина, продольная долина, поперечная долина, водоем; речная область и некоторые другие.

П. П. Семенов-Тян-Шанский горячо любил свою Родину и свой народ. «Стремление каждого ученого, писал он, если он не желает остаться холодным космополитом, а хочет жить одной жизнью со своими соотечественниками, должно быть, кроме старания подвинуть абсолютно вперед человеческое знание, еще и желание ввести его сокровища в жизнь народную».

В честь П. П. Семенова-Тян-Шанского названы горные вершины (на о. Шпицбергене, в Канясуете, в Центральном Тянь-Шане, в Монгольском Алтае, на Кавказе — (близ р. Теберды), два хребта (в бывшей русской Америке, на правом берегу р. Юкона, и к югу от озера Кукунора), перевал в горах Тянь-Шаня, один крупный ледник в тех же горах, пролив в Карском море и др.). О П. П. Семенове-Тян-Шанском см. сборник «Люди русской науки», т. I, статья проф. В. И. Лаврова, стр. 551 — 558; Э. М. Мурзаев и С. Н. Рязанцев, П. П.Семенов-Тян-Шанский; статья в сборнике, посвященной памяти П. П. Семенова-Тян-Шанского, под заглавием «Географические исследования о Центральном Тянь-Шане», изд. АН СССР, 1953, стр. 5—26; Л. С. Берг, Очерки по истории русских географич. открытий, изд. 2, М.-Л., 1949, стр. 320 — 328; В. И. Чернявского, Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский и его труды по географии, Географгиз, М., 1955 (обширная библиография); БСЭ, 2-ое изд., т. 38, стр. 472 — 474.

Семенов-Тян-Шанский, Вениамин Петрович (сын П. П. Семенова-Тян-Шанского, 1870 — 1942 гг.), известный географ и статистик; неплохой художник; чрезвычайно разносторонний исследователь, работавший в областях — геологии, физической географии, антропогеографии, экономической географии, страноведения и статистики; окончил курс Петербургского (Ленинградского) университета. В 1895 г. совершил экспедицию в Алтай, в 1899 г. — на Урал. Был одним из руководителей переписи в 1897 г. С 1906 г. по 1932 г. работал в Русском Географ. обществе. Организовал в Ленинграде отличный географический музей. Работал в Академии наук СССР. Был редактором известной многотомной географии — «Россия» (изд. Девриена). Его перу принадлежат ценные научные и научно-популярные труды географического, статистико-экономического, этнографического, картографического и методологического характера; из них назовем лишь главнейшие: 1) «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (1900 — 1911 гг.), 2) «Город и деревня в Европейской России» (1910 г.), 3) «Типы местностей Европейской России и Кавказа» (1915 г.), 4) «Дазиметрическая карта Европейской России» (карта распределения плотности населения, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, II, 1923 — 1926 гг.), 5) «Район и Страна» (М.-Л., 1928),—очень интересный труд, не лишенный, однако, крупных идеологических и методологических ошибок. По справедливому замечанию В. Покшишевского, это сочинение «является как бы энциклопедией всего идейно-географического материала, так разносторонне продуманного и проработанного автором за его большую научную жизнь. Вениамин Петрович попытался здесь подытожить добытые географией (и им лично) общие идеи — и потерпел неудачу; книга получилась мозаичной, расплывчатой и как бы потерявшей предмет» В. Покшишевский, «Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский» (вместо некролога); статья в «Известиях Всесоюзного географического общества», том 74, М.-Л., изд. Академии наук СССР, 1942, стр. 60, БСЭ, 2-ое изд., т. 38, стр. 472.

Скотт Роберт-Фалькон (1868 — 1912 гг.), выдающийся английский исследователь Антарктиды. В 1901 — 1904 гг., возглавляя первую великобританскую экспедицию в южные полярные районы на корабле «Дискавери», работал на берегах моря Росса, где в восточной его части открыл Землю короля Эдуарда VII. После этого он производил исследования в районе пролива Мак-Мурдо, а затем в районе вулканов — Террор и Эребус. В 1903 г. Скотт изучал высокое плато в восточной части моря Росса. Членам экспедиции удалось достичь 82° ю. ш.; ученые, принимавшие участие в этой экспедиции, собрали большой очень интересный материал для суждения о геологическом строении Антарктиды; затем, были собраны коллекции полезных ископаемых и новые факты о представителях флоры и фауны, неизвестных до этой экспедиции.

Вторая экспедиция Скотта, отправившаяся для достижения Южного полюса, окончилась для него и нескольких его спутников трагически. Скотт достиг южного полюса 18 января 1912 г., на пять недель позднее Р. Амундсена (16 декабря 1911 г.), на обратном пути он погиб вместе с товарищами (Вильсоном, Отсом, Боверсом и Эвансом). Роберт Скотт оставил дневник о своем путешествии к южному полюсу; этот дневник является одним из самых потрясающих документов из истории полярных исследователей. По справедливому замечанию Н. И. Кунина, «чтобы оценить все значение экспедиции Скотта и весь трагизм его гибели, надо прочесть весь дневник целиком, а также те письма, которые перед смертью писал Скотт своим родным и друзьям. Читая их, проникаешься глубочайшим уважением к Роберту Скотту и его спутникам...».

Следует отметить, что среди спутников Скотта во время его экспедиции в Антарктиду были и русские — сибиряк каюр Дмитрий Горев и Антон Омельченко. См. «Последняя экспедиция Р. Скотта», под. ред., со вступительной статьей и комментариями Н. Я. Болотникова, Географгиз, М., 1955.

Стеллер Георг Вильгельм (1709 — 1746 гг.), один из участников Великой Северной экспедиции (1733—1743 гг.), талантливый ученый и неутомимый путешественник и исследователь, который еще на своей родине, в Германии, вел серьезную научную работу. Двадцати пяти лет от роду Стеллер приехал в Россию в качестве врача. Когда академик Гмелин прислал в 1738 г. из Сибири требование о назначении ему научного сотрудника, это место было предложено Стеллеру. Последний охотно отправился в Сибирь, где принял деятельное участие в исследовательских работах Великой Северной экспедиции под общим руководством академиков. Гмелина и Миллера. С их согласия Стеллер отправился через Охотск на Камчатку, где он в течение двух лет сумел собрать очень большой, совершенно новый и интересный материал по ботанике, зоологии, этнографии и географии. Здесь Стеллер изучил и описал морскую корову (Rhtina Stelleri), много вулканов и теплых источников и др. «Восхождение на один из вулканов едва не стоило ему жизни. Весною 1744 г., при переезде на собаках по льду на остров Карача, лежащий в 30 км от берега, он провалился в воду и спасся с большим трудом, прыгая со льдины на льдину». Гмелин, несмотря на то, что находился в натянутых отношениях со Стеллером, дает ему высокую оценку; «при производстве наблюдений (Стеллер — Г. Г.) был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях... Ему было нипочем проголодать целый день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки...» (цитата на соч. J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, III, приведена у П. Пекарского «История Академии Наук», т. 1-й, СПБ,

1870, стр. 591). На Камчатке же он уделил много внимания изучению быта и нравов туземцев-камчадалов (ительменов), причем открыто стал на сторону этого забитого и эксплуатируемого местной администрацией и казаками населения. Это вызвало неудовольствие местных властей, которые послали донос о том, что Стеллер призывал ительменов к восстанию и раздавал им для этой цели де порох. В 1744 г. он уехал из Камчатского края с 16-ю ящиками ценных коллекций. В дороге он зазимовал в Якутске и весною 1745 г. прибыл в Иркутск, где Стеллер был задержан и подвергнут допросу. Обвинение доказано не было и ему разрешили продолжать путь. «С большими лишениями в холодную морозную зиму добрался Стеллер до Соликамска. Здесь его встретил курьер из Сената, привезший приказ об его аресте и возвращении обратно в Иркутск. Виною тому, по сообщению Палласа, был новый донос тобольского губернатора, который, будучи настроен против Стеллера, задержал посланное из Иркутска донесение Сенату об его освобождении. Этот неожиданный удар оказался для исследователя роковым, и он принужден был вернуться обратно». Когда Стеллер доехал до Тары (на Иртыше), его нагнал второй курьер с новым сенатским указом о том, что он от обвинения свободен. Ученый вновь повернул обратно, в дороге сильно простудился и, по приезде в город Тюмень, скончался на 37-ом году жизни. Академик Крашенинников, работавший одновременно со Стеллером на Камчатке, указывает, что последнему принадлежат свыше 60 научных рукописей (см. у П. Пекарского в назв. выше сочинении, т. I, стр. 613—616). Стеллерово «Описание земли Камчатки» было напечатано в 1774 г. во Франкфурте и Лейпциге; описание его путешествия из Камчатки в Сев. Америку было напечатано впервые под заглавием «Путешествие из Камчатки в Америку с командором капитаном Берингом» в Петербурге в 1793 г. В этом труде автор дает очень живое и интересное описание острова Беринга. Кроме того, Стеллер напечатал несколько научных статей в «Известиях Российской Академии Наук» (Novi comment. Academ. scient. Petropolit). Сочинение Г. В. Стеллера «Из Камчатки в Америку» («Von Kamtschatka nach Amerika»); «Быт и нравы камчадалов в XVIII в.» на русском языке издал П. П. Сойкин (в виде приложения к журналу «Вестник знания», в 1927 г.).

Стеллер был очень неприхотлив и вел простой образ жизни; об его крайней неприхотливости рассказывает академик И. Г. Гмелин: «Он (Стеллер) вовсе не был обременен платьем... У него был один сосуд для питья и пива, и меда, и водки. Вина ему вовсе не требовалось. Он имел одну посудину, из которой ел и в которой готовились все его кушанья; при чем он не употреблял ни одного повара. Он стряпал все сам, и это опять с такими малыми затеями, что суп, зелень и говядина клались разом в один и тот же горшок и таким образом варились. В рабочей комнате Стеллер очень легко мог переносить чад от стряпни. Ни парика, ни пудры, он не употреблял, и всякий сапог и башмак были ему впору...» (Акад. П. Пекарский, Вышеназванное сочинение, стр. 591). Гмелин находил, что только такой нетребовательный и малоприхотливый человек мог совершать экскурсии и экспедиции по глухим районам восточной Сибири XVIII в. «Если кто, замечает Гмелин, принужден возить с собою по Сибири хозяйство, то оно должно быть устроено в таких малых размерах, в каких только это возможно» (Пекарский, Ibid.). А на это был способен малотребовательный Стеллер.

Стенли Генри Мортон (1841 — 1904 гг.), английский путешественник, исследователь центральной Африки. В 1868 г. он получил предложение от редактора Нью-Йоркской газеты «Геральд» (Herald) отправиться в дебри «Черного континента» и выяснить судьбу знаменитого путешественника Давида Ливингстона. В 1871 г. караван Стенли нашел Ливингстона в селении Уджиджи в крайне болезненном состоянии и без продовольствия. В течение 1875 г. Стенли исследовал озеро Виктория и верхнюю часть бассейна Нила. Затем он описал озеро Танганьику. Через некоторое время Стенли отправился по реке Луама до ее впадения в реку Луалабу, которая, как выяснилось впоследствии, оказалась верхним течением Конго. По реке Конго Стенли в 1877 г. добрался до Атлантического океана. В 1886 г. он отправился на помощь путешественнику Шницеру (Эмин-паше). Во время этой экспедиции Стенли пришлось идти через дебри тропических лесов; тогда же ему удалось открыть горную цепь Рувендзори, обследовать Лунные горы, озеро Альберта и описать южную часть озера Виктория. Стенли собрал также ценные сведения о пигмеях Африки (о племени ньям-ньям), обитающих в лесах центральной части черного материка. Исследования Стенли дали возможность познакомиться с самыми глухими дебрями Африки, на карте которой исчезли многие белые пятна. После путешествий Стенли начались захваты внутренних частей этого материка европейскими капиталистическими государствами.

Как человека, Стенли характеризует: «неутомимая деятельность, широкая инициатива и предприимчивость, способность легко переносить самые тяжелые лишения и непреклонная настойчивость, смелость и самообладание». Он отличался также «большими практическими способностями, находчивостью, расчетливостью и предусмотрительностью». (проф. А. Ф. Лазурский, «Классификация личностей», 2-ое изд., под ред. М .Я. Басова и В. Н. Мясищева, ГИЗ, М.-П., 1923, стр. 285 — 286). Вместе с этим, Стенли характеризует также жестокость и очень высокомерное отношение к чернокожим.

«Стенли, говорит И. И. Потехин, называет туземцев тропической Африки дикарями, но приведенный им материал об экономической и общественной жизни красноречиво опровергает это. Из сообщений самого Стенли, так же как и сообщений других путешественников, видно, что народы тропической Африки середины XIX в. знали земледелие и скотоводство; умели плавить железо и приготовлять из него разнообразные орудия труда; у них не было еще развитых денежных отношений, но они уже знали отношения обмена. Некоторые из них создали государства, типа государств раннеклассового общества: в Уганде даже складывалось феодальное общество. Народы тропической Африки отстали в своем развитии от европейских народов, но они тем же путем, которым шли все остальные народы, и стадию дикости, являвшуюся начальным этапом развития всего человечества, они давно уже прошли. Но для Стенли «дикость» не ступень развития, общая для всего человечества, а характерная особенность народов тропической Африки как особой породы людей, людей низшей расы... Стенли наделяет их самыми отрицательными чертами (кровожадность, лживость, непостоянство и др.), не скупится на самые оскорбительные эпитеты. Он относится к ним, как к полуживотным... В таком отношении к туземному населению тропической Африки Стенли не одинок и ничем не отличался от других европейских путешественников» (см. вступ. статью и комментарии к переводу

книги Г. Стенли, «В дебрях Африки», ОГИЗ, М., 1948, разд. — примечания и комментарии, стр. 396, 397).

Свои путешествия Стенли описал в следующих сочинениях: 1) «Сквозь Черный континент» (1878 г.), 2) «Как я нашел Ливингстона» (несколько изданий), 3) «Основание государства Конго» (1885 г.), 4) «В дебрях Черной Африки» (1890 г.). По справедливому замечанию Ореста Цехновицера, в названных сочинениях, являвшихся тогда «новым типом авантюрно-колониальных произведений», Стенли «стремится распространить «Цивилизаторскую» роль Англии на все части света» (О. Цехновицер, Литература и мировая война 1914 — 1918, М., 1938, стр. 88).

Страбон — древнегреческий географ (род. лет за 50 до н. э. в азиатском городе Амассии и умер в 20 г. н. э.), автор обширного труда — «География» (в 17 книгах). В первых двух книгах своего сочинения он рассматривает общие вопросы географии, говорит об ее значении и об ошибках, допущенных его предшественниками, начиная же с третьей книги и до конца 17-й автор дает страноведение «Ойкумены». «Из использованных Страбоном авторитетов, говорит английский комментатор Страбона, автор «Истории древней географии», Тозер (Tozer) важнейшим является Эратосфен. Он цитирует его без конца, и у него он заимствовал как общий план работы, так и большую часть своих научных воззрений. За ним следуют Гиппарх, Полибий, Эфор, Артемидор и Посидоний; у каждого из них Страбон заимствовал много материалов для тех или иных разделов своего труда. В особенности многим он обязан Полибию: у него Страбон заимствовал интерес к исторической географии и научился рассматривать историю человечества как единое целое, поверхность же земли — как арену, на которой развертывается эта история и которая меняет ее ход. У Посидония Страбон заимствовал большой запас наблюдений в области физико-географических явлений, а также разнообразные сведения о многочисленных предметах, накопленные им в путешествиях по обширным пространствам. Заимствования у Артемидора носят примерно такой же характер. Было еще очень много и других географов, из чьих рассказов или сводных работ Страбон черпал материал по отдельным странам, добавляя подробности из местных источников» (цитата из Тозера заимствована нами из труда Дж. Бейкера «История географических открытий и исследований», М., 1950, стр. 37). Страбон много путешествовал по Малой Азии, побывал в Греции, Сирии, Италии и Египте[1]. По его словам: он прошел «к западу от Армении до тех мест Этрурии, которые противоположны Сардинии; к югу же — от Евксейна до границ Эфиопии». В своей «Географии» Страбон последовательно описывает — Испанию (Иберию), Галлию, Британию, Италию, придунайские и причерноморские страны, Грецию, острова Эгейского моря, страны Кавказа, Закавказья (Колхида, Иберия, Армения, Албания — Азербайджан), Средней Азии, прикаспийские районы, страны Передней Азии, Аравию и Северную Африку. «География» Страбона содержит ценные данные не только по физической географии, но и

[1] У Страбона дано сравнительно подробное, напр., описание Египта. Это описание занимает около двух третей 17 книги. Автор сообщает, что причиной ежегодного подъема реки Нила являются выпадающие в горах Эфиопии (Абиссинии) летние тропические дожди, о которых стало известно от участников экспедиций, посылавшихся правителями Египта Птолемеями для охоты на слонов

по геологии, зоологии, ботанике и этнографии. Страбон очень высоко ценит роль и значение географической науки в жизни; «ею (географией), могут пользоваться государства, вожди, она облегчает знакомство с небесными явлениями, с земноводными и морскими животными, растениями и плодами, и всякими иными предметами, какие встречаются в каждой местности» (т. I, ч. 1, ст. 1) «... Правители лучше могут управлять страною, если знают, как велика она, ее расположение, каковы ее свойства...» (т. I, ч.1, стр. 16). Кроме того, Страбон, хорбшо понимая связь географии с астрономией, описывает методы и способы измерений и определений местоположения того или иного пункта; так, он пишет: «Необходимо, чтобы географ полагался в том, что имеет для него значение основного начала, на геометров, измеривших всю Землю, а эти последние должны опираться на измерения астрономов...» (География, т. II, ч. 5, стр. 2). При измерении земли, сообщает Страбон, пользуются «гномоном и другими средствами, которые указывает астрономия, и с помощью которых можно найти для каждой отдельной местности круги, параллельные экватору, те, которые пересекают их под прямыми углами, и проходящие через полюсы...» (П, 5,4). —

О Страбоне см. труды: акад. В. П. Бузескула, «Введение в историю Греции», изд. 3-ье, П., 1915; англ. историка В. Тарна «Эллинистическая цивилизация», перев. с англ. с предисловием проф. С. И. Ковалева, И.-Л., М., 1949; см. предисловие Ф. Г. Мищенка к его переводу «Географии» Страбона, М., 1879; изд. К. Т. Солдатенкова, а также проф. Г. Н. Гехтмана, «Очерки по истории географии», на груз. яз., Тб., 1955, стр. 39 — 49; Дж. О. Томсон, «История древней географии».

Сулейман, известный арабский путешественник IX века (н. э.), купец из Басры, посетил страны, лежащие на берегу Персидского залива, переплыл Индийский океан, побывал на Цейлоне, Суматре, Никобарских и Андаманских островах, населенных, как он сообщает, людоедами, и, наконец, благополучно достиг, переплыв море Сенф, между Молуккскими островами индокитаем, Кан-Фу (недалеко от устья Ян-Цзы-Цзяна). Сулейман достаточно подробно описывает некоторые провинции и города Китая, рассказывает о нравах, и обычаях китайского населения. Китай, по его отзыву, более живописен и более красив, нежели Индия. Китайские провинции отличаются более здоровым климатом, нежели индийские. Китайская почва возделана гораздо лучше. Затем, он довольно подробно говорит об оживленной торговле между арабскими странами и странами дальневосточными, включая Китай.

Сулейман приводит сведения и о Корее (ас-Сила). «Со стороны моря находятся острова ас-Сила, жители которых белые; они посылают дары повелителю Китая и, говорят, что если не будут это делать, то небо пошлет им дождя. Ни один из арабов не достиг их страны и не сообщил о ней никаких сведений; там водятся белые соколы».

См. „Voyage du marchand araba Sulayman en Unde et en Chine rèdigè en 851, suivi de remarque par Abû Zayd Hasan (vers 916); trad. par G. Ferrand, Paris, 1922.

Т

Танфильев Гавриил Иванович (1857 — 1928 гг.), выдающийся русский геоботаник, почвовед, фитогеограф, географ, и историк русской географической науки; среднее образование получил в одной из немецких гимназий Ревеля (Таллина), а высшее — в Петербургском (Ленинградском) университете, где в 1883 г. он окончил естественное отделение физико-математического факультета. В бытность свою студентом, он

слушал лекции таких корифеев русской науки, как проф. А. Бекетов (фитогеография), проф. В. В. Докучаев (почвоведение) и проф. Советов (сельское хозяйство). Через два года, после окончания университета Г. И. Танфильев работал в департаменте земледелия, по заданиям которого совершил в 1886 г. научные и служебные поездки в различные районы Европейской части России. Результатом этих поездок, а равно и результатом поездок по поручению Вольно-экономического общества (в 1886 г.) явились его научные труды: «О флоре чернозема» (1886 г.), «Образование болот Петербургской губернии» (1888 г.) и «О болотах Петербургской губернии» (1888 г.). В 1889 г. Танфильев опубликовал (в «Материалах по изучению русских почв», V) свою работу «К вопросу о флоре чернозема». В период времени с 1888 г. по 1893 г. он работал по проблемам почвоведения и фитогеографии в черноземных губерниях, в Полесье, на севере — в Тиманских тундрах, а затем в качестве участника организованной проф. Докучаевым экспедиции по изучению растительного покрова степной полосы Европейской части России. Результатом этих экспедиций явились следующие его работы: 1) «О связи между растительностью и почвой по наблюдениям в Воронежской губернии» (1892 г.), 2) «По тундрам тиманских самоедов летом 1892 г.» («Известия Русского географ. общества», 1894 г.), 3) «Сообщение о северной границе лесов в Архангельской губернии» (1894 г.), 4) «Пределы лесов на юге России» (1894 г.). В последнем труде Г. И. Танфильев выдвинул следующие положения: 1) черноземные почвы Европ. России образовались на породах, богатых растворимыми солями, главным образом углекислою известью; 2) обильное содержание извести в почве и подпочве обусловливает в черноземно-степной полосе существование так называемых черноземных растений; 3) в восточной части черноземной полосы почвы менее изменены выщелачивающим действием атмосферных вод, чем в западной; 4) в местах благоприятных для скопления наиболее легко растворимых солей развивается растительность солончаковая; 5) в местах, благоприятных для выноса избытка солей, появляется лиственный лес; 6) лес, способствуя выщелачиванию примыкающей к нему почвы черноземной степи, обнаруживает склонность к расширению своих пределов; 7) первыми пионерами леса в черноземной степи как по опушкам существующих лесов, так и на открытых местах являются строго определенные древесные породы. Г. И. Танфильев доказывает, что на распределение степи и чернозема оказывают влияние химические свойства почвы и грунта (см. Л. В. Климентов, «Гавриил Иванович Танфильев», статья в журн. «Землеведение», 1929, т. XXXI, вып. 1, ГИЗ, М.-Л., 1929).

По справедливому замечанию А. Г. Исаченко, «в трудах Г. И. Танфильева по «степному вопросу» нужно прежде всего различать две ведущие идеи: 1) тесная зависимость между отсутствием лесов, наличием степной растительности и черноземов, с одной стороны, и химизмом (засоленностью лессовой подпочвы), — с другой, и 2) непрерывная динамика растительности и ландшафта, изменение соотношений между лесом и степью в пользу леса» (А. Г. Исаченко, Рецензия на книгу С. Т. Белозорова «Г. И. Танфильев. Географ, ботаник и почвовед. 1857 — 1928», М., Географгиз, 1951, в журн. «Советская книга», 1952, № 9, стр. 89).

Мнение Г. И. Танфильева о том, что отсутствие лесов в степной области Европейской части СССР объясняется засоленностью почв и подпочв, опровергали известные русские ученые, акад. В. Р. Вильямс и

акад. Л. С. Берг («Природа СССР», Географгиз, 1955, стр. 140). Вот, что писал Вильямс об этом: «Видеть причину отсутствия лесов в засоленности почв и подпочв... не имеет смысла, так как, во-первых, в черноземах нет сколько-нибудь заметных количеств водорастворимых солей... Тому, кто сколько-нибудь знаком со свойствами черноземных почв и условиями их развития, странно даже слышать о какой то засоленности... их. Даже сторонник гипотезы о безлесье степей вследствие засоленности почв, проф. Танфильев, не говорит о засолении их водорастворимыми солями, а указывает на углекислые и сернокислые соли кальция. Но случаи произрастания лесов на известняках, на меловых породах, на гипсоносных породах столь многочисленны, что перед их лицом эта гипотеза не может сохранить даже видимости правдоподобия» (Акад. В. Р. Вильямс и доц. З. С. Филиппович, «В. В. Докучаев в борьбе с засухой»; предисловие к книге В. В. Докучаева «Наши степи прежде и теперь»; изд. ОГИЗ—Сельхозгиз, М.-Л., 1936, стр. 8, 9).

В 1895 г. Танфильев, после защиты магистерской диссертации, начал чтение лекций по фитогеографии в Петербургском университете. Одновременно с научно-педагогической работой он продолжал не менее энергичную научно-исследовательскую работу, результатом чего явились следующие его ценные труды: «Болота и торфяники Полесья» (1895 г.), «О Владимирском черноземе» (1896 г.), «Доисторические степи Европейской России» (1896 г.), «Физико-географические области Европейской России» (1897 г.); в последнем труде Г. И. Танфильев дает очень интересную схему деления Европейской части России на физико-географические области. Кроме того, он опубликовал еще целый ряд ценных монографий по фитогеографии и по географии почв.

По мнению С. Т. Белозерова, Г. И. Танфильева следует причислить, наряду с В. В. Докучаевым, «к основоположникам прогрессивного учения о зонах природы. Основанием для этого является то, что еще за два года до того, как В. В. Докучаев сформулировал свое учение о зонах природы, Г. И. Танфильев дал научное физическо-географическое районирование Европейской России, исходя из принципа зональности... Большой заслугой Г. И. Танфильева является и то, что он не рассматривал географические зоны как неизменные и застывшие; он исходил из того, что все географические зоны постоянно изменяются; изменяется их положение во времени и в пространстве. Он вполне обоснованно утверждал, что изменения условий оказывают существенное влияние на характер почв и растительного покрова» (С. Т. Белозоров, «Гавриил Иванович Танфильев», географ, ботаник и почвовед. (1857 — 1928), Географгиз, М., 1951, стр. 128 — 129).

В 1905 г. Танфильев, после избрания его профессором географии Новороссийского (Одесского) университета, переехал в Одессу и развернул здесь большую работу по организации географической кафедры. В течение ряда лет он читал студентам общие курсы по физической географии России, по фитогеографии, по географии и истории главнейших культурных растений, по истории русской географической науки и др. В 1916 г. вышел в свет первый том капитального труда Танфильева «География России», посвященный истории географических исследований России. В 1922 г. он выпустил первый выпуск второй части своей «Географии России, Украины и прилежащих к ним с запада территорий в пределах России 1914 г.», дающий орографию Европейской части России. В 1923 г. вышел в свет второй выпуск второй

части «Географии России», посвященный орографии Азиатской части СССР, а также второе издание его «Очерка географии и истории главнейших культурных растений». В 1924 г. был издан третий выпуск «Географии России» с описанием магнетизма, климата, рек и озер России. Четвертый выпуск «Географии России», заключающий описание русских морей, был напечатан в 1931 г. (Госуд. научно-технич. издательство. М.-Л.). Все выпуски «Географии России...» Танфильева снабжены обширными библиографическими указателями.

Известный русский географ, проф. А. А. Борзов, дал следующую оценку первых четырех томов этого обширного труда: «конечно, в них есть ничтожные недосмотры, мелкие недочеты, можно бы отметить и более крупные вопросы, вызывающие в трактовке автора, некоторые возражения, — но все это неизбежно в подобных обширных сводках. Удивительны не эти недочеты, а способность одного автора в общем необыкновенно полно, углубленно и научно охватить такую массу разнообразных вопросов, явлений, осветить впервые колоссальную разновременную и разноценную литературу. Чтобы правильно судить об объеме и важности сделанного, может быть, лучше всего указать, что в обширных указателях литературы в конце каждой главы приведено свыше 3500 сочинений; при очень внимательном чтении мы не могли найти почти ни одного в той или иной степени неиспользованного автором. Это, конечно, доступно только тому, кто всю жизнь провел в центре научной работы своего времени, на ее передовых позициях, и к 70 годам сохранил не только молодую свежесть, ясность и точность мысли, но и всю накопленную опытность и дисциплину и долгой трудовой жизнью приобретенную работоспособность» (А. А. Борзов, «Г. И. Танфильев», ст. в журн. «Почвоведение», 1928, № 1 — 2, стр. 182 — 188). Работы Г. И. Танфильева — «Болота и торфяники Полесья», «Пределы лесов на юге России», «Главнейшие черты растительности России», «География России и Украины...» (ч. I, ч. II, вв. 1—3), «Моря Каспийское, Черное, Балтийское, Ледовитое, Сибирское и Восточный океан. История исследования, морфометрия, гидрология, биология» (М.-Л., 1931) и ряд других вошли в золотой фонд сокровищницы русской и мировой науки.

«Всякого знавшего лично Гавриила Ивановича, говорит Л. В. Климентов, поражала необыкновенная фундаментальность и энциклопедичность его знаний, колоссальная память, исключительная требовательность к себе, редкая активность и трудоспособность, громадная литературная производительность, и при всем том исключительная... его скромность, отзывчивость, гостеприимство, тактичность, деликатность, доброта и бескорыстная неоднократная помощь многим и многим словом и делом» (Л. В. Климентов, названная выше статья, стр. 4).

О Г. И. Танфильеве см. Л. С. Берг, Гавриил Иванович Танфильев, в журн. «Природа», 1928, № 10; А. А. Борзов, Г. И. Танфильев, в журн. «Почвоведение», 1928, № 1—2; Его-же. Г. И. Танфильев, в том же журн., 1928, № 3—4; Его-же, Проф. Г. И. Танфильев, в журн. «Землеведение», т. XXX; вып. IV, 1928; Л. В. Климентов, Гавриил Иванович Танфильев, в журн. «Землеведение», т. XXXI, в. 1, 1929; Н. И. Кузнецов. Памяти Г. И. Танфильева, в «Изв. Главного ботанического сада СССР, т. XXVIII, в. I—2, Л., 1929; В. Б. Лебедев, Гавриил Иванович Танфильев; «Зап. Одесск. общества естествоиспыт.», т. XLIV, Одесса, 1928; С. Т. Белозоров, Памяти знаменитого бота-

ника географа, «Советская ботаника, 1938, № 4—5; В. Б. Сочава, «К истории географии и геоботаники (по поводу десятилетия со дня смерти Гаврила Ивановича Танфильева); «Ученые записки Ленинградского педагогич. института им. А. И. Герцена», 1939, т. XXI; С. Лишиц, «Танфильев Гавриил Иванович», ст. в БСЭ, изд. I, т. 53, 1946, С. Т. Белозоров, «Гавриил Иванович Танфильев, географ, ботаник и почвовед», Географгиз, М., 1951; Его-же, «Г. И. Танфильев и его географические труды», вступит. статья к книге «Г. И. Танфильев. «Географические работы», Географгиз, 1953, М., стр. 3—22; Его-же, «Значение трудов Г. И. Танфильева для развития отечественной науки», статья в журн. «Известия Всесоюзного географического общества» 1954, т. 86, в. 3 (май — июнь), стр. 264 — 271, с подробной библиографией; Проф. Ф. Н. Мильков, «Выдающиеся труды выдающегося географа», Библиографическая статья в журн. «Природа», 1954, № 11, ноябрь, стр. 120 — 122.

Тасман Абель Янсон (1603 — 1659 гг.), голландский мореплаватель. В 1642 г. экспедиция, возглавляемая Тасманом, отправилась на поиски большого южного материка (как тогда предполагали) — Австралии. Во время этого путешествия Тасман открыл остров, названный им землей Ван-Димена (в честь голландского губернатора Ост-Индии — Ван-Димена); затем этот остров был переименован в о-в Тасмания; в конце того же 1642 года Тасман открыл остров — «Земля штатов» (нынешняя Новая Зеландия); в 1643 г. им же открыты острова Тонга, Фиджи и архипелаг Бисмарка. Во второе свое путешествие в 1644 г. Тасман посетил северный и северо-западный берега Австралии.

О Абеле Тасмане см. Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований», М., 1950, стр. 183 — 185; Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. II, 1947, стр. 60 — 61.

Татищев Василий Никитич (1686 — 1750 гг.), один из образованнейших «птенцов гнезда» Петра I, отправленных последним за границу для образования; выдающийся государственный деятель XVIII ст.; историк, географ и лексикограф; неутомимый и любознательный исследователь, оставивший ценные труды по русской истории, по географии и исторической географии. «Татищев, говорит П. Милюков, — один из наиболее типичных представителей Петровской эпохи. Вечно деятельный, мастер окинуть одним взглядом целую область знания и уйти из нее не с пустыми руками, будь это артиллерия, фортификация или минералогия, геология, или география, история; всегда деловой, пишет ли он об изменении монетной системы, или об усмирении киргизов в Оренбургской губернии, или об Иоакимовской летописи; всегда точный... практический и расчетливый, прозаический, без капли поэзии в натуре...» (П. Милюков, «Главные течения русской исторической мысли», изд. третье, СПБ, изд. М. В. Аверьянова, стр. 19 — 20). Известный русский историк К. Н. Бестужев — Рюмин, характеризуя деятельность Татищева, совершенно справедливо заметил: «Пушкин назвал Ломоносова «первым русским университетом»; название это в значительной степени может быть применено и к первоначальнику русской исторической науки — В. Н. Татищеву» (К. Бестужев — Рюмин, «Биографии и характеристики», СПБ, 1882, стр. 1). Татищев в 1704 г. поступил на военную службу в артиллерию; «названный заниматься горным делом, пишет М. О. Коялович, он несколько раз посылаем был за-границу, в 1714 и 1717 гг. в Германию, а с 1723 по 1726 гг. в Швецию и Голландию, главным образом для отыскания и найма мастеров горного дела. Горное дело давало ему специальное знание монетного

дела, и он в 1727 г. был назначен управлять монетным делом в Москве. Но то же горное дело доставило ему специальные знания и по другой части. Занятия горным делом на Урале доставили ему средство к изучению дел наших восточных инородцев, и он два раза был важным административным лицом на юго-восточной нашей окраине, — с 1734 по 1737 гг. управлял башкирскими и калмыцкими делами, а с 1741 по 1744 гг. был астраханским губернатором. С 1745 года и до самой смерти в 1750 г. он жил в своем подмосковном имении с. Болдине» (М. О. Коялович, «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», изд. 3-ье, СПБ, 1901, стр. 93).

Всюду, куда бы Татищева ни забрасывала судьба или необходимость, он неустанно собирал материалы и сведения для своих трудов. «Он, говорит Н. А. Попов, усердно и отовсюду собирал рукописи,.. народные песни и поверья, старинные ландкарты; а во время частых странствий своих из одного конца России в другой по обязанностям службы, не упускал ни одного удобного случая научиться чему-нибудь... чрез оренбургского асессора Рычкова ра(с)спрашивает ученых магометан о разных наименованиях заморских народов и те доставляют ему письменные ответы,... чуваши, черемисы толкуют ему свои собственные имена; о том же ра(с)спрашивает он вогуличей через переводчиков; говорит с грузинским царевичем Бакаром о книгах Мефодия Патарского; донские казаки показывают ему различные местности, слывшие знаменитыми в древности; кабардинские уздени передают ему преданья кавказских горцев; он сам осматривает развалины старых городов на реках Ахтубе, Волге, Ингулу, Проне и посылает с тою же целью офицеров и геодезистов;.. он делает наблюдения над солнечными затмениями, записывает себе на память годы, когда было северное сияние, когда являлись метеоры, плодилась саранча, записывает различные поверья.. Татищев везде и всегда был трудолюбив; весь — внимание и любопытство, он пользовался каждым удобным случаем для пополнения запаса своих сведений» (Нил Попов, «В. Н. Татищев и его время», изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М., 1861, стр. 434 — 435). Благодаря своему широкому образованию, большой любознательности и трудолюбию Татищев собрал огромный материал для написания полной географии России и он приступил к ее составлению. Труд Татишева озаглавлен: «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи, часть первая: как древнее, так и нынешнее состояние того великого государства и обитающих в нем народов и другие к ведению принадлежащие обстоятельства по возможности и на первый случай к сочинению исправнейшей и обстоятельнейшей истории вновь собрана и кратко описана». Сочинение это содержит четырнадцать глав: «В первой главе говорилось «о имяни сего великого государства и о древнем оного разделении»; во второй: «о границах всероссийской империи по ее нынешнему состоянию»: в третьей: «о великости империи»; в четвертой: «о водах»: в пятой: «о знатнейших горах»; в шестой: «о внутренностях земли»; в седьмой: «о растении и о плодах земных»; в восьмой: «о животных»; в девятой: «о жителях империи»; в десятой: «о силе воинской»; в одиннадцатой: «о доходах государственных»; в двенадцатой: «о заводах, о фабриках и мануфактурах»; в тринадцатой: «о академиях и училищах»; в четырнадцатой: «о правлении духовном и политическом, о разделении епархиальном и губернском».

Все эти сведения были изложены кратко; лишь описание Сибири отличается некоторой полнотой.

Несмотря на собранный обильный материал, Татищеву не удалось дать научного систематического труда по истории и географии России. «Составление ландкарт», изданный им «Географический лексикон», рукопись которой он закончил в 1745 г.; этот лексикон (доведенный до буквы «К» — «Ключник»—) был напечатан в 1793 г. в трех томах (СПБ) под заглавием «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненной господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым» — и, наконец, «История России» — все это «подготовительные работы для достижения его заветной мысли — описание России в географическом отношении».

Каковы жы были взгляды Татищева на географическую науку?

О сущности, содержании и значении географии Татищев говорит следующее: «Землеописание или география показует не токмо положение места, дабы в случае войны и других приключениях знать всеоного в укреплениях и проходах способности и невозможности; но при том нравы людей, природное состояние воздуха и земли, довольства плодов и богатств, избыточество и недостатки во всех вещах». Прежде всего знать нужно свое отечество, а потом пограничные страны, «дабы в государственном правлении и советах будучи о всем с благоразумием, а не яко слепой о красках рассуждать» (К. Бестужев — Рюмин, Назван. выше сочинение, стр. 123). Говоря о составе современной ему географической науки В. Н. Татищев в. «Лексиконе Российской» (ч. II, стр. 38—40) дает следующее определение географии «География — греческое землеописание. Она от Космографии тем разнится, что в оной описуется весь мир, а сия токмо о земли и что к ней принадлежит. Она в начале разделяется на двое: в первой все, что токмо до земли касается, яко твердая, и острова, на них горы, поля и проч. 2-я называется гидрография или вод описание, о которой смотри под тем именем (но слово «гидрография» в Лексиконе отсутствует—замечает проф. А. И. Андреев). Что собственно до географии, или землеописания принадлежит, то оная разделяется паки на общую и участную. В общей толкуется о всем шаре земном, которой состоит из земли и воды, окружен воздухом. В участной описуются собственно которое государство или предел, и такое описание заключает в себе обстоятельства, яко физическое, гисторическое или политическое и математическое.

География гисторическая или политическая описует пределы и положения, имя, границы, народы, переселения, строения или селения, правление, силу, довольство и недостатки, и она разделяется на древнюю, среднюю и новую или настоящую.

География математика есть знание величества, начертания или фигуры движения и геометрическое разделение земель на климаты, линии и цыркули по широте и долготе земли, учиня вернейшие солнца наблюдения.

География физическая описует о качестве земли, воды и воздуха, от которого большею частью происходят обилия, довольства и недостатки» (см. ст. А. И. Андреева, «Труды В. Н. Татищева по географии России» в книге «В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России», Географгиз, М., 1950, стр. 26).

Что у В. Н. Татищева был очень широкий взгляд на географию, об этом свидетельствует его замечательное для своего времени «Предложение о сочинении истории и географии Российской». Этому «Предложению», представленному в 1737 г. в Академию наук, придали официальное значение и разослали по областным правителям и канцеляриям. Оно состояло из 198 вопросов и было обширной программой для собирания сведений исторического, географического и этнографического характера.

«Предложение о сочинении истории и географии Российской» напечатано Н. А. Поповым в виде приложения к его вышеуказанному сочинению (стр. 633 — 696); оно состоит из двух разделов; раздел первый (стр. 666 — 683) — характера географического; раздел второй (стр. 683 — 696) — характера этнографического. В первом разделе помещены следующие основные вопросы: 1) о званиях (названиях — de nominibus), 2) о границах (de limitibus), 3) о свойстве и действии воздуха (de natura et actu aeris), 4) о водах (de aqua), 5) о природном состоянии земли (de natura terrae), 6) о подземностях (de mineralibus), 7) о жителях (de incolis) и 8) о жилищах (de habitationibus).

По справедливому замечанию А. Н. Пыпина, «Предложение о сочинении истории и географии Российской» это — целая обширная программа вопросов по предметам истории, географии и народного быта, задача для целых экспедиций (как позднейшие академические экспедиции), для труда целых поколений ученых; вопросы не были голословны — им предшествовало объяснение великой важности исторического и географического знания для целей государства и для всякого просвещенного человека; вопросы сопровождались объяснением самого способа собирания сведений, напр., среди народа;... не были забыты такие предметы, какие составляют теперь заботу археологии и этнографии; было наконец предостережение о том, чтобы не поддаваться ложным показаниям или хвастовству» (А. Н. Пыпин, «История русской этнографии», т. I, СПБ, 1890, стр. 139 — 140).

О В. Н. Татищеве, кроме указанных выше трудов, см. еще статью В. Корсаковой «Татищев» в «Русском биографическом словаре» — «Суворов — Ткачев», СПБ, 1912, стр. 332 — 346; с большой библиографией; труд Л. Е. Иофа, «Современники Ломоносова — И. К. Кирилов и В. Н. Татищев; Географы первой половины XVIII в.», Географгиз, М., 1949; статью Н. П. Никитина «Зарождение экономической географии в России», стр. 49 — 52; «Избранные труды по географии России» В. Н. Татищева, под ред., со вступительной статьей и комментариями А.. И. Андреева, изданы Географгизом в 1950 г., М.; А. В. Хабаков, «Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России», ч. I, М., 1950, стр. 60 — 66, 93 — 94; Д. М. Лебедев, География в России петровского времени; изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 314 — 328; М. С. Боднарский, «Очерки по истории русского землеведения», I, изд. СССР», 1947, стр. 96 — 101; труд М. В. Птухи, «Очерки по истории статистики», т. 1, стр. 63 — 70, 115, 165 — 174; «История русской экономической мысли», т. I, ГИЗ, М., 1955; ст. И. С. Бака, «Экономические воззрения В. Н. Татищева», стр. 385 — 401.

Теймураз Георгиевич (Багратиони) (1782 — 1848 гг.), грузинский царевич, человек для своего времени широко образованный и культурный; знал грузинский, азербайджанский, иранский, латинский, греческий, французский и русский языки; он находился в живом общении не только с выдающимися русскими учеными (с членами Русской Академии наук, как, напр., М. Броссэ и др.), но и с представителями французской научной мысли (напр., с членами Парижского Азиатского Общества). Теймураз Багратиони — автор ряда научных трудов, из которых назовем лишь след.: 1) «Когда и как турки завоевали Самцхе-Саатабаго», 2) «История Грузии, или Георгии...», 3) «Основание и судьбы иверского Афонского монастыря», 4) «Краткая генеалогия персидских шахов из династии Каджар», 5) «Мое путешествие по разным уголкам Европы» («მოგზაურობა ჩემი ევროპიისა სხვათა და სხვათა ადგილთა»).

Последний труд царевича Теймураза носит отчасти характер географического дневника, куда внимательный и вдумчивый автор и путешественник со всей правдивостью заносит свои впечатления, наблюдения, разнообразные материалы этнографического, демографического, географического, исторического, лингвистического и др. характера. Путешественника в равной степени интересовали как природа, так равно и люди и их дела тех уголков России и З. Европы, которые он посетил (Лифляндия, Курляндия, Польша, Пруссия, Померания, Мекленбург, Саксония, Богемия и др.). Дневник богат меткими, подчас остроумными замечаниями и более или менее красочными описаниями некоторых особенностей городов (Лейпцига, Берлина, Данцига, Дрездена, Кенингсберга (ныне Калининграда), Марбурга и др.), местечек, курортов (как, напр., Мариенбада, Крейсбрунка и др.), характеристиками некоторых высокопоставленных особ и представителей «юнкерства» Пруссии, некоторых национальных черт пруссаков и пр. Местами прозаическое изложение дневника прерывается лирическими отступлениями в стихотворной форме (напр., стихи по поводу «Восхождения на гору Герсш-брунг»).

Соч. царевича Теймураза «Мое путешествие по разным уголкам Европы» издано в Тбилиси (1944 г.) под ред., с примечаниями и вступительной статьей С. Иорданишвили; в начале издания дана статья А. М. Габисония, «Вместо предисловия», к тексту «Путешествия...» приложена карта.

О жизни и деятельности царевича Теймураза см. труд Ш. Месхия в «Материалах по истории Грузии и Кавказа»; изданных Грузинским филиалом АН СССР, Тб., 1939, вып. 1; а также ст. Н. Илашвили, «Царевич Теймураз», в труде Г. Н. Гехтмана, «Очерки по истории географии», Тб., 1955, стр. 442 — 445 (на груз. языке).

Тилло Алексей Андреевич (1839 — 1899 гг.), русский ученый, доктор философии Лейпцигского университета, доктор физической географии honoris causa Новороссийского (Одесского) университета, член-корреспондент Парижской Ак. наук и Российской Академии наук, получил военное образование; окончил геодезическое отделение Академии генерального штаба; два года работал при Пулковской обсерватории. В 1874 г. А. А. Тилло возглавлял ученую экспедицию для определения разности уровней морей Аральского и Каспийского. С.

1893 г. он состоял начальником экспедиции Министерства Земледелия по исследованию источников главных рек Европейской России. Ему принадлежит до 70 научных трудов по вопросам геодезии, гипсометрии, земного магнетизма, метеорологии и т. д. Из гипсометрических работ следует особо отметить, кроме «Описания Арало-Каспийской нивеллировки» (1877 г.) и «Результатов Сибирской нивелировки до озера Байкала (1885 г.), «Гипсометрическую карту Европейской России» в масштабе 60 верст в английских дюймах (1890) с объяснительной к ней запиской (2 издания). Затем, Тилло составил очень ценную работу «Распределение атмосферного давления на пространстве Российской империи и азиатского материка, на основании наблюдений с 1836 — 1885 гг.» (с атласом из 69 карт). Ему же принадлежат исследования по географическому распределению, изоаномалиям и вековым изменениям элементов земного магнетизма на территории Европейской России и в других местах земного шара, ряд статей по физической географии, как, напр., о средней высоте суши и средней глубине океанов, о главных водоразделах на поверхности суши и т. д.

О жизни и научно-исследовательской деятельности А. А. Тилло см. ценную статью акад. Л. С. Берга, «Алексей Андреевич Тилло» в «Изв. Всесоюзн. географ. общества», т. 82, в. 2, 1950, стр. 113 — 125; к этой статье приложен список главных трудов А. А. Тилло, а также Г. А. Бурмистров, «А. А. Тилло», в «Трудах Моск. ин-та инж. геодезии, аэрофотосъемки и картогр.», 1953, № 15, стр. 49 — 60 и Ю. С. Билич, Картографическая деятельность А. А. Тилло, Труды Моск. ин-та инж. геодезии, аэрофотосъемки и картографии, 1953, № 16, стр. 77 — 87.

Тосканелли Паоло дель Поццо (1397 — 1482 гг.), итальянский ученый, математик, астроном и географ; гуманист; один из идейных вдохновителей Христофора Колумба, который во время своей экспедиции пользовался составленной Тосканелли картой. Еще в 1474 г. португальский король, Альфонс V, обратился к последнему с просьбой указать ему более короткую дорогу в Индию, чем та, которую искали мореплаватели вокруг Африки. Тосканелли послал королю письмо и карту, на которой был изображен Атлантический океан, причем Европа была на этой карте помещена на востоке, а Китай сейчас же за нею на западе. Зная, о шарообразности земли, Тосканелли, как видно из его письма к Альфонсу V-му, не подозревал о существовании Америки. Он предполагал, что из Испании и Португалии можно прямо доплыть до Азии; на его карте Япония непосредственно примыкает к островам Атлантического океана. Карта Тосканелли и письмо его к Колумбу будто бы окончательно убедили последнего в том, что, плывя в западном направлении по Атлантическому океану, он скорее достигнет восточных берегов Азии, нежели совершая плавание вокруг Африки.

Турнефор-де Жозеф Питтон (1656 — 1708 гг.), профессор ботаники, работавший в Парижском ботаническом саду; в 1700 — 1702 гг. совершил путешествие в Малую Азию, Армению, Грузию и Иран. Во время исследований в районе горы Арарат (которую армяне называют — Масис), Турнефор впервые установил факт вертикальной зональности климата (см. его соч. «Relation d'un voyage du Levant, contenant l'histoire ancienne et moderne de plusieurs isles de l'Achipel, de Constantinople des côtes de la Mer Noire, de l'Arménie; de la Géorgie, des frontières de Perse et de l'Asie Mineure...» Amsterdam, 1718).

У

Уоллес Альфред Рессель (1823 — 1913 гг.), крупнейший английский натуралист и путешественник; сын бедного чиновника; по окончании начальной школы жил на свои заработки; работал в качестве землемера, ученика часовых дел мастера, помощника архитектора (у своего брата) и, наконец, учителя английского языка в начальной школе, сначала в Лейстере (1844 г.), потом в Уэльсе (1846 г.). Интерес к естественным наукам проявился у Уоллеса рано; на почве этих интересов он сблизился в Лейстерской школе с молодым натуралистом Генри Бэтсом (впоследствии автор известной книги «Натуралист на Амазонке», переведенной почти на все европейские языки). Экскурсируя вместе по окрестностям городка, оба энтузиаста стали мечтать о более отдаленном путешествии, а именно о путешествии в Бразилию, в эту обетованную тогда страну для энтомолога и ботаника. Скопив деньги, молодые друзья отправились в 1848 году на паруснике в Пара. Прибыв к устью Амазонки, Уоллес и Бэтс в течение первых двух лет путешествовали вместе, поднявшись вверх по течению реки до впадения в нее левого притока Рио-Негро у города Манаос. Здесь друзья расстались; Бэтс должен был дойти до верховьев Амазонки, а Уоллес — исследовать течение Рио-Негро. Успешная самостоятельная работа Уоллеса продолжалась два года (до 1852 г.); он успел отправить в Англию часть собранной им богатой коллекции растений. Вследствие очень неблагоприятных климатических условий «Амазонии» Уоллес тяжко заболел тропической малярией и возвратился в Англию. По дороге корабль, на котором он ехал, загорелся и затонул. Уоллес с трудом спасся, но все его коллекции и драгоценные дневники погибли. Через год, по возвращении из путешествия, Уоллес напечатал статью «О пальмах Амазонки и их пользе»; одновременно с этим он напечатал описание своего путешествия по Амазонке и Рио-Негро. Отправившись в первое путешествие любителем-самоучкой, Уоллес вернулся через четыре года зрелым ученым. По выздоровлении, он разработал план нового путешествия на мало в то время исследованные острова Малайского архипелага. В осуществлении этого предприятия Уоллесу помог молодой и энергичный ученый, известный уже тогда профессор Томас Гексли, который выхлопотал ему правительственную субсидию; кроме того, Уоллесу оказал финансовую поддержку богатый коллекционер Вильям Саундерс.

В 1854 г. Уоллес уехал в Океанию и на Малайские острова, откуда вернулся через восемь лет известным ученым. За время своих скитаний по островам Малайского архипелага Уоллес покрыл около 14000 англ. миль, собрал очень большие коллекции млекопитающих животных, птиц, гадов, моллюсков, бабочек, жуков и других насекомых. Разработке собранных материалов Уоллес посвятил не менее шести лет; он опубликовал тридцать отдельных серьезных статей научно-исследовательского характера, а в 1868 г. издал, наконец, выдающийся труд, резюмирующий главнейшие факты и обобщения, добытые во время путешествия; этот труд называется —«Малайский архипелаг; страна оранг-утана и райской птицы». Книга имела колоссальный успех и выдержала в Англии 10 изданий; переведена была она почти на все европейские языки (на русский — в 1872 г.) и награждена золотыми медалями Королевского общества («Royal medal») и Парижского географического общества. В 1876 г. Уоллес опубликовал большой труд — «Географическое распространение животных» (в 2-х томах); в 1878 г. он выпустил в свет сочинение «Тропическая природа», а в 1881 г. — «Островная жизнь» («Island Life»). в этих трудах уделено много места общим биологическим вопросам. Следует отметить, также его талантливо написанную книгу «Чудесный век, его успехи и ошибки» (1898 г.). Уоллес, независимо от Чарлза Дарвина, пришел к идее эволюции путем естественного отбора. По справедливому замечанию проф. Д. Н. Анучина, для географа наиболее ценным нужно считать труды Уоллеса «по географическому распространению животных и жизни на островах, по формам тропической природы, по изучению малайо-папуасского мира» (см. Д. Н. Анучин, «А. Р. Уоллес», статья в журн. «Землеведение», 1913, кн. III, стр. 94).

Ф

Федченко Алексей Павлович (1844 — 1873 гг.), зоолог и путешественник; работал не только по своей специальности, но и в области ботаники, антропологии и географии. В 1868 — 1871 гг. совершил путешествие по Туркестану, где он исследовал Бет-Пак-Дала (Голодную степь), «среднюю часть долины Зеравшана и прилегающие горы, озеро Искандер-Куль, восточные Кызыл-Кумы, и, наконец, проникнув в Кокандское ханство, посетил Алайский хребет и Алайскую долину и открыл Заалайский хребет...» (Л. С. Берг, «Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.)». Л., изд. Акад. наук СССР, 1929, стр. 108).

По словам проф. И. В. Мушкетова, А. П. Федченко «... собрал в сравнительно непродолжительное время такой громадный материал, произвел столько любопытных и разносторонних наблюдений, что ему по праву принадлежит первое место в ряду многочисленных исследователей Туркестана новейшего времени» (И. В. Мушкетов, «Туркестан», т. I, стр. 327). Тот же автор отмечает, что «Путешествия А. П. Федченко отличаются не обширностью маршрутов, а необыкновенною основательностью и поразительным разнообразием наблюдений; пройденные им пространства невелики, но добытые результаты настолько значительны и важны, что сделали бы честь многолетней и многочисленной экспедиции» (Ibid., стр. 326 — 327).

Осень 1873 г. Алексей Павлович Федченко вместе с женой проводил в Швейцарии, где он решил изучить главные альпийские ледники для сравнения их с ледниками Туркестана. 2-го сентября Федченко отправился в горную долину Шамуни, чтобы оттуда подняться на знаменитый ледник «Col de Geant», находящийся на Монблане. Утро 3-го сентября было великолепное, и Федченко с проводниками стал взбираться на гору в 5 часов утра при тихой, ясной и теплой погоде. Но к 2 часам дня начал дуть холодный ветер и пошел снег, идти выше становилось все труднее и труднее; путешественники слишком поздно догадались, что нужно повернуть назад. Федченко очень ослаб и не мог двигаться; он уговорил проводников оставить его и последние, действительно, бросили путешественника на произвол судьбы, пренебрегши законами человеколюбия. Когда через пять часов пришла запоздалая помощь, Федченко в живых уже не застали; он замерз, и жена, Ольга Александровна (урожд. Армфельдт) похоронила его в Шамуни на небольшом английском кладбище.

«Московское общество любителей естествознания» присудило молодому ученому за его научные труды золотую медаль.

О А. П. Федченко см. Н. К. Лебедев, «Завоевание земли», т. III, 1925, стр. 183 — 185, а также ценную вступительную статью Б. В. Юсова «Исследования А. П. Федченко в Средней Азии», помещенную в книге: А. П. Федченко «Путешествие в Туркестан» (в изд. Госуд. изд. географической литературы, М., 1950, стр. 3 — 35).

Фогель Эдуард (1829 — 1856 гг.), немецкий астроном, географ и путешественник. Вел научно-исследовательскую работу в обсерватории Бишопа в Лондоне. По поручению Британского правительства отправился в Центральную Африку на помощь экспедиции Генриха Барта. В 1854 — 1856 гг. Фогель прошел через Сахару и Судан и исследовал районы, лежащие в бассейне озера Чад. Его работы дали возможность впервые определить важнейшие пункты маршрута Триполи — Мурзук — Кук, а равно пункты у озера Чад и в районе между озером Чад и Бенуэ. В 1856 г. двадцатисемилетний Фогель был убит по приказу султана Вадай, заподозрившего в нем английского шпиона. На поиски Фогеля отправился офицер прусской армии и путешественник Карл-Мориц Бейерман — 1835 — 1865 гг.; он объехал в 1860 — 1861 гг. Нубию, Судан, страну богосов, а в 1862 г. внутреннюю Африку; в феврале 1865 г. он также был убит в Мао (между Канемом и Вадаем).

На русском языке об Эдуарде Фогеле имеются след. труды: 1) «Путешествия и открытия доктора Эдуарда Фогеля в центральной Африке, Великой пустыне и землях Судана», на основании оригинальных источников составлена Германом Вагнером; 2) статья под заглавием «Один из героев нашего века» в журн. «Вокруг Света», под редакцией А. Разина и П. Ольхина; изд. М. О. Вольфа, 1861, т. 1-й, стр. 336 — 343; 3) статья «Новейшие известия о смерти Эдуарда Фогеля»; в том же журнале за 1863, т. III, стр. 313 — 316.

Форель Франсуа Альфонс (1841 — 1912 гг.), основоположник лимнологии («озероведения»), доктор медицины, профессор анатомии и физиологии при академии в Лозанне. Ему принадлежит ряд выдающихся трудов по фауне и флоре пресноводных озер, в особенности Женевского озера; кроме того, есть у него ценные труды по истории и природе ледников и о землетрясениях. Классическими трудами Фореля по лимнологии считаются: 1) «Озеро Леман» («Женевское»), в 4-х томах; (Лозанна. 1892 — 1902 гг., на франц. яз.); первые два тома этого труда посвящены географии, геологии, геофизике и химии озера; первая часть третьего тома — биологии, а вторая часть того же тома — истории озера; 2) «Общая лимнология» (на немец. яз., Штутгардт, 1901).

Франклин Джон (1786 — 1847 гг.), известный английский полярный исследователь и путешественник; совершил три экспедиции для открытия северо-западного прохода и исследования северных берегов континента Америки. Первую экспедицию возглавлял Бухан, с которым Франклин достиг до 80° с. ш. Дальше плыть было невозможно из-за огромных ледяных полей, и экспедиция вернулась. Вторую экспедицию Франклин предпринял на корабле «Принц Уэльский» в Гудсонов залив, откуда затем сухим путем отправился на север для исследования берегов Северного Ледовитого океана. Это путешествие по совершенно пустынным, неведомым тогда местам Сев. Америки едва не стоило жизни Франклину; многие его спутники погибли. Два первых путешествия Франклина доставили ему всеобщую известность. Результаты второй экспедиции были огромны. Франклин обследовал северную береговую

линию Сев. Америки на 5500 км. После этой экспедиции отважный путешественник был назначен губернатором Тасмании. В 1845 году английское правительство решило отправить новую экспедицию к тем же северным берегам Северной Америки. Узнав об этом, Франклин предложил свои услуги правительству. Он был назначен начальником этой экспедиции. Франклин и его отважные спутники отправились на двух кораблях — «Эребус» и «Террор», которые только недавно вернулись из южных полярных стран, куда на них предпринял экспедицию Джемс Росс. Экспедиция Франклина была, по-видимому, хорошо обеспечена всем необходимым для трудного плавания. Прошло три года после отплытия экспедиции и о ней в течение этого времени не было никаких известий. Английское правительство и жена Франклина снарядили ряд экспедиций на поиски последнего и его спутников; но все было напрасно. Эти поиски продолжались до 1878 г. Франклин и весь экипаж кораблей «Эребус» и «Террор», в количестве 138 человек, погибли в ледяных пустынях севера. Останки некоторых погибших и кое-какие их вещи были найдены впоследствии в различных местах Земли Короля Вильгельма.

О Д. Франклине см. Н. К. Лебедев, «Завоевание Земли», т. III, 1925, стр. 31 — 35, 39 — 43; Дж. Бейкер, «История географических открытий и исследований», М., 1950, стр. 531 — 535, а также сборник материалов «Арктические походы Джона Франклина»; изд. Главсевморпути, Л., 1937.

Фрешфильд Дуглас Вильям (1845 — 1934 гг.), известный английский географ, путешественник и альпинист; бывший президент Лондонского королевского географического общества; один из первых европейцев совершил первовосхождения на вершины некоторых высокогорных районов земного шара. В конце 90-их годов прошлого столетия Фрешфильд изучал альпийские и высокогорные зоны Гималайского хребта; он же совершил смелые восхождения на величайшие и труднейшие для подъема вершины Кавказского хребта; так, в 1868 г. Фрешфильд, Мур и Теккер с проводником Франсуа Девуассу совершили восхождение на Казбек и Эльбрус и сделали несколько переходов через главную цепь. В 1886 г. Фрешфильд и венгр Деши с тем же проводником совершили на Кавказе несколько восхождений, в том числе на Тетнульди. В 1889 г. Фрешфильд с капитаном Пауэллем взошли на вершину Лайлы. Фрешфильд хорошо изучил также итальянские Альпы.

Из его трудов назовем лишь следующие: 1) «Путешествие в центральную часть Кавказского хребта» (Лондон, 1869); 2) «Итальянские Альпы» (1875); 3) «Исследование Кавказа», в 2-х томах (1896).

X

Ханыков Николай Владимирович (1822 — 1878 гг.), известный русский востоковед, географ, и этнограф. В 1841 г. он участвовал в посольстве Бутенева в Бухару. В 1843 г. он опубликовал труд под заглавием «Описание Бухарского ханства»; это сочинение было переведено на английский, французский и немецкий языки. Академик В. В. Бартольд дает очень лестный отзыв об этом труде; вот, что он пишет: «его (Ханыкова) книга остается и до сих пор лучшим описанием ханства, за исключением восточных областей... Исключительные достоинства книги Ханыкова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре было 19 лет, во время издания книги — 21 год» (В. В. Бартольд, «История из-

учения Востока в Европе и России», изд. 2-ое, Л., 1925, стр. 256). В 40-ых годах прошлого столетия Ханыков, поступив на службу в Кавказское наместничество при М. С. Воронцове, принял деятельное участие в изучении края. В 50-ых годах он состоял на дипломатической службе в Иране, где в 1858 — 1859 гг. совершил ряд научных поездок по Хорасану. Главными трудами Ханыкова кроме указанного выше «Описания Бухарского ханства», являются: 1) «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря» (см. «Записки Кавказского отдела Русского географич. общества», Тб., 1853, кн. III); 2) «Memoire sur la partie méridional de l'Asie Centrale» (Paris, 1861); 3) «Mémoire sur l'ethnographie da la Perse» (Paris, 1866); обе последние работы были напечатаны в трудах Парижского географического общества, которое за первую работу присудило Ханыкову большую золотую медаль; 4) в 1874 г. он напечатал свой капитальный труд «Иран» (Землеведение Азии» — К. Риттера). По словам В. А. Ромодина, Н. В. Ханыков в своей работе «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря» «проявил себя не только глубоко эрудированным востоковедом, прекрасно знакомым с восточными источниками, но также обнаружил основательное по тому времени познания в физике и геологии» (В. А. Ромодин, «Из истории изучения афганцев и Афганистана в России», ст. в сборн. «Очерки по истории русского востоковедения», изд. АН СССР, М., 1953, стр. 173). Отметим также, что Н. В. Ханыкову принадлежит еще целый ряд других очень интересных монографий и статей по физической географии, истории и востоковедению.

Хэклуйт (Hakluyt), **Ричард** (1552 — 1610 гг.), один из старейших представителей географической науки в Англии; род. в Лондоне; с молодых лет интересовался географией и историей путешествий. В 1570 г. Хэклуйт поступил в Оксфордский университет, где изучал богословие; он владел древнегреческим, латинским, итальянским, испанским, португальским и французским языками; много работал и читал «все, что было когда-либо напечатано или написано на этих языках о географических открытиях». Хэклуйт стал преподавать географию и вскоре приобрел репутацию специалиста в области географии и в области истории географических открытий. В 1582 г. он опубликовал свой труд под заглавием «Разные морские путешествия». По делам службы Хэклуйт посетил западные районы Англии, а затем Париж; во время своих путешествий он собрал новые материалы по географии и по истории путешествий и выпустил весьма ценную для своего времени книгу (в 3-х томах, 1598 — 1600 гг.) «Важнейшие плавания, путешествия, торговые пути и открытия английского народа» («The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the english nation»; новое издание 1927 г. в 12 томах. Кроме того, он переводил и содействовал изданию иностранных сочинений, посвященных путешествиям и новым географическим открытиям французов, испанцев и голландцев.

Следует отметить, также и тот факт, что среди первоисточников, использованных и изученных Хэклуйтом, были архивные материалы «Московской торговой компании» (Moscovy company), которые впоследствии погибли от пожара. Благодаря Хэклуйту сохранились ценные

описания России и русского народа, составленные Ричардом Ченслером, Антоном Джэнкинсоном и другими английскими мореплавателями и купцами.

Ч

Челюскин Семен Иванович, штурман (годы рождения и смерти не установлены), один из участников Великой Северной экспедиции. В 1741 г. он первый посетил и произвел опись берегов Северного Ледовитого океана, между рекой Пясиной и полуостровом Таймыром. Спустя лишь 137 лет, в 1878 г., у северного побережья этого полуострова прошла экспедиция Норденшельда. В 1893 г. у мыса Челюскина, открытого последним, проходила также экспедиция Нансена на корабле «Фрам». Первой русской экспедицией, посетившей северные берега Таймыра, была полярная экспедиция Толля (1901 г.). Первое начало путешествиям по льду Северного Ледовитого океана положили — Челюскин и Харитон Лаптев. «В отношении санных арктических путешествий Челюскин по пройденному пути долго занимал первое место. История Арктики знает только трех достойных ему соперников: Расмуссена, Ушакова и, отчасти, Нансена» (Н. Баскаков, «К неведомым берегам», изд. «Главсевморпути», 1940, примечание 73, стр. 246). Челюскин составил довольно точную для того времени карту всего северного побережья Северного Ледовитого океана от Таймыра до дельты реки Лены включительно. Он прошел более 1000 км. «1-го мая 1741 г. он был на мысе Фаддея и отсюда вдоль морского берега начал опись, направляясь к северному Таймырскому мысу. Журнал, который вел Челюскин во время своего путешествия, заслуживает внимания. Он многому может поучить даже современных полярников. Май на севере Таймырского полуострова крайне неблагоприятное время для «полевых» работ. Это еще вполне зимний месяц. Штормы, метели, низкие температуры, частое отсутствие видимости затрудняют продвижение вперед. И действительно журнал «Челюскина» все время пестрит такими замечаниями: «Погода пасмурная, погода мрачная. Погода пасмурная со стужею. Снег и туман». Однако, несмотря на это, Челюскин делает переходы в 22, 27, 31, 49, 58, 61 км.. 9-го мая Челюскин заносит в журнал: «Погода пасмурная, снег и туман пополудни 5 часов поехали в путь свой около морского берега. Берег лежит показанному румбу. Здесь приехали к мысу. Здесь берег высоты средней, полярный, земля глина, мелкий камень. Сей мыс каменный приярой, высоты средней, около оного льды гладкие и торосов нет. Здесь плавнику много. Оной мыс восточной северный мыс». Определившись и получив широту мыса 77° 34', Челюскин поставил на нем знак из плавника и направился дальше к западу» (Борис Рихтер, «Семен Иванович Челюскин», ст. в журн. «Советская Арктика», 1938, № 9-й, стр. 82). Этот «Восточно-Северный мыс», являющийся самым северным пунктом Азиатского материка, в настоящее время по всей справедливости, называется именем отважного мореплавателя — мысом Челюскина. Высокую оценку личности Челюскина дает русский академик А. Ф. Миддендорф. «Челюскин, пишет он, не только единственное лицо, которому сто лет назад удалось достигнуть этого мыса и обогнуть его (речь идет о мысе Челюскина, являющегося крайней северной точкой материка Азии), но ему удался этот подвиг, неудавшийся другим, именно пото-

му, что его личность была выше других. Челюскин, беспорно, венец наших моряков, действовавших в том крае»[1].

Журнал описи Челюскина в извлечении, сделанном А. Соколовым, помещен в «Записках гидрографического департамента» (1851, т. IX, стр. 58 — 64); из этого извлечения видно, что Челюскин действительно астрономически определил «Восточно-Северный мыс» и сделал обстоятельное геодезическое описание берега; «до опубликования его журнала, эта важная научная заслуга, за отсутствием, повидимому, точных данных, некоторыми исследователями совсем отрицалась, а пункт считался неопределенным астрономически; см., напр., Ф. фон-Врангель «Путешествие по сев. берегам Сибири и по Ледовитому океану», т. 1, стр. 24 и 69, или мнение К. Бэра, в « B Beitrge zur Kenntniss des Russischen Reiches (1841, ч. IV, стр. 6; см. «Русский библиографический словарь», «Чаадаев-Швитков», СПБ, 1905, стр. 152).

О С. И. Челюскине см. труд К. Осипова, «Штурман С. Челюскин», 1949, изд. Главсевморпути, Его-же, «С. И. Челюскин», под ред. М. С. Боднарского, Географгиз, М., 1951 г., а также Г. В. Яникова, «Великая Северная экспедиция», Географгиз, М., 1949, стр. 82 — 83, 102 — 103.

Чириков Алексей Ильич (1703 — 1748 гг.), выдающийся мореплаватель и географ, участник первой Камчатской и Великой Северной экспедиций; капитан-командор; учился в Морской Академии, которую окончил в 1721 г. В первой Камчатской экспедиции Чириков проявил себя, как энергичный, осторожный и хладнокровный моряк. Во время Великой Северной экспедиции он, командуя кораблем «св. Павел», под начальством Беринга, командовавшего другим кораблем — «св. Петром», вышел в плавание в Охотское море и исследовал берега Авачинской бухты. В 1741 г. Чириков, вследствие поднявшегося шторма, разошелся с кораблем Беринга, и, взяв курс на восток, 11-го июля того же года заметил на море все признаки близости земли — деревья и ветки, несомые морскими волнами, тюленей, береговых уток, 15-го же июля на сев. широте 53°21' он, наконец, увидел высокие горы, склоны которых покрыты были лесом: таким образом, Чириков на двое суток раньше Беринга достиг северо-западных берегов Северной Америки. Во время этого плавания отважный путешественник со своими товарищами испытал большие мучения от недостатка пресной воды, от заболевания цынгой, от скорби о гибели 14 матросов, посланных к берегу с целью разведки и поисков питьевой воды. Через некоторое время Чириков повернул корабль к Камчатке и пристал к берегу Авачинской бухты. Вскоре, после возвращения, скончался от цынги спутник Чирикова, астроном Делил-де-ла-Кройер. Из 70 человек экипажа вернулось всего 49. — В 1746 г. Чириков был вызван в Петербург, где прожил два года и в 1748 г. умер от чахотки. По общему отзыву всех знавших Чирикова людей, он был человек знающий свое дело, необычайной энергии, рассудительный, осторожный, неуклонно-настойчивый, простодушный, в высокой степени честный и очень скромный. Заслуги его в Великой Северной экспедиции так же значительны, как и его начальника, капитана-командора Витуса Беринга. Чирикову принадле-

[1] Миддендорф, А. «Путешествие на север и восток Сибири», ч. 1, СПБ, 1860, стр. 78.

жит описание Алеутских островов, а также открытие острова Федора (ныне Атту).

«В середине прошлого столетия на страницах русской прессы, говорит проф. А. В. Ефимов, велась дискуссия о том, чья роль значительнее в открытии Америки со стороны России — Беринга или Чирикова. Но этот вопрос правильно разрешил еще в XVIII в. великий Ломоносов, сказавший, что «Чириков был главным». И действительно, Чириков был главным. И не потому, что он достиг Америки на 1 — 1,5 суток раньше чем Беринг, но потому, что он еще до первой экспедиции правильно определил местонахождение Америки и указал кратчайший путь к ней... приняв руководство экспедицией после трагической смерти Беринга, Чириков довел до конца ее научное задание, составив замечательную карту морского похода обеих групп американской экспедиции... составленная Чириковым карта морского похода 1741 г. является первой в мире, где Северная Америка показана на основании конкретных данных не как Большая земля или Большой остров, а именно как Северная Америка» (А. В. Ефимов «Из истории русских экспедиций на Тихом океане»; первая половина XVIII в., воен. изд. Министерства вооруженных сил Союза ССР, М., 1948, стр. 174 — 175).

В 1742 г. М. В. Ломоносов в следующих словах отметил открытие экспедицией Витуса Беринга и А. И. Чирикова северо-западных берегов Сев. Америки:

«К тебе от восточных стран спешат
Уже американские волны
В Камчатский порт, веселья полны...»
(Ломоносов М. В., Соч., т. 1, стр. 95).

О А. И. Чирикове см. труд В. А. Дивина, «Великий русский мореплаватель — А. И. Чириков», серия «Русские путешественники», 1949, М., Географгиз; статью О. В. Рисс, «Выдающийся русский моряк — географ А. И. Чириков» (к 200-летию со дня смерти) в «Вопросах географии», сборник 12, Географгиз, М., 1949, стр. 243 — 246; Д. М. Лебедев, «Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «св. Павел» к побережьям Америки»; с приложением судового журнала 1741 г., изд. АН СССР, М., 1951; В. А. Дивин, Великий русский мореплаватель — А. И. Чириков», Географгиз, М., 1953 г. Министерство культуры СССР — Главиздат.

Чихачев Петр Александрович (1808 — 1890 гг.), выдающийся русский ученый, академик, путешественник, географ и исследователь Малой Азии и Палестины. Чихачев получил прекрасное разностороннее образование и рано начал служить по дипломатической части. В 1830 г., будучи драгоманом русской миссии в Константинополе, он совершил ряд поездок по Малой Азии, Сирии, Египту и Греции. В 1835 г. он оставил службу для того, чтобы посвятить себя научной деятельности. С целью изучения геологии Чихачев стал работать во Фрейбургской горной академии (в Саксонии); затем слушал лекции в Гейдельбергском университете. В 1837 г. Чихачев совершил свое первое научное путешествие по Испании и Алжиру, а равно по Сицилии, Калабрии и Приморским Альпам; в указанных районах он исследовал строение горных хребтов. Результатом этой поездки был его труд:

Coup d'oeil sur la charpente rocheuse des montagnes de la Calabre, de la Sicile et des Alpes Maritimes de Nice» (Berlin, 1842).

В 1840 г. Чихачев отправился на Алтай и сделал много открытий, проникнув в малоизвестные и малоизученные области (верховья рек — Чу, Чулышмана и Абакана), в которых до того времени не бывал ни один европеец. Это путешествие описано им в книге: «Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjointes de la frontière de la Chine» (P., 1845) («Научное путешествие в восточный Алтай...»). Это сочинение доставило Чихачеву европейскую известность[1]. В 1848 году он отправился в Сирию, откуда начал свое знаменитое путешествие по Малой Азии, длившееся с перерывами 15 лет. Результаты этого путешествия Чихачев изложил в восьмитомном сочинении: «L'Asie Mineure ou description physique, statistique et archeologique de cette contrèe» (первый том вышел в 1853 г., а последний в 1869 г.). Этот труд до сих пор считается классическим исследованием Малой Азии; в нем автор дал «подробные сведения по геологии, физической географии, ботанике, зоологии, палеонтологии и археологии Малой Азии». Кроме того, А. И. Чихачеву принадлежит ряд очень интересных научно-популярных физико-географических исследований; из них назовем лишь следующие: «Le Bosphore et Constantinople, avec perspectives de pays limitrophes» (Paris, 1864); 2) «Une page sur l'orient. Asie Mineure» (Paris, 1868) и 3) «Espagne, Algérie et Tunisie, Lettres à Michel Chevalier» (Paris, 1880).

П. А. Чихачев с географическими исследованиями часто соединял изучение международных отношений. Чихачев большую часть жизни провел во Флоренции и в своем любимом городе Париже, где и скончался. Он завещал Парижской Академии наук значительный капитал для поощрения научных исследований Малой Азии. Вследствие того, что почти все значительные научные труды П. А. Чихачева написаны на французском языке, они мало известны русскому читателю (см. некролог П. А. Чихачева в «Журн. Министерства Народн. Просвещ.», 1890, декабрь (12), стр. 87 — 89; а также интересную статью В. В. Цыбульского, «П. А. Чихачев» в «Известиях АН СССР» — серия географическая, М., 1952, 3, стр. 60 — 68).

III

Шарден Жан (1643 — 1713 гг.), известный путешественник, французский гугенот, торговец драгоценными камнями. В 1664 г. вместе с лионским купцом Резэном (Raisin) побывал на Востоке и дал интересное описание Закавказья, Ирана и некоторых других районов Передней Азии. Шарден прожил несколько лет в городе Исфахане, где изучил персидский язык. Пользуясь доверием шаха, он имел возможность свободно странствовать по различным частям Ирана. В 1671 г. он совершил второе путешествие по следующему маршруту: Милан — Венеция — Флоренция — Ливорно — Смирна — Константинополь — Черное море (Крым, Азов и Мегрелия). В 1672 г. Шарден кружным путем поехал по маршруту: Гонио — Ахалцихе — Ацхури — Гори; затем он вновь повернул на Тбилиси и направился в Армению и Иран, посетив на этом пути Делижан, Ереван, Нахичевань, Джульфу, Маранд, Тебриз, Казвин, Кум, Кашан и Исфахан, куда он прибыл в 1673 г. Такие маршруты Шардена объясняются тем, что в Закавказье он попал в период политических смут; в Западной Грузии шла в это время борьба между феодальными владетелями Имеретии, Гурии и Мегрелии. Воспользовавшись этими распрями, Турция вмешалась в западногрузинские дела. «Шарден много потерпел от тяжелых условий военного времени и пострадал материально. Главною его мыслью было спасти свои драгоценности и поскорее выбраться из негостеприимно встретившего его края» (Проф. М. А. Полиевктов). По возвращении в Европу, Шарден описал свои путешествия и злоключения в книге: «Путешествие в Персию и другие страны Востока». Это сочинение состоит из десяти частей: в первой — описывается путь от Парижа до Мегрелии; во второй — дана характеристика Мегрелии и других частей Грузии, Закавказья и северных районов Ирана; в третьей — Шарден описывает путь от Тебриза до Исфахана; четвертая часть представляет общее описание тогдашнего Ирана; в пятой — автор говорит о состоянии науки и искусства в Иране; в шестой — об управлении государственном, военном и гражданском в Иране; в седьмой — дана характеристика религии населения Ирана; в восьмой и девятой частях рассказывается об Исфахане и о путешествии Шардена в 1674 г. из Исфахана в Бендер-Аббас; здесь же дано описание Персеполя; десятая часть заключает описание второго путешествия Шардена в том же 1674 г. в Бендер-Абасс; в этой же части даны интересные сведения о жизни персидского двора и о борьбе европейцев между собой из-за обладания Индией и некоторых районов Дальнего Востока. По справедливому замечанию проф. М. А. Полиевктова, «вторая часть «Путешествия» Шардена — самая слабая часть его труда. Пользоваться им... надо с величайшей осторожностью» (М. А. Полиевктов, «Европейские путешественники XIII — XVIII вв. по Кавказу», Тиф., 1935, стр. 94, изд. Академии наук СССР).

Шелехов (он же Шелихов) **Григорий Иванович** (1747 — 1795 гг.), исследователь необычайной энергии, «Русский Колумб» (как назвал его поэт Гавриил Романович Державин); промышленник и путешественник; уроженец города Рыльска (Курской области); основатель русских колоний на островах: Алеутских, Кодьяке, Уналашке и Афогнаке, а также на Аляске. По справедливому замечанию А. И. Андреева, Шелехов «ставил перед собой не только цели личной наживы, но и большие государственные задачи — создания русских колоний на островах Тихого океана и в Северной Америке».

Шелехов, по прибытии на Дальний Восток, сначала служил у охотского купца Окошишникова, а начиная с 1773 г. стал самостоятельно отправлять корабли на морской промысел. Через десять лет после этого (в 1783 г.) он построил три корабля и из устья реки Урак отправился в плавание. В 1794 г. Шелехов достиг острова Кодьяка. Жители острова — коняги (Кодьякские эскимосы) — сначала встретили русских боем, но Шелехов быстро одолел противника и стал строить здесь зимовье. В долгие зимние ночи у русских жилищ горело «полуночное солнце», как коняги называли фонарь конструкции Кулибина, который Шелехов привез с собой. «Русский Колумб» неоднократно посылал отряды промышленников для исследования местностей между берегами Кодьяка и Аляски. По этому поводу Шелехов как то писал: «И по

[1] Высокую оценку этого труда дали виднейшие тогда французские геологи — А. Броньяр, П. Дюфренуа и Л. Эли-де Бомон.

усердному нашему желанию Американских предел помощью божиею уже дошли и через годичное время здесь и в Кенаях немало народов нашли... И торг сей стороны с обитателями завели, места с их угодьями, частью осмотря, описали на карту и план положили...». Таким образом, под непосредственным руководством Шелехова впервые были обследованы некоторые северо-западные части Северной Америки.

Опубликованные за последнее время материалы характеризуют Г. И. Шелехова, как большого патриота, как человека с выдающимся организаторским талантом, как рачительного хозяина, заботящегося о своих сотрудниках, как строгого начальника и администратора, требовавшего от своих сослуживцев добросовестного исполнения своих обязанностей. Затем, из тех же материалов, а равно из распоряжений и приказов Шелехова видно, что он требовал от подчиненных и сотрудников гуманного отношения к туземным народам во вновь открываемых землях; так, напр., он требует «наблюдать, чтоб все пришедшие сбитатели в подданство не имели от лености и нерадения здешних продуктов в пище и в одеянии нужды» (см. «Сборник материалов. Русские открытия в Тихом океане и Сев. Америке в XVIII—XIX веках». Всесоюзное географическое общество. Изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1944; под ред. А. И. Андреева, стр. 47). Шелехов указывает на необходимость «Здешних обитателей, аманат, служащих при компании в работах каюр и работниц содержать в хорошем призрении, сытых, а последних обувать и одевать и обидеть не только делом, но и словом никого... не допущать...» (Jbid. стр. 49); «для лисьевских алеут и их жен, где они будут жить зделать с перегородками добрые и теплые казармы» (Jbid. стр. 53).

Эти распоряжения и предписания Шелехова, приведенные в названном «Сборнике материалов», свидетельствуют о гуманном отношении «Русского Колумба» к местному населению, к цветным племенам.

Шелехов скончался в Иркутске в 1795 г., на 48 году своей кипучей жизни. Над могилой его поставлен памятник, на одной стороне которого высечены стихи Г. Р. Державина, посвященные Шелехову:

«Колумб здесь русский погребен,
Проплыл моря, открыл страны безвестны..
И зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой
Во океан небесный.....»

На другой стороне памятника помещены стихи поэта И. И. Дмитриева:

«Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелихов, без войск, без громоносных сил,
Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область ей и богу покорил.
Не забывай, потомок,
Что росс — твой предок был и на востоке громок».

О деятельности Шелехова интересные данные можно найти в следующих книгах: 1) Шелехов Г. И., «Российского купца, именитого рыльского гражданина первое странствование с 1783 — 87 гг. из Охотска по Восточному океану к американским берегам и возвращение его в Россию» (СПБ, 1793), 2) Его-же, «... Продолжение странствования по Восточному океану к американским берегам в 1788 г.» (СПБ, 1792). Обе эти книги впоследствии были дополнены и переизданы в Петербурге в 1812 г. в 2-х частях под заглавием «Путешествие Шелихова с 1783 по 1790 г. из Охотска по Восточному океану к американским берегам и возвращение его в Россию. См. также соч. 1) С. Б. Окунь, «Российско-американская компания», под ред. и с предисл. академика Б. Д. Грекова, ГИЗ, М.-Л., 1939, 2) «Сборник материалов», под ред. доктора историч. наук А. И. Андреева: «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII — XIX веках»; Всесоюзное географическое общество, Изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1944, стр. 38 — 117; 3) С. Марков, «Юконский ворон», изд. Главсевморпути, М.-Л., 1946, стр. 223 — 237; 4) «Русские открытия в Тихом океане в XVIII в.» (обзор источников и литературы. География, под ред. и со вступительной статьей А. И. Андреева, ОГИЗ, 1948; 5) Арк. Адамов, «Правда о русских открытиях в Америке»; ст. в журн. «Вокруг света», 1951, № 1-й, стр. 47 — 55; 6) А. Адамов, «Первые русские исследователи Аляски», Учпедгиз, М., 1950; 7) Н. Н. Зубов, «Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов», Географгиз, М., 1954, стр. 131 — 134.

Шмидт Отто Юльевич (1891 — 1956 гг.), выдающийся советский ученый и путешественник, академик. В 1928 г. участник памирской экспедиции. В следующем (1929) году начальник экспедиции на Земле Франца-Иосифа. В 1930 г. возглавил экспедицию, отправленную на ледоколе «Седов» на Земле Франца-Иосифа и к Северной Земле. В 1932 году на ледоколе «Сибиряков» Шмидт совершил путешествие по Северному морскому пути в Берингово море. В 1933 г. он возглавлял знаменитую экспедицию на пароходе «Челюскин». О. Ю. Шмидт является творцом новой теории образования солнечной системы и Галактики. «Теория О. Ю. Шмидта, хотя еще и не разработанная им до конца..., говорит проф. Б. А. Воронцов-Вельяминов, чрезвычайно подкупает не только своей правдоподобностью, но и, я бы сказал, поразительно удачным и точным объяснением целого ряда таких фактов, к которым прежние теории даже и не мечтали подойти. Кроме того, математическая и притом не только качественная, но и количественная разработка теории, изящно выполненная ее автором, делает ее очень убедительной» (проф. Б. А. Воронцов-Вельяминов, «Вселенная», ОГИЗ, М.-Л., 1947, стр. 268. В этом труде теория О. Ю. Шмидта изложена на стр. 268 — 282).

Шокальский Юлий Михайлович (1856 — 1940 гг.), академик, крупнейший русский физико-географ. в широком смысле этого слова, свою научную деятельность начал с 1880 г. в Главном Гидрографическом управлении. Он плодотворно работал в области океанографии, метеорологии, гидрографии, гипсометрии, картографии и географии. С 1924 г. по 1927 г. Ю. М. Шокальский руководил океанографическими работами на Черном море; наблюдения и исследования этого большого водоема дали достаточно яркую и отчетливую картину распределения температур, соленности и обмена газов Черного моря.

Ю. М. Шокальским написано на разных языках более 500 научных работ, из которых отметим следующие: 1) «Океанография» (первое на русском языке теоретическое монографическое исследование мирового океана); 1917 г.; этот труд был премирован Академией наук России в 1919 г. и Академией наук в Париже в 1923 г. Высокую

оценку этого труда Ю. М. Шокальского дал еще в 1917 г. академик Д. Н. Анучин. «Сочинение Шокальского, пишет он, представляет обстоятельное самостоятельное руководство для изучения океанических явлений, — руководство, которое бы сделало честь любой научной литературе, а тем более должно цениться в русской, сравнительно скудной вообще, а в особенности бедной обобщающими трудами» (Д. Н. Анучин, «Ю. М. Шокальский, Океанография, II, 1917...»; библиографическая заметка в журн. «Землеведение», книжка III—IV, М., 1917, стр. 58); 2) выдающимся трудом является также «Исчисление поверхности Азиатской России, площади бассейнов рек и административных подразделений» с картою в масштабе 1:4200000. Эта работа, начатая А. А. Тилло, доведена была до конца Шокальским и опубликована в 1905 г.; предложенный в этой работе научный метод измерения площадей нашел положительную оценку и заграницей; так, например, этот метод использовал известный французский географ Де-Мартонн для определения площади бессточных бассейнов. «Исчисление поверхности Азиатской России»... «также было премировано Российской Академией наук (в 1909 г.) и Академией наук в Париже (в 1911 г.); 3) «Длина рек Азиатской части СССР и способ измерения длины рек по картам» (1930, этот труд также получил премию от Парижской Академии наук в 1934 г.; 4) «Физическая океанография» (1933 г.) — более краткий курс, дающий современный обзор науки о мировом океане. Кроме того, под редакцией Ю. М. Шокальского вышел научный «Большой настольный географический атлас А. Ф. Маркса» (2-ое изд.) и др. Ю. М. Шокальский справедливо утверждал, что для всех специальностей географии необходима карта и что изучение картоведения обязательно для всех географов. «Карта, — говорит Ю. М. Шокальский, — есть главнейшее орудие для географа, при ее помощи он подготовляет свои исследования, на нее же наносит полученные результаты, которые в свою очередь будут ему служить ступенью для дальнейшего движения вперед. Карта есть то удивительное орудие изучения земного шара, которое одно только и сможет дать человеку дар провидения. Только при ее помощи он и может обнимать одним взглядом иначе необозримые протяжения, видеть строение рельефа океанического ложа, расположение пластов, слагающих на глубине земную кору, изучать распределение элементов на различных глубинах в Мировом океане, в высотах, в атмосфере. Положительно не существует в географии такого вопроса, который не нуждался бы в карте как необходимейшем пособии, и потому географу надо владеть картой в безукоризненности».

Следует также отметить, что Шокальским введен в русскую океанографию термин океанский, морской прилив-отлив в соответствии с англйиским — tide, французским — marée, немецким — Gezeiten, итальянским — marea, датско-норвежским — Tidevand, голландским — getijden; эти иностранные термины выражают всю совокупность явлений, как поднятия уровня океанской и морской воды, так и его отступания.

Работы Шокальского богаты самостоятельными, оригинальными мыслями, наблюдениями, сопоставлениями; они многому дают новое освещение.

Советская и мировая наука по достоинству оценила заслуги Ю. М. Шокальского; на обоих полушариях Земли его именем названы острова, проливы, ледники, горные пики и морские течения; так, 1) остров в Карском проливе к с.-в. от острова Вайгача назван в 1901 г. Варнеком островом Шокальского; 2) в 1911 г. известным немецким путешественником и альпинистом Мерцбахером в Центральной Азии в районе Богда-Ола один пик назван именем Шокальского; 3) на том же пике именем Шокальского назван ледник; 4) в западной части Северного острова Новой Земли Г. Седовым назван ледник именем Шокальского; 5) его же именем Вилькицкий назвал в 1915 г. пролив, отделяющий два острова Северной Земли; 6) именем Шокальского на полуострове Канине С. Г. Григорьев назвал одно озеро; 7) в 1916 г. Беляев назвал именем Шокальского ледник, лежащий на северо-западном склоне пика Гармо (на Памире); 8) в 1925 г. именем Шокальского назван остров, лежащий при входе в Обскую губу, в восточной ее части; 9) в 1930 г. Семихатова назвала один ледник на Алтае именем того же ученого; 10) теплое течение Баренцова моря, идущее вокруг Шпицбергена названо именем Шокальского; 11) французский путешественник Шарко назвал в Антарктике именем Шокальского пролив у юго-восточной части Земли Александра I.

Перечень главнейших трудов Ю. М. Шокальского см. в статье Вл. Вл. Богданова, «Юлий Михайлович Шокальский; его жизнь и научная деятельность» в сборн. «Землеведение», Московского общества испытателей природы, отд. геогр., год 1940, М., 1940, стр. 21 — 24; см. также «Известия Академии наук СССР»; серия географическая и геофизическая, М., 1939, стр. 222—223, «Памяти Ю. М. Шокальского»; сборн. ценных статей и материалов, ч. 1-ая, под ред. акад. И. Ю. Крачковского, изд. АН СССР, М.-Л., 1946. Проф. Б. П. Орлов, «Юлий Михайлович Шокальский и его роль в развитии русской и мировой науки», ст. в 104 вып. «Ученых записок МГУ им. М. В. Ломоносова, М., 1946, стр. 24 — 32; Е. В. Андреева, «Ю. М. Шокальский, океанограф, метеоролог, географ...» ГИМИЗ, Л., 1950; «Люди русской науки», т. I; ст. Б. П. Орлова, стр. 614 — 623; А. А. Борзов, «Проф. Ю. М. Шокальский», ст. в журн. «Землеведение», 1936, т. 38, вып. 3, стр. 231 — 246; Ч. В. Гальков, Картографич. деятельность Ю. М. Шокальского, ст. в Трудах Среднеазиатского ун-та; кн. 4, 1953, № 38, стр. 51 — 65.

Щ

Щекатов Афанасий, писатель, переводчик, составитель географического словаря конца XVIII и начала XIX в. Ему принадлежит два оригинальных труда: 1) «Картина России, изображающая историю и географию хронологически, генеалогически и статистически, со включением обозрения по духовной, военной и гражданской ее частям, как в первобытном ее состоянии, так и в царствование государя императора Александра I. Собрано из верных источников» (М., 1807) и 2) «Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясашные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и проч.» (М., 1807 — 1809 гг., 7 частей). Этот словарь составлен Щекатовым совместно с Л. М. Максимовичем и представляет в сущности второе испра-

ленное издание труда последнего: «Новый и полный географический словарь Росссийского государства».

Э

Эдельштейн Яков Самойлович (1869 — 1952 гг.), быв. профессор Ленинградского университета, выдающийся русский геолог, и географ (геоморфолог), родился в сел. Балыклее быв. Харьковской губ. По окончании гимназии с золотой медалью, он поступил в Харьковский университет, где увлекался лекциями профессоров А. Н. Краснова и А. В. Гурова. В 1895 г. Эдельштейн окончил университет. Начиная с 1897 г. он в течение ряда лет исследовал различные районы Дальнего Востока (хребет Сихотэ — Алинь, части Маньчжурии и северного Китая). В 1906 г. Эдельштейн работал в Бухаре, где он обратил внимание на геологические особенности хребта Дарваз; результатом этого изучения явился очень ценный труд — «Верхнепалеозойские слои Дарваза». За это исследование ученый совет Русского географического общества присудил автору медаль им. Н. М. Пржевальского.

В течение тридцати лет своей научной деятельности Я. С. Эдельштейн изучает Минусинский край, Кузнецкий Алатау, Саяны, Западную Сибирь и Забайкалье.

Много поработал он как член Географического общества, а также в деле развития у нас высшего географического образования. Много труда положил Эдельштейн для разработки сравнительно новой отрасли географической науки-геоморфологии. По геоморфологии ему принадлежит очень ценный труд «Основы геоморфологии», выдержавший два издания (последнее 1947 г.).

Более подробные сведения о проф. Я. С. Эдельштейне, его научной и общественной деятельности см. в некрологе Н. Н. Соколова, «Яков Самойлович Эдельштейн, как геоморфолог (1869 — 1952)», помещенном в «Известиях Всесоюзного географического общества», т. 87, вып. 4, июль—август, 1955, стр. 369 — 373; там же краткий список трудов Я. С. Эдельштейна.

Эратосфен — известный астроном, математик и географ древнего мира (276 — 194 гг. до н. э.), состоял директором Александрийской библиотеки в Египте. Ему принадлежит выдающийся для своего времени труд «Географика» («Географумена»), в трех книгах, которым он впервые положил основание научной географии. Первая книга этого сочинения заключает критику источников и физическую географию, вторая книга посвящена математической географии, на основе более или менее точного градусного измерения; третья же — посвящена хорографии, т. е. описанию отдельных стран. Эратосфен учил, что земля шар; он сделал попытку определить величину земли. По мнению Эратосфена, если вычислить разницу высоты солнца в полдень на небе в двух различных городах, находящихся на одной и той же полуденной линии и затем узнать расстояние между этими двумя городами, то можно вычислить и размер земного шара. Эратосфен произвел наблюдения во время летнего солнцестояния в 12 часов дня. «Отвес солнечных часов (гномон) не отбрасывал в это время никакой тени в Сиене, а в Александрии длина тени соответствовала углу в 7°36' между отвесом и солнечным лучом (1/50 всего круга). Ввиду равенства накрест лежащих углов (все солнечные лучи Эратосфен принимал параллельными друг другу) центральный угол между земными радиусами, идущими к Сиене и Александрии, также должен быть равен 7°36'; значит расстояние от Александрии до Сиены, равное 785 км, есть 1/50 окружности экватора; следовательно, окружность экватора равна 39250 км, а диаметр — 12625 км. Здесь ошибка против действительной длины земной оси всего около 75 км (проф. С. Я. Лурье, «Архимед», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1945, стр. 50).

Эратосфен к своему сочинению «Географика» приложил и карты, которые подверг суровой критике величайший астроном древности Гиппарх. Почти все труды Эратосфена погибли; погибла и его «Географика»; сохранились лишь отрывки в извлечениях позднейших авторов; так, сравнительно много цитат из «Географики» Эратосфена приведено у Плиния, Гиппарха и в особенности у Страбона, положившего в основу своей «Географики» труд Эратосфена. На русском языке о «Географики» Эратосфена есть превосходная статья Б. Дитмара, напечатанная в журн. «Землеведение» (т. XXXI, 1929, вып. 4-й, стр. 273 — 296); в этой статье автор собрал отрывки из сочинений Эратосфена и расположил их сообразно содержанию трех книг Эратосфеновской «Географии». Из иностранных трудов отметим сочинение немецкого ученого Бергера «Die geographischen Fragmente des Eratosthenes» (Leipzig, 1880).

О Эратосфене см. «Античная география», книга для чтения; состав. проф. М. С. Боднарский, Географгиз, М., 1953, стр. 84 — 88; Дж. О.Томсон, «История древней географии», М., 1953, стр. 230 — 240 и др.

Ю

Юнкер Вильгельм (он же Василий Васильевич) — (1840 — 1892 гг.), известный путешественник по Африке; родился в Москве; получил медицинское образование в Петербургской медико-хирургической академии; для пополнения знаний отправился заграницу. Молодого врача больше тянуло к путешествиям по неизвестным странам, нежели к своей профессиональной деятельности. В 1873 г. Юнкер сначала путешествовал по Европе, а затем по Исландии. Во время этих странствований у него постепенно созревает мысль предпринять экспедицию в Африку. Средства на путешествие он получил от своей семьи. Прежде, чем отправиться в глубь Африки, Юнкер поселился в Тунисе для изучения арабского языка. Из Туниса он совершил путешествие в Ливийскую пустыню и достиг побережья Красного моря. Юнкер в Ливийской пустыне выделил несколько типов пустынь, а именно — каменистую — с бедной растительностью — «сергер», каменистую — с полным отсутствием растительного покрова — «деффа» и песчаную пустыню — «рамес». Затем, из селения Ладо на Белом Ниле он с караваном отправился на запад в область реки Бахр-эл-Газаль. Это путешествие продолжалось два с половиной года. В 1878 году Юнкер возвратился в Петербург. В 1879 г. он отправился во второе свое путешествие в Центральную Африку. Здесь, в бассейне Бахр-эль-Газаля и Уэлле-Макуа, Юнкер исследовал ряд местностей; он первым прошел и

исследовал водораздел Нила и Конго и нанес на карту очень сложную по строению рельефа часть Центральной Африки[1].

Долгое время об Юнкере не было никаких известий, многие считали его погибшим... Но в 1886 г. он прибыл в Занзибар и возвратился в Европу. — Результаты своих путешествий по Африке Юнкер описал в следующих сочинениях: 1) «Wissenschaftlichen Ergebnisse der Reisen in Central-Africa». Gotha. 1889 — 1890 («Научные результаты путешествия по Центральной Африке») и 2) «Reisen in Afrika» («Путешествие по Африке»), 1889 — 1891.

По отзыву проф. Э. Ю. Петри, «последний труд представляет собою обширное трехтомное сочинение приблизительно в 2000 страниц, украшенных многочисленными рисунками; к тексту приложено множество ценных карт, составлявших предмет особой гордости скромного автора, который в них, по справедливости, видел наглядное отражение того, что он «работал точно»... «В. В. Юнкера следует отнести к тому типу путешественников, которые смотрели на свои путешествия не как на более или менее интересные и занимательные авантюры или туристическое препровождение времени в «экзотических» странах, а как на дело важное и нужное для географической науки. Юнкер относился к своей задаче, как к серьезнейшему и ответственному труду, и в пути, несмотря на болезнь, переутомление, голод и опасности, неуклонно вел свои наблюдения и записи. Благодаря упорному труду, Юнкер достиг выдающихся результатов. Сочинения его не блещут ни показною, ни рассказною стороною, но они представляют собой вполне надежный и точный сборник заметок ученого исследователя» (Э. Ю. Петри, «Путешествия В. В. Юнкера по Африке», 3-ье изд. А. Ф. Девриена, СПБ, стр. XIV — XV).

Сокращенный перевод трудов В. В. Юнкера выпустило в свет Государственное издательство географической литературы под заглавием «Путешествия по Африке» (1877 — 1878 и 1879 — 1886), перевод с немецкого, М. А. Райт-Кангун, под ред., со вступительной статьей и комментариями Б. И. Шаревской, М., 1949 г.

В 1887 г. В. В. Юнкер был избран почетным членом Русского географического общества. В том же году Юнкер выступил с докладом о своем втором путешествии по Африке. Это было 2-ое выступление знаменитого путешественника перед русской географической общественностью (первое состоялось в январе 1879 г.). Оба доклада Юнкера напечатаны в «Известиях Русского географического общества»: — первый в XV томе —, а второй в XXIII томе; эти же доклады были изданы отдельными брошюрами.

О путешествии и деятельности В. В. Юнкера см. И. И. Бабков, «По Африке», изд. Географгиз, М., 1949, стр. 39 — 62; статью Н. А. Гвоздецкого, «Русские исследования Африки», журн. «География в школе», М., 1949, № 5; а также ст. Б. И. Шаревской, «В. В. Юнкер и его исследования центральной Африки», в кн. В. В. Юнкер, «Путешествия по Африке (1877—1878 и 1879—1886 гг.)». Сокращенное издание Географгиза, М., 1949, стр. 3—30, и работу М. П. Забродской, Русские путешественники по Африке, Географгиз, М., 1955, стр. 38 — 54.

[1] П. П. Семенов-Тян-Шанский назвал В. В. Юнкера «корифеем африканских географических исследований».

Якут (Йакут) ал-Хамави ар Руми (т. е. византиец)[1], родился в 1179 г. от родителей не арабов; он был пленен ребенком и куплен в качестве раба багдадским купцом ал-Хамави, который дал Якуту хорошее образование. Когда последний подрос и мог уже работать самостоятельно, Хамави стал поручать ему некоторые свои торговые операции. В 1199 г. Якут получил свободу и стал зарабатывать средства к существованию сначала перепиской книг, а затем их продажей. С 1213 г. он начинает вести свои торговые операции, для чего посещает разные страны. Якут побывал в Иране, Сирии, Египте, Мосуле, Мерве, Хорасане. В течение двух лет (1216 — 1218 гг.), он усиленно работал в местных библиотеках, в которых собрал материалы для своего главного труда «Географический словарь». О книгохранилищах Мерва Якут пишет: «во время моего отъезда (Мерв) имел десять библиотек — вакфов, более богатых отборными сочинениями, чем библиотеки любого другого народа.... Там я собрал почти все материалы для составления этой книги и других моих писаний». Над своим «Географическим словарем» Якут работал 14 лет (1215 — 1229 г.). Этот словарь представляет огромный компилятивный труд, в некотором роде энциклопедию, «без которой, по справедливому замечанию академика И. Ю. Крачковского, в наше время трудно себе представить научную работу не только в области исторической географии, но и в истории соответствующих стран вообще». Во введении к своему «Словарю» Якут касается ряда вопросов из математической, физической и политической географии и дает элементарные географические сведения. «Словарь» заключает описание в алфавитном порядке, стран, народов, городов, деревень, гор, рек и т. д., как мусульманских, так и немусульманских стран. При описании городов Якут приводит более или менее точные координаты их положения, дает их топографию и пр.

Карра-де-Во, «Арабские географы», изд. АН СССР, 1941; акад. И. Ю. Крачковский, «Арабские географы и путешественники», ст. в «Известиях Госуд. географич. общества», т. 69, вып. 5, 1937, стр. 738 — 765; Jacut's Geographisches Wörterbouch hrsg. von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1869.

ЛИТЕРАТУРА

Кроме трудов, книг, монографий, статей и т. д. указанных в тексте нашего труда, использована еще и следующая литература:

«Античная география», книга для чтения, составитель М. С. Боднарский, Географгиз, М., 1953.

Барков А. С., «Словарь-справочник по физической географии», Учпедгиз, М.-Л., 1940, 2-ое изд., 1948, есть третье изд., переработанное и дополненное, Учпедгиз, 1955.

Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), изд. 1-ое и 2-ое.

Брут А., «Землеописание известного древним Света из разных источников», В двух частях с атласом из 23 карт и объяснительными таблицами, 2-ое исправл. изд., СПБ, 1837, ч. 1, VI+256, ч. II, 347, стр. Атлас древнего Света, СПБ, 1831.

[1] Он же Якут ибн-Абдаллах (1179 — 1229), БСЭ, т. 49, стр. 536 — Ред.

Визе В. Ю., «История исследования Советской Арктики», 2-ое дополн. изд.; Севкрайгиз, Архангельск, 1934.
Гассерт К., «Исследование полярных стран. История путешествий к северному и южному полюсам с древнейших времен до настоящего времени», перев. с нем. под ред. и с дополн. проф. Г. И. Танфильева, изд. «Mathesis», Одесса, 1912.
Гехтман Г. Н., «Очерки по истории великих путешествий и великих географических открытий» (на груз. яз.). Тб., 1940.
Григорьев С. Г., «Вокруг южного полюса». Изд. 3-ье. Переработанное и дополненное В. Я. Якубовичем. С примеч. проф. Ю. М. Шокальского. Учпедгиз, М., 1937.
Гюнтер З., «История географических открытий и успехи научного землеведения в девятнадцатом веке», перев. Л. Д. Синицкого, под. ред. проф. Д. Н. Анучина, М. ,1902, (прилож. к журн. «Землеведение», 1902, кн. IV, 1903, кн. I и II — III, и отдельно).
Лактионов А. Ф., «Северный полюс; очерк истории путешествий к центру Арктики».изд. Главсевморпути. М.-Л., 1949.
Линшиц С. Ю., «Русские ботаники» (биографо-библиографический словарь), тт. I—IV, ответ. редакт. В. Н. Сукачев, изд. МОИП.
Малая Советская Энциклопедия (МСЭ), 2-ое изд.
Мурзаев Э. М., «Географические исследования Монгольской Народной Республики», изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1948 (обширная библиография).
«Очерки по истории Академии Наук», Геолого-географич. науки; под ред. В. А. Обручева, изд. АН СССР, М.-Л., 1945.
Салищев К. А., «Основы картоведения. Историч. часть», М., 1934.
Томсон Дж. О., «История древней географии», перев. с англ. Н. И. Скаткина, под. ред. А. Б. Дитмара и Д. Г. Редера, И. Л., М., 1953.
Щукина Н. М., «Как создавалась карта Центральной Азии», Географгиз., М., 1955.
Энциклопедический словарь — Граната.
Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона, изд. 1-ое и 2-ое.
Видатні Вітчизняні географи, мандрівники та мореплавці, за редакцією канд. географічних наук О. Т. Діброви., в. I, 1951, в. II, 1953, в. III, 1954.
Forbiger, «Handbuch der alten Geographie», в.в. I-II-III, Leipzig, 1842—1848. Есть 2-ое издание.

Peschel O. «Geschichte der Geographie bis auf A. v. Humboldt und K. Ritter», 1878.
Ruge Sophus, d-r. «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen», Berlin, 1881, S.S. 3—535.
Vivien de St. Martin, «Histoire de Geographie et des découvertes géographiques depuis les temps les plus réculés jusqua nos jours», P. 1873.
Louigi Hugues, «Cronologie delle scoperte e delle esplorazioni geografiche dall' anno 1492 a tutto il secolo XIX», Milano, 1903.

Г. Н. ГЕХТМАН

Словарь «Выдающиеся географы и путешественники» является результатом многолетней работы проф. Г. Н. Гехтмана (ныне покойного) и первым опытом в такой форме сравнительно полно ознакомить читателей с главными моментами жизни и деятельности многих отважных, выдающихся путешественников и ученых, внесших свой вклад в развитие географических наук.

Вместе с тем следует отметить, что в «Словаре» не получило отражение многогранная деятельность самого автора, что и понятно; т. к. автор считал неудобным писать о себе. Учитывая исключительные заслуги Г. Н. Гехтмана в научном и учебно-воспитательном деле, редакция считает своим долгом сообщить главные моменты из его содержательной биографии.

Г. Н. Гехтман родился 2 сентября 1870 г. в г. Кутаиси. Его мать Манана была дочерью поэтессы Барбале Джорджадзе. Первоначальное образование он получил в Баку, а после поступает в I Тифлисскую (ныне Тбилисскую) классическую гимназию, которую окончил в 1890 г., и для получения высшего образования сначала едет в Петербург, а после переезжает в Харьков и поступает на историко-филологический факультет Харьковского университета.

В этот период в Харькове существовало землячество грузинских студентов, председателем которого в продолжение двух лет состоял Г. Н. Гехтман.

В задачу землячества входило ознакомление грузин-студентов, обучающихся в высших учебных заведениях г. Харькова с историей, географией, искусством и литературой Грузии.

Для слушателей землячества Г. Н. читал лекции по истории Грузии и после окончания университета преподнес в дар землячеству свою собственную библиотеку.

В 1895 г. Г. Н. окончив университет с дипломом первой степени, за что был удостоен серебряной медали, возвращается в Грузию и начинает педагогическую деятельность в мужских и женских средних школах, где преподавал литературу, историю и географию, одновременно ведя научную и активную общественную работу в Тбилисском обществе преподавательниц, где провел полный курс лекций по истории философии.

С 1902 г. до 1910 г. Г. Н. без всякого вознаграждения принимал активное участие в работе Общества внешкольного просвещения, а также читал лекции по экономической истории Зап. Европы. За активную деятельность Г. Н. был избран почетным членом Общества.

Вместе с тем Г. Н. был одним из основателей детского журнала

«Накадули». Большую работу Г. Н. проводил в бытность заведующим педагогическим музеем Кавказского округа.

В 1903 г. Г. Н. принимает участие в деле организации Союза кавказских учителей и был избран председателем Тбилисского отделения этого Союза. Следует отметить, что деятельность Союза имела революционный характер, в связи с чем в 1905 г. была организована всеобщая забастовка работников школ.

В 1906 г. преподавателями и учащимися Тбилисского I Коммерческого училища Г. Н. Гехтман был избран директором училища, кем он состоял до 1918 г. Необходимо отметить, что избрание преподавателями и учащимися директора школы в ту пору являлось исключительным событием, что естественно вызвало большое недовольствие в правящих кругах, т. к. этот факт рассматривался как явление политическое, несовместимое с царским режимом. Именно это обстоятельство побудило ревностного поборника самодержавия — депутата Государственной думы Пуришкевича выступить с протестом и категорическим требованием не утверждать бюджет указанного коммерческого училища.

В этом же году Г. Н. принял активное участие в организации Высших женских курсов, где до 1918 г. состоял приват-доцентом на историко-филологическом факультете.

В 1918 г. Г. Н. принимает участие в организации экономического факультета Тбилисского политехнического института и был приглашен на должность приват-доцента и читал лекции по экономической истории Европы и экономической географии.

В 1921 г. Г. Н. был приглашен в Тбилисский государственный университет для чтения лекций по экономике сельского хозяйства. В 1922 г. он на социально-экономическом факультете университета успешно сдал докторантский экзамен по политической экономии и хозяйственной географии, на основании чего Совет присвоил звание доцента кафедры по экономической географии. В том же году он был утвержден в ученом звании профессора экономического факультета.

С 1925 г. до 1930 г. Г. Н. параллельно читал лекции по мировой экономической географии на строительном факультете Института железнодорожного транспорта.

В 1923 г. в Тбилисском государственном университете была организована кафедра экономической географии, заведующим которой был назначен Г. Н. и до конца своей жизни (до 1956 г.) руководил этой кафедрой. По его же инициативе был оборудован кабинет экономической географии.

На протяжении ряда лет Г. Н. по совместительству состоял лектором по экономической географии в Закавказском коммунистическом университете и в партийной школе при ЦК КП Грузии.

Одновременно с педагогической деятельностью Г. Н. осуществлял плодотворную научно-исследовательскую работу. С этой целью он организовывает ряд путешествий и экспедиций в различные районы Закавказья, усердно собирая материалы и изучая природу и хозяйство.

Глубокое изучение природы и хозяйства республик Закавказья дало возможность ему читать самостоятельный курс по экономической географии и одновременно составить учебник по этой дисциплине.

Перу проф. Г. Н. Гехтмана принадлежит первый труд на грузинском языке по «Мировой экономической географии», который был опубликован в 1925 г.; «Экономическая география Грузинской ССР»; «Экономическая география Грузии, Азербайджана и Армении» на русском и грузинском языках»; «Выдающиеся географы и путешественники»; «Состав и задачи географической науки», а также много журнальных и газетных статей. Вот далеко не полный перечень трудов Г. Н. Гехтмана.

Особенно следует отметить интересную работу Г. Н. Гехтмана — «Очерки по истории географии» (изд. Тбилисского гос. университета, Тб., 1955, на груз. яз.) — удостоенную первой премии Ученого Совета Тбилисского гос. университета.

В научно-педагогической деятельности Г. Н. Гехтмана особого внимания заслуживает подготовка кадров. Забота о кадрах всегда находилась в центре его внимания, и считал своим почетным делом. Под его руководством были подготовлены много специалистов и научных работников для народного хозяйства не только Грузии, но и для братских союзных республик. Г. Н. состоял оппонентом 18 докторских и 25 кандидатских диссертаций.

Г. Н. Гехтман систематически оказывал содействие в повышении квалификации учителей-географов начальных и средних школ путем чтений лекций, докладов и консультаций.

Продолжительное время Г. Н. заведывал экономико-географическим отделом Института географии им. Вахушти АН Грузинской ССР и состоял старшим научным сотрудником научно-исследовательского пед-института.

Г. Н. был известным библиографом, знатоком научной литературы не только по своей специальности и смежными с ней дисциплинами, но также по истории, философии, лингвистике и др. Им очень много сделано по созданию Тбилисской академической библиотеки и Тбилисской публичной библиотеки им. К. Маркса, директором которой он состоял с 1921 г. до 1930 г.

Весьма примечателен тот факт, что Г. Н. из своей собственной библиотеки передал в фонд указанных библиотек значительное количество книг — редких изданий.

Огромны заслуги Г. Н. по линии Географического общества Грузинской ССР. Он был одним из основателей этого общества и с 1924 г. принимает активное участие в деятельности общества и долгое время состоял заместителем председателя и руководил созданием библиотеки, рецензентом и редактором трудов общества.

Огромные заслуги Г. Н. в научно-педагогической и общественной жизни были высоко оценены только при Советской власти.

В 1940 г. за долголетнюю и плодотворную работу на научно-педагогическом поприще Ученый Совет Тбилисского государственного университета единогласно присвоил Г. Н. Гехтману ученую степень доктора географических наук, а в 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета Грузинской ССР было присвоено ему звание заслуженного деятеля науки. В 1953 г. был награжден орденом Ленина.

В 1956 г. Тбилисский государственный университет и Географическое общество Грузинской ССР торжественно отметили юбилей Г. Н. в связи с 85-летием со дня рождения и 60-летием научно-педагогической и общественной деятельности и был награжден знаком «Отличника народного образования».

Личность широкой научной эрудиции и колоссальной энергии Г. Н. отличался исключительной организованностью и был требователен как к себе, так равно и к окружающим.

Особо следует отметить характерную черту Г. Н. — любовь к народу, которая являлась движущей силой на протяжении всей его сознательной жизни.

Его жизнь и деятельность является примером того, как должна наука служить народу.

Как гражданин и патриот, ученый широкого диапазона, учитель и наставник, всегда добродушный и отзывчивый Г. Н. снискал исключительную любовь и уважение.

Г. И. Зардалишвили

УКАЗАТЕЛЬ

А

Авадишвили, Г. И. 9
Ал-Балхия 9
Ал-Бируни 10
Ал-Мас'уди 12
Ал-Мукаддаси 13
Ал-Якуби, Ахмед 13
Альбов, Н. М. 14
Америго Веспуччи 15
Амундсен Руаль 15
Анаксимандр 17
Анания Ширакский 17
Андрэ Саломон 18
Анучин, Д. Н. 19
Аристарх Самосский 20
Аристотель 21
Арсеньев (Уссурийский), В. К 22
Арсеньев, К. И 23
Атласов (Отласов), В. В. 26

Б

Бакиханов, А. 27
Бальбоа В. Н. 28
Баранский, Н. Н. 28
Баренц, В. 30
Барроу, Дж. 30
Барт, Г. 30
Баффин, У. 30
Бекетов, А. Н. 31
Беккер (Бейкер), С. У. 32
Беллинсгаузен, Ф. Ф 32
Берг, Л. С. 34
Беринг, В. 41
Бернье, Ф. 42
Бжикян, М. 43
Боднарский, М. С. 43
Бонплан, Э. 44
Борзов, А. А. 45
Борхгревинк, К. 47
Брикнер, Э. 47
Броунов, П. И. 48
Брюн, Р. 49
Бэр, К. М. 51

В

Вагнер Г. 53
Ваксель. С. 53
Валиханов, М. Х. 54
Ванкувер, Дж. 55
Варениус, Б. 55
Вардан Восточанин 55
Васко да Гама 56
Вахушти Багратиони 57
Вегенер, А. 62
Венюков, М. И. 64
Вивьен де С. Мартен, Л. 65
Видаль де ла Блаш, П. 65
Визе, В. Ю. 66
Вилькицкий, А. И. 67
Вилькицкий, Б. А. 67
Витвер, И. А. 68
Воейков, А. И. 70.
Врангель, Ф. П. 75

Г

Габашвили, Т. 76.
Гаджи-Зейнал-Абдин-Ширвани 76
Галилей, Галилео 77
Гвиччардини, Людовико 77
Гедеванишвили, Иона 78
Гедин, Свен, Андерс 79
Гейки, А. 80
Геродот 81
Геттнер, А. 82
Гмелин, И. Г. 85
Гиппарх 84
Гмелин, С. Г. 85
Головнин, В. М. 86
Григорьев, А. А. 87
Громбчевский, Б. Л. 96
Грумм-Гржимайло, Г. Е. 97
Гудзон, Г. 98.
Гумбольдт, А. 99
Гюльденштедт, И. А. 103

Д

Дарвин, Ч. Р. 95
Данибегашвили, Р. 104
Дарвин, Дж. Г. 105

Дэвис, У. М. 106
Дэвис, Дж. 106
Дежнев, С. И. 109
Ден, В. Э. 111
Деши, М. 111
Джавахишвили, А. Н. 111
Дикеарх 113
Добрынин, Б. Ф. 113
Докучаев, В. В. 114
Дригальский, Э. 118
Дюмон-Дюрвиль, Ж. С. С. 118

Е

Елисеев, А. В. 119
Ефремов, Ф. С. 120

З

Загоскин, Л. А. 121
Зейдлиц Н. К. 122
Зуев, В. Ф. 122
Зупан, А. 123
Зюсс, Э. 124

И.

Ибн-Баттута 126
Ибн-Фадлан, А. 127
Ибн-Хаукаль 127
Ион-Хордадбех 128
Идриси (Эдриси) 128
Инчичян, Л. Г. 128
Ионин, А. С. 129

К

Кабот, Дж. 129
Кабот, С. 129
Кабрал (Кабрера), П. А. 130
Кавришвили, В. И. 130
Кант, И. 131
Карелин, Г. С. 132
Кемурджян, Е. Ч. 133
Кеплер, И. 133
Кецховели, Н. Н. 133
Кирилов, И. К. 135
Кирхгоф, А. 137
Клавихо, Р. Г. 138
Клювер, Ф. 139
Книпович, Н. М. 139
Ковалевский, Е. П. 141
Козлов, П. К. 142
Колумб, Хр. 145
Комаров, В. Л. 147
Конти-ди, Н. 149
Коперник, Н. 150
Коржинский, С. И. 151
Кортес, Ф. 152
Коцебу, О. Е. 153
Краснов, А. Н. 154
Крачковский, И. Ю. 156
Крашенинников, С. П. 157
Крево, Ю. 159
Кропоткин, П. А. 160
Кротов, П. И. 164
Крубер А. А. 164
Крузенштерн, И. Ф. 164
Крюммель, О. 166
Кук, Дж. 166
Кук, Ф. 168

Л

Лангсдорф, Г. И. 168
Лаперуз, Ж. Ф. 169
Лаппаран, А. 170
Лаптев Д. Я. 170
Лаптев, Х. П. 171
Ласиниус (Лассениус), П 171
Лейгардт, Л. 172
Ленц, Э. Х. 173
Леонардо да-Винчи 173
Лепехин, И. И. 177
Ливингстон, Д. 179
Литке, Ф. П. 180
Ломоносов, М. В. 181
Ляйстер, А. Ф. 186

М

Магеллан, Ф. 187
Макаров, С. О. 187
Мак-Клур, Р. Дж. 189
Малыгин, С. Г. 189
Маркхам, К. 190
Мартони,Э. 190
Мекки Ахмед-Оглы. 190
Мензбир, М. А. 191
Меркатор (Гергард Кремер), 191
Мерцбахер, Г. 192
Мечников, Л. И. 193
Миддендорф, А. Ф. 194
Миклухо-Маклай, Н. Н. 195
Мушкетов, И. В. 197

Н

Нансен, Ф. 199
Невельской, Г. И. 200
Никитин, Афанасий 202
Николадзе, Г. Н. 204
Норденшельд, Н. Э. 206
Носир Хисроу (Хисрав) 206

О

Обручев, В. А. 208
Обручев, С. В. 210
Овцын, Д. Л. 211
Озерецковский, Н. Я. 212
Орбелиани, Сулхан Саба 212

П

Паллас, П. С. 214
Папанин, И. Д. 216
Пассарге, З. 217
Пауличке, Ф. 217
Пахтусов, П. К. 218
Певцов, М. В. 219
Пенк, А. 220
Петри, Э. Ю. 221
Пешель, О. 222
Пири, Р. Э. 223
Писарро (Пизаро), Ф. 224
Пифей (Массалиот) 224
Плано Карпини 225
Плиний Старший 226
Поло, Марко 227
Полунин Ф. А. 230
Потанин, Г. Н. 230
Пржевальский, Н. М. 233
Прончищев В. 242
Птолемей, Клавдий 243

Р

Радде, Г. И. 245
Ратцель, Ф. 246
Реклю, Ж. Э. 248
Риттер, К. 250
Рихтгофен, Ф. 251
Роборовский, В. И. 253
Росс, Дж. К. 253
Росс, Джон 254
Рибрукиис (Рубрук), В. 254
Русанов, В. А. 255
Рычков, П. И. 257

С

Санников, Я. 258
Сапожников, В. В. 258
Северцов, Н. А. 259
Седов, Г. Я. 260
Семенов-Тян-Шанский, П. П. 261
Семенов-Тян-Шанский, В. П. 267
Скотт, Р. Ф. 268
Стеллер, Г. В. 268
Стенли, Г. М. 270
Страбон 271
Сулейман 272

Т

Танфильев, Г. И. 272
Тасман, А. Я. 276
Татищев, В. Н. 276
Теймураз Георгиевич (Багратиони) 280
Тилло, А. А. 280
Тосканелли, П. 281
Турнефор-де, 281

У

Уоллес, А. Р. 283

Ф

Федченко, А. П. 283
Фогель, Э. 284
Форель, Ф. А. 284
Франклин, Дж. 284
Фрешфильд, Д. В. 285

Х

Ханыков, Н. В. 285
Хэклуйт, Р. 286

Ч

Челюскин, С. И. 287
Чириков, А. И. 288
Чихачев, П. А. 289

Ш

Шарден, Ж. 290
Шелехов, Г. И. 291
Шмидт, О. Ю. 293
Шокальский, Ю. М. 293

Щ

Щекатов, А. 295

Э

Эратосфен, 296
Эдельштейн, Я. С. 296

Ю

Юнкер, В. В. 297

Я

Якут (Пакут) 299

Напечатано по постановлению
Ред.-Изд. Совета АН Грузинской ССР

Редактор издательства Н. В. Кондратенко
Техредактор Н. А. Джапаридзе
Корректор Р. М. Пареспшвили
Художник Г. А. Надирадзе

Сдано в произв. 15.10.1960. Подписано к печати 3.5.1962.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Формат набора 7×12. Бумажн. л. 9,6.
Печатных л. 26,3. Автор. л. 26,67. Уч. издат. л. 26,95.
Заказ. № 1504. УЭ 02874. Тираж 2000.
Цена 2 руб. 23 коп.

Типография Изд-ва АН Грузинской ССР
Тбилиси, ул. Г. Табидзе, № 3/5.

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
19	6 св.	см. назв. труд.	„Северный полюс—очерк истории путешествий к центру Арктики“
22	25 св.	Алиния	Алиния
30	6 сн. 27 св.	назв. соч.	Дж. Бейкер „История географических открытий и исследований“, перев. с англ. под ред. И. П. Магидовича, изд. ИЛ, М., 1950.
32	19 сн.	см. тамже-назв. соч.	См. также Дж. Бейкер, „История геогр. открытий и исслед.“ перев. с англ. под ред. И. П. Магидовича, изд. ИЛ, М., 1950.
49	19 св.	А. Х. Хриган, назв. соч.	А. Х. Хриган, „Очерки развития метеорологии“, ГИМИЗ, Л., 1948.
55 57	24 св. 7 сн.	назв. соч.	Дж. Бейкер, „История геогр. открытий и иссл.“, перев. с англ. под ред. И. П. Магидовича, изд. ИЛ, М., 1950.
57	8 сн.	назв. соч.	И. П. Магидович, „Очерки по истории геогр. открытий“, т. I, Учпедгиз, М., 1948.
84	11 сн.	назв. труд	Дж. О. Томсон, „История древней географии“, Инлитиздат, М., 1953.
90	21 сн.	неправленность	направленность
96	5 сн.	назв. выше труд	А. Г. Исаченко, „Основные вопросы физической географии“, изд. Лен. гос. ун-та, Л., 1953.
102	2 сн.	назв. соч.	Н. К. Лебедев, „Завоевание земли“, т. II.
105	15 св.	назв. выше труд	Г. Н. Гехтман, „Очерки по истории географии“ (на груз. яз.), Тб., 1955
117	1 св.	иногда	никогда
119	12 сн.	Апенинский	Апеннинский
128	8 сн.	солидарностью	солидностью
162	23 св.	удается	удастся
169	1 сн.	Воникоро	Ваникоро
178	28 св.	Лепехины	Лепехиным
183	29 св.	Росии	России
208	1 сн.	Тамарканда	Самарканда
248	8 сн.	не может	де может
262	9 св.	Бомское	Боамское
265	15 св.	социалистического	социологичесаго
265	28 св.	Общая физическая география	Над первым столбцом

Г. Н. Гехтман